

Studia Rossica Gedanensia

5

Redakcja / Редакция / Edited by
Katarzyna Wojan, Zbigniew Kaźmierczyk, Olga Makarowska,
Żanna Sładkiewicz, Karolina Wielądek

REDAKTOR NACZELNY / ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / EDITOR-IN-CHIEF

Prof. nadzw., dr hab. Katarzyna Wojan (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

**ZASTĘPCY REDAKTORA NACZELNEGO / ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА /
DEPUTY EDITORS**

Prof. nadzw., dr hab. Zbigniew Kaźmierczyk (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

Prof. nadzw., dr hab. Żanna Śladkiewicz (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY / РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Dr Ewa Konefał (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – sekretarz / секретарь / secretary

mgr Karolina Wielądek (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – sekretarz / секретарь / secretary

Dr Jolanta Miturska-Bojanowska (Szczecin, Polska / Щецин, Польша / Szczecin, Poland) – redaktor merytoryczny / литературный редактор / substantive editor

Dr Siarhei Padsasunny (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland) – redaktor merytoryczny / литературный редактор / substantive editor

Dr Wanda Stec – (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor merytoryczny / литературный редактор / substantive editor

Dr Aneta Lica (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland – redaktor językowy, język polski / языковой редактор, польский язык / language editor, Polish)

Dr Tatiana Kopac (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / языковой редактор, русский язык / language editor, Russian

Dr Olga Makarowska (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / языковой редактор, русский язык / language editor, Russian

Mgr Marta Noińska (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland) – asystent redaktora, redaktor językowy, język angielski / языковой редактор, английский язык / editorial assistant, language editor, English

Dr Radosław Kaleta (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland) – redaktor współpracujący / сотрудничающий редактор / cooperating editor

Bogna Wojan (Politechnika Gdańskim, Polska / Гданьский политехнический университет, Польша / Gdańsk University of Technology, Poland) – redaktor techniczny / технический редактор / technical editor

Fotografie pochodzą ze zbiorów prywatnych Magdaleny Dąbrowskiej, Joanny Mampe, Żanny Śladkiewicz, Katarzyny Wojan / Фотографии из частных собраний Магдалены Домбровской, Иоанны Мампе, Жанны Сладкевич, Катажины Воян / The pictures come from the private collections of Magdalena Dąbrowska, Joanna Mampe, Żanna Śladkiewicz, Katarzyna Wojan

**PROJEKT GRAFICZNY OKŁADKI / ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ / COVER DESIGN
Ekaterina Kaleta**

Na okładce: fragment obrazu *Widzenie chłopca Bartłomieja* Michała W. Nesterowa (1889–1890), płótno, olej, 160 x 211 cm, Państwowa Galeria Tretiakowska (Moskwa) / На обложке: фрагмент картины *Видение отроку Барфоломею* Михаила В. Нестерова (1889–1890), холст, масло, 160 x 211 см, Государственная Третьяковская галерея (Москва) / On the cover: a detail of the painting *The Vision to the Youth Bartholomew* by Mikhail V. Nesterov (1889–1890), oil on canvas 160 x 211 cm, State Tretyakov Gallery (Moscow)

SKŁAD I ŁAMANIE / НАБОР И ВЕРСТКА / COMPUTER-AIDED COMPOSITION

Dorota Biniakiewicz

Skład w systemie / Набор текста в программе Индизайн / Typesetting in the system: InDesign

© Copyright by the Authors and Editorial Board

Printed in Poland

ISSN 2392-3644 (online)

ISSN 2449-6715 (print)

Publikacja finansowana ze środków na utrzymanie potencjału badawczego Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego / Публикация финансируется из средств на поддержание исследовательского потенциала Филологического факультета Гданьского университета / This journal is sponsored by the Faculty of Languages, University of Gdańsk

ADRES REDAKCJI / АДРЕС РЕДАКЦИИ / EDITORIAL BOARD OFFICE

Redakcja *Studia Rossica Gedanensis*

Wydział Filologiczny / Faculty of Languages

Uniwersytet Gdańsk / University of Gdańsk

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 31 65

e-mail: finkw@univ.gda.pl; filzs@ug.edu.pl

WYDAWCA / ИЗДАТЕЛЬ / PUBLISHER

Uniwersytet Gdańsk / University of Gdańsk

Wydział Filologiczny / Faculty of Languages

ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 30 01

DRUK I OPRAWA / ПЕЧАТЬ И ПЕРЕПЛЕТ / PRINTING AND BINDING

Zakład Poligrafii / Printing Plant

Uniwersytet Gdańsk / University of Gdańsk

ul. Armii Krajowej 119/121, PL 81-824 Sopot, Poland

Tel. / Phone +48 58 523 14 49, +48 58 523 13 50

Fax: +48 58 551 05 32

Interdyscyplinarne czasopismo naukowe gdańskich rusycistów. Podejmuje zagadnienia związane z językiem, literaturą, kulturą i historią Rosji, a także komparatystyką. Ukazuje się raz w roku w wersji elektronicznej i drukowanej. Wersją referencyjną jest wersja elektroniczna. Do druku przyjmowane są teksty w języku polskim, rosyjskim i angielskim. Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania tekstu. Wszystkie prace nadesłane do redakcji są poddawane anonimowej procedurze recenzyjnej. Prace należy przesyłać zgodnie z *Wytycznymi dla autorów* umieszczonymi na stronie internetowej naszego rocznika.

Междисциплинарный научный журнал гданьских русистов. Поднимает вопросы, связанные с языком, литературой, культурой и историей России, а также компаративистикой. Выходит один раз в год в электронной и печатной версии. Базовой является электронная версия. К печати принимаются тексты на польском, русском и английском языках. Редакция оставляет за собой право редактировать тексты. Все работы, полученные редакцией, подвергаются анонимному рецензированию. Работы должны быть представлены в соответствии с *Правилами для авторов*, размещенными на сайте нашего ежегодника.

An interdisciplinary periodical published by scholars in Russian studies in Gdańsk. Devoted to issues connected with Russian language, literature, culture and history, as well as with comparative studies. Published once a year. *Studia Rossica Gedanensis* is published in print and online. The online version is the primary one. Articles in Polish, Russian and English are accepted. The Editorial Board reserves the right to have the texts edited. Each paper submitted to the Editorial Board is subject to an anonymous review

process. Papers are to be submitted in accordance with the *Guidelines for Authors* listed on the periodical's website.

STRONA INTERNETOWA / ДОМАШНЯЯ СТРАНИЦА / HOMEPAGE
<http://czasopisma.bg.ug.edu.pl/index.php/SRG>

PISMO REFEROWANE I INDEKSOWANE W BAZACH / ИНДЕКСИРОВАНИЕ
И РЕФЕРИРОВАНИЕ ИЗДАНИЯ В БАЗАХ ДАННЫХ / ABSTRACTED AND INDEXED
BY THE INTERNATIONAL DATABASES

ARIANTA (Naukowe i Branżowe Polskie Czasopisma Elektroniczne)

BazHum (Baza Bibliograficzna Czasopism Humanistycznych i Społecznych)

CEJSH (The Central European Journal of Social Sciences and Humanities)

Expertus (Bibliografia Publikacji Pracowników, Doktorantów i Studentów UG)

PBN (Polska Bibliografia Naukowa / Polish Scholarly Bibliography)

POL-Index (Polska Baza Cytowań)

CEON Biblioteka Nauki (Centrum Otwartej Nauki, Interdyscyplinarne Centrum Modelowania Matematycznego i Komputerowego, Uniwersytet Warszawski)

eLIBRARY.RU (Научная электронная библиотека)

Google Scholar; Infona (Portal Komunikacji Naukowej)

OCLC WorldCat

ROAD (Directory of Open Access Scholarly Resources)

SCIARY: Worldwide Scientific and Educational Library: Scientific Journals of Republic of Poland

UNIWERSYTET GDAŃSKI • WYDZIAŁ FILOLOGICZNY

ГДАНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ • ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

UNIVERSITY OF GDAŃSK • FACULTY OF LANGUAGES

Studia Rossica Gedanensia

ROCZNIK / ЕЖЕГОДНИК / ANNUAL

5

Redakcja / Редакция / Edited by

Katarzyna Wojan, Zbigniew Kaźmierczyk, Olga Makarowska,
Żanna Słatkiewicz, Karolina Wielądek

RADA NAUKOWA / НАУЧНЫЙ СОВЕТ / ADVISORY EDITORIAL BOARD

- Prof. dr hab. Franciszek Apanowicz** (prof. em., Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)
- Prof. dr hab. Valentina N. Avramova / проф. д.ф.н. Валентина Н. Аврамова** (Uniwersytet Konstantyna Presławskiego w Szumen, Bułgaria; Prezydium MAPRYAL / Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, Болгария; Президиум МАПРЯЛ / University of Shumen Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria, Presidium of MAPRYAL)
- Prof. dr hab., dr h.c. UMK Andrzej Bogusławski** (prof. em., Uniwersytet Warszawski; Akademia Umiejętności, Polska / Варшавский университет; Польская академия знаний, Польша/ University of Warsaw, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland)
- Prof. dr hab. Nadezhda S. Bratchikova / проф. д.ф.н. Надежда С. Братчикова** (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M.W. Łomonosowa, Rosja / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия / Lomonosov Moscow State University, Russia)
- Prof. dr hab. Volodymyr V. Dubichynsky / проф. д.ф.н. Владимир В. Дубичинский** (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)
- Prof. dr hab. Ivan A. Esaulov / проф. д.ф.н. Иван А. Есаулов** (Instytut Literacki im A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Литературный институт им. А.М. Горького, Россия / Maxim Gorky Literature Institute in Moscow, Russia)
- Dr hab. Marcelina Grabska / проф. д.ф.н. Марцина Грабска** (prof. em., Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)
- Prof. dr hab. Tatyana M. Grigoryeva / проф. д.ф.н. Татьяна М. Григорьева** (Sybirski Uniwersytet Federalny w Krasnojarsku, Rosja / Сибирский федеральный университет, Россия / Siberian Federal University in Krasnoyarsk, Russia)
- Prof. dr hab. Jerzy Kaliszan** (Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша / Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)
- Dr Ihar L. Kapylau / к.ф.н. Игорь Л. Копылов** (Instytut Językoznawstwa, Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / Институт языкоznания, Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь / Institute of Linguistics, National Academy of Sciences of Belarus in Minsk, Belarus)
- Prof. nadzw., dr hab. Hubert Łaszkiewicz** (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska / Католический университет Люблина им. Иоанна Павла II, Польша / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland)
- Prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz** (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)
- Prof. dr hab. Valentina A. Maslova / проф. д.ф.н. Валентина А. Маслова** (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Россия / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus)
- Prof. nadzw., dr hab. Elżbieta Mikiciuk** (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)
- Prof. dr hab. Valery M. Mokienko / проф. д.ф.н. Валерий М. Мокиенко** (Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Санкт-Петербургский государственный университет, Россия / Saint Petersburg State University, Russia)
- Prof. dr hab. Aleksandr V. Motorin / проф. д.ф.н. Александр В. Моторин** (Państwowy Uniwersytet Nowogrodzki im. Jarosława Mądrego, Rosja / Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)
- Prof. dr hab. Zbigniew Opacki** (Uniwersytet Gdańskim, Polska / Гданьский университет, Польша / University of Gdańsk, Poland)
- Doc. dr Ludmila V. Rychkova / доц. к.ф.н. Людмила В. Рычкова** (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)
- Prof. dr hab. Tatyana E. Shapovalova / проф. д.ф.н. Татьяна Е. Шаповалова** (Państwowy Regionalny Uniwersytet Moskiewski, Rosja / Московский государственный областной университет, Россия / Moscow State Regional University, Russia)

Prof. dr hab. Dorota Urbanek (Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Jan Wawryńczyk (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska / Варшавский университет, Польша / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Georgy V. Vekshin / проф. д.ф.н. Георгий В. Векшин (Moskiewski Państwowy Uniwersytet Wydawniczo-Poligraficzny im. Iwana Fiodorowa, Rosja / Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова, Россия / Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov, Russia)

Prof. dr hab. Bogusław Żyłko (Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi, Polska / Гуманитарно-экономическая академия, Польша / University of Humanities and Economics in Lodz, Poland)

RECENZENCI / РЕЦЕНЗЕНТЫ / REVIEWERS

Doc. dr Elena I. Bilyutenko / доц. к.ф.н. Елена И. Билютенко (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

Dr Rafał Beszterda (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska / Университет Николая Коперника, Польша / Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

Prof. dr Irina A. Bykova / проф. к.ф.н. Ирина А. Быкова (Rosyjski Uniwersytet Przyjaźni Narodów w Moskwie, Rosja / Российский университет дружбы народов, Россия / The Peoples' Friendship University of Russia, RUDN University, Russia)

Dr hab. Halina Chodurska (prof. em., Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie, Polska / Педагогический университет им. Комиссии народного образования в Кракове, Россия / Pedagogical University in Cracow, Poland)

Prof. dr hab. Olga P. Kasymova / проф. д.ф.н. Ольга П. Касымова (Baszkirski Uniwersytet Państwowy w Ufie, Baszkortostan, Rosja / Башкирский государственный университет, Уфа, Башкортостан, Россия / Bashkir State University in Ufa, Bashkortostan, Russia)

Doc. dr Anton A. Lavitsky / доц. к.ф.н. Антон А. Лавицкий (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Беларусь / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus)

Prof. dr hab. Olga V. Lomakina / проф. д.ф.н. Ольга В. Ломакина (Prawosławny Święto-Tichonowski Uniwersytet Humanistyczny / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет / Saint Tikhon's Orthodox University; Rosyjski Uniwersytet Przyjaźni Narodów w Moskwie, Rosja / Российский университет дружбы народов, Россия / The Peoples' Friendship University of Russia, RUDN University, Russia)

Prof. dr hab. Valery A. Maksimovich / проф. д.ф.н. Валерий А. Максимович (Instytut Filozofii, Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / Институт философии, Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь / Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Dr Yuliya A. Matveeva / к.ф.н. Юлия А. Матвеева (Państwowe Muzeum Aleksandra Puszkina w Moskwie, Rosja / ГБУК „Государственный музей А.С. Пушкина”, Россия / State Alexander Pushkin Museum in Moscow, Russia)

Prof. dr hab. Jolanta Mędelska (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska / Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша / Kazimierz Wielki University, Poland)

Doc. dr Inessa I. Morozova / доц. к.ф.н. Инесса И. Морозова (Instytut Filozofii, Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / Институт философии, Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь / Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Doc. dr Natalya G. Muzychenko / доц. к.ф.н. Наталья Г. Музыченко (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

Prof. nadzw., dr hab. Grzegorz Ojcewicz (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska / Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

Doc. dr Yury M. Papian / Юрий М. Папян (Instytut Literacki im. A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Литературный институт им. А.М. Горького, Москва, Россия / Maxim Gorky Literature Institute in Moscow, Russia)

Prof. dr hab. Georgy S. Prokhorov / проф. д.ф.н. Георгий С. Прохоров (Państwowy Uniwersytet Społeczno-Humanistyczny w Kołomnie, Rosja / Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия / Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies in Kolomna, Russia)

Prof. dr hab. Tatyana I. Radomskaya / проф. д.ф.н. Татьяна И. Радомская (Rosyjski Państwowy Uniwersytet im. A. N. Kosygina, Moskwa, Rosja / Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия / Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia)

Prof. dr hab. Marina V. Sandakova / проф. д.ф.н. Марина В. Сандакова (Państwowy Uniwersytet Techniczny im. R.E. Aleksejeva w Niżnym Nowogrodzie, Rosja / Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия / Nizhny Novgorod State Technical University, Russia)

Prof. dr hab. Elena N. Shirokova / проф. д.ф.н. Елена Н. Широкова (Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. Kuźmy Minina w Niżnym Nowogrodzie, Rosja / Нижегородский государственный педагогический университет им. Кузьмы Минина, Россия / Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia)

Prof. nadzw., dr hab. Jan Sosnowski (Uniwersytet Łódzki, Polska / Лодзинский университет, Польша / University of Lodz, Poland)

Prof. nadzw., dr hab. Tadeusz Sucharski (Akademia Pomorska w Słupsku, Polska / Поморская академия в Слупске, Польша / Pomeranian University in Słupsk, Poland)

Prof. dr hab. Halina Waszkielewicz (prof. em., Uniwersytet Jagielloński w Krakowie, Polska / Ягеллонский университет, Краков, Польша / Jagiellonian University in Kraków, Poland)

Dr Eduard S. Waysband / к.ф.н. Эдуард С. Вайсбанд (Państwowy Uniwersytet Badawczy Wyższa Szkoła Gospodarki, HSE University, Petersburg, Rosja / Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики”, Петербург, Россия / National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

SPIS TREŚCI

OD REDAKTORA NACZELNEGO

Podziękowania	17
ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Слова благодарности	19

STUDIA I ARTYKUŁY / ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

JĘZYKOZNAWSTWO / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGWOKULTUROLOGIA / ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сергей Санько

ФОРМУЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ДР.-ИНД. <i>URŪH LOKĀH</i> : ПРАСЛАВ. * <i>VOLN'(J) SVĒT'Ь</i>	27
---	----

Валентина Маслова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	40
---	----

LEKSYKOLOGIA / ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лариса Рацибурская

ПОЛИКОДОВОСТЬ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧСТВЕ	51
--	----

Владимир Шапошников

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. СТАРЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЛОВ И ЕГО ПРИЧИНЫ	59
---	----

Владислав Замальдинов, Даики Хоригути

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ	66
---	----

LEKSYKOGRAFIA / ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Jan Wawrzyńczyk

NA PRZYKŁAD CZASOWNIK ZABEZPIECZYĆ ‘ZAPEWNIĆ (COŚ); ZADBAĆ (O COŚ)’	77
---	----

Ия Нечаева

ОФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА БУКВЕННОГО РЕГИСТРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИИ	80
---	----

HISTORIA JĘZYKOZNAWSTWA / ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Инна Соловьева

- ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ СИНТАГМАТИКА – ПАРАДИГМАТИКА
В ГРАММАТИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX В.
КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ РУСИСТИКИ 95

Ирина Приорова

- ДИНАМИКА ЯЗЫКА XX ВЕКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
К. ФОССЛЕРА, Э. КОСЕРИУ И Р.А. БУДАГОВА 103

GLOTTODYDAKTYKA / ЛИНГВОДИДАКТИКА

Татьяна Черкес, Малгожата Марцишевска

- О ФОНЕТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ 115

LITERATUROZNAWSTWO / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

HISTORIA LITERATURY / ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Валерий Максимович

- ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛЯ БЫКОВА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС 135

Максим Федоров

- ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ: НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО Ф. И. ШАЛЯПИНУ 147

Инесса Морозова

- ФЕНОМЕН ЛЮБВИ: АНТИНОМИИ И ПАРАДОКСЫ 155

Татьяна Сидорова

- ИДЕЯ КЕНОЗИСА В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ Н. Д. ГОРОДЕЦКОЙ 172

POETYKA / ПОЭТИКА

Ludmiła Łucewicz

- РАННИЕ ДНЕВНИКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО КАК АВТОПРЕТЕКСТ ИСПОВЕДИ 185

Siarhei Padsasonny

- ПОЭТИКА РОМАНА ОБИТЕЛЬ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА 200

RECEPCJA LITERATURY / ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ

Magdalena Dąbrowska

- ROZMOWA O SZCZĘŚCIU NIKOŁAJA KARAMZINA I JEJ POLSKI PRZEKŁAD 221

KOMPARATYSTYKA LITERACKA / ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Наталья Баханович

- ОБРАЗЫ ПОЛЯКА И БЕЛОРУСА-ЛИТВИНА
В МНОГОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛАРУСИ XIX СТОЛЕТИЯ 233

Сергей Шульц

- КАФКА И ГОГОЛЬ: ЗАМОК И ВИЙ 251

FILOLOGIA ŚLEDCZA / СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Grzegorz Ojcewicz

- Z FILOGII ŚLEDCZEJ. MARINA CWIETAJEWA JAKO ŚWIADEK W SPRAWIE O ZABÓJSTWO IGNACEGO REISSA W ŚWIETLE DWÓCH PROTOKOŁÓW PRZESŁUCHANIA 279

KULTUROZNAWSTWO / КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ

Daria Ławrynow

- LUDOWA BOJOWA KULTURA FIZYCZNA SŁOWIAN 319

TEOZOFIA / ТЕОСОФИЯ

Piotr Klafkowski

- FROM RUSSIA WITH LOVE NICOLAS NOTOVITCH, NICHOLAS ROERICH,
AND THE MYTH OF JESUS IN INDIA 335

HISTORIA / ИСТОРИЯ

Елена Кошкина, Юлия Романченко

- БРЯНСКИЙ КРАЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ РОССИЙСКИМ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ:
ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ, ЯЗЫК (XVI–XVIII ВВ.) 365

BIBLIOGRAFISTYKA / БИБЛИОГРАФИСТИКА

PRZEKŁADOZNAWSTWO / ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Katarzyna Wojan

- OBECNOŚĆ ŹAKIEWICZA W LITERATUROZNAWSTWIE I PUBLICYSTYCE LITERACKIEJ
(WYBÓR BIBLIOGRAFICZNY) 393

Agnieszka Langowska

- РУССКОЯЗЫЧНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ПЕРЕВОДАХ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК (2007–2017 ГГ.) 410

RECENZJE I OMÓWIENIA / РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Anna Majmieskułow

- ZBIGNIEW ŹAKIEWICZ. W CZASIE ZATRZYMANIE.
TOM II: ZE ZBIGNIEWEM ŹAKIEWICZEM – NA KRESACH
I W BEZKRESIE, POD REDAKCJĄ KATARZYNY WOJAN
(GDAŃSK: WYDawnictwo UNIWERSYTetu GDAŃSKiego, 2017, ss. 205) 439

Алексей Казаков

- ДУША „МЁРТВЫХ ДУШ”: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. А. ШУЛЬЦА
ПОЭМА ГОГОЛЯ „МЕРТВЫЕ ДУШИ”: ВНУТРЕННИЙ МИР
И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: АЛЕТЕЙЯ, 2017) 443

Екатерина Рублева

- УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ РАССКАЖИ МНЕ ОБО ВСЕМ: ПОСОБИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ АВТОРОВ МАМПЕ ИОАННЫ, ОВЧИННИКОВОЙ ЛАДЫ
(ГДАНЬСК: ИЗДАТЕЛЬСВО ГДАНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2017) 447

Наталья Боженкова

- РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД (ГДАНЬСК 2018) 450

KRONIKA / ХРОНИКА

SPRAWOZDANIA NAUKOWE / НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ

Katarzyna Wojan

GDAŃSKIE ŹAKIEWICZIANA. PRZYWRACANIE PAMIĘCI 457

Magdalena Dąbrowska

ZE WSPÓŁPRACY ZAGRANICZNEJ WARSZAWSKICH RUSYCYSTÓW
W OSTATNICH TRZECH LATACH (OBSZAR LITERATUROZNASTWA) 465

Magdalena Dąbrowska, Ėrika Kuzmina

ОБ АДАМЕ МИЦКЕВИЧЕ В ИНСТИТУТЕ РУСИСТИКИ
ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АДАМ МИЦКЕВИЧ
И РУССКИЕ. ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ИНСТИТУТ РУСИСТИКИ – ГДАНЬСКИЙ ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОГО
ОБЩЕСТВА ИМЕНИ АДАМА МИЦКЕВИЧА. ВАРШАВА, 24–25 МАЯ 2018 Г. 470

Aleksandra Klimkiewicz, Żanna Sładkiewicz

II MIĘDZYNARODOWA KONFERENCJA NAUKOWA
MOWA – CZŁOWIEK – ŚWIAT: PERSWAZJA JĘZYKOWA W RÓŻNYCH DYSKURSACH,
GDAŃSK, 10–11 MAJA 2018 474

O AUTORACH 482

WYTYCZNE DLA AUTORÓW 498

KSIĄŻKI Z SERII BIBLIOTEKA „STUDIA ROSSICA GEDANENSIA” 501

CONTENTS

Katarzyna Wojan

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF	
Acknowledgements (in Polish)	17
Acknowledgements (in Russian)	19

STUDIES AND ARTICLES

LINGUISTICS

LINGUOCULTUROLOGY

Sergei San'ko

FORMULAIC EXPRESSIONS AND WORLD VIEW: OIND <i>URÚH LOKÁH:</i> PRSLAV *VOLBNÝ(JB) SVĚTÝ	27
---	----

Valentina Maslova

CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION IN TERMS OF LINGUOCULTUROLOGY	40
--	----

LEXICOLOGY

Larisa Ratsiburskaya

MULTIMODALITY IN THE RUSSIAN MEDIA WORD-CREATION	51
--	----

Vladimir Shaposhnikov

LEXICAL SYSTEM EVOLUTION. WORDS' OBSOLESCENCE AND DISAPPEARANCE, AND THEIR CAUSES	59
--	----

Vladislav Zamaldinov, Daiki Horiguti

INTERNATIONAL ELEMENTS IN THE WORD-FORMATION OF RUSSIAN AND LATVIAN LANGUAGES	66
--	----

LEXICOGRAPHY

Jan Wawrzyńczyk

FOR INSTANCE, THE VERB ZABEZPIECZYĆ‘PROVIDE (SOMETHING); TAKE CARE (OF SOMETHING)’.....	77
--	----

Iya Nechaeva

ORTHOGRAPHIC PROBLEM OF LETTER CASE AND ITS REFLECTION IN LEXICOGRAPHY	80
---	----

HISTORY OF LINGUISTICS

Inna Soloveva

- SYNTAGMATIC VS PARADIGMATIC DICHOTOMY AS THE KEY FACTOR
IN THE RUSSIAN STUDIES FORMATION IN THE 19TH CENTURY 95

Irina Priorova

- THE 20TH CENTURY LANGUAGE DYNAMICS IN THE LINGUISTIC
CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF K. VOSSLER, E. COSERIU AND R. BUDAGOV 103

LANGUAGE EDUCATION

Tatyana Cherkes, Małgorzata Marciszewska

- ON PHONETIC DIFFICULTIES IN THE TEACHING OF RFL: FROM WORK EXPERIENCE 113

LITERARY STUDIES

HISTORY OF LITERATURE

Valery Maksimovich

- VASIL BYKOV'S CREATION: EXISTENTIAL DISCOURSE 135

Maksim Fedorov

- THEATRICAL CONTEXT: THE UNSENT LETTER
OF DEMYAN BEDNY TO F. I. SHALYAPIN 147

Inessa Morozova

- PHENOMENON OF LOVE: ANTINOMY AND PARADOXES 155

Tatyana Sidorova

- THE IMPLEMENTATION OF KENOSIS IN THE LIFE
AND WORKS OF N. D. GORODETSKAYA 172

POETICS

Ludmiła Łucewicz

- THE EARLY DIARIES OF LEO TOLSTOY AS A BASIS OF *MY CONFESION* 185

Siarhei Padsasonny

- POETICS OF THE NOVEL *ABODE* BY ZAKHAR PRILEPIN 200

RECEPTION OF LITERATURE

Magdalena Dąbrowska

- NIKOLAY KARAMZIN'S CONVERSATION ABOUT HAPPINESS
AND ITS POLISH TRANSLATION 221

COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Natalya Bakhanovich

- IMAGE OF POLES AND BYELORUSSIAN-LITHUANIANS
IN MULTILINGUAL LITERATURE OF BELARUS IN 19TH CENTURY 233

Sergei Shults

- KAFKA AND GOGOL: SCHLOSS AND VIJ 251

INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Grzegorz Ojcewicz

- FROM INVESTIGATIVE PHILOLOGY. MARINA TSVETAeva AS A WITNESS
IN THE IGNACE REISS' ASSASSINATION CASE IN THE LIGHT
OF TWO INTERROGATION PROTOCOLS 279

CULTURAL STUDIES

Daria Ławrynow

- SLAVIC TRADITIONAL MARTIAL ARTS 319

THEOSOPHY

Piotr Klafkowski

- FROM RUSSIA WITH LOVE. NICOLAS NOTOVITCH, NICHOLAS ROERICH,
AND THE MYTH OF JESUS IN INDIA 335

HISTORY

Elene Koshkina, Yuliya Romanchenko

- BRYANSK TERRITORY BETWEEN THE STATE OF RUSSIA
AND THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH (RZECZPOSPOLITA):
POLITICS, RELIGION, LANGUAGE 365

BIBLIOGRAPHIES

TRANSLATION STUDIES

Katarzyna Wojan

- ŽAKIEWICZ'S PRESENCE IN LITERATURE AND LITERARY JOURNALISM
(BIBLIOGRAPHIC SELECTION) 393

Agnieszka Langowska

- TRANSLATIONS OF RUSSIAN LITERATURE INTO POLISH 410

REVIEWS AND OVERVIEWS

Anna Majmieskułow

- ZBIGNIEW ŽAKIEWICZ. W CZASIE ZATRZYMANE. VOL. 2:
ZE ZBIGNIEWEM ŽAKIEWICZEM – NA KRESACH I W BEZKRESIE, KATARZYNA WOJAN (ED.),
WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU GDAŃSKIEGO, GDAŃSK 2017, PP. 205 439

Aleksei Kazakov

- THE SOUL OF THE "DEAD SOULS". A REVIEW OF THE MONOGRAPH
BY S.A. SCHULZ: ПОЭМА ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»:
ВНУТРЕННИЙ МИР И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: АЛЕТЕЙЯ, 2017) 443

Ekaterina Rublewa

- A REVIEW OF THE TEXTBOOK РАССКАЖИ МНЕ ОБО ВСЕМ: ПОСОБИЕ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ BY JOANNA MAMPE
AND LADA OVCHINNIKOVA
(ГДАНЬСК: ИЗДАТЕЛЬСВО ГДАНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2017) 447

Natalia Bożenkowa

A REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД (GDANSK 2018)	450
--	-----

CHRONICLE

SCIENTIFIC REPORTS

Katarzyna Wojan

ZBIGNIEW ŻAKIEWICZ. RESTORING MEMORY	457
--	-----

Magdalena Dąbrowska

ACCOUNTS OF THE INTERNATIONAL COLLABORATION OF RUSSIAN LITERARY STUDIES RESEARCHERS FROM WARSAW IN THE LAST 3 YEARS	465
--	-----

Magdalena Dąbrowska, Ėrika Kuzmina

ABOUT ADAM MICKIEWICZ AT THE INSTITUTE OF RUSSIAN STUDIES AT THE UNIVERSITY OF WARSAW. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE ADAM MICKIEWICZ AND RUSSIANS. WARSAW UNIVERSITY. INSTITUTE OF RUSSIAN STUDIES – GDANSK DEPARTMENT OF ADAM MICKIEWICZ'S LITERARY SOCIETY. WARSAW, MAY 24–25, 2018	470
---	-----

Aleksandra Klimkiewicz, Żanna Śladkiewicz

II INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE. SPEECH – HUMAN – WORLD: LINGUISTIC PERSUASION IN VARIOUS DISCOURSES, GDAŃSK, MAY 10–11, 2018	474
---	-----

ABOUT THE AUTHORS	482
-------------------------	-----

GUIDELINES FOR AUTHORS	498
------------------------------	-----

BOOKS FROM THE SERIES „STUDIA ROSSICA GEDANENSIA” LIBRARY	501
---	-----

OD REDAKTORA NACZELNEGO

Podziękowania

Z wielką przyjemnością i satysfakcją oddajemy do rąk Czytelników kolejny tom rocznika „*Studio Rossica Gedanensis*”. Pragnę podkreślić, że czasopismo obchodzi w tym roku jubileusz 5-lecia swego istnienia. Zawiązało się ono z inicjatywy prof. nadzw. dr hab. Marceliny Grabskiej, ówczesnej dyrektor Instytutu Filologii Wschodnio Słowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Pierwszy tom światło dzienne ujrzał w 2014 roku. Niełatwne zadanie wypracowania formuły – całokształtu treści i formy – periodiku, a tym samym zaszczytna funkcja redaktora naczelnego przypadły w udziale niżej podpisanej.

Nasze czasopismo to nie tylko wypełnione interesującymi artykułami i naukowymi sprawozdaniami karty. To niezwykle pracowici, ambitni, przepełnieni energią i pomysłami ludzie, to znakomity Zespół Redakcyjny odpowiedzialny za poziom merytoryczny pisma i jego szatę. Zespół ten z roku na rok powiększał swój skład. Dołączyły do nas osoby z innych ośrodków naukowych w Polsce, dla których współpraca między jednostkami przedstawia dużą wartość i otwiera umysły na nowe wyzwania. Nasz Zespół uformował się nie tylko w gronie rusycystów – są wśród nas poloniści, białoruteniści, angiści – wszyscy z ogólnymi pasjami naukowymi i imponującą wiedzą rusycystyczną i rosjoznawczą. Niezwykle owocnie rozwija się też nasza współpraca z uczonymi z Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku – jej znakomitym koordynatorem jest docent dr Inessa Morozova z Instytutu Filozofii.

Na kartach tytułowych każdego tomu wyszczególnia się nazwiska redaktorów naukowych, co oznacza jedynie proporcjonalnie większy wkład włożony przez dane osoby w ich przygotowanie. W żadnym wypadku praktyka ta nie umniejsza roli pozostałych członków Zespołu, zaangażowanych w systematyczną pracę, wykonujących określone zadania, dokonujących żmudnych korekt, rejestrujących teksty w bazach referencyjnych i repozytoriach, jak również z przekonaniem promujących nasz rocznik na międzynarodowym forum naukowym.

Niniejszym składam serdeczne podziękowania całemu Zespołowi Redakcyjnemu „Rossiców” za ogromny wysiłek i wzorową współpracę. Dzięki Wam nasz periodyk ukazuje się regularnie i bez opóźnień. Na specjalne słowa uznania zasługuje moja zastępczyni – prof. nadzw. dr hab. Żanna Śladkiewicz. Zdaję sobie sprawę, ile praca nad rocznikiem wymagała trudu i poświęcenia prywatnego czasu. Dziękuję córce Boguscie,

studentce Politechniki Gdańskiej, za nieocenioną pomoc techniczną i cierpliwie dawane nauki obsługiwania skomplikowanych oprogramowań, a także odzyskiwanie zagubionego... Dziękuję również zacnym członkom międzynarodowej Rady Naukowej naszego rocznika za merytoryczne wsparcie i dbałość o wysoki poziom naukowy tekstów.

Przychodzi też czas, by podziękować Recenzentom tekstów liczne napływających do tomów. Pozwolę sobie wyrazić słowa podziwu dla obiektywnej i rzetelnej pracy znakomitych uczonych z kraju i za granicy, którzy opiniowali artykuły do publikacji, nie szczędząc Autorom cennych wskazówek merytorycznych i językowych.

Mam pełną świadomość faktu, iż gdyby nie zaangażowanie tak wielu osób w dłucho-trwały proces przygotowania i rozwój rocznika, jego wydawanie nie byłoby możliwe.

„*Studia Rossica Gedanensis*” to nasz wspólny, wymierny sukces!

Katarzyna Wojan

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Слова благодарности

С большим удовольствием и радостью мы предлагаем читателям очередной том ежегодника „*Studia Rossica Gedanensia*”. Хочу подчеркнуть, что в этом году журнал отмечает свою пятую годовщину. Он был инициирован профессором ГУ д.ф.н. Марцелиной Грабской, являющейся в то время директором Института восточнославянской филологии Гданьского университета. Первый том вышел в свет в 2014 году. Нелегкая задача разработки концепции – оптимального сочетания формы и содержания – периодического издания, а следовательно, и почетная функция его главного редактора досталась мне.

Наш журнал – это не только заполненные интересными статьями и научными отчетами печатные листы. Это прежде всего необычайно трудолюбивые, энергичные и креативные люди, это великолепная редакционная коллегия, отвечающая за высокий уровень содержания журнала и его дизайн. Наша команда из года в год пополняет свой состав. К нам присоединились коллеги из других академических центров Польши, для которых научное сотрудничество представляет большую ценность и создает возможности для решения новых задач. В наш коллектив входят не только русисты – среди нас есть полонисты, белорусисты и англисты, имеющие глубокие научные интересы и впечатляющие знания языка и культуры России. Весьма плодотворно развивается наше сотрудничество с Национальной академией наук Беларуси (г. Минск), координатором которого является замечательный специалист к.н.ф. Инесса Морозова (доцент Института философии).

На титульных листах отдельных томов указаны имена редакторов, что означает лишь пропорционально больший вклад, внесенный ими в подготовку данного номера. Ни в коем случае, однако, это не умаляет роли других членов редколлегии, вовлеченных в систематическую работу при выполнении конкретных задач, кропотливых и трудоемких редакторских правок, регистрации текстов в базах данных и репозиториях, а также продвигающих наш ежегодник на международных научных платформах.

Выражаю искреннюю благодарность всей редакционной коллегии „Россиков” за огромный вклад и образцовое сотрудничество. Благодаря Вам наш журнал выходит регулярно и без задержек. Особые слова признательности адре-

сую моему заместителю – профессору ГУ д.ф.н. Жанне Сладкевич, вложившей огромный труд и посвятившей массу личного времени работе над ежегодником. Хотелось бы также поблагодарить дочь Богну, студентку Гданьского технологического университета, за бесценную техническую помощь и проявленное терпение при обучении редакторов обслуживанию сложного программного обеспечения, а также восстановлению утраченных данных.

Выражаю сердечную благодарность почетным членам международного Научного совета нашего ежегодника за их существенную поддержку и обеспечение высокого научного уровня публикуемых текстов.

Слова искренней благодарности адресую также рецензентам текстов, поступающих в редакцию. Позвольте выразить свое восхищение объективной и вдумчивой работой выдающихся отечественных и зарубежных ученых, которые оценивают и допускают статьи к печати, уделяя авторам текстов ценные методологические и языковые рекомендации.

Я глубоко убеждена, что если бы не участие стольких замечательных специалистов в долгосрочном процессе подготовки ежегодника, его публикация не была бы возможной.

„*Studia Rossica Gedanensis*” – это наш общий, неизмеримый успех!

Катажина Воян

STUDIA I ARTYKUŁY
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ
STUDIES AND ARTICLES

JĘZYKOZNAWTWO
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

LINGWOKULTUROLOGIA
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LINGUOCULTUROLOGY

ФОРМУЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ: др.-инд. *urúh lokáh* : праслав. **vol̥nъ(jь) světъ*¹

СЕРГЕЙ САНЬКО

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр историко-философских и компаративных исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь
e-mail: siarhey.sanko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-3744>
(получено 15.08.2018; принято 11.09.2018)

Abstract

Formulaic expressions and world view:
OInd *urúh lokáh* : PrSlav **vol̥nъ(jь) světъ*

This paper discusses chosen theoretical aspects of reconstruction of the ancient society's world view and ideology reflected only partially or not reflected at all in literary monuments. The author draws attention to the particular diagnostic role and importance of formulaic expressions for the comparative history of world views. The possibilities of applying the methods of the comparative philology and comparative religion are demonstrated on the example of such formulaic expressions as OInd *urúh lokáh* and PrSlav **vol̥nъ(jь) světъ*.

Key words

Language, myth, world view, pattern of the world, concept, theme, formula, cosmogony.

¹ Переработанный и дополненный текст выступления на Первом международном научном конгрессе белорусской культуры (Минск, Беларусь, 5–6 мая 2016 г.) (Санько, 2016b, с. 694–698).

Резюме

Обсуждаются некоторые теоретические аспекты реконструкции мировоззрения и идеологии древних обществ, фрагментарно или совсем не отраженных в памятниках письма. Отмечается особая диагностическая роль формульных выражений для компаративной истории мировоззрений. Возможности применения методов компаративной филологии и компаративного религиоведения демонстрируются на примере анализа таких формульных выражений, как др.-инд. *urúḥ lokáḥ* и праслав. **volnō(jv)* svētō.

Ключевые слова

Язык, миф, мировоззрение, картина мира, концепт, тема, формула, космогония.

Историчность языка – факт тривиальный. Именно на этом неотъемлемом свойстве любого языка основано сравнительно-историческое языкознание. Язык меняется как в результате действия внутрисистемных закономерностей, так и в результате, часто непредсказуемых, воздействий со стороны языков соседних народов или завоевателей. Эта характеристическая черта языка дала основания Лотману охарактеризовать язык с семиотической точки зрения как «код плюс его история» (2010, с. 15). Так что язык – это не просто способ означивания экстралингвистической реальности, это еще и история такого означивания. В лингвистическом знаке откладываются наслоения исторических эпох, и это касается как плана выражения, так и плана содержания. По этой причине язык оказывается специфическим историческим источником, иногда – единственно надежным, особенно в отношении бесписьменных обществ. В отличие от других источников, например, археологических, этот источник не «немой». Он многое может сообщить о его давно ушедших носителях.

В частности, о ранней «когнитивной истории» народа и его мировоззрении. Язык и миф как основа древнего мировоззрения и познания связаны настолько неразрывно, что даже вопрос, что из них первично, теряет всякий смысл. Но в определенный момент миф как основа мировоззрения теряет свои позиции, заменяется другими мифами (например, традиционная мифология заменяется христианской) и идеологиями (например, на смену христианству, в свою очередь приходит марксизм), а язык продолжает существовать и сохранять в своих структурах, «окаменелостях», следы прежнего мировоззрения: представлений о происхождении и строении Вселенной, о пространстве и времени, о добре и зле и т. д. Тонкий этимологический и семасиологический анализ во многих случаях позволяет выявить мотивы, лежащие в основе номинации, категоризации и концептуализации объектов и явлений внешнего мира.

Однако даже в случае исчерпывающей этимологии отдельного, культурно значимого слова, остается место для сомнения: означало ли данное слово или его исторически более ранняя форма то же, что зафиксировали исторические словари языка и что отразилось в более поздней литературе или разговорной

речи. В свое время знаменитый ученик Фердинанда де Соссюра Антуан Мейе весьма определенно высказал свой скепсис относительно возможности восстановления общеиндоевропейских религиозных концептов:

Нигде словари индоевропейских языков не отличаются больше, чем в терминах, относящихся к религии, вероятно, потому, что каждое племя имело собственные культуры; нигде мы не встречаем так мало надежных сопоставлений; и поэтому индоевропейская лингвистика может дать сравнительной мифологии так мало надежных свидетельств» (Meillet, 1922, с. 360–361); «компаративная мифология возможна, но она не будет основываться на лингвистике, потому что компаративная грамматика дает лишь общие термины, и потому что культуры были особые» (Meillet, 1921, с. 332).

Однако уже ученик Мейе Эмиль Бенвенист попытался обойти очень жесткие ограничения, налагаемые лингвистической компаративистикой, когда как раз в религиозной части своего *Словаря индоевропейских социальных терминов* отметил:

Мы все же можем узнать о религиозном словаре индоевропейцев без поиска проверенных соответствий во всех языках. Мы попытаемся проанализировать ключевые термины религиозного словаря, даже если религиозное значение рассматриваемых терминов проявляется только в одном языке при условии, что они поддаются интерпретации этимологией (Benveniste, 1969, с. 180).

У Одри мы уже видим совершенно сознательную исследовательскую установку: «... Мейе был не прав, делая из отсутствия общего словаря вывод об отсутствии общей идеологии и институтов: в этой области мы восстанавливаем означаемое без возможности восстановить означающее, которое его выражает» (Haudry, 1979, с. 120).

Надежность реконструкции значительно возрастает, если удается выявить сходства не отдельных слов близкородственных языков в их предполагаемой семантической и формальной истории, а более-менее устойчивых их сочетаний – формул, которые не столько обозначают отдельные вещи или явления, сколько отсылают к определенным значимым фрагментам картины мира. Как отметил Уоткинс: «Формулы имеют тенденцию делать отсылки к культурно значимым особенностям – «к чему-то важному» – и это как раз то, о чем дает знать их повторение и долгосрочное сохранение» (Watkins, 1995, с. 9). Для Уоткинса это «важное» – так называемые «ТЕМЫ» («THEMES»), которые «совокупно являются верbalным выражением культуры индоевропейцев», а средством их передачи как раз и являются «ФОРМУЛЫ» («FORMULAS») (Watkins, 1995, с. 18).

Изучение формул в поэтическом языке индоевропейцев восходит к статье Куна 1853 г., где он впервые сопоставил не просто два слова, а две фразы в ведийском и древнегреческом: др.-инд. *śrávo* ... *ákṣitam* (*RV* I.9.7) и др.-гр. *κλέος ἄρθιτον* (*Hom. Il.* 9.413) (Kuhn, 1853, с. 467).

Позднее были выявлены и другие соответствия подобного рода². Однако реальный прогресс в изучении и понимании специфики устных культур³ допись-

² Многочисленные примеры см.: Watkins, 1995, с. 15 и далее.

³ О типологическом различии устных и письменных культур см.: Лотман, 1987, с. 3–11.

менных обществ был связан с работами ученика Антуана Мейе Милмэна Пэрри конца 20-х – начала 30-х годов XX в., в которых он сначала на основе анализа поэм Гомера, а затем живой устной традиции в Югославии (продолженного его учеником Лордом) обосновал вывод о формульном характере устной традиции. Он же предложил и определение формулы: «Формула может быть определена как *группа слов, которая регулярно используется при одних и тех же метрических условиях для выражения данной существенной идеи*» (Parry, 1930, с. 80).

В дальнейшем теория Пэрри-Лорда существенно корректировалась и развивалась в работах многих ученых, как уточнялось само понимание формулы. В частности, было отмечено, что метричность текста не является необходимым условием для использования в нем формул (Watkins, 1995, с. 17) и что формульность не обязательно предполагает полную этимологическую эквивалентность устойчивых сочетаний в сравниваемых традициях, так как «в древней поэтической формуле одно или более слов могут быть заменены более новыми эквивалентами, и при этом фраза не потеряет своей исторической тождественности» (West, 2007, с. 78). Последнее означает, что «темы» или «ключевые идеи» (Kiparsky, 1976, с. 83) могут демонстрировать большую устойчивость во времени, чем «готовые поверхностные структуры», которые их выражают.

Именно такой случай отметил еще в 1922 г. известный чешский лингвист Йозеф Зубаты, сопоставив др.-инд. *urúḥ lokáḥ* и слав. *вольный светъ* (Zubatý, 1922, с. 19). Однако его наблюдение надолго осталось без внимания. Между тем оба выражения в своих культурных ареалах имеют явный формульный характер и выражают определенные, существенные в столь далеко разведенных в пространстве культурах идеи.

Больше внимания привлекла древнеиндийская формула *urúḥ lokáḥ* (см. например: Gonda, 1966a, с. 69; Gonda, 1966b, с. 18), которую чаще всего переводят на русский язык как «широкий простор». Устойчивость этого сочетания свидетельствуется уже в гимнах «Ригведы», в частности, в RV VI.47.8a в обращении к Инdre: *urúṁ no lokám átu neśi vidvān* «В широкий простор веди нас, знаком», хотя чаще оно бывает разделено группой других слов, как, например, в RV VII.84.2d: *urúṁ na índraḥ kṛṇavat ulokám* «Широкий нам Индра создаст путь простор!» (а также в RV I.93.6d, RV VI.23.7d, RV VII.33.5d, RV VII.60.9d, RV VII.99.4a, RV X.180.3d), что, однако, не препятствует рассматривать его именно как формульное, как и в случае с *śrávo ... ákṣitam*. Формульность последнего, конечно, поддерживалась аналогичным гомеровским *κλέος ἀφθιτον*. Однако уже в Атхарваведе сочетание имеет вполне формульный вид, например, в AVŚ XIV.1.58c: *urúṁ lokáṁ sugám átra pánthāṁ* «широкий простор, легко проходимый здесь путь», аналогично в AVŚ IX.2.11b, AVŚ XII.1.1d.

В свою очередь, едва ли может вызвать сомнения формульность славянского выражения *вольный свет*. Оно хорошо известно языкам восточных и западных славян (блр. *вольны свет*, рус. *вольный свет*, укр. *вольний світ*, польск. *wolny świat*, чеш. *volný svět*, словац. *volný svet*), хуже в южнославянских (болг. *волен свят*). Все-таки есть определенные основания для восстановления уже праславянского (возможно, диалектного) **volnъ(jь)* & **světъ*.

Как показывает анализ, в частности, восточнославянских фольклорных текстов, это выражение играло важную роль в концептуализации традиционных представлений о строении мира и о его происхождении. Так, в *Голубиной книге*, в космогоническом разделе находим: «От чего у нас начался белый вольный свет? ... У нас белый вольный свет зачался от суда Божия» (Бессонов, 1861, с. 300–301, 324). В формуле *белый вольный свет* оба эпитета по существу синонимичны, так как слово *белый* кроме своего основного цветового значения имело также значение ‘вольный, свободный’: в Московском царстве *бълый* значило ‘освобожденный от феодальных повинностей’, что отражено в таких юридических терминах, как *бълая соха*, *бълая нива*, *бълая земля*, *бълое мъсто* ‘земля, хозяйство, не облагаемое феодальными поборами’, *бълодворецъ*, *бълоземецъ*, *бъломъстецъ* и подобных (*Словарь русского языка XI – XVII вв.*, 1975, с. 134–136, 138); также имело место синонимичное употребление титулов *белый царь* и *вольный царь* в отношении российских государей, возникшее, вероятно, под восточным влиянием.

Формулу *белый вольный свет* использовал также Максим Богданович в поэме *Стратим-лебедь*, написанной по мотивам белорусских духовных стихов: *Лінучь з неба заліvy бязмерныя / I абымьюць ад бруду смуроднага / Ўсю зямлю яны, белы-вольны свет.*

Однако чаще в духовных стихах используется или формула *белый свет* (Бессонов, 1861, с. 269, 270, 274, 275, 279, 283, 287, 293, 330; Романов, 1891, с. 291, 296, 299, 302), или *вольный свет* (Шейн, 1893, с. 582, 584, 587). То же можно сказать и об употреблении этих формул в сказках (по крайней мере, русских и белорусских), причем сказочники явно отдавали предпочтение первой, зато контекст, в котором появляется формула *вольный свет* более показателен, о чем речь еще впереди.

Первый компонент формулы *urúh lokáh*, несмотря на хорошо определенную семантику (др.-индуистский *urúh* ‘широкий, просторный’), все же вызвал определенные этимологические трудности. Обычно *urúh* рассматривается в одном ряду с авест. *vo^uruš*, др.-гр. *eúρύς*, тох. *A wärts*, тох. *B aurtse* (< *euer-) с тем же спектром значений (Mayrhofer, 1956, с. 110). Однако Йозеф Зубаты предложил связать *urúh* с такими дериватами и.-е. *vel-, как лат. *velle* ‘желать, хотеть’, праслав. *vol'a, *voliti, др.-индуистский *vṛ̥ṇīte*, авест. *vərənante* ‘он выбирает’ (Zubatý, 1992, с. 18–22). В связи с этим можно привести замечание Яна Гонды:

Поскольку *loka-* предусматривает такие идеи, как „свободная или открытая местность, свободное движение, пространство, местожительства или мир, в котором можно существовать”, то мы, вероятно, будем правы, полагая, что эти и подобные тексты выражают желание [курсив мой. – С. С.] „жизненного пространства” (*Lebensraum*) (Gonda, 1966а, с. 69).

Йозеф Зубаты предложил считать значение ‘вольный, свободный’ первичным в др.-индуистском *urúh*, привел в качестве одного из примеров словосочетаний, аналогичных ведийским, слав. *вольный свет* и перевел *urúh lokáh* как «вольное пространство» (*volný prostor*) (Zubatý, 1922, с. 19). Современные индийские авторы также склонны рассматривать *urúh* производным от глагольной основы

vṛt ‘выбирать, отдавать предпочтение’ (Misra, Sharma, 1992, с. 125). А Манфред Майрхофер включил версию Йозефа Зубатого в свой этимологический словарь как вероятную альтернативу традиционной версии (Mayrhofer, 1956, с. 110).

Таким образом, есть основания говорить об этимологическом тождестве первых компонентов формул *irúh lokáh* и **volnъ(jv) světъ*.

Анализ текстов в известной мере поддерживает формальный анализ, однако добавляет ряд интересных нюансов. В волшебных сказках формула *вольный свет* (и ее эквиваленты *белый свет* и *божий свет*) характеризует структурную часть мира как целого, некоторым образом противопоставленную той части мира, которая представляет безопасное, обитаемое пространство. Именно в пространстве вольного (белого) света эпические герои совершают свои подвиги, навязывая ему свою *волю* и устанавливая свой порядок. *Воля* – центральная категория, которая характеризует поведение героя во внешнем мире:

Пакрэпчы нас нікога няма, – гаворыць. – Каго мы будзем баяцца? Пойдзем мы, – гаворыць, – у свет. *Свет* цяпер *вольны*, цяперашнім урэем! … Ніколі мы свае службы не супоўнім! Але возьмем, — гаворыць, — *сваю волю* і пойдзем, — гаворыць, — у свет (белорусская сказка «Иван Подвей») (Чарадзе́йныя казкі, 1973, с. 189).

Однако отделенное от вольного света определенное замкнутое пространство двойственno соотносится с ним. Во-первых, это сфера принуждения или обязанностей: будущие спутники Ивана Подвей находятся на службе, от которой он их и призывает освободиться и пойти с ним в вольный свет. Лишение свободы (воли) может быть не только принудительным, но и добровольным: мужик спасает волка от охотников, спрятав его в мешок, а, когда те ушли, «мужик развязал мешок и выпустил его на *вольный свет*» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1984, с. 39).

Но, во-вторых, *вольный свет* оказывается противопоставлен сфере *свободы* как условия и результата самостояния. Правда, такая оппозиция *воли* и *свободы* реализуется лишь в тех языках, где оба концепта не были обобщены в одном из терминов: *воля* – в западнославянских языках, *свобода* – в южнославянских. Для культур, где такая концептуальная оппозиция может быть выражена лексическими средствами, справедливы наблюдения Владимира Николаевича Топорова, сделанные на основе анализа русской пары концептов МИР – ВОЛЯ:

Но воля, – в частности, как она описывается и „чувствуется” миром, – всегда экстенсивна, дика, своюенравна. Воля – минутный выход, порыв, бегство от беды и несчастья, но она не воспитывает, не взращивает человека, не увеличивает духовности. Более того, воля обычно означает разрыв с м и р о м как конструктивно-смысловым принципом бытия, творческим началом культуры и с Богом … Воле … существует лишь одна альтернатива – с в о б о д а . Она в отличие от воли конструктивное начало, коренящееся в мире, но не рвущееся из него «на волю», а, напротив, углубляющееся внутрь и вовлекающее за собою в это движение мир, который начитает творить новую духовность. Эта свобода есть обращение к с а м о м у с е б е (ср. «возвратное» *sv-* в слове *свобода*), «бытие-у-себя-самого» (*bei-sich-selbst-Sein*, по словам Гегеля) (Топоров, 1989, с. 23–60).

Владимир Николаевич Топоров предпринял попытку выявить «следы мифологического „подслоя”, на котором в конце концов и сформировался тот текст, которым мир описывал сам себя и то, что находилось вне мира, – волю» (Топоров, 1986, с. 50–51).

Текстовые вхождения формулы *вольный свет* раскрывают существенные особенности такого света. Так, *вольный свет* характеризуется как:

- широкий: «... тужно поглядаючи на широкий вольний світ» (Ивана Франко, *Мій злочин*), «... а сам зараз то пайшоў з кошкаю і мышкаю мандраваць па широкаму свету, шукаючи лепших людзей» (сказка Аб *Oxy i залатой табакерцы*), «Беглі сцежачкі / Ў свет широкенькі ...» (Якуб Колас, *Новая зямля*), «Tam vonku za bránou je široký volný svět ... » (Ludo Zúbek, *Doktor Jesenius*), «Široký volný svet pobadal len škárou vo dverách ... » (František Švantner, *Nevesta Hôľ*) и др. Также брл. *Шырокое поле: ідзі, куды воля;*
- просторный: «Дзе гэта сіла, дзе моц тая, / Што перашкод сабе не мае / I ставіць зразу ўсіх на ногі, / Вядзе на вольныя дарогі⁴ / I свет прасторны адчыняє?» (Якуб Колас, *Новая зямля*);
- безграничный: «Блукалі дзесь у божым полі; / Ix захапляў свет безграницы / I ўласны лес іх таямнічны ...» (Якуб Колас, *Новая зямля*);
- «незавязанный»: чэш. «Do města vtáhl daleký exotický svět, nevázaný, volný, svět odvážných a podnikavých lidí ... » (Ladislav Ballek, *Akáty: koník z Orlanda*); рус. «мужик развязал мешок и выпустил его на *вольный свет*».

Последняя характеристика, как будет видно из дальнейшего, имеет важное значение.

Что же касается вторых компонентов *lokáḥ* и *světъ, то тут речь может идти о семантическом подобии.

Значение ‘мир’ и у др.-индуистского *lokáḥ*, и у праслав. *světъ, очевидно, вторичные. В *Ригведе* оно появляется только в поздних гимнах, например: *ádurmaṅgalīḥ patilokám ā viśa* «Не предвещая дурного войди в мир мужа!» (в Свадебном гимне RV X.85.43c). В большинстве остальных случаев это слово, как правило, означало ‘открытое пространство (пригодное для обитания)’ (Schlerath, 1962–1963, с. 109). В более поздних «Ведах» и ассоциированных с ними текстах значение ‘мир’ становится уже обычным, например: *agnihotrahútām yátra lokáḥ* «где мир жертвующих огню» (AVŚ III.28.6b), *sukṛtām yátra lokáḥ* «где мир добрых деяний» (AVŚ IX.5.9a) и др. Для *lokáḥ* предполагается исходное значение ‘поляна, прогалина, просека, светлое (освещенное) место’ и связь с лат. *lucus* ‘священная роща’, лит. *laikas* ‘поле’ и др. (Mayrhofer, 1976, с. 113; Gonda, 1966b, с. 7). В конечном счете все эти слова восходят к и.-е. *leuk- ‘светить’, а также ‘смотреть, глядзець’. Вирендра Нат Мишра и П. Л. Шарма так представили семантическую эволюцию слова *lokáḥ*:

Изначально *loka* означает свет и контакт со сферой света, а вторично – сферу проявления и процесс проявления; как сфера света оно имеет иное вторичное значение – ‘выглядеть или казаться привлекательным и таким образом быть любимым’. Смешение этих двух

⁴ Это еще одна поэтическая формула, которая имеет соответствие в языке «Ригведы»: *urúḥ pánthā* «широкий путь» (RV X.107.1d), *urúṁ ... gātūṁ* «широкий путь» (RV IX.85.4d).

значений *loka* приводит к значению желанного или воспринимаемого места. Далее оно означает то, что связано с этой замкнутой сферой проявления и креативности. И, следовательно, оно начинает означать процесс проявления, процесс прямого восприятия, накопление такого процесса, который ведет к целостному возвранию на вещи во внутреннем восприятии и чувственном опыте, вещи взаимосвязанные и взаимозависимые (Misra, Sharma, 1992, с. 121).

В свою очередь, связь праслав. **svētъ* ‘mundus, мир’ с праслав. **svētъ* ‘lux, свет’ совершенно очевидна. Последнее соотносится с лит. *šviesti* «свяціть, зязь», др.-инд. *śvit-* «быть ярким, быть белым», *śveta* ‘белый, яркий’, авест. *spaēta* ‘белый’. Все эти слова восходят к и.-е. **k'wōit-/k'weit-* ‘светлый, белый’ (Pokorny, 1959, с. 628–629). Однако семасиология ‘lux’ > ‘mundus’ остается все еще не вполне прозрачной, вопреки мнению Светланы Михайловны Толстой: «... для *svētъ* значенні ‘lux’ і ‘mundus’ можно с уверенностью считать праславянскими, а семантическая связь между ними представляется прозрачной и когнитивно и культурно обусловленной (мир как свет жизни в противоположность тьме смерти)» (Толстая, 2012, с. 60). В нашей недавней публикации (Санько, 2016а, с. 155–166) была предпринята попытка объяснить эту семантическую эволюцию исходя из древних представлений о природе зрения, наиболее ярко представленных в диалоге Платона *Тимей* (Plat. *Tim.* 45b–d). В известной мере это поддерживается перцептивными (зрительными) коннотациями белорусского и русского слова *свет*, которые свидетельствуются такими примерами, как бlr. *свет* ‘зрение, способность видеть’ («Чалавек быў пры нагах, пры свеце чалавек [бачыў]») (Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходній Беларусі і яе пагранічча: у 5 т., 1984, с. 387), *вочы ня свецияць* о плохом зрении, рус. (сибир.) *свет* ‘зрение, способность видеть’ («Топерь уж свет плохой стал, ниче не вижу»; «Вылечили, у ей стало сорок процентов свету»; «Слышишт он хорошо, а вот свету-то нет совсем, худо видит») (Словарь русских народных говоров, 2002).

Таким образом, мы наблюдаем покомпонентное соответствие двух формульных выражений др.-инд. *urgūḥ lokāḥ* и праслав. **volnъ(j)y svētъ* с (весмы вероятной) этимологической эквивалентностью первых и семантической эквивалентностью вторых.

Однако только указанными соответствиями близость двух формул не ограничивается.

Одной из ярких особенностей древнеиндийской формулы *urgūḥ lokāḥ* является то, что концепт, ею выражаемый, находится в антитетическом соотношении с другим важным культурным концептом, выражаемым словом *áṁhaḥ*. Слова *áṁhaḥ* чаще всего означает ‘нужду, недостачу; тяжелые или стесненные обстоятельства; узкость’. По мнению Яна Гонды:

Общей идеей, выражаемой этим корнем [**angh-*. – С. С.], кажется, первоначально была идея пространственной узости в общем смысле слова, а затем также чувство физической или психической подавленности, которое испытывали те, что находились в ограниченном пространстве (Gonda, 1957, с. 58–59).

Интересны космогонические и космологические коннотации этого слова. Так, Индра, после победы над демоном Вритрай, который символизировал

сопротивление и инертность, и отделения неба от земли, принимает участие в создании солнца, рассвета, огня и вообще мира для жизни людей (Gonda, 1966b, с. 20). И этот вновь организованный мир характеризуется как *loká* – «жизненный простор», слово, которое часто занимает позицию *urúḥ lokáḥ*. Видимо, недаром Индра имеет эпитет *aṭhotis-* « тот, кто освобождает от *áṁhaḥ* » (Gonda, 1957, с. 44, 47), где последнее не просто означает «бедствие», но и отсылает также к космогоническим подвигам Индры. Эта же идея преодоления от зажатости в узком пространстве выражена также в *Шатапатха-брахмане* (ŚB I.4.1.22 f.): *imé 'gre loká āsurityumtríṣyā haiva dyaúrāsa* (22b); *té devā akāmayanta* (23a) *kathaṇ nū na imé loká vitarāṇ syūḥ kathām na idam várīya iva syādīti tānetaírevá tribhírakṣáraivryánayánvítáya iti tá imē vítūram lokāstátó devébhyo várīyo 'bhavat* (23b) «в начале оба эти мира (небо и земля) были так (близки), что можно было бы дотронуться до неба (22b); боги пожелали (23a): „Как бы эти миры могли сейчас же стать более отдаленными? Каб бы этот (мир) мог стать шире?“ Они раздвинули (их) с помощью вот этих трех слов: *vī-tá-ya* (т. е. «для разделения»); и эти (миры) стали отдаленными друг от друга, миры растянулись шире для богов (23b)».

Для нас важно, что славянский концепт, выражаемый формулой **volēnъ(jь) světъ*, также сохраняет следы оппозиции к комплексу представлений, кодируемых производными от праслав. **vęz-/vęz-*, восходящих к тому же и.-е. этимону **angh-*, что и др.-инд. *áṁhaḥ*. Это обстоятельство было уже отмечено выше. Ср. также блр. *няволынік*, рус. *невольник*, польск. *niewolnik*, укр. *невільник* : блр. *вязенъ*, рус. *узник*, укр. *в'язень*, польск. *więzień*, чеш. *vězeň*.

В ряде славянских традиций эта оппозиция закреплена на уровне фразеологии: *Свет завязаць* – «сделать чью-то жизнь нерадостной, несчастливой, мучительной» (Аксамітаў, 1993, с. 482), «создать тяжелые условия для жизни» (Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходній Беларусі і яе пагранічча: у 5 т., 1984). Аналогично польск. *świat zawiązać*, укр. *світ зав'язати*. Та же идея «узости» выражается и фразеологизмами: блр. *свет на клин сышоў*, рус. *свет клином сошелся* и т. п.

Фразеологизм *свет завязаць* очень активно использовал белорусский поэт Якуб Колос, часто в весьма показательных контекстах: «Што гэты *свет* табе *завязан* / І шлях прасторны твой *заказан*» (Якуб Колас, *Новая зямля*); «– Вядома, так, – і Ганна кажа, – / Жыцце і *свет* табе *завяжа*» (Якуб Колас, *Новая зямля*); «Ніхто туды не зазірае, / Ніхто там *свету* не *завяжа*» (Якуб Колас, *Новая зямля*); «А дзе ты сунешся, нябога? / Табе ж *завязан* *вольны свет*» (Якуб Колас, *Рыбакова хата*). Узость «заязанного» света подчеркивается и таким образом: «І для каго ўвесь гэты свет / Есць аднае цялежкі след» (Якуб Колас, *Новая зямля*). В *Нowej земле* Якуб Колос вообще очень чувствителен к семантической валентности слова *свет*. Кроме уже приведенных примеров интерес представляют следующие: «Нябесаў багны патайныя. / Ў чародах *светаў* незлічоных, / Нерасчытаных, неадмкненых ...»; «У звязку гэтых *светаў* божых, / Таемных, страшных і прыгожых ...»; «Калі стваралісь Богам *светы* ...». Употребление формы множественного числа весьма показательно. Из всех славянских языков только в белорусском целостный универсум характеризуется как *су-свет*, т. е. как упорядоченная со-

вокупность миров, подобно тому, как *сузор'е* означает видимую на небе упорядоченную совокупность звезд, *сугучча* – упорядоченную совокупность звуков, *суквецце* – упорядоченную совокупность цветков. Мифологический (космогонический) «подслой» просматривается и в колосовом образе «Каб новы свет жыцця саткаць ...» (*Новая земля*), который перекликается с блр. *у панядзелак свет снаваўся* и представлениями о сотворении мира как о ткачестве по основе («Космогоническое сотворение, так же, как и сам космос, символизируются действием ткачества») (Eliade, 1965, с. 175).

Тексты сказок (по крайней мере, русских) предоставляют материал, который указывает на некоторое тонкое контекстуальное различие в употреблении формул *вольный свет* и *белый свет*. Так, во множестве случаев формула *белый свет* тесно связана с темой движения, странствования, скитания: «Страх как хочется *по белу свету постранствовать...*» (*Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т., 1984–1985*, т. I, с. 189), «Стой, ребята! — говорит Сосна-богатырь. — Что нам *по белу свету шататься?* Не лучше ли здесь нажитье остататься?» (с. 249), «Долго ли, коротко ли блуждала красная девица *по белому свету*, наконец зашла в частый, дремучий лес» (*Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т., 1984–1985*, т. II, с. 103), «Стрелец отправился на восемнадцать лет *по белу свету таскаться*» (с. 112), «Долго ли, коротко ли бродил он *по белу свету*, случилось ему в темный лес зайти» (с. 125), «Было из чего хлопотать, *таскаясь по белу свету!*» (с. 103) и т. п. Тут особенно чувствуется отмеченная выше оппозиция *белого света* своему, обжитому пространству, так что странствование героя неминуемо должно заканчиваться либо возвратом домой, либо поселением (воцарением) в новом царстве.

Формула *вольный свет* практически никогда не предусматривает такого скитальничества, но зато в большинстве случаев предусматривает освобождение из некоторых стесненных обстоятельств – *неволи* в широком смысле слова: «Мужик развязал мешок и выпустил его *на вольный свет*» (*Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т., 1984–1985*, т. I, с. 39), «Когда победишь Вихря, который и меня здесь *держит...*, то ... освободи отсюда и возьми с собою *на вольный свет*» (с. 190), «вздумалось ему ехать *на вольный свет*; только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу» (*Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т., 1984–1985*, т. II, с. 268), «Он спустил им ременья и *вытащил* всех *на вольный свет*» (с. 301), «Так ен яго [коня. – С. С.] і пусціў на волны свет» (после того, как освободил из склепа) (*Чарадзейныя казкі*, ч. 1, 1973, с. 496).

Семантическая оппозиция «широкий» – «узкий» используется также для описания структуры уже оформленного космоса. Так, в «Айтарея-брахмане» *Rigведы* утверждается: *paro varīyāṁso vā īme lokā arvāg aṇhiyāṁsaḥ* «эти два мира более широкие сверху и более узкие снизу» (AB I.25.6). Это очень напоминает представления о структуре миров в сказках, где отмечается, что место схождения двух миров («этого» и «того») как раз характеризуется своеобразной «узостью»: «Ідзе, так ідзе, аж глядзіць – стаіць двор *на граніцы другога свету*. А ў том дварэ жыла слуга змееў, старая ведзьма, і без яе пазвалення не можна было перайсці на той свет. ... Так да тае ведзьмы зайшоў кралевіч, бо не было іншай

радачкі: краз той двор *анно адна дарога ішла на той свет*» (Чарадзейныя казкі, ч. 1, 1973, с. 30). Очевидно, аналогичную идею выражали такие элементы сказочной космографии, как *калиновый мост* или *нора*, преодолев которые герой может попасть в другой мир, который, в свою очередь, может оказаться структурно подобным этому миру: «Прайшоў нару, выходжуе на відны свет тожа» (Чарадзейныя казкі, ч. 2, 1978, с. 31), «От ен апусціўся і відзіць там такі ж свет, як ба й тут» (Чарадзейныя казкі, ч. 1, 1973, с. 116). Ср. также блр. *свет на клін* *сышиоў*, рус. *свет клином сошелся* и под. Различие в индийском и славянском образах обусловлено различием перспектив: в первом случае описаниедается как бы из небесной обители, одинаково «своей» и для богов, и для умерших предков, и для поэтов-прориццев, и для постигших истину мудрецов; во втором случае – относительно исходного локуса, как правило, отчего дома. Но в обоих случаях максимальной «широтой» миры обладают в непосредственной близости от места безопасного обитания (пребывания).

Образ дороги в приведенном выше примере также не случаен, так как в «заявленном» мире и дорога узкая, ср. уже упомянутые: «І для каго ўвесь гэты свет / Есць аднае цялежскі след» (Якуб Колас, *Новая зямля*); «Што гэты свет табе завязан / І шлях прасторны твой заказан» (*Новая зямля*). Соответственно, *urúḥ lokáḥ* характеризуется «широкими дорогами/путями»: *mitrō amhós cid ád urú kṣayāya gātūṇ vanate* «Митра добыл выход из угнетения («узости»), вольную (широкую) дорогу к месту жительства» (*RV V.65.4ab*).

Таким образом, подводя итоги, отмечаем два ряда примечательных соответствий:

- 1) покомпонентное соответствие формульных выражений др.-инд. *urúḥ lokáḥ* и праслав. *vol'bny(j)ь světъ с (вероятным) этимологическим тождеством первых компонентов и семантической эквивалентностью вторых;
- 2) одинаковое противопоставление соответствующих этим формулам концептов концепту, который кодируется с помощью дериватов и.-е. *angh-.

В свою очередь, совпадение как тем, так и лексико-грамматических средств их выражения делает весьма вероятным их наследование из какого-то общего источника. Не полное тождество использованных лексико-грамматических средств свидетельствует скорее в пользу самостоятельного развития двух мифопоэтических традиций, чем заимствования одной (славянской) традицией у другой (ведийской) в «западной провинции великого индо-иранского культурного круга» (Топоров, 1989, с. 43), тем более что в иранском ареале следы этой формулы не обнаруживаются. Приведенные данные могут также рассматриваться как новые дополнительные свидетельства в пользу гипотезы Йозефа Зубатого.

Сокращения

AB	Aitareya-Brāhmaṇa	др.-гр.	древнегреческое
AVŚ	Atharvaveda-Saṃhitā (Śaunaka)	др.-инд.	древнеиндийское
Hom.	Homerus	и.-е.	индоевропейское
Il.	Ilias	лат.	латинское
OInd	Old Indic	лит.	литовское
Plat.	Plato	польск.	польское
PrSlav	PreSlavic	praslaw.	праславянское
RV	Rgveda-Saṃhitā	рус.	русское
ŚB	Śatapatha-Brāhmaṇa	сибир.	сибирское
Tim.	Timaeus	тох.	тохарское
авест.	авестийское	укр.	украинское
блр.	белорусское	чеш.	чешское

Библиография

- Benveniste, É. (1969). *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. Vol. 2: *Pouvoir, droit, religion*. Paris: Les Éditions de Minuit.
- Eliade, M. (1965). *Mephistopheles and the Androgyne*. New York: Sheed and Ward.
- Gonda, J. (1966a). *Aspects of Early Viṣṇuism*. Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsiādass.
- Gonda, J. (1966b). *Loka: World and Heaven in the Veda*. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij.
- Gonda, J. (1957). The Vedic Concept of amṛtas. *Indo-Iranian Journal*. Vol. 1 (1), p. 33–60.
- Haudry, J. (1979). *Lindo-européen*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Kiparsky, P. (1976). *Oral Poetry: Some Linguistic and Typological Considerations*. In: Stolz, B. A., Shannon, R. S. III: *Oral Literature and the Formula*. Ann Arbor: Center for the Coordination of Ancient and Modern Studies, The University of Michigan, p. 73–106.
- Kuhn, A. (1853). Über die durch nasale erweiterten Verbalstämme. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*. Bd. 2, h. 6, S. 455–471.
- Mayrhofer, M. (1956). *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen = A Concise Etymological Sanskrit Dictionary*. Bd. 1: A–TH. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Mayrhofer, M. (1976). *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen = A Concise Etymological Sanskrit Dictionary*. Bd. 3: Y–H. Nachträge und Berichtigungen. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Meillet, A. (1922). *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*. Paris: Librairie Hachette.
- Meillet, A. (1921). *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris : Librairie ancienne honoré Champion.
- Misra, V. N., Sharma, P. L. (1992). *Loka*. In: Bäumer, B. (ed.). *Kalātattvakośa: A Lexicon of Fundamental Concepts of the Indian Arts*. Vol. II: *Concepts of Space and Time (Deśa-Kāla)*. Delhi: Motilal Banarsiādass; Indira Gandhi National Centre for the Arts, p. 119–156.
- Parry, M. (1930). Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. 1: Homer and Homeric Style. *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 41, p. 73–147.
- Pokorny, J. (1959). *Indo-Germanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Bern; München: Francke Verlag.

- Schlerath, B. Die „Welt“ in der vedischen Dichtersprache. *Indo-Iranian Journal 1962–1963*. Vol. 6 (2), p. 103–109.
- Watkins, C. (1995). *How to kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- West, M. L. (2007). *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Zubatý, J. (1922). Výklady etymologické a lexikální. *Sborník filologický*. Sv. 7, p. 3–22.

- Аксамітаў, А. (1993). *Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа: звыш 6000 слоўнікаўых артыкулаў*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Бессонов, П. (1861). *Калекцыя перехожие. Сборник стихов и исследование П. Безсонова*. Москва: Тип. А. Семена.
- Лотман, Ю. (1987). Несколько мыслей о типологии культур. В: Успенский, Б. (ред.). *Языки культуры и проблемы переводимости с. 3–11*. Москва: Наука.
- Лотман, Ю. (2010). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб».
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева*: В 3 т. (1984–1985). Москва: Наука.
- Романов, Е. (1891). *Белорусский сборник, вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи*. Вітебск: Типо-Літографія Г. А. Малкина.
- Санько, С. (2016а). Славянскае světъ 1) ‘lux’; 2) ‘mundus’ у святле архаічных уяўленняў аб прыродзе зроку. *Філософскія исследования*. Вып. 3, с. 155–166.
- Санько, С. (2016b). Значэнне формульных выразаў для рэканструкцыі светапогляду старажытнага насельніцтва Беларусі (на прыкладзе бр. вольны свет). В: Лакотка, А. І. (ред.), *Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры: зборнік матэрыялаў* (Мінск, Беларусь, 5 – 6 мая 2016 г.). Мінск: Права і эканоміка, с. 694–698.
- Словарь русских народных говоров* (2002). Сост.: О. Д. Кузнецова [и др.]. Вып. 3: С–Святковатъ. Санкт-Петербург: Наука.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1975). Вып. 1 (А–Б). Москва: Наука.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-захадняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т.* (1984). Уклад.: Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.], т. 4: П–С. Мінск: Навука і тэхніка.
- Толстая, С. (2012). *К семантической истории слов. *mirъ и *svetъ*. В: Живов, В. М., Кагарлицкий, Ю. В. (отв. ред.). *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*. Москва: Языки славян. культур, с. 58–74.
- Топоров, В. (1989). *Об иранском элементе в русской духовной культуре*. В: Толстой, Н. И. (ред.). *Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. Москва: Наука, с. 23–60.
- Чарадзейныя казкі, ч. 1 (1973). Мінск: Навука і тэхніка.
- Чарадзейныя казкі, ч. 2 (1978). Мінск: Навука і тэхніка.
- Шейн, П. (1893). *Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, ...заговоры, духовные стихи и проч.* Санкт-Петербург: Тип. Императорской академии наук.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

ВАЛЕНТИНА МАСЛОВА

Витебский государственный университет им. Петра Машерова
Филологический факультет

Кафедра кафедры германской филологии
Проспект Московский 33, 210038 Витебск, Беларусь
e-mail: mvavit@tut.by
(получено 21.04.2018; принято 10.09.2018)

Abstract

Conceptualization and categorization in terms of linguoculturology

This paper attempts to show that the concept of interaction between language and culture is a key concept of a whole series of adjacent human sciences. It is the cross-cutting idea that breaks the borderlines between various disciplines investigating human beings. That is why modern linguocultural studies is not only concerned with interrelation of language and culture, but it also attempts to solve the problem of relationship between language and people's consciousness and mentality. Cognitive linguistics drew attention to the problems of categorization and conceptualization of language awareness, which eventually enriched linguocultural studies.

Key words

Conceptualization, categorization, classification, anthropocentricity, integrative features, linguocultural studies.

Реюме

В статье показано, что концепция взаимодействия языка и культуры является ключевой для ряда смежных наук о человеке. Это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека. Поэтому и современная лингвокультурология исследует не только взаимовлияние языка и культуры, но и пытается решить проблему соотношения и взаимосвязи языка и личности, ее сознания, мышления. Когнитивная лингвистика обратила внимание на проблемы категоризация и концептуализация знаний в языке, что в конечном счете обогатило и лингвокультурологию.

Ключевые слова

Концептуализация, категоризация, классификация, антропоцентричность, интегративность, лингвокультурология.

При антропоцентрическом подходе анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам Ивана Александровича Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (Бодуэн де Куртэн, 1963, с. 71). Идея антропоцентричности языка стала ключевой в современной лингвистике. Есть и другие идеи, ставшие принципами современной лингвистики – интегративность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуроцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке и др. Данные принципы, как правило, в современных исследованиях взаимодействуют и обуславливают друг друга, например, интегративность позволила более отчетливо увидеть глубинные семантические основы языка и человеческой ментальности, что привело к зарождению когнитивной лингвистики.

Когнитивный подход оказывается сегодня ключом к решению тех вопросов, исследование которых без обращения к анализу познавательных процессов оставались бесплодными, например, все проблемы, касающиеся языкового сознания, понимания и др.

С позиции названных принципов, меняется и лингвокультурология. Еще ранее стало понятно, что в концепции *язык и культура* сходятся интересы всех наук о человеке, что это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека. Поэтому и современная лингвокультурология должна исследовать не только взаимодействие языка и культуры, но и решить проблему соотношения и взаимосвязи языка и личности, ее сознания, мышления.

Проблемы языкового сознания и обеспечивающих его мозговых механизмов чрезвычайно важны, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык – особая видоспецифическая способность мозга. Об этом уже пишут сейчас исследователи (Томас Нагель, Татьяна Владимировна Черниговская, Жанна

Ильинична Резникова и др.). А это – междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук – от философии, этнолингвистики, лингвокультурологии до биологии и физиологии.

Под влиянием новых знаний изменилась и когнитивная лингвистика, в которой ранее языковое знание определялось в качестве отдельного модуля ментального пространства человека.

Современные лингвисты отмечают важность категориального формата и считают его ведущим в организации языка (Болдырев, 2009, с. 77), поэтому категория – важнейшее понятие в лингвистике (особенно в морфологии, синтаксисе). Это одно из ключевых понятий и в когнитивной лингвистике.

Задача данной статьи – показать, как категоризация и концептуализация отразилась на развитии лингвокультурологии, и доказать, что существующие категории – это интегративные знания, т.к. любая категория включает знания а) общего концептуального основания объединения объектов, б) самих объединяемых объектов, которые должны иметь общие существенные свойства, в) принципов и механизмов их объединения.

Категоризацию следует отличать от концептуализации, которая есть сердце когнитивистики. Вероятно, их связующим звеном будут семантические категории. Поэтому семантические категории рассматриваются нами в едином концептуальном и культурном пространстве. Но здесь встает вопрос об их дифференциации не только между собой, но и от процессов классификации.

Попытаемся разобраться в данном вопросе. Учение о категории восходит к Аристотелю, определявшему этой лексемой результат процесса классификации явлений действительности. Термин *категория* широко используется в философии, где означает одну из познавательных форм мышления человека. Здесь категория – общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира (категории материи, времени, пространства, движения, причинности, качества, количества и т.д.). В лингвистике категория – любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства; (...) некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов (...) (*Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, с. 215).

Следовательно, в определение лингвистической категории входит понятие класса.

В современной лингвистике термин *категория* используется как в философском значении (категория времени и ее отражение на разных уровнях языка), так и в чисто лингвистическом (категории членов предложения, категория синтаксической модальности).

Однако с развитием когнитивной лингвистики появилась возможность посмотреть на категории языка сквозь призму опыта: «Мы склонны смотреть на язык как на простую технику выражения, не трудясь объяснить себе, что язык – это прежде всего классификация и упорядочивание потока чувственного опыта, которое ведет к упорядочиванию данного мира» (де Мауро, 2000, с. 163).

Категоризация – это ключевое понятие в описании познавательной деятельности человека. Специфика языковых категорий обусловлена осмыслиением различного человеческого опыта, зафиксированного в языковых формах. В основе опыта лежат следующие типы языковых знаний: 1) знание об объектах окружающего мира, представленное в системе лексических единиц; 2) знание собственно языка как феномена языковых форм, представленное в системе грамматической категоризации, и 3) знание языковых единиц и категорий модусного характера с позиций внутреннего концептуального содержания, которые представляют особенности человеческого сознания.

С точки зрения когнитивной лингвистики, категориальному формату знания и специфике языковых категорий посвящена работа Николая Николаевича Болдырева *Концептуальная основа языка* (2009), в которой феномен категоризации осмыслиается в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы языка.

Итак, категоризация – это включение сущности объективного мира в определенную рубрику, т.е. это способность классифицировать явления и распределять их по рубрикам. Причем, объединяются сейчас в одну рубрику члены с неравным статусом, с не полностью повторяющимися признаками. Людвиг Витгенштейн назвал это «фамильным сходством», при котором обнаруживается чаще всего один общий признак. Если продолжить эту мысль ученого, то один внук похож на деда – ростом, другой характером, третий поведением и т.д. Так и в языке: в одну рубрику «ягоды» объединяются не только вишни, земляника, смородина, но и арбузы.

Вероятно, эта способность к категоризации – врожденная, о чем говорят эксперименты: маленькие дети, не зная наименований, почти безошибочно раскладывали фрукты и овощи по разным кучкам. На этой идее Анной Вежбицкой и Джорджем Лакоффом была создана прототипическая семантика.

Естественный язык является одним «из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации», по Веронике Николаевне Телия (2005, с. 9). Отсюда все возрастающее стремление лингвистов к выделению абстрактных глобальных явлений: концепция местоимений как «смыловых исходов» Наталии Юльевны Шведовой, «категоризации семантики» в системе функциональной грамматики Александра Владимировича Бондарко, «сеть прецедентных текстов» Юрия Николаевича Карапуза, объединенных им в отдельную парадигму. Это и есть тенденция к высокой степени абстракции знаний через «категоризацию мира», благодаря которой мы получаем способ экономного отражения мира в языке.

Таким образом, новая теория категоризации, по мнению лингвистов, является одним из основных достижений когнитивной лингвистики на сегодняшний день. Тип категоризации, с точки зрения Дж. Лакоффа, определяется несколькими когнитивными моделями: пропозициональной, образом-схемой, метафоричной и метонимичной.

Посмотрим только на одну – метафорическую модель. Покажем это на примере культурной метафоры. Культурная метафора – это призма, сквозь которую видит мир носитель конкретного языка. Данный термин ввел американский психолог Мартин Гэннон в середине 2000-х годов. Сейчас активно исследуется

когнитивная метафора, но не менее важна и культурная. Метафора вообще – это инструмент познания окружающего мира, это универсалия сознания, культуры и языка. Метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека. Некоторые лингвисты даже утверждают, что весь наш язык – это кладбище метафор.

Культурная метафора – это то, что знают все носители данной лингвокультуры и используют в коммуникации: *не отходя от кассы, задирать нос, дядя Сэм, русский медведь, шии в кармане* и др.

Метафоры опираются на наш практический опыт. Рассмотрим здесь универсальные пространственные метафоры, т.к. чувство пространства чрезвычайно важно для человека вообще. Но даже они имеют культурный аспект. В основе ориентационных метафор лежат оппозиции *верх – низ, внутри – снаружи, впереди – сзади, глубокий – мелкий, высокий – низкий, центральный – периферийный, слева – справа, небо – земля* и др. В каждой культуре ориентационная метафора разрастается в целые «деревья», становясь многоликой. Так, метафора *пути* стала одной из самых востребованных в русской культуре в ситуации смены пути – *перепутья*. С ней тесно связана метафора транспорта, идущего по этому пути: *государственная машина, локомотив истории*.

Путь (пространственная метафора) – это следование к достижению цели: *жизненный путь, творческий путь, путь к Богу, истине; путь* связан с целым рядом позитивных явлений: *путное дело, напутствие, но в культуре он представлен и негативными смыслами – путь на Голгофу, последний путь, беспутье, беспутный, непутевой, перепутье, распутьица*. Блуждание без пути – *блуд*. И язык хранит этот смысл: *распутник. Распутьица* – путь Дьявола в народном сознании. *Напутствие* – это благословение в дорогу. Символическое значение пути в религиозном контексте – это еще и временная земная жизнь.

Путь имеет моральные, этические, идеальные, конфессиональные коннотации: *путь к коммунизму, жизненный путь, вступить на новый путь, исторический путь страны. Путеводная звезда в Евангелии. Молитва к Богу: направь меня на путь истинный...* Путеводительство занимает важное место в русской картине мира, отсюда *поводырь, проводник*. В западноевропейских языках более активна метафора *дороги*.

Русский *путь* горизонтален: в рай можно дойти; западный путь – вертикален, отсюда готика. Борис Пастернак в *Докторе Живаго* дает следующее понимание пути: пространственные перемещения ведут к преображению героя. Отсюда чисто русская установка – не сужать, а расширять «свое» пространство: *не свет клином сошелся, найдешь свой путь*.

Даже если метафоризируются похожие единицы сопоставляемых языков, полной идентичности не бывает, т.к. в этом случае национальная специфика проявляется в количестве производных значений и/или в направлении метафоризации. Например, русская лексема *лист* и немецкая *das Blatt* имеют сходное метафорическое значение в обоих языках, однако употребление этой лексемы для называния лопатки в анатомии животных есть только в немецком.

Итак, метафора – это форма организации человеческого опыта, метафоры не столько украшают нашу речь (тексты), как формируют новые мыслительные

схемы и категории, являются своего рода «мотором» познания, типом образа мира. Владимир Григорьевич Гак утверждал, что метафоры появились в нашей речи не потому, что с ними красивее, а потому, что без них нельзя (Гак, 1988, с. 481).

Тесно связано с категоризацией явление концептуализации мира. Фактически, оба этих процесса – это классификационная деятельность человека, но с разными результатами и целями: концептуализация направлена на выделение минимальных единиц человеческого опыта, категоризация имеет целью объединение единиц, проявляющих хотя бы частичное сходство, в более крупные разряды (*Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, с. 215). Поэтому концепт – минимальная единица знания. Именно концептуализацию большинство когнитологов считают ключевым понятием когнитивной лингвистики (Дж. Лакоф, Елена Самуиловна Кубрякова, Н. Н. Болдырев и др.).

Ключевым оно является и для лингвокультурологии (Владимир Ильич Карасик, Мария Львовна Ковшова, Виктория Владимировна Красных, Валентина Авраамовна Маслова и др.), в ней активно развивается понятие *концептосфера культуры*, которая понимается как «сложнейшее системное образование, которое создается из концептуально оформленной ценностной информации...» (*Словарь лингвокультурологических терминов*, 2017, с. 48).

По совокупности ключевых концептов и отношениям между ними можно определять тип культуры. Например, европейская культура – это культура дерева, арабская – цивилизация камня. Камни для арабов обладают сакральной силой, они объект поклонения, камни присутствуют в обрядах погребения, поминовения, наказания (побивание камнями).

Мировое дерево у разных народов различно: для финна, вероятно, это сона, для немца – дуб, который был главным священным деревом еще у древних германцев, для русского – береза. Славяне жили в основном в лесах и потому относились к деревьям с особым почтением: до сих пор береза, дуб, ель, яблоня, груша, вишня у славян – это символы доброго начала; калина, рябина, осина – символы несчастья. В основе этих представлений лежит архетип дерева – то-тема.

Таким образом, концепт дерева может выступать в качестве универсальной концептуальной модели, позволяющей организовать и структурировать окружающее человека пространство. А если посмотреть на проблему шире, то сам человек – микрокосм, объединяющий в себе все элементы вселенной. Человек и Космос едины и повторяют друг друга: голова – это небо, глаза – солнце, волосы – деревья и т.д.

Мировидение у разных народов различно: одни и те же концепты по-разному осмысляют сущность и мир в целом. Например, *вера* для русских и белорусов – это поиски истины, смысла жизни, богопочитание. В европейском языковом сознании – *вера = религии* (от лат. «связывание»), т.е. это узы, связывающие нас с Богом.

Если взять на рассмотрение базовые национальные концепты, то конфигурация и удельный вес их в каждой культуре различен, они по-разному связаны между собой. Так, базовыми для русской культуры в начале двухтысячных го-

дов были – *быт, воля, дружба, душа, сердце, закон, здоровье, свобода, тоска, язык* (Карасик, Стернин, 2005, с. 21); в 2010 – *жизнь, смерть, небо, горе, радость, знание, ум, лень, обман, молитва* (Бабенко, 2010, с. 34). Для белорусов же – *родина, народ, язык, воля, семья, доля (лес), любовь (каханне), счастье* (Пивовар, 2015, с. 54).

Как известно, различия между двумя любыми культурами практически бесчисленны, в связи с чем неизбежно возникает вопрос: какие именно оязыковленные фрагменты культуры нужно сравнивать, чтобы выявить специфику данной культуры? Как язык отражает и задает параметры культуры? Однозначных ответов на данные вопросы пока нет. Широкое распространение получила типология, авторами которой являются Флоренс Клакхон и Фред Стродбек (Лурье, 1997, с. 72–81). Они выделили пять ценностных измерений, выражавших отношение представителей той или иной культуры к ключевым ценностям. Предложенная этими авторами классификация такова: 1) отношение к природе; 2) отношение ко времени; 3) модальность человеческой активности; 4) модальность межчеловеческих отношений; 5) представление о внутренней природе человека.

Как видим, первый пункт предполагает обращение к природе. Проблема взаимосуществования природы и человека в ней – важнейший параметр при сопоставлении культур. Николай Александрович Бердяев писал, что русское мироощущение ближе к «духам природы», оно не сковано цивилизацией, более свободно в выборе средств и способов своего выражения. У французов, например, природное начало слабее, т.к. они имеют более древнюю культуру. Поэтому многочисленные исследования зоонимов, фитонимов в разных аспектах, которые, казалось бы, безнадежно устарели, позволяют посмотреть на них с иной стороны – с позиций процесса концептуализации культуры.

Вывод

Таким образом, наблюдения над языком позволяют понять глубину национального сознания, которое есть по своей сути языковое сознание.

В последние годы в лингвистической науке основополагающим стал постулат о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Постижение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании национальной картины мира, представляется чрезвычайно важным. Особую роль в когнитивных процессах играет метафора, в которой наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия. Поэтому обучать нужно не только владению самим языком, но и «образом мира» говорящих на нем.

Язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той

или иной культуре, он рассказывает о человеке и мире такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

Библиография

- Бабенко, Л. Г. (2010). *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их representationи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)*. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
- Бодуэн де Куртэне, И. А. (1963). *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 2. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Болдырев, Н. Н. (2009). *Концептуальная основа языка*. Москва: Флинта.
- Гак, В. Г. (1988). Метафора: универсальное и специфическое. В: Гак, В. Г. (ред.). *Языковое преобразование*. Москва: Наука, с. 11–26.
- Карасик, В. И., Стернин, И. А. (2005). *Антология концептов*. Волгоград: Парадигма.
- Ковшова, М., Гудков, Д. (2017). *Словарь лингвокультурологических терминов*. Москва: Гнозис.
- Ярцева, В. Н. (гл. ред.). (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Лурье, С. В. (1997). *Историческая этнография*. Москва: Академический проспект.
- Мауро, Т. де. (2000). *Введение в семантику*. Москва: Дом интеллектуальной книги.
- Пивовар, К. С. (2015). *Беларуская ментальнасць у моунай прасторы мастацкага тэксту*. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава.
- Телия, В. Н. (2005). О феномене воспроизведимости языковых выражений. В: Красных, В. В., Изотов, А. И. (ред.). *Язык, сознание, коммуникация*. Москва: МАКС Пресс.

LEKSYKOLOGIA
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
LEXICOLOGY

ПОЛИКОДОВОСТЬ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ¹

ЛАРИСА В. РАЦИБУРСКАЯ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Институт филологии и журналистики

Кафедра современного русского языка и общего языкознания
ул. Большая Покровская, 37, 603000 Нижний Новгород, Россия

e-mail: racib@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

(получено 12.09.2018; принято 18.09.2018)

Abstract

Multimodality in the Russian media word-creation

At the turn of the century, media communication has become the most important public institution influencing the organization of socially significant information, the quality of public discourse, the creation of alternative reality, the formation of moral norms, aesthetic tastes, building a hierarchy of values. A characteristic feature of the modern media text is its multimodal (polycodal) character as an interaction of means of different code systems (alphabetic and non-alphabetic means of influence: fonts, numbers, ideographic signs, symbols, coloring, drawings, photos). The article deals with new aspects of media word creation associated with multimodal (polycodal) nature of contemporary media texts: use of neologisms – the graphical hybrids – multi-functional elements of one language (hyphenation, parenthesis, quotation, singraphemy), as well as the elements of different code systems (elements of various alphabets,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Активные процессы в языке Интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты» 18-012-00195.

different fonts, numbers, ideograms, drawings, colors). The multimodal (polycodal) character of media word creation is an effective means of speech influence.

Key words

Media text, multimodal (polycodal) character, neologism, graphic hybrids, speech effects.

Резюме

На рубеже веков медийная коммуникация стала важнейшим общественным институтом, оказывающим влияние на упорядочивание социально значимой информации, качество публичного дискурса, создание альтернативной реальности, формирование моральных норм, эстетических вкусов, выстраивание иерархии ценностей. Характерной чертой современного медиатекста является его поликодовость как взаимодействие средств разных кодовых систем (буквенных и небуквенных средств воздействия: шрифтов, цифр, идеографических знаков, символов, колористики, рисунков, фото). В статье рассматриваются новые аспекты медийного словотворчества, связанные с поликодовым характером современного медиатекста: использование в новообразованиях – графических гибридах – разнофункциональных элементов одного языка (дефисация, парантезис, квотация, синграфемия), а также элементов разных кодовых систем (элементов алфавитов разных языков, разных шрифтов, цифр, идеограмм, рисунков, цвета). Поликодовость медийного словотворчества является эффективным средством речевого воздействия.

Ключевые слова

Медиатекст, поликодовость, новообразования, графические гибриды, речевое воздействие.

На рубеже XX–XXI веков динамическое развитие СМИ привело к созданию глобального информационного пространства. Медийная коммуникация стала важнейшим общественным институтом, оказывающим влияние на упорядочивание социально значимой информации, качество публичного дискурса, создание альтернативной реальности, формирование моральных норм, эстетических вкусов, выстраивание иерархии ценностей. По словам Володиной, «адресату передается не только некое сообщение о событии, но и (эксплицитно и имплицитно) позиция автора/инициатора текста, представляющая интерпретацию данного события. Именно массмедиа «призваны» способствовать оценке окружающей действительности, воздействуя на общественное сознание и моделируя соответствующую картину мира» (Володина, 2015, с. 21). Как отмечают учёные, «современные СМИ все жестче манипулируют сознанием масс с помощью

растиражированных стандартов поведения. Ставясь донести до потребителя информацию, СМИ выполняют свою важнейшую задачу – сделать так, чтобы в массовом сознании эта информация вызвала реакции, соответствующие требованиям заказчика, в лице которого могут выступать как частные лица, так и государство» (Конюхова, 2005, с. 71–72).

Проблема речевого воздействия приобрела в российском обществе на рубеже ХХ–XXI веков особую актуальность. Либерализация социально-экономических отношений, развитие вместе с рынком рекламы как стратегии навязывания товара, плюрализм в политике, изменения в системе управления, возрастание роли отдельной личности – все эти факторы обусловили актуализацию средств и форм речевого воздействия.

Новые информационные технологии и конвергенция средств массовой информации приводят, по мнению ученых, «к появлению новых способов передачи информации, новых форматов медиатекстов» (Смирнова, 2018, с. 115). В печатных и электронных российских СМИ, в теле- и радиоэфире исследователи выделяют такие новые черты, как нелинейность, интерактивность, мультимедийность. «Мультимедийность предполагает сочетание различных способов представления информации – вербального и невербального, включающего аудио и видео, графику, анимацию» (Смирнова, 2018, с. 115).

Восприятие сообщения происходит на разных уровнях: зрительном (печатные СМИ), слуховом (радио), зрительно-слуховом (телевидение, интернет). По словам Добросклонской, «в массмедиа вербальный текст все более замещается мультимедийным, его словесная составляющая иллюстрируется, дополняется, многократно усиливается медийным компонентом – рисунком, фотографией, видеорядом, особым шрифтом и т.д., создавая визуальные образы, оказывающие мощное воздействие на сознание человека» (Добросклонская, 2016, с. 14). Мультимедийность рассматривается учеными в качестве реализации поликодовости в медиатексте: вербальное существует «в поликодовом пространстве, наряду с аудиальным, визуальным, кинетическим компонентами» (Чернявская, 2013, с. 10). «Мультимедиа – комплексный вид коммуникации, в котором объединяются знаки, символы, коды, средства различных видов устного и письменного общения – буквенные и небуквенные (знаки, символы, графика, иллюстрации, карикатуры, чертежи, рисунки, фотоматериалы, аудио- и видеоматериалы и др.)» (Тошович, 2018, с. 131).

В современной научной парадигме наметилась тенденция к изучению медиатекста как поликодового феномена. Экспансивное расширение исследовательских методик предполагает приоритетное внимание к «материи текста»: графическое, цифровое, визуальное, цветовое оформление медиатекста становится объектом современной медиалингвистики. Поликодовость – игра средствами «разных кодовых систем» (Попова, 2009, с. 124–125).

Поликодовость характеризует и современное медийное словотворчество, в котором представлены прежде всего такие формы речевого воздействия, как суггестивность и манипулирование. Суггестивность, т.е. внушение, исключающее рациональное начало, опирается прежде всего на чувственно-ассоциативные стороны сознания. Отсюда особая воздействующая функция невербальной

составляющей новообразований. Визуализация коммуникации заставила учених обратить особое внимание на визуальные неологизмы (Маринова) – графические гибриды, образования вербально-иконической природы.

Представленная в науке классификация графических гибридов учитывает различные средства их создания, сочетающиеся в рамках слова (Попова, 2013, с. 149). Проявлением поликодовости в медийных новообразованиях считается использование разнофункциональных элементов одного языка (кодографикация, по Т. В. Поповой):

- дефисация: **Ре-анимация** – повторное оживление, восстановление (Комсомольская правда, 16.06.2001); **Непростое оно, ино-странные счастье** (Комсомольская правда, 27.02.2003) – о невестах, которые ищут счастье за границей; **Не-опера-тивное строительство**. Еще в 2008 году началась разработка проекта, а в 2011-м губернатор Валерий Шанцев объявил, что в ближайшие три года новое здание театра оперы и балета будет построено (Патриоты Нижнего, 25.11.2015); **Пент-агония** (Завтра, 2015, № 45); **Чемо-данные**. Посадочные талоны, багажные квитанции и пограничный контроль в аэропортах станут электронными (Российская газета, 03.03.2016); **Beauty Гала-клиника**. В город пришло солнце, а вместе с ним и бьюти новинки, которые выдержат строгую проверку Гала Мари @gala.mari (Собака.ру, 07.08.2017).
- квотация: «**ЛЮБЭ»вный треугольник**. Расторгуев сыграет в пьесе Максимова «Любовь в двух действиях» (Новая газета, 10.06.2002, №4); **Брызги «Фонтан»ского** (Литературная газета, 30.04-06.05.2003) – о новом ресторане «Фонтан» в Одессе; **«Нано»подкоп под Чубайса** (Московский комсомолец, 04.07.2015); **Савченко по-«евро»пейски**. На этот раз в суде выступили хозяева воронежской гостиницы «Евро», которые не смогли представить ни одного доказательства проживания у себя подозреваемой (Московский комсомолец, 29.10.2015); **«МиГ»нуть не успеете. Новые МиГи-35 будут собирать на заводе «Сокол» в Нижнем Новгороде** (Патриоты Нижнего, 26.07.2017);
- парентезис: **Про(и)зрачная комиссия** (Аргументы и факты – Черноземье, 2002, №8); **Унифик(а)ция** (Известия, 29.10.2003); **(Не)новые медиа** (Журналист, 2016, № 11); **Это (не)экстремистский текст!** (Русский репортёр, 2017, № 8) – о запрещенной и экстремистской секте «Свидетели Иеговы»; **5 причин (не)любить молодых** (Psychologies, 07.2017); **Лекарство от с(к)уки** (Cosmo, 09.2017); **В этом году ЭПИДЕМИИ (не)БУДЕТ?** (Женские советы, 01.2018);
- пунктуационное варьирование (синграфемия): **Пост, модерн** (Elle, 12.2017) – о моде поститься.

Ярким средством визуального воздействия является использование прописных и строчных букв в рамках одного слова, т.н. прием капитализации, при котором в одном узальном слове выделяется часть, соответствующая другому узальному слову, нередко с формальными видоизменениями: **Жировки всПЕНИлись**. В октябрьских платежках будут начислены долги за неуплату по статье «капремонт» (Нижегородский рабочий, 28.09.2016); **ФОКус не удался**. Область завернула спортпроект на миллиард (Саров.Net, 18.03.2016); **В. Третьяк: эВРИстика тренера** (Наша психология, 06–07.2017); Кончилось **терПЕНИе**. Писательская среда давно не знала таких волнений. За несколько дней из русского

ПЕН-центра вышел ряд людей с национальной и мировой известностью (Газета.ru, 14.01.2017); *Пермяк поРОБОТил мир* (Комсомольская правда, 02–09.03.2016).

Как проявление креализованности можно рассматривать элементы алфавитов разных естественных языков в рамках одного новообразования: *Около плинтUSA*. Америка сегодня «около плинтуса». Или даже так – «около плинтUSA» (Завтра, 2015, № 34); *СОСЕДИ* (название рубрики, Московский комсомолец, 28.06.2017); *НЕГОЛОДНЫЙ* Пиарщик (Собака.ру, 07–08.2017); *Идентификация BJORNa* (Русский репортер, 11–12.2017) – прецедентное обыгрывание названия фильма «Идентификация Борна»; *Алиментов.net*. Власти решат проблему алиментщиков (Российская газета, 16.01.2018); *Tinder-сюрприз*. Как сервис знакомств используют для найма сотрудников (Новостной портал RBK, 14.09.2016); *ARD-обстрел*, пятая серия. В фильме журналиста Зеппельта на канале ARD российский легкоатлет стал главным информатором (Московский комсомолец, 24.01.2017). В последних двух случаях совмещение разных алфавитов сопровождается контаминацией: *киндер-сюрприз* + *Tinder*, *арт-обстрел* + *ARD*.

Иноязычные слова (основы) в графически неадаптированном виде могут выступать в качестве препозитивных частей в сложных новообразованиях: *VIP-новости* в лицах (Нижегородская правда, 21.04.15); *20–21 июня 2015 года в Нижнем Новгороде приволжское представительство ИД «Коммерсантъ» при поддержке правительства Нижегородской области провело VIP-турнир по теннису «Большая игра»* (Коммерсантъ – Нижний Новгород, 26.06.15); *И снова наш любимый жанр – VIP-интервью* (Заноза, 13.11.17); *Устроили VIP-парковку* (заголовок) (Российская газета, 06.02.18); *После скандала с vip-камерами* в «Матросской тишине» сменили начальника (заголовок) (Российская газета, 19.02.18); *Прогрессивные модники по достоинству оценят еще одну важную опцию – карман с RFID-технологией* для защиты банковских карт с бесконтактным способом оплаты (Аэрофлот, июнь 2017); В данной ситуации наиболее эффективным решением было проведение *SMAS-лифтинга*, а также верхней блефаропластики (Аэрофлот, июнь 2017); *WOW-эффект* (Аэрофлот, июнь 2017); Еще хочу, чтобы средство увлажняло кожу и обладало *SPF-защитой* (Л'Этуаль, 2018); *IT-специалист*, *HR-специалист* (Л'Этуаль, 2018); *Современные выпускники – дети digital-эры: интернет и компьютеры были в их жизни всегда...* (Л'Этуаль, 2018); Умный *Cosmo-шопинг* (Журналист-дайджест, 03.08.2018). В подобных случаях использование иноязычных частей может сопровождаться капитализацией.

Свидетельством графической поликодовости иноязычных морфем, основ, слов является их вариативное функционирование в графически адаптированном и неадаптированном виде: *Beauty-средства* – лишь инструмент, главное – наличие вдохновения и любопытства (Л'Этуаль, 2018); начать надо с *beauty-рутины* (Л'Этуаль, 2018); *Beauty-июнь* (Л'Этуаль, 2018); ср.: *Бьюти-безумие в полном разгаре...*; *бьюти-редактор*, *бьюти-блогер*, *бьюти-привычка*, *бьюти-блендер*, *бьюти-гаджет*, *бьюти-индустрия*; а также: *fashion-эксперт* (Belissimo, июнь 2018), ср.: *Блеском напоминают виниловые пластинки из*

прошлого или виниловые ткани из последних фэшн-показов (Л'Этуаль, 2018); *фэшн-преобразение* (Л'Этуаль, 2018).

По словам Земской, «манипулирование двумя алфавитами, кириллическим и латинским, используется как средство привлечения внимания, создания особой выразительности» (Земская, 2001, с. 192). Подобные креализованные структуры активно используются в рекламных целях.

Проявлением поликодовости является также использование элементов разных кодовых систем:

- элементов алфавита естественного языка и цифр: *ПРО100 ссорят банкиров. Для банковского приложения УЭК используется система ПРО100* (Нижегородская правда, 08.04.2014); *Про100 концерт* (Горбатка.ру, 27.11.2017). Составители рекламных текстов в основном играют с числом 100, которое может использоваться не только для обозначения количества, но и как показатель высокого качества: *На100%ящие джинсы*. По словам Земской, «этот прием действует не только в русском языке. Он широко распространен в США в рекламе, в вывесках и других видах письменности» (Земская, 2007, с. 192).
- элементов алфавита естественного языка и идеограмм: *И депутаты у нас ... ненастоящие. И\$ку\$\$тв€нны€* (Московский комсомолец, 17–24.07.2013); *Сделайте нам пол t°еплым; €окна* (реклама).

Использование цветовых элементов – еще одно поликодовое средство в рамках графогибридизации: *Вот такая олипивада; Кому подАРочек?* (Наша психология, июнь–июль 2017); *ПОLOVEИНКИ* (Cosmo, 09.2017). В графогибридах выделенные части отличаются цветом. В графическом гибридзе *ЕврАЗия* выделенная прописными буквами графема *A* выделена еще и красным цветом: *ЕврАЗия. Европейская и азиатская кухня* (Belissimo, июнь 2018). Игра с цветом рассматривается как мощный прием воздействия, поскольку отражает высокую биологическую зависимость человека от цветоощущения в социальной сфере: люди, подчиняясь тем или иным психологическим реакциям на свет, склонны наделять цвета определенным смыслом, выстраивать сложные ассоциации между палитрой того или иного образа и явлением, этим образом обозначенным (Бердышев, 2008). Так, красный цвет лидерства и энергии удачно сочетается с императивным характером провокационной эвокативности, побуждающей к действию, что наблюдается в заголовке *Красный триумф* статьи о тренде красного цвета (Women's Health, 12.2017).

Использование рисунка, фотоэлементов также является выразительным и действенным средством поликодовости. Так, в заголовке *Делай, как Kayla. Экспресс тренировка от Кайлы Итсинес* (Women's Health, 12.2017) девушка на фото, вмонтированное в имя собственное, одним ударом руки разбивает букву *l*.

Таким образом, поликодовость «представляет собой важный источник стилистического материала, в первую очередь экспрессивности и выразительности. Объединением различных кодовых систем и/или их элементов создаются стилистические эффекты (неожиданность, обманутое ожидание, новизна), языковое выражение становится более разнообразным, расширяются возможно-

сти стилевого варьирования, возникают условия для более экономного, сжатого высказывания» (Тошович, 2018, с. 147).

Акцент на визуализации рассматривается учеными как коммуникативный вызов новейшего времени (Чернявская, Молодыченко, 2017). По мнению исследователей, «настало время мультимедиальной стилистики, занимающейся стилевыми, экспрессивно-эмоциональными и выразительными приемами, средствами, формами и результатами интеграции языкового и неязыкового кодов» (Тошович, 2018, с. 129–132).

Библиография

- Бердышев, С. Н. (2008). *Рекламный текст: методика составления и оформления*. Москва: Дашков и Ко.
- Володина, М. Н. (2015). Социальная и информационно-языковая роль текстов массовой коммуникации. В: Пастухов, А. Г. (ред.), *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Орел: Орловский государственный институт культуры.
- Добросклонская, Т. Г. (2016). Методы анализа видео-вербальных текстов. *Медиалингвистика*, № 2 (12), с. 13–25.
- Земская, Е. А. (2007). Игровое словообразование. В: Земская, Е. А., Каленчук, М. Л. (отв. ред.), *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина* (с. 186–193). Москва: Языки славянских культур.
- Земская, Е. А. (2001). Язык как деятельность: морфема, слово, речь. Москва: Языки славянской культуры.
- Конюхова, Т. В. (2005). Влияние СМИ на массовое сознание в информационном обществе. *Фундаментальные исследования*, № 3, с. 71–72.
- Попова, Т. В. (2013). Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. В: Гридина, Т. А. (ред.), *Лингвистика креатива – 1: коллективная монография* (с. 147–176). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Попова, Т. В. (2009). *Новые форманты современного русского языка (на материале графодериватов)*. В: Дедова, О. В., Захаров, Л. М. (сост.), Ремневая, М. Л. (рук.), *Славянские языки и культура в современном мире: Труды и материалы Международного научного симпозиума* (с. 124–125). Москва: Макс Пресс.
- Смирнова, Н. (2018). *Мультимедийная история как новый формат представления событий в интернет-пространстве*. В: *Мультимедијална стилистика*. Банялuka; Грац: Матрица српска – друштво чланова Матице српске у Републици Српској. Институт за славистику Универзитета «Карл Франц» у Грацу. Комисија за стилистику Међународног комитета слависта,
- Тошович, Б. (2018). *Мультимедиальная стилистика*. В: *Мультимедијална стилистика*. Банялuka; Грац: Матрица српска – друштво чланова Матице српске у Републици Српској. Институт за славистику Универзитета «Карл Франц» у Грацу. Комисија за стилистику Међународног комитета слависта.
- Тошович, Б. (2018). *Семантика, стилистика и поэтика графодеривации*. В: Плунгян, В. А., Фатеева, Н. А., Шестакова, Л. Л., Кулева, А. С. (ред.), *Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018)* (с. 129–132). Москва: Издательский центр «Азбуковник».

- Чернявская, В. Е. (2013). *Текст в медиальном пространстве: учебное пособие*. Москва: Книжный дом «Либроком».
- Чернявская, В. Е., Молодыченко Е. А. (2017). *Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: Учебник для магистратуры*. Москва: Ленанд.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. СТАРЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЛОВ И ЕГО ПРИЧИНЫ

ВЛАДИМИР ШАПОШНИКОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет
Факультет иностранных языков

Кафедра лингводидактики и межкультурной коммуникации
ул. Василия Ботылева, д. 31, 121500, Москва, пос. Рублево, Россия
e-mail: vladimirshaposhnikoff@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/oooo-ooo1-7302-1345>
(получено 12.08.2018; принято 26.09.2018)

Abstract

Lexical system evolution.

Words' obsolescence and disappearance, and their causes

This paper discusses the functioning and development of language on the material of the modern Russian language. The author analyzes the vocabulary and evolution of the lexical system, considering such phenomena as obsolescence and disappearance of words from the language. The factors and reasons for eliminating certain words are considered. The fundamental causes of words' obsolescence and their elimination from the language system are analyzed. The author identifies the relationship between the obsolete and the contemporary language material. The degree and stages of diachronic processes and their results are noted.

Key words

Language sign, language development, meaning, obsolete lexicon, word disappearance, causes of lexical exchanges, changes in the Russian language.

Резюме

В статье рассматривается функционирование языка и языковое развитие. Анализируется лексика и эволюция лексической системы. Выявляется устаревание, уход и исчезновение слов из языка. Рассматриваются факторы и причины устраниния слов. Анализируются основополагающие причины старения и устраниния слов из языковой системы. Выявляются соотношения уходящего языкового материала с существующим материалом. Отмечаются степень, этапы и стадии диахронических процессов и их результаты. Описывается материал современного русского языка.

Ключевые слова

Языковой знак, развитие языка, значение, устаревшая лексика, исчезновение слов, причины лексических изменений, изменения в русском языке.

Проблема эволюции языка как средства человеческого общения издавна привлекает внимание многих исследователей. В языке все время идет процесс появления одних слов и утраты других. В языковой системе закономерно деление лексики по способу бытования единиц на активный и пассивный состав. Изменяют свой системный статус, выходят из активного употребления и существуют в этом качестве в языке устаревшие слова, известные как историзмы и архаизмы.

Лексика выходит из употребления и происходит выпадение, исчезновение слов из языка. Это первый, исходный акт эволюции лексической системы. Каковы его причины и структурные основания? Строится диссипативная динамическая модель эволюции языковых знаков, удовлетворяющая принципу наименьшего действия. Таким образом освещается жизненный цикл языковых знаков.

Примечателен путь слова *разронять*. Оно представляет результативно-распределительный способ действия, одновидовой глагол. Слово употреблялось в XIX–XX вв., а также ранее (*Словарь русского языка XI–XVII в.*); хотя оно и не было активным (например, *Частотный словарь русского языка* 1977 г. его не включает), но выражало релевантное понятие. Это слово относилось к литературной лексике. Затем из ее состава сначала перешло в сниженный регистр языка, ТСУШ: (разг.) ‘выронить, уронить в несколько приемов много чего-н.’ *Разронять все деньги*. Впоследствии слово функционировало в устном бытовом просторечии, каковым путем происходит сужение сферы употребления и стилевой сферы.

Специфичен тип его значения: слово выражало внутреннюю оппозитивность явления и парцелированность действия. Специфично его содержание: слово было эмоциональным, с небольшим оттенком экспрессивности.

Со временем слово теряет свое место в словарях. МАС (1984): разг., *разронял стаканы* (И. Гончаров, *Обломов*); *разроняли цветы по всей сцене* (А. Блок, *Балаганчик*). Это последнее употребление в сущности представляет другое значение.

НСРЯ (2000) подает глагол без стилевой пометы, формулируя два значения, но без иллюстративного материала. СОШ (1993) дает одно значение с иллюстрацией: *разронял все свертки* – несколько иное значение, куда входит компонент ‘полностью, все’. БТСРЯ (1998) фиксирует *разронять* как «уронить одно за одним в несколько приемов (все, многое). *P. все монеты, P. все покупки, P. с подноса все ложки, P. цветы по сцене*». Этот словарь не дает новых примеров употребления, но повторяет старый материал. Глагол предстает многовалентным, в том числе с валентными связями «откуда» и «где» – семантическими ролями начальной точки и конечной точки / места. Актуализатором «все» выносится компонент полного, исчерпанного количества – семантическая роль количественного или качественного параметра, аналогичная семантике, имеющейся в слове приставки. ТСРЯ под ред. Дмитриева (2003) это слово не фиксирует.

Слов-синонимов с минимальными различиями в значениях к «разронять» нет. Следовательно, это не архаизм как единица лексики современного русского языка. Понятийной замены в русском языке нет – это и не историзм.

Слово затухает в узусе, исчезает из языка. НКРЯ находит только один пример реального употребления слова в XX в.: *От старания не разронять <печенье> и от удовольствия язык у него был высунут* (Кнорре, Орехов, 1968). Ранее этого отыскивается употребление: *И он внезапно ударил свою супругу по лицу, отчего та разроняла битки по полу и взревела* (Булгаков, *Мастер и Маргарита*), но не вошедшее в окончательный текст романа.

В данное семантическое поле входят и устойчиво существуют в русском языке слова: *уронить, выронить, обронить*, обозначающие движение вниз, выпадение. Они являются друг по отношению к другу синонимами, выражаяющими одно понятие. Это более абстрактные слова, с меньшим количеством внутренних признаков значения.

Существует слово *попадать* ‘упасть в большом количестве или один за другим’. Это глагол результативного способа действия. По отношению к отмечаемому *разронять* – это конверсив, представляющий собой субъектно-объектное преобразование.

Существовало слово данного семантического поля *поронять* ‘уронить в большом количестве’. Оно сужало сферу употребления. ТСУш: (разг.) уронить в большом количестве. Это слово устаревает: его отмечает МАС (1984) со старыми примерами из Гоголя, Лескова, в НСРЯ (2000) лексема появляется без иллюстративного материала, а ТСРЯ под ред. Дмитриева (2003) *поронять* не фиксирует.

Уходит слово *сронить*. ТСУш: сбросить, уронить с чего-н. МАС (1984) отмечал его как разговорное, цитируя Толстого, Зворыкина. СОШ (1993), НСРЯ (2000), ТСРЯ (2003) его уже не отмечают. Лексему давал БТСРЯ (1998) с несколько искусственным речением: *Не срони пепел на ковер*, представляющим иной смысл слова.

При анализе языковых причин изменения функционирования единицы указание на внутреннюю форму слова, пространственное объяснение судьбы «разронять» (несоответствие значений морфем в структуре слова) не вполне работает. Основные значения приставки *раз-*: ‘разделение, распределение,

распространение действия, движение из какой-л. точки, уничтожение, интенсивность'. В словах *разронять* и *нападать* у приставок есть парцелятивные значения, но нет подобного корня значения направленности движения вниз. Комбинация приставки *раз-* и корневого значения движения вниз слова *разронять* начинала обозначать распространение действия по поверхности, например: *Дамы разроняли цветы по всей сцене* (Блок, 1910); *И даже этот дважды идиот Твид разронял свои слюни по всему портовому спуску* (Паустовский, 1925). Однако и в этом значении *разронять* выпадает из языка. Наоборот, в слове *сронить* приставка имеет значение движения сверху вниз, аналогичное значению корня, однако при этой гармоничности морфемных значений слово существует сферу употребления и уходит из языка.

Выделяется другой факт диахронии. Из существовавших синонимических рядов уходят слова со значением 'сомкнуть и преградить доступ': *отворить*, *растворить*, *затворить*, *притворить*. Это архаизмы. Заменами им в современном русском языке являются слова: *открыть*, *раскрыть*, *закрыть*, *прикрыть*; *распахнуть*, *замкнуть*.

Здесь тот же функционально-стилевой путь угасания слова. Образуется просторечность и устарелость материала, хотя СОШ (1993), НСРЯ (2000) подают лексемы: *затворить/-ять*, *отворить*, *притворить*, *растворить*, *растворять*.

В общем и целом, совершается уход групп слов из русского языка. Это отмирание слова. Что такое «отмирать» применительно к слову? В связи с этим стоит вопрос, как действительно соотносятся понятия активный и пассивный словарь языка. Как и насколько точно можно отметить, в каком из системных разделов находится данное слово в данный момент языкового существования? Всегда ли наступает окончательный момент, когда слово исчезает из языка совсем? Можно ли считать исчезнувшими из русского языка слова *епанча*, *гридень*, *зипун*, *охабень*, *ратай* либо *панама* (мошенничество), *папанинцы*, *паразитство*, *примиренец*, *партиминимум*, *парти максимум*, *парторг*, *всевобуч*, *фабзавуч* и т.п.? Есть масса литературных текстов, где эти слова фигурируют, есть словари разных типов, в которых они зафиксированы, а при этом их доступность и известность в информационном обществе стала более широкой. Есть также и некоторое число людей, которые могут их знать так или иначе. Представительны в коммуникативном пространстве такие советские неологизмы, как *большевик*, *колхоз*, *комсомолец*, *пионер*. Весь процесс выпадения знака из употребления идет более медленно, чем рождение новых значений.

Ушли из русского языка весьма старые слова: *лихоймец*, *барышник*, *кулак*, *латопник*, *подкулачник*, *кустарь*, *скопидом*, *ведро*, *духом* и под.; *поречник* (бурацкая тропа), *урильник* (ночной горшок). Ушли новые, недавнего происхождения слова: *спец*, *целинник*, *мастак* (простореч.), *принудиловка*, *прогрессивка*.

Наблюдается уход слов: *домоуправление*, *управдом/домоуправ*, *сельпо*, *жировка*, *хозрасчет*, *соцсоревнование*, *двурушиник*, *двурушинчество*. Так же уходят слова: *ударник*, *ударница*, *ударничество*, *разукрупнить*, *разукрупнение* (ТСУш.: нов. офиц.).

Ушли слова социально-политической сферы, обозначавшие особые реалии: *краснофлотец, комсомолец, юнкор, юннат, рабкор, лишенец, лишенка, стахановец, стахановец, челябинцы, содмилец, бригадмилец, октябренок*.

Устранились также слова специфического предметного участка: *дербалызнутъ, дерябнутъ, налимониться* (простореч.).

Устранилось упомянутое слово детализированного значения *разронять*. Исчезает слово *пробрать/пробирать* с его нескользкими значениями. Ушли некоторые другие актуальные глагольные и отглагольные образования: *осклабить/-ся, осклаблять, осклабляться* (НСРЯ), *разымчивый* (ТСУш.: устаревш. и областное), *разруб, разращать* (ТСУш.: книжн. редко) несов. вид к *разрастить, разращение* (книжное), *разращенный* (книжн.), *размокропогодить/-ся* (разг.), *размаять, размаянный* (разг.), *разогорчить/-атъ, размыкать/-ся, разведриться, разлизать, разлимонить/-ся, разнствовать, раскабалить/-ся, раскупоривать, рассевать, рассрочить* (распределить на несколько сроков), *расстричь, разбраниться, побраниться, выбраниться, выбранить*. Ушли слова распределительного значения с другой приставкой: *переарестовать* (всех или многих, одного за др.), *перебраковать, перегасить, перезанимать, перезябнуть, перекрасть, перемирить, перемутить, перенумеровать, перепрятать*. Утратило прямое значение слово *растерять*. Ушли глаголы с приставкой *по-*: *-брать, -гнить, -наглеть, -мучивать*.

Отмечен уход слов в составе лексико-грамматического класса. Таков путь слов из служебной части речи – усиительных частиц и некоторых других: *абы, кабы, вить, бишь, нехай, се, чу, инда, чай*. Весьма устаревшие в современном русском языке частицы: *ажно, ан, вишь, ужель, -та, те, то, -с*. Например, АТОС фиксирует *вишь* простореч., но иллюстрирует старым материалом Грибоедова, Гончарова, Исааковского. Устаревшими являются частицы: *авось, право, то бишь, аж, небось, дескать, де, мол, таки* (Шапошников, 2017).

В целом количество ушедших из современного русского языка слов большое.

Рассмотрим основные причины ухода слов из языка. Прежде всего это социальные причины – языковые процессы, обусловленные общественными изменениями.

1. Исчезновение реалий, предметов, обозначавшихся словами: *граммластинка, проигрыватель, радиола; комсомолец, хозрасчет, прогрессивка, принудиловка, химия* (уголовное наказание), *химики* (осужденные на вольном поселении), *рабкор, селькор, кинопередвижка, радиолампа, продотряд, продразверстка, парткор, партактив; барка, барочник, золотарь, лабаз, ладонка, комод, трубочист, лоскутник, целинник; компаунд*.

2. Устранение понятий, выражавшихся словом: *бархатник, барышник, со знательность, кулак, кулачество, раскулачить, переселенец, расселенец, подкулачник, расстегай* (сарафан), *расстрига, общественник, лабазник, лавочник, лабазный, лавочка, лаж* (в торговле), *лажный, Целина* (целинные земли на юго-востоке СССР, осваивавшиеся и заселявшиеся по госпрограмме), *целинный, целинник*. Эти понятия системно проектировались, а ныне не проектируются.

Уход этого ряда лексем обусловлен устраниением самой мыслительной среды, в которой создавались и функционировали выражаемые ими понятия. Ха-

рактерны некогда актуальные слова: *перегибщик* '(нов. разг.) тот, кто допускает перегибы'; *ударник* '1. деталь оружия, 2. военнослужащий особых, ударных частей в период февр. рев. 1917 (истор.), 3. передовой работник социалистического производства, перевыполняющий нормы, активно овладевающий техникой и показывающий образцы производственной дисциплины (нов.)'; *ударница, ударничество, ударность* (ТСУш.). Эти слова были порождены определенной социально-нравственной средой. Ныне же эти слова с их созданными значениями ушли из языка. Тот же путь и основа устраниния слов: *загиб, перегиб, обуржуазить, обуржуазиться, обуржуазивание, орабочение* и т.п.

3. Уходят из состава языка такие слова, как: *лакей* (домашний слуга при господах (дореволюц. и загран.), *лакейский*; *компаньонка* (женщина, нанимавшаяся в барские дома для развлечения или сопровождения дам или молодых девиц (истор.); *кокотка* (женщина легкого поведения, живущая на содержании у мужчин) (ТСУш.). Они уходят при изменении общественных отношений и появлении социальной оценки, связывающейся с их содержанием. По этой причине слово *слуга* устриается из системы активной лексики, переходя в пассивный запас и переносно-обобщенный смысл; то же изменение: *хозяин* (частный наниматель), *приказчик, лакей*. Ушли из употребления слова ограниченного предметного участка: *дьячок, ермолка, поп, поповна, поповка* (место у церкви, где живет церковный причт), *служка, каллиграф, истмат* (исторический материализм).

4. Такие социально не маркированные лексические единицы: *громоздить, разбранить* (разг.), *выбранить, разброска* (разг.), *развалка* (прост.), *разбросить* (разг.), *разгородить* (прост.), *раздружить, разлакомить* (разг.), *подружить, разлетайка, разлимонить, налимониться, навыкать, разманить, размаять, размаяться, намориться, размоина, размучить, размыкать, разнизать, разнizаться, расстеплить* (растрогать) – это общеупотребительные слова, фиксировавшиеся ТСУш. и относившиеся к активному лексическому запасу в XX в. Ныне они ушли из языка, как и слова несколько более узкого употребления, фиксировавшиеся ТСУш.: *брататься, разбрататься* (областное), *разведрить, раздорожье, разлогий* (областное), *разгасить* (разморить) и т.п. Все они одинаковы по внутренней структуре и по внутренней форме значения. Очевидно, что соотношение внутренней структуры и внутренней семантической являются причиной ухода данных слов из языковой системы. Словообразовательное переоформление признаковыми номинациями плана выражения, замена отдельных знаменательных признаковых номинаций служебно-признаковыми номинациями становится для каждого из значений слов в среднем определяющим в связи с их общим старением, и при этом обусловливается общей абстрактацией, депредметизацией и окрачествлением, а также субъективизацией их значений в их истории.

5. Фактором сохранности либо ухода слов является когнитивный характер значения языковой единицы. Логическое по преимуществу, логико-предметное или эмоциональное, экспрессивное значения являются историческими условиями жизни слова. По этой причине уходят многие лексемы просторечия (см. Шапошников, 2012).

6. Причину ухода слов можно видеть в отдельных случаях избавления от омонимии. Например: *затворить; растворить*.

В заключение отметим, что весь процесс выпадения значений знака из употребления идет более медленно, чем процесс рождения новых значений и слов.

Библиография

- Академический толковый словарь русского языка* (2013–2017). Т. 1–10. Москва: Наука.
- Большой толковый словарь русского языка* (1998). Санкт-Петербург: Норинт.
- Василевич, А. П. (2005). Жизнь после смерти. Заметки о словах, исчезающих из языка. *Проблемы прикладной лингвистики*. Вып. 2. Москва: Институт языкоznания РАН.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1993). *Словарь русского языка*. Москва: Азбуковник.
- Словарь русского языка* (1984). Т. 1–4. Москва: Русский язык.
- Словарь русского языка XI–XVII в.* (1975–1999). Москва: Наука.
- Толковый словарь русского языка* (1939–1940). Т. 1–4. Москва: Советская энциклопедия.
- Частотный словарь русского языка* (1977). Москва: Русский язык.
- Шапошников, В. Н. (1998). *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*. Москва: МГУ.
- Шапошников, В. Н. (2012). *Просторечие в системе русского языка на современном этапе*. Москва: URSS.
- Шапошников, В. Н. (2017). *Частицы в современном русском языке*. Москва: Инфра-М.

Список сокращений

- БТСРЯ 1998 – *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.
- МАС 1984 – *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: Русский язык, 1981.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка* (<http://www.ruscorpora.ru/>)
- НСРЯ 2000 – *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000.
- СОШ 1993 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, 1993.
- ТСРЯ 2003 – *Толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2003.
- ТСУш – *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: Советская энциклопедия, 1935–1940.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

ВЛАДИСЛАВ ЗАМАЛЬДИНОВ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Кафедра современного русского языка и общего языкознания
ул. Большая Покровская, д. 37, 603000, г. Нижний Новгород, Россия.
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4513-3571>

ДАИКИ ХОРИГУТИ

Университет Иватэ (Япония)
Morioka, Ueda 3-18-8, Iwate, 020-8550, Japan
e-mail: sirdspuksti@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0724-6209>
(получено 23.08.2018; принято 12.09.2018)

Abstract

International elements in the word-formation of Russian and Latvian languages

The article examines international elements in the word-formation processes of the Russian and Latvian languages. The features of the structure and semantics of innovations are analyzed. Moreover, the most productive conventional ways of word formation are revealed.

Key words

International elements, word-forming neologisms, media, Russian, Latvian.

Резюме

В статье рассматриваются интернациональные элементы в словообразовстве русского и латышского языков. Анализируются особенности структуры и семантики новообразований, выявляются наиболее продуктивные узуальные способы словообразования.

Ключевые слова

Интернациональные элементы, словообразовательные неологизмы, СМИ, русский язык, латышский язык.

Предварительные замечания

Деривационная система славянских и балтийских языков обладает высокой продуктивностью, и аффиксы непрерывно расширяют и обогащают её новыми словообразовательными элементами.

На рубеже XX–XXI вв. как в русском, так и в латышском языке происходит активизация процесса создания новых номинаций, что связано с изменениями в общественно-социальной и политической сфере Российской Федерации и Латвии.

В производстве словообразовательных неологизмов (новообразований) широко используются морфемы иностранного происхождения, что обусловлено тенденцией к интернационализации в современном русском и латышском языках. По утверждению Л. П. Крысина, «интернациональные слова и термины в каждом развитом современном языке составляют значительный слой лексики. Постоянное увеличение этого слоя свидетельствует о возрастающей тенденции к созданию своего рода международного лексического фонда, облегчающего взаимопонимание между представителями разных народов и культур» (Крысин, 2007, с. 124).

Интернациональные элементы в каждом языке проявляют преимущественно один и тот же семантический потенциал, что соответствует их природе. По сравнению с исконными словообразовательными аффиксами, интернациональные элементы выделяются высшей степенью семантической прозрачности и регулярности, что способствует производству неологизмов по аналогии с другими современными языками мира, а это способствует расширению интернационализации в целом.

Интернациональные элементы порой не описываются в грамматиках (Vulāne, 2013, с. 212–249) и по сравнению с исконными словообразовательными элементами занимают периферийное место. Однако они, присоединяясь к основе вне

зависимости от её происхождения, несомненно, причастны к пополнению современного лексикона, особенно именного.

В качестве источников материала были использованы русские и латышские тексты СМИ. Все примеры представляют собой продукты словообразования новейшего времени, т.е. на рубеже XX и XXI вв.

Интернациональные словообразовательные элементы

Отличительной особенностью современного словообразования является создание инноваций с иноязычными префиксами. Так, продуктивной в русском языке является пейоративная приставка *анти-* с семантикой ‘противоположность чему-либо; направленность против чего-либо, в ответ на что-либо’ (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 44): *Художник-провокатор Бэнкси построил анти-Диснейленд – самую мрачную достопримечательность Англии* («Версия в Нижнем Новгороде», 21.08.2015); *А если Украина – это не анти-Россия, то цель ее независимости оказывается под большим вопросом* («Аргументы и факты», 24.08.2017); *У депутатов произошло резкое обострение анти-США риторики* («Московская правда», 23.10.2017); *Главное, чтобы мы не стали устраивать у себя, в Российской Федерации, анти-Запад* («Взгляд», 13.04.2018). Особая словообразовательная семантика возникает у новых номинаций с префиксом *анти-* на базе одушевлённых собственных имен: Но другой – это Богоматерь, «новая Ева», анти-Ева: с архангела возгласа «радуйся!» (ave, то есть Eva в зеркальном отображении) начинается новая жизнь всего человечества («Коммерсантъ Weekend», 22.09.2017); *Библиотека – это своеобразный «анти-Трамп» – мир, основанный на доброжелательном любопытстве* («Коммерсантъ Weekend», 15.12.2017); *Новое Средневековье, Анти-Эдип и дедушка Спилберг – вот это мэшап, подобного которому нет места ни во вселенной «Марвел», ни в мире комиксов DC!* («Коммерсантъ Weekend», 30.03.2018). Как видно из примеров, в качестве производящих существительных могут выступать имена библейских персонажей, политиков, древнегреческих героев. Кроме того, в русском языке префикс *анти-* активен и при образовании потенциальных имен прилагательных: *Антимедведевский фильм о пятидневной войне с Грузией весьма симптоматичен. Потеря Медведевым президентского поста провоцирует его противников на сведение старых счётов* («Полит.ру», 08.08.2012); *После этого на Носкова вылили ушаты грязи из бердниковского «идеологического блока». Когда Иван Николаевич прибыл в Нижний Новгород и стал смотрящим за «старой администрацией города», а его имя начали упоминать в интернете, сразу мощно потекла по трубам антиносковская пропаганда со ссылками на Иркутск* («Заноза», 17.05.2018). Таким образом, в современном русском языке препозитивный элемент *анти-* свободно присоединяется к именам существительным и прилагательным.

Латышский материал показывает подобную картину: *Pirms referenduma valdība bija izvērsusi masīvu antibēgļu kampaņu, kas daļai, iespējams, jau pieriebās.* ‘До референдума власти развернули массовую кампанию *антибеженцев*, кото-

рая некоторым, возможно, уже надоела' («NRA», 04.10.2016)¹; заголовок *Anti-saskaņas koalīcija nostiprināta*. 'Коалиция **анти-Согласия** укреплена' («NRA», 07.02.2017)²; *Tikmēr Hamburgas iedzīvotāji aizvien skalāk kritizē varasiestādes un policiju, kas trīs naktis pēc kārtas ļāva gandrīz netraucēt pilsētas ielās ālēties anarchistiem, antiglobālistiem, antifašistiem un citām huligānu grupām*. 'Между тем жители Гамбурга все громче критикуют власти и полицию, которые в течение трёх последовательных ночей практически не препятствовали анархистам, **антиглобалистам, антифашистам** и другим хулиганским группам на улицах города' («NRA», 10.07.2017); *Vai ir viegli nodalīt: antiputiniskais un proputiniskais?* 'Легко ли разделить: **антитупинский** и пропутинский?' («SestDiena», 18.05.2018).

Если в русском языке продуктивно образование имен прилагательных, то в латышском языке характерны производные, которые представляют собой обособленную форму родительного падежа и функционируют как определение. *Vakar pirmo reizi kopš oktobra Drēzdenē nenotika tradicionālā demonstrācija pret reliģiozo fanātismu, kas nereti tiek dēvēta arī par antiislāmistu demonstrāciju*. 'Вчера впервые с октября в Дрездене не состоялась традиционная демонстрация против религиозного фанатизма, которая нередко называется также **антиисламистской демонстрацией** (буквально – демонстрацией **антиисламистов**)' («NRA», 20.01.2015).

Кроме того, если в русском языке во многих случаях употребляется дефис при производных словах с интернациональными префиксами, то в латышском языке при них характерно слитное написание. Хотя порой можно наблюдать колебания: дефисное написание, возможно, под влиянием английского и русского языков (*anti-Maidan* 'анти-Майдан', *anti-Tramps* 'анти-Трамп'), и намного реже – раздельное написание (*anti Merkele* 'анти Меркель').

В современных деривационных процессах активизировались размерно-оценочные префиксы *супер-*, *мега-* с семантикой повышенного качества или усиленного действия: Самим Кустурицей о группе снят документальный фильм под названием «Истории **супер-восемь**» («Версия в Нижнем Новгороде», 15.05.2017); Сегодня из вас готовы сделать **супер-любовницу**, невероятного пикапера, светскую львицу, лучшую в мире жену и т.д. («Аргументы и факты», 27.02.2018); заголовок *Мега-коррупция* или сор из ОНФ-избы? («Нижний сейчас», 21.01.2016); Земля опять переживает вторжение монстров, а им противостоят новые **мега-егеря** («Аргументы и факты», 28.02.2018). Необходимо отметить, что сочетаемость с собственными именами существительными свидетельствует о расширении синтагматических возможностей префиксов *супер-* и *мега-*: заголовок *Супер-Козак. Какие полномочия сосредоточил в своих руках новый глава Минрегиона развития* («Версия в Нижнем Новгороде», 08.05.2018); *В Китае снесли 36-метровую статую золотого «мега-Мао»* («Версия в Нижнем Новгороде», 08.01.2016).

В латышском языке также широко используются префиксы *super-* и *mega-*. Они присоединяются к основе для выражения масштабности и субъективной

¹ Перевод с латышского языка на русский выполнен авторами – прим. ред.

² *Saskaņa 'Согласие'* – политическая партия.

оценки: *Var akcentēt divas svarīgas īpatnības, kas raksturo šo superkrīzi.* ‘Можно акцентировать две важные особенности, которые характеризуют этот супер-кризис’ («Rīgas Balss», 19.03.2009); *Stabilitāte kooperatīvam ir ļoti svarīga, nereti to grauj visādi nepārdomāti superizrāvieni, kuriem diemžēl visai bieži seko superkritieni.* ‘Стабильность кооператива очень важна, нередко его подрывают всякие необдуманные супер-рывки, которые, к сожалению, очень часто следуют за супер-падениями’ («Latvijas Avīze», 01.02.2016); *Atklāti sakot, es biju piemirsusi, ka līdzās megatrāģēdijai un megamīlestībai Titānikā ir arī kailskati, precīzāk, nu jau ļoti puritāniskā aina, kurā aktrise pozē savam portretam.* ‘Откровенно говоря, я забыла, что, помимо мегатрагедии и мегалюбви, в «Титанике» есть еще страстные сцены, точнее, уж очень пуританская сцена, где актриса позирует для своего портрета’ («Diena», 04.04.2012); *Pekina uzskata Irānu par svarīgu partneri arī megaprojekta Viena josla, viens ceļš ietvaros.* ‘Пекин считает Иран важным партнёром также в рамках мегапроекта «Один пояс и один путь»’ («Diena», 18.06.2018).

Для обоих языков характерны приставки ***квази-, псевдо-*** с семантикой ложности, несоответствия реальности. Данные префиксы активно участвуют в образовании существительных в современном русском языке: «Квази» в экономике – это ***квазиприбыли*** и чистые убытки («Московский комсомолец», 05.07.2017); Лавров рассказал о намерении США создать «***квазигосударство*** в Сирии («Аргументы и факты», 16.02.2018); США вновь, как и в случае с Иерусалимом, останутся в ***квази-изоляции*** («Аргументы и факты», 08.05.2018). Нередко имена собственные выступают в качестве производящей базы для новообразований с префиксами ***квази-, псевдо-***: Это, с одной стороны, вариант с кандидатом-женщиной, а с другой – такая попытка найти некоего ***квази-Прохорова***, как было в 2012 году («Полит.ру», 01.09.2017); Председатель Временного правительства предстает карикатурным ***псевдо-Бонапартом***, не способным ни на что серьезное («Полит.ру», 15.04.2017); Утверждают, что всего Рорих успел нарисовать и продать более сорока копий ***псевдо-Сибилл***, многие из которых до сих пор не найдены («Полит.ру», 19.11.2017); Например, ***псевдо-Юлия*** сообщает, что находится в США, ее последний твит датируется 1 мая («Московский комсомолец», 02.05.2018). Таким образом, «обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смешны ценностных ориентиров в стране» (Радбиль, Рацибурская, 2017, с. 36).

В латышском языке приставки ***kvazi-*** и ***pseido-*** также придают значения ложности и несоответствия: *Taču neviena no jaunajām valstīm nevar saukties par īsto demokrātiju. Tās ir kvazidemokrātijas jeb pseidodemokrātijas.* ‘Всё-таки ни одно из новых государств не может называться настоящей демократией. Это ***квазидемократии*** или ***псевдодемократии***’ («Latvijas Vēstnesis», 20.06.2008); *Rietumos jau labu laiku publiskajā telpā dominē jaunā cilvēktiesību un brīvību kvazireligija, kuras centrā ir nevis Dievs, bet cilvēks, uz kura pamata arī veidojas 21. gadsimta ES.* ‘На западе уже долгое время в публичном пространстве доминирует новая ***квазирелигия*** прав человека и свобод, в центре которой не Бог, а человек, на основе которого и складывается ЕС 21-ого века’ («NRA», 08.02.2017); *Savukārt “Latvijas Sargs” apgalvo, ka avīze ved polemiku Latvijas valsts interesēs, censoties noraut masku pseidopatriotam un pseidovalstsvīram.* А «Латвияс Саргс» утверждает, что газета ведет

полемику в интересах латвийского государства, стараясь оторвать маску у псевдопатриота и псевдогосдеятеля» («Kursas laiks», 22.03.2018).

Префикс **экс-** вносит значение ‘бывший ранее тем, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’ (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 239): *Экс-тренер «МЮ» Алекс Фергюсон госпитализирован в тяжелом состоянии* («Аргументы и факты», 05.05.2018); *Российская фигуристка, победительница юношеской Олимпиады-2016 Полина Цурская заявила о прекращении сотрудничества с тренером Этери Тутберидзе, экс-наставником Евгении Медведевой* («Взгляд», 07.05.2018); *Военная прокуратура Одесского гарнизона Южного региона Украины подозревает экс-рулевого-сигнальщика учебного катаера Академии ВМС им. Нахимова в дезертирстве* («Московский комсомолец», 08.05.2018); Вместо того, чтобы привлечь к ответственности нелегальных продавцов алкоголя, *экс-полицейский потребовал у продавцов взятку в размере 7 000 рублей за несоставление протокола об административном правонарушении* («Московский комсомолец», 09.05.2018). По мнению исследователей, «префикс **экс-** отражает динамику общественно-политической жизни, обозначая лиц, утративших свой статус. Несмотря на то что производящие слова оценочно-нейтральны, в значении новообразований под влиянием контекста возникает отрицательная оценочность» (Рацибурская, Замальдинов, 2017, с. 37).

Префикс *eks-* в латышском языке тоже функционирует активно: *Pēdējā partija, kas pārvarēs 5 % barjeru, būs ekspremjeres un ekscietumnieces Jūlijas Timošenko Batkivščina, kura iepriekšējās vēlēšanās ieguva trīsreiz vairāk par pašreizējiem sešiem procentiem.* ‘Последняя партия, которая преодолеет барьер в 5 %, будет «Батькивщина» **экс-премьера** и **экс-тиюремницы** Юлии Тимошенко, которая в предыдущих выборах получила в три раза больше нынешних шести процентов’ («NRA», 29.10.2014). Следует отметить, что новообразования с префиксом *eks-* могут быть усилительно-оценочным средством: *Melo prezidents, eksprezidents, ekseksprezidents, premjers, aizsardzības ministrs, citi ministri, Ārlietu ministrija ar ministru priekšgalā, deputāti, arī eirodeputāti.* ‘Врут президент, **экс-президент**, **экс-экс-президент**, премьер, министр обороны, другие министры, министерство иностранных дел во главе министра, депутаты, еще евродепутаты’ («Pietiek.com», 18.04.2018).

Как видно из примеров, префиксы **экс-/eks-** присоединяются к существительным, называющим лица. Однако присоединение их к существительным, называющим место и учреждение, пусть нечастотное, также не исключено: *Его команда тренируется в Подмосковье, на экс-базе «Сатурна» в Кратово, поэтому выделить время для поездки в Махачкалу для Расима не мудрено* («Труд», 01.07.2011); *Первоначально двухэтажное здание в 1960-е надстроили еще на этаж, но свой элитный статус экс-гимназия потеряла, похоже, уже навсегда* («Ковровские вести», 31.10.2017); *В случае если Резекне лишится статуса города республиканского подчинения, на карте может появиться новое самоуправление – объединенные экс-город Резекне и Резекненский край* («Латвийские рейтинги», 13.01.2018); *Iespējams, ka banku pašlikvidācijas procesā tās mēģinās saglabāties zem mazāk pretenciozām un lētākām izkārtnēm. Eksbankas varētu papildināt noguldījumi pārvaldīšanas sabiedrību [...] pulciņus.* ‘Возможно, что в процессе самоликвидации

банков они будут стараться оставаться под менее привлекательными и более дешевыми знаками. Экс-банки могли бы дополнить группу депозитных компаний' («NRA», 19.03.2018).

Значительным словообразовательным потенциалом в русском и латышском языках обладают интернациональные суффиксы и суффиксоиды. Так, производные существительные с английским суффиксом *-инг* приобретают семантику 'действие, объектом которого является то, что названо мотивирующим словом' (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 388): «Бийск – пельменная столица Алтая», – под таким девизом в ноябре впервые пройдет чемпионат по спортивному *пельменингу*. Именно так решили назвать организаторы командные соревнования по ручной лепке пельменей на скорость («Новости Горного Алтая», 07.10.2014); заголовок *Шашлыкинг* – быть! Короли мангала зажги, запекли, накормили («Проект 111», 08.06.2016). В качестве производящих слов используются и имена собственные: Понятно, почему на просторах глобального Интернета уже появилось новое словечко – «*псакинг*». Так говорят, когда человек, не разобравшись, делает безапелляционные заявления, при этом путая факты, без последующих извинений («INTERPOLIT», 03.06.2014); заголовок «*Трампинг* XXI века. Игра на публику или поиск реальных компромиссов?» («Вместе-РФ», 22.06.2018). Анализ фактического материала показывает, что англоязычная морфема набирает активность в современном русском языке. Словообразовательные неологизмы с суффиксом *-инг* обладают ярко выраженной экспрессивностью, являются средством создания иронического эффекта.

В латышском языке суффикс *-ing* не обладает такой словообразовательной активностью, как в русском языке. Большинство слов являются прямыми заимствованиями из английского языка (*dopings* 'допинг', *kempings* 'кемпинг', *shopings* 'шопинг'). Одни слова на *-инг* обозначают относительно новые понятия и явления (*brendings* 'брэндинг', *koucings* 'коучинг', *marketings* 'маркетинг'), другие существуют параллельно исконным словам, обозначающим одни и те же понятия (*strećings* 'стречинг', *dresings* 'салатный соус'). Несмотря на то, что в публичном пространстве и современной образовательной системе английский язык является главным иностранным языком и наиболее влиятельным в плане языковых контактов (Bušs, 2013, р. 142), на данный момент выделение *-инг* как суффикса составляет определенную трудность. Следует отметить, что присоединение суффикса к исконной основе не наблюдается.

В ходе деривационных процессов образуются существительные с продуктивным суффиксоидом *-гейт* со значением 'политический скандал': заголовок Желающий расследовать «*Пицца-гейт*» вокруг Клинтон открыл огонь в пиццерии в Вашингтоне («Ведомости», 05.12.2016); заголовок Две главных причины *мундиальгейта* («Syg.ma», 28.06.2018). Следует отметить, что в русском языке новообразования с суффиксоидом *-гейт* могут быть созданы на базе антропонимов: заголовок *Хилларигейт* покруче Уотергейта – Трамп («Axar.az», 30.10.2016); заголовок *Макронгейт*: хакеры раскопали офиорные счета Макрона и венчество на «к» («Вести.Ru», 06.05.2017); В то же время собственного мужа – наследника престола – «народная принцесса» изображала в самом черном свете. С ее подачи разгорались чудовищные скандалы, самым неприятным из которых

стал «**Камилла-гейт**» («Взгляд», 07.08.2017). Кроме того, антропонимы могут переходить в разряд имен нарицательных: *Или же мы наблюдаем более сложные игры, учитывая, что практически одновременно с событиями в Кемерово случился «улюкаевгейт»?* («Тайга. инфо», 16.11.2016). Таким образом, с помощью новообразований с суффиксоидом **-гейт** журналисты оказывают эмоциональное воздействие на адресата, распространяют негативную информацию.

Одним из важнейших событий в истории латвийской политики является *Jūrmalgeita* – скандал, связанный со взяткой в размере 20 000 евро накануне выборов мэра города Юрмала в 2005 году: *Notikums, kas ieguva nosaukumi «Jūrmalgeita», ir viens no lielākajiem pirmajiem politiskās korupcijas skandāliem Latvijas vēsturē. ‘Событие, названное «Юрмалгейт», является одним из крупнейших скандалов политической коррупции в истории Латвии’* («Latvijas Avīze», 04.12.2017). По модели данного производного создан ряд новообразований (*tautologia*), связанных с конкретными политическими деятелями: *Uz tā fona, protams, savu lomu spēlēs jaunā prezidenta ievēlēšana, un citi notikumi, kas saistīti ar korupcijas skandāliem – Lemberggeita un tamādzīgi.* ‘На этом фоне, конечно, свою роль будет играть назначение нового президента и другие события, которые связаны с коррупционными скандалами – **Лемберггейт** и тому подобное’ («NRA», 03.07.2007); *Un Latvijā ir vēl visādās šlesergeitas, par kurām sabiedrība nekā nezina. ‘И в Латвии есть еще всякие **шлесергейты**, о которых общество ничего не знает’* («Druva», 03.12.2011). В отличие от предыдущих примеров, элемент **-гейт**- не может соединяться со словосочетанием, скажем, «Рижская дума». Поэтому здесь образуется аналитическая лексема, где элемент употребляется в качестве самостоятельного слова: *Jūrmalgeita – rezultātu nav! Rīgas domes geita – rezultātu nav!* ‘**Юрмалгейт** – результатов нет! **Гейт Рижской думы** – результатов нет!’ («Diena», 22.04.2010). В обществе сложилось представление о передаваемой суффиксоидом семантике, о чем свидетельствует употребление суффиксоида как самостоятельной лексической единицы: *Sabiedribai patīk dažādas “geitas”, dažādi skandāli.* ‘Обществу нравятся разные **«гейты»**, разные скандалы’ («Latvijas Avīze», 19.09.2007).

Следует отметить активный процесс деонимизации в русском и латышском языках. Имя собственное при помощи интернациональных элементов и других словообразовательных средств может переходить в имя нарицательное. Разного рода имена собственные мотивируют производные слова, которые наглядно отражают отношение говорящего к современным реалиям.

Выводы

Анализ интернациональных элементов в словообразовании русского и латышского языков показал, что большинство новых номинаций в обоих языках создано в соответствии с традиционными словообразовательными типами. Так, по нашим наблюдениям, заимствованные приставки (*анти-/anti-, супер-/super-, мега-/mega-*, *квази-/kvazi-*, *псевдо-/pseudo-*, *экс-/eks-*), суффиксы (*-инг-/ing-*), суффиксоиды (*-гейт/ -geit-*) характерны не только для российских, но

и латвийских медиатекстов. Рассматриваемые морфемы являются интернациональными, восходящими к латинскому и греческому языкам, за исключением суффиксов английского происхождения *-инг/-ing-* и *-гейт/-geit-*. Поэтому в целом словообразовательные элементы в обоих языках имеют общую семантику.

Кроме того, активное использование в обоих языках словообразовательных неологизмов, отличающихся экспрессивностью и оценочностью, обеспечивает эффективность речевого воздействия.

Библиография

- Крысин, Л.П. (2007). *Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография*. Москва: Академия.
- Лопатин, В. В., Улуханов, И. С. (2016). *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».
- Радбиль, Т. Б., Рацибурская, Л. В. (2017). Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект. *Мир русского слова*, № 2, с. 33–39.
- Рацибурская, Л. В., Замальдинов, В. Е. (2017). Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, № 4, с. 34–41.
- Bušs, O. (2013). *Latviešu valodas leksika*. B: Veisbergs, A. (ред.). *Latviešu valoda*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, с. 133–156.
- Vulāne, A. (2013). *Vārddarināšana*. B: Auziņa, I. [et al.] (ред.). *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, с. 190–299.

LEKSYKOGRAFIA
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
LEXICOGRAPHY

NA PRZYKŁAD CZASOWNIK ZABEZPIECZYĆ ‘ZAPEWNIĆ (COŚ); ZADBAĆ (O COŚ)’

JAN WAWRZYŃCZYK

Uniwersytet Warszawski
profesor emeritus
e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2011-3240>
(nadesłano: 24.09.2018; zaakceptowano 1.10.2018)

Abstract

For instance, the verb *zabezpieczyć* ‘provide (something); take care (of something)’

The article is devoted to the history of the Russianism *zabezpieczyć* ‘zapewnić (coś); zadbać (o coś)’ in theoretical and methodological terms. The material is drawn from the dictionary entitled *Гиперсловарьпольского языка* which is planned to be printed in 2019.

Key words

Lexicography of the Polish language, Russianism *zabezpieczyć*, *Гиперсловарьпольского языка*.

Резюме

Например, глагол *zabezpieczyć* ‘zapewnić (coś); zadbać (o coś)’

Заметка посвящена истории русизма *zabezpieczyć* ‘zapewnić (coś); zadbać (o coś)’ в теоретико-методологическом плане. Материал для нее почерпнут из *Гиперсловаряпольского языка* (лексикон готовится к печати в 2019 г.).

Ключевые слова

Лексикография польского языка, русизм *zabezpieczyć*, Гиперсловарь польского языка.

Należy on w dziejach polskiego słownictwa do wielotysięcznego zbioru rusycyzmów, które pojawiły się w tekstuach drukowanych, oryginalnych bądź tłumaczonych (nie tylko z języka rosyjskiego). Nie każdy jednak polski rusyczym ma własną literaturę przedmiotu – dłuższą czy krótszą listę publikacji, bibliografię prac jemu poświęconych. Temu poszczęściło się wyjątkowo. W e-brudnopsisach swojego *Hipersłownika języka polskiego*¹ zarejestrowałem aż kilkanaście rozmaitych wypowiedzi na jego temat. Warto je tu przytoczyć (z zastrzeżeniem, że część owych wypowiedzi odnosi się jedynie do postaci niedokonanej – **zabezpieczać**)²:

PorJ 1910: 117-118 • PorJ 1935/36: 145 • PorJ 1965: 36-37 • S. Urbańczyk, *Zabezpieczyć a zapewnić, zagwarantować* //JPol 46 (1966), 1: 78 • JPol 47 (1967): 144, 304-305, 307 • Doroszewski W. 1968: 292-293 • PorJ 1973, 5-6: 388 • PorJ 1975, 5: 284-286 • Buttler D. 1978: 20 • Wesołowska D. N. 1978: 52 • Doroszewski W. 1979: 178-180 • Zaron Z. 1980 • PorJ 1983, 2: 135-139 • Pisarek W. 1985: 138, 186 • M. Skarżyński, Znowu o *zabezpieczyć* w znaczeniu ‘zapewnić’ //JPol 69 (1989), 1-2: 76-78 • S. Urbańczyk, Dopisek //JPol 69 (1989), 1-2: 78-79 • Nowakowski M. 2002 • Wierchoń P. 2008a: 463 • UWarsz 2018, 3: 33

W niniejszej notatce nie chodzi o szczegółową analizę merytoryczną wskazanego tu bibliograficznie³ zespołu sądów na temat tytułowego czasownika; notatka ma charakter ogólnometodologiczny.

Dane (w tym metadane) gromadzone w HJP, które trzeba stale wzbogacać, powiększać z powodu nieustannego przyrostu publikacji, umożliwiają prowadzenie szczegółowych badań i analiz krytycznych w odniesieniu do najrozmaitszych wyrażeń polskich i ich klas. W niejednym wypadku – gdy owych danych jest szczególnie dużo, jak np. w obszarze aspektologii czy słowotwórstwa – mogą też, i powinny, odgrywać one rolę negatywną, tzn. nie zachęcać do podejmowania takich czy innych zagadnień.

Dysponując listą adresową dokumentów zawierających potrzebną nam odnośną informację i metainformację, uporządkowaną oczywiście chronologicznie, możemy zacząć pracę, która musi polegać – mówiąc najogólniej – na dokładnej analizie treści dokumentu D_n w porównaniu z treścią dokumentu D_{n-1}. Wykonanie wszystkich kroków (analiz cząstkowych) w obrębie badanego zbioru dokumentów odsłoni strukturę, by tak rzec, dynamiczną jego treści. Zadanie jest na ogół nieskomplikowane, jeśli

1 Praca przygotowywana do druku w 2019 r. Tutaj w dalszej narracji oznaczam ją skrótem HJP.

2 Co nie zmniejsza jednak na płaszczyźnie semantyki wartości poznawczej owych wypowiedzi; A. Bogusławski zauważał, że forma dokonana jest poniekąd nadrzędna, a formę niedokonaną można uznać za formę fleksyjną tej pierwszej (zob. jego fundamentalne studium *Rezygnacja i nadzieja filozofów*, [w:] „Przegląd Humanistyczny” 2004, nr 2, s. 4).

3 Potrzeba oszczędności miejsca w prezentowanej notatce skłoniła mnie do rezygnacji z podawania pełnych adresów bibliograficznych; rozwiązanie użytych tu skrótów znaleźć można bez trudu w Internecie na stronie www.nfjp.pl pod zakładką BIBLIOGRAPHY.

zbiór liczy tylko dwa dokumenty, przy np. dziesięciu pracy może się okazać znacznie żmudniejsza. Mój przykładowy zbiór 19-dokumentowy po zamknięciu analizy uzyska pewien szkic dziejów poznania czasownika **zabezpieczyć**. Jeśli dokumentów będzie, powiedzmy, 50, wynik analizy stanowić może obszerną monografię.

W toku analizy odsłoni się określone mankamenty literatury przedmiotu, przede wszystkim sprzeczności sądów w niej zawarte, przy czym nie każda z tych sprzeczności znajduje odkrywcę i komentatora w tejże literaturze. Każdy z ocenianych sądów wiąże się z kompetencją, stopniem kompetencji autorów tych sądów. Trudno oczekiwac, by kompetencja, czyli ostatecznie wiedza badacza, była absolutna, nawet na tak skromnym wycinku, jak ten czy inny rusyczym polszczyzny. W wypadku czasownika **zabezpieczyć** obserwujemy wyraźnie naganne zjawisko braku większego zainteresowania wcześniejszymi wypowiedziami naukowymi na temat tego słowa, ignorowanie ich, co w konsekwencji oznacza poznawczą bezużyteczność, czyli wtórność, niektórych z nich. Ignorancja niekiedy daje pożywkę spekulacjom nacechowanym skrajnym subiektywizmem. Czy nie będziemy mieć do czynienia wręcz z subiektywizacją poszczególnych leksykalnych „mikrohistorii”, przyjmując bezkrytyczne niedoinformowanie ich autorów? Mirosław Bańko, który dopisał się do mojego sprostowania w kwestii „peerelowskości” rusyczmu **zabezpieczać**⁴, mówi o „niemijaniu się z prawdą”, choć podstawą owego niemijania się jest wyłącznie częstкова znajomość faktów: dokumentacji tekstu, źródeł. Wzmiankowany HJP w podobnych wypadkach może się, przypuszczam, przydać; produkowanie, powielanie informacji niewyczerpujących generuje przecież w ostateczności dezinformację – zjawisko bez wątpienia szkodliwe (nie tylko w lingwistyce). Anglosaska metodologia nauk wskazuje w tym wypadku, że chodzi o „Argument By Laziness (Argument By Uninformed Opinion)” – informacja o nim dostępna w Internecie.

Bibliografia

- Bogusławski, A. (2004). Rezygnacja i nadzieja filozofów. *Przegląd Humanistyczny*, nr 2.
Wawryńczyk, J. *Hipersłownik języka polskiego* (w druku).

⁴ Por. UWarsz 2018, nr 3, s. 33; tamże dopisek M. Bańki.

ОФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА БУКВЕННОГО РЕГИСТРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

ИЯ НЕЧАЕВА

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

ул. Волхонка, 18/2, 119019 Москва, Россия

e-mail: inechaeva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3421-1714>

(получено 16.08.2018; принято 18.09.2018)

Abstract

Orthographic problem of letter case and its reflection in lexicography

The paper analyzes the orthographic problem of capital vs. small grapheme usage from the perspective of lexicographic description. In this area the orthography is largely related to extralinguistic reality and is frequently complicated by the factor of orthographic tradition. The determination of the status of a nomination as a proper name is not always evident; furthermore, there exist numerous transitional cases. The existence of multiple factors influencing orthographic solutions and the existence of individual orthographic norms are responsible for the specific character of lexicographic description. The problem of letter case is described in a specialized orthographic dictionary, since general dictionaries usually disregard it.

The special features of the usage of a capital grapheme may be related to the semantics of lexical units (mono- and polysemantic) or to their structure (one-word or not-one-word units). Relevant examples are given and analyzed in the paper. Also, common orthographic correlates of proper names are included in dictionaries. The optimal form of lexicographic description is a dictionary complex which comprises all borderline cases.

Key words

Orthography, lexicography, letter case, capital letter (grapheme), proper name, common name, onym, appellative, aspect dictionary.

Резюме

В статье анализируется орфографическая проблема употребления прописной vs. строчной графемы в аспекте лексикографического описания. Правописание в данной области в большой степени связано с внеязыковой реальностью и нередко осложняется фактором орфографической традиции. Определение статуса номинации как имени собственного не всегда очевидно; кроме того, существует значительное количество переходных случаев. Многофакторность орфографических установлений и наличие индивидуальных правописных норм обуславливает специфику словарного описания. Проблема буквенного регистра описывается в специализированном аспектном орфографическом словаре, поскольку словари общего плана обычно оставляют ее без внимания.

Особенности употребления прописной графемы могут быть связаны с семантикой словарных единиц (моно- и полисемантических) или с их структурой (однословных и неоднословных). В статье приводятся и анализируются соответствующие примеры. В словарь включаются также нарицательные орфографические корреляты собственных имен. Оптимальную форму словарного описания представляет словарный комплекс, включающий все пограничные случаи.

Ключевые слова

Орфография, лексикография, буквенный регистр, прописная буква (графема), имя собственное, имя нарицательное, оним, appellative, аспектный словарь.

Практически любая орфографическая проблема может быть описана лексикографически. Существуют общие (универсальные) орфографические словари, предназначенные для орфографически корректного представления всего лексикического массива языка в соответствии с правилами правописания и научными установками авторов данного словаря. Они могут быть дифференцированы по объему и адресату: создаются максимально полные на момент выхода словари, а также малые, краткие и карманные; с другой стороны, есть словари для широкого читателя и словари учебные, предназначенные для какой-л. конкретной категории пользователей, отличающиеся определенным уровнем адаптации словарной информации. Универсальные словари не акцентируют внимание читателя на какой-либо конкретной проблеме, они приводят справочную

информацию общего орфографического плана, представляя собой более или менее подробный список нормативно корректных написаний.

Существует также и другая группа лексикографических изданий: это аспектные орфографические словари, предметом описания которых является какая-либо одна правописная проблема: например, правописание сложных слов и словосочетаний, или употребление удвоенных согласных, или употребление прописной буквы (графемы)¹. Необходимость компактного словарного отображения проблемных в определенном отношении слов и практическая потребность в такого рода пособиях привела к созданию словарей *Слитно или раздельно?, Прописная или строчная и Одно или два «н»?* (см. Букчина, Калакуцкая, 1982/1987; Розенталь, 1984; Лопатин, Нечаева, Чельцова, 1999/2009; Сазонова, 1999).

Аспектные (иначе – профильные) словари описывают однопорядковые языковые единицы либо рассматривают лексику под определенным углом зрения (см. Крысин, 2013, с. 557). Орфографические словари, посвященные одной теме, имеют своим предметом описание лексического материала, вычленяемого по формально-графическому признаку, будь то удвоение согласных, прописная графема или дефиксно-пробельно-контактное присоединение значимых частей лексической единицы. Графические особенности выделенных категорий слов являются в определенной мере показателем их языкового статуса. Это могут быть адъективно-причастные формы (которые не исключительно, но преимущественно составляют словарь *Одно или два «н»?*), собственные имена и наименования (*Прописная или строчная?*) или сложные с точки зрения как синхронии, так и диахронии слова и словосочетания (*Слитно или раздельно?*). Однако при определении статуса языковой единицы, равно как и ее письменной формы, необходим инструмент сравнения, привлекаемый для решения орфографической задачи.

Проблему буквенного регистра орфографические словари общего плана обычно оставляют без внимания. Процесс «изгнания» прописной из общего орфографического словаря, произошедший в середине 20 века и обусловленный, вероятно, конъюнктурными причинами, описан в статье В. В. Лопатина 2001 года (Лопатин, 2001, с. 250–253). Частично ономастическая лексика и связанные с ней орфографические проблемы были возвращены в *Русский орфографический словарь* под ред. В. В. Лопатина при формировании концепции его 1-го издания (1999). Между тем данная область орфографии в современной практике письма наименее устойчива и потому заслуживает отдельного подробного описания, которое имеет свои особенности. Этим обусловлена необходимость создания аспектного словаря.

Очевидно, что в системе языка собственные имена связаны с нарицательными семантическими, деривационными и иными связями, тем самым создавая смысловое поле смежных понятий и соответствующих им лексем. Это предпо-

¹ Вопреки распространенному наименованию «прописная буква», мы будем использовать словосочетание «прописная графема», являющееся терминологически более точным; см. Зализняк, 1979, с. 146; Нечаева, 2017, с. 144.

лагает включение в словарь, наряду с собственными именами, и коррелирующих с ними нарицательных имен (например: *Гулливер* ‘литературный персонаж’ и *гулливер* перен. ‘очень высокий человек’; *компас* ‘прибор’ и *Компас* ‘созвездие’; *Бордо* ‘город во Франции’ и *бордо* 1. ‘сорт красного вина’, 2. ‘цвет’; *земля* ‘суша, почва, территория’ и *Земля* ‘планета’ и др.). Значения и орфография подобных единиц эксплицируются путем взаимного сопоставления в рамках семантической пары (или семантического ряда). В связи с этим словари описываемого жанра по своему составу являются гибридными.

С другой стороны, распределение лексики на онимо-апеллятивных полюсах (а иногда и на шкале постепенных смысловых переходов) не всегда является очевидным. Немало переходных случаев, когда статус той или иной номинации находится в стадии формирования и противопоставление графических пар по признаку регистра начальной графемы не является окончательным (Чельцова, 2009, с. 254–255) (например: *Иуда* ‘евангельский персонаж’ – *иуда* ‘предатель’, *Робинзон* ‘литературный персонаж’ – *робинзон* перен. ‘ тот, кто живет в необитаемой местности’; но: *Плюшкин* ‘персонаж Н. В. Гоголя’ – *Плюшкин* ‘скряга’, *Наполеон* ‘французский полководец и император’ – *Наполеон* ‘властолюбивый и самонадеянный человек, претендующий на исключительность’ т.п.). Вынесенная в заглавие словаря вопросительная формула отражает проблему орфографического выбора и соответствует жанровой специфике аспектного словаря. В такой словарь включаются слова и словосочетания, которые могут писаться как с прописной, так и со строчной графикой или у которых вариант написания с прописной можно заподозрить. Надо сказать, что аспектные орфографические словари в большей степени, нежели универсальные словари, апеллируют к языковой компетенции читателя.

Орфографическая проблема буквенного регистра имеет два основных аспекта: регистровая мена может происходить как в зависимости от членения речи, так и независимо от этого. В первом случае говорят о синтаксической функции прописной графемы (употребление в начале самостоятельного отрезка текста), во втором случае – о семантической функции. Помимо этого можно говорить о стилистической функции прописной и о функции, которую мы назовем этикетной (Нечаева, 2017, с. 157).

Лексикографическому описанию подлежат те случаи регистровых различий, которые не зависят от членения речи, т.е. в основном речь идет о семантической функции. Данная функция задействована при обозначении с помощью прописной особого характера слова, присущего собственным именам.

Принципы орфографического подхода в данной области заданы в основном Я. К. Гротом (хотя вопросы уместности употребления прописной были предметом внимания ученых и до Грота). Известны его высказывания о желательности разумной экономии при употреблении прописных на письме: «Большія букви составляют, собственно говоря, роскошь письма» (Грот, 1888, с. 87); «Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитанного даютъ глазу точки опоры,

облегчаютъ ему отысканіе нужнаго» (Грот, 1876, с. 359). Основная идея заключается в следующем: «Совершенно справедливо признать за общее правило, что съ большой буквы пишутся только слова, служащія собственными именами; но такую роль могутъ играть не одни въ тѣскомъ смыслѣ означаемыя этимъ названіемъ слова, а также и нарицательныя – какъ существительныя, такъ и прилагательныя»; «Относительно названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти слова писать съ большой буквы, или только главное изъ нихъ? Держась принятаго принципа не расточать большихъ буквъ, слѣдует начинать такою буквою только первое слово подобныхъ названий» (Грот, 1876, с. 360).

Но, как уже отмечалось, не всегда легко различить имя собственное и имя нарицательное. Критерии, определяющие статус наименования, неабсолютны. В теории для онимов характерна непосредственная связь с денотатом, они несут в себе десемантизирующую составляющую и не обозначают понятие (поддающееся дефиниции), а являются лишь меткой для какого-л. объекта; при этом онимы выполняют функцию индивидуализации понятия и указывают на единичность обозначаемого ими денотата (Суперанская, 1973, с. 56–57). В целом принимая данное теоретическое исследование за основу понимания языкового статуса имени собственного, можно, однако, заметить, что на практике задача разграничения онимов и апеллятивов иногда очень сложна, поэтому общих представлений о понятии имени собственного, а также существующих правил в этом сегменте правописания порой оказывается недостаточно. Так, наблюдения за узусом показывают, что существуют вторичные онимы, не прошедшие стадию десемантизации и сохраняющие в той или иной степени семантику апеллятива (например, *Рождество*, *Вознесение*, *Иоанн Креститель*, *Болеслав Храбрый*, *Вильгельм Завоеватель*, *Коцѣй Бессмертный*, *царевна Несмѣяна*, *сеньор Помидор* и др.); единичность обозначаемой словом (словосочетанием) реалии при отсутствии других лингвистических оснований не является диагностическим признаком онима и не может служить основанием для употребления прописной графемы, равно как и принадлежность языковой единицы к какому-л. множеству необязательно влечет за собой понижение буквенного регистра (Нечаева, 2017, с. 149–151).

Необходимо также иметь в виду, что в области правописания ономастической (в широком смысле) лексики особую значимость имеет связь правописных решений с внеязыковой реальностью. Это может быть обусловлено меняющимся с течением времени общественным осознанием многих понятий (социальных, религиозных, политических и др.), а также появлением новых реалий и соответствующих им номинаций. Орфографическая норма в этой области нередко индивидуальна и зависит от традиции; при этом в правилах правописания невозможно охватить регламентацией все конкретные случаи. Кроме того, критерии орфографических установлений в данной области не всегда эксплицированы. Как говорил академик Я. К. Грот, «за правилами все-таки еще многое останется решать такту и здравому смыслу» (Грот, 1876, с. 359). Это усиливает роль аспектного орфографического словаря.

Задача такого словаря – на конкретном лексическом материале дать ответ на вопрос, вынесенный в его заглавие: «прописная или строчная?». Данная орфографическая антиномия и единство основной лексикографической задачи предопределяют особенности макро- и микроструктуры словаря.

Источники возможных затруднений в употреблении прописной vs. строчной графемы составляют две группы случаев: первые связаны в основном с семантикой словарных единиц, вторые – с их структурой.

3.1. По семантике подлежащие лексикографическому описанию единицы составляют две большие группы: это а) моносемантические единицы и б) полисемантические (в том числе омонимические). В отношении последних очевидно, что многозначность предполагает необходимость смысловой дифференциации понятий при графическом их обозначении на письме. Примеры:

Группа А→а (с изменением значения происходит замена прописной на строчную):

Будда ‘имя основателя буддизма’ – будда ‘тот, кто достиг духовного просветления’;
Ахилл ‘мифологический персонаж’ – ахилл разг. ‘ахиллово сухожилие’;

Жучка ‘кличка собаки’ – жучка ‘о любой дворовой собаке’;

Аляска ‘полуостров’ – аляска ‘куртка’;

Олимп ‘гора в Греции; в мифологии – местопребывание богов-олимпийцев’ – олимп перен. ‘избранный круг, верхушка общества’;

Тмураракань ‘древний причерноморский город’ – тмураракань и тьмураракань ‘отдаленная глухая провинция’;

Калашников ‘фамилия конструктора стрелкового оружия’ – калашников разг. ‘автоматическое стрелковое оружие, автомат’;

Вавилонское столпотворение ‘библейский сюжет’ – вавилонское столпотворение ‘о суматохе, беспорядке’.

Группа а→А (с изменением значения происходит замена строчной на прописную):

запад ‘сторона света’ – Запад ‘страны Западной Европы и Северной Америки’;

орел ‘птица’ – Орел ‘название города’;

возрождение ‘восстановление’ – Возрождение ‘эпоха культурного расцвета в Западной Европе в 14–16 вв.’;

белая ‘прилагательное женского рода’ – Белая ‘название реки’;

лев ‘животное’ – Лев ‘о человеке, родившемся под зодиакальным созвездием Льва’.

Группа А→А (изменение значения не влечет за собой изменение буквенного регистра):

Аполлон ‘мифологический персонаж’ – Аполлон ‘о красивом мужчине, юноше’;

Обломов ‘персонаж одноименного романа И. А. Гончарова’ – Обломов ‘русский тип бездеятельного человека’;

Ромео ‘персонаж трагедии Шекспира’ – Ромео ‘влюбленный юноша’;

Волга ‘река’ – «Волга» ‘автомобиль’

и др.

Члены последней группы и подобные им могут быть охарактеризованы как переходные случаи, когда слово по своему статусу является не вполне ономом и не вполне апеллятивом. Обычно при этом говорят о неполном переходе собственных в нарицательные, условном употреблении тех или иных наименований, неокончательной утрате связи с носителем имени и т.п.

В группе моносемантических лексических единиц не каждая из них подлежит словарному описанию. Поскольку аспектный орфографический словарь с вопросительной формулой в заглавии является, по сути, словарем орфографических трудностей, в нем не обязательно должны быть представлены члены тех тематических групп, ономастический статус которых безусловен и правописание не представляет затруднений: это общеизвестные антропонимы, простые (однословные) общеизвестные топонимы и др. Напротив, с максимально возможной полнотой должны быть описаны неоднословные моносемантические единицы и слова, представляющие ту или иную орфографическую проблему, например, имеющие в своем составе служебные элементы.

Среди моносемантических единиц выделяется категория слов, которые, несмотря на единство семантики, могут, как и полисемантические, иметь две противопоставленные орфограммы. У таких единиц неоднозначность отображения на письме связана с употреблением их в различных дискурсах. Примеры:

Президент 'глава государства' – в текстах официальных документов: *Президент Российской Федерации, Президент Французской республики, Управление делами Президента РФ; президент* – в иных контекстах: *выборы президента, президент Билл Клинтон, встреча двух президентов, рейтинг президента;*

Папа Римский 'глава католической церкви' – при официальном титуловании: *Папа Римский Франциск совершил таинство крещения в Сикстинской капелле Апостольского дворца; папа римский* – в неофициальных контекстах: *резиденция папы римского, выборы папы римского, папа римский Иоанн Павел II; ватикан (его, ее) величество* – в нейтральных текстах; *Ватикан (Его, Ее) Величество* – при официальном титуловании монарха и др.

Существуют и более сложные случаи, когда семантические и дискурсивные различия оказывают одновременное влияние на орфографию слова, и это показывается в словаре. В этой связи нельзя не привести следующий пример:

1. **бог**, -а, мн. -и, -ов, напр.: бог Аполлон, боги Олимпа, Марс – бог войны, артиллерия – бог войны (*перен.*)
2. **Бог**, -а (в христианстве и других монотеистических религиях: *единое верховное существо*), напр.: верить в Бога, молиться Богу
3. **бог**, -а (в ряде выражений *преимущ. междометного и оценочного характера; употр. вне прямой связи с религией*), напр.: ей-богу, бог ты мой, бог его знает, бог знает что (*выражение возмущения*), дай бог (*высокая оценка чего-н.*), не дай бог, помилуй бог (*выражение несогласия или удивления*), не бог весть, не бог знает что, не слава богу (*неблагополучно*), ради бога (*пожалуйста, очень прошу*), убей (*меня*) бог, как бог на душу положит, давай бог ноги; вот вам бог, а вот порог; иди ты к богу (в рай); ни богу свечка, ни черту кочерга (Лопатин, Нечаева, Чельцова, 2009, с. 79–80).

Не обойдем вниманием и еще одну категорию слов, представляющих тривиальную орфографическую трудность в отношении обозначения начальной гра-

фемы: это производные от собственных имен. Несмотря на наличие довольно четких правил², действует психолингвистический фактор графической аналогии у однокоренных слов. Это в основном относительные (чаще всего – оттопонимические) прилагательные, но также и существительные типа *пугачевица*; последние не следует путать со словами *Псковица*, *Смоленица* и т.п., которые сами являются собственными именами.

3.2. По структуре словарные единицы подразделяются на однословные и неоднословные. В отношении неоднословных возможны два варианта орографирования: с прописной пишется а) только первое слово номинации (плюс входящие в нее онимы) или б) все составляющие данное наименование слова. По общему правилу в большинстве такого рода номинаций по русской письменной традиции повышенным буквенным регистром отмечается только первое слово; однако это не касается личных составных имен, географических, астрономических и административных названий (за исключением родовых понятий, пишущихся со строчной графикой) и названий некоторых организаций мирового значения (например, *Организация Объединенных Наций*). Приведем примеры различных номинаций, сгруппированных по тематическому принципу:

- антропонимы: *Генрих Наваррский*, *Симеон Столпник*, *Феофан Затворник*, *Ричард Льюине Сердце*, *Лу Синь*, *Ким Чен Ир*, *Венера Каллипига*, *Джон Ячменное Зерно*, *Синяя Борода*;
- топонимы и административные названия: *Большая Курильская гряда*, *Великий Устюг*, *Новый Орлеан*, *Южное Пассатное течение*, *Северный Донец*, *Нагорный Карабах*, *мыс Доброй Надежды*, *Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии*, *Большой Каменный мост*, *Выборгская сторона*, *Лебяжья канавка*, *Покровские Ворота*³;
- астронимы и космонимы: *Млечный Путь*, *Большая Медведица*, *Полярная звезда*, *Большая туманность Ориона*, *созвездие Южный Крест*;
- хрононимы: *Новое время*, *Петровская эпоха*, *Раннее Возрождение*, *Пятая республика*;
- названия исторических событий: *Великая французская революция*, *Столетняя война*, *Бородинское сражение*, *Крымская конференция*, *Брестский мир*, *Парижская коммуна*, *Великие географические открытия*, *Варфоломеевская ночь*;
- названия различных предприятий, учреждений, организаций: *Международный валютный фонд*, *Российская торгово-промышленная палата*, *Российский гуманитарный научный фонд*, *Российское информационное агентство «Новости»*, *Институт Франции*, *Медицинский колледж РАМН*, *Первая (1-я)*

² По правилу, существительные и относительные прилагательные, образованные от собственных имен, пишутся со строчной буквы, а притяжательные прилагательные – с прописной.

³ По правилу, нарицательные существительные в составе географических и административных названий пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в своем собственном значении, ср. *Сивцев Вражек* (переулок), *Покровские Ворота* (площадь), *Зацепский Вал* (улица), а также *Золотой Рог* (бухта), *Кузнецкий Мост* (улица), *Марьина Роща* (район) и т.п.

градская больница, Международная федерация гимнастики, Большой драматический театр, Малый зал Московской консерватории, театр Ла Фениче, Государственная Третьяковская галерея;

- названия дворцов, замков, храмов, монастырей, заповедников: *Зимний дворец, Большой Кремлевский дворец, Фонтанный дом, вилла Боргезе, Инженерный (Михайловский) замок, замок Иф, Исаакиевский собор, собор Парижской Богоматери, храм Всех Святых, церковь Покрова на Нерли, Голубая мечеть, Соловецкий монастырь, Оптина пустынь, Байкальский заповедник, Беловежская Пуща;*
- названия религиозных и культурных артефактов: *Ветхий Завет, Младшая Эдда, Лунная соната, Медный всадник, Ростральные колонны, Пергамский алтарь, Сикстинская Мадонна, Янтарная комната, Розетский камень;*
- названия наград, премий, призов, знаков отличия: *Государственная премия, Нобелевская премия, орден Красной Звезды, орден Почетного легиона, Георгиевский крест, медаль «Ветеран труда», Золотая пальмовая ветвь, приз «Золотая маска»;*
- названия праздников, календарных периодов, памятных дат: *Новый год, Международный женский день, Всемирный день защиты детей, Татьянин день, День независимости, День города, День благодарения, День взятия Бастилии, Год ребенка, Пушкинский год, год Лошади (по восточному календарю) и мн. др.*

Орфографическая проблема употребления прописной графемы у однословных словарных единиц касается прежде всего композитов, пишущихся через дефис. Подобные единицы на письме могут иметь одну прописную в начале слова или две прописных – в начале каждой из частей, разделенных дефисом. Иногда такие слова входят в состав неоднословных номинаций. Поэтому слова с дефисом обязательно должны включаться в словарь.

В орфографических правилах, которые простроены по принципу регламентации различных семантических разрядов лексики (географические названия, астрономические названия, названия исторических эпох, названия, связанные с религией и др.), не разъясняется логика нормообразования в данной области, однако словарный материал позволяет заметить наличие определенной системы. Правописание зависит от характера и происхождения номинации. Примеры:

Абу-Даби, Ай-Петри, Ла-Мани, Сьерра-Невада; Книппер-Чехова, Салтыков-Щедрин и т.п. (номинации являются либо антропонимами, либо топонимами и аналогичны тем неоднословным наименованиям, в которых все слова пишутся с прописной);
Гайд-парк, «Геликон-опера», Горбачев-фонд, Царь-колокол и т.п. (номинации аналогичны тем неоднословным наименованиям, в которых только первое слово пишется с прописной);

Южно-Американская платформа ← Южная Америка, Северо-Атлантическое течение ← Северная Атлантика (номинации образованы от неоднословных собственных наименований, в которых все слова пишутся с прописной);

Горно-металлургическая компания ← горная металлургия, Военно-исторический архив ← военная история (номинации образованы от нарицательных словосочетаний).

Другая проблемная группа структурно сложных единиц (однословных и неоднословных) – онимы, имеющие в своем составе служебные элементы (русские и иноязычные). Существует правило, по которому такие элементы (артикли, предлоги и другие служебные слова) должны писаться со строчной графикой; однако, поскольку написание подобных имен в максимальной степени подчиняется традиции, а у иноязычных единиц может также зависеть от орфографии языка-источника, встречаются различные случаи (иногда обнаруживающие традиционную непоследовательность). Примеры:

Франкфурт-на-Майне, Рио-де-Жанейро, Шарм-эль-Шейх, Па-де-Кале, Ла-Манш, Ла Скала, Васко да Гама, Ди Каприо, Кер-оглы, аль-Капоне, Абу Али ибн Сина, Турсун-заде, д'Артаньян, Д'Аламбер, Ван Гог и др.

Многообразие лексического материала и его особый характер обусловливают необходимость поиска оптимальных форм словарного описания, главная цель которого – полнота и информативность представления материала во всей его специфике. С этим связаны, помимо макроструктурных, и микроструктурные особенности аспектного орфографического словаря. Постатейное алфавитное расположение всех проблемных слов и словосочетаний возможно, и оно имеет свои достоинства. Но наиболее информативным представляется совместное описание орфографических коррелятов в виде особого словарного комплекса, включающего все пограничные случаи. Поэтому словарная единица и словарная статья в словаре данного типа – это не одно и то же. Примеры словарных комплексов:

1. **академия, -и** (*не в начале названий учреждений*), напр.: Российская академия наук, Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Военная академия им. М.В. Фрунзе, Дипломатическая академия МИД, Финансовая академия при Правительстве РФ
2. **Академия, -и** (*философская школа Платона в Афинах*)
3. **Академия, -и** (*как первое слово в названиях учреждений*), напр.: Академия Российской (ист.), Академия наук СССР, Академия военных наук, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Академия гражданской авиации, Академия славянской культуры, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой (...)
4. **Академия, -и** (*в геогр. названиях – в знач. «имени»*): хребет Академии Наук (*на Памире*), залив Академии (*в Охотском море*) (Лопатин, Нечаева, Чельцова, 2009, с. 48).

1. **земля, -и** (*суша; почва; территория как объект владения и использования*)
2. **Земля, -и** (*название планеты, астр.*)
3. **Земля, -и** (*наземный центр руководства полетами*)
4. **земля, -и** (*в ист. названиях областей, территории*), напр.: Новгородская земля, Галицко-Волынская земля, Вятская земля (...); также: Святая земля (*Палестина*)
5. **земля, -и** (*в неофиц. названиях стран, областей*), напр.: Русская земля (*Россия, Русь*), Смоленская земля (*Смоленщина*), Рязанская земля (*Рязанщина*), Донская земля
6. **земля, -и** (*в названиях федеративных единиц в Австрии и Германии*), напр.: земля Верхняя Австрия, земля Баден-Вюртемберг, земля Гессен
7. **Земля, -и** (*в названиях островов, архипелагов, полуостровов, нек-рых территорий в Антарктиде, Гренландии, Австралии*), напр.: Баффинова Земля (*остров*), Земля Георга (*остров*), Новая Земля, Белая Земля, Отгненная Земля, Земля Франца-Иосифа (*архипела-*

ги), Гусиная Земля (*полуостров*), Земля Виктории, Земля Королевы Мод, Земля Принцессы Елизаветы (*в Антарктиде*) (...)

8. земля, -и (материк): Большая земля (Лопатин, Нечаева, Чельцова, 2009, с. 185–186)

1. **Палех**, -а (*поселок*)

2. **палех**, -а (*изделие народного промысла; также собир.*) (Лопатин, Нечаева, Чельцова, 2009, с. 328)

1. **Пальмира**, -ы (*древний город*)

2. **пальмира**, -ы (*веерная пальма; гарнитура шрифта*)

3. **Пальмира**, -ы: **Северная Пальмира** (*о Петербурге*) (Лопатин, Нечаева, Чельцова, 2009, с. 328)

1. **форум**, -а (*главная площадь в городах Древнего Рима*), напр.: форум Августа, форум Траяна (в Риме)

2. **форум**, -а (*перен.: представительное собрание*), напр.: Всемирный экономический форум (Давосский форум), Всероссийский промышленно-экономический форум, Всемирный молодежный музыкальный форум (Лопатин, Нечаева, Чельцова, 2009, с. 463).

Представляется, что объединение членов полисемии в едином комплексе полезно, даже если по лингвистическим основаниям они не различаются написанием (как в случае со словом *форум*). Таким образом, словарь содержит как языковую, орфографическую, так и экстралингвистическую информацию одновременно. Совмещение лингвистического и энциклопедического аспектов словарного описания – органичное свойство словарей подобной направленности, что вполне соответствует тенденциям современной лексикографии.

Библиография

- Букчина, Б. З., Калакуцкая, Л. П. (1987). *Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык.
- Грот Я. К. (1876). *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Грот, Я. К. (1888). *Русское правописание*. 7-е изд. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Зализняк, А. А. (1979). О понятии графемы. *Balcanica. Лингвистические исследования*. Москва: Наука, с. 134–152.
- Крысин, Л. П. (2013). *Словари современного русского языка. Типы словарей*. Славянская лексикография. Москва: «Языки славянской культуры», с. 542–563.
- Лопатин, В. В. (2001). Прописная буква в орфографическом словаре общего типа. В: *Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. Москва: Индрик, с. 251–258.
- Лопатин, В. В., Нечаева, И. В., Чельцова, Л. К. (2007/2009/2011). *Прописная или строчная? Орфографический словарь*. Москва: ЭКСМО.
- Нечаева, И. В. (2017). Прописная графема и ее функции в современном письме. *Русский язык в научном освещении*, № 33, с. 143–161.
- Розенталь, Д. Э. (1984). *Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника*. Москва: Русский язык.
- Русский орфографический словарь (1999). Под ред. В. В. Лопатина. Москва: Русский язык.

- Сазонова, И. К. (1999). *Орфографический словарь русского языка: Одно или два н?* 2-е изд. Москва: АСТ-ПРЕСС.
- Суперанская, А. В. (1973). *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука.
- Чельцова, Л. К. (2009). О правилах употребления прописной буквы. В: *Лингвистические основы кодификации русской орфографии*. Москва: Азбуковник, с. 247–271.

HISTORIA JĘZYKOZNAWSTWA
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
HISTORY OF LINGUISTICS

ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ
СИНТАГМАТИКА – ПАРАДИГМАТИКА
В ГРАММАТИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX В.
КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ РУСИСТИКИ

ИННА СОЛОВЬЕВА

НИУ Высшая школа экономики
Департамент иностранных языков
Кафедра английского языка для гуманитарных дисциплин
М. Пионерская ул., д. 12
Москва, Россия
e-mail: isolovskyova@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-4664>
(получено 27.12.2017; принято 2.02.2018)

Abstract

**Syntagmatic vs paradigmatic dichotomy as the key factor
in the formation of Russian Studies in 19th century**

The well-established syntagmatic vs paradigmatic dichotomy marks the formation of linguistics and characterizes its paradigm at a specific stage in its history. In Russia, the period of 1820-s-1850-s was the time when the Russian Studies were established as a science and the prominent philologists Nikolai Grech, Alexander Vostokov, Ilya Davydov and Feodor Buslaev composed their benchmark grammars of the contemporary Russian language. The analysis of the way the syntagmatic vs paradigmatic dichotomy was shaped in their grammars might provide an important insight in terms of the development of Russian Studies as a scientific discipline.

Key words

Russian language studies history, Russian grammar, syntagmatic, paradigmatic, science studies.

Резюме

Представление о соотношении синтагматики и парадигматики является маркером становления лингвистического знания и оформления научной парадигмы конкретного этапа в истории науки о языке. В России XIX века этим периодом стали 20–50-е годы, когда появились грамматики современного русского языка таких видных филологов, как Н. И. Греч, А. Х. Востоков, И. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев. Анализ формирования оппозиции „синтагматика – парадигматика” в их трудах поможет получить более полное представление о становлении русистики как научной дисциплины.

Ключевые слова

Синтагматика, парадигматика, история русистики, грамматика русского языка, научоведение.

Первая половина XIX века – это один из самых значительных и вместе с тем недостаточно изученных периодов истории русистики. Именно в это время были совершены крупнейшие научные открытия в области методов исследования языка, установлено и научно доказано родство индоевропейских языков, изучены и введены в научный обиход данные о многочисленных древних письменных и бесписьменных языках мира. В русской и мировой науке изменяются не только философские (Ф. В. Шеллинг, И. Кант, Г. В. Гегель) и научно-теоретические (Р. Раск, Ф. Бопп, Я. Гримм) представления о языке, но и состав филологических дисциплин и дидактика языка. Из преподавания постепенно уходит прежняя система тривиума, слабеет авторитет универсальной грамматики, под влиянием идей В. фон Гумбольдта и Г. В. Гегеля, сначала в Германии. В последствии в России складывается система классического гимназического образования, в которой национальный литературный язык встает в один ряд с классическими языками, а филологические предметы в целом встают в один ряд с другими гуманитарными и естественными науками.

В российской науке о языке в первой половине XIX века происходят решительные изменения: 1) разводится теоретическая и учебная грамматика; 2) в качестве предмета грамматического описания признается общенародная языковая практика, а не речь образцовых авторов; 3) отрицаются универсальные «логические» основы грамматики. Ставится проблема самостоятельности русской науки, что означает принципиально новый этап развития русистики –

осознание учеными и общественностью фундаментальных достижений отечественной науки в исследовании русского языка.

Возвращение к анализу и оценка достижений прошлого на каждом новом этапе развития науки как необходимое условие дальнейшего совершенствования любой отрасли знания обосновано в трудах по общему науковедению и в работах по истории отдельных наук. История лингвистической мысли в России, являясь объектом исследования как русистов, так и специалистов по общему языкознанию, освещалась с двух принципиально различных точек зрения. Труды по истории языкознания, написанные русистами, решают задачу обоснования собственной грамматической системы их авторов, включения ее в научную традицию (например, Виноградов, 1978). Для подобных исследований характерна ретроспективность и некоторая концептуальная априорность, естественная в трудах больших ученых. С другой стороны, исследования специалистов по общему языкознанию (Березин, 1979) объединяет стремление рассматривать русистику в контексте мировой лингвистики, поэтому акцент делается на единстве традиций, а не на специфике русского языкознания. И первый, и второй подход к истории русистики приводят к тому, что важные для своего времени авторы остаются вне фокуса внимания; грамматики же, по которым учились родному языку целые поколения, либо не рассматриваются вообще, либо упоминаются фрагментарно, в основном – в связи с магистральной концепцией исследования. Так, грамматика Ф.И. Буслаева традиционно описывается как веха в становлении сравнительно-исторического языкознания в России, без опоры на культурно-исторический контекст, в котором *Опыт исторической грамматики* выполнял, в первую очередь, функцию учебника по русскому языку.

Грамматисты, чьи работы рассматриваются в данной статье, за исключением Ф. И. Буслаева, остались в истории благодаря деятельности, не связанной непосредственно с изучением и описанием грамматики русского языка. Более того, не все из них имели филологическое образование, как, например, А. Х. Востоков; а Н. И. Греч, известный современному читателю как журналист и редактор, тоже не был профессиональным филологом в современном понимании: он окончил юнкерскую школу и прошел курс в Педагогическом университете вольнослушателем. И. И. Давыдов и Ф. И. Буслаев, в отличие от своих предшественников, получили филологическое образование в Московском университете, но в работах по истории русистики имя И. И. Давыдова либо не упоминается вовсе, либо связывается с его официальной деятельностью во главе Отделения русского языка Академии наук. Тем не менее именно грамматики данных авторов представляют научную парадигму русистики первой половины XIX века: они были созданы по государственному заказу и получили официальное признание, что означает профессиональную востребованность их составителей, а также острую актуальность подобных работ для данного периода. Например, за *Пространную русскую грамматику* (1827 год) Николай Иванович Греч был избран корреспондентом Петербургской академии наук. *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная* (1831 год) была написана по поручению высочайше учрежденного Николаем I комитета. *Опыт общесравнительной грамматики русского языка*,

изданный Вторым отделением Императорской академии наук (1852 год) Ивана Ивановича Давыдова выполнял задачу по унификации грамматического описания и подведению итогов в достижениях русистики, поставленную Отделением русского языка и словесности Академии наук. *Опыт исторической грамматики русского языка* (1858 год) Федора Ивановича Буслаева вышел по заказу Государственного управления высшими военными учебными заведениями. В связи с этим главная цель данной статьи видится в том, чтобы заполнить лакуну в истории русистики, проанализировав и сопоставив лингвистические концепции А. Х. Востокова, Н. И. Гречи, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, воплощенные в их грамматических описаниях русского языка.

В исследуемый период развития русистики устанавливается характерная для мировоззрения русиста парадигма научных методов и идей, которая в дальнейшем приводит к блестательным успехам науки о русском языке в классический период развития не только русистики, но лингвистики в целом. Одним из ключевых концептов науки о языке является представление о синтагматике и парадигматике, поэтому данная работа посвящена анализу реализации этой дихотомии в лингвистических концепциях указанных ученых на материале их грамматик русского языка.

Представление о соотношении синтагматики и парадигматики является краеугольным для лингвистики и присутствует в имплицитной форме в грамматических описаниях с античных времен. Только в начале XX века в *Курсе общей лингвистики* Фердинанд де Соссюр выделяет два типа базовых отношений, соответствующих разным формам умственной деятельности человека (членению целого на части и группировке элементов языка на основе их ассоциативного сходства) и проявляющихся в двух разных сферах языка: непосредственно наблюдаемой и непосредственно ненаблюдаемой. Первый тип отношений, синтагматический, реализуется, когда „... слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения этих двух элементов одновременно” (де Соссюр, 1977, с. 155). Вторые Ф. де Соссюр назвал ассоциативными, а позже Л. Ельмслев в *Прологемах к теории языка* предложил термин „парадигматические”, который закрепился в лингвистической терминологии. Парадигматические отношения представляют собой „...соотношения между элементами языка, объединяемыми в сознании или памяти говорящего некоторыми ассоциациями; они связывают эти элементы в силу общности либо их формы (напр., акустич. образов), либо содержания, либо на основе сходства того и другого одновременно” (*Лингвистический энциклопедический словарь*, 2009).

Для представления о формировании дихотомии „синтагматика – парадигматика” в лингвистических концепциях ведущих русистов первой половины XIX века в данной статье мы сфокусируемся на анализе следующих аспектов: структура грамматик, принципы выделения языковых единиц, представление о морфологическом составе слова, классификация частей речи и синтаксические концепции.

При сопоставлении грамматик Н. И. Гречи, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова и Ф. И. Буслаева было установлено, что их внешняя структура во многом

совпадает. Первая часть, *Этимология*, посвящена основным языковым единицам, способам словообразования и характеристике частей речи – их значениям и категориям, то есть освещается парадигматический аспект системы языка. Второй раздел – *Синтаксис*, или *Словосочинение* – фокусируется на синтагматике: типах связи слов, анализе состава простых и сложных предложений, а также периодов. Этой последовательности изложения придерживаются все грамматисты, за исключением Ф. И. Буслаева, который считал базовой единицей языка предложение как выражение мысли и шел от рассмотрения состава и видов предложений к описанию конкретных частей речи с точки зрения их функционирования в составе предложения, то есть от синтагматики к парадигматике. Для грамматической концепции И. И. Давыдова видение предложения как базовой лингвистической единицы также было центральным, однако он сохранил традиционную последовательность от *Этимологии* к *Синтаксису*. Причина, вероятно, в том, что труд председателя Второго отделения Академии наук был итоговым, суммирующим достижения русистики, в то время как *Опыт* Ф. И. Буслаева задумывался как полемическое сочинение и противопоставлялся традиции грамматического описания.

Принципы выделения языковых единиц ведущими грамматистами первой половины XIX века позволяют сделать следующие выводы относительно формирования дихотомии „синтагматика – парадигматика” в русистике данного периода. Хотя в анализируемых сочинениях номенклатура единиц языка во многом совпадает (звук, буква, слог, морфема – без термина, слово, предложение и период), грамматисты старшего поколения Н. И. Греч и А. Х. Востоков на первый план выводят задачу наиболее подробно описать языковые единицы изолированно, концентрируясь на парадигматическом аспекте, чему служат пространные примеры словоизменения и словообразования. Перегруженность грамматик парадигмами стала поводом для критики у современников, которые считали, что спрятать и склонять носители языка умеют „по навыку”. Синтагматика у Греч и Востокова выступает на первый план при переходе к новому уровню языка: от звука к слогу, от слога к слову, от слова к предложению, реализуя лингвистическую установку на грамматику как синтез. В отличие от них, для русистов следующего поколения Давыдова и Буслаева приоритетным становится синтагматический аспект системы языка. Во второй половине рассматриваемого периода доминирует представление о языке как организме, „препарируемом” учеными; следовательно, грамматика – это анализ, которому подлежит базовая единица – предложение, в наибольшей степени соответствующая главному назначению языка – выражать мысль. Таким образом, набор базовых языковых единиц на протяжении первой половины XIX века не изменился, однако поменялось их взаимоотношение и принципы выделения, основывающиеся на концепции грамматиста: от грамматики как комбинаторики к грамматике как к анализу.

Изучение представлений русистов первой половины XIX века о составе слова позволяет сделать вывод о том, что формирование дихотомии „синтагматика – парадигматика” в морфологии происходило за счет разделения морфем на словообразовательные и словоизменительные. Греч выделяет в составе слова

главные и придаточные „корни” (первые „...изображают предмет, существо, его свойство и качества; последние же служат к выражению отношений предметов и качеств между собою”), и окончания, противопоставленные „корням” (флексии) как выражающие отношения предметов, то есть функциональность флексий лежит в сфере синтагматики, а корней и аффиксов – парадигматики (Греч, 1827, с. 90). В грамматике Востокова получает развитие представление о флексии как, с одной стороны, различающей „разряды слов” (частей речи), с другой – служащей „удобству произношения”, что дополняет представление о балансе синтагматики и парадигматики в морфологии данного периода (Востоков, 1831, с. 6). В грамматике Давыдова, вероятно, в силу влияния теории Беккера о языке как организме, в центре внимания находятся парадигматические отношения в морфологии, а именно модификация изначального значения корня при словообразовании и словоизменении. Несомненным прорывом в морфологии можно считать разграничение словообразования и словоизменения в грамматике Буслаева благодаря введению терминов „суффикс” и „флексия” вместо общего „окончания”. Суффиксы являются формальной основой для соотнесения слова с разрядом аналогичных, то есть выражением парадигматических отношений, а флексии понимаются в синтагматическом ключе, как меняющиеся при склонении и спряжении элементы при употреблении слова в речи при сочетании с другими словами.

Разграничение частей речи на знаменательные и служебные позволяет судить о представлениях грамматистов первой половины XIX века о синтагматике и парадигматике. При выделении частей речи грамматисты опираются на традицию грамматического описания, в большинстве случаев сохраняя перечень, так что важны не столько сами рубрики, сколько их содержание, принципы выделения частей речи и определение категорий, поскольку именно в них отражается специфика лингвистических представлений грамматистов. И в труде Греч, и Востокова границы между частями речи подвижны. Например, наречие, требующее существительного в определенном падеже, становится предлогом, а предлог, употребляемый без дополнения, переходит в разряд наречий; если наречие служит для связи двух предложений, оно становится союзом. Следовательно, при разделении частей речи на знаменательные и служебные ключевую роль играл синтагматический аспект. Дальнейшее развитие эта тенденция получает в трудах И. И. Давыдова и Ф. И. Буслаева, для которых предложение является базовой единицей языка, а частеречная принадлежность слов определяется исходя из их синтаксической функции. Утверждая, что язык есть „духовное воссоздание” окружающей человека действительности, в которой противопоставлены действие и бытие, Давыдов выводит классификацию частей речи из глагола и имени. Как Давыдов, так и Буслаев делят части речи на служебные и знаменательные в зависимости от того, выражает ли часть речи понятие или „отношения понятий”. Для понимания становления дихотомии „синтагматика – парадигматика” важно утверждение Буслаева в связи с систематизацией частей речи: „... слова знаменательные исчисляются в словаре; служебные, ограниченные числом – в грамматике” (Буслаев, 1858, с. 45). То есть представление о двух

типах отношений единиц языка становится таким четким, что предлагаются разные источники их систематизации.

Синтаксические концепции, реализованные в грамматиках русского языка первой половины XIX века, отражают преодоление влияния логики, когда суждение выступало в роли мыслительной модели, на основании которой формируется высказывание. Влияние логики особенно заметно в синтаксической концепции Греч, который реализует представление о трехчленном составе предложения, сформировавшегося при наложении структуры суждения, в результате чего выделяет подлежащее, сказуемое и связку. Более того, Греч предлагает теорию „литых” глаголов, образованных путем слияния „самостоятельных” глаголов типа *быть* с причастиями, которая призвана поддержать трехчленную структуру предложения и объяснить тот факт, что в русском языке формальная связка обычно отсутствует. Но уже в труде Востокова дается двухчастный состав основы предложения: подлежащее („имя предмета, о котором говорится”) соединяется со сказуемым („все то, что об этом предмете говорится” (Востоков, 1831, с. 222)).

Трансформация дихотомии „синтагматика – парадигматика” в лингвистических концепциях первой половины XIX века воплотилась в представлении о „мысли”, то есть предикативности (без термина). Предикативность, или „... ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения...” (Лингвистический энциклопедический словарь, 2009), Греч и Востоков видят как результат соединения подлежащего и сказуемого, в то время как Давыдов и Буслаев считают ее изначально присущей предложению. Таким образом, учение о предложении становится точкой пересечения синтагматики и парадигматики, где решается вопрос о приоритете одной из них при соединении слов в словосочетания, предложения и периоды. У Давыдова и Буслаева синтаксису отводится ключевая роль, подчеркивается его приоритет по отношению к *Этимологии*, так как значение и грамматические характеристики частей речи получают объяснения на основании их синтаксической роли.

В результате анализа структуры грамматик, принципов выделения языковых единиц, представлений о морфологическом составе слова, классификаций частей речи и синтаксических концепций, реализованных в грамматиках первой половины XIX века, можно сделать следующие выводы о формировании дихотомии „синтагматика – парадигматика” в русистике рассматриваемого периода. В основном сохраняя инвариант грамматического описания, русисты идут от рассмотрения парагматических отношений к синтагматическим, так что переход на новый уровень языковой системы происходит при соединении единиц предшествующего уровня. Однако, преодолевая влияние логики на грамматику, авторы конца данного периода отказываются от представления о слове как базовой единице языка в пользу предложения, смешая фокус внимания с анализа парадигматических отношений на синтагматические. Приоритет синтаксиса и, следовательно, синтагматики в грамматиках Буслаева и Давыдова в конце рассматриваемого периода позволяет говорить о такой трансформации дихотомии „синтагматика – парадигматика”, где предикативность („мысль”) ви-

дится не как результат соединения слов в предложение, а изначально присущая высказыванию характеристика. Еще одним ключевым фактором формирования дихотомии „синтагматика – парадигматика” стало разделение морфем на словообразовательные и словоизменительные с появлением соответствующей терминологии („суффикс”, „флексия”). Разведение синтагматики и парадигматики к середине XIX века получает также формальное выражение как основа для разделения частей речи на знаменательные и служебные. Итак, в середине XIX века в русистике дихотомия „синтагматика – парадигматика” не только сформировалась, но и трансформировалась, сбалансируя оба аспекта описания языковой системы.

Библиография

- Березин, Ф. М. (1979). *История русского языкоznания: учебное пособие для филологических специальностей*. Москва: Высшая школа.
- Буслаев, Ф. И. (1858). *Опыт исторической грамматики русского языка*. Москва.
- Виноградов, В. В. (1978). *История русских лингвистических учений*. Москва: Высшая школа.
- Востоков, А. Х. (1831). *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же со-крашенной грамматики полнее изложенная*. Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова.
- Греч, Н. И. (1827). *Пространная русская грамматика*. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Греч, Н. И. (1834). *Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем*. Санкт-Петербург.
- Давыдов, И. И. (1852). *Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*. Санкт-Петербург.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Online: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru> (4.03.2018).
- Соссюр де, Ф. (1977). *Труды по языкоznанию*. Пер. с фр. Москва: Прогресс.

ДИНАМИКА ЯЗЫКА XX ВЕКА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
К. ФОССЛЕРА, Э. КОСЕРИУ И Р. А. БУДАГОВА

ИРИНА ПРИОРОВА

Российский Новый университет (РосНОУ)
Кафедра русского языка и издательского дела
105005, Москва, ул. Радио 22, Россия
e-mail: irinapriorova@yandex.ru
(получено 17.04.2018; принято 11.09.2018)

Abstract

**The 20th century language dynamics in the linguistic conceptions of
K. Vossler, E. Coseriu and R. Budagov**

The article compares views of famous linguists of the 20th century, distinguished by originality of judgments on the linguistic system and norms. The aesthetic function of language has always attracted attention of linguists from different eras, and the continuity of language development has been considered by each linguist in their own way according to the current trends in the humanities. In this paper the ideas of three outstanding linguists K. Vossler, E. Coseriu and R. Budagov represent the multivariate vision of language in the constantly changing paradigms and in the dynamics of linguistic transformations. However, their various beliefs only strengthen the status of the language norm, which reflects the peculiarities of the language of a particular period of time. Despite fundamentally different approaches to understanding the essence of language and the role of the norm in language development, intersection points in the views of these eminent researchers are of the most interest.

Key words

System, norm, aesthetic idealism, dynamic language, language-sign, language-suggestions, cultural aspect, language skills.

Резюме

В статье сопоставляются взгляды известных лингвистов XX века, которые отличаются оригинальностью суждений по вопросам системы и нормы языка. Эстетическая функция языка всегда привлекала внимание лингвистов разных эпох, а непрерывность языкового развития рассматривается в русле новых гуманистических направлений каждым ученым по-своему. В данной статье взгляды трех выдающихся филологов, К. Фосслера, Э. Кошири и Р. А. Будагова, отражают многомерное видение языка в постоянно меняющихся парадигмах и в динамике языковых преобразований. Однако их различные убеждения только укрепляют статус языковой нормы, которая отражает особенности языка определенной эпохи. Несмотря на принципиально разные подходы в осмыслении сути языка и роли нормы в языковом развитии, наибольший интерес представляют точки пересечения во взглядах этих выдающихся исследователей.

Ключевые слова

Система, норма, эстетический идеализм, динамичность языка, язык-знак, язык-внущение, культурный аспект, языковые навыки.

Эта статья включает материал наших предыдущих работ об эстетической функции языка, поскольку она касается и грамматической системы тоже. Особенно оригинально грамматический аспект представлен в теории «эстетического идеализма К. Фосслера» (Приорова, 2011, с. 296, 315, 327), которую нельзя принять однозначно. Именно поэтому мы решили сопоставить эту теорию с более поздними, чтобы объективно оценить ее значение. Необычность теории раскрывается с разных сторон: во-первых, структуры и нормы (Приорова, 2015, с. 114–120); во-вторых, стилистики определенной эпохи (Приорова, 2014, с. 189–194; Приорова, 2016, с. 474–478) и, наконец, в сравнении с другими концепциями (Приорова, 2017, с. 87–96). Обобщив взгляды трех выдающихся лингвистов XX века, мы руководствовались тем, что и в XXI веке объективные закономерности самоорганизации языковой системы так или иначе отразятся на эстетике языка. Эстетический компонент языка сохраняет привлекательность для исследователей как возможность постигать креативность не только отдельной личности, но и целой эпохи. Мы придерживаемся того, что язык и культура взаимообусловлены, поэтому в числе функций языка (коммуникативной, кумулятивной, когнитивной и пр.) эстетическая (поэтическая) функция не может, на наш взгляд, рассматриваться как факультативная. И если с помощью первых

трех языка влияет на культуроформирующую и социорегулирующую основы общества, необходимые для развития социальной истории цивилизации, то эстетическая функция языка позволяет сравнивать изменения социокультурного порядка, необходимые для роста духовности цивилизации.

Непрерывность языкового развития «обрастает» очередными прогнозами в русле новых гуманитарных направлений, однако в постоянно меняющихся парадигмах изучение системы и динамики языковых преобразований невозможно представить без нормы. Вопросам нормы и системности языка всегда уделялось большое внимание, они остаются ключевыми в современном языкознании, выстраиваясь в диалоги разных лингвистических школ. Антропоцентрическая парадигма, «которая пришла на смену формальному описанию языка, существенно расширила границы его изучения: системно-структурная организация языка “ожила” и “очеловечилась”, стала более жизнеспособной и интересной для исследований» (Приорова, 2017, с. 87). Выбор теорий Фосслера, Коссериу и Будагова для нас не случаен. Он объясняется нашим желанием обновить устоявшиеся представления относительно некоторых актуальных проблем. Впервые в лингвистической практике мы сопоставили идеи выдающихся лингвистов, которые, на первый взгляд, несопоставимы. Неожиданно для нас, эти идеи вдруг связались как дополняющие друг друга: они будто бы «транслируют многомерность» языка через «непрерывное дыхание времени» (Приорова, 2017, с. 87). В этой статье мы попытались выстроить получившуюся дискуссию «ученых о сути языка и тенденциях его развития» (Приорова, 2014, с. 189–194, Приорова, 2016, с. 474–478), раскрывающую суть нормы и ее роль в языковых изменениях.

Концепция эстетического идеализма, автором которой является немецкий филолог Карл Фосслер (1872–1947), как правило, считается альтернативой сравнительно-историческому языкознанию: ее истоки заложены в философии Гегеля и трудах неогегельянца Бенедетто Кроче. Основная идея сводится к тому, что всякое языкознание должно быть эстетическим, а не историческим, и в этом кроются некоторые противоречия у самого Фосслера. Эти же идеи в трудах В. фон Гумбольдта интерпретировались иначе, но это отдельная тема. И если Б. Кроче ведущую роль в процессе познания отводил интуиции, считая, что она получает свое развернутое воплощение в бесконечном множестве произведений искусства и составляет эстетику языка, то Фосслер пошел еще дальше, утверждая, что именно интуиция и эстетический вкус определяют структуру языка.

В своих программных исследованиях *Позитивизм и идеализм в языкознании* (1904 г.), *Язык как творчество и развитие* (1905 г.), *Дух и культура в языке* (1925 г.) Фосслер приходит к выводу, что эстетика – это наука о выражении духа, интуиции, а язык – духовное самовыражение. Из чего следует, что история языка – это история духовных форм выражения, т.е. история искусства. Грамматика же является частью истории стилей или литературы, входя в состав филологии, поскольку в ней отражается всеобщая духовная история. По Фосслеру, главной задачей языкоznания становится познание духа, который является единственной действующей причиной существования и изменения всех языковых форм.

Он считает, что всякое изменение и развитие составляет продукт вкуса или эстетического чувства говорящего лица, при этом эстетический механизм может быть глубоко скрыт: «Идея языка есть поэтическая идея, истина языка есть поэтическая истина, осмысленная красота» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 167).

Фосслера не случайно считают основоположником современной стилистики: «все лингвистические дисциплины он рассматривал как придаток стилистики» (Приорова, 2014, с. 189–194, Приорова, 2016, с. 474), которую считал частью эстетики как царицу филологии. Однако в своих трудах он так и не пояснил, чем же стилистика в этом случае отличается от эстетики. Понять эти различия, как нам представляется, можно только через его понимание изменчивости языка. Изменение языка Фосслер рассматривал через прогресс: абсолютный (результат индивидуально духовного творчества) и относительный (результат коллективного духовного творчества). Это соотносится с его пониманием внутренней формы языка, которую Фосслер определял как «лингвистический вкус» или «лингвистическое чувство» (Приорова, 2014, с. 191). На вопрос, кто (индивиду или народ) является творцом языка, Фосслер отвечал однозначно: только личность как разносторонняя величина творит язык (ср.: языковая личность, говорящая личность), но не абстрактный индивид. Однако впоследствии под влиянием социологических идей, он признал, что язык немыслим без множества личностей и их общности.

Приоритет эстетики в языке Фосслер объяснял тем, что эстетическое начало господствует во всех изящных искусствах: в танце – язык жестов; в музыке – язык тонов; в живописи – язык красок и линий; в архитектуре – язык твердых тел; значит язык всех языков – это поэзия. Современное языкознание признает все эти сферы, но только как вторичные, а поэтичность языка – как одну из его функций. Однако, справедливости ради, нельзя не согласиться с тем, что поэты – это художники, которым дано извлекать «из языков народа язык сердца». Обыденная речь не так важна с точки зрения искусства, но «(...) мы порождаем словесные образы, мы все тоже являемся поэтами и художниками, правда, в обыденной жизни – весьма незначительными, посредственными, отрывочными и неоригинальными художниками. Наша обыденная речь не стоит того, чтобы ее подвергали анализу в качестве поэзии или искусства. Но крохотная словесная капля какого-нибудь болтуна (...) в конечном счете проистекает из того же источника, как бесконечный океан какого-нибудь Гете или Шекспира» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 167).

Что касается изменчивости языка, то в этом вопросе Фосслер последовательно придерживается своих пристрастий к стилистике безотносительно языковой системности. Согласно Фосслеру, «Нарушение нормы в языке он объясняет тем, что изменение понятий и формы слов начинается в стилистически маркированном контексте» (Приорова, 2014, с. 189–194, Приорова, 2016, с. 475). В своей работе *Грамматика и история языка* в 1910 году Фосслер писал: «Каждая форма языка подчинена законам природы, всякое произвольное вмешательство есть глупость или болезнь. Но, значит, глупостью и произвольностью отличается, прежде всего, сама академическая грамматика. Истинная грамматика представляет собой з а к о н п р и р о д ы (разрядка наша – И. П.), ей не нужны ни-

какие академические наставления» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 161). Значит ли это, что язык не нуждается в норме, и ему не нужна правильность? Или это касается исключительно речи?

Объясняя то, чем правильность отличается от истинности, К.Фосслер рассуждает так: «(...) предикаты истинного и правильного, стало быть, относятся друг к другу так, что при максимуме правильности достаточен минимум истины, а минимум правильности способен охватить максимум истины. (...) В грамматике господствует лингвистическая правильность. Ни одна разумная грамматика не поднимает вопроса о лингвистической истине» (Фосслер, 1910, кн. 1, с. 164). Если правильность, по Фосслеру, является внешней составляющей истинного в языке (экономической или технической) и не является собственно лингвистической истиной, то это снижает «авторитет» нормы в языке, а, следовательно, признается ее относительность, необязательность, что трудно совмещается с выдвинутой концепцией эстетики языка. Видимо, здесь следует руководствоваться тем, что «...изменения нормы в языке начинаются со свободы выбора, которая существует между рекомендательным характером академической грамматики, критикуемой Фосслером, и внутренним чутьем носителя» (Приорова, 2014, с. 191). Это говорит, прежде всего, о том, что предпочтение «истинности» в языке весьма условно. Основа таких предпочтений заложена в естественном переходе бессознательного в сознательное: способность слова реализовывать формальные варианты при переходе из языка в речь обусловлены природой взаимодействия языка и мышления. Если семиотика обеспечивает слову ассоциативную вариативность, то его семиотическая природа активизирует линейную комбинаторность.

С этого момента логично вспомнить другого выдающегося лингвиста – Ко-сериу, который считается последователем де Соссюра. По вопросам эстетики и языковых изменений он придерживался собственной теории, которая, как и предыдущая, отличается оригинальностью. Его известная работа *Синхрония, диахрония и история* посвящена непосредственно проблеме языкового изменения. По мнению автора, проблема сама по себе содержит глубокое противоречие. Он пишет, что это отнюдь не порочный круг, поскольку термин «язык» понимается в одном случае как «знание», как «языковой капитал», а в другом случае – как конкретное проявление этого знания в процессе говорения. Ко-сериу предлагает «встать на почву речи», ибо только через нее можно охватить одновременно речь и язык: «язык дан в речи, в то время, как речь не дана в языке» (Ко-сериу, 2001, с. 20). Утверждать же, что речь – это «бессознательная» деятельность, и говорящие «не осознают» норм языка, на котором они говорят, нельзя. Это положение представляется Ко-сериу ошибочным, и он предлагает от него отказаться, поскольку «(...) непатологическая деятельность бодрствующего сознания не бывает и не может быть бессознательной» (Ко-сериу, 2001, с. 38).

Эстетика системы языка, по Ко-сериу, охватывает идеальные формы реализации конкретного языка, то есть технику, и эталоны для соответствующей языковой деятельности. Норма же включает исторически уже реализованные с помощью этой техники модели. Следовательно, через систему выявляется динамичность языка и его способность выходить за пределы уже реализованного,

а норма соответствует фиксации языка в традиционных формах: «именно в этом смысле норма в каждый данный момент представляет синхронное («внешнее» и «внутреннее») равновесие системы» (Косериу, 2001, с. 37).

В лингвистике понимание системы языка не может быть однозначным, и как бы привлекательна ни была идея «эстетики системы», она обязательно столкнется с альтернативными убедительными взглядами. К их числу относятся идеи Будагова – известного русского ученого, который считал, что «(...) систему ни понять, ни описать невозможно без опоры на элементы и категории, ее составляющие и ее формирующие. Без взаимодействия частей и целого не может быть и целого, и системы» (Будагов, 2000, с. 51).

Будагов исследовал самобытность языков через диахронические преобразования в социуме. Роль социальной среды, стимулирующей языковые изменения, рассматривалась в безинтернетном ХХ веке с разных сторон, но иначе, чем сегодня – в эпоху развивающейся интернет-коммуникации. Сравнивая научные взгляды даже по традиционным вопросам языкоznания, можно увидеть те точки «сходства» и «расхождения», которые иллюстрируют совпадение или несовпадение теоретических прогнозов с действительностью.

Вступая в открытую дискуссию с Косериу, Будагов в своей работе *Язык и речь в кругозоре человека* признавал, что на современном этапе (XX век) обнаруживается причудливое сочетание двух несовместимых принципов: язык «сам в себе и для себя» и язык в социуме (социолингвистика). Однако эти принципы можно считать действительно не совместимыми, если социальное понимать глубоко как социальную природу самого языка, как его внутреннюю сущность. Если же, по мнению Будагова, «социальное сводить только к внешним условиям бытования языка, а сам язык рассматривать как замкнутую структуру» (Будагов, 2000, с. 59), то эти же принципы оказываются вполне совместимыми.

Размышляя о своеобразии отдельного языка и его эстетической «наполненности», Будагов отмечает, что «(...) наряду с общей соотнесенностью языка и действительности, у каждого языка есть еще и дополнительные признаки, как бы конкретизирующие подобную соотнесенность» (Будагов, 2000, с. 60), а «(...) расхождения между языками, в том числе и родственными, явление совсем иного рода, чем отношения каждого языка к реальности» (Будагов, 2000, с. 61). Если реальность эстетична, то активизируются эстетические ресурсы системы, поэтому «(...) специфику языка надо искать не в изоляции языка от реальности, а в характере и особенностях взаимодействия между языком и реальностью» (Будагов, 2000, с. 78). Будагов подчеркивал: «Каждый живой язык, завися от реальности, вместе с тем подобную зависимость может выражать и так, как другие языки, и не так, как другие языки, своеобразно, по-своему. Поэтому никак нельзя согласиться с Косериу, будто бы грамматическая идиоматика преграждает путь языку к реальности» (Будагов, 2000, с. 61).

Фосслера и Косериу объединяет признание того, что говорящие умеют применять языковой инструмент, умеют сохранять норму и творить в соответствии с системой. Оба сходятся в том, что в качестве «передаваемого знания (а не просто сугубо личного “навыка”) знание языка есть факт культуры» (Косериу, 2001, с. 140) без учета его знаковости. Будагов видит в этом противоречие, ко-

торое состоит в том, что система не может обойтись без категории знаковости: «(...) хотя все национальные языки оперируют и в лексике, и в грамматике двусторонними единицами, в самой этой двусторонности может выделяться либо категория значения, либо категория знаковости» (Будагов, 2000, с. 125).

Как же быть с эстетикой системы языка (по Косериу), которая охватывает идеальные формы реализации конкретного языка «(...) в эпоху научно-технической революции», когда «сам язык превращается в чисто техническое средство, в ‘язык-знак’» (Будагов, 2000, с. 125)? Будагов отрицает эстетическую идеализацию системы языка: «Он только называет, только утверждает или отрицаает, избегает всяких ‘сантиментов’, стремится быть точным и лаконичным. ‘Язык-знак’ вытесняет ‘язык-внушение’» (Будагов, 2000, с. 125).

Если «эстетика» Фосслера перетекает в «культуру» Косериу, поскольку в их видении в реальном языке совпадают системное, культурное, социальное и историческое: «В самом деле, человек обладает не только знанием о вещах через посредство языка, но и знанием самого языка. В этом смысле культурный аспект языка – это сам язык как совокупность языковых навыков» (Косериу, 2001, с. 41), то у Будагова «сталкиваются две противоположные тенденции: одна из них, упрощая язык, движет его по направлению к ‘языку-знаку’, другая, обращая внимание на способ выражения мыслей и чувств людей, (...) влечет язык по направлению к ‘языку-внушению’» (Будагов, 2000, с. 125).

«Индивидуальный язык» (по Косериу) соотносится с «разносторонней личностью» Фосслера. Однако Косериу подчеркивает, что язык не является строго индивидуальным. Будучи строго «индивидуальным», этот язык не является языком, поскольку «...язык – это условие или инструмент языковой свободы, понимаемой как историческая свобода, а инструмент, которым пользуются, – это не тюрьма и не оковы» (Косериу, 2001, с. 48). Итак, если язык – это инструмент особой природы как «система возможностей», то он является «также инструментом для преодоления самого себя» (Косериу, 2001, с. 49), а факторы изменения языка существуют в самом языке.

Если изменение – это появление нового элемента в языке, точнее распространение инновации, то для нее в данном состоянии языка должны быть найдены условия, благоприятные для ее межиндивидуального принятия. Эти условия изменения являются исключительно культурными и функциональными и могут быть обнаружены в любом состоянии языка. Язык – это умение творить, и он изменяется именно как знание, но с другой стороны, подчеркивает Косериу, язык является совокупностью системных особенностей и может изменяться только системно. По этому вопросу взгляды Фосслера и Косериу не совпадают. Оставаясь последователем де Соссюра, Косериу не мог отказаться от того, что «...если в любом состоянии языка можно обнаружить систему, то значит, язык является системой в любой момент, т.е. он эволюционирует как система» (Косериу, 2001, с. 81). Здесь Косериу ближе к Будагову, но далее он добавляет, что «... изменения проявляются в синхронии с точки зрения культуры в “спорадических” формах, в так называемых типичных ошибках по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи» (Косериу, 2001, с. 82). Благоприятными для изменения языка Косериу считает

«разнообразие (региональное или социальное) языковых навыков – в пределах одного и того же исторического языка – и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры» (Косериу, 2001, с. 82).

Утверждение Косериу, что изменения в языке – это не «искажение» или «повреждение», а восстановление, обновление системы, которое обеспечивает непрерывность ее функционирования, говорит в пользу традиционной точки зрения об относительности нормы в «системе возможностей» языка. Именно благодаря этому система сохраняется до тех пор, пока не произойдет «мутация», «полный переворот нормы в том или ином направлении» (Косериу, 2001, с. 205). Признание или непризнание «системы возможностей», по мнению Будагова, соотносится с тем, что «среди очень пестрых грамматических теорий можно выделить две основные противоположные теории (субстанциональную и антисубстанциональную). Субстанциональная теория исходит из убеждения о наличии реальной материи любого естественного языка, из убеждения во взаимодействии языка и мышления, формы и содержания (в широком смысле). Антисубстанциональная теория, напротив, рассматривает язык «как знаковую систему» (Будагов, 2000, с. 172).

В работе Косериу, в большей степени отражающей субстанциональность, встречается очень «модный» для сегодняшнего дня термин *инновация*: «Все то, в чем сказанное говорящим (рассматриваемое с точки зрения языковых закономерностей) отклоняется от моделей, существующих в языке, может быть названо инновацией. Допущение инноваций со стороны слушающего в качестве модели для дальнейших высказываний можно назвать принятием» (Косериу, 2001, с. 54). Итак, по Косериу, инновация есть преодоление языка; принятие – приспособливание языка, а точнее, языковых навыков для преодоления его самого; это не механическое воспроизведение, это всегда выбор. Следовательно, «принятие» – это акт, определяемый культурой, вкусом, практическим разумом, который К. Фосслер называл внутренним чутьем, заменяющим академические предписания. И в этом состоит косвенное совпадение их взглядов: «Сила человека в его универсальности. Следует сказать и о человеческом языке» (Будагов, 2000, с. 166).

Признание приоритетности эстетики в процессе изменчивости языка, как видно из вышеизложенного, сближает взгляды Фосслера и Косериу, но их теории в XX веке прекрасно уживались с альтернативными взглядами Будагова, который не отрицал, что индивидуальность личности угадывается, прежде всего, в языке, который потенциален в своей изменчивости. Поэтому общим выводом можно считать признание того, что «... точки зрения языковых навыков постоянно наблюдается несоответствие между знанием системы и знанием нормы» (Косериу, 2001, с. 98).

Таким образом, и Фосслер, и Косериу, и Будагов в своих исследованиях не отделяли изменчивость языка от нормы, поскольку именно она воспроизводит потенциальные возможности языковой системы, давая ей эволюционировать. Если «знание нормы означает более высокую ступень культуры» (Косериу, 2001, с. 98) человека, то, следовательно, это должно обеспечить более высокий

уровень культуры общества в целом. Эволюционирующая система в условиях данной закономерности не может обойтись без нормы, ибо норма постоянна в своей изменчивости. Как эстетический маркер языка она функционирует в условиях комбинаторики и вариативности языковых единиц. Одним словом, эстетичность языка (по К. Фосслеру), активно меняющуюся под прессингом современной интернет-коммуникации, следует рассматривать как очередной этап совершенствования языка (по Будагову), что и позволит в перспективе оценить вектор языковых изменений в XXI веке в единстве системы и нормы (по Косериу).

Библиография

- Будагов, Р. А. (2000). *Язык и речь в кругозоре человека*. Москва: Добросвет.
- Косериу, Э. (2001). *Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения)*. 2-е изд., стереотипное. Серия «Лингвистическое наследие XX века» (перевод с испанского И. А. Мельчука). Москва: Эдиториал УРСС.
- Приорова, И. В. (2011). *Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имен)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности. Астрахань: Астраханский государственный университет.
- Приорова И. В. (2014). *К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: от Пушкина до*. В: Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник мат. Всерос. конф., посвященной 115-летию со дня рождения проф. И. А. Фигуровского. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, с. 189–194.
- Приорова, И. В. (2015). *Эстетика, норма и структура языка в концепциях К. Фосслера и Э. Косериу*. В: Чистяковой, И. Ю. (сост.) Чистякова, , И. Ю. Бадалова, Е. Н. (ред.), *Речевая структура русского общества: проблемы риторики, поэтики, стилистики: межвузовский сборник научных трудов*. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», с. 114–120.
- Приорова, И. В. (2016). *Структура и норма языка в эстетической концепции К. Фосслера и исследованиях Э. Косериу*. В: Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: материалы Международной научно-практической конференции (28–29 января 2016 года). Уфа: Издательство УГНТУ, с. 83–88.
- Приорова, И. В. (2016). *Стилистика в концепции эстетического идеализма XX века*. В: Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. Москва: Ф-т журн. МГУ, с. 474–478.
- Приорова И. В. (2017). *Р.А. Будагов о структуре, норме и эстетике языка в диалоге с Э. Косериу и К. Фосслером*. В: Ковалева, А. (сост.), Текст, структура и семантика: доклады Международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, РосНОУ, 2–3 декабря 2016 г.): сборник статей. Москва: Редакционно-издательский дом РосНОУ, с. 87–96.
- Фосслер, К. (1910). *Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении)*. В: Логос. Кн. 1, Москва: Типография «Русского Товарищества печатного и издательского дела», с. 157–170.

GLOTTODYDAKTYKA
ЛИНВОДИДАКТИКА
LANGUAGE EDUCATION

О ФОНЕТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

ТАТЬЯНА В. ЧЕРКЕС

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
 Кафедра языковой подготовки белорусских и иностранных граждан
 ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Республика Беларусь
 e-mail: t_koteleva@mail.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7853-879X>

МАЛГОЖАТА МАРЦИШЕВСКА

Uniwersytet Gdańskie
 Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich
 Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
 Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
 e-mail: filmm@ug.edu.pl
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6050-2112>
 (получено 27.07.2018; принято 11.09.2018)

Abstract

On phonetic difficulties in the teaching of RFL: from work experience

This article is devoted to the presentation of the most common phonetic problems arising in the teaching of RFL in monolingual (Polish speaking) and polylingual groups. Characteristic difficulties in pronunciation among Poles caused by the interaction of two similar language systems (Polish and Russian) are described. The most frequent phonetic problems encountered in polylingual groups are identified. Proposed methods and ways of working on the most common mistakes contribute to the correction of the pronunciation of university students. Developed variants of exercises contribute to the gradual elimination of phonetic problems. This didactic material can be used at

the initial stage of the RFL teaching and it also can be useful both during the teaching of RFL at an advanced level, and during short-term language courses. The relevance of the paper lies in the fact that it offers some recommendations that have proved effective in the process of correcting the difficulties in pronunciation at the initial stage of teaching Russian as a foreign language. The assignments are of an applied nature and are approved by the authors as a result of joint international exchange at the universities of Belarus and Poland.

Key words

Russian as a foreign language, the initial stage, difficulties in the teaching of pronunciation, monolingual and polylingual groups.

Резюме

Актуальность исследования заключается в том, что в нем предлагаются некоторые рекомендации, которые доказали свою эффективность в процессе коррекции трудностей произношения на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному. Задания носят прикладной характер и апробированы авторами в результате совместной международной стажировки в вузах Беларуси и Польши. Данная статья посвящена презентации наиболее распространенных трудностей русской фонетики, возникающих при обучении РКИ в монолингвальных (польскоязычных) и полилингвальных группах. Описываются характерные трудности в произношении, которые в результате взаимодействия двух родственных языков приводят к интерференции у поляков; выявляются наиболее частые фонетические проблемы, встречающиеся в полиязычных группах. Предлагаемые методы работы над наиболее распространенными ошибками содействуют коррекции произношения универсантов, разработанные варианты заданий способствуют постепенному устранению фонетических проблем. Дидактический материал статьи может использоваться на начальном этапе обучения РКИ, а также быть полезным как во время преподавания РКИ на продвинутом этапе, так и на краткосрочных языковых курсах.

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, начальный этап обучения, трудности в обучении русской фонетике, монолигвальные и полилигвальные группы.

В процессе реализации современной поликультурной образовательной парадигмы одним из приоритетных направлений в преподавании дисциплин (в том числе русского языка как иностранного – далее РКИ) является профессиональная академическая мобильность и непрерывное повышение педагогического мастерства. Как известно, болонская модель, целью которой является

создание единого общеевропейского образовательного пространства, предполагает развитие интеграции в сфере высшего образования для обмена академическими ценностями.

В рамках международного договора о сотрудничестве между кафедрой прагматики коммуникации и лингводидактики Гданьского университета (Республика Польша) и кафедрой языковой подготовки белорусских и иностранных граждан Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Республика Беларусь) для обмена опытом и повышения профессиональной подготовки была реализована программа двусторонней академической мобильности. Она была осуществлена в форме двухмесячной стажировки, которая включала в себя научно-методический аспект (участие с выступлениями на конференциях и семинарах), дидактическую составляющую (посещение лекций, мастер-классов и практических занятий), а также прикладную часть (работа в качестве преподавателя в группах принимающего университета). Актуальность исследования состоит в том, что в описании проблем присутствует «свежий взгляд»: один из авторов статьи до стажировки работал только в национальных группах вне языковой среды по методике с использованием языка-посредника (преподавание РКИ в Польше). Другой исследователь имел опыт работы в моно- и в полиязычных группах, находящихся в языковой среде страны, где изучаемый язык имеет статус государственного (Беларусь). В процессе обучения применялись методы и технологии преподавания РКИ без использования языка-посредника.

Данная работа посвящена анализу трудностей русской фонетики, возникающих в моноязычных и полиязычных группах на начальном этапе обучения РКИ. Предлагаемые тренировочные упражнения направлены на коррекцию и постепенное устранение трудностей произношения.

С нашей точки зрения, выбор последовательности и презентация фонетического материала в польских учебниках по РКИ основан с учетом сравнительно-аналитического и сопоставительного методов, согласно которым учитываются лингвистические явления родного языка учащихся. Учебники такого типа в методике РКИ называются национально-ориентированными. В них, согласно мнению Капитоновой, Московкина, «ученые устанавливают сходства и различия фонетических явлений русского языка и родного языка учащихся (...). Затем фонетический материал располагается по степени возрастания трудностей» (Капитонова, Московкин, 2006, с. 111). В Беларуси при обучении РКИ используются учебники так называемого общего типа, поскольку на факультетах довузовской подготовки изучают язык универсанты из стран Европы, Азии, Африки и Америки. Так, в исследуемой группе, в которой проводились занятия в рамках стажировки, обучались студенты из Китая, Ирака, Конго, Нигерии и Ганы. Учебники общего типа составлены с учетом трудностей системы изучаемого языка и построены согласно принципу: от простых лингвистических явлений изучаемого языка к более сложным. Следовательно, на начальном этапе обучения РКИ «материал (...) вводится в зависимости от особенностей русской фонетической системы» (Сашина, 2016, с. 2). Различаются также учебные программы и планы высших учебных заведений Польши и Беларуси. Так, на изучение алфавита и фонетических трудностей русского языка в польских университетах

отводится 15 академических часов (здесь и далее мы говорим о практическом курсе РКИ, так как для филологов-русистов существует отдельная дисциплина «Фонетика русского языка»). Тогда как в Беларуси пропедевтический курс составляет 80–90 часов (в зависимости от национального состава группы, от уровня их успеваемости, индивидуальных особенностей и т.д.). Однако известно, что для успешной речевой деятельности обучающимся требуется постоянная коррекция фонетических ошибок и трудностей. В методической литературе такой курс получил название сопроводительного: обычно преподаватель РКИ при проведении практического занятия ежеурочно уделяет 10–15 минут фонетической зарядке, поскольку «становление навыков приемлемого иноязычного произношения при регулярных занятиях языком обычно занимает не менее двух лет» (Капитонова, Московкин, 2006, с. 110).

Общеизвестно, что в процессе обучения РКИ как в монолингвальной, так и полилингвальной группах существуют определенные преимущества и недостатки. Положительные и отрицательные аспекты процесса восприятия и воспроизведения фонетических явлений изучаемого (русского) языка отражены в таблице 1 (в монолингвальной группе) и таблице 2 (в полилингвальной группе).

Таблица 1. Монолингвальная группа

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> • наличие общих для универсантов фонетических трудностей представляет большой потенциал для системной работы по устранению определенных трудностей произношения; • «общность родного языка, фоновых знаний, <...> психологии речевой деятельности»* открывает широкие возможности для использования сопоставительного метода (посредством сравнения фонетических явлений родного и русского языка). 	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие речевой практики вне аудитории (общение между универсантами на родном языке); • «сниженная» мотивация (преобладает подсознательное / осознанное ожидание перевода).

* Источник: Музыченко, 2014, с. 125.

Как известно, «обучение произношению русской речи включает артикуляцию звуков, ударение, ритмику, интонацию и в конечном итоге предполагает овладение фонетической системой русского языка в практических целях» (Любимова, 1982, с. 3–4). Мы остановимся, в основном, на артикуляционных трудностях, поскольку такие аспекты, как ударение, ритмика и интонация требуют отдельного рассмотрения.

При формировании произносительных навыков Пассовым выделяются следующие стадии:

1. Восприятие-ознакомление (в процессе которого учащиеся знакомятся с практическим аспектом фонетического явления, в результате чего в про-

Таблица 2. Полилингвальная группа

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> • повышение мотивации для общения на изучаемом языке (нет общего языка-посредника, что создает естественные предпосылки для снятия «языкового барьера»); • наличие условий для постоянного общения на русском языке во внеурочное время в языковой среде (ускоряются процессы преодоления трудностей психологического характера); • речевое общение с носителями языка, имитация звучащей речи (способствуют естественному процессу коррекции трудностей произношения). 	<ul style="list-style-type: none"> • национально обусловленная (а иногда и личностно обусловленная) «разрозненность» трудностей произношения универсантов усложняет работу, направленную на системную коррекцию фонетических ошибок и актуализирует потребность в индивидуальном подходе.

цессе презентации данного произносительного явления создается его звуковой /слуховой образ).

2. Имитация (закрепляются связи слуховых и речедвигательных образов единицы речи).
3. Дифференцировка-осмысление (происходит понимание признаков звуковых различий, формирование артикулирования, отрабатывается воспроизведение фонетической единицы).
4. Изолированная репродукция (закрепление прагматического значения изучаемой единицы в речевой практике).
5. Комбинирование / переключение (комплексное использование произносительных явлений. Целенаправленное переключение внимания с одного фонетического явления на другое для выработки произносительного навыка) (Пассов, 1989, с. 163–165).

Рассмотрим характерные трудности произношения, которые наиболее часто встречаются в моно- и полилингвальных группах. При описании фонетических явлений нами использовался принцип их дифференциации согласно родному языку универсантов, поскольку, «(...) фонологическая система любого языка является как бы ситом, через которое просеивается все сказанное» (Трубецкой, 1960, с. 59). Обратимся к проблемам произношения монолингвальной (польскоязычной) аудитории. Во время первого года обучения у польских студентов, начинающих изучать русский язык, возникает ряд фонетических трудностей, связанных, с одной стороны, с различиями, с другой – со схожестью фонетических систем польского и русского языков. К различиям относятся семиотические особенности польского и русского алфавитов, специфика фонемного состава языков, дифференцированные нормы позиционной реализации фонем, их взаимосвязь, особенности интонационных конструкций, свойства русского ударения, трудности в произношении определенных звуков. К примеру, Анхимюк выделяет «произношение [ɪ] вместо [л], [szcz] вместо [щ], [cz] вместо [ч], [ръя] вместо [ря], [лья] вместо [ля], [тъя] вместо [тя], произношение гласных звуков без

учета редукции» (Anchimiuk, 2015, с. 2). Следует отметить трудности произношения вышеуказанных звуков, возникающие из-за их различных кинемных свойств (наличия / отсутствия палатализации): например, в польском языке сочетания [szcz], [cz] произносятся твердо, тогда как в русском языке [ш́т́ш́], [т́ш́] – мягкие согласные (здесь и далее нами используется фонетическая транскрипция ч как [т́ш́], щ как [ш́т́ш́], ц как [тс], что может не совпадать с обозначениями данных звуков в цитируемых источниках). При обучении произношению русских звуков [л], [л́] необходимо обратить внимание на отличие способа образования звука [л] от фонем [л], [л́]: польский [л] является лабиализованным, тогда как [л], [л́] – язычно-альвеолярными. В практическом курсе РКИ нами были выделены также замена аффрикат: звука [т́ш́] звуком [тс] (соответствующим польскому [c]): *тысяча – тысяча[тс]а, ночь – но[тс]*. Чтобы нивелировать данные произносительные трудности, Битехтина, Климова рекомендуют обратить внимание обучающихся на правильную артикуляцию звука [тс], начальным этапом которой «является образование дорсальной смычки: передняя часть языка прижимается к альвеолам, кончик языка опущен к нижним зубам» (Битехтина, Климова, 2011, с. 40). Имел место также «позвуковое» чтение и произношение возвратных глаголов: [т́с́'а] вместо [тс:a]: *смеётся – смеёт[т́с́'а], встречается – встречает[т́с́'а]*. Как известно, вышеупомянутые трудности произношения ведут к появлению ошибок, интерференции. Согласно определению авторов *Лингвистического энциклопедического словаря*, интерференция представляет «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия», которое «выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного». Вследствие такого отрицательного взаимовлияния подобных по фонемному составу лингвистических систем, как указывается Касько, появляются условия, которые способствуют «возникновению устойчивых черт акцента. Кажущееся сходство может быть более опасно, чем яркое различие. Так, в произношении поляков все русские гласные сдвинуты вперед, и устраниТЬ эту произносительную черту крайне сложно в силу сходства фонемного состава русского и польского языков» (Касько, 2000, с. 129). В качестве примеров, в которых похожие по звучанию слова «автоматически» произносились по-польски, можно привести числительные *четыре – [čtery], пять – [p'iɛńć], восемь – [ośem]* и т.д.

Фонетические трудности полиязычной группы будут рассматриваться на основе произносительных трудностей китайских, арабоговорящих, франко- и англоговорящих универсантов. Рассмотрим проблемы произношения, характерные для студентов из Китая. Поскольку китайский язык является одним из вокальных языков, а русский принадлежит к числу консонантных, различия фонетических систем способствуют интерференции. Известно, в китайской фонетической системе существует определенный слоговой порядок в слове: 1) согласные; 2) гласные. Отсюда следует отсутствие закрытых слогов и невозможность нахождения двух и более согласных рядом внутри слога. По мнению Ереминой и Еремина, при работе в китайской аудитории к интерференции можно отнести «явление эпентезы, когда студенты вставляют для облегчения произношения гласные звуки между согласными» (Еремина, Еремин, с. 11).

Примеры эпентезы: *завтрак* – *за[фыты]рак*, *спать* – *с[ы]пать*, *автобус* – *а[фы]тобус* и т.д. Исследователи отмечают такое интерференционное явление, как диереза, «когда не произносится один из согласных» (Еремина, Еремин, с. 13). В качестве примеров диерезы приведем такие: *шумно* – *шу[_н]о*, *воскресный* – *вос[_р]есный*, *немного* – *не[_н]ого*.

Следующую фонетическую проблему у китайских студентов представляет произношение звонких согласных [б], [г], [з], [д] (замена при говорении и в процессе письма их глухими согласными [п], [к], [с], [т]). По мнению Цзинь и Пановой, «китайцы (...) не слышат разницы между звонкими и глухими русскими согласными, так как не могут определить, есть или нет колебание голосовых связок» (Цзинь, Панова, 2015, с. 8). Это приводит в русской речи китайских студентов к таким ошибкам в произношении: *банк* – *[на]нк*, *гости* – *[ко]сти*, *здоров* – *[ста]ров*, *дедушка* – *[т'эт]ушка* и др. К трудностям произношения можно отнести также отсутствие в китайском языке мягкого [т'ш']: «китайский согласный звук [ч] всегда твёрдый и является придыхательным. Такое различие звуков приводит к фонетической интерференции» (Цзинь, Панова, 2015, с. 5). К примеру: *четыре* – *[чы]тыре*, *чудесный* – *[чы]десный*, *часто* – *[ча]сто* и пр.

Кроме того, интерференцию вызывает и отсутствие в китайском языке шипящих [ш], [ш'тш']. Как правило, учащиеся пытаются заменить их в процессе говорения звуком [с]: *шёл* – *[сол]*, *щётка* – *[с'отка]* и т. д.

Следует отметить, что особую трудность для китайских студентов представляет произношение сонорного [р], поскольку в китайском языке этот звук отсутствует. На начальном этапе китайцы часто произносят вместо [р] звук [л], что ведет как к коммуникационным неудачам, так и к ошибкам в письменной речи: *рада* – *[ла]да*, *ром* – *[ло]т*, *рыжей* – *[лы]жей* и пр. Как отмечают исследователи, «постановка данного звука в китайской аудитории представляет достаточно сложную задачу, требует значительных усилий и времени» (Андреюшина, 2014, с. 21).

От характерных фонетических ошибок, допускаемых китайскими студентами, перейдем к особенностям произношения в арабской аудитории. В связи с отсутствием в арабском языке звуков [о], [э], [ы], по словам Ибрагимовой и Светловой, «арабоязычные студенты не всегда способны четко дифференцировать фонемы [о] и [у], [и] и [јэ]» (Ибрагимова, Светлова, 2016, с. 492), например: *с[о]к* – *с[у]к*; «перед согласными звук [и] арабы приближают к звуку [э] или [о]» (Ибрагимова, Светлова, 2016, с. 492) и произносят *[э]гра* вместо *игра*, *[э]грушка* вместо *игрушка*. «Звук [ы] (...) требует постановки и автоматического закрепления новой артикуляции» (Ибрагимова, Светлова, 2016, с. 492), так как вызывает большую трудность у арабоязычных учащихся.

Вслед за Валеевой и Шарафутдиновой, отметим следующие наиболее распространенные интерференционные явления, к которым относятся:

- «произношение арабского [б] на месте русских [б] и [п]» (Валеева, Шарафутдинова, 2017, с. 137): *правильно* – *[б]равильно*, *приехал* – *[б]риехал*, *брат* – *[б]рат* и пр.;
- замена русского звонкого согласного [в] арабским [ф]: *вот* – *[ф]от*, *ваза* – *[ф]аза*;

- «последовательное произношение удвоенных согласных в русских словах, где они чаще всего не произносятся» (Валеева, Шарафутдинова, 2017, с. 137): *длинный – дли[н]ый, ванна – ва[н]а;*
- «недостаточная количественная редукция гласных или слишком сильная редукция гласных вплоть до их выпадения: *пожалуйста – пожал[i]ста»* (Валеева, Шарафутдинова, 2017, с. 137).

Обратимся к рассмотрению трудностей произношения, характерных для франкоговорящих студентов. По утверждению Пархоменко, наиболее типичными являются:

- «артикуляция звука [ы], соответствия которому нет в их родном языке» (Пархоменко, 2016, с. 34). Что служит причиной замены данного звука в процессе коммуникации звуком [и]: *c[ы]p – c[и]p;*
- отсутствие слухопроизносительного навыка в дифференциации и «произношении мягких и твердых согласных» (Пархоменко, 2016, с. 35): *вес – весъ;*
- при произношении переднеязычных [р] и [р'] носители французского языка заменяют их на увулярный [r];
- «переднеязычные зубные [л] и [л'] (...) заменяются т. н. европейским» (Пархоменко, 2016, с. 35) (сонорными среднеязычными во французском, сербском языках) (Битехтина, Климова, 2011, с. 12);
- «трудности вызывает и произношение звука [ш’], а также его дифференциация со звуками [ш] и [ч’]» (Битехтина, Климова, 2011, с. 12).

Следующей исследуемой группой являются англоговорящие студенты. Как отмечает Андреюшина, «большинство русских звуков имеют приближенные аналоги у представителей романо-германских языков. Но разница заключается в качестве их произношения» (Андреюшина, 2014, с. 20), например звук [а] произносится по-другому. По словам Федяниной, «увеличение длительности русских ударных гласных в произношении англоговорящих влечет за собой их дифтонгизацию, так как долгие гласные в английском языке (...) дифтонгизируются. Недопустимо также произношение русских гласных под ударением по нормам произношения английских сверхкратких ударных гласных, являющихся гласными неполного образования» (Федянина, 1979, с. 31).

Как пишет Андреюшина, «английская (...) речь лабиализована менее русской. В русской речи при произнесении гласных огубление является нормой. Английский (...) вокализм (...) ориентирован на звуки, произносимые с растягиванием губ» (Андреюшина, 2014, с. 20), поэтому в англоговорящей аудитории возникают отклонения в произношении гласных [о], [и], [у].

Звук [ы] вызывает особые трудности в произношении, так как в английском языке нет соответствующего эквивалента. Учащиеся часто смешивают этот звук с [и] или [э].

Что касается различия согласных по твердости – мягкости, то в английском языке, по словам Федяниной, «фонематическое противопоставление согласных по твердости – мягкости отсутствует. Английские согласные могут быть несколько смягченными, частично палатализованными перед гласными переднего ряда. Но это различие не является фонологическим» (Федянина, 1979, с. 27). Это явление в сочетании с определенными гласными приводит к ошибкам

при произнесении, в частности, согласных [л] и [л'], гласных [е], [ё], [ю], [я], обозначающих мягкость предыдущего согласного.

Итак, несмотря на то, что в каждой из исследуемых языковых групп (в польском говорящей, в китайско-, в арабоговорящей и т.д.) существуют «свои» фонологические проблемы, многие трудности универсальны (например, дифференциация согласных по твердости – мягкости, глухости – звонкости, произношение шипящих и свистящих, сонорных, отклонения в произнесении гласных и т.д.). Предлагаемые дидактические материалы направлены на системную коррекцию и устранение наиболее часто встречающихся фонетических ошибок.

Как неоднократно отмечалось выше, в процессе работы в монолингвальной и в полилингвальной группах важную роль играет выработка слухопроизносительных навыков. Как отмечается Акишиной и Каган, «различение звуков вначале вырабатывается на уровне аудирования, а затем переносится на произношение. Рекомендуется постоянно проводить *диктанты на аудирование*» (Акишина, Каган, 1997, с. 197). Вначале студентам предлагаются: 1) слоговые, незначительно отличаются друг от друга пары; 2) односложные, двух-, трехсложные слова / звукосочетания; 3) предложения.

Например, с учетом произносительных трудностей в польской аудитории для выработки навыков аудирования рекомендуется проводить подобные виды диктантов (диктанты направлены на коррекцию наиболее сложных для аудирования и произношения звуков: [л] и [л'], [ш́т́ш́], [т́ш́], [тс]): 1) ла-ля, ли-лы, по-лё, лю-лу, лэ-ле; ша-ща, щё-шио, шу-шу, щи-ши, ще-ще; ча-ца, цо-чё, че-це, цу-чу, чи-цы. 2) Лак-ляг, лик-лык, лом-лём, лук-люк, лев-лэв; шар-щар, щёк-шок, шум-щум, щит-шит, шест-щест; чан-цан, чём-цом, чек-cek, чур-цур, чин-цын, цаца-чача... 3) Ляля около рояля. Лола около виолы. Лиля любит Лёлика. Щенку шепчу на ушко я стишок. Щёткой чистить шерсть щекотно. В чернильнице часто кончаются чернила. Чайки кричали целую ночь. Чёрная цапля цапнула цыпленка.

В полинациональной группе рекомендуется использовать диктанты, при которых звуковые пары различаются по звонкости – глухости, мягкости – твердости, а также на «проблемные» гласные и сонорные звуки: 1) ба-па, пя-бя, бо-по, бё-пё, пу-бу, бю-ю, пэ-бэ, бе-пе, пы-бы, би-пи; ва-ба, во-бо, вы-бу, вэ-бэ, ра-ря, ро-рё, ру-рю, рэ-ре, ры-ри...; ра-ла, по-ро, лу-ру...; ша-ча, щи-чи, щу-чу, ще-че, ши-чи и т.д. 2) бам-пам, пят-бят, бот-пот, воз-вёз, бён-пён, пух-бух, бют-пют, пэр-бэр, бес-пес, виза-вызов, ... 3) Бабушка Вове варила борщ. Пана в баре с Варей в паре. Саша учится читать и считать. В роице и чаще дышится слаще. На ралли «Роллс-Ройс» угнали.

Результативны на этапах введения и отработки нового фонетического материала фонетические упражнения. Обычно при выборе упражнений, направленных на нивелирование трудностей произношения, учитывается изучаемый лексико-грамматический материал. Как известно, фонетические упражнения делятся на языковые (*тренировочные*) и речевые (*коммуникативные*). Согласно *Методике преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе*, «языковые упражнения включают в себя отработку произношения и чтения

слогов, знакомых и незнакомых слов, словосочетаний, коротких текстов, диалогических единств» (Дергачева, 1983, с. 27).

Приведем примеры языковых фонетических заданий, которые проводятся как в моно-, так и в полилингвальной группах с различным наполнением (используется актуальный для изучаемого этапа фонетический материал):

- 1) Слушайте;
- 2) Слушайте и повторяйте про себя;
- 3) Слушайте и опознавайте данный звук;
- 4) Слушайте и повторяйте во время пауз;
- 5) Слушайте и повторяйте вместе с диктором (преподавателем);
- 6) Слушайте, повторяйте, читайте.
- 7) Слушайте. Пишите, расставьте ударения.
- 8) Читайте и записывайте свое произношение на диктофон и др. (Акишина, Каган, 1997, с. 202–203)

Другой вид фонетических упражнений – речевые (коммуникативные) упражнения. Они «направлены на снятие трудностей, аналогичных естественному речевому общению, и предполагают реализацию выработанных навыков в речи» (Власова, 1990, с. 82). Речевые упражнения с коммуникативной установкой рекомендуются на этапе, завершающем изучение фонетического явления. Примеры подобных заданий:

- 1) Спросите у Вашего друга, ...;
- 2) Ответьте на вопрос товарища о ...;
- 3) Попросите что-нибудь у Вашего соседа / преподавателя;
- 4) Поспорьте на предлагаемую тему;
- 5) Согласитесь с тем, что
- 6) Продолжите высказывание ... (известного человека, русскую пословицу или поговорку и пр.)

Кроме языковых и коммуникативных упражнений, Битехтина и Климова предлагают использовать артикуляционные упражнения на самонаблюдение. Задания такого типа позволяют учащимся «прочувствовать» проблему: выявить артикуляционные позиции проблемных звуков, зафиксировать верное положение органов артикуляционного аппарата, дать кинематические характеристики фонем, что позволит осознать причины ошибок произношения. При выполнении упражнений для наблюдения за процессом артикуляции целесообразно использовать зеркало (фронтальную камеру телефона). К примеру, при работе с палатализованными / непалатализованными звуками авторы рекомендуют следующее задание: учащимся необходимо медленно, прислушиваясь к работе органов артикуляционного аппарата, произнести слова: «мат, мать, мят, мять; намок, намёк, намёки; лук, люк, люки; мэр, меры, мерить» (Битехтина, Климова, 2011, с. 24).

Далее учащимся следует ответить на вопросы: «как меняется качество гласных [а], [о], [у], [е] в зависимости от того, в соседстве с какими согласными (твердыми или мягкими) они находятся» (Битехтина, Климова, 2011, с. 24).

Помимо классических заданий, направленных на устранение фонетических трудностей начального этапа обучения, во время работы в моно- и полилинг-

вальных группах нами активно использовались скороговорки, небольшие стихотворения и русские песни. Как известно, такие материалы прекрасно коррелируют друг с другом, способствуя общей цели – постановке и улучшению произношения, а также делают занятия «эмоционально насыщенными, развивая творческие способности, повышая мотивацию к изучению русского языка» (Черкес, 2016, с. 66). При работе с данным дидактическим материалом возможно использование одной и той же языковой единицы (с разными видами заданий) при коррекции нескольких фонетических проблем.

Обратимся к скороговоркам, которые уместно использовать при работе как в польскоязычной, так и в полилингвальной группе. Для подготовки заданий мы обращались к интернет-ресурсам (*Скороговорки*, <http://skorogovor.ru/>), а также использовали авторские материалы (последние отмечены знаком*). Показала эффективные результаты следующая модель работы со скороговоркой (Красковская, 2015, с. 143):

- 1) преподаватель громко, с выразительной артикуляцией читает скороговорку и вводит новые лексические единицы;
- 2) учащиеся вслед за преподавателем медленно читают скороговорку, стараясь четко произнести каждый звук;
- 3) вместе с преподавателем студенты громко читают идиоматическое выражение (необходимо «прокричать» скороговорку 3–5 раз);
- 4) чтение скороговорки «шепотом», с четкой артикуляцией согласных звуков (3–5 раз)
- 5) индивидуальное чтение (эстафета: каждый читает по слову – потом по словосочетанию – и наконец, каждый учащийся читает скороговорку полностью).

Обычно к последнему этапу учащиеся уже знают текст наизусть. Кроме того, для снятия психологических и фонетических «зажимов» целесообразно использование гейм-технологий, поскольку «чрезмерная» концентрация внимания на «проблемных» звуках также может стать причиной фонетических неудач. Итак, во время работы над скороговоркой иногда полезно сыграть «в мяч»: предлагаются поставить учащихся в круг или друг напротив друга, чтобы они бросали друг другу какой-нибудь предмет (мягкую игрушку, мяч), проговаривая скороговорку (см. задания п. 1–5).

Скороговорки, направленные на коррекцию звука [л], [л']:

Не мы ли на Ниле налима ловили. Макака коалу в какао макала, коала какао лениво лакала. Вез корабль карамель, наскочил корабль на мель, моряки все три недели карамель на мели ели. Миллион лимонов для миллиона хамелеонов. Летом вечером в лесу подловил лесник лису. Маленький Лёнька с Леной-малышкой вымыли мылом мышку и мишуку*. Лола с Ларой, Лёля с Ликой в лес пошли за земляникой*. Клара с Клавой и Мальвиной в сад заблезли за малиной*.*

Скороговорки, способствующие исправлению произношения шипящих и свистящих звуков, а также устраниению твердости звука [ch ≠ [т'ш']] или замены его звуком [тс]:

В час вечерний с чашкой чая паучок сверчка встречает. Два щенка, щека к щеке, щиплют щётку в уголке. Щёткой чищу я щенка, щекочу ему бока. Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж. Черепаха, не скучая, час сидит за чашкой чая. Маша щёлкала щипцами орешки. Не шуршиште, мышки, тише! Кошка Машика вас услышит! Шура шустро сшила шубу из шиншиллы*.*

При работе с возвратными глаголами для устранения «позвукового» произношения постфиксов (такая фонетическая трудность имеется как в моно-, так и в полилингвальной группах), а также для отработки звука [тс] возможно использование следующих скороговорок:

Около колодца кольцо не найдётся. На софе так сладко спится, пусть девице принц приснится. В царстве молодец влюбился, на принцессе он женился*. В школу цыпа собирался – чистил зубы, умывался, одевался целый час – не успел цыпленок в класс*. Цыган, да с цыганочкой Ганночкой, в столице танцуют «цыганочку»*.*

К актуальной проблеме полилингвальной группы относится произношение звука [р] (в польскоязычной аудитории трудностью является [р']). Рекомендуемые скороговорки для коррекции проблем:

Розовые розы замерзают в морозы. Рыбак в реке словил ериша – уха сегодня хороша. Клара у Вари играет на рояле. У упрямого Прокопа урожай большой укропа. У пруда в траве во мраке перебились раки в драке. В гипермаркет приехала фура – привезла продавцам фурнитуру. Прохор прикупил продукты: помидоры, крупы, фрукты, рыбу, широты, огурец... Ай да Прохор, молодец!* Утром Рая для Кирилла три вареника сварила. Разъярился друг Кирилл – в борщ вареник уронил*. Прибежала рысь с рысёнком в регби поиграть с тигрёнком*.*

При работе над ритмикой, ударением, а также для отработки изучаемых интонационных конструкций русского языка рекомендуется учить со студентами стихотворения. Например, при изучении числительных предлагаются следующие небольшие по объему тексты:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Научились мы считать.
Ну а дальше мы не знаем,
Может, вместе посчитаем?
Шесть – конфеты любим есть,
Семь – мы помогаем всем,
Восемь – мы друзей в беде не бросим.
Девять – учимся на пять,
Десять – кончили считать*

(Считалки для детей <https://deti-online.com/stihi/schitalki/>)

*Занимаюсь я отлично:
На четвёрки и пятёрки,
Потому что я читаю
Русские скороговорки.
Каждый день я повторяю
Русские скороговорки!**

- 12, 20, 19;
 17, 10, 46;
 105, 14, 13;
 4, 8, 36 (Самойлова, Музыченко, Черкес, 2017, с. 57).

Известно, что песни являются прекрасным дидактическим материалом, потенциал которого позволяет корректировать фонетические ошибки учащихся. Песней, подходящей для фонетической работы как в моно-, так и в полилингвальной группах, является прецедентное для русской культуры произведение *Миллион алых роз*. Данная песня обладает всеми необходимыми для учебного текста качествами: а) подходящим для отработки фонетических проблем звуковым составом: *МиЛЛион, миЛЛион миЛЛион алых Роз...* (*Миллион алых роз*); б) соответствии лексического состава и грамматических моделей уровню обучающихся; в) произносительной четкостью и ясностью; г) сюжетом, способным вызвать последующую дискуссию; д) социокультурным компонентом. На предтекстовом этапе работы с песней представляется прекрасная возможность познакомить универсантов с биографией грузинского художника Нико Пирсманьи (1862–1918 гг.) / Николая Аслановича Пирсманашвили (Пирсманишвили) и его историей неразделенной любви к французской актрисе Маргарите де Сев (Черкес, 2017).

С текстом песни возможны такие варианты заданий (в зависимости от уровня группы и типа отрабатываемой фонетической проблемы):

- 1) подчеркните в тексте все слова, где присутствует указанный звук (звукосочетание, интонационная конструкция (ИК));
- 2) услышьте в песне знакомые слова и заполните пропуски;
- 3) запишите пропущенные словосочетания;
- 4) расставьте ударения в тексте песни.

Далее идут традиционные для работы с текстом этапы семантизации лексических единиц, фронтальное / индивидуальное чтение текста с сопутствующей коррекцией произносительных трудностей, коммуникативные задания: скажите... докажите... согласны ли Вы ... и, наконец, коллективное исполнение песни.

Для устранения влияния интерференции у польских студентов, отработки звуков [т'] и [тс] а также для развития слухопроизносительных навыков в полилингвальной группе при изучении числительных можно использовать детскую песню *Дважды два четыре*. Поскольку данная песня исполняется в достаточно быстром темпе, то для моно- и полилингвальной групп задания будут дифференцированными: для польских студентов – расстановка ударений с последующим исполнением песни, а в интернациональной группе – аудирование, направленное на опознание в потоке звучащей речи пропущенных числительных.

Песня, которую можно использовать для устранения произносительных трудностей как в поли-, так и в монолингвальной группах – это детская колыбельная *Снят усталые игрушки*:

*Снят усталые игрушки, книЖки снят,
 Одяяла и подушки ждут ребят.*

*Даже сказка спать ложиТСЯ,
Чтобы ночью нам присниТЬСЯ.
Ты ей пожелай: «Баю-бай!»*

*В сказке можно покатиТЬСЯ на луне
И по радуге промчаТЬСЯ на коне.
Со слонёнком подружиТЬСЯ
И поймать перо жар-птиЦы
Глазки закрывай! Баю-бай!....*

(Сняты усталые игрушки)

Также на начальном этапе и в процессе сопроводительного курса возможно использовать современную российскую песню группы «M-BAND» «Она вернется»:

*Она вернётСЯ, она вернётСЯ;
Она мне ноЧью заменяет солнЦе.
Она услышит, она заплаЧет;
И я надену ей кольЦо на пальЧик,
И я надену ей кольЦо на пальЧик.*

(Она вернется)

При обращении к интернет-ресурсам можно найти специальные логопедические видеоупражнения, направленные на постановку звуков. Вот пример такого небольшого по объему, несложного по лексическому составу четверостишия-песни для отработки звука [p]. Сначала предлагается коллективно проговорить:

Ра-па-па-па – вот высокая гора. Ро-ро-ро-ро – потерял петух перо. Ры-ры-ры-ры – за горюю комары. Ру-ру-ру-ру – а барсук унёс в нору.

(Детская Песня. Ра Ры Ро Ру Э. Потешка. Логоритмика. Развитие речи)

В качестве следующего этапа необходимо пропеть эту песню вместе в медленном темпе, четко артикулируя. Объем видео позволяет проговаривать и пропевать отрабатываемые звукосочетания и предложения как коллективно, так и по парам и, при необходимости, индивидуально.

Песней, которая на практике неоднократно показывала свою эффективность, является классическое музыкальное произведение группы «Машина времени» «Поворот». Несмотря на то, что преподавателю придется уделить несколько больше времени семантизации новых лексических единиц, при исполнении данной песни прекрасно отрабатывается звук [p]:

*Вот новый повоРот и мотоР Ревёт, что он нам несёт –
ПРопасть и взлёт, омут или бРод, и не РазбеРёшь, пока не повеРнёши.
(Поворот)*

Итак, при постановке русских звуков и коррекции произносительных проблем необходимо регулярно использовать как классические фонетические упражнения и аудитивные диктанты, направленные на развитие слухопроизносительных навыков универсантов, так и богатые возможности русской культуры – скороговорки, стихи и популярные песни. В гармоничном сочетании

предлагаемые варианты заданий способствуют коррекции произношения универсантов, способствуют постепенному устранению фонетических проблем. Данный дидактический материал может использоваться на начальном этапе обучения РКИ, а также быть полезным как во время преподавания РКИ на продвинутом этапе, так и на краткосрочных языковых курсах.

Библиография

- Anchimiuk, O. (2015). Обучение произношению сонорных [л], [л'] студентов-польских. *Linguodidactica*, № 19. Online: <https://core.ac.uk/download/pdf/83087875.pdf> (27.02.2018).
- Акишина, А. А., Каган, О. Е. (1997). Учимся учить. Москва: Русский язык.
- Андреюшина, А. Е. (2014). Трудности освоения русской фонетики иноязычной аудитории в зависимости от родного языка учащихся. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 12 (42). Online: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_12-2_03.pdf (24.03.2018).
- Битехтина, Н. Б., Климова, В. Н. (2011). *Русский язык как иностранный: фонетика*. Москва: Русский язык.
- Валеева, Д., Шарафутдинова, О. (2017). *Обучение арабов русской фонетике: перспективы использования электронной образовательной системы*. Online: <http://www.journals.vu.lt/verbum/article/viewFile/11358/9822> (24.03.2018).
- Еремина, В. В., Еремин, С. И. *Овладение русской фонетикой: особенности работы с китайскими студентами на этапе довузовского обучения*. Online: <https://www.sworld.com.ua/index.php/ru/pedagogy-psychology-and-sociology-411/theory-and-methods-of-studying-education-and-training-411/11180-411-0575> (25.03.2018).
- Ибрагимова, Л. Г., Светлова, Р. М. (2016). *Типы фонетических ошибок на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному: опыт преподавания*. Online: <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35659> (25.03.2018).
- Капитонова, Т. И., Московкин, Л. В. (2006). *Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Касько, Н. Н. (2000). *Некоторые аспекты обучения нефилологов русскому произношению*. Online: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_12_19kasko.pdf (27.02.2018).
- Красковская, И. Г. (2015). Караоке по-русски как один из приемов работы над фонетикой в иностранной аудитории. *Studia Rossica Gedanensis*. Т. 2, с. 137–146.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Online: <http://tapemark.narod.ru/les/197c.html> (27.02.2018).
- Любимова, Н. А. (1982). *Обучение русскому произношению: артикуляция: постановка и коррекция русских звуков*. Москва: Русский язык.
- Дергачева, Г. И. (ред.). (1983). *Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения*. Москва: Русский язык.
- Музыченко, Н. Г. (2014). Особенности обучения русскому как иностранному в мононациональных и полинациональных группах. *Организационные аспекты обучения иностраных граждан: материалы Международной научно-практической конференции*. Минск: РИВШ, с. 124-126.
- Пархоменко, М. А. (2016). Работа над произношением на уровне A1 в аудитории франкофонов. *Русский язык за рубежом*. (Специальный выпуск). Online: <https://journal-rla.pushkininstitute.ru/files/France.pdf> (24.03.2018).

- Пассов, Е. И. (1989). *Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению*. Москва: Русский язык.
- Власова, Н. С. (ред.). (1990). *Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе*. Москва: Русский язык.
- Самойлова, И. Ю., Музыченко, Н. Г., Черкес, Т. В. (2017). *Русский язык как иностранный: шаг первый: пособие*. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы.
- Сашина, А. С. (2016). *Актуальные проблемы обучения студентов-иностраницев русскому про-изношению*. Online: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/yazik-kultura-prof-comm/1/sashina.pdf> (27.02.2018).
- Трубецкой, Н. С. (1960). *Основы фонологии*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Федянина, Н. А. (1979). *Основные черты русской фонетики в сопоставлении с английской*. Online: <http://docplayer.ru/47818420-Osnovnye-cherty-russkoy-fonetiki-v-sopostavlenii-s-angliyskoy.html> (24.03.2018).
- Цзинь, Ш., Панова, Р. С. (2015). Фонетическая интерференция при произношении согласных в русской речи китайцев. *Язык. Культура. Коммуникации*, № 2. Online: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/102/282> (25.03.2018).
- Черкес, Т. В. (2017). Мотивационно-ценностная роль песни на уроке РКИ. *Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник материалов II Международной научно-методической конференции-вебинара*. Курск: ГБОУ ВПО КГМУ. Online: <https://elib.grsu.by/doc/21776> (3.05.2018).
- Черкес, Т. В. (2016). Скороговорки как средство коррекции трудностей произношения в иностранной аудитории. *Вестник науки и образования*, № 8 (20). Online: <http://scienceproblems.ru/images/PDF/2016/8/VNO-8-20.pdf#page=65> (1.05.2018).

Электронные источники

- Детская песня: Ра Ры Ро Ры Рэ: потешка, логоритмика, развитие речи*. Online: https://www.youtube.com/watch?v=NZiG8df_ik4 (01.05.2018).
- Миллион алых роз*. А. Вознесенский, муз. Р. Паулс. Online: <<http://a-pesni.org/drugije/million.htm>> (1.05.2018).
- Она вернется*. К. Меладзе, муз. К. Меладзе и А. Пиндума. Online: <https://www.gl5.ru/m/m-band/m-band-onsa-vernetsya.html> (01.05.2018).
- Поворот*. А. Макаревич, муз. А. Кутиков. Online: <https://www.gl5.ru/mashina-vremeni-povorot.html> (01.05.2018).
- Скороговорки*. Online: <http://skorogovor.ru/> (1.05.2018).
- Сняты усталые игрушки*. Online: <http://www.pesni.net/text/Detskie-pesni/Spyat-ustalye-igrushki> (01.05.2018).
- Считалки для детей*. Online: <https://deti-online.com/stihi/schitalki/> (27.02.2018).

LITERATUROZNAWSTWO
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES

HISTORIA LITERATURY
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
HISTORY OF LITERATURE

ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛЯ БЫКОВА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии

Центр историко-философских и компаративных исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь
e-mail: valery.maximovich@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9062-6984>
(получено 6.09.2018; принято 11.09. 2018)

Abstract

Vasil Bykov's works: existential discourse

The article describes the work of the national writer of Belarus V. Bykov through the prism of existential discourse. An attempt is made to show the multidimensionality of existential-ontological discourse and the multiplicity of interpretations of artistically generalized meanings of his works, as well as to reveal the philosophical and aesthetic features of his existential concept of man.

Key words

Existentialism, existential choice, state patriotism, anthropic principle, humanity, inner repentance, biblical archetype.

Резюме

В статье творчество народного писателя Беларуси В. Быкова рассматривается через призму экзистенциального дискурса. Делается попытка раскрыть многомерность экзистенциально-онтологического дискурса и поливариант-

ность интерпретаций художественно-обобщенных смыслов его произведений, выявить философско-эстетические особенности экзистенциональной концепции человека.

Ключевые слова

Экзистенциализм, экзистенциальный выбор, казенно-государственный патриотизм, антропный принцип, человечность, внутреннее покаяние, библейский архетип.

Василь Быков относится к пантеону писателей предельно выразительно-го художественного видения, отчетливо проявленной гражданской позиции. В центре его глубоких размышлений – бескомпромиссная правда о войне, о человеке на войне, трагический смысл эпохи, которая принесла безмерные страдания, боль и невосполнимые утраты.

Творчество В. Быкова, – справедливо отмечает Наталья Сергеевна Клишевич, – является неотъемлемой частью белорусской философско-культурной среды своего времени. (...) [Оно] поражает своим постоянством тематики и разнообразием поднимаемых социальных проблем, на «военном материале» писателю удается показать не только эпопею народного горя, но и внутреннее состояние безысходности и отчаяния каждого человека независимо от его статуса и степени ответственности, где каждый стоит перед нечеловеческим выбором – от небольших моральных, до окончательного экзистенциального (Клишевич, 2015, с. 214).

Кукулин в своей статье *Регулирование боли* называет Быкова «единственным в советской литературе писателем-экзистенциалистом в точном понимании этого слова» (Кукулин, 2005, с. 2–3). В своих комментариях по поводу работы над повестью *Сотников* Быков заметил (Быков, 1986, с. 134):

Прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно.

Причастность Быкова к экзистенциальному дискурсу неоспорима. Об этом говорится во многих публикациях, посвященных творчеству этого признанного мастера слова (см. статьи: Афанасьев, 1993; Лягонава, 2000; Локун, 2005; Каропа, 2008). Кроме того, на присутствие экзистенциальных мотивов в творчестве Быкова указывали Лейдерман, Липовецкий, Афанасьев, Липневич, Леонова, Локун, Васюченко.

Проблема индивидуальной свободы и ее границ, проблема ответственности и морального выбора становились предметом его глубоких раздумий, его сосредоточенной, и более того, мучительной писательской рефлексии. Произведения Быкова, как правило, имеют четкую «программную» установку, подчинены предварительно хорошо продуманной идеи, характеризуются

«выразительной конструктивной заданностью, запрограммированностью на высокую степень морально-этического эксперимента, в котором все направлено на решение масштабной проблемы морали, на цель и средства ее достижения» (Локун, 2005, с. 148). Другими словами, они имеют предельно мировоззренческий характер, сфокусированы на постижение всеобщей зависимости вещей и явлений, на решение поистине субстанциальнопонтификальных вопросов бытия.

Экзистенциализм (*existentialisme* (фр.), *existentia* (лат.) – существование) – направление философии и культуры, которое выводит на первый план абсолютную уникальность человеческого бытия. С экзистенциализмом повести Быкова сближает и обостренная трагичность индивидуальной судьбы человека на войне, понимание свободы и ответственности за нее, ситуация морального выбора, происходящая в неимоверно тяжелых, невыносимых условиях военного времени. Необходимо при этом заметить, и на это уже обращали внимание исследователи творчества писателя, что в художественном обживании жизненного материала автор не слепо придерживается определенного канона, признанного образца: у него заметна большая привязанность к конкретике, к сюжетной и структурной организации материала, притяжение в поле зрения, мягко говоря, непростых моментов в межличностной коммуникации, которым нельзя дать однозначную оценку с точки зрения морально-нравственного императива. Наблюдается отличие в подаче конкретно-исторического и обобщенно-философского материала. Следование гуманистической традиции позволяет писателю «сочетать прославление человека, сохраняющего свою духовную сущность даже в нечеловеческих условиях, с проклятием этих условий, с утверждением права человека на человеческие условия проявления его духовной сущности» (Жибуль, 1986, с. 59). Вот почему произведения Быкова, при всей их, казалось бы, эсхатологической направленности, имеют жизнеутверждающий характер.

Афанасьев в книге *Кто восходит на Голгофу? Антивоенная идея в творчестве Василя Быкова* справедливо отметил, что в своем творчестве писатель прибегает к антропному уровню решения художественной задачи (Афанасьев 1993, с. 28). Напомним, что антропный принцип, его реализация в литературе не предполагает строгого и однозначного утверждения. Он заключает в себе широкий спектр формулировок, интерпретаций, установок и позиций, вытекающих из различных мировоззренческих контекстов. Что касается трактовки Быковым художественных образов, поведения, отношения, позиций героев, то писателя, как свидетельствует Афанасьев, интересует процесс возвращения человека к самому себе, обратный процесс созиания раздробленной, «частичной» человеческой индивидуальности как родового существа и обнаружение некой общности, позволяющей говорить о человеке как о представителе человечества. Вот почему, замечает исследователь, война у Быкова ангажирована этической проблематикой, показана «на человеческом, а не только отражено солдатском, противоборствующем уровне взаимоотношений людей» (Афанасьев, 1993, с. 32).

Причиной того, что участники военных сражений по-разному подходят к пониманию сущности добра и зла, ложного и истинного, героического и предательского, является разное толкование и отношение к патриотизму военно-государственному и народному. Как замечает Афанасьев, в государственном патриотизме Вернадский видел потенциальный источник преступления. Исходя из подобного толкования патриотизма, борьба с мировым злом становится алогичной и взаимосоединяется с ним: человек попадает в замкнутый круг, где он – не более чем объект истребления, и правомочность его как носителя свободы выхолащивается до жалкого состояния «пленника военных систем» (Герzon, 1987, с. 169). Акцентирование внимания на подобном герое, испытывающем воздействие внешней агрессии и внутреннего режимного устрашения, военизированных общественных отношений, позволяет Быкову поставить вопрос еще шире: человек в системе репрессивных отношений (Афанасьев, 1993, с. 66). Вот почему герои быковских произведений по-особому воспринимают и трактуют чувство долга, чести, героизма, которые во многом сопряжены с чувством страха, боязни, подозрительности, ощущением себя «винтиком» системы, ее, по преимуществу, жертвенного звена. Вскрывая онтологические основания военно-государственного патриотизма, критик замечает (Афанасьев, 1993, с. 35):

На войне окончательному возобладанию именно военного патриотизма способствует его историческая оправданность, в силу которой приходится говорить о неизбежном ущербе человечности, неустранимом всегда, когда начинаются войны. Идеи нации, отечества получают самодовлеющее значение, отличное от подлинного смысла этих ценностей уже потому, что несут в себе элемент чистой выгоды, «саморазумеются» как аргумент в историческом споре.

К тому же, свою крайне негативную роль сыграла чрезмерно жесткая политика власти в отношении солдат на войне (Быкаў, 1992, с. 46).

Адзінае, чаго дасягнула ваеннае (у тым ліку і партыйнае) кіраўніцтва, – замечал Быков в одном из своих выступлений в начале 90-х годов, – гэта безагляднай патрабаванасці, якая нярэдка даходзіла да жорсткасці. Менавіта яна, гэтая жорсткасць, з'явілася адной з галоўных прычын нашых небывалых у гісторыі страт, калі жыцце салдата каштавала менш за цынкавую скрынку вітовачных патронаў, калі толькі гібелль (не мела значэння, байца ці злучэння) магла стаць важкай прычынай невыканання загаду, які далека не заўседы падмацоўваўся хоць бы элементарнай мэтазгоднасцю. І гінулі. Мільёны людзей, дзясяткі і сотні часцей і злучэння. Некаторыя з камандзіраў пачыналі заведама безнадзейную аперацыю з відавочна пагібельным яе зыходам. Але альтэрнатывы не было.

Важное значение в экзистенциально-художественной концепции Быкова приобретает проблема свободы, в том числе, проблема свободы выбора. Поиск истины героями его прозы всегда чем-то усугублен, осложнен, более того, обусловлен трагическими обстоятельствами. Этот поиск поливариантен, продиктован разными мировоззренческими позициями и подходами, внутренним моральным кодексом, имеющим отличительную, как правило, диаметрально противоположную ценностную мотивацию. Как утверждают представители экзистенциализма, в свободе существование предшествует сущ-

ности и определяет самую сущность человека. В контексте экзистенциальной доктрины данное утверждение конституирует возможность «каждого человека определять собственную судьбу, тем самым формируя не только субъективную картину мира, но и парадигму общечеловеческого существования в целом» (Антонец, 2017, с. 23).

Согласно Сартру, каждый человек, совершающий выбор, должен осознавать, какую ответственность он несет перед социумом: «я ответственен (...) за себя самого и за всех, и создаю определенный образ человека, который выбираю: выбирая себя, я выбираю человека вообще» (Сартр, 1990, с. 324). Герои Быкова, по сути, были лишены подобной свободы, или, по-другому, их свобода была жестко ограничена. Гнет тоталитарного режима, доминирование перманентного трагического посыла лишили человека возможности реализации экзистенциального опыта. Кроме всего прочего, проблема выбора детерминировалась тем же казенно-государственным патриотизмом. Писатель в художественно моделируемых ситуациях заостряет внимание на имеющих место двух правдах, двух истинах, которые вытекают из внутренней сущности и разного аксиологического потенциала двух видов патриотизма. Хотя, по сути, военно-государственный патриотизм превращается в квазипатриотизм, лишенный жизнеутверждающего, гуманного основания. По существу, он приобретает качество хорошо замаскированной фальши, суррогата, ложного идеологического конструкта, функционирующего под маской высшей благодетели, священного императива. В итоге подобный квазипатриотизм принимает форму абсурда, который нельзя принять, которому нельзя не противостоять. Весь драматизм и трагизм ситуации и состоял в том, что героям Быкова приходится сражаться на два фронта – с врагом видимым, реальным, и врагом «своим», латентным, наделенным всеми атрибутами власти и действующим от имени казенной машины подавления хоть малейшей свободы волеизъявления. Олицетворением последнего является та же мрачная, зловещая фигура штабного «офицера-особиста» Сахно (*Мертвым не больно*), который проявляет сверхжестокость, сверхнасилие «в борьбе со злом» и «чье маниакальное усердие в “разоблачении” и “пресечении” роковым образом отражается на судьбах героев повести» (Афанасьев, 1993, с. 62). «Отношение Сахно к своим – недоверчивое, предвзятое, предательски жестокое» (Афанасьев, 1993, с. 62), крайне негативно влияет на моральное самочувствие сослуживцев, способствует тому, что чувство долга приобретает деформированные качества зависимости, страха, имеющие поистине трагические последствия для подчиненных. Показателен в этом отношении эпизод, где раскрывается трагическая судьба группы окружженцев, «командование которой принимает на себя Сахно, методы и действия которого соседствуют с «распорядительностью инквизитора» (Быкаў, 1982, с. 321):

...Апроч, як праз міни, дарогі ў нас няма. Немцам жывымі я вас не пакіну... Зрэшты, калі хто не згодны, гаварыце адразу. Для таго я знайду іншае выйсце».

С учетом высказанного, не совсем правильным будет утверждение о том, что Быков создает художественную модель фашизма. Для писателя не менее важное значение приобретает и разоблачение такого страшного

и преступного явления, как сталинизм («сталинский фашизм» [Сахаров]). Герои Быкова постоянно, прямо или косвенно, ощущают на себе атмосферу гиперболизированно-фатальной подозрительности, внутреннего режимного устрашения, гипертрофированных военизованных отношений, межвольно прививая себе комплекс несомненной виновности. В подобной атмосфере им чрезмерно затруднительно руководствоваться общечеловеческими принципами и кодексом чести и человеческого достоинства. Моральный выбор быковского героя неимоверно осложнен прежде всего идеологической подоплекой, потенциальной возможностью оказаться помимо своей воли в рядах врагов – изменников Родины. Виновность оказывалась потенциально реальной, возможной при самой малейшей смене военных обстоятельств, жизненных ситуаций и непредвиденных случайностей. Герои вынуждены, насколько это возможно, противостоять «скрытому» врагу, находить внутренние резервы, чтобы окончательно не сломиться, не оказаться в «колпаке», не стать жертвой «неистовых ревнителей революции».

Следует в этой связи заметить, что в отличие от представителей французского экзистенциализма в литературе (Сартра, Камю), Быков не доводит свой идеологический эксперимент до полного абсурда, не моделирует ситуацию тотального антропологического коллапса, полного и окончательного краха человеческих надежд и вожделений. Его истинные герои, которые в состоянии противопоставить мерзости, унижению, страху свою незапятнанную совесть и чувство человечности, мужество и стойкость, полны решимости не сдаваться, быть безупречно честными и готовыми на все во имя выполнения своего солдатского долга. Им свойственен дух внутреннего бунтарства, мятежности, которым они, даже находясь в предельно сложных, пограничных условиях, защищают себя от духовной амнезии, как могут, сохраняют в себе ростки гуманности и человечности.

Возможно, в этом бунте, в отчаянном противостоянии системе и проявлялась свобода человека, свобода его морального выбора прежде всего. Это чрезмерно важная, можно сказать, основополагающая категория в экзистенциальной философии. Сартр в этой связи подчеркивал (Сартр, 1990, с. 327):

Человек ответственен за свой выбор в высшей степени потому, что эта ответственность распространяется на все человечество, категория свободы связывается непосредственно с категорией ответственности». Свобода «не избавляет человека от ответственности», более того, «человек осужден быть **свободным**... потому что однажды заброшенный в мир, отвечает за все, что делает.

Свобода, по Сартру, как бы предопределяет свободу действий человека, потому как, согласно французскому исследователю, «человек есть ни что другое, как множество его поступков... он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых складываются эти поступки... трус делает из себя труса и герой делает из себя героя» (Сартр, 1990, с. 334). Человек отвечает прежде всего перед самим собой за свой выбор – на границе отчаяния, внутренней драмы, которая приобретает трагические очертания вследствие глубинной расколотости сознания, раздвоения бытия. Согласно Сартру, каждый человек,

совершающий выбор, должен осознавать, какую ответственность он несет перед социумом: «я ответственен (...) за себя самого и за всех, и создаю определенный образ человека, который выбираю: выбирая себя, я выбираю человека вообще» (Сартр, 1990, с. 334).

Герой Быкова проходит важные ступени к своему духовному восхождению, постепенно избавляясь от всего наносного, искусственно ангажированного, привнесенного извне вследствие усвоения социально регламентируемых нормативов, связанных с тотальным подозрением, предосторожностью, недоверием. Путь восхождения Сотникова (*Сотников*) – это путь избавления, освобождения от навязанного, ложного, иррационального, мучительное очищение от плевел идеологического зомбирования, от коварных флюидов идеофикции, идеи-абсурда, отказ от одномерности социально-этического принципа. Все эти составляющие формировали максималистскую бескомпромиссность Сотникова, питали его военную бдительность, настороженность в отношении людей на оккупированной территории, к своим сослуживцам. Люди в его глазах теряли свою самоценность, становясь частью большого общественного организма, «винтиками» системы, которая, по существу, являлась главной виновницей беспрецедентной народной трагедии. И только сверх экстремальная ситуация, в которой оказался Сотников, поспособствовала его внутреннему озарению, кардинальному пересмотру прежних взглядов и убеждений. Он пережил внутреннее покаяние, по-новому, с поистине гуманистических позиций оценил и свое положение, и положение людей, с которыми свела его жестокая военная реальность.

По словам Локун, духовная трансформация характера Сотникова происходила мучительно и противоречива – в борьбе с самим собой, со своим внутренним «я». Есть большая доля правды в том, что «сотниковское приближение к человеку – это прежде всего постепенное осознание своей вины» (Локун, 2005, с. 171), это переживание (даже на подсознательном уровне) чувства единения с людьми, с которыми волею судьбы он проживает последние мгновения жизни. О кардинальных переменах, произошедших в сознании героя, свидетельствует следующее авторское замечание (Быкаў, 19816 с. 255–256):

(...) ен стаў адчуваць у сабе нейкія новыя, не знаемыя дагэтуль якасці. Ніперш знікла няўпэўненасць, якая заўжды прыгнятала яго на вайне, калі нават самае блізкае будучае хавалася ў расплывістым тумане невядомасці. Цяпер жа ўсе было пзўна і катэгарычна, смерць усе вызначала навек. Каб не цешыць сябе пустымі надзеямі, ен адмей усе ўласцівия жыццю ілюзіі, ведаў: наперадзе нішто. Нейкім чынам гэта здавалася нават палегкай, бо дало магчымасць строга вызначыць яго выбар. І калі што яшчэ турбавала яго, дык гэта некаторыя абавязкі ў адносінах да людзей, што воляю лесу ці выпадку апынуліся цяпер побач.

Это обстоятельство может служить весомым основанием для утверждения того, что «его подвиг, его непреклонность возглашают не исключительность героя, вознесенного несомненными его заслугами и достоинствами над людьми, быть может, даже недостойными равного человеческого участия, а именно человечность человека (выражение Сартра – В. М.). Причем человечность во всех

мыслимых значениях данного понятия. Сотников воспринимает себя в единстве с теми, ради кого он совершает подвиг» (Афанасьев, 1993, с. 85).

Именно человек стал главным объектом его мучительных размышлений, а его жизнь – «категорией-абсолютом, мерилом и ценою всего» (Быков, 1986, с. 360-361), что, в итоге, стало действенным «стимулом» его окончательного постижения истины, его собственного суда над собой. Свидетельством этого стало и авторское замечание, что Сотников «у апошнія імгненні свайго жыцця нечакана ўсуніўся ў сваім заўседным праве – нароўні з сабою патрабаваць ад іншых» (Быкаў, 1981, с. 273).

Можно согласиться с утверждением Ивана Афанасьева, что внутренняя эволюция Сотникова проявилась прежде всего в его великодушии, в его гуманности простить «всех, кто есть люди» (Афанасьев, 1993, с. 93), в отчаянной и жертвенной решимости взять на себя мучения и вину этих людей, разделить с ними непередаваемую горечь прощания с жизнью. По словам исследователя, жизнь «вне его, нелюбимая, не чувствуемая им, неизвестная ему», которая, по Толстому, «и есть единая настоящая жизнь» (Толстой, 1984, с. 21), расширяет «пределы» Сотникова и, разрешая это «основное противоречие человеческой жизни», утверждает равное человеческое право на жизнь, хотя и не знаменует еще возможность такого служения людям, «при котором не было бы неизбежности жертвы всей своей жизнью» (Толстой, 1984, с. 21). В этой связи к месту будет привести слова Жибуля, заметившего, что Быков в повести *Сотников* объединяет прославление человека, сохраняющего свою духовную сущность даже в нечеловеческих условиях, вместе с проклятием этих условий, с утверждением прав человека на человеческие условия проявления его духовной сущности» (Жибуль, 1986, с. 59).

Восходя на Голгофу, Сотников протестует всем своим существом против «удушения петлей», против такого, плачевно безрезультатного, итога всей своей жизни. Только теперь он стал явственно осознавать, что

смерть нічога не вырашае і нічога не растлумачвае. Толькі жыцце дае людям пэўныя магчымасці, якія здзяйсняюцца або прападаюць марна; толькі жыцце можа процістаяць злу і несправядлівасці. Смерть – нішто (Быкаў, 1981, с. 271).

Это признание дает нам право засвидетельствовать кардинальные изменения в духовно-нравственной составляющей героя, в его мировоззрении. Афанасьев замечает в этой связи: «Это важнейший момент повести для понимания последнего поступка героя как **самопожертвования** (выделено автором. – В. М.), которое не отрицает человека, а утверждает его, заключая в себе “возможность возможности” Рыбака» (Афанасьев, 1993, с. 85). В сознании героя происходит как бы резкий единовременный скачок, «просветление в последний миг», – герой духовно преображается, обретает новую природу. Здесь имеет смысл говорить о мировоззренческом «перевороте». Классическая христианская параллель этому – евангельский прототип: превращение язычника Савла в Павла, будущего апостола. Только, в отличие от последнего, подобное превращение происходит с героем на лобном месте, на его плахе, в преддверии катастрофического конца. Допустимо (по миметической аналогии) видеть здесь

и момент сходства с Христом. Кстати сказать, ссылаясь на высказывание Камю относительно Мерсо (главного героя романа *Посторонний*), что «это единственный Христос, которого мы заслуживаем» (Камю, 1989, с. 11), Локун утверждает, что «таким Христом в советской военной прозе был Сотников. Он и до нынешнего времени в творчестве В. Быкова является своеобразным «святым», трагическим в своей нестигаемости. Сотников жертвует своей жизнью, избавляет свой грех совсем по-христиански – через признание своей вины, через покаяние» (Локун, 2005, с. 173).

На пути к неизбежному концу, на грани катастрофы, гибели в Сотникова совершается полный внутренний переворот, когда идеи насилия и разрушения уступают место примирению и согласию, когда внезапно обнаруживает себя свет бытийной сути. В данном случае можно говорить о своеобразном паттерне (образце, модели), представленном в антропологическом дискурсе. Перенесение акцента на жизнь как основосущностную категорию бытия, взгляд на нее как на универсальную общечеловеческую ценность – еще одно важное свидетельство духовного восхождения Сотникова. Все это может служить достаточно аргументированным основанием для того, чтобы назвать быковского героя символом человеческого величия, духовной стойкости, нестигаемости и мужества.

Восхождение Сотникова – апофеоз христианскому мироприятию. Присутствие в повести библейских архетипов не должно вызывать сомнения. Правда, данное утверждение можно считать верным только при условии признания обобщенной художественно-семиотической структуры произведения, сконцентрировавшего в себе события поистине универсального, общечеловеческого масштаба. Если мы признаем условно-метафизический, символический характер произведения с его христианскими архетипами, то вследствие этого открывается возможность конституирования многомерности экзистенциально-онтологического дискурса и поливариантности интерпретаций художественно-обобщенных смыслов в творчестве Быкова вообще.

В этой связи заслуживает внимания оценка позиции Рыбака, которому исследователями, в большинстве своем, отведена роль предателя, палача. Какой же архетип можно закрепить за этим образом? Думается, ситуация с Рыбаком напоминает момент отречения от Христа апостола Петра. Французский философ Жирар в своей книге *Козел отпущения* следующим образом описывает внутренние ощущения Петра в подобной ситуации (Жирар, 2010, с. 247):

Петр делает Иисуса своей жертвой, чтобы перестать самому быть своего рода малой жертвой... То, что эти люди делают с Петром, Петр в ответ хотел бы сделать с ними, но не может. Он недостаточно силен, чтобы восторжествовать над ними посредством мести. Поэтому он пытается примириться с врагами, заключив с ними союз против Иисуса... (...) А лучшее средство приобрести друзей в недружественном мире – это присоединиться к их вражде.

Рыбак стремится отсрочить наступление неминуемого путем отречения и, по сути, самоотречения, лелея надежду на зиждущееся спасение. В этом

можно усмотреть и парадоксальную сторону выбора Рыбака – спасение через, как ему кажется, неосознанное, навязанное извне предательство, какие бы формы и очертания оно не приобретало в итоге всех очевидных и скрытых от чужого глаза пертурбаций. Именно этот выбор ведет к «забвению бытия», к окончательному разрыву его связи с моралью, с христианскими заповедями, с принципами и нормами человеческого существования, что составляет самую сущность человека. Не то же происходит и с евангельским Петром? Здесь очень кстати процитировать уже упомянутого нами Жирара (Жирар, 2010, с. 248):

Самое лучшее средство для того, чтобы тебя не распяли, – это в конечном счете поступать так, как поступают все, и самому участвовать в распятии. Таким образом, отречение Петра – это один из эпизодов Страстей, своего рода завихрение, небольшой водоворот в широком потоке виктимного миметизма, уносящего всех к Голгофе.

Последним утверждением французский исследователь как бы исподволь ответил на вопрошение Афанасьева – «Кто восходит на Голгофу?» Восходят все. Другое дело, каждый восходит на нее в разной роли и в разном антропологическом статусе. Многократно нами упомянутый Афанасьев по отношению к Рыбаку применил метафорическое определение «жертвапала». Думается, данный «двуединый» архетип, заключающий в себе значение абсолютной нравственной катастрофы, как нельзя лучше указывает на истинную роль героя в ситуации выбора. Если опереться на ту же евангельскую канву, Рыбак действительно вобрал в себя роль и жертвы, и палача, принял на себя функции Канафа и Пилата, Иуды и Петра...

Следует заметить, что присутствие библейской стилистики и евангельских мотивов в повести отдельными исследователями творчества Быкова признается спекулятивным фактом. В этой связи критик замечает (Афанасьев, 1993, с. 93):

Что до буквальности совпадения с легендарными персонажами, то одним сравнением образ не исчерпаешь, и кто знает, от кого больше в Рыбаке: от Иуды или апостола Петра, трижды отрекшегося?.. Христос и – кто? Спор бесплоден и неразрешим...

Быковская идея отстаивания права человека на историческую субъектность остается чрезмерно востребованной и актуальной в наше время, когда все чаще говорится об утрате субъективности, о крушении самой идеи человека. Так, Хайдеггер замечает, что бытие «в нынешний момент мира дает о себе знать потрясением всего сущего», что непосредственно сказалось и на положении человека в этом мире: «...потерянность человека, будь то очевидная, будь то утаиваемая, разрастается до неизмеримости» (Хайдеггер, 1988, с. 347). Фромм также подчеркивает (Фромм, 2004, с. 322):

Система человека функционирует ненормально, если удовлетворены только материальные потребности, гарантирующие ей физиологическое выживание, а не специфически человеческие потребности и способности – любовь, нежность, разумность, радость и пр.

Вместе с тем, он выражает уверенность в том, что «в развитии общества выявилась сильнейшая тенденция к более глубоким ценностям гуманистической традиции» (Фромм, 2004, с. 322–323), что в свою очередь позволит человеку «быть живым в полном смысле слова» (Фромм, 2004, с. 326).

И в наши дни вопросы моральног выбора, отстаивание высоких морально-нравственных устоев личности как важнейшего компонента духовного развития выступают центральными критериями. Приходится только сожалеть, что «при длительном отсутствии реальной и потенциальной войны смыслы жизни теряют очертание, а массы принимаются тосковать по новым демонам и идолам» (Назаретян, 2018, с. 101). Все больший масштаб приобретают агрессивные среды, которые напрямую влияют на характер международной коммуникации, выстраивая свой рейтинг «национальных картин мира», доминирующих культурных кодов. Все меньше стали говорить об общечеловеческих ценностях, о межнациональном согласии, о диалоге культур и гуманитарном сотрудничестве, о культурно-цивилизационном единстве, о формировании позитивных жизненных стратегий, заменяя их разговорами о западной и восточной цивилизации, об экспансии национальных интересов, «культурной гегемонии». В ситуации цивилизационных угроз и рисков довольно остро встает проблема сохранения жизненных смыслов, формирования планетарного сознания, основанного на примирении, на взаимном уважении прав и достоинства личности. О чрезвычайной востребованности нового планетарного мышления, о взаимоответственности человека и мира, о всеобщем единении человечества перед надвигающимся коллапсом и говорит своими произведениями великий художник слова. Всем своим творчеством писатель постулирует мысль о том, что судьба каждого человека неотделима от судьбы всего человечества и что экзистенциальная изолированность лишает человека будущего. Только чувство причастности к роду человеческому призвано узаконить право на жизнь как бесценный дар. Только гарантия прав человека на человеческие условия проявления его духовной сущности может стать залогом успешного развития общества в XXI веке.

Библиография

- Антонец, В. А. (2017). *Традиции экзистенциализма в отечественной культуре второй половины XX века*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук культурологии. Ярославль.
- Афанасьев, И. (1993). *Кто восходит на Голгофу: антивоенная идея в творчестве Василя Быкова*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Быкаў, В. (1981). *Збор твораў. У 4-х т.* Т. 2. *Аповесci*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Быкаў, В. (1982). *Збор твораў. У 4-х т.* Т. 4. *Аповесci і апавяданні*. Минск: Мастацкая літаратура.
- Быков, В. (1986). *Собрание сочинений. В 4 т.* Т. 2. Москва: Молодая гвардия.
- Быков, В. (1986). *Собрание сочинений. В 4 т.* Т. 4. Москва: Молодая гвардия.
- Быкаў, В. (1992). *На крыжах: Выступленні, артыкулы, інтэрв'ю*. Минск: Беларусь.
- Герzon, M. (1987). Герои, которых мы выбираем: идеал мужчины вчера и сегодня. *Иностранная литература*, № 3, с. 166–178.
- Жибуль, В. (1986). *Белорусская проза о войне и классическая традиция*. Минск: Наука и техника.
- Жирар, Р. (2010). *Козел отпущения*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Камю, А. (1989). *Избранное*. Москва: Народная асвета.

- Клишевич, Н. С. (2015). Экзистенциальная реконструкция творческого наследия В. Быко-ва: поиски человека. В: Демчук, М. И. [и др.] (редкол.); Беркова, В. Ф. (ред.), *Философско-гуманистические науки: сборник научных статей*. Вып. 14. Минск: РИВШ, с. 214–220.
- Кукулин, И. (2005). Регулирование боли. Online: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37/html> (13.08.2018).
- Локун, В. И. (2005). *Васіль Быкаў у канцэксце сусветнай літаратуры: манаграфія*. Мінск: Тэхнапрынт.
- Назаретян, А. П. (2018). Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой? *Вопросы философии*, № 6, с. 99–110.
- Сартр, Ж.-П. (1990). Экзистенциализм – это гуманизм. В: Яковлев, А. А. (сост.). *Сумерки багов* (с. 319–344). Москва: Политиздат.
- Толстой, Л. (1984). О жизни. В: *Собрание сочинений: в 22 т.* Т. 17. Москва: Художественная литература.
- Фромм, Э. (2004). *Душа человека*. Москва: ООО «АСТ», ООО «Транзиткнига».
- Хайдеггер, М. (1988). *Письмо о гуманизме*. В: Гуревич, П. С. (сост.); Попов, Ю. Н. (ред.). *Проблема человека в западной философии*, Москва: Прогресс, с. 319–325.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ:
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО Ф. И. ШАЛЯПИНУ¹

МАКСИМ ФЕДОРОВ

Российская академия наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Отдел рукописей

Поварская ул., д. 25а, г. Москва, 121069, Россия

e-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>

(получено 03.07.2018; принято 20.08.2018)

Abstract

Theatrical context: the unsent letter of Demyan Bedny to F. I. Shalyapin

The unsent letter of the proletarian poet Demyan Bedny to F. I. Shalyapin is for the first time published in this article. The letter has been preserved in the poet's collection in the manuscript department of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The history of Demyan Bedny's relationship with the great singer is described in this paper. For the first time an attempt is made to outline the circle of theatrical acquaintances of the proletarian poet.

Key words

Demyan Bedny, Shalyapin, Soviet theater, publication, Soviet literature.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-012-00445 «Демьян Бедный и советский театр 1920–1930-х годов».

Резюме

В статье впервые публикуется неотправленное письмо пролетарского поэта Демьяна Бедного Ф. И. Шаляпину. Письмо сохранилось в фонде поэта в отделе рукописей ИМЛИ РАН. В статье рассказывается об истории взаимоотношений Демьяна Бедного с великим певцом. Впервые предпринимается попытка очерить круг театральных знакомых пролетарского поэта.

Ключевые слова

Демьян Бедный, Шаляпин, советский театр, публикация, советская литература.

На протяжении более полувека имя Демьяна Бедного как для читателей, так и для большинства исследователей остается почти нарицательным, символизирующим поэтическую плодовитость и дурновкусие. Особенности его писательской судьбы сегодня дают основание вспомнить лишь о лакайстве и карьеризме, его стихи не издают и не читают, пьесы давно уже не ставятся на театральных сценах.

Между тем, в определенный период времени его слава и значение для молодой советской культуры было огромным. И если его тесная дружба с партийной верхушкой хорошо известна историкам литературы, то о литературно-художественном окружении кремлевского баснописца вспоминают редко. Поэт в период своей громкой славы жил в Кремле, по соседству с первыми лицами страны, и его квартира была не только традиционным местом встреч старых большевиков, но и артистов. Об этом оставили воспоминания многие мемуаристы: «У поэта было много друзей, – его часто навещали писатели и актеры московских театров. Особенно дорожил Демьян Бедный своей дружбой с артистом Художественного театра Иваном Михайловичем Москвиным» (Полетаев, 1966, с. 84).

Его сын вспоминал (Придворов, 1966, с. 215):

Порой, когда его гостями были артисты (а среди его друзей их было немало), такие встречи напоминали интересный спектакль. Особенно когда гостями были народные артисты СССР Иван Михайлович Москвин и Михаил Михайлович Тарханов, Михаил Михайлович Климов, Николай Павлович Смирнов-Сокольский и Григорий Маркович Ярон. Впечатление было такое, что каждый рассказчик задался целью сразить предыдущего, и можно только пожалеть, что в те времена не было магнитофона, чтобы записать импровизацию знаменитых артистов и поэта-‘актера’.

Наверное, у отца и впрямь были артистические способности; это отметил еще кто-то из его современников, вспоминая о выступлениях поэта в любительских спектаклях Киевской военно-фельдшерской школы, где он занимался в юности.

Своя особая компания была у Демьяна Бедного в известном московском Теа-клубе в Старопименовском переулке. Один из завсегдатаев клуба вспоминал (Филиппов, 1977):

Жизнь в нашем клубе начиналась обычно после окончания спектаклей. К одиннадцати часам вечера из театров Москвы в переулок съезжалась вереница извозчиков. Собирались компаниями. Приезжали либо на занимательные вечера и встречи, проводимые в клубе, либо просто в чаянии встретить друзей.

Из числа постоянных посетителей мне особенно запомнилась компания Демьяна Бедного, в которую входили известные артисты театра и эстрады Иван Михайлович Москвин, Михаил Михайлович Клинов, Владимир Яковлевич Хенкин, Григорий Маркович Ярон, Николай Павлович Смирнов-Сокольский, Александр Абрамович Мендельевич, художники Дмитрий Стахиевич Моор и Михаил Михайлович Черемных. Сколько неисчерпаемого веселья царило за их столом! Наблюдать ‘за порядком’ в компании было поручено старейшему конферансье А. Мендельевичу. Он был назначен Демьянном Бедным ‘начальником милиции’, ему дали право привлекать к дисциплинарной ответственности ‘нарушителей’ – опаздывающих или пропускающихочные бдения.

К трехлетию клуба мы выпустили однодневную печатную газету *Tea-клуб за три года*. В ней приняли участие виднейшие деятели искусства. Обратился я тогда и к Демьяну Бедному с просьбой написать что-либо для нашей газеты. Поэт обещал подумать, но уже на следующий день приспал шутливые стихи:

Привыкли все: пишу я едко,
Но что я едкое скажу
Углу, в котором я нередко
Досуг вечерний провожу?
Углу,
где смех порхает резвый,
Смирнов-Сокольский
шебаршит,
Где Мендельевич
вечно трезвый
Меня остротами глушит?
Где кто-то
что-то мне подносит,
Но я креплюсь,
Хоть выпить рад,
Где третий год Филиппов
просит,
Чтоб в клубе сделал
я доклад?.

Театральные пристрастия поэта отразились и в его творчестве. Смерти великой Марии Николаевне Ермоловой он посвятил стихотворение *Об основном*:

Сегодня, отвернувшись от бирюлек и олова,
Ищу я иные – тон и слова.
Москва в трауре – и не только Москва.
Умерла – Ермолова!
Умерла – Ермолова.
Еще одна дописалась глава.
Еще не стало одного человека
'Золотого театрального века'.
В театре Малом – по заслугам великому! –

Где такую славную она имела судьбу,
 Ермолова с мертвым, мраморным лицом –
 Не на сцене,
 В гробу!
 Не стало славнейшей из стаи славной,
 Чье имя будет на странице заглавной
 Истории нашей театральной культуры

(Демьян Бедный, 1965, с. 182).

Это стихотворение было написано поэтом как своего рода манифест, в нем он однозначно определил, какой театр ему близок и в чем сущность театрального искусства. В русской культуре, особенно XIX века, было традиционным воспринимать театр как кафедру и приписывать ему высокую миссию служения. Такое понимание сцены было характерно и для Демьяна Бедного. И безусловным образцом театра, отвечающего этим требованиям, для него стал Малый.

Какие имена! Какие фигуры
 Украшали сцену театра *Малого*,
 Достигшего в прошлом расцвета небывалого!
 Начало его размаха исполинского
 Уже вызывало восторги Белинского:

В Москве развитие театра было гораздо свободнее, чем в Петербурге... В этом отношении Москва далеко опередила Петербург... Сцена в Петербурге – большое искусство; в Москве она – большой талант. Но в Москве есть артист, который соединяет в себе оба эти условия – и талант и искусство. Мы говорим о Щепкине (см. статью В. Г. Белинского *Александрийский театр*).

(...)
 Богатырям шли богатыри на смену.
 По женской линии – московскую сцену
 Украшали – Ермолова, Садовская,
 Федорова, Никулина, Лешковская,
 Артисты щепкинской традиции,
 Чья жизнь была – игра и репетиция,
 Чье искусство было всегда
 Сочетанием таланта и труда,
 Чье дело было – общественным служением.

(Демьян Бедный, 1965, с. 183–184)

Помимо Малого, Демьян Бедный особенно выделял Реалистический театр, возглавляемый в то время его другом Николаем Павловичем Охлопковым. Вместе с Всеволодом Вишневским они защищали театр от критики рапповского толка, и, когда труппе понадобилась новая сцена для своих спектаклей, Демьян Бедный в *Вечерней Москве*, *Советском искусстве* горячо ратовал за новое здание для Охлопкова:

... Нет, надо сделать честный вывод,
 По-трезвому, ‘без дураков’:–
 Стучать должно во все ворота,

Под всеми окнами кричать
 (И особливо чрез печать): —
 Вот где работа, так работа!
 Пора ее и увенчать.
 Но увенчать не разговором,
 А светом, воздухом, простором...
 Из темной, тесной конуры,
 Преодолевши все преграды,
 Увесь ‘Охлопкова со чады’
 В театр, достойный их игры!

(Демьян Бедный, 1965, с. 330)

О широте человеческой натуры поэта говорит и то, с какой искренностью он мог восхищаться спектаклями, поставленными в театрах, совсем не близких ему в эстетических принципах и идеологических установках. Так, он энергично поддерживал постановку драмы *Дело Сухово-Кобылина* во МХАТе – 2, где роль Муромского исполнял Михаил Александрович Чехов, а режиссером был Борис Михайлович Сушкевич. «’Дело’ потому и сейчас дело, — заявил поэт, — что оно метко и остро отзывается на боли сегодняшнего дня, когда страна и общество борются с людьми, у которых ‘все тело-шея’, с бюрократизмом, со взяткой, не-правдой» (Эвентов, 1983, с. 181). На этот спектакль в «Известиях» он написал рецензию «Вот это – дело!» и даже сочинил стихи, посвященные этой постановке.

Непростые взаимоотношения связывали Демьяна Бедного с Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом. Таких разных художников, кажется, мало что могло объединять, но при этом поэт не пропускал ни одной премьеры режиссера и откликался стихами (правда, разгромными) на все значимые его спектакли. Демьян Бедный оказался героем парадоксальной ситуации, возникшей вокруг мейерхольдовской постановки *Ревизора*. Спектакль «красного режиссера», который был показан во время европейских гастролей театра, вызвал волну не-приятия в эмигрантской печати. Внутри страны яростным обличителем спектакля стал Демьян Бедный, написавший по этому поводу злобную эпиграмму, которую широко цитировали в эмигрантских кругах. Кажется, впервые и единственный раз в судьбе баснописца его голос оказался не просто зозвучен голосом русской эмиграции, но даже пригодился им в борьбе с Мейерхольдом.

К 1930-м годам относится самый известный и драматичный опыт сотрудничества Демьяна Бедного со сценой: в Камерном театре Александр Яковлевич Таиров выпустили спектакль *Богатыри* на основе либретто, написанного по-этом. Этой совместной работе суждено было стать кульминацией кампании по борьбе с формализмом. Взгляды Демьяна Бедного на русскую историю, отраженные в тексте *Богатырей*, были подвергнуты резкой критике со стороны властей и лично Сталина и дали начало самому серьезному из всех пережитых поэтом гонений.

Среди близких приятелей, а, возможно, и друзей Демьяна Бедного был Федор Иванович Шаляпин. Сын поэта писал (Придворов, 1966, с. 215):

В одном из разговоров со мной отец как-то обмолвился, что хотя он и любит рассказывать и слушают его с большим интересом, но бывали случаи, когда он сам не открывал

рта и только следил с восхищением за рассказчиком, боясь перебить его репликой. Таким рассказчиком был великий артист Ф. И. Шаляпин, с которым отец поддерживал дружеские отношения в первые годы революции и вел некоторое время переписку.

В архиве поэта в Отделе рукописей ИМЛИ РАН сохранилось неопубликованное письмо Демьяна Бедного к Шаляпину. Написано оно было, очевидно, после того огромного впечатления, которое на Демьяна Бедного произвела первая встреча с великим певцом. Сегодня, правда, трудно понять, почему поэт так и не отправил это письмо адресату. Очень эмоциональное, написанное ярким образным языком, за которым сразу чувствуется поэт, это письмо показывает совсем другого Демьяна Бедного. Его почти детская искренность подкупает, и становится ясным, за что любили поэта его многочисленные друзья.

Москва, 27 июля 1919 г.

Дорогой Федор Иванович!

После нашего знакомства у меня долго и в голове шумело и в ушах звенело. Не то я водопад какой увидел, не то чорт его знает, что такое, во всяком случае – не человека, а явление природы какое-то.

Покорен.

Не из таких я, чтобы признаться в этом, но....пусть будет так.

Кто-то сказал мне, что Вы должны были здесь быть еще в субботу, вчера – то есть, 26-го. И я на этот раз подготовил артиллерию самого крупного калибра, чтобы громить Вас – вдребезги, ‘до полной Вашей сдачи’.

Еле на плечах внес в третий этаж груз со снарядами.

Теперь ‘стреляю’ один, впустую.

‘Неприкосновенный’ склад продержу до будущей субботы, т.е. до 2-го августа.

От долгого хранения может быть ‘взрыв’, 3-го, скажем.

Взорвется целое состояние.

Приезжайте, ей-богу.

Это будет, так называемая....

Или дайте знать, когда Вас можно ждать.

Если слишком долго, то....наведу орудия на Питер. Все равно, мне надо будет побывать там.

Жму Вашу руку.

Демьян Бедный

Помимо письма, в архиве сохранились также черновые наброски стихотворения с ироничным заглавием *Царь-Горох и царица Рена*, посвященного Шаляпину.

И певец в своих мемуарах не раз упомянул поэта, как и у многих, в его памяти остался гостеприимный кремлевский дом поэта (Шаляпин, 1962):

Квартира Демьяна Бедного в Кремле, – вспоминал он, – являлась для руководящих советских работников чем-то вроде клуба, куда очень занятые и озабоченные люди забегали на четверть часа не то поболтать, не то посовещаться, не то с кем-нибудь встретиться.

Появлялся в их компании и Горький, и Ленин (Хохлов, 1966, с. 135):

Однажды, в 1919 году, у Демьяна Бедного на квартире в Кремле вечером сидели Шаляпин и Горький. Узнав каким-то образом об этой компании, внезапно пришел Владимир Ильич.

Человек чрезвычайно деликатный, Владимир Ильич, чтобы дать возможность спрятать ‘трехи’ под стол, задержался в передней комнате и разговорился с дочуркой поэта.

Один из мемуаристов, молодой писатель из Тверской губернии, вспоминал (Тодорский, 1966, с. 124–125):

Демьяну Бедному уже по одной моей книжке понравился наш разбуженный революцией край. Он даже запланировал здесь свой отдых на лето 1919 года совместно с Федором Ивановичем Шаляпиным и просил меня подыскать заранее соответствующее место и написать непосредственно в адрес Шаляпина об условиях его отдыха. Я с радостью исполнил эту просьбу, послал Ф. И. Шаляпину подробное письмо, но почему-то эта совместная поездка на Весьегонск наших двух великих современников не состоялась.

Впрочем, Шаляпин мог и с известной долей иронии отзываться о своем приятеле, высмеивая честолюбие и тщеславие поэта. Всем известна была, например, любовь Демьяна Бедного к Пушкину: и движимый не только этим чувством, свои антиклерикальные произведения советский поэт издавал под одной обложкой с произведениями Пушкина (Пушкин, 1922). И, когда в очередной раз шумно отмечался юбилей Демьяна Бедного, то *Литературная газета* поместила рядом с поздравлениями обширный материал, посвященный Пушкину. Очевидно, что сделано это было не без желания польстить пролетарскому поэту. И, кажется, именно об этой черте характера своего друга оставил воспоминания и Шаляпин (Шаляпин, 2005, с. 258):

Кто-то выдумал анекдот, что когда Петроград был переименован в Ленинград, т.е. когда именем Ленина окрестили творение Петра Великого, Демьян Бедный потребовал переименования произведений великого русского поэта Пушкина в произведения Демьяна Бедного.

Так случилось, что поэт и умер на глазах своих друзей-артистов (Литовский, 1966, с. 335):

Это было в Барвихе, в санатории. За обеденным столом их сидело три приятеля, можно сказать друга – И. М. Москвин, М. М. Тарханов и Демьян. Они обменивались веселыми репликами. Как вдруг, как-то неожиданно Демьян не ответил на реплику.

Он был мертв.

Библиография

- Бедный, Д. (1965). *Собрание сочинений: в 8-ми тт.* Т. 6. Москва: Художественная литература.
- Бедный, Д. (1965). *Собрание сочинений: в 8-ми тт.* Т. 8. Москва: Художественная литература.
- Литовский, О. (1966). *Что помню и знаю.* В: *Воспоминания о Демьяне Бедном.* Москва: Советский писатель.
- Полетаев, А. (1966). *О Демьяне.* В: *Воспоминания о Демьяне Бедном.* Москва: Советский писатель.
- Придворов, Д. (1966). *Об отце.* В: *Воспоминания о Демьяне Бедном.* Москва: Советский писатель.
- Пушкин, А.С. (1922). *Сказка о попе Остапе и работнике его Балде; Д. Бедный. Сказка о батраке Балде и о страшном суде.* Москва: Государственное издательство.

- Тодорский, А. (1966). В *Весьегонске*. В: *Воспоминания о Демьяне Бедном*. Москва: Советский писатель, с. 124–125.
- Филиппов, Б. (1977). Демьян Бедный в Тea-клубе. *Литературная Россия*, № 28, 8 июня.
- Хохлов, В. (1966). Друг селькоров. В: *Воспоминания о Демьяне Бедном*. Москва: Советский писатель, с. 135.
- Шаляпин, Ф. И. (2005). *Маска и душа*. Москва: Гелеос.
- Шаляпин, Ф. И. (1962). Штрихи воспоминаний. *Известия*, 19 октября 1962.
- Эвентов, Э. (1983). На перекрестке традиций. *Звезда*, № 4.

ФЕНОМЕН ЛЮБВИ: АНТИНОМИИ И ПАРАДОКСЫ

ИНЕССА МОРОЗОВА

Национальная академия наук Беларусь

Институт философии

Центр социально-философских и атропологических исследований

ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь

e-mail: inesmoroza@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3566-331X>

(получено 6.09.2018; принято 25.09. 2018)

Abstract

Phenomenon of love: antinomy and paradoxes

The article presents an analysis of the problem of love, its contradictions and paradoxes, as reflected in Russian literature of the second half of the 19th century. In particular, the works of K. N. Leontiev, F. M. Dostoyevsky and L.N. Tolstoy are considered in the context of the theoretical constructs of representatives of Russian and foreign idealistic philosophy, as well as individual writers of world fiction.

Key words

Love, passion, personality, conflict, estrangement, selfishness, morality, psychology.

Резюме

В статье представлен анализ проблемы любви, ее противоречий и парадоксов, отраженной в русской литературе второй половины 19 века. В частности, произведения К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого рассматриваются в контексте теоретических построений представителей русской и зарубежной

идеалистической философии, а также отдельных писателей мировой художественной литературы.

Ключевые слова

Любовь, страсть, личность, конфликт, отчужденность, эгоизм, нравственность, психологизм.

Эстетическое воплощение феномена любви в художественной литературе на протяжении ряда лет остается наиболее актуальной и востребованной темой литературоведческих исследований. Такой пристальный интерес обусловлен тем неоспоримым и весьма очевидным фактом постоянной притягательности, непроясненности и загадочности этого феномена, стремлением разгадать тайну любви и ее противоречий. «Любовь – настолько же вещь в себе, как и любой по-своему герметичный объект, требующий специального интеллектуального инструментария», причем такого инструментария, который будет отражать синтезированный подход в осмыслении данной проблемы, учитывая философский, психологический, социальный и иные аспекты, способствуя адекватному пониманию смысла любви в жизни человека. Удивительным остается то, что, несмотря на убежденность многих исследователей в отсутствии данности любви для большинства людей (любовь – редкое явление, дар и талант, которыми наделены немногие), это явление определяется высшей ценностью в системе нравственных координат и гармонизации бытия человека (Фромм, 2004, с. 23):

Есть только одна страсть, которая удовлетворяет потребность человека в его единстве с миром и в обретении при этом чувства целостности и индивидуальности, и это – любовь... Переживание любви кладет конец необходимости иллюзий. Здесь нет нужды лакировать образ другого человека или свой, так как реальность активного соучастия и любви позволяет мне выйти за пределы моего индивидуального существования.

Конечно, любовь окрыляет, она придает смелость и уверенность, снимает страхи, раскрепощает сознание, доходя до упоенности любовью. Человек живет ожиданием ее прихода, всегда такого неожиданного, волнительного, нарушающего привычный ход вещей, изменяющего траекторию индивидуального жизнеустройства. Не случайно героиня современной прозы, философски взирая на мир и человека в системе ценностей этого мира, осознавая противоречивые и сложные межличностные отношения двух противоположностей – мужчины и женщины, их неумолимое притяжение друг к другу, не исключающее, ко всему прочему, столь же частое отталкивание, определяет для себя общезвестную констатацию, выкристаллизованную из наследия лучших умов научного знания:

Философия сущности женского и мужского начал – быть вместе. И, может, только благодаря этому можно выбраться из лабиринта бесцветности и монотонности жизни, и именно любовь избавит, спасет от сиротства и бездомности сердце. И при этом сильная любовь чаще всего остается неразделенной и приводит к болезненному финалу. Но ни

одна из них, по большому счету, не безнадежная, она всегда добро и счастье... (Шніп 2016, с. 36).

Но именно проблематичность построения идеальных (или приближенных к идеалу) межличностных отношений определяет драматизм и трагизм любви, заложенный в непреодолимой разделенности мужчины и женщины, невозможности абсолютного взаимного проникновения, поскольку составляя одно, любящие все равно остаются двумя разными существами. Более того, антиномичность любви часто обусловлена сложным взаимодействием нравственного и вненравственного уровней, усложняющим понимание самого феномена любви и специфики ее эстетической реализации в художественном творчестве, особенно представленных в отдельных прозаических произведениях Федора Михайловича Достоевского, Константина Николаевича Леонтьева и Льва Николаевича Толстого, рассмотреть которые следует более подробно. Необходимо отметить, что в творческом наследии представителей русского религиозно-философского ренессанса широко отражен факт осмыслиения сложной и противоречивой проблемы бытия человечества – проблемы эроса, любви. У известного русского теософа Петра Демьяновича Успенского есть замечательная мысль о том, что

(...) любовь – это глубоко мистический момент. Человек высокого развития должен очень много понимать через любовь. Ощущения любви должны давать ему новые и необыкновенные постижения. Любовь для него всегда будет чудом, в ней никогда для него не будет ничего простого. Он будет ощущать в любви тайну, и эта тайна будет для него главной, притягательной силой любви (Шестаков, 1991, с. 425).

Эти философские констатации очень точно характеризуют антропологию Федора Михайловича Достоевского, доминантой которой выступает, как известно, теза о тайне человека, уходящая в эстетическую реализацию тайны любви и ее противоречий. У Достоевского нет объяснения происходящему между мужчиной и женщиной, он осознанно моделирует именно таинственность, загадочность отношений двух в страсти, любви, как бы соприкасаясь с последующими сентенциями Петра Демьяновича Успенского о том, что «влияние женщины на душу мужчины и мужчины на душу женщины похоже на влияние природы на человека. Тут действует соприкосновение с той же самой тайной. Точно так же эта тайна влечет к себе и точно так же сильнее всего чувствуется в неизвестном, новом. Охватить ее или выразить в словах невозможно» (Шестаков, 1991, с. 230).

Такое понимание вопроса приводит Достоевского к акцентированию внимания на проблеме лица человека, аккумулирующего в себе и отражающего эту тайну. Николай Александрович Бердяев, представивший уникальные экзистенциальные постижения в области метафизики пола, эроса и любви, проницательно прозревает: «Любовь есть путь к раскрытию тайны лица, к восприятию лица в глубине его бытия. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир» (Бердяев, 1994, с. 208). Так, одержимый страстью Рогожин, представитель дионисийной стихии у Достоевского, в сцене с горящими ста тысячами, брошенными Настасьей Филиппов-

ной в камин, единственный из всех присутствующих при этом мужчин смотрит с восхищением на лицо любимой женщины, бесконечно гордясь ее поступком, этой русской широкостью, эффектно продемонстрированной героиней. Именно ему одному дано понять мотивацию и суть поступка Настасьи Филипповны, ему одному (одержимому страстью к женщине) дано прозреть тайну лица этой женщины, и именно в этом приоткрывается тайна и самого Рогожина. Мистицизм женского лица неразрывно связан у Достоевского с красотой, которая для писателя, как известно, также таинственна и непостижима, как человек, любовь, страсть. Она манит к себе, увлекает за собой, она притягательна и отталкивающая одновременно. Понимание Достоевским амбивалентности красоты нашло отражение в знаменитой тираде Дмитрия Карамазова:

Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная потому, что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... В Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей (Достоевский, 1976, с. 100).

Очень верно заметил Иннокентий Анненский о том, что Достоевский видел в красоте власть, но не столько пьянящую власть наслаждения, сколько «лирически приподнятую, раскаянно-усиленную исповедь греха» (Анненский, 1988, с. 535), реализуемую как в трагических образах женщин, так и мужчин. Красота мужского лица и притягательна, и таинственна, и порочна у Достоевского, недаром Ставрогин определен одним из самых загадочных образов мировой литературы, а Свидригайлова и по сей день воспринимаем односторонне и неадекватно.

Осознание Достоевским дуализма красоты позволяет расширить границы приемлемости прекрасного, красота для писателя обретает статус вненравственной принадлежности, она – внemоральна, неподсудна. Не случайно князь Мышкин в *Идиоте* произносит слова, на которые как-то мало обращают внимание: «Красоту трудно судить... красота – загадка». И речь в данном случае идет сугубо о внешней красоте женщины, мало согласуясь с осознанием духовного или нравственного в ней, вне границ религиозного мироощущения. Игнорирование христианских ценностей в этой ситуации вовсе не означает их полного отсутствия в эстетической системе Достоевского, это лишь свидетельствует о наличии этического (или внеэтического) эклектизма, проявленного как в личной жизненной судьбе писателя, так и трансформированного в его художественном мире. Этую эклектику трудно было принять и оценить как свершившийся факт религиозно настроенным философам и богословам, поэтому наблюдается столько смещений в плоскость одиозных тенденциозно-христианских суждений в их исследованиях. Вложив в уста того же Мышкина знаменитую и заимствованную у Фридриха Шиллера мысль о спасительной силе красоты, Достоевский одновременно подводит читателя к пониманию необходимости спасения самой красоты, девальвированной, опошленной, о чем свидетельствует, например, тот факт, что инфернальная красота Настасьи Фи-

липповны выставлена на торги, достаточно аморальные и циничные по сути своей. И нельзя согласиться в данном случае с мнением Василия Зеньковского, который в своей концептуальной работе *Проблема красоты в мироизречении Достоевского* говорит о неосознании Достоевским этого трагического факта (Зеньковский, 1991, с. 116).

Но Василий Зеньковский бесконечно прав в том, что «именно связь красоты с полом и создает ее загадку... Через пол душа все так же ищет красоты, как и вне его» (Зеньковский, 1991, с. 115). Представители русской религиозно-философской мысли неоднократно указывали на факт художественной реализации проблемы пола в романной прозе Федора Михайловича Достоевского, наиболее представленной в *Идиоте, Бесах и Братьях Карамазовых*. Николай Александрович Бердяев вообще считал вопрос о поле одним из центральных в жизни человека, имеющим всемирное значение:

С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти (Шестаков, 1991, с. 232).

И Достоевский утверждает трагическое состояние пола в человеке, его герои – мученики в половом отношении, не обретающие гармонии в онтологическом смысле, поскольку, как считает Николай Александрович Бердяев, «Достоевский недостаточно сознавал, что природа человека – андрогинна... И потому, быть может, так истерична женская природа у Достоевского, потому так надрывна, что она обречена на несоединенность с природой мужской» (Бердяев, 1994, с. 76).

Но эта трагическая несоединенность двух осуществляется и в иных сферах, как метафизических, так и онтологических, прекрасно осознаваемая Зигмундом Фрейдом, Эрихом Фроммом, Жан-Поль Сартром, Николаем Бердяевым, безапелляционно утверждавшем о духовном одиночестве человека: «...Мы всегда “одинокие” духовно, мы никогда не сливаемся с другими до полного, конечного единства души и тела, такое единство недостижимо в плоскости естественного бытия» (Шестаков, 1991, с. 327). Оно недостижимо еще и потому, что недосягаемым остается стремление в любви понять тайну человека:

Мы знаем себя, и все же, какие бы усилия мы ни делали, мы себя не знаем. Мы знаем своего ближнего и все же не знаем его... Чем глубже мы проникаем в суть собственного или чужого бытия, тем дальше отодвигается от нас цель познания (Фромм, 2004, с. 100).

Глубокое понимание Федором Михайловичем Достоевским метафизики трагической несоединенности усугубляет драматизм инфернальной стихии женщины, выражаясь в проявлении истерии, демонизма, стремлении властвовать над мужчинами и бесконечно мучить их. «Маленькое эмпирическое “я” стремится к самоутверждению в полном обладании... Эта жажда власти и господствования есть во всякой любви; без нее любить нельзя. Поэтому-то любовь и проявляется как борьба двух душ, борьба не на жизнь, а на смерть» (Борисов, Рогинский, 1990, с. 267). Демонические женщины Достоевского вы-

зывали резкое эстетическое неприятие у Николая Михайловского, Николая Бердяева, а Сомерсет Моэм, проницательно выявляя садомазохистские наклонности в женской натуре, одновременно отказывался понимать такое состояние: «Стремясь властвовать и измываться над мужчинами, которых они любят, героини в то же время жаждут сами покориться им и терпеть от них муки. Нет, их не объяснишь» (Моэм, 1981, с. 273).

Парадоксальность эстетической ситуации заключается в том, что женщины Достоевского, наделенные притягательной красотой и таинственностью, влекущие к себе, вызывающие страстное чувство любви, обречены либо на конфликтное, дисгармоничное существование в мире, либо на отсутствие всяких жизненных перспектив. У Кэрола Льюиса есть потрясающая мысль о том, что «Бог и Его святые любят тех, кто не может вызвать любви» (Льюис, 1989, с. 118). Следовательно, те, кто эту любовь вызывают, по закону онтологической компенсации и принципам религиозной этики, обречены на мирозданную не-любовь, не-милость и трагическое существование в атмосфере вызванной к себе любви?! Не от осознания ли этой печальной мысли Фридрих Ницше говорил о том, что «страх и сострадание – вот те чувства, с которыми должен стоять мужчина перед женщиной, всегда одной ногой погруженной в трагедию, которая раздирает и в то же время восхищает» (Ницше, 1992, с. 149).

Федор Михайлович Достоевский преподнес такого мужчину, продемонстрировавшего страх и сострадание – князя Мышкина перед Настасьей Филипповной. Но князь Мышкин способен только на платоническую любовь, аскетико-христианскую; он девственен, потому как христоподобен, к тому же, инфернальной стихии Настасьи Филипповны нужна дионисийная стихия Рогожина, поскольку в Мышкине нет той агрессивности, того темного и мрачного, что оправдало бы Настасью Филипповну в проявлении своей демонической власти над ним, даже если это будет стоить ей жизни. В связи с этим, необходимо указать, что современные исследователи отмечают точки соприкосновения в эстетических системах Достоевского и Маркиза де Сада, в частности, в осмыслении онтологической проблемы зла и мрака в человеке, выявляя наличие морально-философских постижений Маркиза де Сада, апеллируя к его словам, сказанным задолго до Достоевского: «В человеке скрыто невероятно много грязного, темного, преступного. Человек способен на все. Обуздать его не могут ни штыки, ни тюремные решетки, ни осуждение близких» (Храмов, 1992, с. 3). Безусловно, такая констатация факта хаоса в человеке ярко представлена в творчестве писателя, и существование у такого человека в мире Федора Михайловича Достоевского является абсурдным, здесь прав Альбер Камю, утверждавший: «И никому, конечно, не удавалось придать абсурдному миру такой понятной и такой мучительной притягательности, как Достоевскому» (Камю, 1978, с. 253).

Вторжение же эроса в абсурдную стихию человека обостряет сферу чувственности до предела, толкая его на необъяснимые и трагические поступки. Но «эрос мстит жестоко за всякое малейшее принуждение... Эрос мирится только с одним принуждением и завоеванием: когда его принуждают к тому, чего он, в сущности, изначально и бессознательно желал» (Борисов, Рогинский,

1990, с. 401). Такая ситуация эстетически обыгрывается Достоевским в романе *Братья Карамазовы*, где одержимый страстью к Грушеньке Дмитрий Карамазов постоянно живет на надрыве, на одном нерве, но терпит, как бы интуитивно прозревая, что Грушенька, бессознательно и осознанно одновременно, изначально была готова уступить одержимости Мити, и она дарует ему право на себя, поскольку он это право выстрадал, еще и потому, что

Влюбленный сознает... что, вопреки своей воле, он принадлежит тому, кого любит. И в этом нет никакого противоречия, ибо полное подчинение себя другому человеку происходит в таких глубинах личности, над которыми воля не властна. Он не жаждет подчиниться, а он подчиняется, не желая этого (Ортега-и-Гассет, 2003, с. 232–233).

Примечательно, что у Чарльза Диккенса в его неоконченном романе *Тайна Эдвина Друда* также представлена ситуация вторжения эроса в чувственную стихию человека, страстного любовного влечения, не оставляющего места жалости и снисхождению. Мистер Джаспер, учитель музыки, тайно и обреченно влюблен в свою ученицу, совсем еще юную девушку. Разница в возрасте, жизненном опыте и нравственных установках совершенно его не смущает, но свою тайну он может проявить только в скрытом стремлении подчинить волю и сознание девушки, увлекая ее в мир музыки:

(...) мистер Джаспер сидел за пианино и аккомпанировал Розовому Бутончику, а она пела...глаза Джаспера не отрывались от ее губ, а руки словно держали на невидимой привязи ее голос...Пение продолжалось. Роза пела какую-то печальную песенку... А Джаспер по-прежнему неотступно следил за ее губами и по-прежнему время от времени задавал тон, словно тихо и властно шептал ей что-то на ухо – и голос певицы, чем дальше, тем чаще, стал вздрагивать, готовый сорваться (Диккенс, 1985, с. 54–55).

Изменившиеся жизненные обстоятельства подталкивают мистера Джаспера к более активным действиям, абсолютно не считаясь с чувствами и желаниями объекта своей одержимости. Парадоксальность и неоднозначность ситуации заключена в бес tactном вторжении в личное пространство героини, желании прикоснуться к тайне ее личности, эгоистичном стремлении подчинить ее жизнь собственным прихотям, в посягновении на свободу ее действий и побуждений. «Есть один отчаянный способ познать тайну: он состоит в полной власти над другим человеком, власти, заставляющей его поступать, чувствовать и думать так, как мы хотим... Именно эта жажда проникнуть в тайну другого человека, а значит и в свою собственную тайну, в большой степени объясняет глубину и интенсивность жестокости и деструктивности» (Фромм, 2004, с. 101):

Роза... я любил тебя до безумия... днем, в часы моих скучных занятий, ночью, во время бессонницы, запертый, как в тюрьме, в постылой действительности, или блуждая среди райских и адских видений, в стране грез, куда я убегал, унося в объятиях твой образ, – всегда, всегда, всегда я любил тебя до безумия!.. Вот мое зря потраченное прошлое и настоящее. Вот лютое одиночество моего сердца и моей души. Вот мой покой; вот мое отчаянье. Втопчи их в грязь; только возьми меня, даже если смертельно меня ненавидишь!.. Если теперь ты отвергнешь меня – но этого не будет – ты от меня не избавишься. Я никому не позволю стать между нами. Я буду преследовать тебя до самой смерти (Диккенс, 1985, с. 179–181).

Различные формы проявления индивидуальной деструктивности при эротической одержимости, отраженные в прозе Диккенса и Достоевского, как это ни странно, имеют одну общую особенность, связанную с парадоксальной природой любви, заключающей в себе непреодолимый конфликт, вечное противостояние свободы объекта любви и подчинении ее субъектом эгоистических притязаний, о чем неоднократно говорил Жан Поль Сартр, напоминая о том, что «кто хочет быть любимым, тот, напротив, не желает порабощения любимого существа. Его не манит перспектива стать объектом гнетущей механической страсти. Он не хочет обладать автоматом. Он хочет обладать свободой именно как свободой» (Гуревич, 1988, с. 21).

Трагическое осмысление любви, преобладающее в творческой системе Федора Михайловича Достоевского, тесно связано с проблемами морали. Лев Шестов как-то произнес парадоксальную, на первый взгляд, мысль о том, что «любовь всегда бестактна по сути своей», но в этом парадоксе заключен некий точный метафизический смысл, характеризующий проявления любви. Достоевский в своем творчестве моделирует преимущественно именно бестактность в любви, которая проявляется не только в мелочах, но и в стремлении подчинить себе любимого, ограничить его свободу, в чувстве собственности на него, в посягновении, в конце концов, на жизнь любимого человека, только в данном случае это уже не банальная бестактность, а преступление не только нравственного, но и религиозного, онтологического порядка. И Артур Шопенгауэр, и Зигмунд Фрейд указывали на ту необъяснимую драматическую ситуацию, когда любовь ослепляет настолько, что в этом любовном ослеплении человек способен совершить какое угодно преступление, абсолютно не раскаиваясь в нем. Художественный опыт Достоевского отражает эту трагическую ситуацию, подтверждая известное изречение Фридриха Ницше: «То, что делается из любви, всегда совершается по ту сторону добра и зла» (Ницше, 1992, с. 86).

Жизненный опыт Федора Михайловича Достоевского, его редкие и откровенные рассуждения о страсти, любви, зафиксированные в воспоминаниях Все-воловода Сергеевича Соловьева, отражают всю ту же ницшеанскую констатацию «по ту сторону добра и зла»:

Нет, кто любит, тот не рассуждает, – знаете ли, как любят! (и голос его дрогнул, и он страстно зашептал): если вы любите чисто и любите в женщине чистоту ее и вдруг убедитесь, что она потерянная женщина, что она развратна – вы полюбите в ней ее разврат, эту гадость, вам омерзительную, будете любить в ней... вот какая бывает любовь!... (Вацуро и др., 1990, с. 205).

Трагическое осмысление любви неоднократно проявлено в мировой художественной литературе, имеет свои специфические особенности и логику эстетического воплощения. По контрасту с художественным наследием Федора Михайловича Достоевского особый интерес в этом плане представляет знаменитый роман Этель Лилиан Войнич *Овод*, в котором представлен не менее трагический ракурс непростых отношений главного героя Артура и двух важных в его жизни людей. Здесь также фигурирует одержимость человеком, но не столько эротическая, сколько, скорее, платоническая (Джемма), и одержимость

духовно-родственная (Монтанелли), при этом изрядно сдобренная моральной деструкцией. С одной стороны, явлена драматическая ситуация неразделенной взаимной любви Артура и Джеммы. Разлука, усиливающая обоюдное чувство любви и определяющая ее истинность, здесь уместно напомнить мудрые слова Отто Вейнингера: «любовь проявляется с особой силой в отсутствие любимого существа; ей нужна разлука, известная дистанция для того, чтобы сохранить свою жизненность и силу» (Вейнингер, 1992, с. 228–229); мнимое самоубийство Артура, усложняющее существование Джеммы, поскольку смерть обостряет до предела внутренне состояние тоски, – все это еще более связывает метафизически двух людей. Ни замужество Джеммы, ни легкомысленная связь Артура с танцовщицей Зитой не могут устраниТЬ любовь между ними, она непреходяща:

Истинная любовь, рожденная в сокровенных глубинах человека, по-видимому, не может умереть. Она навсегда остается в чувствительной душе... Ее эмоциональный состав не изменится... Судьба может развести его с любимой... Что с того – любовь остается в нем. Таков высший, наивернейший признак подлинной любви: как бы находиться рядом с любимым, быть в общении более тесном, близости более сокровенной, чем пространственные. Это значит пребывать в истинно жизненном контакте. Есть и более точное слово... быть онтологически вместе с любимым, верным его судьбе (Ортега-и-Гассет, 2003, с. 49).

Примечательно, что Зита в данной ситуации выступает в качестве жертвы (но жертвенность эта несколько сомнительна, так как Зита не менее эгоцентрична, чем Артур, оба преследуют только свои цели и учитывают свои интересы), поскольку Артур нуждается в ней только как в живом существе, скрывающем его бесконечное одиночество и метафизическую боязнь темноты:

Я боюсь... темноты. Иногда я просто не могу оставаться один ночью. Мне нужно, чтобы рядом со мной было живое существо... что-то осозаемое. Темнота, кромешная темнота вокруг... Нет, нет! Я боюсь не ада! Ад – это детская игрушка. Меня страшит темнота внутренняя... там нет ни плача, ни скрежета зубовного, а только тишина... мертвая тишина (Войнич, 1978, с. 143).

Чрезмерные претензии навязчивой и болезненно влюбленной Зиты на взаимность со стороны Артура обречены на провал, ответной реакции любви последовать не может: Артур честен перед ней, будучи верен юношеской любви, затянувшейся более чем на тринадцать лет, причем любви платонической, асексуальной, поскольку еще не было возможности реализовать все уровни этой любви. Драматизм ситуации заключен в том, что обостренное переживание болезненных чувств может быть оправдано только наличием взаимной любви, но не осуществленной, не реализованной по разным причинам, именно тогда страдания одного компенсированы страданиями другого, они имеют высший нравственный смысл и недосягаемую духовную высоту, когда метафизическая связь между любящими настолько сильна, что ни время, ни пространство, ни люди, населяющие это пространство, не способны разорвать возникшее круговорещение двух планет по заданной траектории, где посторонним объектам места нет (уровень взаимоотношений Артура и Джеммы). В данной же художественной реальности функционирует иная ситуация, где страдания

Зиты носят односторонний характер, элемент компенсаторности отсутствует, а боль направлена на внутреннюю разрушительность.

Но проницательность Зиты очень точно угадывает скрытую в Артуре более сильную любовь, поражающую своим драматизмом, выстраданную, прикрыtą проявлением ложной ненависти, обусловленной обидой за сокрытие правды о родстве, о кровных узах, определяющей длительное и мучительное непрощение объекта своего преклонения – собственного отца, католического священника монсеньера Монтанелли:

- Зита! Пойми, я не люблю тебя! А если бы и любил, то все равно не уехал бы отсюда. В Италии все мои товарищи, с Италией я связан работой.
- И человек, которого ты любишь больше меня! – крикнула она. – Я готова убить тебя!.. При чем тут товарищи! Я знаю, кто тебя держит здесь!
- Перестань, – спокойно сказал он. – Ты сама себя не помнишь, и тебе мерещится бог знает что.
- Ты думаешь, я о синьоре Болле? Нет, меня не так легко одурачить! С ней ты говоришь только о политике. Она значит для тебя не больше, чем я... Это кардинал!
- Овод пошатнулся, будто его ударили.
- Кардинал? – машинально повторил он.
- Да! Кардинал Монтанелли, который выступал здесь с проповедями осенью. Думаешь, я не заметила, каким взглядом ты провожал его коляску? И лицо у тебя было белое, как вот этот платок. Да ты и сейчас дрожишь, услышав только его имя!
- Овод встал.
- Ты просто не отдаешь себе отчета в своих словах, – медленно и тихо проговорил он. – Я... я ненавижу кардинала. Это мой заклятый враг.
- Враг он или не враг, не знаю, но ты любишь его больше всех на свете. Погляди мне в глаза и, если можешь, скажи, что это неправда!
- ... Овод повернулся к ней.
- Да, это правда, – сказал он.

(Войнич, 1978, с. 164)

Поистине, прав Хосе Ортега-и-Гассет, утверждавший о том, что «любящего можно познать по его любви, а вовсе не по предмету любви» (Ортега-и-Гассет, 2003, с. 117). Длительная разлука с дорогим его сердцу человеком, острое желание быть рядом с ним, поведать ему все свои тайны и горести обострили болезненность чувств, те внутренние мучения, которые он длительно скрывал, лишний раз подтверждая проницательные констатации Василия Розанова: «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете ...» (Розанов, 2000, с. 91). Юношеский максимализм, затянувшийся на длительное время, индивидуализм и эгоцентризм, пережитые страдания, определяющие неоднозначность поведенческой линии Артура, не приводят к смягчению жестокости по отношению к Монтанелли, мучительно страдающему и переживающему так называемую смерть своего дорогого воспитанника. Очень точно Николай Александрович Бердяев определил подобное состояние (Бердяев, 1990, с. 324):

Есть откровение любви в смерти. Только в смерти есть предельное обострение любви. Любовь делается особенно жгучей и обращенной к вечности. Духовное общение не толь-

ко продолжается, но оно делается особенно сильным и напряженным, оно даже сильнее, чем при жизни.

Трудно отыскать в мировой художественной литературе произведение, эстетически отражающее более глубокую и более трагическую любовь, нежели представленную в романе Этель Лилиан Войнич, связывающую двух родных людей, не желающих жертвовать своими идеяными убеждениями ради взаимного экзистенциального обретения друг друга. Но трагическая ситуация ухода и сына, и отца, как это ни парадоксально, приводит к метафизическому, уже вечному, обретению друг друга.

Повесть *Исповедь мужа* стоит особняком в русской литературе второй половины 19 века, полутона, полунамеки, тайны и загадки оставил в ней Константин Николаевич Леонтьев. Сюжетная сторона произведения несложна, но несколько необычна. Герой – муж, некто К., в дневниковых записях излагает свою историю: возникшее чувство любви к молодой девушке Лизе, женитьба, трансформация чувства, возникшая двойственность: осознание себя и мужем, и отцом одновременно, причем, вторая ипостась доминирует, что приводит к отказу от супружеских отношений при сохранении платонических чувств; появление нового героя, молодого и красивого грека Маврогени, возникшая страсть между Лизой и молодым красавцем, поощряемая героем-мужем. Финал трагичен: Лиза и Маврогени погибают при кораблекрушении, муж заканчивает жизнь самоубийством (во втором варианте финала повести).

Это произведение привлекало к себе пристальное внимание многих западных исследователей, и все без исключения отмечали в нем реализацию теории эстетического имморализма Константина Николаевича Леонтьева (Мондри, 1992, с. 168). Безусловно, эта реализация затрагивает целый пласт нравственных проблем, причем моральное и имморальное находится здесь в сложноуровневом взаимодействии и переплетении. Сорокапятилетний герой рассуждает в духе философа-экзистенциалиста и имморалиста-ницшеанца:

...Чего я хочу? Я покоен... Здесь хорошо... Общества здесь нет – и слава Богу! Я не люблю общества, на что оно мне? Успехи? Они у меня были: но жизнь так создана, что в ту минуту, когда жаждешь успеха, он не приходит, а пришел, - его почти не чувствуешь ... И в самом деле, что за заслуга любить хорошего человека? То ли дело, вопреки всем, любить порочного, но обворожительного? (Леонтьев, 1991, с. 247–248).

Обворожительный Маврогени в эстетическом отношении вызывает у героя-мужа объективное восхищение, абсолютно лишенное двусмысленности: «Какое простодушие, какая искренность, пламенная молодость во всем, в улыбке, в блеске синих очей, в черных коротких кудрях, которые падают на лоб, в жажде жить и веселиться!» (Леонтьев, 1991, с. 278). Мир воспринимается героем сквозь призму аристократической морали жизни в красоте, где существует иная шкала ценностей:

Если уж сметь придавать высшему существу наши свойства, так я бы скорей всего решился придать ему неизмеримое, полное чувство прекрасного. А прекрасное бывает трех главных родов: красота живописная, пластическая, красота драматическая, или действия, и красота чувств... (Леонтьев, 1991, с. 257).

Выстраивание системы отношений по законам красоты требует от героя жертвоприношения, от собственного эгоцентризма приходится отказаться «Единственная сила, которая в состоянии обуздать врожденный эгоизм, не упраздняет индивидуальности, а, наоборот, утверждая и поднимая ее, это – любовь. Поэтому смысл человеческой любви – оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма. Это происходит потому, что посредством любви мы утверждаем безусловное значение другой индивидуальности» (Шестаков, 1999, с. 94). Напомним, что герой повести, женившись на молодой и любимой им девушке (но не любящей, а только благодарной за покровительство в браке), через определенный промежуток времени начинает испытывать двойственность чувств по отношению к ней; муж и отец соединились в нем одном, однако чувства отца вытесняют чувства мужа, брак становится девственным. Но физиологических законов никто не отменял, о чем прекрасно осведомлен герой-муж, чутко осознающий сексуальную привлекательность и потребность жены-дочери. И когда возникает красавец Маврогени, полный нерастраченных сил, потянувшийся к такой же молодой и жаждущей полноты жизни Лизе, герой испытывает чувство удовлетворения, радости за них. Вот где вопрос вопросов!

Неудивительно, что Константин Леонтьев, осуществивший перевод повести на французский язык и отославший ее Просперу Мериме в надежде заручиться поддержкой со стороны прославленного мастера, не получил у него адекватного понимания. Проспер Мериме оказался настолько обескуражен парадоксальной темой произведения, что откровенно скажет в ответном письме Константину Леонтьеву: «Выведененный Вами муж, как мне кажется, не имеет иного побуждения, кроме влечения к состоянию рогоносца, и я его не понимаю» (Леонтьев, 1993, с. 48). Леонтьев, в свою очередь, несколько огорченный и удивленный эстетическим непониманием Мериме, попытается объяснить непонятливому французу стремление отразить в повести мотив «высокого обожествления плотской любви» в границах внеморального эстетизма, вопреки устоявшемуся канонам реалистического искусства (Леонтьев никогда не скрывал своего скептического отношения к реализму, подчеркивая столь важный для него факт о том, что эта повесть «возвышается в своих принципах над этой пережеванной вещью... определяемой, как мораль XIX века») (Леонтьев, 1993, с. 48).

Стереотипные представления традиционной морали диктуют обратное: любящий муж должен ненавидеть соперника, отстаивать попранные супружеские права и т.п. А муж-отец чуть ли не сам толкает в объятия соперника свою молодую жену. В данной ситуации Леонтьевым включен мотив сводничества, точнее мнимого сводничества. Отто Вейнингер в своей фундаментальной работе *Пол и характер* отмечал тот факт, что тяга к сводничеству заложена в генах женщины, практически каждая женщина стремится к этому, представителям же сильного пола это не свойственно, за исключением тех, «которые относятся к женственным мужчинам» (Вейнингер, 1992, с. 283) (гомосексуальность здесь неуместна). Герой-муж классифицируется как тип женственного мужчины (определенная мягкость характера, стилевая концепция героя, его эстетические установки). Сводничество само по себе аморально, в чистом виде. Но в данной ситуации мотивация мнимого сводничества мужа-отца снимает с этого явления

статус безнравственности, по той простой формуле «любить – значит радоваться твоим радостям, а печалиться твоим печалям», где доминирует альтруизм, а не эгоистическое чувство собственности, смешанное нередко с ненавистью (уже по той простой формуле «I hate you with my love!» – с любовью ненавижу, ярким отражением этой формулы являются Поздышев в *Крейцеровой сонате* Льва Николаевича Толстого, Версилов в *Подростке* Федора Михайловича Достоевского).

Что здесь – имморализм или наивысшая нравственность? Гедонистические установки мужа-отца, стремление реализации наслаждения неискушенной девушкой никому не причиняют вреда. «Само по себе наслаждение ни нравственно, ни безнравственно. Когда же влечение к наслаждению побеждает в человеке волю к ценности – тогда человек пал» (Вейнингер, 1992, с. 283). Данную ситуацию герой-муж расценивает в границах внеморальности, демонстрируя очертанную сентенцию-парадокс: апелляция идет к Богу, богооправданностью земной страсти и любви снимается «вина» с Лизы:

Кто сказал вам, глупцы, что она гибнет? Кто сказал вам, глупцы, что тот, чья рука покрыла землю коврами цветов; тот, кто научил человека воздвигать узорные дворцы и храмы... – кто из вас решил, что волнения чувств и страстей не плодотворны и не угодны ему так же, как и узоры храмов, и узоры цветов, и волнения моря, и волнения музыки?.. Чем упала, чем унизилась она?.. Прочь сомнения! Прочь рабство общих мнений! Пусть питается дешевой и безвредной пищей тот, кто не в силах вынести божественных напитков! (Леонтьев, 1991, с. 286–287).

Эстетически обыгрывая ситуацию садомазохистских проявлений, автор обнаруживает инфернальность героини, типологически родственную демоническим женщинам Достоевского. Свидетельством тому является небольшой эпизод, где в тексте полунамеком отражен особый вид наслаждения, выраженный в столь «изящной» форме (из письма Лизы к мужу):

Вечером Маврогени пришел домой, выбросил букет из окна, а меня схватил за волосы обеими руками и бил головой о стену. Я читала и слыхала о достоинстве женщин, только как ни старалась об этом вспомнить, не могла притворяться. Скажу даже... мне было что-то хорошо; очень было больно, но я не плакала и молча терпела... целовала не только руки, ноги его целовала после этого. А он, он был как безумный от любви (Леонтьев, 1991, с. 303–304).

Сексуальный и психологический садомазохизм находятся в сложном переплетении, где здесь провести грань между моральным и имморальным? Призвать на помощь Фридриха Ницше или вспомнить знаменитое леонтьевское «некое как бы гармоническое сопряжение вражды с любовью». Вопрос остается риторическим. Юрий Иваск, анализируя эту повесть, усмотрел в центральном персонаже произведения воплощенный образец альтруизма в чистом виде:

В «Исповеди» живет не только супергерой (муж), как во всех других повестях Леонтьева, но живут и те двое – Лиза, Маврогени. Они не «игрушки» супергероя: у них есть своя жизнь, свои желания, и муж их изнутри понимает, потому что очень любит. Вся эта драма – явление необычное в леонтьевском мире (Иваск, 1995, с. 327).

Однако альтруизм мужа-отца не так наивен и прост, как может показаться на первый взгляд. Характер героя, как известно, структурирован двумя уровнями: линией отца и линией мужа. Двуплановость же героя не реализуется гармонично, бессознательно или осознанно (это не столь важно), но линия мужа все явственней заявляет о себе. Фактически, герой проводит эксперимент с собственной женой, эксперимент, конечный результат которого, по его подсчетам, должен сработать на него, а не на любовника. Отпуская ее по волнам страстной любви, он надеется, он почти уверен в обреченности этой страсти на скорый финал (его слова: «Страсть не совершила полного своего круга... Не дать ли ей допить чашу до дна?...»), что и происходит, но героиня не успевает встретиться со своим преданным мужем-отцом и выразить свое преклонение перед открывшимися ей достоинствами зрелости, а не ветреной и беспечной юности, ее настичает смерть. Экспериментатор наказан, жизнь его становится бессмысленной и ненужной: «Смерть ее была случайна... Но мне – мне-то что же делать? Я-то разве не погиб дотла?.. Что я? Зачем я? Не она погибла – я, я погиб без нее» (Леонтьев, 1991, с. 307).

Подобную ситуацию невозможности существования без любимого человека, невозможности замены его кем-либо другим очень точно характеризует Эрих Фромм в своей концептуальной работе *Искусство любить*:

Во многих социальных ролях и функциях конкретного человека можно заменить, заместить, сменить, только не в любви. В этой сфере жизни индивид имеет, таким образом, высшую ценность, высшее значение по сравнению со всем остальным. Здесь человек не функция, а он сам, в своем конкретном и непосредственном абсолюте. Именно поэтому только в любви человек может прочувствовать смысл своего существования для другого и смысл существования другого для себя. Это высший синтез смысла существования человека (Фромм, 2004, с. 117).

Однако, сохранивая бытие-в-себе, запутываясь в сетях эгоизма и альтруизма, пытаясь манипулировать человеческой жизнью, герой не в силах смоделировать бытие-в-нас, жизненная, онтологическая перспектива нарушена и приводит к гибели.

В *Крейцеровой сонате* все гораздо сложнее. Здесь нет ни полутонов, ни полунамеков, беспощадный реализм Льва Николаевича Толстого обнажает самое сокровенное до предела. Существует восемь редакций повести, она произвела истинный переполох и смятение в умах читателей. Вот что писал Константин Победоносцев о *Крейцеровой сонате*:

Прочел я первые две тетради: тошно становилось – мерзко до циничности показалось. Потом стал читать еще (сразу все читать душа болит), и мысль стала проясняться. Только в три приема прочел все – и задумался... Да, надо сказать – ведь все, что тут написано – правда, как в зеркале... Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя нравственности, я не в силах ответить да (Шкловский, 1974, с. 526).

Герой Толстого двуплановой структуированностью не отличается, однако и он балансирует между моральным и имморальным. Мотив сводничества ярко представлен у Толстого, Позднышев осознанно подталкивает Трухачевского к сближению с собственной женой, всякий раз подавляя в себе чувство

ревности, ненависти по отношению к потенциальному сопернику. Всякий раз реализуя это мнимое сводничество, Поздышев моделирует ситуацию взрывоопасную, собственным сознанием и поступками приближает финальную трагическую черту. Он так же экспериментирует с собственной женой, безжалостно манипулируя ее внутренним и внешним миром, провоцируя ее на поступки, вызывающие дополнительную ревность.

Героиня Толстого страдает истерическими припадками, в сущности, неся в себе тот же полюс инфернальности, что и героини Достоевского. Она также наделена психологическими садомазохистскими наклонностями, разрушающими ее внутреннее состояние, и муж бессилен ей помочь, он и не стремится к этому, барахтаясь в плена имморализма. Толстой обнажил моральную проблему невозможности существования вдвоем, совместное стремление к взаимному уничтожению. «Вечный трагизм семьи в том, что мужчина и женщина представляют разные миры, и цели их никогда не совпадают» (Бердяев, 2006, с. 263). Муж и жена не становятся необходимым дополнением друг друга ни в моральном, ни в духовном, ни в интеллектуальном, ни в сексуальном планах. «Если любовь-эрос не соединяется с любовью-жалостью, то результаты ее бывают истребительные и мучительные. В эросе самом по себе есть жестокость, он должен смиряться жалостью, *caritas*» (Бердяев, 1990, с. 81). Происходит бессмысленная борьба двух эгоизмов, бессмысленная борьба против собственного пола, причем, кущее скудоумие в вопросах сексуальной культуры прикрывается претензией на якобы исключительную нравственность отказа от половых отношений.

Лев Николаевич Толстой, как ни странно, повторяет ситуацию «подполья» Федора Михайловича Достоевского, подпольный герой Поздышев, отражая бытие-в-себе, лелея и пестуя собственный эгоцентризм, разрушает бытие-в-нас, как собственно и его жена не нацелена на созидание бытия-в-нас, получается такое «случайное семейство» (как у Достоевского и Леонтьева), ведущее в никуда, а имморальное или моральное бессильно что-либо здесь изменить, царствуя в высотах абстракции и снисходительно взирая на мир безутешной конкретики.

Таким образом, осознание Федором Достоевским, Константином Леонтьевым и Львом Толстым дуализма любви позволяет определить ее внemоральность, вненравственную принадлежность. Безусловно, эти русские писатели нравственное, этическое в онтологическом плане отрицать не могли, но любовь не умещается в систему сугубо моральных ценностей, она выходит за ее пределы, она выше нравственности, и в этом заключается ее антиномичность и парадоксальность. Любовь всегда связана с онтологией человека, но «человек есть тайна», а любящий человек – тайна тайн. Поэтому в притягательном художественном мире русских классиков нет ответов на многие вопросы человеческого бытия, но только одно ясно – непостижимость человека влечет непостижимость любви.

И в заключение, следует напомнить о том, что все дороги, как известно, ведут в Рим, но у любящего свой Рим и свой Крест, на котором начертано одно единственное имя, единственное и неповторимое в своей исключительности и персонифицирующее в себе целый мир, многогранную малую вселенную, столь притягательную для его души и определяющую смысложизненную

доминанту, его экзистенциальную константу полноты жизни в любви. Главное же и самое трудное заключается в том, чтобы носитель этого единственного имени, оставаясь всегда путеводной звездой на встречном пути (именно на встречном), сумел оправдать столь высокие надежды любящего – самого ранимого и самого благородного в своей потрясающей верности высокому чувству человека.

Библиография

- Анненский, И. (1988). *Избранные произведения*. Ленинград: Художественная литература.
- Бердяев, Н. (1990). *Самопознание*. Москва: Международные отношения.
- Бердяев, Н.А. (1994). *Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т.* Москва: Искусство.
- Бердяев, Н. (2006). *О назначении человека*. Москва: АСТ.
- Борисов, В., Рогинский, А. (1990). *О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Москва: Книга.
- Вацуро, В. Э. и др. (ред.) (1990). *Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2.* Москва: Художественная литература.
- Вейнингер, О. (1992). *Пол и характер*. Москва: Издательский центр «Терра».
- Войнич, Э. Л. (1978). *Овод*. Минск: Народная асвета.
- Гуревич, П. С. (сост.) (1988). *Проблема человека в западной философии*. Москва: Прогресс.
- Диккенс, Ч. (1985). *Тайна Эдвина Друда*. Минск: Вышэйшая школа.
- Достоевский, Ф. М. (1976). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14*. Ленинград: Наука.
- Зеньковский, В. В. (1991). Проблема красоты в миросозерцании Достоевского. *Искусство кино*, № 11.
- Иваск, Ю. (1995). *Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество*. В: Леонтьев, К. Н. *Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология*. Кн. 2. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт.
- Камю, А. (1978). *Кириллов*. В: *Писатели Франции о литературе*. Москва: Прогресс.
- Леонтьев, К. (1991). *Египетский голубь*. Москва: Современник.
- Леонтьев, К. (1993). *Избранные письма*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.
- Леонтьев, К. Н. (1995). *Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология*. Кн. 2. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт.
- Льюис, К. С. (1989). Любовь. *Вопросы философии*, № 8.
- Мондри, Г. (1992). Попытка типологизации творчества К. Леонтьева на примере анализа Исповеди мужа. *Вопросы литературы*, № 2.
- Моэм, С. (1981). *Братья Карамазовы Достоевского*. В: *Писатели Англии о литературе*. Москва: Прогресс.
- Ницше, Ф. (1992). *По ту сторону добра и зла: к генеалогии морали*. Минск: Беларусь.
- Ортега-и-Гассет, Х. (2003). *Этюды о любви*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Розанов, В. (2000). *Опавшие листья*. Санкт-Петербург: Амфора.
- Фромм, Э. (2004). *Искусство любить*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Храмов, Е. (1992). *От переводчика*. В: Маркиз де Сад. *Новая Жюстина*. Москва: НИК.
- Шестаков, В. П. (1991). *Русский эрос, или философия любви в России*. Москва: Прогресс.

- Шестаков, В. П. (1999). *Эрос и культура: философия любви и европейское искусство* Москва: Республика; ТЕРРА-Книжный клуб.
- Шніп, В. (уклад), (2016). *Ева ў пошуках Адама: аповесці, апавяданні*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Шкловский, В. (1974). *Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2*. Москва: Художественная литература.

ИДЕЯ КЕНОЗИСА В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ Н. Д. ГОРОДЕЦКОЙ

ТАТЬЯНА СИДОРОВА

Гомельский областной институт развития образования

Кафедра педагогики и частных методик

ул. Юбилейная, 7, 246032 Гомель, Беларусь

e-mail: oikp@iro.gomel.by

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7505-3228>

(получено 6.09.2018; принято 10.10.2018)

Abstract

The implementation of kenosis in the life and works of N. D. Gorodetskaya

The article discusses vectors of the implementation of the kenotic principles of self-abasement in the life of a Russian writer and theologian living abroad Nadezhda Danilovna Gorodetskaya. The key events in her biography with elements of her creative path are presented. The study of kenosis in the literary-theological works of Gorodetskaya involve the image of the humiliated Christ in an artistic context as well as religious and philosophical interpretation; kenosis as a stage of spiritual achievement or as a trait of the Russian character (based on the example of personalities and works of Russian literature and philosophy, religion and socio-political life of Russia). The author believes that kenotic principles served as the foundation of Nadezhda Danilovna Gorodetskaya's way of life and spiritual formation. She was a missionary and an educator in Western Europe, who devoted her whole life to sacrificial service to God and others.

Key words

Kenosis, humility, patience, meekness, self-humiliation, modesty, covetousness, service, charity, sacrifice.

Резюме

В статье рассмотрены векторы осуществления кенотических принципов самоумаления в жизненном пути писателя и богослова Русского зарубежья Надежды Даниловны Городецкой. Представлены основные вехи ее биографии с элементами творческого пути. Предваряя исследование кенозиса в литературно-богословском наследии Городецкой: образ уничиженного Христа в художественном контексте и религиозно-философском прочтении; кенозис как этап духовного подвига или как черта русского характера (на примерах персоналий и произведений русской художественной литературы и философии, религии и общественно-политической жизни России), автор статьи полагает логичным обратиться к кенотическим принципам как основе образа жизни и духовного становления самой Надежды Даниловны Городецкой – миссионера, просветителя Западной Европы, которая всю свою жизнь посвятила жертвенному служению Богу и людям.

Ключевые слова

Кенозис, смижение, терпение, кротость, самоумаление, скромность, нестяжательство, служение, братолюбие, жертвенность.

Стало нормой в литературоведении рассматривать реализацию христианских мотивов, образов и тем в текстах русских классиков XIX века: Гоголь, Достоевский, Толстой... Между тем, литература так называемого Серебряного века содержит не менее ценный материал для исследований данного направления.

Так, для русской религиозной и литературно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. (М. Тареев, П. Флоренский, В. Лосский, С. Булгаков, Н. Бердяев) особенно характерно обращение к теме кенозиса Иисуса Христа¹. «Для русского духовного ренессанса начала XX века»² Бог страждущий, принявший образ раба, принесший Себя в жертву за человека; Бог любящий и милующий; Бог, Который понимает человека и берет его тяготы на Себя – был как никогда прежде дорог русской мысли и культуре.

¹ Кенозис (греч. κένωσις; лат. *exinanitio* ‘истощение, умаление, опустошение’) – богословский термин, обозначающий уничижительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при Воплощении для спасения мира. Самоуничижение и последовавшее за ним прославление Иисуса Христа от Бога Отца описано в послании апостола Павла к Филиппийцам, глава 2-я.

² Термин принадлежит Н. А. Бердяеву.

В ряду перечисленных мыслителей особое место занимает Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985). Ее имя сегодня знакомо узким специалистам. Благодаря трудам Пушкинского Дома только в 2013 году были опубликованы ее художественные и публицистические работы: романы, повести, очерки, интервью, репортажи, биографии (Городецкая, 2013).

Надежда Городецкая 65 лет из своих 84-х прожила в эмиграции. Дитя Серебряного века, мятежного, полного потрясений и лунных смут, она сумела не только выдержать все перипетии своего жизненного пути, но и внести немалый вклад, как в русскую художественную литературу, так и в религиозную мысль. Писательница, беллетрист, очеркист, журналист, литературный критик, историк литературы, Надежда Даниловна Городецкая является автором серьезных публикаций на религиозную тематику. Ее богословские труды: *The humiliated Christ in modern Russian thought* [Уничтоженный Христос в современной русской мысли] (Лондон 1938 г.) и *Saint Tikhon Zadonsky, Inspire of Dostoevsky* [Святитель Тихон Задонский, вдохновитель Достоевского] (Лондон 1951) имели существенное значение в деле миссии Православия на Западе. Надежда Даниловна Городецкая – женщина-богослов, академист, глубокий ученый. В разработанном ею курсе богословия в университете Оксфорда, она открывала своим слушателем мир духовности, любви, Божиего присутствия. Для нее курс богословия остался не в теории: по свидетельствам современников, вся жизнь Надежды Даниловны была единым духовным подвигом, в котором главное место занимала идея кенозиса.

В данной статье будет рассмотрена реализация кенотических принципов самоумаления в жизненно-творческом пути Надежды Даниловны Городецкой.

Самоунижение и смирение Иисуса Христа рассматриваются в христологии как синонимичные понятия. Смирение как основа, корень всех добродетелей признается необходимым условием для усвоения прочих духовных дарований, понимается началом спасения человека. В течение земной жизни Иисус Христос учил Своих учеников смирению и самоуничижению как Своим личным примером (не мстил за Себя, не осуждал оскорбляющих Его, умывал ноги ученикам, взошел на Крест), так и через проповедь: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк 9: 23–24); «Придите.... И научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем» (Мф 11: 28–29).

Страдания за веру, монашеская аскеза, наконец, повседневная жизнь каждого христианина должна быть подражанием жизни Христа – в том числе, в самоумалении, самоотречении, жертвенном служении Богу и ближним: «ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп 2: 5).

Итак, кенозис в отношении к человеку реализуется в таких вариантах:

- Стяжение добродетелей: смирение, терпение, кротость, братолюбие (прощение обид), добровольная бедность (нестяжательство).

- Психологические свойства: скромность, жертвенность, немногословие, замкнутость, извиняющее поведение и пр.

Каждый из этих вариантов может иметь сугубо индивидуальное проявление, в том числе, не имеющее ничего общего с христианством, как, например, непротивление злу силой.

Творчество Городецкой имеет четкую иерархию: художественное и богословское (религиозно-философское – как его вариант). Это обуславливает следующие направления реализации кенозиса в ее трудах:

- Образ уничтоженного Христа в художественном контексте и религиозно-философском прочтении (на примере произведений русской художественной литературы и философии);

- Кенозис как часть духовного подвига или как черта русского характера (на примерах биографии писателей, поэтов, философов, общественно-политических деятелей, духовных авторов России);

- Кенозис как неотъемлемая черта образа жизни, духовного становления самой Надежды Даниловны Городецкой – женщины-богослова, миссионера, просветителя Западной Европы, которая всю свою жизнь посвятила служению Богу и людям, ничего не требуя для себя.

Рассмотрим основные вехи ее жизненного пути (с элементами творческой биографии).

Путь Городецкой от колыбели (родилась в Москве 28 июля 1901 г.) – путь одиночества, душевного сиротства. Родители ее – типичные представители Серебряного века в его метаниях, мечтаниях, шаткости жизненных установок. Отец Даниил Михайлович Городецкий, профессиональный журналист, имеющий двоих дочерей от первого брака и двоих от второго, был всегда озабочен материальным обеспечением своих близких – отсюда частые переезды, разовые заработки. Закончил жизнь трагически: сердечный приступ, отнявшись рука, умер предположительно в Лондоне перед революцией. Отца Надежда Даниловна почти не знала. Мать ее, Мария Дмитриевна, провинциальная певица, «Екатерина Мармеладова», дама нервная, также постоянно куда-то уезжала. В доме толпились курсистки, офицеры, какие-то люди... «Юность моя была горькой и томительной», – вспомнила Городецкая (Городецкая 2013, с. 23).

И все же от отца девушка унаследовала литературные дарования, от матери – любовь к музыке, пению, в последующем она будет пробовать себя в актерской профессии.

Первоначально Надежда Даниловна училась в гатчинской Мариинской женской гимназии, плату за ее учебу вносила благотворительная организация «Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук».

Летом 1917 года Мария Дмитриевна с детьми переехала в Полтаву – Надежду перевели в полтавскую Мариинскую гимназию, которую она окончила с золотой медалью. Наде было 16 лет, когда начались события 1917-го: смена власти, грабежи, разруха, голод. С потоком беженцев Городецкие отправились на юг. В Киеве в толпе девушка потеряла из виду мать и сестру и больше никогда их не видела – последняя тонкая нить разорвалась. Мария Дмитриевна, предположительно, умерла от тифа где-то на Волге.

Начались скитания молодой девушки. Около года Городецкая ездила по России, перебиваясь случайными заработками, работала актрисой в Ростове-на-Дону. В ноябре 1920 года вместе с соотечественниками-беженцами Надежда Даниловна покинула Крым. Оказалась в Константинополе, потом в Югославии. Здесь она трудилась на сушке медицинских растений. Несколько месяцев провела в Македонии. Поступила в Загребский университет, где и случилась ее литературная деятельность: напечатали несколько ее рассказов на хорватском языке. Доэмигрантский период туманен для биографов Надежды Даниловны. Она была человеком замкнутым, не любила рассказывать о себе. Воспоминания просачивались в ее романы, да и редкие знакомые и коллеги что-то оставили о ней в своих мемуарах.

Известно, что где-то в начале своих скитаний Городецкая вышла замуж, это был сербский офицер, кажется, человек ничем не примечательный, нелюбимый. Может быть, брак стал временным приютом для одинокой девушки. В любом случае, о нем она также не хотела вспоминать. Подруга и коллега Городецкой, Элизабет Хилл, вспоминала, что у Нади были «глаза человека, который пытался утопиться» (Хилл, 2013, с. 759). Она относила эту тоску к личной драме. Но не была ли личной драмой ее юная жизнь вообще: потеря близких, скитание в толпе незнакомых людей, бесконечные переезды, пароходы, nocturnal journeys. Бездомье.

После недолгого брака в 1924 году Надежда Даниловна переезжает в Париж. Красивая молодая девушка (ей было 23 года) погружается в стихию эмигрантской жизни. Ее очерки *Русские женщины в Париже* – это гимн женщине-эмigrantke, которая одинока, зачастую унижена – вынужденной сферой деятельности, обращением к ней как к женщине второго сорта. Многие ее героини кончают жизнь самоубийством. Надежда Даниловна работала посудомойкой, швеей на фабрике кукол, няней, гувернанткой, статисткой в кино. Но чтение, самообразование захватывают, ее тянет писать, да и знание французского языка, которое приобрела в гимназии, очень пригодилось.

Русский Париж рубежа веков – это культурный, религиозно-философский центр довоенной русской эмиграции: издательство YMCA; Богословский институт св. Сергия, Собор на улице Дарю, русские газеты, пьесы, кабаре, магазины. Христианские организации занимались социальным обустройством русских: школы, приюты, детские ясли, раздавали бесплатные обеды. Выдающиеся писатели, богословы, интеллектуалы жили и творили в Париже в эти годы. И всякий талант имел место множиться и быть признанным здесь.

Начинаяющую писательницу Надежду Городецкую начинают публиковать разные эмигрантские издания: «Иллюстрированная Россия», «Воля России», «Дни» и др. Но главное – газета «Возрождение», где Городецкая выступала не только как беллетрист, но и как очеркист и литературный критик. В течение 1928–1939 гг. Надежда Даниловна была участницей литературного объединения «Кочевые».

Рассказы ее на французском печатают и во французской периодике. Центральные темы ее творчества – любовь, русские в эмиграции, люди страдающие, потерянные, одинокие. Главный персонаж, повторим, автобиографичен: одиночная, молодая женщина, оказавшаяся в изгнании.

В Париже вышли ее романы: *Несквозная нить* (1929) – на русском и французском языке; *Мара* (1931), *Изгнание детей* (1936) – на французском языке.

Городецкую поддерживают мэтры: Владислав Ходасевич (возглавлявший литературный отдел газеты «Возрождение»), Б. Зайцев, А. Куприн. Зайцев особенно подчеркивал христианскую чуткость Городецкой как автора; Куприн ценил в образах женщин-эмигранток, выведенных писательницей, живость натуры, реализм.

По заданию «Возрождения» Надежда Даниловна встретилась в 1930–1931 гг. с рядом русских писателей, проживающих в Париже – был опубликован цикл ее интервью с Куприным, Тэффи, Ходасевичем, Зайцевым, Ремизовым, Алдановым, Шмелевым, Цветаевой. Она назвала их «В гостях у...». Эти интервью, действительно, были взяты в домашней обстановке: только Цветаева предпочла разговаривать на вокзале. В 1933 году Надежда Даниловна подготовила два репортажа о чествовании И. А. Бунина в связи с присуждением ему Нобелевской премии.

В прозе Городецкой одиночество звучит как приговор, после которого – точка, пустота, смерть. Постепенно, и это отражается в ее художественном творчестве, начинает светиться выход из тупика: вера. Ее персонажи случайно забредают в храмы, становятся свидетелями венчания, пострига, замирают, вслушиваясь в молитвы за Литургией.

Служить другим в деятельной любви – такой выход Городецкая находит лично для себя. В летние месяцы Надежда Городецкая работает воспитателем в школе-приюте княгини Ирины Полей. Становится активным участником русского христианского движения молодежи, русского студенчества.

Начинает появляться интерес к философским предметам, к религиозному осмыслению творчества. Благо, вокруг были люди, этому способствовавшие, подсказывающие направление пути. Так, Надежда Даниловна встречает Николая Александровича Бердяева, русского философа, который для многих на Западе стал миссионером православной культуры. Городецкая посещает Религиозно-Философскую академию Бердяева, становится одним из организаторов и активным участником Франко-русской студии Всеволода Фохта (1929–1931). Читает доклады в Клубе молодежи РСХД. Николай Александрович становится ее первым наставником духовной жизни, к нему обращает она первые вопросы и сомнения по поводу вступления на путь практического христианства. В 1931 году она напишет философу исповедальное письмо: профессией не заполнишь жизнь, семья не удалась, куда же и как «себя пристроить», как стать цельным человеком? «И в то же время знаю, что вера нужна (...) Как к этому прийти? Как сделать, чтобы Бог тебя захотел? Потому что если захочет – откуда угодно возьмет» (Городецкая, 2013, с. 741).

«Те, кто познают Бога, не познавая своего ничтожества, славят не Бога, но самих себя. Величие человека тем и велико, что он сознает свое горестное ничтожество» (Паскаль, 1995, с. 18). Эти мысли Б. Паскаляозвучены наставлениям христианских подвижников. Надежда Даниловна, конечно, читает в это время Святых отцов: «Унижай себя день и ночь, понуждая себя ниже всякого человека увидеть. Это истинный путь, и кроме него, нет другого желающему спастись»

(преп. Варсонофий Великий); «В смиренном нигде не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое» (преп. Исаак Сирин) и др. (Пестов, online).

Городецкая приходит к осознанному принятию православной веры. В жизни ее появляется человек, который помог ей вступить на этот путь. Им стал архимандрит Луи (Жилле), католический священник-богослов. В 1928 году он поступил в Свято-Сергиевский богословский институт и присоединился к Православной церкви. При акте перехода, когда отцу Льву сослужил митрополит Евлогий (Георгиевский) присутствовал весь цвет русского Парижа: Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, К. Д. Бальмонт, М. И. Цветаева, Г. В. Флоровский. А уже в ноябре того же года в ответ на прошение Братства святителя Фотия, написанное с участием отца Сергея Булгакова и профессора Льва Зандера, митрополит Евлогий назначил отца Льва настоятелем первого французского православного прихода в Париже. Начались православные богослужения на французском языке. Надежда Городецкая стала прихожанкой храма. Вместе с ней за Литургией молилась богослов Элизабет Бер-Сижель, которая оставила не только добрые воспоминания о Городецкой и написала рецензии на ее христианские тексты, но и нашла в ней образ того служения в Церкви, которому Бер-Сижель посвятила свою жизнь и свои богословские труды: служение Женщины в Церкви (см. Бер-Сижель, 2002)³.

Во многом благодаря духовному водительству отца Льва Надежда Даниловна, наконец, нашла свое призвание в миссии возрождения Православия на Западе. Она родилась в православной семье, но именно благодаря священнику она перешла из стана сочувствующих в преданное членство Церкви. Отец Лев был примером пастыря и христианина. Надежда была тронута его отношением к беднякам и заботой о них. Он посещал тюрьмы, сопровождал заключенных на гильотину. Городецкая увлекается идеями самоотвержения, кенозиса, миссионерства – и для нее они останутся не только в теории. Вместе с духовником они работают над книгой *Иисус Назарянин по данным истории* (1934): Надежда переводит книгу на русский язык. «Наша книга» напишет отец Лев на титуле: для молодой женщины это стало стимулом для дальнейшей деятельности и высшим проявлением доверия.

Писать рассказы, сочинять жизнь больше не хотелось, хотелось заниматься серьезным делом – и богословие стало потребностью.

В 1934 году отец Лев, сговорившись с Николаем Зерновым (тогда первым секретарем Русского Студенческого христианского движения) и заручившись его помощью, благословил Надежду Даниловну на учебу в Англии. Здесь девушка

³ В предисловии к своей книге бывшая протестантка, пастор, принявшая православие и ставшая православным богословом, среди тех, кто повлиял на ее становление, называет: прот. С. Булгакова, архим. Льва (Жилле) и богослова-апологета женского служения в Церкви Павла Евдокимова (см., например, его Евдокимов П. Н. (2007). *Женщина и спасение мира: О благодатных дарах мужчины и женщины*. Пер. с фр. Кузнецовой Г. Н. Минск: Лучи Софии, впервые опублик. в 1958 г. во Франции).

прошла курс богословия в колледже Вознесения в Бирмингеме (англиканский колледж для миссионеров-женщин).

Городецкая оставляет беллетристику, ее интересует история русской святости, русская литература. Работы свои публикует на английском языке. В 1935 году Надежда Городецкая получила место в Оксфорде, где в 1938 году защитила диссертацию и была удостоена степени бакалавра словесности. Получение должности в Оксфорде для нее было радостью и особой честью. Но ее скромность, достоинство и дружелюбие сразу же расположили к ней коллег-мужчин. Ее поведение было как бы извиняющимся. Была послушной, исполняла указания своего руководителя. Очень сдержанна, мало смеялась, в ее глазах, казалось, навечно поселилась тоска.

Диссертация Городецкой *The humiliated Christ in modern Russian thought [Уничиженный Христос в современной русской мысли]* была опубликована в Лондоне в 1938 году⁴. Здесь – русская душа, русская миссия, русская идея, русские мальчики, русский тип, русский характер... Русские люди – другие, званые и избранные. Надежда Городецкая в своей диссертации идет дальше: русскому народу в лице его лучших представителей – творческой, духовной интеллигенции, общественных деятелей, властьпредержащих и пр. – как никому свойственна черта Богочеловека Иисуса Христа – самоумаление. Так, идею кенозиса – самоистощения (self-emptying) (Фил 2: 5–8) она применяет в отношении к русским людям: в стремлении подражать Христу в Его подвиге самоотречения, жертвенности, послушания. Покоряться, повиноваться, не высываться, жертвовать собой, не хвастаться, ничего не想要 для себя, вплоть до отказа от собственной жизни – эти и многие другие варианты она рассматривает в преломлении к лицам и явлениям социально-политической и культурной жизни России 18–начала 20 веков.

Городецкая в эти годы детально изучает католицизм, протестантизм, увлекается идеей миссионерства, мечтает о создании православного женского колледжа в Бирмингеме. Эта идея возникла во время Литургии, которую служил отец Лев, в 1938 году. Она мечтала, что это будет Дом Св. Макрины, где будут учиться женщины-богословы, а она будет его руководителем. Удалось собрать пожертвования, заручиться поддержкой Вселенского патриарха и архиепископа Кентерберийского. Англиканский колледж Вознесения, со своей стороны, был готов предложить бесплатные курсы обучения, пользование библиотекой и недорогое питание. Но, увы, Вторая мировая война остановила этот миссионерский проект, и больше он не возрождался.

На протяжении 1930–1940 годов Городецкая публикует работы по вопросам межконфессионального диалога, а также статьи историко-церковного и богословского характера: *Некоторые черты крещения Руси, Иисусова молитва* и др.

«Женщина, у которой есть цель в жизни», – такое впечатление она производит на свою подругу и коллегу Элизабет Хилл и других знакомых в 40-е годы. В 1944 году Городецкая защитила докторскую диссертацию и с 1945 по 1956 год читала курс лекций по истории русской религиозной мысли, став пер-

⁴ Автором статьи был осуществлен перевод данной работы на русский язык.

вой женщиной-лектором на богословском факультете (Oxford Honour School of Theology).

Ее докторская работа *Saint Tikhon Zadonsky, Inspirer of Dostoevsky* [Святитель Тихон Задонский, вдохновитель Достоевского] (Лондон 1951) – первый академический труд на английском языке о жизни и творениях крупнейшего православного религиозного просветителя XVIII века. Открыть Западу подлинный лик Православия через святых – такова цель этого труда.

На протяжении 1956–1968 гг. Городецкая руководила кафедрой русской словесности Ливерпульского университета, став там первой женщиной-профессором. Она возглавляла университетскую ассоциацию славистов и преподавателей русского языка, была членом Международного комитета славистов. В этом качестве она несколько раз посещала Советскую Россию и, в свою очередь, приглашала в Ливерпуль советских ученых. О своем посещении СССР в 1958 году оставила отрадные воспоминания: наконец, советские люди стали читать, искать книги, посещать музеи.

Участвовала в деятельности Содружества св. Албания и преп. Сергия, основанного Н. Зерновым в 1928 г. Выступала с докладами в кружке русской культуры «Пушкинский клуб», основанный в 1954 г. в Лондоне М. М. Кульман.

Городецкой было опубликовано десяток статей по русской литературе. Особенно выделяется ее работа о поэтичессе, хозяйке литературного салона, видной фигуре культурной жизни XIX века княгине Зинаиде Волконской. Перешедшая в католичество, миссионер, благотворитель, «духовный мистик», – эта женщина была близка по духу самой Городецкой. Она также вела одинокую аскетическую жизнь, также была увлечена диалогом культур, оставаясь, однако, в границах Православной церкви.

Для изучения жизни своей героини Городецкая отправилась в Рим. Кажется, вдали от университетских кафедр и строгости внешнего академического уклада можно было расслабиться, отдохнуть. Но, по свидетельству, Элизабет Хилл, ее подруга никогда не выходила за рамки раз заданного образа жизни: аскета в миру, собранного, внутренне сосредоточенного человека. Жизнь в скромных пансионах, скучные завтраки в дешевых кафе, езда в переполненных автобусах, бедная одежда, походы пешком в жару на большие расстояния... (Хилл, 2013, с. 759) Вся ее жизнь была скрытым от глаз духовным подвигом, подвигом кенозиса.

Последние годы жизни Городецкая, удостоенная звания почетного профессора, провела в Оксфорде, где ей принадлежала часть большого дома на Банбериоуд. Старая слабая женщина, она выглядела просто и элегантно, и по-прежнему вела строгую жизнь, ограничивая себя во всем. Этому способствовали внешние затруднения: проблемы с арендой и заботы по уходу за домом были обременительными.

Помогали друзья, поддерживал отец Лев. Городецкая продолжала писать, и даже вернулась к личности святителя Тихона в 1970 году, составив предисловие к собранию его сочинений.

Незадолго до своей смерти Надежда Даниловна сделала распоряжения о своем имуществе: пожелание, чтобы ее квартира стала жилищем русского приход-

ского священника, служащего в Оксфордской церкви. Свои деньги, которые она бережливо откладывала, во всем себе отказывая, она завещала православным организациям, Оксфордскому экуменическому сообществу и его Домам: Дому Св. Григория и св. Макрины, Дому Св. Феосевии.

Дом престарелых в местечке Уитни, близ Оксфорда, стал последним пристанищем Надежды Даниловны. Больше не надо было никуда спешить, собирать чемоданы, налаживать связи. Отец Василий Осборн из церкви Кентербери-руд (Храм Благовещения Пресвятой Богородицы в Оксфорде), где Надежда пела в хоре и молилась, часто навещал и причащал ее. В 1980 году умер отец Лев – эта смерть стала ударом для Надежды Даниловны. Она совсем ослабла, память покидала ее. 84-хлетняя старица, она едва узнавала людей, говорила то на русском, то на церковнославянском языках. 24 мая 1985 года, в день памяти славянской письменности Кирилла и Мефодия, она, наставница-богослов, ушла к тем, кого любила и к Тому, Кому служила всей своей жизнью.

На кладбище Вольверкоут неподалеку от могилы Надежды Городецкой похоронился ее друг и покровитель философ, историк и богослов Н. М. Зернов. Здесь же нашел последний приют ее коллега по Оксфорду, профессор и христианский писатель Дж. Толкин. Они преподавали в университете в одни и те же годы, конечно, общались и знали друг друга.

Таким образом, Надежда Даниловна Городецкая пройдя путь от мелкой служащей до доктора богословия, от беженки до почетного профессора Оксфорда является примером цельности, собранности и неиссякаемого трудолюбия. Идея кенозиса, которая реализуется в ее творчестве на разных уровнях и, безусловно, ожидает глубокого исследования, стала основой ее личного возрастаия: в духовном становлении, в профессии, в общении с людьми. Скромный образ жизни ученого-аскета, сдержанное поведение, стремление помогать ближним, служить Церкви, ничего не ожидая взамен, благотворительность и, наконец, занятие литературой и богословием, которые стали не просто сферой деятельности, а делом миссии – являются векторами практической реализации идеи кенозиса в жизнетворчестве Надежды Даниловны Городецкой.

Библиография

- Бер-Сижель, Э. (2002). *Служение женщины в церкви*. Пер. с фр. А. Бакулев. Москва: ББИ св. апостола Андрея.
- Городецкая, Н. Д. (2013). *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Сост., вступ. ст., подгот. текста и comment. А. М. Любомудрова. Санкт-Петербург: Издательство «Росток».
- Городецкая, Н. Д. (2013). *Письма*. В: Городецкая, Н. Д. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Санкт-Петербург: Издательство «Росток».
- Евдокимов, П. Н. (2007). *Женщина и спасение мира: о благодатных дарах мужчины и женщины*. Пер. с фр. Кузнецовой Г. Н. Минск: Лучи Софии.
- Паскаль, Б. (1995). *Мысли*. Пер. с фр., вступ. статья, comment. Ю. А. Гинзбург. Москва: Издательство имени Сабашниковых.

- Пестов, Н. Е. *Современная практика православного благочестия*. Т. 1. Online: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Pestov/sovremenaja-praktika-pravoslavnogo-blagochestija-tom-1/1. (15.06.2018).
- Хилл, Э. (2013). *Воспоминания*. В: Городецкая, Н. Д. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма*. Санкт-Петербург: Издательство «Росток».

РОЕТУКА
ПОЭТИКА
POETICS

РАННИЕ ДНЕВНИКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО КАК АВТОПРЕТЕКСТ ИСПОВЕДИ

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: ludmilalucewicz@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>
(nadesłano 6.07.2018; zaakceptowano 14.08.2018)

Abstract

The early diaries of Leo Tolstoy as a basis of *My Confession*

The author of the article proceeds from the fact that the tendency to autobiographical confession is Leo Tolstoy's characteristic feature at all stages of his creative activity. The desire to deepen self-knowledge, to determine the purpose in life and his own faith, to influence the nature of self-development in terms of self-improvement, to create a personality worthy of self-esteem, was most fully expressed in the diaries of the Russian writer. The article shows that in the early diaries (1847–1855), the experience of self-observation determines the confessional-autobiographical discourse. Moreover, the very motivation of a number of records (about consciousness, self-knowledge, faith, religion, God) is, in a way, actualized in *My Confession* (1879–1882). These observations give grounds to raise the question if *My Confession* is based on Leo Tolstoy's early diaries.

Key words

Leo Tolstoy, early diaries, self-knowledge, faith, God, *My Confession*, basis.

Резюме

Автор статьи исходит из того, что тенденция к автобиографической исповедальности – это характерная черта Льва Толстого, присущая ему на всех этапах творческой деятельности. Стремление глубже познать самого себя, определить цель в жизни и свое предназначение, повлиять на характер саморазвития в плане самосовершенствования, создать из себя личность, достойную самоуважения, получило наиболее полное выражение в дневниках русского автора. В статье показано, что в ранних дневниках (1847–1855) писателя, во-первых, опыт самонаблюдений обусловливает исповедально-автобиографический дискурс; а во-вторых, самая мотивика ряда записей (о сознании, самопознании, вере, религии, Боге) так или иначе актуализируется в *Исповеди* (1879–1882). Эти наблюдения дают основания поставить вопрос о ранних дневниках Льва Толстого как автопретексте его *Исповеди*.

Ключевые слова

Лев Толстой, ранние дневники, самопознание, вера, Бог, *Исповедь*, автопретекст.

Тенденция к автобиографической исповедальности – характерная черта Льва Толстого, присущая ему на всех этапах творческой деятельности. Дмитрий Мережковский в свое время подчеркивал, что «едва ли найдется другой писатель, который обнажал бы самую частную, личную, иногда щекотливую сторону жизни своей с такою великодушною или беззастенчивою откровенностью, как Толстой» (Мережковский, 1995, с. 13), он же отмечал теснейшую связь художественного нарратива с состоянием внутреннего мира писателя, когда «самые подробные (...) исповеди, покаяния, признания, (...) позволяют следить за каждым движением его сознания и совести» (Мережковский, 1995, с. 27), а художественное наследие Толстого в целом воспринимал как «одну бесконечно подробную „исповедь“» (Мережковский, 1995, с. 13). Близок к Мережковскому в трактовке творчества русского писателя и известный австрийский прозаик Стефан Цвейг, утверждавший, что «...проза Толстого является не чем иным, как единой, тянущейся вдоль целой жизни, картина за картиной, постоянно пополняющей себя огромной исповедью» (Цвейг, 1992). Самую же *Исповедь* писателя¹ Мережковский называл произведением «жгуче-покаянным и самобичующим» (Мережковский, 1995, с. 14), а Цвейг видел в ней ярко выраженное толстовское «стремление к самоизображению», которое «превращалось в фанатическое и флагеллантское наслаждение самобичеванием», «насильственное, судорожное посрамление собственной жизни» (Цвейг, 1992).

¹ Об истории создания и издания *Исповеди* см.: Гусев, 1970, с. 142–157; Балдин, 2000, с. 24–32; Луцевич, 2010, с. 467–486; Луцевич, 2017, с. 7–37.

Эти же свойства – исповедальность, автобиографичность, откровенность, покаянность, самокритика – наиболее презентативные черты ранних дневников² русского автора.

Желание как можно глубже познать самого себя (в собственных достоинствах, но и в значительно большей степени в личных недостатках и даже «попроках» ради избавления от них), определить свое предназначение, повлиять на характер дальнейшего саморазвития, создать, сформировать из себя личность, достойную самоуважения возникло у Толстого достаточно рано. Наиболее адекватной словесной формой, дававшей возможности для воплощения скрупулезного самонаблюдения, самоанализа, самопознания, направленных в конечном счете на решение задачи самосовершенствования, и стали для него дневники.

К ведению дневников Толстой приступил в юности (1847) и продолжал с некоторыми перерывами до последних дней своей жизни (1910). Значение собственных *Дневников* писатель в записи от 19 марта 1906 г. определил так:

Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей, преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня – телесно – не будет, и что в этом нет ничего дурного. Это – то, что мне думается, что от меня требуется. Ну, а если сгорят эти дневники? Ну что ж. Они нужны, может быть, для других, а для меня наверное не то, что нужны, а они – я. Они доставляют мне благо (Толстой, 1978–1985, т. 22, с. 216)³.

Толстой, как видно, полностью отождествлял себя со своими дневниками, видя в них безусловную ценность (благо) для себя. Это же отметил и Стефан Цвейг, подчеркнув, что в течение шестидесяти творческих лет, начиная с раннего возраста, «стихийная любознательность» Толстого была направлена преимущественно на самого себя (Цвейг, 1992).

Исследователи неоднократно указывали на значимость толстовских дневников (особенно раннего периода) для понимания сложных интеллектуально-психических и творческих процессов в становлении и развитии писателя. Так, Василий Зеньковский справедливо отмечал, что «для изучения генезиса различных построений Толстого много дают его дневники (особенно *Дневник молодости...*)» (Зеньковский, 1991, с. 199). Борис Эйхенбаум видел в дневнике молодого Толстого выработку методологии самонаблюдения как подготовительной ступени к художественному творчеству (Эйхенбаум, 1922, с. 29), Сильвия Зассе – программу личного воспитания (Зассе, 2012, с. 141), Георгий Ореханов – «нечто самое главное в области его личной веры» (Ореханов, 2016, с. 173). Иоанна Пиотровска обнаружила «существенные сходства между дневниками Толстого 1840–1850-х гг. и русской *Исповедью*» (Пиотровска, 2008, с. 94). Владимир Бибихин, выявляя сложный характер взаимоотношений между расслаивающимися дневниками толстовскими Я, пытался уяснить, каким образом в дневнике

² См. о дневниках Толстого: Галаган, 2000, с. 188–194; Галаган, 2007, с. 8–9; Егоров, 2002, с. 158–192; Паперно, 2003, с. 296–317; Егоров, 2004, с. 117–123; Булдакова, 2005, с. 77–88; Бушканец, 2006, с. 165–177; Gazdecka, 2006, с. 179–186; Пиотровска, 2007, с. 39–43; Пиотровска, 2008, с. 503–512; с. 47–55; с. 93–100; Бибихин, 2014, с. 35–47, с. 48–76; Тарасов, с. 77–109.

³ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, произведения Толстого цитируются в тексте в скобках с указанием номера тома и номера страницы по изданию: Толстой, 1978–1985.

писатель «обращается напрямую с собой», и показать, что «сам он не он сам без этого глядящего в дневнике на него самого» (Бибихин, 1988, с. 55). Справедливы наблюдения профессора Принстонского университета Ричарда Густафсона: «подлинная миссия Толстого – это его постоянная попытка выразить свое я и найти собственное предназначение» (Густафсон, 2003, с. 20), а также современного издателя, которого дневники Толстого поразили «своей предельной искренностью» – исповедальностью (Петровицкая, 2009, с. 9).

На мой взгляд, в ранних дневниках (1847–1855) писателя, во-первых, опыт самонаблюдений обуславливает исповедально-автобиографический дискурс; а во-вторых, самая мотивика ряда записей (о сознании, самопознании, вере, религии, Боге) так или иначе актуализируется в *Исповеди* (1879–1882). Эти наблюдения и дают основания поставить вопрос о ранних дневниках Льва Толстого как автопретексте его *Исповеди*.

В середине 1840-х гг., в период своего студенчества, увлекшись идеей само-совершенствования, Толстой начал составлять для себя всевозможные правила, «которым старался следовать» (Толстой, 1978–1985, т. 16, с. 109). 16-го февраля 1847 г. он записывает основные *Правила в жизни*, где рассматривает деятельность человека «в трех отношениях. 1) в отношении к Высшему существу. 2) в отношении к равным себе существам и 3) в отношении к самому себе» (Толстой, 1937, с. 263). Отношение человека к Богу автор видит в решении трех взаимосвязанных задач: «а) (...) что есть Бог, б) что есть человек и с) какие могут б[ыть] отношения между Богом и человеком» (Толстой, 1937, с. 263). Далее поясняет:

Чтобы составить себе понятие о Боге, взглянем сначала на свои душевые способности, а потом на *природу*⁴. В душе человек находит чувство самосознания, которое первенствует в душе нашей; рядом с ним мы найдем чувство столь же сильное – чувство сознания высшего существа (Толстой, 1937, с. 263).

Эта запись знаменательна, поскольку фиксирует доминанты внутреннего развития личности автора и характера его творческой деятельности. Согласно юному Толстому, душа человека осознает прежде всего себя, но, наряду с самоосознанием, существует сильное чувство сознания Бога. Толстовские дневники станут для писателя лабораторией непрестанного самоосознания собственной личности, а его *Исповедь* ознаменует попытку переключения внимания с себя на «высшее существо».

Приступая к ведению дневника 17 марта 1847 г., восемнадцатилетний автор, оказавшись в тот момент на больничной койке в клинике, рад тому, что он «совершенно один» и ему «никто не мешает» «уяснить свой взгляд на вещи»; уединение позволяет отключиться от всего постороннего и «взойти самому в себя» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 7), сосредоточиться на собственной личности, наблюдая, как «жизнь прорастает через все (...) и за этим смотрит как смотритель, теоретик, пишущий дневник» (Бибихин, 2012, с. 59). Совершенно очевидно, что молодому Толстому интересен в первую очередь он сам, отсюда императивная

⁴ Первоначально вместо слова *природу* было – Бога. Там же.

установка: «Изучи систему своего существа» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 21). Этой цели и служит дневник, по которому, как убежден автор, «весма удобно судить о самом себе» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 22). Максимальная концентрация на индивидуальном Я, по сути, дала возможность будущему писателю открыть бессрочный проект самопознания – в отношении к своим способностям, чувствам, влечениям, переживаниям, мыслям, поведению и проч.

Важнейшей опорой в этом долгосрочном проекте для Толстого является разум, который он ценит превыше всех других человеческих свойств:

Оставь действовать разум, он укажет тебе на твое назначение, он даст тебе правила, с которыми смело иди в общество. Все, что сообразно с первенствующею способностью человека — разумом, будет равно сообразно со всем, что существует; разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может расстроить порядок целого. Целое же может убить часть. Для этого образуй твой разум так, чтобы он был соображен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом людей; тогда твой разум сольется в одно с этим целым, и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на тебя (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 7).

По словам биографа Петра Бирюкова, разум для Толстого изначально «главный двигатель на пути человека к его совершенствованию» (Бирюков)⁵. На первых же страницах дневника юный диарист предстает как личность рациональная, обладающая трезвым взглядом на мир, способная посредством разума контролировать свои природные потребности, а также формировать и развивать способности. Он презентует себя исследователем, познающим мир и его свойства, последовательным аналитиком. Так, 19 марта 1847 Толстой записал в дневнике: «Во мне начинает проявляться страсть к наукам» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 8); а четверть века спустя – 6 ноября 1873 г. – подтвердил: «Я смолоду стал (...) анализировать все» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 269). С рациональностью Толстой свяжет способы удовлетворения не только материальных, но и идеальных потребностей, а это, помимо чисто духовных, религиозных интересов, еще и телеологические действия, направленные на реализацию определенных целей. Опираясь на рациональность, диарист осуществляет свой познавательный выбор, акцентирует те культурные смыслы (искусство, философия, религия и т.д.), которые способны служить духовными ориентирами

⁵ См.: Лев Толстой в письме к М. О. Меньшикову, от 2–5 октября 1895 г. пишет (Толстой, 1954, т. 68, с. 197): «Разум есть орудие, данное человеку для исполнения своего назначения, или закона жизни, и так как закон жизни один для всех людей, то и разум один для всех, хотя и проявляется в различных степенях в различных людях. Все движение жизни – что называют прогрессом – есть все большее и большее объединение людей в уясненном разумом определении цели, назначения жизни и средств исполнения этого назначения. Разум есть сила, которая дана человеку для указания направления жизни. В наше время цель жизни, указанная разумом, состоит в единении людей и существ: средства же для достижения этой цели, указанные разумом, состоят в уничтожении суеверий, заблуждений и соблазнов, препятствующих проявлению в людях основного свойства их жизни – любви. Вот что такое разум, как я более или менее ясно старался выражать это во всех моих писаниях последних десяти лет».

в его собственном развитии; он создает свою картину мира, обдумывает свое предназначение в мире.

Идея самосовершенствования, завладев сознанием юного Толстого, обусловила его целенаправленную деятельность по систематическому формированию у себя положительных качеств и ограничению или устраниению качеств отрицательных. В сознании диариста самовоспитание, работа над собой непосредственно соотносится с идеей непрестанного *развития*, поэтому на страницах дневника и в самой жизни он постоянно занят формированием и «развитием своих способностей»: интеллекта, воли, духа, тела, чувств, памяти, а также «развитием из самого себя хорошего», то есть установлением морально-нравственных позиций. По сути дела дневник, отражая стремление Толстого к системному развитию всевозможных мыслительных процессов, фиксирует когнитивность авторского мышления.

Функция дневника при этом трактуется преимущественно утилитарно:

([7] апреля. 8 часов утра.) [1847] Я никогда не имел дневника, потому что не видал никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития. В дневнике должна находиться таблица правил, и в дневнике должны быть тоже определены мои будущие действия (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 12).

Совершенно очевидно, что собственное «я» воспринимается диаристом как предмет саморефлексии и самопроектирования, протекающих в рамках общения / контроля / сравнения с неким идеальным другим, созданным в сознании на основе нормативной «таблицы правил». 7-го марта 1851 г. он запишет: «Нахожу для дневника, кроме определения будущих действий, полезную цель — отчет каждого дня, с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 31). Сущность личности трактуется как непрерывное стремление к самосовершенству.

Стefan Цвейг остроумно заметил:

В безбородого юношу уже вселился будущий мировой педагог — Толстой, который с самого начала смотрит на жизнь как на „серьезное дело”, которое нужно вести разумно и постоянно контролировать. По-комерчески он открывает себе счет обязанностей, дебет и кредит намерений и исполнений. О внесенном капитале — своей личности — девятнадцатилетний Толстой судит уже вполне здраво. Он констатирует при первой инвентаризации своих данных, что он „исключительный человек”, с „исключительной” задачей: но вместе с тем этот полумальчик уже немилосердно отмечает, какую громадную силу воли он должен развить, чтобы принудить свою, склонную к лени, неуравновешенности, нетерпению и чувственности натуру к моральным жизненным подвигам (Цвейг, 1992).

С помощью самонаблюдения и самоанализа, регулярно отражающихся в дневнике, вырабатывается авторская self conception (Я-концепция) — некий личный идеал, индивидуально сконструированный стандарт, к которому устремлена личность. Роберт Бернс определяет термин «Я-концепция» как «совокупность всех представлений индивида о себе, (...) связанные как с образом Я, так и с самооценкой» (Бернс, 1986). Я-концепция (конструкт Я) Толстого-диариста выражает восприятие и интерпретацию Я, его свойств, качеств и цен-

ностей, основываясь не только на реальных фактах, но и на предполагаемых, идеальных формах самосознания. Конструкт-Я становится значимым для Толстого-диариста, обусловливая поведение и оценки его реального Я. Дневниковый текст, как вытекает из замыслов и реальных практик автора, принципиально направлен, с одной стороны, на создание некоего идеала, мыслимого как результат обобщения определенных норм и правил, четко устанавливающих, что и как следует или не следует делать; с другой – на самопознание, максимально адекватное выявление собственной сути. Такая двойственная позиция позволяет диаристу осмыслить себя как другого. Большое место занимают самооценки диариста, ориентированного, как уже отмечалось, на абстрагированный идеал, изменяющийся, как и само его Я. Чаще всего самооценки достаточно жесткие: «в Москве, жил очень безалаберно, без службы, без занятий, без цели (...)» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 23). «Живу совершенно скотски; хотя и не совсем беспутно, занятия свои почти все оставил и духом очень упал» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 27), значительно реже – позитивные: «заметил в себе я еще важную перемену: я стал более уверен в себе, (...) я мог себя оценять и приобрел сознание своего достоинства» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 25). Толстой выступает автором автобиографического текста, а также создателем определенных способов восприятия, понимания, трактовки, презентации (в том числе и автомифологизации) собственного Я.

Толстой-диарист устремлен в будущее, дневник и задуман, по признанию автора, для определения «будущих деяний» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 12). С юности он создает, вырабатывает, постоянно уточняет и перерабатывает стратегию замысла своей жизни, но при этом изначально намечает генеральную линию относительно общей «цели жизни человека» вообще, видя ее, как следует из записи от 17 апреля 1847 г., во «всевозможном способствовании к всестороннему развитию всего существующего» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 13). Толстой, как свидетельствует его дневник, старается *правильно организовать* свою жизнь, поэтому напряженно продумывает, осмысливает свое бытие и детали быта, конструирует проекты самосотворения, которые, несмотря на многочисленные препятствия и противоречия, пытается хотя бы частично реализовать на практике. С помощью системы индивидуальных «правил»⁶ он старается понять, проанализировать, истолковать, проконтролировать и свои, как указывает, немногочисленные достоинства (к которым относит ум и честность), и многочисленные, как считает, недостатки; он стремится усовершенствовать

⁶ См., например, правила, сформулированные в 1847 г.:

5. Правила для развития воли телесной
6. Правила для развития воли чувственной
7. Правила для развития воли разумной
8. Правила для развития памяти
9. Правила для развития деятельности
10. Правила для развития умственных способностей
11. Правила для развития чувств высоких и уничтожения чувств низких, или иначе: правила для развития чувства любви и уничтожения чувства самолюбия
12. Правила для развития обдуманности (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 15–21).

себя как личность и в конечном итоге выработать из себя «совершенного человека». Индивидуальные «правила» Толстого – это своего рода *личностные конструкты* для развития разнообразных свойств и качеств, прежде всего – воли, деятельности, памяти, умственных способностей. Так, формулируя *Правила для развития умственных способностей*, автор исходит из того, что человеку присущи «пять главных умственных способностей. Способность представления, способность памяти, способность сравнения, способность делать выводы из этих сравнений и, наконец, способность приводить выводы эти в порядок» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 20). Соответственно этой классификации, вырабатывает (март – май 1847 г.) совокупность конкретных императивных установок, направленных на достижение определенных знаний, умений, навыков. Приведу в качестве примеров некоторые из них:

- 35) Изучай хорошо те предметы, которые ты сравниваешь.
- 36) Всякую новую тебе встретившуюся мысль сравнивай с теми мыслями, которые тебе известны. Все отвлеченные мысли оправдывай примерами. (...)
- 36) Занимайся математикой.
- 37) Занимайся философией.
- 38) Всякое философическое сочинение читай с критическими замечаниями. (...)
- 39) Изучи систему своего существа.
- 40) Все твои сведения по одной какой-нибудь отрасли знания приведи к одному общему выводу.
- 41) Все выводы сравни между собою, и чтобы ни один вывод не противоречил другому.
- 42) Пиши сочинения не мелкие, но ученые (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 21).

Автор вместе с четкими установками по формированию определенных свойств и качеств, которыми должна, в его понимании, обладать совершенная личность, строго рассматривает и оценивает ход своего физического, интеллектуального и нравственного развития. При этом идеальное Я соотносится с реальным Я и теми целями, с которыми автор связывает свое будущее:

- 24 марта. 1847. Я много переменился; но все еще не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось достигнуть. Я не исполняю того, что себе предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо (...)(Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 9)
- (8 апреля. 6 часов утра.) 1847 (...) Хотя я уже много приобрел с тех пор, как начал заниматься собою, однако еще все я весьма недоволен собою. Чем далее подвигаешься в усовершенствовании самого себя, тем более видишь в себе недостатков (...) (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 13)
- 9 апреля (6 часов утра). Я совершенно доволен собою (...) (Толстой, 1978–1985, т. 21, 13)
- 17 апреля. Все это время я вел себя не так, как я желал себя вести (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 13).

В дневнике закладываются основы толстовской системы самовосприятия, базирующейся на соотнесении трех Я: в прошлом, настоящем и будущем. Поведение, поступки, действия, размышления «Я в настоящем» оцениваются в соотнесении с преодолеваемым негативным «Я в прошлом» и идеально перспективным «Я в будущем». Развитие личности в различных направлениях – на

интеллектуальном, эмоциональном, чувственном уровнях, обусловливает как характер восприятия реальности, так и способ мышления.

На первых же страницах дневника Толстой стремится уяснить и установить главную цель всей своей жизни. Такая цель была сформулирована им в записи от 17 апреля 1847 г. Это цель не просто высокая, но высочайшая – универсальная, фундаментальная, онтологическая, направленная на такое развитие собственной «бессмертной души», которое позволит «естественно перейти в существо высшее и соответствующее ей» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 14). С этого момента жизнь диариста должна стать «вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной цели» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 14); «в человеке, который не зависит ни от какого постороннего влияния, дух необходимо по своей потребности превзойдет материю, и тогда человек достигнет своего назначения» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 15). Согласно Толстому, душа человека в процессе непрестанного развития совершенствуется, обретая способность переходить в дух, олицетворяя в нем образ Бога. Писатель конструирует и интерпретирует цель жизни в аспекте общеполезности, все свои усилия он намеревается направить на то, чтобы делать добро ближнему. Устремленность к свершению добра для другого, нацеленность на позитивную социализацию обусловливают аксиологическую иteleологическую значимость толстовских интенций.

Определив общую, глобальную цель жизни, Толстой намечает весьма разветвленную систему самых разнообразных норм и правил, с помощью которой намеревается достичь положительного результата. Совершенно очевидно стремление автора последовательно, соответственно времени, месту, возрасту, ставить и решать конкретные задачи по самосовершенствованию на всех жизненных этапах. Он устанавливается с самим собой: «имей цель для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим» (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 19). Поставив цель, диарист анализирует ситуацию, в которой ему предстоит действовать, выбирает способы и средства для достижения цели, намечает возможные «действия» (поступки) и их последовательность. Цель, ситуация, условия осуществления задуманных акций формируют на конкретном жизненном этапе некую идеальную схему деятельности.

Так, в 1847 г., уезжая из Казани в Ясную Поляну, Толстой формулирует задачи на ближайшие два года жизни в деревне (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 14):

- 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете.
- 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической.
- 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский.
- 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое.
- 5) Изучить историю, географию и статистику.
- 6) Изучить математику, гимназический курс.
- 7) Написать диссертацию.
- 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи.

- 9) Написать правила.
- 10) Получить некоторые познания в естественных науках.
- 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать.

Амбициозные цели молодого Толстого, мощно подтолкнувшие его к само-развитию, лишь на первый взгляд кажутся несбыточными. По существу почти вся намеченная программа оказалась выполненной, хотя и не за два года, как первоначально предполагалось, а в течение всей жизни. Ненаписанная диссертация (пункт 7) вполне компенсируется той грандиозной литературной деятельностью, в которой реализовался Толстой как писатель.

Толстовская когнитивная Я-концепция связывает процесс самопознания с опытом классификации и интерпретации фактов действительности, а также с попытками прогнозирования будущего. Приняв в качестве доминанты положение о решающей роли знания в человеческой жизни, Толстой создает на этой основе нормативные эталоны, личностные конструкты, когнитивные схемы для понимания собственного характера, психики и поведения.

Автор ранних дневников много размышляет о разуме, теле, воле, любви, страхе, жизненных целях, развитии, совершенстве и проч. Есть в этих дневниках и признания диариста, касающиеся вопросов веры и религии. При этом существенно то, что накапливаемые знания не противостоят его вере.

В записи от 12 июня 1851 Толстой описал свой юношеский опыт «общего чувства» единения с «существом всеобъемлющим», пережитую им «блаженную минуту» в состоянии полного благоговения:

Вчера я почти всю ночь не спал, пописавши дневник, я стал молиться Богу. Сладость чувства, которое испытал я на молитве, передать невозможно. Я прочел молитвы, которые обыкновенно творю: Отче, Богоордицу, Троицу, Милосердия Двери, возвзвание к ангелу-хранителю и потом остался еще на молитве (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 43).

По учению отцов Церкви, «молитва есть беседа ума к Богу», «проявление радости и благодарения», «восхищение ума, (...) когда неизлаголанными вздохами духа приближается он к Богу» (Синайский, 1998). Сладость молитвы не во власти человека, а дар Божий; главное в молитве – близость сердца к Богу; не ум доминирует, а именно сердце, потому что в сердце заключается вся полнота человеческой личности. Когда человек молится сердцем, то он весь молится Богу (см. об этом: *Молитвы*, 1997, с. 140–146). Возвышенное молитвенное состояние заключается «в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый сею любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенной искренностью» (св. Иоанн Кассиан Римлянин, 1895). Толстому известно, что по содержанию молитвы подразделяются на хвалебные, покаянные, просительные, благодарственные и др. В дневнике он пытается осознать внутренние ощущения, переживаемые им в состоянии молитвы:

Ежели определяют молитву просьбою или благодарностью, то я не молился. Я желал чего-то высокого и хорошего; но чего, я передать не могу; хотя и ясно сознавал, чего я желаю. Мне хотелось слиться с существом всеобъемлющим. Я просил его простить преступления мои; но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели оно дало мне эту блажен-

ную минуту, то оно простило меня. Я просил и вместе с тем чувствовал, что мне нечего просить и что я не могу и не умею просить. Я благодарил, да, но не словами, не мыслями. Я в одном чувстве соединял все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло. Ни одного из чувств веры, надежды и любви я не мог бы отделить от общего чувства. Нет, вот оно чувство, которое испытал я вчера – это любовь к богу. Любовь высокую, соединяющую в себе все хорошее, отрицающую все дурное (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 43).

Автор стремится передать то необыкновенное религиозное блаженство (*сладость чувства на молитве*), которое он испытал в молитвенном состоянии сознания. В Новом Завете сказано: Бог есть *высшее благо* и источник блаженства (1 Тим 1. 11; 6. 15) (Библия, 1988, с. 252, 256); блаженство человека состоит в единении с Богом в любви. Это состояние и захватывает все существо диариста, поглощает его разум, чувства, интенции. Он как бы следует сентенции преподобного Иоанна Лествичника, который учил: «Если ты в каком-либо слове молитвы почувствуешь особенную сладость или умиление, то остановись на нем, ибо тогда и Ангел-хранитель наш молится с нами» (Лествичник, online). В молитвенном состоянии благодать просвещает душу, сердце и совесть человека, под ее воздействием исчезает страх и все то, что мешает постичь истинную суть жизни и самого себя. В общем, едином чувстве соединяются вера, надежда и любовь. Только полностью отречившись от всего мирского, в состоянии молитвенного блаженства человек способен, как напишет Толстой, «вызвать в себе божественную часть своей души, перенестись в нее, посредством нее вступить в общение с Тем, Кого она есть частица (...)» (Толстой, 1954, т. 73, с. 12). Однако ограниченность человеческого опыта и познания не позволяет ему в полной мере понять и представить суть истинного блаженства, поскольку полнота блаженства возможна только в вечности. Самая же земная жизнь человека наполнена страданиями. Отсюда констатация противоречий, сомнения:

12 июня 1851: Вечное блаженство здесь невозможно. Страдания необходимы. Зачем? не знаю. И как я смею говорить: не знаю. Как смел я думать, что можно знать пути прорицания. Оно источник разума, и разум хочет постигнуть... Ум теряется в этих безднах премудрости, а чувство боится оскорбить его. Благодарю его за минуту блаженства, которая показала мне ничтожность и величие мое. Хочу молиться; но не умею; хочу постигнуть; но не смею – предаюсь в волю твою! Зачем писал я все это? Как плоско, вяло, даже бесмысленно выразились чувства мои; а были так высоки! (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 44).

Автор с горечью осознает ограниченность человеческого разума (*неисповедимость путей прорицания*), не способного полноценно понять ни хода исторических событий, ни причинно-следственных связей собственного бытия. Человек владеет Божиим даром – *определенным разумом*, способностью познания (разумения) и самим знанием. Но высшая мудрость, премудрость, всеведение – свойство самого Бога. Пережитая минута блаженства вознесла диариста на вершину абсолютного счастья, но и дала возможность осознать двойственность природы человека: «ничтожность и величие», способность высокого чувствования и невозможность его адекватного словесного выражения (*плоско, вяло, бессмысленно*).

В записи от 18 июля 1852 Толстой упоминает о потребности в просительной молитве:

... Я молюсь так: боже, избави меня от зла, то есть избави меня от искушения творить зло, и даруй мне добро, то есть возможность творить добро. Буду ли я испытывать зло или добро? — да будет воля твоя! — Неужели я никогда не выведу понятие о боге так же ясно, как понятие о добродетели? Это теперь мое сильнейшее желание (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 77).

В представлении Толстого, человек постоянно изменяется, следовательно, изменяется и уточняется его отношение к Богу. Теперь сильнейшее желание диариста состоит в том, чтобы «вывести понятие о боге». Он хочет мыслить Бога, человека, мир посредством ясных и точных понятий, опираясь на разум, логику, причинно-следственные связи. Запись от 17 августа 1852 г. свидетельствует, что Толстой, пытаясь рационально уяснить понятие Бога, выдвигает даже некую «гипотезу» о существовании бесконечного Бога, сотворившего все живое:

Ничто не убедило меня в существовании бога и наших отношений к нему, как мысль, что способности всем животным даны сообразно с потребностями, которым они должны удовлетворять. Ни больше, ни меньше. Для чего же дана человеку способность постигать: причину, вечность, бесконечность, всемогущество? Положение это (о существовании бога) – гипотеза, подтвержденная признаками. Вера, смотря по степени развития человека, дополняет ее правдивость (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 78–79).

Для Толстого понять что-либо – значит, *объяснить*, то есть *связать* изучаемый предмет с другим, *вывести* из этого другого и таким образом обнаружить *причинно-следственные связи*. Понять «существо всеобъемлющее» – Бога – значит, вывести его из некой причины, которой он обусловлен. Но тогда бог перестает быть Богом... Однако существуют *непосредственные истины первичного достояния ума*, не требующие доказательств. Такими аксиомами у Толстого выступают: «мысль, что способности всем животным даны сообразно с потребностями»; человеку дана «способность постигать». Обращение к истинам, не требующих доказательств, отказ от выявления причинно-следственных связей свидетельствует об отходе от научного, логического мышления. Там, где молчит человеческий разум, слово берет вера. Толстой совершенно сознательно отделил сферу веры от сферы знания. Однако необходимость веры в Бога он будет доказывать логическими средствами. Необходимость существования всеобъемлющего Бога обусловливается им целесообразностью, обуславливающей смысл человеческой жизни и всемирного бытия.

Раздумья о Боге и вере привели диариста к феноменальному замыслу, зафиксированному в дневниковой записи от 2, 3, 4 марта 1855 г.:

... Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее

в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня (Толстой, 1978–1985, т. 21, с. 139–140).

Именно эта грандиозная цель: основание новой, единой для всего человечества религии, и будет занимать сознание писателя на протяжении всей его последующей жизни.

Ранние дневники Толстого, безусловно, самостоятельные тексты, обладающие своими особенностями, но в то же время отдельные записи, содержащиеся в них, являются претекстами для различных документальных и художественных произведений писателя. На разных жизненных этапах Толстой, как известно, читал и перечитывал свои дневники («они – я. Они доставляют мне благо»); некоторые проблемы, затронутые ранее, акцентирует вновь и вновь. В частности, вопросы самопознания, рассуждения о вере, религии и Боге, получивших выражение в ранних дневниках (1847–1855), выступают в качестве значимого автопретекста для толстовской *Исповеди* (1879–1882). При этом очевидны константы и эволюция творческого сознания писателя. В конце 1870-х гг. в период мировоззренческого перелома ряд первоначальных установок и суждений остается неизменным (самоосознание, самопознание, целеполагание), некоторые – пересматриваются, пере/о-смысливаются или даже переменяются (религия, вера), но в любом случае актуализируются и остаются значимыми впоследствии.

Библиография

- Балдин, А. А. (2000). «Исповедь» Л. Н. Толстого и его произведения 1880–1890-х гг. *Известия Уральского государственного университета*, № 17, Серия 2, Гуманитарные науки, с. 24–32.
- Бернс, Р. (1986). *Развитие Я-концепции и воспитание*. Пер. с англ. М. Б. Гнедовский, М. А. Ковальчук. Общ. ред., вступ. статья. В. Я. Пилиповского. Москва: Прогресс, Online: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/burns0.htm> (2.07.2018).
- Бибихин, В. (2012). *Дневники Льва Толстого*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Бибихин, В. В. (2014). *Дневники Льва Толстого*. В: Гусейнов, А. А., Щедрина, Т. Г. (ред.). *Лев Николаевич Толстой*. Москва: Политическая энциклопедия, с. 48–76.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические (1988). Москва: Всесоюзный Совет ЕХБ.
- Бирюков, П. И. *Биография Л. Н. Толстого*, т. 3, ч. 1. Online: http://lib-ru.do.am/publ/tolstoj_lev_nikolaevich_birjukov_p_i_biografija_1_n_tolstogo_tom_3_3_ja_chast_stranica_2/1-1-0-3 (2.07.2018).
- Булдакова, Ю. М. (2005). „Борьба с недобрым чувством” Л. Н. Толстого. В: *Труды кафедры русской литературы: анализ художественного текста*. Киров: КГУ, с. 77–88.
- Бушканец, Л. (2006). „Дневники” молодого Толстого как нарративный текст. В: *Dzienniki pisarzy rosyjskich*. Warszawa: „Studia Rossica”, с. 165–177.
- Галаган, Г. Я. (2000). *Дневник молодого Л. Толстого и его философско-историческая концепция*. В: Щербакова, М. И. (ред.). *Mир филологии*. Москва, с. 188–194.
- Галаган, Г. Я. (2007). *Дневники молодого Л. Толстого и его концепция жизнепониманий*. В: *Dzienniki, notatniki i listy pisarzy rosyjskich*. Warszawa: „Studia Rossica”, с. 8–9.
- Гусев, Н.Н. (1970). *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год*. Отв. ред. Л. Д. Опульская и А. И. Шифман. Москва: АН СССР ИМЛИ.

- Густафсон, Р. Ф. (2003). *Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого*. Пер. с англ. Т. Бузиной. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Добротолюбие (1998): в 5 т. Т. 2. Москва: Паломник. Online: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_2/17 (04.07.2018).
- Егоров, О. Г. (2002). *Лев Николаевич Толстой*. В: Егоров, О. Г. *Дневники русских писателей XIX века. Исследование*. Москва: Флинта, с. 158–192.
- Закон Божий (1997). Т. 1, кн. 1–3, Москва: Терра – Тетра.
- Зассе, С. (2012). *Яд в ухо. Исповедь и признание в русской литературе*. Пер. с нем. Б. Скуратова, И. Чубарова. Москва: РГГУ.
- Зеньковский, В. В. *История русской философии: в 4 т.* Т. 1, ч. 2. Сост. В. А. Поляков, Ленинград: «Эго» 1991.
- Иоанн Кассиан Римлянин, св. (1895). *О молитве*. В: *Добротолюбие*. Т. 2. Москва. Online: http://www.odinblago.ru/dobrotolubie_2/ioann_kassian/o_molitve (1.06.2018).
- Лествичник, Иоанн. *Слово 28. О матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней умом и телом*. В: Лествичник, Иоанн. *Лествица*. Online: <https://www.ccel.org/contrib/ru/Lestviza/Lest28.htm> (02.07.2018).
- Луцевич, Л. (2010). «Исповедь» Л. Н. Толстого: анализ, покаяние, поиски истины веры. *Slavia Orientalis*, т. 59, № 4, с. 467–486.
- Луцевич, Л. (2017). «Исповедь» Л. Н. Толстого. В: *Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография*. Сост. и науч. ред. Л. Е. Бушканец. Казань: Изд-во Казанского ун-та, с. 7–37.
- Мережковский, Д. С. (1995). *Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*. Подгот. текста М. Ермолова, комм. А. Архангельской. Москва: Республика.
- Молитвы. В: Закон Божий, т. 1, кн. 1–3. Москва: Терра, 1997, с. 140–146.
- Ореханов, Г., прот. (2016). *Лев Толстой «пророк без чести». Хроника катастрофы*. Москва: Эксмо.
- Паперно, И. (2003). „Если бы можно было рассказать себя...”: дневники Л.Н. Толстого. Пер. с англ. Б. Маслова. *Новое литературное обозрение*, № 61, с. 296–317.
- Петровицкая, И. В. (2009). *Исповедь и проповедь Льва Толстого*. В: Лев Толстой. *Дневники. Записные книжки. Статьи. 1908 г.* Сост., предисл., комм., прилож. И. В. Петровицкой. Под общ. ред. В. Я. Линкова. Москва: Изд-во: ВК, с. 5–22.
- Пиотровска, И. (2007). *Ранние дневники (1847–1856) Льва Толстого: функциональная направленность*. В: *Русская филология: сборник научных работ молодых филологов*. Т. 18, Тарту: Тартуский университет, с. 39–43.
- Пиотровска, И. (2008). *Европа и европейцы в ранних дневниках Льва Толстого*. В: *Slavistika dnes: vlivy a kontexty. Konference mladých slavistů*. Praha: Červený Kostelec, с. 503–512.
- Пиотровска, И. (2008). Ранняя диаристика Льва Толстого: Автомифологизация через негативы. *Studia Slavica*, т. 8. (Таллинн: OU Vali Press), с. 47–55.
- Пиотровска, И. (2008). Некоторые аспекты соотношения ранних дневников Л. Толстого с европейскими источниками. В: *Русская литература в европейском контексте 1*. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, с. 93–100.
- Седакова, О. А. (2014). *Весть Льва Толстого. Вступительные замечания к курсу В.В. Бибихина «Дневники Льва Толстого»*. В: Лев Николаевич Толстой. Под ред. А. А. Гусейнова, Т. Г. Щедриной. Москва: Политическая энциклопедия, с. 35–47.
- Тарасов, Б. Н. (2014). *Л. Н. Толстой о человеке, разуме и науке, демократии, цивилизации и прогрессе («Диалог писателя на страницах „Дневника“ с современниками и потомками»)*. В: Лев Николаевич Толстой. Под ред. А. А. Гусейнова, Т. Г. Щедриной. Москва: Политическая энциклопедия, с. 77–109.

- Толстой, Л. Н. (1978–1985). *Собрание сочинений: в 22 т.* Гл. ред. М. Б. Храпченко. Москва: Художественная литература.
- Толстой, Л. Н. (1937). *Полное собрание сочинений: в 90 т.* Т. 46: *Дневник 1847–1854*. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Москва: Государственное издательство «Художественная литература».
- Толстой, Л. Н. (1954). *Полное собрание сочинений: в 90 т.* Т. 68: *Письма 1895*. Подг. текста и комм. А. С. Петровского. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Толстой, Л. Н. (1954). *Полное собрание сочинений: в 90 т.* Т. 73: *Письма 1901–1902*. Подг. текста и комм. В. А. Жданова. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Цвейг, С. (1992). *Три певца своей жизни: Казанова. Стендаль. Толстой*. Пер. с нем. П. С. Бернштейна. Род ред. Б. М. Эйхенбаума. Москва: Республика, Online: http://philologos.narod.ru/texts/zweig_tolstoyF.htm (11.06.2018).
- Эйхенбаум, Б. (1922). *Молодой Толстой*. Москва; Берлин: Издательство З. И. Гржебина.
- Gazdecka, E. (2006). *Lew Tołstoj – samoocena i rzeczywistość. Wyjatki z Dzienników*. B: Wołodźko-Butkiewicz, A., Łucewicz, L. (ред.). *Dzienniki pisarzy rosyjskich*. (Серия „*Studia Rossica*”, т. 17). Warszawa: *Studia Rossica*, с. 179–186.
- Semczuk, A. (2004). *Młody Lew Tołstoj krytykuje Katarzynę 2*. B: Wołodźko-Butkiewicz, A. (red.). *Rosja literacka: od Karamzina do Solżenicyna: księga poświęcona Profesorowi Tadeuszowi Szyszko z okazji 45-lecia pracy naukowej*. (Серия „*Studia Rossica*”, т. 15). Warszawa: „*Studia Rossica*”, с. 117–123.

ПОЭТИКА РОМАНА *ОБИТЕЛЬ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА*

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9527-7878>
(nadesłano 16.08.2018; zaakceptowano 21.08.2018)

Abstract

Poetics of the novel *Abode* by Zakhar Prilepin

The article discusses the peculiarities of the poetics in the novel *Abode* by the contemporary Russian writer Zakhar Prilepin. The author shows and analyzes the basic principles of the structural and semantic organization of the work (historicism and pseudo-historical image, typical, archetypal, intertextual, metatextual, duality of characters and topoi, basic literary motifs, stylistic features, etc.). Also, several parallels between the novel space and the cultural heritage are noted. Attention is paid to the connections with the creative system of F. M. Dostoevsky, who is considered the founder of camp prose. There are intersections with the biblical text, which serves as one of the foundations of understanding Prilepin's literary work. The article may become a theoretical basis for further study of the novel *Abode*.

Key words

Novel, poetics, author, motif, duality, typicality, historicism.

Резюме

В статье рассмотрены особенности поэтики романа современного русского писателя Захара Прилепина *Обитель*. Автор показал и проанализировал основные принципы структурно-смысловой организации произведения (историзм и псевдоисторизм изображения, типическое, архетипическое, интertextуальное, метатекстуальное, двойственность характеров и топосов, основные литературные мотивы, стилистические особенности и пр.). Также в статье отмечен ряд параллелей романного пространства с культурным наследием. Особенное внимание уделено связям с творческой системой Ф.М. Достоевского, который считается основоположником лагерной прозы. Отмечаются пересечения с библейским текстом, который является одной из основ осмыслиения произведения Прилепина. Статья может стать теоретической базой для дальнейшей литературоведческой работы при исследовании романа *Обитель*.

Ключевые слова

Роман, поэтика, автор, мотив, двойственность, типичность, историзм.

Захар Прилепин (настоящее имя – Евгений Николаевич Прилепин) написал свой первый роман *Патологии* в 2004 году, за следующие десять лет появилось еще четыре романа (*Санька* (2006 г.), *Грех* (2007 г.), *Черная обезьяна* (2011 г.), *Обитель* (2014 г.)). За короткий отрезок времени Прилепин стал одним из главных современных писателей России, а по рейтингу упоминаемости в СМИ является абсолютным лидером. Его книги читают, анализируют и обсуждают не меньше, чем его личность. Национал-большевик по своим убеждениям, воевал в Чечне, стал у истоков современной военной прозы, выступал за отставку президента Путина, но вдруг в 2014 году «объявил личное примирение власти» и отправился воевать на восток Украины, где получил звание майора так называемой Донецкой Народной Республики. Такой шаг Прилепина привел к издательским проблемам на Западе. В России он известен и популярен не только как писатель: он пишет журналистские статьи, ведет телепрограммы, снимается в кино, музыкальных клипах, его произведения ставятся на театральной сцене, он активен политически, занимается общественной деятельностью, обладает десятками литературных премий. Но биографический опыт и проблемы, поднимаемые в его произведениях, зачастую вызывают диссонанс в восприятии читателя, который не может понять парадоксов личностного опыта Прилепина и его авторского «я». Это тот сложный случай, когда биографическое пространство контрастирует с художественной реальностью. Однако, если обратиться к работе известного семиотика Ролана Барта *Смерть автора*, то ситуация перестает казаться необъяснимой: «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» (Барт, 1994, с. 384). Хотя на уров-

не проблематики изображения в текстах Захара Прилепина нельзя не отметить и некоторых точек пересечения и противопоставления с личным опытом, что является отличительным элементом поэтики современного автора. Под термином «поэтика» мы подразумеваем «принципы изображения действительности в искусстве», о чем пишет известный литературовед В. Н. Захаров: «...принципы изображения действительности в мифе, фольклоре, в литературах разных исторических эпох, в творчестве конкретных писателей, в различных жанрах и т.п., принципы изображения фантастического, трагического, комического, зимы и т.д. в литературе» (Захаров, 2012, с. 7). Именно поэтому нашей задачей не является детальный анализ романа Прилепина, а, скорее, представление именно таких основных «принципов изображения действительности» в данном произведении.

Роман Захара Прилепина *Обитель* вышел в свет в 2014 году в издательстве «АСТ. Редакция Елены Шубиной» и сразу же получил литературную премию «Большая книга». А уже в 2015 году Московский городской библиотечный центр информировал: «Роман “Обитель” Захара Прилепина стал самой популярной книгой 2015 г. в столичных библиотеках» (*Роман «Обитель» Захара Прилепина*, online). Книга по рейтингам читаемости обошла на четыре позиции роман Ф.М. Достоевского *Братья Карамазовы*. В 2016 году автор был удостоен Премии Правительства России в области культуры. Критик Лев Пирогов писал, что это по-настоящему русский роман благодаря своей диалогичности: «Его персонажи постоянно говорят. И в разговорах с легкостью охотно сбиваются на самое главное. И это не раздражает. Не выглядит комично и нарочито. Мощный, прямотаки неожиданный, какой-то лев-толстовский по силе изобразительный талант автора с лихвой, с запасом крест-накрест перекрывает условности композиционной конструкции» (Захар Прилепин. *Новый роман «Обитель»...*, 2014).

Писатель обращается к изображению жизни в Соловецком лагере особого назначения, совмещая историческую правду (воспоминания, свидетельства, документы, дневниковые записи, прототипы) с художественным вымыслом, что становится определяющей чертой поэтики произведения. При этом ряд исторических фактов искажены в романе, что отмечено в некоторых публикациях: начальник СЛОНа носил фамилию Эйхманс, а не ЭйхманИс, как в романе; он не был первым начальником, а пришел после Александра Ногтева – в романе наоборот, а также Эйхманс не являлся и создателем СЛОНа; комиссар Глеб Бокий перепутан с Борисом Бажановым, личным секретарем Сталина (см. подробнее: *Соловки-энциклопедия. Международный дайджест-проект*, online).

Ранее авторы больших романов лагерного цикла, как правило, писали о собственном опыте пережитого. Первым политическим заключенным в истории русской литературы можно назвать протопопа Аввакума (1620–1682 гг.), который описал свои истязания в автобиографическом житии в XVII веке, но в этом произведении тема заключения является лишь одним эпизодом в биографическом спектре терпения. Мотив политического изгнания связан с судьбой А. Н. Радищева (1749–1802 гг.), пострадавшего за свою книгу *Путешествие из Петербурга в Москву* (1790 г.). Особенно остро ссылочная проблематика зазвучала в русской культуре в связи с декабристами после восстания на Сенатской

площади в 1825 году. Но первым автором, у которого лагерь стал основой изображения, стал Ф. М. Достоевский (1821–1881 гг.) с книгой *Записки из мертвого дома* (1860–1861 гг.). Личный опыт каторги, историзм, метафизические размышления, углубленный психологизм позволили писателю создать текст, которого еще не было в литературе. Комментаторы *Полного собрания сочинений* писателя отмечали: «Достоевский смотрел на каторгу глазами художника и “Записки из мертвого дома” являются не просто мемуарами, но художественным произведением, где большую роль играют творческое обобщение и вымысел» (Достоевский, 1972, с. 283). Литературовед В. А. Викторович пишет: «“Записки из мертвого дома” задали канон русской лагерной прозе своей безыскусственностью и простотой изображения земного ада, который хватает вас за горло и не отпускает до конца» (Викторович, online). Так открывается лагерная проза, которая получит действительно широкое распространение уже в XX веке после революции (*Дочь А. Л. Толстого, Крутой маршрут* Е. С. Гинзбурга, *Колымские рассказы* В. Т. Шаламова, творческое наследие А. И. Солженицына и пр.). Достоевский создал образец особой мемуаристики, которая, так или иначе, будет наследоваться всеми этими авторами в качестве традиционных элементов, оформляясь в общее место культуры. Все эти произведения, документальные и художественные, базировались на пережитом, биографическом, лично прои́денным авторами.

Захар Прилепин создал роман, не имея личного опыта лагерной жизни. В *Новой газете* Дмитрий Быков так и называет свою публикацию: «Захар Прилепин справился с задачей исключительной трудности» (Быков, 2014). Литературный критик отмечает, что автору крайне интересно работать с близким для него самого материалом – «советским человеком (или, если угодно, советским сверхчеловеком)». Фрагментарно такую работу в своих произведениях осуществляли также современные писательницы Светлана Алексиевич (роман *Время Секонд хэнд*) и Людмила Улицкая (роман *Лестница Якова*), которые обращаются к драматическим страницам истории XX века, будучи творческими соучастницами документальных свидетельств. Но имея за собой опыт предшественников, Прилепин писал текст о другой эпохе – это лагерь 20-х годов прошлого века, что необходимо учитывать при анализе произведения, хотя многие характеристики будут типическими для лагерной прозы более позднего периода.

В центре повествования романа *Обитель* персонаж, которого Д. Быков определяет следующим образом:

Артем Горянинов – протагонист, попавший на Соловки за отцеубийство, – конечно, никак не герой этого романа. Роман с «отрицательным», по-школьному говоря, или по крайней мере с малоприятным протагонистом – задача исключительной трудности, такие трюки любил проделывать Горький, чтобы объективировать и выбросить из себя все самое отвратительное; Горянину больше всего хочется жить, он интуитивный гений приспособляемости, и Прилепин, кажется, наделяет его многими своими чертами, но главным образом теми, которые не любят (Быков, 2014).

В этой характеристике появляется биографический компонент автора, который не скрывается в произведении и самим Прилепиным. В разделе «Дневник Галины Кучеренко» как откровение самого Прилепина звучат слова:

В романе писатель думает, что он спрятался, и открывается в одном из героев, или в двух героях, или в трех героях весь целиком, со всей подлостью. А в дневнике, который всегда пишется в расчете на то, что его прочтут, пишущий (любой человек, я, например), кривляется, изображает из себя. Судить по дневникам – глупо (Прилепин, 2015, с. 714).

Основному сюжету предшествует раздел «От автора», в котором вспоминается прадед Захар Петров, прошедший Соловецкий лагерь, имя которого и было взято в качестве псевдонима писателя. Завершается книга «Послесловием», в котором автор использует элемент документальности и публицистичности, когда Прилепин проявляет себя в качестве журналиста, встречаясь с Эльвиорой Федоровной – дочерью бывшего начальника лагеря Эйхманса. Автор признается женщине:

Я очень люблю советскую власть... (...) Просто ее особенно не любит тот тип людей, что мне, как правило, отвратителен (Прилепин, 2015, с. 702).

Такое признание создает смысловой диссонанс с темой произведения. И еще больший конфликт – с публицистикой и взглядами самого Захара Прилепина, который в 2012 году написал *Письмо товарищу Сталину*:

Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решен. Ты положил в семье слоев русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени (Прилепин, 2012).

Подобные моменты все же не могут быть абсолютно отброшены в характеристике поэтики романа, так как из-за них историческая правда наделяется писательской субъективностью, утрачивает черты правдоподобия, к которому автор якобы устремлен. С этой целью также приводится *Дневник Галины Кучеренко* и *Некоторые примечания*. Известно, что ряд героев имеют своих прототипов: Эйхманис (Ф. И. Эйхманс), Галина (Галина Кучеренко), Митя Щелкачев (Д. С. Лихачев), Ногтев (А. П. Ногтев), Френкель (Н. А. Френкель), Борис Лукьянович (Б. Л. Солоневич). Автор, таким образом, смешивает факты с постмодернистской игрой, при помощи которой происходит разрушение истории соловецкого мифа, его *деконструкция* (в понимании Жака Дерриды) и создание собственного – прилепинского. Произведение не является мемуарами, но автор пытается наделить роман хотя бы некоторыми их чертами. Писатель устремлен к эпическому обобщению: «Соловки – это отражение России, где все как в увеличительном стекле – натурально, неприятно, наглядно!» (Прилепин, 2015, с. 58).

Историзм Прилепина звучит, однако, упрощенно, будто сформулирован для массового читателя. Персонаж Василий Петрович раскрывает историю Соловков в одном абзаце – русское возрождение возможно через жертвенный путь подвижничества, мессианизма: «Русская церковь именно отсюда начнет новое возрождение...» (Прилепин, 2015, с. 67). В этой надежде на всеобщее спасение

усматриваются взгляды философа русского религиозного ренессанса Н. А. Бердяева, который писал: «Русская идея – эсхатологическая, обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления к всеобщему спасению» (Бердяев, 2015, с. 290). В романе упомянуты «земляные тюрьмы» в связи с расстригой Иваном Буяновским, которого в 1722 году заточает в Соловецкий монастырь сам Петр Первый. Эйхманис говорит об исторической двойственности этого места: «...здесь всегда была живодерня! (...) Соловки тюрьмой не напугаешь» (Прилепин, 2015, с. 266). Но основательного раскрытия истории Соловецкого монастыря в романе нет, хотя исследования по данной теме существуют достаточно давно. Несколько работ написал историк Г. Г. Фруменков, который отмечал, что Соловки всегда совмещали монастырь и тайную тюрьму:

Узники земляных тюрем годами не видели солнца, не отличали дня от ночи, теряли счет суткам, неделям и годам. Только некоторых из них иногда вынимали из ямы, водили в церковь, а по окончании службы снова опускали туда (Фруменков, 1965).

Ездил в Соловецкий монастырь и сам Прилепин. В одном из интервью он признается, что работал с историческими источниками и придерживается фактов, но при этом добавляет:

Это, конечно, роман, с одной стороны, русский традиционный роман идей, с другой стороны, я его вот так в шутку иногда называю плутовской роман или авантюрный роман, потому что там все сюжетные линии есть, касающиеся побега, переворота и всех прочих вещей. И они все имели исторические аналоги. Это так и было. Я тут ничего не придумывал (Захар Прилепин о новой книге «Обитель», online).

То есть историческая правда изображается не во всех деталях, действительность в романе, скорее, правдоподобна, имеет историко-литературные параллели, а поэтому – реалистична для читателя, базируясь на архетипических образах, которые синтезируют в себе биографии нескольких реальных лиц сразу.

Являясь человеком постмодерна, Прилепин создает свой роман, пользуясь опытом предшественников в лагерной прозе. Поэтика произведения отличается интертекстуальностью, которая является определяющей в литературоведческой интерпретации нового времени. Ренате Лахманн пишет: «Производство смысла программируется не только запасом знаков, содержащихся в данном тексте, но и опирается на знаки другого текста» (Лахманн, 2011, с. 61). Роман Прилепина отличается литературностью, изобилует достаточно прозрачными реминисценциями, среди которых наиболее обширны обращения к творчеству Ф. М. Достоевского, хотя многие мотивы представляются как традиционные. Начальник лагеря Эйхманис прямо вспоминает писателя XIX века и его описание каторги, которая, по его мнению, была гораздо хуже нежели в их время: «Помню, у Достоевского на каторге были кандалы, а за провинности – их секли. Как детей. Вас секли тут?» (Прилепин, 2015, с. 720, с. 276). Фамилия героя Артема Горянковаозвучна с фамилией Александра Петровича Горянчикова в *Записках из мертвого дома*, в которых персонаж также попал на каторгу за убийство (жены). И именно от его лица якобы и написаны записки, которые писатель

только публикует. Но Достоевскому это необходимо было, скорее, по цензурным соображениям, что также влияло и на особенности изображения, о чем пишут комментаторы *Полного собрания сочинений*: «Достоевский неоднократно сознательно усиливал преступления своих героев, вернее всего, по цензурным соображениям, чтобы ослабить впечатление от суровости царского суда» (Достоевский, 1972, с. 283). Имя же протагониста романа совпадает с именем героя постапокалиптического романа современного русского писателя Дмитрия Глуховского *Metro 2033* (2005 г.). Но Артем у Прилепина живет, скорее, в мире предапокалиптической катастрофы, хотя динамика повествования в обоих текстах достаточно схожа. Многочисленные диалоги героев определяют динамику сюжета, что характеризуется «драматическим способом изображения» (в понимании Аристотеля).

Грех отцеубийства на Артеме Горяинове также имеет параллель с произведением Достоевского. Именно за такое преступление попадает в острог и дворянин-«отцеубийца» в вышеназванном тексте: «Особенно не выходит у меня из памяти один отцеубийца. Он был из дворян, служил и был у своего шестидесятилетнего отца чем-то вроде блудного сына» (Достоевский, 1972, с. 15). Достоевский пользуется прототипом, которым послужил прaporщик тобольского линейного батальона Д. Н. Ильинский, но он, как оказалось, не убивал и пострадал безвинно. Более того: «Внешне, в фабульном отношении, «отцеубийца» является прообразом Мити Карамазова (...) Первоначально в черновой рукописи романа Митя условно назван Ильинским» (Достоевский, 1972, с. 285). Известный психоаналитик Зигмунд Фрейд усмотрел в теме отцеубийства автобиографические моменты желания смерти собственному отцу Достоевским и переживания ответственности после его смерти, как это наблюдалось через культурный код у Софокла в *Царе Эдипе* или *Гамлете* У. Шекспира (см. подробнее: Фрейд, 1995, с. 285–294). Герой же Прилепина является не просто бессознательным соучастником, он реальный отцеубийца. И если Дмитрий Карамазов страдает, так как осознает себя соучастником греха через соборное единство, и идет к покаянию, то Горяинов страдает, но не кается, его страдания не приводят к желаемому результату. Владычка Иоанн в *Дневнике Галины Кучеренко* в книге Прилепина замечает:

«В раю нераспятых нет»; «...вы поместили в свой монастырь за колючку всех русских людей, дав всем аскезу и возможность стать иноками, равными Пересвету и Ослябе» (Прилепин, 2015, с. 720, с. 725).

Отцеубийство для Артема оказывается убийством образа Бога в себе, а невозможность покаяния не дает возможности воскресения. Для новой системы грех отцеубийства представляется лучшим, чем отбывание наказания по политическим статьям, а поэтому Артем чувствует себя комфортно в обществе Эйхманиса, который как сверхчеловек снимает тяжкий грех героя. Д. Быков замечает:

В самом деле, в мире Соловков – в обители, как она дана у Прилепина, – должны жить либо монахи, то есть без пяти минут святые, либо законченные подонки. «Просто чело-

век” тут не выживает, поскольку опускается, – и Горянинов именно таким расчеловечиванием, полной утратой личности как раз и заканчивается (Быков, 2014, online).

Заповеди Артема – это совсем не те, которые Бог вручает библейскому Моисею, а являются заповедями выживания в условиях лагеря:

Не показывай душу. Не показывай характер. Не пытайся быть сильным – лучше будь не заметным. Не груби. Таись. Терпи. Не жалуйся... (Прилепин, 2015, с. 125).

Конформист Горянинов напоминает «терпилу» Солженицына в *Одном дне Ивана Денисовича*, на что обращает внимание Д. Быков (Быков, 2014). И даже во время постановочного расстрела, когда должен умереть каждый десятый и злой рок падает на Галину, а Артем меняется местами с потенциальной жертвой, не приводят к жертвенному сакральному очищению, так как начальник лагеря лишь играет в садистскую психологическую игру. В *Некоторых примечаниях* Прилепин бегло упоминает о бытовом убийстве:

Артема Горянинова, как рассказал мне мой дед со слов прадеда, летом 1930 года зарезали блатные в лесу: он проходил мимо лесного озера, решил искупаться, – на берегу, голый, поймал свое острье (Прилепин, 2015, с. 743).

Смерть героя, таким образом, ничем не отличается от тысяч других. Ряд литературных мотивов в романе Прилепина также характеризуется интертекстуальностью. Само название романа, привязанное к пространству действия, переносит читателя в скит, где герои не только отбывают наказание или страдают безвинно, но и ведут диалоги о вере и Боге. Последнее отсылает к *Братьям Карамазовым* Достоевского, где герои проходят через монастырь и диалоги со старцем Зосимой:

К старцам нашего монастыря стекались, например, и простолюдины и самые знатные люди, с тем чтобы, повергаясь перед ними, исповедовать им свои сомнения, свои грехи, свои страдания и испросить совета и наставления (Достоевский, 1976, с. 27).

В *Некоторых примечаниях* Прилепин говорит об извлеченных чекистами мозгах монахов, среди которых также есть мозги иного, но одноименного Зосимы:

Вскрыли мозги святого Зосимы. Сложили около гробницы. Оказалось, что кости и труха. Я так и думала. Пока вскрывали, ни секунды сомнения не было (Прилепин, 2015, с. 706).

Именно эти мозги возвращает в серебряные раки начальник Эйхманис, возможно, надеясь на спасение (Прилепин, 2015, с. 736). Но это не помогает в миру, как и не осуществляется чуда с телом иного старца Зосимы – у Достоевского, когда от него разносится тлетворный дух. Но это лишь бытовое осмысление христианского чуда. Сразу же после этого у Достоевского в романе следуют главы *Луковка* и *Кана Галилейская*, в которых дарована надежда на божий мир каждому, кто готов покаяться. Во сне Алеша на его удивление Зосима говорит:

Тоже, милый, тоже зван и призван... (...) Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... (Достоевский, 1976, с. 327).

Артем также совершает и добрые поступки, но всегда находит им рациональное объяснение, не заключает в них смысл жертвенного добра. Думая, что он человекобог, герой переживает драму вечной тоски, сиротства, одиночества вне Бога, оказываясь всего лишь обычным человеком, как и переживающий трагедию разрушения собственной идеологии Родион Раскольников в *Преступлении и наказании* (1866 г.) Ф. М. Достоевского. Отец Иоанн заключает:

Только обида и сердечное смятение, вместо того, чтоб покаяться – и если не за те грехи, что вменили нам неразумные судьи, так за другие»; а далее Сивцев: «За свой грех не всякий раз накажут, можно и за чужой пострадать, видать, очередь дошла! (Прилепин, 2015, с. 145; с. 487).

В этих словах и соборное понимание греха, и евангельский посыл, использованный и Достоевским, из обращения Иисуса к книжникам и фарисеям, приведшим к Нему блудницу и ожидавшим осуждения: «Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8, 7). Интересен факт, что это книга *Евангелия от Иоанна*, – также зовут и героя романа отца Иоанна. Так, еще одной особенностью поэтики романа Прилепина становится использование модифицированных кодов культуры разной степени узнаваемости.

В образе отца Иоанна, проповедующего о вере и Боге, прочитываются черты старца Зосимы Достоевского. Герой Прилепина, как и его литературный предшественник, несет в мир не совсем канонические принципы веры, приближая идеалы Христа к жизни. Отец Иоанн говорит:

Сердце, если ищет, – найдет себе приют в любви распятого за нас, а когда ноги босые и стынет поясница – тут далеко не убежишь, – отец Иоанн засмеялся, Василий Петрович подхватил смех, и Артем тоже улыбнулся: не столько словам, сколько очарованию, исходящему от каждого слова владычки (Прилепин, 2015, с. 44).

Это именно он говорит, что «адовы силы и советская власть не всегда одно и то же», а все страдания приносит сам человек, истязая своих близких. Несколько с утраченным оптимизмом замечает отец Иоанн о происходящем: «Будет великое чудо, если советская власть переломит все обиды, порвёт все ложные узы и сможет построить правильное общежитие!» (Прилепин, 2015, с. 159). Но надежны об устроении нового храма веры не оправдались. Священник призывает к покаянию, повторяя свои слова в разных вариантах: «Но самый худший запах, милый, идет от нераскаянного греха! Его смыть тяжелее всего!» (Прилепин, 2015, с. 146) Старец Зосима гласит такие же истины:

Только бы покаяние не оскудевало в тебе – и все бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простили господь воистину кающемуся. Да и совершив не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь»; «Греха своего не бойтесь, даже и сознав его, лишь бы покаяние было, но условий с богом не делайте»; «Возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской (Достоевский, 1976, с. 48, с. 149, с. 290).

В данном случае возможно также и не прямое отношение к творческому наследию Достоевского, но варьирование традиционных мотивов культуры. Карамазовское звучит в словах Галины:

Тут все говорят, что невиновны – все поголовно, и иногда за это хочется наказывать: я же знаю их дела, иногда на человеке столько грязи, что его закопать не жалко, но он смотрит на тебя совсем честными глазами. Человек – это такое ужасное (Прилепин, 2015, с. 718).

Именно о таком человеко-звере, но более глубоко, говорит Иван Карамазов:

…Зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это и умеет. Ему и в голову не вошло бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать»; «Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию (Достоевский, 1976, с. 217).

Но если Иван Карамазов в поисках справедливости пытается вернуть Богу билет, отец Иоанн подставляет вторую щеку любви и прощения, как и Зосима, хотя сталкивается с непониманием окружающих: «У него попадью красноармейцы снасилиovalи – а он все про общежитие рассказывает!» (Прилепин, 2015, с. 159). В мысли героя Прилепина также вложена философия Ивана Карамазова: «Как же люди могут полюбить Бога, если он один знает все про твою подлость, твое воровство, твой грех?» (Прилепин, 2015, с. 182). Ср. у Достоевского: «Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда» (Достоевский, 1976, с. 216). Герой ищет рациональное оправдание греховности, справедливость, не принимает *Евангелия*, которое ему желает подарить отец Иоанн. Для Артема «...каждый человек носит на дне своем немого ада: пошевелите кочергой – повалит смрадный дым» (Прилепин, 2015, с. 486). У Достоевского Дмитрий Карамазов не так категоричен: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Достоевский, 1976, с. 100). Достоевский здесь открывает христианское миропонимание. Литературовед Т. А. Касаткина замечает: «Поскольку свободная воля принадлежит в этом мире человеку, именно он оказывается творцом своего ада или своего рая, освещая мироздание багровым огнем или сияющим светом. Так осознается тема ада и рая на земле Ф. М. Достоевским в 1860-е годы» (Касаткина, online). Герой же Прилепина на всех этапах движется к духовному падению и саморазрушению.

После революции 1917 года в России начинается политика атеизации, что ведет к осквернению святынь, которые заменяются в тюрьмы, склады, учреждения. Также функции тюрьмы исполняет московский Новоспасский монастырь, в котором пребывала до амнистии младшая дочь известного писателя А. Л. Толстая (1884–1979 гг.), представленный в романе *Дочь* (1979 г.). Книга является мемуарным свидетельством эпохи лагерей, которая на несколько лет предшествует событиям, описанным Захаром Прилепиным. В этой же книге изображено отсутствие уважения даже к мертвым, могилы которых разграблены, что также будет отмечать и В.Т. Шаламов (1907–1982 гг.) в *Колымских рассказах*

(1954–73 гг.). Прилепин использует код лагерной прозы и историзм, точно также отражая ситуацию:

Через час всякий памятник раскурочивали уже без почтения и пощады, поднимали с краем, тащили, хрюплю матерясь, и бросая как упадет»; «ни мертвым, ни живым... покоя большаки... не дают (Прилепин, 2015, с. 35). Через разрушения надгробий, осквернение могил также вводится мотив безбожия: «Мертвым кресты не нужны, кресты нужны живым – а для живых тут родни нету. Мы безродные теперь» (Прилепин, 2015, с. 36). Заключенный чеченец, представитель мусульманской веры, замечает: «Нету больше вашего Бога у вас – какой это Бог, раз в него такая вера!» (Прилепин, 2015, с. 37)

Эти слова звучат уже в начале романа, а по мере разворачивания сюжета их смысловое наполнение лишь усиливается. Ближе к финалу уже и священное место в храме заменяется на нечистое и оскверненное: «Параша имелась в месте Святого жертвовника – кадка с доской» (Прилепин, 2015, с. 506).

Разрушителем веры, истинным убийцей Бога, «князем» соловецкого ада предстает начальник лагеря Эйхманис, который, с одной стороны, заботится об иконах, церквях, культурном наследии, а с другой, является духовным разрушителем, воплощением антихриста, сверхчеловеком романного пространства. Это он произносит следующие слова: «И если батюшка говорит, что советская власть – от Антихриста, – а они говорят это неустанно! – значит, никакого социализма в этой деревне, пока стоит там церковь, – мы не построим!» (Прилепин, 2015, с. 277). Критик Д. Быков Эйхманиса и называет главным героем романа: «Именно Эйхманису доверено в романе озвучить заветную мысль, почерпнутую у Горького: Соловки – не тюрьма, а лаборатория. Здесь переплавляются негодные человеческие остатки, выковывается новый человек – а то и сверхчеловек; это заветная горьковская идея – и не только в 20-е, когда классик посетил Соловки, а и в самые что ни на есть боязливые времена, когда те самые знаменитые бояки становятся первыми гражданами нового человечества» (Быков, 2014). Этот герой является главным идеологом, реальной исторической фигурой с необычайной карьерой и персонажем романного пространства, воплощением сверх силы и власти. Он противопоставлен интеллигенции, которая исторически боролась за народ, но так и не стала его частью, о чем рассуждает в романе Мезерницкий, а большое теоретическое обоснование дал еще Ф. М. Достоевский в *Дневнике писателя* за 1876 год, говоря о почвенничестве. Так, в октябрьском номере автор писал:

Наша оторванность именно и началась с *простоты взгляда одной России на другую*. Началась она ужасно давно, как известно, еще в Петровское время, когда выработалось впервые необычайное упрощение взглядов высшей России на Россию народную, и с тех пор, от поколения к поколению, взгляд этот только и делал у нас, что упрощался» (Достоевский, 1981, с. 144). Народ же веровал в Бога так, как он Его понимал, грешил и каялся без идеологических обоснований. Но поверил большевикам, ибо они «дают веру народу, что он велик (Прилепин, 2015, с. 319).

Ложная вера, однако, разрушает образ того «народа-богоносца», о котором писал Достоевский: «...не утерян у нас на Руси образ «лучшего человека», но, напротив, воссиял светлее, чем когда-нибудь, и податель его, хранитель и но-

ситель его, есть именно теперь простой народ русский...» (Достоевский, 1981, с. 162). Утопические взгляды Достоевского показали совсем иные черты народа в новых исторических условиях. И это уже была не лаборатория изготовления нового человека, «это цирк в аду», – по словам персонажа Василия Петровича, добродушного и вежливого интеллигента в настоящем времени романа, но белогвардейского карателя – в прошлом. Действительность сыграла шутку и в мире жертв, и в мире палачей, когда одни заменяли других на пути создания уже реальности антиутопии. Политические деятели, названные в романе «полубогами», исчезали, а их место занимали новые. Такой цикл подтверждала повторяющаяся веками история Соловецкого монастыря, куда, как через Стикс, дорога была только в одну сторону: «Режущие других на части помнят, что их тоже могут разрезать и засолить в соловецком море» (Прилепин, 2015, с. 492). Жертвы и палачи соединяются в дихотомических образах романа через историческое переплетение одних и других, порождая сложный русских характер, о котором в уже упомянутом интервью говорит и сам Прилепин:

За исключением окончательных скотов и насильников, людей, вышедших уже за все пределы, все остальные люди несут в себе все зачатки смертных грехов и все возможности для того, чтобы быть светлым, милосердным и добрым (Захар Прилепин о новой книге «Обитель», online).

Даже Эйхманис, образ- воплощение системы, временами предстает в маске добра. Но именно в нем можно отметить пересечение изображения характера с образом Лужина из *Преступления и наказания*, который хочет купить Дуню Раскольникову за обещание помочи семьи. Также и Эйхманис говорит дочери одного из заключенных: ««Выйдешь за меня замуж – отца немедленно отпускаю!» А отец только три месяца отсидел из пяти своих лет. Она тут же отвечает: «Выйду, согласна, только отпустите папашу!» (Прилепин, 2015, с. 433). Пример истинно христианской жертвы во имя спасения ближнего, с одной стороны, и проявление неограниченной власти, определяющее всяких ценностей, с другой.

Поэтика романа характеризуется насыщенностью мотивами, их вариантами, целыми сериями и клубками. Таким, типичным для лагерной литературы, является мотив смерти:

Здесь люди – у-ми-рают! Каждый день кто-то умирает! И это – быт Соловецкого лагеря. Не трагедия, не драма, не Софокл, не Еврипид – а быт. Обыденность! (Прилепин, 2015, с. 324).

Именно смерть становится определителем для всех заключенных, о ней не говорят, но мыслят и наблюдают. Она будто витает над Артемом, для образа которого использован мотив критической границы через рефрен: «Не по плису, не по бархату хожу... а хожу-хожу по острому ножу...». Дмитрий Яковенко замечает:

«Обитель» хочется сравнивать с «Зоной» Сергея Довлатова: отстраненное саркастическое наблюдение за происходящим в лагерном периметре очень даже подходит той форме, которую выбрал себе Прилепин. Отличие Довлатова-вохровца от Горяинова-заключенного

в том, что последний – персонаж типично прилепинский: резкий, хамоватый, горластый, не сидящий на месте, даже когда все в его лагерной жизни налаживается. К тому же и на-прочь лишенный чрезмерной склонности к рефлексии (Яковенко, 2014, online).

Путь же восхождения возможен через жертвенность и покаяние. Именно поэтому дорога падшего грешника Артема достигает кульминации в карцере на Секирной горе: «Каждый лагерник знал, что Секирная гора – это почти что смерть; но не самая смерть же» (Прилепин, 2015, с. 502). Это лагерная Голгофа, путь к которой также лежит вверх, необходимо восхождение, а на горе стоит храм Вознесения. Батюшка Зиновий замечает, что истинный ад находится не здесь, не в мире жертв, а в мире палачей, здесь же можно только страдать и умирать, достигая Бога. А владычка Иоанн подчеркивает: «Христос пришел спасти не праведников, а грешников. Церковь Христова вся состоит из одних грешников» (Прилепин, 2015, с. 558). Так тема воскресения героя варьируется в названных мотивах. Литературовед В. Е. Ветловская, анализируя теории мотива А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, Б. В. Томашевского, Б. М. Гаспарова и пр., пришла к заключению: «Мотив, как видим, нельзя свести к отдельным словам и предложениям. Он подразумевает слова и предложения вместе (и только вместе!) с той или иной их смысловой направленностью, с той или иной тематической соотнесенностью, которая каждый раз выводит на свет лишь определенные их значения» (Ветловская, 2002, с. 102). Именно в таком понимании и используются мотивы в романе Прилепина. На Секирной горе звучат слова о страстях Христовых, которые герой слышит, будто отовсюду, они не исходят от конкретного лица, как будто принадлежат самому Богу:

“...воскрес Господь – и вся подлость и низость мирская обречены на смерть...”, “...весь сильная Десница...”, “...мы не достойны мук Христа, но...” “...Недостойны, но... недостойны, но...” – повторял Артем (Прилепин, 2015, с. 511).

Это противопоставление может материализоваться лишь в условиях жертвы себя Богу. Неслучайно именно здесь упомянуты и первые русские православные святые Борис и Глеб, которые принесли мученическую жертву во имя веры. Но в романе Прилепина происходит традиционная для его поэтики смысловая замена места: «В церкви многие кашляли, кто-то подывал от холода, кто-то плакал, кто-то молился – стоял неумолчный гул, как в предбаннике преисподней» (Прилепин, 2015, с. 515). Двойственность топоса («церковь / «преисподня») переплетена и с двойственностью характеров персонажей, которые и отражают, и утрачивают образ Бога в себе через грех (жертва / палач). Владычка Иоанн продолжает проповедь: «Сказано было: кто оберегает свою жизнь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою жизнь ради Господа нашего – тот сбережет ее» (Прилепин, 2015, с. 520). В этих словах очевидна модификация стиха из все того же *Евангелия от Иоанна*, который Ф. М. Достоевский взял в качестве эпиграфа к *Братьям Карамазовым*:

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24) (Достоевский, 1976, с. 5).

Священник пытается дать герою *Евангелие*, но тот не принимает этот дар веры. С другой стороны, фрагмент за фрагментом Артем открывает закрашенную фреску. Это открытие образа Бога внутри себя. Автор прямо на это указывает: «...изображенный на росписи человек был бы очень похож на него самого» (Прилепин, 2015, с. 522). Но это только внешнее сходство, духовность героя так и остается закрытой.

Еще одним смыслообразующим элементом произведения становится мотив страдания, через которое проходят все герои всех книг лагерного цикла. Сопутствующим мотивом страдания становится мотив еды, что также отмечается во всей лагерной литературе. Например, В. Т. Шаламов многократно повторяет мотив сна, в котором появляется еда: «Я спал и по-прежнему видел свой постоянный колымский сон – буханки хлеба, плывущие по воздуху, заполонившие все дома, все улицы, всю землю» (Шаламов, 1978, с. 140). Этот же прием использует и Прилепин: «Артем заметно похудел, начал видеть еду во сне, постоянно искал запах съестного и остро его чувствовал, но молодость еще тянула его, не сдаваясь» (Прилепин, 2015, с. 24). Но если у Шаламова трагедия человека представляется со всей силой через психологизм изображения, то у Прилепина описания создаются с приключенческим драматизмом, читатель будто бы знает, что герой мастерски выйдет из любой ситуации, что, как замечает и сам автор, характеризует произведение как плутовской или приключенческий роман. Сны героя при этом являются чертой метатекстуальности поэтики романа, но заключают в себе достаточно прозрачные и легко прочитываемые символы. Таким же выглядит увлечение героя Прилепина литературой: «Журナルные стихи, какими были они ни были, Артем заучивал наизусть – и повторял их про себя иногда, сам не очень понимая зачем» (Прилепин, 2015, с. 27). Герой не понимает смысла, тогда как Евгения Гинзбург в *Крутом маршруте* видит в поэзии возможность выжить, не сойти с ума (см. подробнее: Гинзбург, 2018, с. 1002). Это путь героини по кругам ада жизни, в романе Прилепина все пережитое героем выглядит, скорее, как некое приключение, что в контексте исторической действительности создает эффект частичного правдоподобия изображения.

Главный женский образ в поэтике романа разрушает русскую литературную традицию женщины-жертвы (за исключением, например, отмеченного выше), основанную на христианских началах Богородицы. Галия лишь усугубляет духовное падение героя, которым она пользуется только из-за отверженности Эйхманисом. Неслучайно одна из встреч Гали и Артема происходят в сгоревшей церкви: «На стенах еще сохранились росписи: то одним, то другим глазом смотрел из разных углов Христос, бороды торчали клоками, розовая пяточка младенца отчетливо была видна» (Прилепин, 2015, с. 379). Эта «розовая пяточка младенца», как луковка Достоевского, последняя надежда на спасение души грешника, выжженного дотла пламенем греха. Но жертва Гали так и не оказывается спасением героя, их отношения выстраиваются исключительно на эросе, ведущему к танатосу. Миф о сотворении Соловков, рассказанный Афанасьевым, говорит о первых жителях островов – местных Адаме и Еве, – но именно в женщине монахи увидели угрозу, за что ангелы ее выпороли именно на Секирной горе (отсюда ее название) – и та покинула остров. Афанасьев заключает, «...что на...

Соловках шутки с бабами плохи» (Прилепин, 2015, с. 528). Именно женщина стоит у истоков греха героя: Артем убил собственного отца, застав его с любовницей: «Мне было не так обидно, что он с ней... Ужасно было, что он голый... Я убил отца за наготу» (Прилепин, 2015, с. 462). Эта нагота будто открывала то, что показывать никак нельзя. И это становится препятствием на пути встречи с матерью, которая приезжает в лагерь. Это еще один образ женской жертвенности в романе. И только такая жертвенность предстает настоящей: «Мать добрей Бога – кого бы не убил ты, она так и будет ждать со своими теплыми руками» (Прилепин, 2015, с. 540). Именно такой и предстает архетипический литературный образ матери в *Хождении Богородицы по мукам*, воспроизведенный позже в главе *Великий инквизитор* Иваном Карамазовым у Достоевского.

Лагерная баня, ставшая символом ада у Достоевского в *Записках из мертвого дома*, повторяет данную коннотацию и в романе Прилепина, но через иное событийное наполнение:

Внутри раздавались тягостные женские стоны, как будто каждую крыл не мужской человек, а черт с обугленными черными яйцами и бычым раскаленным удом – тонким, длинной в полтора штыка, склизко выползающим откуда-то из глубин живота, полного червей и бурлыкающего смрада (Прилепин, 2015, с. 474).

Как в этом фрагменте, так и в ряде иных также проявляются еще и такие черты поэтики романа, как вульгарность, порнографичность, признаки фекальной прозы, в чем Прилепин обращается к традициям натурализма Эмиля Золя и авторам постмодернизма. Является ли это необходимым элементом построения текста – вопрос спорный, так как, например, Е. Гинзбург в *Крутом маршруте* и другим авторам удается этого избежать без ущерба для структурно-смысло-вой канвы произведения. В данном случае писатель будто осознанно подыгрывает современному массовому читателю.

Именно через топос Секирной горы Прилепин снова напрямую обращается к Достоевскому:

Ты замечал, Тема, что у Достоевского – все самоубийцы на букву с... сэ? Свидригайлов, Смердяков, Ставрогин? Я эту букву что-то выговаривать разучился. Сэ – как луна. Помиди фамилии Дос... стоевского торчала она и затягивалась на шее у него. Свистела на ухо... сатанинская свара... сладострастная стерва... и соленые сквозняки... серп рассек сердце... и смерть... и с... Секирка (Прилепин, 2015, с. 530).

Для названных героев Достоевского самоубийство – результат невозможности обретения Образа Бога в себе, что, однако, удается самому писателю, который признавался в уже хрестоматийной фразе: «через большое горнило сомнений моя осанна прошла». Герой же Прилепина так и остается в «горниле сомнений», бунта против Бога. В этом же контексте автор вводит в роман аллегорическое сравнение:

Соловки – ветхозаветный кит, на котором поселились христиане. И кит этот уходит под воду. И черная вода смыкается у нас над головой. Но, пока хоть одна голова возвышается над черной водой, – есть возможность спастись остальным бренным телам... (Прилепин, 2015, с. 539–540).

Так, ветхозаветный кит, который проглотил Иону за неповиновение Богу, выплевывает его, когда в пророке снова пробуждается вера и тот начинает молиться: «Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святаго Твоего» (Иона 2: 8).

Тема воскресения героя постоянно возвращается, будто пульсирует в романе, раскрывается через алломотивы. Данный термин раскрыл Б. Н. Путилов: «Любой элемент мотива способен к заменяемости, к вариативности, и при этом происходит не разложение, а возникновение новых алломотивов со своими содержательными оттенками и даже иными смыслами и вновь возникающими сюжетообразующими возможностями» (Путилов, 1992, с. 81). Таким алломотивом становится детство, в которое герой переносится через воспоминания, оно и является потерянным раем грешного взрослого человека. Но для любого грешника вера не утрачивается, пребывает в сомнениях, а ее алломотивом становится распятье: «В гробовой тьме распятый Христос на медном крестике качается как на качелях» (Прилепин, 2014, с. 541).

Вера раскачивается в герое, образ Христов прорывается из глубины души, но во время исповеди Артем не раскаивается вслух ни в одном грехе, хотя признается в каждом из них. Нет раскаяния – нет и причастия, «Божественного пира», на котором во сне Алеша Карамазов встречается со старцем Зосимой в главе *Кана Галилейская*. Герой Прилепина понимает невозможность обретения Образа Бога – и тогда уничтожает очищенную на стене фреску, стирая и расцарапывая фрагменты лица и выдалбливая глаза. Осквернение фрески вызывает всеобщее возмущение, говорят, что «креста на нем нет» (ср. с осквернением иконы в *Бесах Достоевского*):

Нераскаянный!.. – вскрикивал Зиновий. – Гниешь заживо... Злосмрадие в тебе – душа гниет!.. Маловер, и вор, и плут, и охальник – выплюну тебя... ни рыба ни мясо – выплюну! (Прилепин, 2014, с. 570).

Ср. с обращением к Ангелу Лаодикийской Церкви в *Откровении* Иоанна Богослова: «...знаю твои дела; ты не холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергнут тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15–16). Позже герой видит видение, в котором ему является ангел, обещающий, что все будет хорошо. Но даже чудо не пробуждает веры: «...сроду Артем ни в чем не раскаивался, и умения этого не имел, и слова, которые неведомо как запомнил наизусть, не значили для него ничего» (Прилепин, 2014, с. 669). Однако завершается роман вполне по-достоевски – однозначного отказа герою в воскресении нет, ему даруется надежда:

Скоро раздастся звон колокола, и все живые поспешат за вечерний стол, а мертвые присмотрят за ними. Человек темен и страшен, но мир человечен и тепел (Прилепин, 2014, с. 746).

Как видно, поэтика романа Захара Прилепина *Обитель* обнаруживает ряд принципов изображения: исторические, литературные, культурные параллели, их модификации с разной степенью узнаваемости («унаследованные схемы» – в понимании А. Н. Веселовского), типические и архетипические характеристики

стики, коды и мотивы, двойственность характеров и мест, интертекстуальность (особенно заметна связь с творческой системой Ф. М. Достоевского и библейскими текстами) и метатекстуальность, тяготение к документальности (факты, биографизм, публицистичность), динамика сюжетного построения через диалоги и композиционную активность, множество алломотивов, играющих особую роль в структурно-смысловой организации произведения, стилистические тропы и фигуры отсылают к традициям натурализма, вульгарности и порнографии. Все это говорит об эпической форме с чрезвычайно сложной организацией изображения. Хотя текст и обладает такой чертой, как литературность, а это означает, что связи с иными текстами достаточно прозрачны, все же роман Прилепина является самостоятельным и завершенным произведением, но с явными признаками массовой литературы.

Литература

- Барт, Р. (1994). *Смерть автора*. В: *Избранные работы: семиотика: поэтика*. Москва: Прогресс.
- Бердяев, Н. А. (2015). *Русская идея*. Санкт-Петербург: Азбука; Азбука-Аттикус.
- Быков, Д. (2014). Захар Прилепин справился с задачей исключительной трудности. *Новая газета: культура*. 17 мая 2014. Online: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/05/17/59585-replava-pereplava> (29.07.2018).
- Ветловская, В. Е. (2002). *Анализ эпического произведения: проблемы поэтики*. Санкт-Петербург: Наука.
- Викторович, В. А. «Записки из мертвого дома»: начало русской лагерной прозы. Online: http://magisteria.ru/dostoevsky/the-house-of-the-dead/?utm_medium=social&utm_source=VK.Com%20%230&utm_campaign=21448 (06.08.2018).
- Гинзбург, Е. (2018). *Крутой маршрут: хроника времен культа личности*. Москва: АСТ.
- Достоевский, Ф. М. (1972). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4*. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1976). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14*. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1981). *Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23*. Ленинград: Наука.
- Захар Прилепин о новой книге «Обитель». *Правда 24*. Online: <https://www.youtube.com/watch?v=qD3UEeefD3I> (06.08.2018).
- Захаров, В. Н. (2012). *Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты*. Москва: Индрик.
- Прилепин, Захар (2014). Новый роман «Обитель». *Свободная пресса. Нижний Новгород*, № 45 (2186), 25 апреля 2014 г. Online: <http://svpressa-nn.ru/2014/323/zahar-prilepin-novyj-roman-obitel.html> (29.07.2018).
- Касаткина, Т. А. Рай и ад в произведениях Ф. М. Достоевского 1860-х годов. *Россия и христианский восток*. Online: http://ros-vos.net/christian-culture/lit_prav/duh_poisk/dostoevsky/19/ (29.07.2018).
- Лахманн, Р. (2011). *Память и литература: интертекстуальность в русской литературе XIX–XX вв.* Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис».
- Прилепин, З. (2015). *Обитель: роман*. Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной.
- Прилепин, З. (2012). Письмо товарищу Сталину. *Свободная пресса*. 30 июля 2012. Online: <http://svpressa.ru/all/article/57411/> (29.07.2018).
- Путилов, Б.Н. (1992). *Веселовский и проблема фольклорного мотива*. В: *Наследие Александра Веселовского: исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука.

- Роман «Обитель» Захара Прилепина.* Online: <https://www.mskagency.ru/materials/2514643> (29.07.2018).
- Соловки-энциклопедия. Международный дайджест-проект.* Online: http://www.solovki.ca/writers_023/bykovDmitry.php (29.07.2018).
- Фрейд, З. (1995). *Достоевский и отцеубийство.* В: *Художник и фантазирование.* Москва: Издательство «Республика».
- Фруменков, Г. Г. (1965). *Узники соловецкого монастыря.* Архангельск: Северо-Западное книжное издательство. Online: http://lib.ru/HISTORY/FRUMENKOW/uzniki_monastyrya.txt (29.07.2018).
- Шаламов, В. (1978). *Колымские рассказы.* Лондон: Overseas Publications Interchange.
- Яковенко, Д. (2014). «Не по плису, не по бархату хожу». *Эксперт*, № 22 (901). 26 мая 2014. Online: <http://expert.ru/expert/2014/22/ne-po-plisu-ne-po-barhatu-hozhu/> (29.07.2018).

RECEPCJA LITERATURY
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ
RECEPTION OF LITERATURE

ROZMOWA O SZCZEŚCIU NIKOŁAJA KARAMZINA I JEJ POLSKI PRZEKŁAD

MAGDALENA DĄBROWSKA

Uniwersytet Warszawski

Wydział Lingwistyki Stosowanej. Instytut Rusycystyki
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>
(nadesłano: 13.07.2018; zaakceptowano 31.08.2018)

Abstract

Nikolay Karamzin's *Conversation about happiness* and its Polish translation

The paper consists of two parts: 1. A presentation of the sketch *Conversation about happiness. Philalet and Melodor* (Moscow 1797) in the context of Nikolay Karamzin's journalistic work, prose and poetry (the sketches *Melodor to Philalet* and *Philalet to Melodor*, *On the happiest lifetime*, *The letters of the Russian voyager*, *To Dmitryev...*) and the reception of the West-European literature in Russia; 2. An analysis of the Polish translation of the *Conversation about happiness* (an annex to *Some thoughts on the human iniquities...* by Sylwester Wężyk Groza, Vilnius 1840) from a literary and historical perspective. The *Conversation about happiness* is a philosophical work and it serves a moralizing function in Groza's publication.

Key words

Enlightenment, Nikolay Karamzin, *Conversation about happiness*, dialogue, reception, translations, Sylwester Wężyk Groza, philosophy, moralism.

Abstrakt

Artykuł składa się z dwóch części: 1. Omówienie szkicu *Rozmowa o szczęściu. Filalet i Melodor* (Moskwa 1797) w kontekście całokształtu publicystyki, prozy i poezji Nikołaja Karamzina (szkice *Melodor do Filaleta* i *Filalet do Melodora*, *O najszczęśliwszym okresie życia; Listy podróznika rosyjskiego; Do Dmitrijewa...*) i rosyjskiej recepcji literatury zachodnioeuropejskiej, 2. Rozpatrzenie z perspektywy historycznoliterackiej przekładu na język polski *Rozmowy o szczęściu* (aneks do zbioru Sylwestra Wężyka Grozy *Myśli niektóre nad zdrożnościami ludzkimi...*, Wilno 1840). *Rozmowa o szczęściu* jest utworem filozoficznym, w publikacji Sylwestra Wężyka Grozy pełni funkcję moralizatorską.

Słowa kluczowe

Oświadczenie, Nikołaj Karamzin, *Rozmowa o szczęściu*, dialog, recepcja, przekład, Sylwester Wężyk Groza, filozofia, moralizatorstwo.

Szkice *Melodor do Filaleta* oraz *Filalet do Melodora* (*Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору*, 1795), *Rozmowa o szczęściu. Filalet i Melodor* (*Разговор о счастьи. Филалет и Мелодор*, 1797) i *O najszczęśliwszym okresie życia* (*О счастливейшем времени жизни*, 1803) Nikołaja Michajłowicza Karamzina (1766–1826) tworzą, według określenia Grigorija Makogonienki, oświadczenieowy traktat filozoficzny o szczęściu, wyrosły z doświadczeń autobiograficznych i odzwierciedlający ewolucję poglądów pisarza w latach 1793–1803 (Макогоненко, 1984, s. 406 [kommentarze]). Na jego powstanie i wymowę rzuca światło korespondencja Karamzina z poetą Iwanem Dmitrijewem, przede wszystkim list z 18 stycznia 1798 roku, w którym autor nie tylko powiadomił o napisaniu *Rozmowy o szczęściu*, ale także – jakby wbrew późniejszym badaczom, widzącym w niej wypowiedź filozoficzną – podkreślił swój sceptyczny stosunek do wszelkich teorii filozoficznych, argumentując to tym, że życie ludzkie toczy się własnym rytmem, wymykającym się próbom teoretyzowania (*Письма Н.М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*, 1866, s. 91). W *Rozmowie o szczęściu* Karamzin jawi się jako publicysta i filozof, gdy tymczasem był również poetą lirycznym, prozaikiem w mistrzowski sposób wypowiadającym się zwłaszcza w małych formach prozatorskich (opowieści), wydawcą i tłumaczem, reformatorem rosyjskiego języka literackiego, wreszcie historiografem.

Przedmiotem rozpatrzenia w niniejszym artykule stanie się właśnie *Rozmowa o szczęściu*, ujmowana w kontekście całokształtu spuścizny Karamzina ze szczególnym uwzględnieniem pozostałych części owego „traktatu o szczęściu” oraz z perspektywy polskiej recepcji. Mimo iż w jego drugiej części będzie mowa o przekładzie, nie oznacza to, że wpisuje się on w nurt badań translatorycznych. Uwagi o takim charakterze odegrają tylko pomocniczą rolę w procesie odtworzenia okoliczności zaistnienia tego mało znanego szkicu Karamzina na gruncie polskim.

U genezy wszystkich wymienionych utworów legło doświadczenie rewolucji francuskiej, której początki pisarz widział na własne oczy w czasie podróży po Europie w la-

tach 1789–1790 i potem opisał je w *Listach podróźnika rosyjskiego* (*Письма русского нынешественника*). Bezpośrednią odpowiedź na wypadki we Francji stanowią *Melodor do Filaleta i Filaret do Melodora*, nazwane przez Jurija Łotmana „rozmyślaniami historyczno-politycznymi w dwóch listach” (Łotman, 1997, s. 227)¹. W przekonaniu Makogonenki, tytułów Melodor i Filaret występują nie jako dwie różne postaci, lecz jako „głosy duszy” samego Karamzina: (...) strapionego i skłopotanego Karamzina starego i Karamzina nowego, poszukującego nowych, odmiennych od wcześniejszych ideałów życiowych, próbującego znaleźć wyjście z sytuacji, która wstrząsnęła całą Europą” (Макогоненко, 1984, s. 23–24). „O wieku Oświecenia, nie poznaję cię – we krwi i płomieniach nie poznaję cię – pośród zabójstw i zniszczeń nie poznaję cię” – pisze Melodor do Filaleta, przypomniawszy uprzednio ich niedawne wspólne rozważania o porządku świata i prawości człowieka: „czy pamiętasz, jak zestawiając ze sobą różne czasy, stare z nowymi, szukaliśmy i odnajdywaliśmy dowody miłej dla nas myśli, że ród ludzki wznosi się i chociaż powoli, chociaż nierównym krokiem, ale nieprzerwanie zbliża się do doskonałości duchowej?, (...) kto bardziej od nas sławił wartości wieku osiemnastego: światło filozofii, złagodzenie obyczajów, subtelność rozumu i uczucia (...) itd. itd.” (Карамзин, 1984d, t. 2, s. 178–179). Przejście od optymizmu do pesymizmu czy raczej, według sugestii Łotmana, od „połączenia optymizmu teoretycznego z praktycznym pesymizmem” (Łotman, 1997, s. 228), jak można odczytać słowa Melodora o niepewnym kroku ludzkości na drodze ku doskonałości, dokonało się w sposób gwałtowny i, zdawać by się mogło, nieodwracalny. Poczynając od szkicu *Filaret do Melodora*, negatywne nastroje zaczynają stopniowo słabnąć, wypierane przez ostrożną wiarę w człowieka i możliwość osiągnięcia szczęścia. Rewolucja francuska była jednym z dwóch wydarzeń, o zupełnie różnym charakterze, które podebrały przeświadczenie intelektualistów oświeceniowych o porządku świata. Drugim (a chronologicznie pierwszym) było trzęsienie ziemi w Lizbonie w 1755 roku, do którego Karamzin pośrednio odniósł się w szkicu *O moskiewskim trzęsieniu ziemi 1802 roku* (О московском землетрясении 1802 года) (Домбровска, 2017, s. 11–20).

Melodor do Filaleta i Filaret do Melodora mają formę listów: nadawca pierwszego jest adresatem drugiego i na odwrót. Rozmowę o szczęściu wypełnia dialog postaci o tych samych imionach (wymienionych w podtytule), rozpoczęty oraz zakończony przez Filaleta i składający się z trzydziestu dziewięciu jego wypowiedzi oraz trzydziestu siedmiu wypowiedzi Melodora. Wymiana listów (*Melodor do Filaleta, Filaret do Melodora*) i rozmowa (*Rozmowa o szczęściu*) odbywa się z udziałem wyraziciela prawdy i pieśniarza, na co wskazują ich imiona (o greckim pochodzeniu). Albo inaczej, jak proponuje Łotman: „dialog toczy się między filozoficzną i poetycką naturą ludzkiej osobowości” (Łotman, 1997a, s. 230). Ostatnie ognisko traktatu – *O najszczęśliwszym okresie życia* – opiera się na tradycyjnej narracji pierwszoosobowej. Karamzinowi nie była już wtedy potrzebna konfrontacja punktów widzenia, która zadecydowała o wyborze formy dialogowej w dwóch poprzednich ogniwach. Niemniej pierwiastek dialogowy jest obecny także w tym utworze za sprawą polemiki prowadzonej z Jeanem-Jacquesem Rousseau, Aleksandrem Pope i Gottfriedem Wilhelmem Leibnizem, przede wszystkim jednak – od pierwszego zdania – z Ciceronem jako autorem dialogu *Katon*

¹ Tu i dalej, o ile nie podano inaczej, przekład własny – M. D.

Starszy o starości (zob. Dąbrowska, 2016, s. 47–58; por. Kowalski, 2011, s. 119–131). W *Melodorze do Filaleta i Filalecie do Melodora* problem szczęścia jest jedynie zaznaczony, w dwóch następnych utworach wysuwa się na plan pierwszy: o ile *Rozmowa o szczęściu* zawiera próbę odpowiedzi na ogólne pytanie, czym jest szczęście, podjętą przez pesymistę Melodora i optymistę Filaleta, o tyle szkic *O najszczęśliwszym okresie życia* wypełniają rozważania nad tym, kiedy w życiu ludzkim przypada okres największego szczęścia. Jeżeli Ciceron dostrzegał wartość w każdej fazie życia, łącznie ze starością, i nawoływał do pełnego ich wykorzystania, to Karamzin pełnię szczęścia widział w dojrzałości, gdy „wszystkie zdolności duchowe działają w swej pełni, a siły fizyczne jeszcze znacząco nie osłabły” (Карамзин, 1984b, t. 2, s. 204). Dialog Cicerona jest „pochwałą wieku późnego” i jednocześnie „skierowaną do siebie konsolacją” (Stabryła, 1995, s. 18), *Rozmowa o szczęściu* to pochwała późnej dojrzałości. Swoje stanowisko w tej sprawie Karamzin wyraził w dalszej części przywołanego na początku listu do Dmitrijewa, kiedy stwierdził, że „nie chciałby dożyć starości”, gdyż „lepiej jest żyć niedługo, ale umrzeć dobrze, czyli spokojnie, cicho, bez wielkiego cierpienia” (*Письма Н. М. Карамзина..., 1866*, s. 91).

Wracając do kwestii umiejscowienia utworów składających się na „filozoficzny traktat o szczęściu” w całokształcie spuścizny pisarza rosyjskiego, można dodać, że korespondują one z wieloma jego dziełami, zarówno prozatorskimi, przede wszystkim *Rycerzem naszych czasów* (Рыцарь нашего времени, 1793), jak i poetyckimi, by wymienić chociażby wiersz *Do Dmitrijewa w odpowiedzi na jego wiersz, w którym żali się na krótkotrwałość szczęśliwej młodości* (Послание к Дмитриеву, в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости, 1794). W Leonie, bohaterze *Rycerza naszych czasów*, Natalia Koczetkowa dostrzegła cechy Melodora z *Rozmowy o szczęściu* (Кочеткова, 1984, s. 98). Wiersz *Do Dmitrijewa...* oraz szkice *Melodor do Filaleta i Filalecet do Melodora* Łotman uznał za kluczowe utwory drugiego tomu almanachu „Agłaja” („Аглай”), odsłaniające utratę wiary w człowieka i świat (Лотман, 1997b, s. 323). Za Anatolijem Priedieczenskim warto przypomnieć, że pesymistyczny wydźwięk miały również pochodzące z tego samego okresu wiersze Karamzina *Do Aleksandra Aleksiejewicza Pleszczejewa* (Послание к Александру Алексеевичу Плещееву, 1794) oraz *Do samego siebie* (К самому себе, 1795) (Предтеченский, 1961, s. 74).

Rozmowa o szczęściu trafiła do rąk czytelników w wydaniu książkowym w 1797 roku w Moskwie (Карамзин, 1797). W przekładzie polskim znalazła się w zbiorze *Myśli niektóre nad zdrożnościami ludzkimi...,* wydanym w Wilnie w 1840 roku, jako, zgodnie z określeniem w podtytule, „dodatek” do niego ([Wężyk Groza, 1840], s. 95–120)². Za wydaniem zbioru stał Sylwester Wężyk Groza (1793–1849), pisarz pochodzący z Podola, starszy brat Aleksandra, bardziej od niego znanego literata, poeta, autor powieści obyczajowych *Powieść podolsko-ukraińska, wzięta z rzeczywistych obrazów* (1842), *Pan Justynian żeniący się* (1846) i *Hrabia Ścibor na Ostrowcu* (1848), wydawca *Pamiętników i wspomnień rozmaitych* (1848), tłumacz dzieł księdza Hugues-Félicité-Roberta de Lamennaisa i badacza starożytności Edwarda Eichwalda, korespondent Józefa Ignacego Kraszewskiego, wreszcie współpracownik „Athenaeum”, w którym ogłosił fragment

² Książkę wydrukował Józef Zawadzki.

Hrabiego Ścibora na Ostrowcu i przekład pracy Eichwalda *O starożytnych siedzibach plemion słowiańskich...* (zob. Śliwińska, Stupkiewicz, 1968, s. 438–439; por. Heleniusz, 1876, s. 286–287). Nazwisko Karamzina jako autora *Rozmowy o szczęściu* zostało wymienione w tekście głównym zbioru (w zapisie: Karamzin). Strona tytułowa *Myśli niektórych nad zdrożnościami ludzkimi...* zawiera wskazanie na czas ich powstania („pisano przed r. 1831”) oraz motto (słowa włoskiego pisarza Silvio Pellico: „Aby kochać ludzkość, potrzeba umieć patrzeć bez zgorszenia się na jej słabości i jej wady”) ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. nlb.*). Omawianymi „zdrożnościami” ludzkimi są rozpusta, chciwość, skłonność do luksusu, pieniactwo i niesprawiedliwość, którym poświęcone zostają osobne rozdziały w części głównej. Za słownikiem Samuela Bogumiła Lindego pod „zdrożnością” należy rozumieć „sprawę zdrożną, niedorzeczną, niedorzeczność, błędność”, a przymiotnik „zdrożny” jako „z drogi wybaczający, od drogi odprowadzający” (Linde, 1860, t. 6, s. 994). Przywołanie hasła ze słownika Lindego jest w tym kontekście zasadne, gdyż cytuje je również sam redaktor tomu, w ten sam sposób wyjaśniając, czym jest jedna ze „zdrożności” – lubieźność („sklonność do rozmazy, upodobanie w lubnych zmysłach rzeczach, zmyślność” (Linde, 1855, t. 2, s. 669; por. [Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. 30*). Rozdziały – noszące tytuły *O lubieźności, O chciwości, O zbytku, O pieniactwie i O niesprawiedliwości* – poprzedza wykaz źródeł, obejmujący dwanaście pozycji, będących, jak czytamy, „pomimo innych, szczególnie przydatnymi”, oraz artykuł wstępny pod tytułem *Myśli niektóre* ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. nlb.*). Na źródła składa się dziewięć pozycji obcych (przetłumaczonych na język polski) i trzy rodzime: wśród pierwszych znajdujemy głosną rozprawę Monteskiusza *O duchu praw, do drugich należą Teoria Jestestw organicznych Jędrzeja Śniadeckiego* (1804, t. 1), *Nauka obyczajowa o obrzydzeniu występków, wad, przesądów, a zamiłowaniu prawdy, cnoty, przymiotów towarzyskich do kształcenia młodzieży na dobrych ludzi, obywatele i urzędników stosowana Andrzeja Markiewicza* (1810) oraz *Porządek fizyczno-moralny, czyli Nauka o należytościach i powinnościach człowieka wydobytych z praw wiecznych, nieodmiennych i koniecznych przyrodzenia* Hugo Kołłątaja (1810, t. 1). Przypisy autorskie do wstępnych *Myśli niektórych* wskazują na to, że do pracy nad zbiorem Groza wracał po wymienionym na stronie tytułowej roku 1831: w jednym z nich przyznał, że „przed wydaniem na świat tego pisma doszła do rąk [jego – M. D.] książka o charakterach rozumów ludzkich [tj. *Charaktery rozumów ludzkich* – M. D.] Michała Wiszniewskiego r. 1837 w Krakowie wydana” ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. 14*). Zbiór, mający charakter kompilatorski, powstał w celach moralizatorskich, głównie z myślą o młodzieży: „przez łagodne przestrogi, niewinną od zepsucia ochronić (...) lub nadwątloną, na drogę naprowadzić cnoty” ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. 7*). Autor wychodził z założenia, iż „każdy człowiek ma w sobie zaród złych i dobrych skłonności”, czego powinien mieć świadomość i z tą świadomością winien zwalczać pierwsze, bowiem „z wszystkich zwycięstw nie masz świętniejszego, jak zwycięstwo nad własnymi zdrożnościami” ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. 11; 12*). Każdy z pięciu rozdziałów, poświęconych wadem, które „szczególniej serca ziomków (...) ogarnęły” ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre..., s. 29*), ma taką samą budowę: otwiera go motto wprowadzające w tytułowy temat, główną część tworzą rozważania teoretyczne z przywołaniem literatury przed-

miotu, całość zamyka opowieść fabularna, historia kogoś lub czegoś jako ilustracja wyłożonych treści.

Rozmowa o szczęściu Karamzina jest zatem jedyną pozycją w zbiorze Sylwestra Węzyka Grozy o konstrukcji dialogowej, skłaniającą do zastanowienia, czym jest dialog: wydarzeniem komunikacyjnym, strukturą sytuacyjną, relacją międzypodmiotową czy formą językową? (Stoff, 2010, s. 305), czy też, co wydaje się w danym przypadku właściwą odpowiedzią, wszystkim tym jednocześnie? Znalezienie się utworu o strukturze dialogowej na warsztacie tłumacza nasuwa od razu jeszcze jedną refleksję teoretyczną, mianowicie odsyła do pracy Dereka Attridge'a o „jednostkowości literatury”: skoro „jednostkowość dzieła literackiego powstaje dzięki jego istnieniu jako serii określonych słów w określonym porządku”, który „może obejmować przestrzegany układ strony albo użycie pauz i innych środków artykulacji w mowie” (Attridge, 2007, s. 97, 107), to przed tłumaczem dzieła w formie dialogu stoją większe wyzwania niż przed tłumaczem dzieła o dowolnej innej formie, dialog ma bowiem swoją dramaturgię, wynikającą z następstwa replik i ich tonacji uczuciowej.

Jeśli potraktujemy *Rozmowę o szczęściu* jako środkowe ognisko większej całości, traktatu o szczęściu w trzech częściach, to w sposób naturalny nasunie się pytanie, czy tak samo widział ją redaktor *Myśli niektórych nad zdrożnościami ludzkimi...*, lub czy w ogóle wiedział o istnieniu pozostałych części? Do udzielenia odpowiedzi twierdzącej nie ma podstaw. W polskim zbiorze *Rozmowa o szczęściu* Karamzina występuje jako pozycja jednostkowa, nie zaś część większej całości. W wyniku tego zatarł się kontekst rewolucji, kluczowy przy odczytywaniu *Melodora do Filaleta* i *Filaleta do Melodora*, nie do uchwycenia stała się ewolucja poglądów na świat, zarysowująca się wyłącznie w procesie lektury wszystkich trzech utworów. Polski czytelnik nie miał więc świadomości przynależności *Rozmowy o szczęściu* do owej większej całości. W zamian otrzymywał jednak coś innego, mógł dostrzec bowiem korespondowanie tego utworu Karamzina z innymi – usytuowanymi przed nim – częściami składowymi *Myśli niektórych nad zdrożnościami ludzkimi...*, w których poruszony został temat szczęścia. Na plan pierwszy wysuwa się wśród nich zabarwiony stoicyzmem wiersz Walentego Górkiego (*Grunt trwałej szczęśliwości we wnętrzną spokojność...*), przytoczony we fragmencie w rozdziale O chciwości ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre...*, s. 47 (O chciwości)). Polski poeta uczy, że warunkiem osiągnięcia szczęścia jest zachowanie spokoju, pisarz rosyjski dopowiada, iż „być więc szczęśliwym, jest to być wiernym wykonawcą mądrych przepisów natury, a jako te odnoszą się do powszechnego dobra, i są przeciwne złemu; tak być szczęśliwym jest to jedno, co być dobrym” ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre...*, s. 120 (*Rozmowa o szczęściu. Przekład z Karamzyna*))). Jest to puenta *Rozmowy o szczęściu*. Jak widać, poszczególne rozdziały zbioru przygotowując grunt pod *Rozmowę o szczęściu*, która z kolei zamyka skupione wokół problemu szczęścia linie tematyczne zbioru, stawia „kropkę nad «i»”.

Jeżeli spojrzymy na *Rozmowę o szczęściu* jako na samodzielnią całość, to znowu okaże się, że pewne treści przekazywane przez autora znieksztalciły się, zatarły czy wręcz zgubiły pod ręką tłumacza. Widać to już na samym początku utworu, gdy Filaleet stwierdza, że wystarczyło mu kilka minut, by dostrzec zadumanie Melodora; tymczasem polski tłumacz „od kilku minut” zmienia na „od dawna” (por. Karamzin, 1984c, t. 2, s. 190; ([Węzyk Groza, 1840], *Myśli niektóre...*, s. 95 (*Rozmowa o szczęściu*).

*Przekład z Karamzyna)), co powoduje modyfikację relacji czasowych, sugeruje czytelnikowi, że poglądy Melodora są trwałe, zakorzenione i ugruntowane, a co za tym idzie, że dialog postaci rozwinie się raczej według logiki sprzeczności niż logiki zgody (por. Tokarz, 2010, s. 271). Nie ta jednak różnica między oryginałem a tłumaczeniem jest najważniejsza. Polski tłumacz potraktował utwór Karamzina z dużą swobodą, co oznacza, że wprawdzie zachował konstrukcję dialogową, rozpisanie na głosy Filaleta i Melodora (u niego: Filoleta i Meliodora), poczynając od pierwszej – zacytowanej – wypowiedzi Filaleta, a skończywszy na monologu tegoż, zakończonym – również zacytowaną – puentą, ale pominął niektóre partie dialogu, powodując rozmycie się jego dynamiki i utratę pewnych kontekstów interpretacyjnych. Więcej niż z tłumacza było w nim bowiem z moralisty i to z moralisty stawiającego sobie za cel stworzenie jasnego, czytelnego przekazu, wolnego od skomplikowanych struktur myślowych i dodatkowych punktów odniesienia (por. Kowalczyk, 1977, s. 9–10). Innymi słowy, jego czytelnik miał nie tyle zastanawiać się, nad tym, co ma przed oczyma, ile po prostu przyjąć to do wiadomości, a to, o czym czytał, miało stanowić przejrzysty wykład zasad moralnych. Stąd tłumacz opuścił partie, które mogłyby wywarzyć negatywny – jeśli nawet nie deprawujący, to przynajmniej nieugruntowujący zasad moralnych – wpływ na czytelników. Do takich należał opis zakochanych pastuszków, osadzony w konwencji sielankowej, który zastąpił wskazującym właśnie na ową literacką sferę ich „funkcjonowania” komentarzem: „zostawiam mówcom i poetom obronę i pochwałę miłości, powiem o innych skłonnościach...” ([Wężyk Groza, 1840], *Myśli niektóre...*, s. 103 (*Rozmowa o szczęściu. Przekład z Karamzyna*)). Tą „inną skłonnością” stała się chciwość, której w zbiorze poświęcił, jak wiemy, osobny rozdział. Jest to jeden z dowodów na to, że w *Rozmowie o szczęściu* następuje wspomniane wcześniej „domknięcie” tematów podjętych w poprzednich częściach *Myśli niektóre nad zdrożnościami ludzkimi...* Wśród fragmentów pominiętych z powodu zbytniego, zdaniem tłumacza, „obciążenia intelektualnego” znajduje się porównanie Melodora do Don Kichota: w oryginale czytamy, że Melodorowi „znudziło (...) się być Don Kichotem, uganiać się za wyimagnowaną Dulcynę, za pustym marzeniem i śmieszyć ludzi oziębłych (...) placząwymi westchnieniami” (Karamzin, 1984c, t. 2, s. 190), w przekładzie zaś odwołanie do bohatera Cervantesa zostaje opuszczone i padają tylko słowa Melodora o tym, że „dość się uprzykrzyło [mu – M. D.] upędzać za tą próżną marą” ([Wężyk Groza, 1840], *Myśli niektóre...*, s. 98 (*Rozmowa o szczęściu. Przekład z Karamzyna*)). Ogólny wydźwięk deklaracji postaci zostaje więc w przekładzie zachowany, ale bez „zaangażowania” dodatkowego kontekstu. Pominięcie porównania z Don Kichotem oznacza jednak, że został utracony związek z innymi dziełami Karamzina, w których pojawiał się obraz Don Kichota z całym bogactwem jego symboliki. Za Natalią Koczetkową warto przypomnieć raz jeszcze, że Leon z *Rycerza naszych czasów* ma cechy Melodora z *Rozmowy o szczęściu* (zob. Kocetkowa, 1984, s. 71–99). Znaczący jest również sam tytuł tego utworu – *Rycerz naszych czasów*, jeśli przypomnimy, że na deklarację Melodora Filalet odpowiedział: „jest to dola wszystkich rycerzy na świecie” (Karamzin, 1984c, t. 2, s. 190).*

Utwory Nikołaja Karamzina były tłumaczone na język polski od 1798 roku (przekład *Julii*, uważny za utracony, ale odnotowany przez bibliografów Karola Estreichera (Estreicher, 1903, cz. 3, t. 8(19), s. 109) i Stiepana Ponomariowa (Пономарев, 1883,

passim)) lub od 1802 roku (wydanie w Wilnie przekładu Ignacego Buysona pierwszej części *Listów podróznika rosyjskiego*). *Rozmowa o szczęściu* reprezentuje publicystykę pisarza, zróżnicowaną wewnętrznie, a w tym przypadku mającą zabarwienie filozoficzne. Niemniej, co należy jeszcze raz podkreślić, tłumacz postrzegał ten utwór wyłącznie jako część zbioru *Myśli niektóre nad zdrożnościami ludzkimi...* i ten punkt wiedzenia przekazywał czytelnikowi.

Bibliografia

- Attridge, D. (2007). *Jednostkowość literatury*. Przeł. P. Mościcki. Kraków: Universitas.
- Cyceron, Marek Tuliusz (1995). *Katon Starszy o starości*. Przeł. W. Klimas. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Dąbrowska, M. (2016). Młodość i starość (według Nikołaja Karamzina). *Slavica Wratislaviensis*, t. 163 (*Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*, t. 12). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, s. 47–58.
- Estreicher, K. (1903). *Bibliografia polska*. Cz. 3. T. 8 (19). Kraków: Spółka Księgarzy Polskich.
- Heleniusz, E. [Iwanowski, E.] (1876). *Wspomnienia lat minionych*. T. 1–2. Kraków: [nakł. aut.].
- Kowalczyk, W. (1977). O polskich tłumaczeniach utworów Mikołaja Karamzina. *Slavia Orientalis*, nr 1, s. 9–10.
- Kowalski, H. (2011). Spokój czy smutek? Koncepcja starości w pismach Marka Tulliusza Cycerona. *Vox Patrum*, t. 56 (31), s. 119–131.
- Linde, S. B. (1855). *Słownik języka polskiego. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone*. T. 2. Lwów: starańiem i nakładem Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. [wyd. 3 fotooffs. – 1951: Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy].
- Linde, S. B. (1860). *Słownik języka polskiego. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone*. T. 6. Lwów: starańiem i nakładem Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. [wyd. 3 fotooffs. – 1951: Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy].
- Stabryła, S. (1995). *Wstęp*. W: Cyceron, Marek Tuliusz. *Katon Starszy o starości*. Przeł. W. Klimas. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Stoff, A. (2010). *O personalistycznym paradoksie dialogu*. W: Krajewska, A., Ulicka, D., Dobrowolski, P. (red.). *Dramatyczność i dialogiczność w kulturze*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, s. 305–315.
- Śliwińska, I., Stupkiewicz, S. (red.) (1968). *Bibliografia literatury polskiej: Nowy Korbut*. T. 7 (*Romanizm*). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Tokarz, B. (2010). *Od dialogu do transgresji*. Krajewska, A., Ulicka, D., Dobrowolski, P. (red.). *Dramatyczność i dialogiczność w kulturze*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, s. 269–282.
- [Wężyk Groza, Sylwester] (1840). *Myśli niektóre nad zdrożnościami ludzkimi z dodatkiem Rozmowy o szczęściu przez S.W.G. Wilno: w drukarni Józefa Zawadzkiego*, s. 95–120.
- Домбровска, М. (2017). Заметка Н. М. Карамзина „О московском землетрясении 1802 года” в структуре „Вестника Европы”. W: Dohnal, J. (red.). *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel)*. Brno: Tribun EU, s. 11–20.
- Карамзин, Н. М. (1797). *Разговор о счастии. Филалет и Мелодор*. Москва.
- [Карамзин, Н. М.] (1866). *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*. Санкт-Петербург.
- Карамзин, Н. М. (1984а). *Сочинения в двух томах*. Т. 1–2. Ленинград: Художественная литература.

- Карамзин, Н. М. (1984б). *О счастливейшем времени жизни*. В: Карамзин, Н. М. *Сочинения в двух томах*. Т. 2. Ленинград: Художественная литература, с. 204–206.
- Карамзин, Н. М. (1984с). *Разговор о счаствии*. В: Карамзин, Н. М. *Сочинения в двух томах*. Т. 2. Ленинград: Художественная литература, с. 190–203.
- Карамзин, Н. М. (1984д). *Мелодор к Филалету*. В: Карамзин, Н. М. *Сочинения в двух томах*. Т. 2. Ленинград: Художественная литература, с. 178–183.
- Кочеткова, Н. Д. (1984). „*Исповедь*” в русской литературе XVIII в. В: Прийма, Ф. Я. (ред.). *На путях к романтизму*. Ленинград: Академия наук СССР. Институт русской литературы, с. 71–99.
- Лотман, Ю. М. (1997а). *Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии*. Санкт-Петербург: Искусство – СПБ.
- Лотман, Ю. М. (1997б). *Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803)*. В: Лотман, Ю. М. *Карамзин: сотворение Карамзина: статьи и исследования 1957–1990: заметки и рецензии*. Санкт-Петербург: Искусство – СПБ, с. 312–348.
- Пономарев, С. (1883). *Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине: к столетию его литературной деятельности (1783–1883)*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Предтеченский, А. В. (1961). *Общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина в 1790-х годах*. В: Берков, П. Н. (ред.). *Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века*. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, с. 63–78.

KOMPARATYSTYKA LITERACKA
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE LITERARY STUDIES

ОБРАЗЫ ПОЛЯКА И БЕЛОРОУСА-ЛИТВИНА В МНОГОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛАРУСИ XIX СТОЛЕТИЯ

НАТАЛЬЯ БАХАНОВИЧ

Национальная академия наук Беларуси

Институт литературоведения

Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы

ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь

e-mail: Natali_ja@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9360-6455>

(получено 1.09.2018; принято 14.09.2018)

Abstract

Image of Poles and Byelorussian-Lithuanians in multilingual literature of Belarus in 19th century

In this paper the imagological aspect of the 19th century multilingual literature of Belarus is investigated. The author analyzes the auto-image (the self-presentation of Belarusian-Lithuanians) as well as the hetero-image (the re-creation of the nearest geographical neighbors – the Poles). Attention is focused on the motifs and stereotypes about the Other, related to the common historical past of the Belarusian and Polish ethnic groups and the tasks facing their ancestors in the period under review.

Key words

Imagology, image, stereotype, Byelorussian, Pole, Lithuanian.

Резюме

Многоязычная литература Беларуси XIX ст. исследуются в имагологическом аспекте: анализируются представленные в ней автообраз – самопрезентация

белорусов-ливтинов, и гетерообраз – воссоздание ближайших географических соседей – поляков. Внимание акцентируется на распространенных в искусстве слова мотивах и стереотипах о Другом, специфика которых связана с общим историческим прошлым белорусского и польского этносов и задачами, стоящими перед нашими предками в рассматриваемый период.

Ключевые слова

Имагология, образ, стереотип, белорус, поляк, литвин.

“Имагология”, “имагологичный” – сравнительно новые термины в литературоведении, поэтому их содержание и статус еще нельзя назвать прозрачными и определенными, но междисциплинарность этой области знаний свидетельствует о ее широких эвристических возможностях. Образ Другого существует в сознании народа как элемент его собственного мировоззрения и участвует в формировании представлений про конкретную для данной группы людей реальность, что выглядит возможным только при условии наличия и осмыслинности образа Своего. Другой не может существовать до той поры, пока не появится сам реципиент вместе со свойственным ему ощущением, видением и пониманием себя. Поскольку человек воспринимает мир бинарно, наблюдает и взаимозависимость этих процессов: образ себя окончательно оформляется только с осознанием отличия от Другого. Поэтому имагология оперирует понятиями автообраза и гетерообраза, составляющими ее теоретическую основу и направляющими ученого к одновременному поиску и себя, и Другого, а также Чужого. Причем, “если «Другой» – форма принятия и согласия на отличие, то «Чужой» – форма обособления, а часто и агрессии. Граница между «чужим» и «другим» достаточно тонка и изменчива” (Мельникова, 2016, с. 86), – отмечает Анжела Мельникова.

Давно замечено, что “важную роль в восприятии той или иной страны и народа играют топологические факторы: близость / пограничность / дальность. Часто близость и пограничность усиливают остроту восприятия «других», даже соседей, близких по своим корням...” (Земсков, online). Именно поэтому из разнообразного круга Других зачастую наиболее интересен тот, кто географически находится рядом, являясь в одинаковой степени и родственным, и далеким. В истории белорусского народа случилось так, что географически близкий Другой входил с ним в одну страну, что накладывает отпечаток на рецепцию образа, потому что государство как общая родина создает основание для более тесного взаимодействия этнических групп в своем составе. На протяжении всего XIX ст. в белорусской и польской литературе продолжали фигурировать мысли о возобновлении Речи Посполитой, поэтому специфика образа Другого в данном случае обусловливается не только географическими, но и культурными, и государственно-политическими факторами.

За период своего существования народ, за которым в XX ст. окончательно закрепилось название “белорусы”, имел разные наименования, среди которых были как этнонимы, так и политонимы. Их содержание на протяжении формирования нашего этноса как нации не единожды изменялось; но рассуждение сквозь призму этих наименований является обязательным, потому что процесс самопознания белоруссов в XIX ст. готовил возрожденческий подъем начала следующего столетия. Перед нашими предками стояла задача “разобраться в себе” как сущностно – с точки зрения генезиса, так и политически. Ответы на существовавшие вопросы позволили бы определиться с перспективами исторической поступи целого народа, который постепенно переходил от “литвинского”, через “русинскость” и “польскость”, через легендарную “тутэйштесь”, наконец, к “белорускости”. Возникла историческая необходимость отделения себя от польского этноса, поэтому рассмотрение в многоязычной литературе Беларуси XIX ст. образов поляков (“короняжей”) в соотнесении с белорусами (“литвинами”) с точки зрения региональных (бытовых, внешних, духовных и культурных) отличий и стереотипов находится в центре работы.

Имагологи расходятся во мнениях на тему того, входит ли в их компетенцию ответ на вопрос о степени истинности или лживости сформированных в искусстве слов образов-репрезентантов Другого. Для одних это является обязательным (Виктор Хорев), других этот вопрос вовсе не интересует (Валерий Трыков, Виктор Земсков). В настоящее время актуализируется совершенно иной аспект данного вопроса, касающийся общей направленности гуманитаристики на пользу человека и общества. Разговор все чаще ведется про особенную моральную ответственность ученого, в том числе и компаративиста: она заключается в недопустимости фальсификации, скороспелых выводов, проявлений гордыни, так как только исследование с позиций любви к человеку позволит не создавать кумиров и рассматривать все народы и литературы как достойные и равные (Мусиенко, 2013, с. 101; Навойчык, 2015). Акцент смещается с выяснения истинности или лживости выявленного в произведениях отношения к представителю иного мира на понимание причин и следствий как негативных, так и позитивных характеристик, сохранение уважения и такта в интерпретациях.

Знаменитое самоопределение наших предков как *gente lituanus, natione polonus* часто присутствует на страницах многоязычной литературы Беларуси XIX ст. Позиционирование себя в качестве поляка особенно характерно, когда разговор ведется о политических задачах, которые стояли перед представителями интеллектуальной элиты. Ян Ходзько в комедии *Освобожденная Литва*, где в связи с ожиданием прихода Наполеона на наши земли доминирует пафос надежды на возвращение былой страны, представляет героев, гордящихся своей “польскостью”. На этом основании дочь пана Тарговицкого Констанция отказывается быть женой офицера русского войска:

І скажу васпану шчыра: не хачу я замуж.
Полька я, інакшай мэтай сэрца апантана,
Вельмі розныя ў нас з панам цноты і заганы.
(Ходзька, 2012, с. 79)

Она держится с достоинством и называет себя полькой в первую очередь исходя из государственно-политических и гражданских интересов, например, объясняет свой отказ Ступайло в свете того, что, как представительница Польши, является носителем другой морали и внутренних установок, нежели он сам. Соответственно польским происхождением обусловлено и то, что сердце девушки принадлежит известному военными заслугами сыну пана Почтивского Казимиру. С ним она ведет разговор иначе, но также с гражданской позиции:

Полька я, таму ў сябры мужных выбіраю,
Мусіш, рыцар, завяршыць вызваленне краю.
Гонар страчаны вярні новай перамогай,
Па ачышчанай зямлі – шчаснае дарогі.
А тады вяртайся зноў, як сонца зazzяе.
Ведай, што цябе даўно каханне чакае.

(Ходзька, 2012, с. 86)

Во время самопрезентации героя политоним уступает место этоному при смене ракурса представления: когда разговор ведется про обычную человеческую жизнь с ее бурными событиями, пребывание на территории былой Речи Посполитой и взаимодействие между разными этническими группами в ее составе и т.д. При этом наименования “лях”, “литвин”, “поляк”, “русин”, “белорус” далеко не всегда приобретают этнический колорит, часто фигурируя в качестве только региональной отметки, определения по признаку местожительства. Например, в стихотворении Франтишка Рысинского на отвлеченную экзистенциальную тематику именно так может быть объяснено появление образа “Ляха”:

Tak też ów Lach,
Co niósł śmierć, strach,
Kark przed nim giął,
To go też wziął.

(Хаўстовіч, 2014, т. 1, с. 40)

Наименование “лях” всегда употреблялось при обозначении жителей западнославянских племен, а с течением времени – поляков, причем в этническом значении. Николай Хаустович комментирует представленный в стихотворении образ: “Политические, патриотические и национальные взгляды лирического героя в поэзии Ф. Рысинского почти не выявляются. Так, в стихотворении *Recepta na jedną sylabę* как про что-то отдельное от себя поэт говорит про Lacha. Правда, он не ассоциирует себя и с тем, “ко го [Lacha] wziął” (Хаўстовіч, 2014, т. 1, с. 22). В художественном сознании Франтишка Рысинского демаркация разных этнических групп в составе былой Речи Посполитой не окрашивается некоторым специфическим смыслом и выступает скорее как топонимический признак.

Литературные тексты показывают, что региональные отличия могут служить основанием и для попыток размежевания представителей разных народов некогда единой страны с позиции уровня жизни и бытового устройства. Рассказ Габриэли Пузыни *Месть литвинки* с подзаголовком “правдивое происшествие” свидетельствует о существовании в окружении поляков стереотипного представления о былых великорусских территориях. Оно возникло из-за факти-

ческого, в противовес юридическим договоренностям, отношения этнических поляков к землям, присоединенным к ним в конце XVI ст., как к “кресам” – не-коему географическому придатку своей страны, а не политически равноправному государству.

Упомянутое произведение целиком посвящено развенчанию стереотипа о том, что польская аристократия пренебрежительно и предвзято относилась к белорусско-литовской шляхте:

Мы не ведаем, чаму прыпісаць, што з нейкай пары панове варшавянне сталі менш даймаць літвінаў бацвіннем і казаць, што ў Літве цемна, халодна, нудна і брудна? У дзяцінстве, будучы ў Варшаве, надарылася мне чуць падобныя жарты, якія для сэрца літвінкі (што ўспрымала ўсе даслоўна) былі дужа балочымі! И толькі цяпер з-за перамены думкі варшавян той боль крыху ўлагодзіўся. Літва для Варшавы доўга была тым, чым дагэтуль была Гасконія для парыжан і чым, на жаль, Жмудзь была для літвінаў: гэта значыць, аб'ектам кпінаў альбо здзіўлення, калі хто-небудзь з той гучнай і дзікай правінцыі аказваўся разумнейшим за того, хто яго высмеяўваў.

(Пузыня, 2011, с. 17)

В рассказе Габриели Пузыни варшавяне демонстрируют вильнянам не только свою отдельность, но и как будто бы приоритет, противопоставляя общий уровень жизни и, как результат, своеобразный духовный облик аристократии. Героиня с мужем часто бывала в Варшаве и слышала там фантастические рассказы про первобытный быт и нецивилизованность литовской шляхты. “Достойная литвинка” мечтала развенчать эти мифы, поэтому, когда граф Л., громче всех смеявшийся над ними, решил навестить родню “в провинции”, она использовала представившуюся возможность. Тщательно продуманная встреча гостя проходила соответственно его преувеличенным представлениям: проблемы с транспортом, убогий внешний вид хозяев, прием гостя в курной крестьянской избе (незамысловатая посуда и простая еда) воздействовали на деликатного графа. Когда же ему предложили импровизированную постель на сене, он принял решение покинуть родственников.

Далее мистификация раскрылась, а герой признал свою вину и то, что заслужил “науку”, которую прошел у родственницы. В результате он провел полгода в литовском замке,

а калі вярнуўся да Варшавы, то, чуючи кпіны з Літвы, станавіўся на яе абарону і расказваў пра помсту літвінкі.

(Пузыня, 2011, с. 21)

В среде поляков восприятие литвинов как провинциалов, в жизни и быте которых все организовано на порядок ниже, – этнический стереотип. Он представляет собой набор разрозненных черт, которые тяжело сложить в реальный живой образ; однако этого и не требуется, так как “негативные черты “чужих” (Они-этноса) призваны оттенять позитивные черты Мы-этноса” (Чернявская, online), – отмечает Юлия Чернявская. Габриэля Пузыня с удовольствием демонстрирует это и приведенной историей, и полными самоуважения мыслями рассказчицы:

Не ходзіць тут аб tym, каб панове варшавянне так кепска думалі пра Літву, як дазвалялі сабе з яе кіпць. Усе-ткі з геаграфії і статыстыкі яны добра ведалі пра малую розніцу клімату паміж Каралеўствам і Літвой. Вільня ж наогул славілася ўніверсітэтам, да якога Валынь, Падолле і Украіна, нават Каралеўства выпраўлялі сваю моладзь па навуку. Ужо глас песняра з-над Немана і Віліі сцвердзіў перавагу шаляй рамантызму над класіцызмам, а стырно варшаўскага ўрада хто ж трymаў які ні Літвін?

(Пузыня, 2011, с. 17–18)

В рассказе *Месть литвинки* присутствует пассаж на тему свойственного литвинам настолько сильного чувства собственного достоинства, что оно не требовало подтверждений:

Пляткарылі, аднак, супраць Літвы, абы пляткарыць, бо так было модна, бо хтосці гэтаму папляскваў; а, можа, і таму, што самаўпэўненая літвіны слаба бараніліся.

(Пузыня, 2011, с. 17)

Согласно взглядам писательницы, этнические белорусы выглядят как народ, помнящий о бессмертной славе Великого Княжества Литовского и снисходительно относящийся к иронии. Насмешливая же “поза” “короняжей”, в свою очередь, следует из неудовлетворенности тем, что именно на белорусско-литовских землях живут знаменитые шляхетские роды Речи Посполитой, что как раз в так называемой польской провинции находятся богатейшие имения страны. И в культурном отношении эта географическая территория с ее сложной, но интересной историей и богатым духовным наследием содействовала возникновению славянского романтизма в лице мэтра Адама Мицкевича и его знаменитых сподвижников филоматов и филоретов. Неудивительно, что в стихотворении *К Адаму Мицкевичу* – поэтическом подарке “вещу” с Литвы – Габриэля Пузыня выражает чувство общности с романтиком именно на основе их этнической родственности:

Песня, дарункам свайго краю
Выказаць табе хачу павагу,
Я Ліцвінка, да цябе спяваю,
Бо зямляцства мне дае адлагу.

(Пузыня, 2012, с. 972)

Про рассказ Габриели Пузыни Ирина Богданович говорит: “С виртуозным рассказчицким мастерством она разворачивает сюжет, в котором можно заметить биографические черты” (Багдановіч, 2011, с. 15). Исследовательница ставит Габреэлю Пузыню в белорусской литературе рядом с Владиславом Сыракомлем и Винцентом Дуниным-Мартинкевичем и называет свою работу по переводу на белорусский язык рассказа и исследованию ее творчества в целом “возвращением в литературу графини-аристократки” (Багдановіч, 2011, с. 16). С точки зрения тематики произведение является знаковым для нашей литературы: очевидны его паралели с будущей *Идиллией* Винцента Дунина-Мартинкевича, где подобной героине демонстрировать красоту своих земель, доказывать их самоценность придется не кому иному, как ее уроженцу. Шляхтиц пан Летальский долго путешествовал по зарубежью и стал другим и даже Чужим основной массе автохтонного населения белорусско-литовской территории.

Традиционным в художественной литературе XIX ст. стал сюжет, согласно которому в Польское Королевство литвины ездят для того, чтобы отыскать там жену. На этом основана “литовская баллада” Адама Мицкевича *Три Будрыса*, которая посвящена далеким временам – периоду правления Ольгерда, Скиргайлы и Кейстута. В произведении отец провожает в помошь литовским князьям троих сыновей для участия в войне. Сын, который поехал воевать с “ляхами”, получил дополнительное задание – привезти оттуда жену, потому что, как впоследствии выясняется, сама мать братьев тоже была родом из Польши:

Бо з нявольніц мне толькі
Спадабаліся полькі, –
Так панадны мне стан іх дзяўочы,
Твар іх бела-ружовы,
Як смоль, чорныя бровы,
Як дзве зоркі, іх свецацца вочы.
Маладым чалавекам
Я адтуль прад паўвекам
Сабе вывез палячку за жонку;
Хоць яе пахаваў я,
Ўсе яшчэ ўспамінаю,
Калі гляну я ў туёу старонку.

(А. Мицкевич, *Тры Будрысы*)

В счастливом finale произведения Адама Мицкевича отец вынужден готовить свадьбу для всех троих сыновей, потому что неожиданно все они вернулись домой с польскими девушкиами.

Легенда о том, что за женами литвины ездили в Польшу, находит место и в творчестве Тадеуша Лады-Заблоцкого. Исследователи полагают, что сюжет этой баллады заимствован из *Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси* Матея Стрийковского (Баршчэўскі, Васючэнка, Тычына, 2014, с. 83). В поэме *Ляшка* представлен образ внешне и внутренне красивой молодой девушки, созданный без этнических признаков и сопоставлений. Ее захватил по пути с поля боя представитель вражеской в отношении к ней этнической группы, которого она с ненавистью называет “дзікім Ліцвінам”, “злым д’яблам”. По мерению мужчины, они должны вступить в брак, которой, по мнению героини, станет “кровавым”, ведь герой убивал братьев и отцов будущей жены. Однако он, плененный красотой, совсем не обращает внимание на это, рассчитывая на семейное счастье:

...О Ліцвіне, злы д’ябле!
Твая ступлена шабля
На шчытах маіх браццяў,
І ці ж міласць такая
Кроў праліту сплаціць,
Маю роспач зласкае?”
“Кінь баяцца, дзяўчына,
Калі ў руکі Ліцвіна
З вас трапляе якая,

Найперш плача, нябога,
Потым смех яна знае –
Прывыкае, нічога.

(Лада-Заблоцкі, 2012, т. 3, с. 921)

Поняв, что враг ее не отпустит, умная ляшка с легкостью смогла обмануть Литвина, пообещав продемонстрировать действенность своего уникального оберега от смерти. Желая проникнуть в тайну бессметрия, парень опускает саблю на шею героини и тем самым лишает ее жизни. Образ “ляшки” вызывает симпатию: она не только красивая и умная, но и гордая, непокорная, потому и считает лучшей судьбой принять смерть, нежели жить с врагом своего народа. Трагичен портрет обманутого девушкой воина Литвина, который с сожалением направляется домой, готовый отдать все трофеи за возвращение польской красавицы. Представленные в поэме Тадеуша Лады-Заблоцкого образы этнически не маркированы, но уже только на основании использования этнонимов в качестве имен действующих лиц можно делать выводы относительно некогда воинствующих между собой народов.

Воспетая в поэтических произведениях Адама Мицкевича и Тадеуша Лады-Заблоцкого красота польских женщин, безусловно, затрагивает чувство национального достоинства белорусов-литвинов. Однако следует привести документ XIX ст. *Наставление русского своему сыну перед отправлением его на службу в юго-западные русские области*, где царское правительство при выполнении государственных задач также считает опасными именно полек:

Ты еще молод и, вероятно, вздумаешь когда-нибудь жениться. Держись же крепко за сердце и берегись обольщения какою-либо полькою. В ремесле увлекать едва ли в целом мире найдутся искуснее обольстительных полячек. Они не следуют рабски текущей моде, а заботятся наряжаться только к лицу так, чтобы природная красота их выставлялась поразительнее и чтобы своими ухватками и позами вернее увлекать в свои сети мужчин. Для этой цели они неподражаемо искусно умеют притворяться, играть всякие роли, применительно к характеру и вкусу тех, кого желают прельстить; представляются то меланхоличками, то резвушками, то простодушными и невинными, то будто беспечными и беззаботными. Не верь, русский, этим фокусам-покусам! Все это ловкая игра, все это обман и ложь.

(Горизонтов, 1999, с. 259)

Царские инструкции в период проведения политики обрусения направлены на то, чтобы предупредить возможные смешанные браки с представителями колонизированного народа, но они позволяют верить на слово особенной привлекательности польских женщин.

Еще одной иллюстрацией данного мотива выступает сюжет повести *Тарас Бульба* Николая Гоголя, события которой происходят в XVI ст.: влюбленность в польскую красавицу привела Андрия к измене своему народу. Поддавшись сильному чувству, герой перешел на сторону противника и даже возглавил его ряды, из-за чего был убит собственным отцом.

По мнению переводчика Николая Хаустовича, Игнат Яцковский в романе *Повесть из моего времени* вступает в спор с Адамом Мицкевичем на тему ожи-

даний от прихода Наполеона. Принимая во внимание эту позицию, вероятным можно считать и желание писателя вступить в диалог с романтиком по заявленному “женскому” вопросу. Игнат Яцковский на страницах произведения развивает мысль об особой домовитости великолкняжеских женщин, в связи с чем начинает рассказ про героиню Богусю, которая самостоятельно готовит праздничные блюда к пасхальному столу. Описание молодой девушки как прекрасной хозяйки в произведении плавно перетекает в развернутое сравнение литвинок с польками:

Чаго толькі, Божа ты мой, гэтыя караняжы не нагаворваюць на ліцвінаў, сцвярджаючы, што да іх саміх трэба ездзіць па розум, а на Літву – па грошы. А тут высвятляеца, што калі наш Ягайла ажаніўся з Ядвігаю з Кароны, дык яму было сорамна, што ягоная жонка не мае чым прыніяць у сябе гасцей, бо ў яе – ані аптэчкі, ані вяндліны.

(Яцкоўскі, 2010, с. 164)

Следом за этим уникальным пассажем, в продолжение начатой темы, рассказчик вспоминает легенду о том, как король повез жену в Вильно показать, какие там хозяйки, и научить готовить местные блюда; история повторилась и с другой женой, которую тот возил с этой же целью в Ковно. Противопоставлением литовских и польских женщин по свойственным им кулинарным и вообще хозяйственным способностям автор, возможно, продолжает свой спор с великим романтиком, защищая и возвышая представительниц белорусско-литовской земли. Это свидетельствует об осознании им региональных отличий в бытовой культуре и воспитании, а также о его исключительном “литвинском” патриотизме.

В то же время у Игната Яцковского распространены и характеристики поляков и белорусов-литвинов с позиции их родственности как представителей былой Речи Посполитой. В частности, представляя читателю мастера танцев Пилецкого как “полезного” гостя в любом доме, который с удовольствием исправляет ошибки детей, автор добавляет:

І хоць лічылася, што гэта робіцца задарам, аднак візіты тыя і яму былі больш карыснымі, чым урокі ў мястэчку, бо гэта ў польскай натуры – нам больш падабаецца быць щодрымі, чым выкананыцца сваіх авабяззакаў.

(Яцкоўскі, 2010, с. 76)

Писатель стремится выделить специфику литвинов в ряде ситуаций, например, когда рассказывает про их помощь французам, оставшимся на нашей территории после войны. Однако географическое соседство и продолжительный опыт жизни двух народов в пределах одного государства, как, наверное, и общечеловеческие ценности, далеко не всегда позволяют Игнату Яцковскому отчетливо провести разграничение по этническому признаку.

Літасцівы па сваей прыродзе характар ліцвінаў (ды і ўсей Польшчы) яшчэ больш падмацоўвала думка, што і з нашымі землякамі, крэўнымі альбо дзецьмі дзесьці на чужыне тое саме магло здарыцца. Лес тулягі – вялікае няшчасце, а што казаць, калі яшчэ і пераслед яго гоніць! Таму, не зважаючы на жахлівую пагрозу, не знайшлося на Літве тых, хто б адпрэчыў беднага тулягу, да якой бы нацыі той не належаў.

(Яцкоўскі, 2010, с. 155)

В *Воспоминаниях Соплицы* Генрика Жевусского сопоставление великокняжеских и королевских территорий звучит из уст гавендзяжа, который рассказывает про события исторического масштаба, апеллируя к личности Пане Коханку. Кароль Радзивилл, демонстрируя полученную в наследство от предков ладанку с иконкой, где защита уния Литвы с Короной, делится мнением, какая земля, вместе с ее природой и жителями, лучшая:

Я люблю Карону, пане кахранку, але няма лепш, як наша Літва. Я і ў Кароне маю кавалак зямлі, але д'ябал бы там сядзеў. Там хутчэй кушняра пабачыш, як аб'ездчыка. Мы тут мядзведзяў б'ем, а там аблаваю на перапелак палюоць. У каронцаў суслікі, а тут – тлустая дзічына.

(Жавуски, 2005, с. 73)

По причине территориальной близости и похожести белорусского и польского ландшафта, флоры и фауны, реалистичность таких сравнений сомнительна. Создавая этот стереотип, писатель строил красивый миф об исключительности Родины и сакрализировал ее.

Согласно рассказу, обстоятельства конфликта с виленским бискупом заставили Радзивилла подумать о бегстве в Корону, и с этого момента история будто бы приобрела мистический характер. Магнат уверяет, что, сосредоточившись на молитве, услышал голос самого Бога:

Ен мне ў адказ: “Радзівіле, вяртайся на Літву, бо тут анічога не дасягнеш, тут шляхта гнусная. Ostende patrem patris – гэта філософія валынскае і кіеўскае шляхты, не так, як у нас на Літве, дзе кожны ад продкаў на сваей зямлі сядзіць (бо мая прарабка была ліцвінка). Дык вяртайся на Літву і кланяйся наваградскай шляхце ад мяне.

(Жавуски, 2005, с. 73–74)

Приведенная история может показаться христианскому человеку святотатством: в юмористической манере Кароль Радзивилл рассказывает про свой диалог с самим Богом и даже наличие у них общих корней – литовских. Но так гавендзяж, вслед за магнатом, действиями которого решались важнейшие вопросы государственно-политического масштаба и формировалось общественное сознание, нес службу белорусско-литовской земле.

Описания литвина и поляка как типов в литературе XIX ст. встречаются преимущественно в форме представления отдельных героев, однако на основании их характеристик можно делать выводы о специфических чертах этнических групп. В исторической прозе Юлиана Крашевского Литва и Корона особенно часто разделяются, позиционируются как самостоятельные регионы, населенные разными народами. В романах и повестях писателя обращают на себя внимание замечания следующего содержания:

Свет і Карона польская пазіраюць на радзівілаўскія багацці з асаблівай увагай... (Крашэўскі, 2009, с. 18); але мы хочам, каб ен убачыў Нясвіж і адчуў, што такое літоўскія Радзівілы (*Кароль в Несвиже. 1783*) (Крашэўскі, 2009, с. 21); другое такое адмысловae прыгажосыці ідзі па ўсей Кароне і Літве пашукай, а ня знайдзеш (*Последние минуты князя воеводы (Пане Коханку)*) (Крашэўскі, online) и т.д.

Писатель использует по отношению к героям наименования, данные по признаку происхождения и местожительства: “литвин”, “короняж”, “русин”. Часто именно этноним становится ключевым в характеристике человека, а сущность происхождения служит основанием для недоверия и настороженного отношения. В повести *Последние минуты князя воеводы (Пане Коханку)* Юлиана Крашевского описывается отец красавицы Вавжбувны как обедневший, но родовой литвин:

Бацька стары, сівы, постаць паважная, хоць і ўбогасць засцянковая, а выглядам цягнуў на сенатара. Ен заўседы хадзіў у шарашку, як гэта прынята ў старых ліцьвіноў, у макавым кунтуши. Лоб лысы, валасоў ужо амаль і не засталося, пісяга ад палашап раз увесь чэрап такая, што мала б у ей палец не схаваўся. Відаць змалада сечку любіў.

(Крашэўскі, online)

В данном описании “литовскость” сопутствует шляхетности: они одинаково позиционируются посредством, во-первых, отваги (военное прошлое), во-вторых, фенотипа (врожденное достоинство), в-третьих, самопрезентации (например, одежда). По утверждению Волковой:

“Одежда – это текст, состоящий из знаков и символов. С помощью этого текста люди общаются друг с другом, конструируют свой образ, пытаются достичь определенных целей, удовлетворить какую-то потребность. Одежда дает реальную возможность выразить свою индивидуальность, это Я-образ, который носят на себе. Одеждой человек заявляет о своих привязанностях, поддержке традиций либо об отказе от них. Человек подбирает вещи, которые, с его точки зрения, символизируют то, что он хотел сказать о себе: о своей половой принадлежности, возрасте, доходах, профессии, статусной позиции, вкусах, настроении, принадлежности к какой-либо социальной группе”

(Волкова, 2005, с. 46).

Акцентирование внимания на манере одеваться в белорусской литературе о высокородном сословии является распространенным. В повести *Орлолеты і Подконвойный* Войслова Савича-Заблоцкого позитивное отношение автора к своим героям подчеркивается в том числе и их внешним убранством:

Кунтуш на сабе меў ваяводскі, яго яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай насяў святой памяці бацька яго Ямці Пан Стараста, але, на знак цяперашняй няволі для народа, аперазаў яго жалобным поясам.

(Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 155)

В образе главного героя произведения Януша Павла Орлолета также доминируют шляхецкое достоинство и знаково-символичная одежда, что взаимосвязано: человек с гордостью носит вещи предков, свидетельствуя тем самым о своей миссии продолжения традиций.

Достойная самопрезентация, самоуважение и вообще представительный облик белорусов в многоязычной литературе Беларуси прослеживается и на образах персонализированных персонажей из природного мира, с которыми люди вступают в контакт. В поэме *Мачеха Адели из Устрони* действует молодая героиня “литовочка” – так ласково называет ее автор, – которая ждет молодого парня, который должен приплыть по опасно бурном в это время Немане. При-

родные персонажи также приобретают признаки, согласно их территориальному размещению в пространстве – все они являются “литовчиками”:

Што!!! – расшумеўся барочак, –
Ці гэта я не літоўчык?
Каб дазволіў буры гукаць,
Цераз сосны віхрам веяць!.

(Адэля з Устроні, *Мачыха*, 2012, с. 1038)

Так бор пытается помочь девушке – “литовочке” в ее противостоянии и природным стихиям, и мачехе, которая выступает против этого брака и даже желає смерти избраннику падчерицы. Сохранение жизни жениху, который едет свататься к любимой девушке, “литовчик” – бор считает делом чести, так же как и его компаньон “литовчик” – Неман:

Пасля азваўся Нямночык:
А я гэта – не літоўчык!
Ці ж буду сябе бурыць,
Ці ж дазволю сваіх тапіць!
Ці ж я смеленька не плыну
Дый і буры не падкіну!
О! Не знала, то пазнае,
Яку ваду Немане мае!
Яж у лужках купаюся,
Па ніўках рассцілаюся,
З віцінамі праплываю,
Літоўскае сэрца маю!
І пярвей высахне мора,
Як мне з вадой змуціць бура.
Пярвей увесь свет у вадзе стане,
Як мой сваяк у дно гляне!
Не на тое я разліўся,
Не на тое мяне Бог стварыў,
Каб роднага брата забі!

(Адэля з Устроні, *Мачыха*, 2012, с. 1038)

Местная природа в облике таких персонажей, как Неман, бор, чувствует себя полноправной властительницей в белорусско-литовских землях: герои всеми силами содействуют своему человеку – молодой девушке. И дело не только в хождествовании на земле: сама возможность называться “литовчиком” позволяет персонажу раскрыть внутреннюю силу и продемонстрировать способность позитивно влиять на события в своем крае.

Если образ литвина обычно наделяется признаками достоинства, родовитости, внешней и внутренней красоты, то в презентации поляка в белорусской литературе часто доминирует акцент на внешнем шике и способности произвести впечатление. Недаром сын войта в *Горсти пшеницы* Владислава Сыракомли, вернувшись из Кракова, рассказывает, как он полюбил польские привычки, касающиеся самопредставления и времяпровождения:

– Што за мова у палякаў,
Што за песні, проша пана!
Напяваюць кракавяка,
А мы так пяем пагана.
Мы спяваєм так шчымліва,
Словы песні – боль, гаркота,
Смутак льеца ў кожнай ноты,
Ажно рэха плача ў нівах.

(У. Сыракомля. *Жменя пішаніцы*, 1993, с. 146–147)

В *Воспоминаниях квестора* Игната Ходьки встречаем характеристику “короняжа” из уст трижды вдовы, вспоминающей свою жизнь и, в частности, историю последнего замужества. Перед читателем предстает портрет ее избранника – молодого мужчины, жителя Польского Королевства, поручика из гусарского полка:

Малады, мой дабрадзею, гогаль на тры локці, караняж, вэрсат, чалавек бывалы, мой дабрадзей! Калі прыбярэцца, бывала, і сядзе на каня, мой дабрадзею, золата з яго цячэ! Ах, які зух! Што ен вытвараў! Цяжэй за ўсе было вытрымаць, калі ен пачне заліцацца, дык аж млею ўся. Польк спыніўся за міляў дваццаць адсюль, а ен запісаў сабе зімовую кватэрну тут, дзе і размясціўся. То доўтімі вечарамі ў дадатак, як возьме тэарбан і зайграе ды заспывае ці куранта, ці якую жаласлівую ўкраінскую думу, дык ужо немагла запярэчыць свайму сэрцу, закахалася. А яшчэ: «Мая душка! Мой анелачак! – мовіў ен. – Буду цябе на руках на-сіць, буду цябе дэічынаю карміць, як паедзем у мае маенткі ў Кароне, то будзеш там як сыр у смятане плаваць». Дык ужо мосці дабрадзею, паслухалася сэрца! Паслухалася сэрца... і трапіла, як пальцам у неба.

(Ходзька, 2007, с. 109–110)

В данном отрывке описание жителя Короны сливается со стереотипной, распространенной в славянской литературе XIX ст. характеристикой военного – гусара. Среди качеств этого героя называются беззаботность, недальновидность и стремление к мгновенным удовольствиям. Описание, отмеченное внешним лоском, мнимым престижем, теряет значимость со вступлением поляка в брак с постаревшей владелицей солидного наследства, так как становятся очевидными подводные камни такого союза и истинное лицо жениха.

В романе *Обрусители* Надежды Ланской выявлен колоритный поляк эскулап доктор Пшепрошинский, образ которого создается двумя его характеристиками – как специалиста и как представителя своего этноса, обе из которых негативны. Общий уровень образования, профессионализма и моральности героя оставляют желать лучшего: поняв, что выбранный род деятельности не принесет желанного дохода, он практикует ростовщичество.

К специфическим польским качествам в герое писательница относит следующие:

У доктара былі польскі радавод, польскія звычкі і тая штучная, з дзяцінста нададзеная ласкавасць погляду, якая ў палякаў нярэдка пераходзіць у прыкрую пяшчоту, калі яны звяртаюцца да жанчын.

(Ланская, 2012, с. 696)

Надежда Ланская с брезгливостью описывает эту привычку польского доктора, так же как и манеру обращения с завышением должности или звания собеседника. С целью заслужить расположение, Пшепрошиньский называет ротмистра Зыкова полковником, что объясняется автором:

...польская вытанчаная ветлівасць ававязкова патрабуе, каб чалавека называлі тытулам, якія яму не належыць: ротмістра – палкоўнікам, палкоўніка – генералам, генерала – як-небудзь вышэй, суддзю – панам прэзідэнтам і г.д

(Ланская, 2012, с. 696)

Замеченная свидетельницей XIX ст. особенность, кажется, актуальна и сегодня и выдает, с одной стороны, некоторую амбициозность и стремление поляков к славе и почету, с другой – обычное человеческое желание выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

Даже выбранная для героя фамилия “говорит” про его искусственную вежливость, угодничество, которые для автора романа неприятны и неприемлемы. Историк Леонид Горизонтов объясняет, что именно фамилии на -ски, -цки в рассматриваемый период были ключевым признаком выявления польского происхождения человека. Исследователь обращает внимание, что это осталось запечатлено и в художественной литературе: “Играя на различиях фонетического строя польского и русского языков, авторы антинигилистических романов 60–70-х гг. нередко давали своим «антигероям» утрированно польские фамилии” (Горизонтов, 1999, с. 109). Имагологический портрет Пшепрошиньского в романе *Обрусители* свидетельствует о том, что писательница, во-первых, достаточно четко очерчивала разницу между этническими группами, входящими уже в Российскую империю, во-вторых, лучше относилась к населению белорусско-литовских земель, чем к полякам.

Сущность этностереотипа заключается в придании Другому упрощенной характеристики, основанной на примитивной оценке в формате “хорошо – плохо”, “приемлемо – неприемлемо” и т.д. Именно созданием оппозиций окружающий мир структурируется в сознании автора имагологических конструкций, или концептов. При этом, довольно часто мир Другого представляется в негативном ключе, а собственное пространство – в позитивном, что не выходит за рамки базового принципа выживания человека с точки зрения психологии: ты должен быть “отрицательным”, чтобы я, на фоне возникающего контраста, мог чувствовать себя “положительным”. Отталкиваясь от исторических задач, можно говорить, что негативный образ соседа объясняется и стремлением отграничиться от него, осознать отдельность и, что особенно важно, увеличить свою значимость, что легче всего достигается возвышением себя на фоне Другого.

Формирование Белорусского губернаторства содействовало тому, что его население постепенно все более воспринималось в качестве представителей отдельной территории, которую составляли в основном Могилевщина и Витебщина. По мнению Юлии Чернявской, “сознательно белорусами звали себя, в первую очередь, люди грамотные, которые имели представление об административном делении, четко понимали отличие белорусского от польского и русского языков и дифференцировали собственный стиль жизни от стиля жизни

руssких и поляков” (Чернявская, online). Например, в качестве белоруса позиционирует себя Артем Верига-Даревский, стараясь представить в литературном и публицистическом творчестве преимущественно свой регион – Витебщину. Беларусь, Литва и Корона предстают в его произведениях как сестры, а в стихотворении по случаю выступления в Могилеве музыкантов, поэт взывает не к политической, а к религиозной общности:

Ty w drgnieniu boskich klawiszów rodzicem,
Nieście nas siostrom: Litwie i Koronie...
(Хаўстовіч, 2014, т. 1, с. 200)

Войнислав Савич-Заблоцкий в художественных произведениях использует топоним Белая Русь, чем подчеркивает территориальную привязку и собственную принадлежность к определенной местности. Писатель очерчивает “географию” действий повести *Орлолеты и Подконвойный*:

А есць у нас таксама й гарады, дзе карамелі і марцыпан, як быццам, раслі калісці!.. Гэта, што праўда, не Вільня, ані Кракавы і Пазнані, або маладая Варшава, ані святыя таксама рускіх князей Кіеў! Аднак жа чыстыя і вялікія прастары Палацк і Віцебск і Магілеў.

(Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 125)

По мнению Юлии Чернявской, жители Минской, Гродзенской и Виленской губерний, исходя уже из своего административного названия – Литовское губернаторство, в значительно большей степени чувствовали дифференциированность от России, чем жители Могилевской и Витебской (Чернявская, online). Поэтому рассказчик Павел Завиша пытается ликвидировать напряженность в отношении белорусов не только со стороны поляков, но и самих литвинов:

Скоса, аднак, і Кароны, і Літвы жыхар на яе пазірае, – а далібог! Цурацца нас такіх вялікіх прычын не маюць: бо ані радавітасцю, ані дастаткам, ані старой польскай цнотай белыя русіны не саступаюць ім ніколькі.

(Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 124)

В повести в форме размежевания белорусов с поляками и литвинами проявилось смижение автора с данными политическими границами между государствами, несмотря на его патриотизм и общий антироссийский пафос произведения. Мировоззренчески же Войнислав Савич-Заблоцкий, как свидетельствует его художественная проза, даже в конце XIX ст. все еще чувствовал себя гражданином Польши-Речи Посполитой. Соответственно, колоритный нарратор не углубляется в имагологическое сопоставление представителей названных этнических групп, а акцентирует внимание на специфике жителей белорусского региона:

І гэта не ў іншай дзяржаўнай зямлі, а менавіта ў гэтай Рускай і Белай знаходзіцца тое, што ўжо даўно брыдкі смурод сучаснай гнілізвны выпарыў са свету: там сустракаюцца не апошнія дзецюкі, а на могілках старадаўніх туляеца годнасць!

(Савіч-Заблоцкі, 2004, с. 124)

Писатель показывает ценность и духовную красоту белорусов, что проявляется в их верности традициям, толерантности, патриотизме и стремлении по-

литически, экономически и духовно содействовать своему народу в обстоятельствах, которые сложились.

Исследование отличий представителей разных этнических групп в пределах белорусско-литовского населения проявляется в литературе не только в размежевании белоруса с литвином, как это показано в повести *Орлолеты и Подконвойный*, но и полешука с литвином, литвина с русином и др. Еще в начале XIX ст. Адам Мицкевич высказался на тему того, что именно русины (так он называет часть современной Беларуси, за которой закрепилось наименование Полесья) сохранили этнические качества:

Из всех славянских народов именно русины, это значит крестьяне Пинской, частично Минской и Гродненской губерний, сохранили наибольшее количество общеславянских черт. В их сказках и песнях есть все. Письменных памятников у них мало, только *Литовский Статут* написан их языком, самым гармоничным и из всех славянских языков наименее измененным.

(Цвірка, 1998, с. 122).

В произведении *Исповедь. Отрывок из жизни моего приятеля* Адама Плуга также противопоставляются двое белорусов – это пасечники, которые работают в имении героя пана судьи. Литвин и полешук позиционируются как репрезентанты разных этнических групп:

Былі гэта два пачцівія старцы, ліцвін і паляшук, які і мовай, і строямі, і норавамі вельмі адрозніваліся. Толькі ў адным былі падобныя: абодва паважалі пана, абодва лічыліся за знахараў і абодва не любілі адзін аднаго ад самага сэрца. Суддзя асабліва шукаў задавальнення ад гэтага іх адрознення. І атрымлівалася так: прыйшоўшы да палешука, расказваў яму дыктэрыйкі, якія быццам чуў ад ліцвіна (...) А ліцвіну ўвесь час даводзіў, што паляшук чаруе ягоныя вулі.

(Плуг, 2013, с. 545).

Юмористический способ взаимодействия судьи с пасечниками связан с его веселой натурой, а его доброе отношение к обоим, как и характер их самих, делают очевидным, что, несмотря на разницу во внешнем обличье, языке и убранстве, по внутренним качествам литвин и полешук отличаются не настолько уж сильно и даже имеют много общего.

Пасечник-полешук появляется еще в одном эпизоде произведения, когда жалуется на конкурента-литвина, демонстрируя при этом особую суеверность жителей белорусского Полесья:

Паляшук з адчайным выразам твару з тысячамі падрабязнасцяў пачаў распавяданць, як пракляты ліцвін зачараў яму пчальнік, ды так, што ў гэтым годзе ў яго было менш раеў, і ў дадатак насладаў мядзведзя, які яму ўжо чатыры пні развярнуў. І даводзіў вельмі шчыра, што гэты мядзведзь зачараваны, бо не ідзе на тыя месцы, дзе есць колы ці калодкі.

(Плуг, 2013, с. 569)

В связи с исторической изменчивостью и неоднозначностью смыслового наполнения ряда существующих этнонимов и политонимов, в многоязычной литературе Беларуси XIX ст. наименование поляка используется в ситуациях гражданской значимости, а разграничение поляков и белорусов-литвинов осу-

ществляется, скорее, как признак местожительства. В литературе, с одной стороны, фигурирует мотив того, что испокон веков наши предки брали польских красавиц себе в жены; с другой стороны, есть доказательства, что великолкняжеские женщины были более хозяйственными, в связи с чем польки ездили к ним учиться. В описании белоруса “литовскость” часто сопутствует шляхетности; в описании же поляка акцентируется внимание на внешнем лоске и умении произвести впечатление, а также особенном мастерстве заискивания перед собеседником. Однако некий налет отрицательности на образе соседей, присутствующий в литературе, не является чем-то исключительным и отражает всего лишь желание, во-первых, идентифицировать себя в пространстве и времени, во-вторых, самоутвердиться в собственных глазах. Осознание и смирение с актуальным административным делением сопровождается попытками разграничить этнические группы и в пределах белорусско-литовской земли.

Библиография

- Адэля з Устроні, (2012). *Мачыха*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Багдановіч, І. (2011). Вяртанне графіні-літвінкі. *Маладосць*, № 3.
- Баршчэўскі, Л. П., Васючэнка, П. В., Тычына, М. А. (2014). *Словы ў часе. Літаратура ад рамантызму да сімвалізму і нашаніўскага адраджэння*. Санкт-Пецярбург: Неўскі простор.
- Волкова, В. В. (2005). *Имиджевология*. Ставрополь: Северо Кавказский государственный технический университет.
- Горизонтов, Л. Е. (1999). *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX века)*. Москва: Индрік.
- Жавускі, Г. (2005). *Успаміны Сапліцы*. Мінск: Лімарыус.
- Земсков, В. Б. *Образ России в современном мире и другие сюжеты*. Online: <https://culture.wikireading.ru/73933> (13.09.2018).
- Крашэўскі, Ю. *Апошняя хвіліны князя ваяводы (Пане Каханку)*. Online: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=4557 (13.09.2018).
- Крашэўскі, Ю. (2009). *Кароль у Нясвіжы. 1784; Апошняя са слуцкіх князеў*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Лада-Заблоцкі, Т. (2012). *Ляшка*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Ланская, Н. (2012). *Абрусицелі*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Мельнікава, А. П. (2016). *Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя*. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны.
- Міцкевіч, А. *Тры Будрысы*. Online: <https://be.wikisource.org/wiki> (13.09.2018).
- Мусиенко, С. (2013). *Польская литература в имагологической интерпретации В. А. Хорева. Балтийский филологический курьер*, № 9.
- Навойчык, П. И. (уклад) (2015). *Гісторыя славянскіх літаратур і праблемы параванальнага вывучэння: тэорыя і практыка*. Пад агул. рэд. Т. В. Кабржыцкай, М. М. Хмяльніцкага. Мінск: БДУ.

- Плуг, А. (2013). *Споведзь. Урывак з жыцця майго прыяцеля*. В: Кісялевай, Л. Г., Сенкевіч, Н. М. (уклад). *Літаратура другой паловы XIX стагоддзя*. Ч. 2. Т. 5. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Пузыня, Г. *Да Адама Мицкевіча*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Пузыня, Г. (2011). Помста літвінкі. Праўдзівае здарэнне. *Маладосць*, № 3.
- Савіч-Заблоцкі, В. (2004). Арлалеты і Падканвойны, або Палацкая шляхта. *Полымя*, № 1.
- Сыракомля, У. (1993). *Жменя пісаніцы*. В: Сыракомля, У. *Добрая весці*. Мінск: Мастацкая літаратура.
- Хаўстовіч, М. В. (2014). *Даследаванні і матэрыялы: літаратура Беларусі XVIII–XIX стагоддзяў*. Т. 1. Warszawa: Katedra Białorusistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Ходзька, І. (2007). *Успаміны квестара*. Мінск: Universitas.
- Ходзька, Я. (2012). *Вызваленая Літва альбо пераход праз Неман*. В: Хаўстовіч, М. В. (уклад). *Літаратура першай паловы XIX стагоддзя*. Т. 3. Навук. рэд. С. Л. Гаранін. (Залатая калекцыя беларускай літаратуры) Мінск: Мастацкая літаратура.
- Цвірка, К. (уклад) (1998). *Філаматы, філарэты*. (Серыя 1. Мастацкая літаратура). Мінск: Беларускі кнігазбор.
- Чернявская, Ю.В. *Белорусы: от “тутэйших” к нации*. Online: http://lib100.com/social_psychology/belarusians/html (13.09.2018).
- Яцкоўскі, І. (2010). *Ановесць з майго часу, альбо Літоўскія прыгоды*. Warszawa: Katedra Białorusistyki Uniwersytetu Warszawskiego.

КАФКА И ГОГОЛЬ: ЗАМОК И ВИЙ

СЕРГЕЙ ШУЛЬЦ
(независимый исследователь)

Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: s_shulz@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>

(получено 31.12.2017; принято 20.09.2018)

Abstract

Kafka and Gogol: *Schloss* and *Vij*

The question is raised about the relationship between Gogol's short story "Viy" and Kafka's novel "The Castle". When comparing the texts of Gogol and Kafka, the author focuses on elements of Menippean satire (in the broadest sense, not only as a genre). The chronotope of the works, as well as their historiosophic meaning (perception of infernality; orientation towards the fate of Europe, especially noticeable in Kafka) are considered.

Key words

Gogol, Kafka, Menippean satire, carnivalization, infernality, the destiny of Europe.

Резюме

Ставится вопрос о перекличках между повестью Гоголя *Вий* и романом Кафки *Замок*. При сопоставлении текстов Гоголя и Кафки во главу угла поставлено мениппейное начало (в самом широком плане, не только узкожанровом). Рассмотрены хронотопические планы произведений, их историософский смысл (восприятие инфернальности; обращенность к судьбе Европы, особенно заметная у Кафки).

Ключевые слова

Гоголь, Кафка, мениппейное начало, карнавализация, инфернальность, судьба Европы.

Параллели между творчеством Гоголя и Кафки проводятся нередко (см., напр.: Parry, 1953; Fetzer, Lawson, 1978; Манн, 1999, 2007; Иваницкий, 2000; и др.), основанием для чего служат одинаково присущие двум писателям сочетание серьезности и комизма, религиозно-философской устремленности в скрещении с бытовизмом, трагический гротеск и т.п. Приведенный набор качеств во многом присущ мениппею, как ее описал Бахтин в качестве серьезно-смехового, карнавализованного жанра. Мениппейное начало (в самом широком плане: не только узкожанровом, но в плане общей культурфилософии) поставим во главу угла при сопоставлении текстов Гоголя и Кафки, в частности, *Вия* и *Замка*¹.

В аспекте „философии имени” любопытно уже совпадение „птичьих” фамилий двух мистических писателей: *гоголь* – вид птиц семейства утиных, *kavka* по-чешски означает „галка”. Принципиально наличие у Кафки общего с Гоголем „птичьего кода” карнавализированной автосимволизации и автомифологизации.

Гоголь придавал своей фамилии (в ее внутренней форме) символическо-онтологическое значение, например, „вставляя” ее в качестве обозначения героя-„птицы” в свои художественные тексты и вообще рассматривая собственные произведения (особенно *Мертвые души*) в качестве своеобразного „магического” развертывания своего „птичьего имени” (см.: Шульц, 2017).

Кафка нарочито подчеркивал внутреннюю форму своей фамилии в беседе с Яноухом, хотя с долей трагической и вместе с тем карнавализованной иронии²:

Творчество для художника – страдание, посредством которого он освобождает себя для нового страдания. Он не исполин, а только пестрая птица, запертая в клетке собственно го существования.

– *И вы тоже?*

– Я совершенно несуразная птица. Я – Kavka, галка. У угольщика в Тайнхофе есть такая. Вы видели ее?

– *Да, она скачет около лавки.*

– Этой моей родственнице живется лучше, чем мне. Правда, у нее подрезаны крылья...

(Кафка, 1991, с. 546)

И далее следует практически прямое символически-мистическое развертывание самотрактовки через птичий облик:

¹ По отношению к Процессу термин *мениппея* использован, например, в: Лескова, 2015.

² Характерное для Кафки соединение карнавального и трагического встречается, например, в его примечательной дневниковой записи (30 августа 1912 г.): „Когда я сегодня после обеда лежал в кровати и кто-то быстро повернул ключ в замке, мне показалось, будто все мое тело в замках, как на карнавальном костюме, и с короткими интервалами то тут, то там открывался или запирался какой-нибудь из замков” (Кафка, 1991, с. 490).

Со мной этого делать не надобно, ибо мои крылья отмерли. И теперь для меня не существует ни высоты, ни дали. Смятенно я прыгаю среди людей. (...) Я ведь опасная птица, воровка, галка. Но это лишь видимость. (...) Поэтому у меня нет даже блестящих черных перьев. Я сер, как пепел. Галка, страстно желающая скрыться среди камней. Но это так, шутка...

(Кафка, 1991, с. 546)

Признание Кафкой своих крыльев „отмершими” корреспондирует образу из постромантического/модернистского стихотворения Бодлера *Альбатрос*, где даже поверженная птица выделяется среди обычных существ своим внутренним масштабом и значением:

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу бури,
Застенчиво влечит, как два больших весла
Быстрейший из гонцов, как грузно онступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
(...) Поэт, вот образ твой! Ты также без усилия
Летаешь в облаках, средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

(Бодлер, 1993, с. 47)

Неверны расставленные Подорогой акценты, согласно которым в кафковской самотрактовке заметно лишь „последовательное движение регрессии от образа птицы к другому животному – подземному существу, серому как крот или мышь (...). Точка перспективного схода может быть найдена под землей, и там, в подземных областях, ее трудно установить” (Подорога, 1995, с. 381). На самом деле у Кафки (подобно Гоголю) существует своеобразная – вне- и несистемная – иерархия уранического и хтонического³. В иерархии место Кафки-„птицы” незаменимо ничем и оно никуда не „регрессирует”⁴. Но в такой иерархии, с другой стороны, находится ниша также для подземного/хтонического (для „кротов” и „мышей”; ср. хтонического Вия, который „весь был в черной земле” (Гоголь, 2009–2010, т. 2, с. 448)), чем устанавливается фрагментарно-целостная и парадоксальная картина мира – по-своему присущая обоим авторам.

Согласно замечанию Подороги, основанному на письме Кафки к отцу, „быть сыном – разве это удел Кафки? В виновности отца видится спасение сына, но для этого сын должен перестать быть сыном собственного отца, перестать быть его малым двойником. (...) Кафка упорно, почти маниакально пытается свести

³ По словам Мелетинского, в творчестве Кафки „субъект и объект взаимозависимы, и эта зависимость коррелируется с дилеммой миров небесного и земного” (Мелетинский, 2001, с. 138).

⁴ Ср.: „Мы скажем, что для Кафки животная сущность является выходом, линией ускользания, пусть и на одном и том же месте или в клетке. Выход, а не свобода. Живая линия ускользания, а не нападение” (Делез, Гваттари, 2015, с. 45). В цитате образ „животной сущности” совсем не исключает также образа птицы.

все имена отца к имени жестокого Бога, к вечному “Ты”, не знающему сомнений, способному уничтожить любое слабое “Я”” (Подорога, 1995, с. 406). В связи с этим („свести все имена...“) укажем на факт заведомых затруднений именования, таинственную проблематизацию самой формы имен главных героев в двух последних романах Кафки, *Процесс* и *Замок*, – Йозеф К. и К. соответственно. При этом К. – первая буква фамилии самого писателя, что выглядит не столько „автобиографично“, сколько символично, т.е. вне однозначного буквализма.

То, как Подорога оценивает романистику Кафки в целом, довольно справедливо также в отношении *Вия*: „Романы Кафки являются необычными оптическими устройствами и не могут стать полноценными романами [насчет степени “полноты” – она у Кафки, безусловно, самая высокая. – С. Ш.], ибо рассказываемая история все время наталкивается на неподвижное тело героя: он в центре всех взглядов, его видят, но он сам не способен существовать без этих взглядов. Нарушена коммуникация” (Подорога, 1995, с. 394–395). Однако разве не таков и Хома под взглядами Вия и панночки в церкви (роль взгляда последней также не следует преуменьшать: он не прямо смертелен, но также *фатален*)?

Взгляд на панночку в гробу словно окончательно „влюбляет“ Хому в нее и готовит его покорность перед взглядом Вия: „...он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощущивши тот же трепет, взглянул еще раз. В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною” (Гоголь, 2009–2010, т. 2, с. 439). В отношении Вия Хома также не смог отвести взгляда: „Не вытерпел” (Гоголь, 2009–2010, т. 2, с. 448). Бурсак *ожидает* – не просто предчувствует, но именно почти подготавливает эти взгляды; в них для него – тайна (по принципу „смерть манит“), и под этими взглядами живя, взглянув, умирает.

Особо процитируем гоголевский пассаж, содержащий мотив весомости взгляда именно умершей панночки:

Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному попрекивающему себе чувству, не оставляющему человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощущивши тот же трепет, взглянул еще раз. (...) Оно [лицо панночки. – С. Ш.] было живо, и философу казалось, как будто бы онаглядит на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, как будто из-под ресницы правого глаза ее покатилась слеза, и когда она остановилась на щеке, то он различил ясно, что это была капля крови.

(Гоголь, 2009–2010, т. 2, с. 439)

И далее:

Она ударила зубами в зубы и открыла мертвые глаза свои. Но не видя ничего, с бешеным – что выразило ее задрожавшее лицо – обратилась в другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столп и угол, стараясь поймать Хому. Наконец остановилась, погрозив пальцем, и легла в свой гроб.

(Гоголь, 2009–2010, т. 2, с. 441).

Пушкин в *Анчаре* (1828) задолго до философа XX в. Сартра (см.: Кузин, 2015) фиксирует уже в *одном только* взгляде индивида возможность порабощения другого. В такой трактовке взгляда Пушкиным вскрывается более радикальное и глубокое значение по сравнению с привычно констатируемой коннота-

цией торжества деспотических институтов. Дело идет об экзистенциальном и антропологическом измерении „взгляда”-„господства”, обращающего, в том числе в глубь архаики – к мифологическому образу Медузы Горгоны. Архаика Медузы впоследствии „отзовется” также во взгляде гоголевских Вия и ведьмы-панночки.

В мотивах взгляда в *Вие* заметны черты художественной ситуации *Анчара* в качестве притчево-историальной и притчево-политической. Хотя в *Вие* притчевость более очевидна, чем историчность или „политичность”, две последние составляющие также косвенно заданы. Вий и панночка побеждают Хому в исторической ситуации в целом (ср. вполне конкретный антураж киевской бурсы, полуанахронический-полуисторический колорит селения панночки), их власть „политическая” (внутримировая) в таком отношении, в каком дьявол – „князь мира сего”.

Однако (как в *Анчаре*, *Вие*) и землемер К. у Кафки направлен в Замок по указанию некоего владельца. Сюжет Замка и Вия сводится к тому, что протагонист призываются для осуществления определенной деятельности из одного локуса в некое другое (загадочное) место. В *Вие* хутор панночки – в окрестностях Киева, где школяр Хома обучается в духовной семинарии и имеет статус „философа”, соответствующий курсу обучения (хотя, конечно, само его заданное наставлением/автором положение *философа* превышает один только формальный статус и полностью символично). Нерв сюжета в том, что Хома *вторично* прибывает на хутор для заупокойных таинств над умершей, однако не завершаемых и не приводящих к позитивному результату. Хома погибает, нечисть застыает в церкви, „обмирая” в ключе почти фольклорных обмираний, считающихся посещениями „того” света (Толстая, 1995, с. 278–279.) – „обмирая” буквально, чем метафора овещняется, превращаясь в сложный символ.

У Кафки землемер К. приглашен для соответствующих работ в некий Замок, но не может найти даже дороги к нему, проходя через череду нелепых встреч с чиновниками и рядом других лиц в окрестностях Замка, в Деревне. Сначала Замок представляется К. чем-то значительным:

Теперь весь Замок ясно вырисовывался в прозрачном воздухе, и от тонкого снежного покрова, целиком одевавшего его, все формы и линии выступали еще отчетливее. Вообще же там, на горе, снега как будто было меньше, чем тут, в деревне, где К. пробирался с не меньшим трудом, чем вчера по дороге. Тут снег подступал к самым окнам избушек, на встречу тяжело нависали с низких крыш сугробы, а там, на горе, все высилось свободно и легко – так по крайней мере казалось снизу.

(Кафка, 1991, с. 21)

Далее, однако, оценка К. Замка меняется в сторону снижения:

Но чем ближе он [К. – С. Ш.] подходил, тем больше разочаровывал его Замок, уже казавшийся просто жалким городком, чьи домишкы отличались от изб только тем, что были построены из камня, да и то штукатурка на них давно отлепилась, а каменная кладка явно крошилась.

(Кафка, 1991, с. 21)

Это изображение очень напоминает пародийно-дискредитирующе описание Кочкаревым в *Женитьбе* дома Агафьи Тихоновны: „Да ведь только слава, что каменный, а знали бы вы, как он выстроен: стены ведь выведены в один кирпич, а в середине всякая дрянь – мусор, щепки, стружки” (Гоголь, 2009–2010, т. 4, с. 346).

Затем у Кафки следует:

Мельком припомнил К. свой свой родной городок; он был ничуть не хуже этого так называемого Замка. (...) И К. мысленно сравнил церковную башню родного города с этой башней наверху. Та башня четкая, бестрепетно идущая кверху, с широкой кровлей, (...) вся земная (...) – но устремленная выше, чем приземистые домишкы, более праздничная, чем их тусклые будни. А эта башня наверху [Замка. – С. Ш.] представляла собой однообразное круглое строение (...) с маленькими окнами, посверкивающими сейчас на солнце – в этом было что-то безумное – и с выступающим карнизом, чьи зубцы, неустойчивые, неровные и ломкие, (...) врезались в синее небо. Казалось, будто какой-то унылый жилец, которому лучше всего было бы запереться в самом дальнем углу дома, вдруг пробил крышу и высунулся наружу, чтобы показаться всему свету.

(Кафка, 1991, с. 22)

В приведенной цитате обращает на себя внимание сравнение Замка с церковью, что корреспонтирует образу храма в *Вие*. В обоих случаях сопоставляются мотивы уранического, это: башня Замка наверху; устремленная ввысь башня церкви родного города К.

Хотя башня в родном городе и „вся земная”, этому придана позитивная коннотация, раскрываемая через корреляцию башни с вертикалью. В родной церкви К. – равновесие земного и небесного, а башня Замка дана в отсутствии подобного равновесия и вообще в невнятности относительно статусов и состояний „земного” и „небесного”⁵, сниженно.

В последующем Кафка пытается, однако, несколько приподнять наполнение образа Замка за счет противопоставления ему „абсурдной” Деревни, но проведенное им сравнение объективно умаляет оба локуса: „... перерождаются – становятся дикой, беспардонной оравой, для которой уже не существует законов, а только их ненасытные потребности” (Кафка, 1991, с. 199).

Имя Замка здесь употреблено все же в качестве иллюзорного идеала: высокий статус Замка ничем не подтвержден, за ним – только пустая надежда. Сущность самого Замка на деле едва ли лучше того, что К. видит в Деревне, ведь

⁵ По не вполне точным наблюдениям Подороги, „еще более поразительны изменяющиеся глубины и профили пространств, которые накатываются на героя [Кафки. – С. Ш.] внезапно, с самой неожиданной стороны, и он не столько находит путь к ним (хотя и ищет его), сколько попадает в них. Чердаки, чуланы, маленькие комнаты, клетки или коридоры, даже открытые пространства наспех приделаны друг к другу и никаким образом не соотносимы с каким-либо единственным пространством, в котором они могли бы получить свое определенное место и смысл. (...) Господин К. (во всех его романах и новеллистических масках) ведет себя как типичная сомнамбула, чье движение (...) полностью определяется глазными траекториями инстанции великого надзора – Страха” (Подорога, 1995, с. 395). Однако у Кафки все же задана модель „единого” пространства (через первоначальные образы Замка, через воспоминание К. об архитектуре родного города и т.п.), есть у него и уранические образы пространства.

именно благодаря попустительству Замка (его владельца? При всех ссылках на владельца его роль как субъекта действия неясна) возможна „дикая, беспардонная орава” Деревни. Нарратору/автору лишь хотелось бы надеяться, что идеал есть, сохранился, отсюда ламентация по поводу Замка, чья прошлая – видимо, считающаяся славной – история по инерции призвана „вдохновлять”.

По поводу соотношения Замка и Деревни Иваницкий точно заметил: „Деревня же, в которой останавливается землемер, есть тень Замка, то есть “псевдопространство”” (Иваницкий, 2000, с. 157). Но в качестве „тени” Деревня обличает самый Замок.

Различные исследователи видели в символике Замка то сверхъестественно позитивное, то сверхъестественно негативное. Брод, например, считал, что образ Замка воплощает благое начало, Бога, а землемер К. – отступник, не слышащий призывов свыше (Брод 2000а, 2000б, 2003)⁶. Трудно принять такую оценку. Замок ускользает не только из-за индифферентности или поливалентности образа К. Подобно Хоме, К. воплощает в себе черты и снижающие, и возвышающие, а то и вовсе неопределенные (как сказано в первом томе *Мертвых душ* о Манилове: „Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан” (Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 24)).

В описании гоголевского хутора тоже фигурирует перспектива горы, как потом у Кафки (и тоже в туманно-символическом ореоле; Деревня Кафки может служить некоей параллелью к гоголевскому хутору):

Все селение помещалось на широком и ровном уступе горы. С северной стороны все за- слоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самого двора. При взгляде на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе. (...) С вершины вилась по всей горе дорога и, опустившись, шла мимо двора в селенье. Когда философ измерил страшную круть ее и вспомнил вчерашнее путешествие, то решил, что или у пана были слишком умные лошади, или у козаков слишком крепкие головы, когда и в хмельном чаду умели не полететь вверх ногами вместе с неизмеримой брикою и багажом. (...) С правой стороны этих лугов тянулись горы...

(Кафка, 1991, с. 429–430)

Отдельным хронотопическим планом выступает в *Вии* хуторская церковь. В ней умершей дается сила временно оживать и даже летать в своем гробу, туда она зазывает другую нечисть. Этот мотив подготовлен уже первоначальным описанием церкви: „Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мхом, с тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения” (Гоголь, 2009–2010, с. 433–434).

Фатальная ошибка Хомы в восприятии ведьмы – переход из школьарского карнавализированно-мениппейного регистра смысла в буквализированно-инфериализированный регистр. Эта ошибка приводит героя к гибели. Церковь же остается наполненной застывшими в ней монстрами, а в итоге вообще оказывается заброшенной:

⁶ Негативна же оценка образа Замка у А. Гулыги (см. далее).

Раздался петуший крик. Это был уже второй крик; первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах. (...) Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги.

(Гоголь, 2009–2010, с. 449)

В первой редакции *Вия* (1835) об итоговой заброшенности церкви говорилось еще резче: „Церковь поросла мхом, обшилась лесом, пустившим корни по стенам ее; никто не входил туда и не знает, где и в какой стороне она находится” (Гоголь, цит. по: Виноградов, Воропаев, 2009, с. 649).

Учитывая, что хутор заведомо мал, трудно представить, можно ли „не найти дороги” к церкви, к тому же, судя по описанию нарратора/автора, единственной в этом селении. А „не знать”, „где и в какой стороне” она, тем более знаменует внедрение в общий хронотоп *Вия* не просто пространственной неразберихи, а десакрализации самих внутримировых институций.

Высказывалось мнение, что в *Вие* изображена униатская церковь (Виноградов, Воропаев, 2009, с. 646–656): с точки зрения комментаторов, такой факт способен оправдать попущение на бесчинства внутри ее хронотопа, усилить аспект ее „чуждости”. Однако здесь нужно заметить, что отношение Гоголя к католицизму в основном не являлось негативным.

Кафковский Замок словно претендует на права (статус) церкви, подменяя сакральное светским или, точнее, делая из светского паллиатив сакрального. Это также входит в общий кафковский контекст десакрализации. Кроме того, кафковская Австро-Венгрия – католическая страна, что косвенно соотносится с возможной „униатской” церкви в *Вие* („униатской”, не являющейся у Гоголя отрицательным маркером).

Налицо повышенное внимание обоих авторов к пространственно-временной организации художественного мира, к неоднородности, „скользжению”, „вязкости” хронотических миров и планов. К., несмотря на все свои старания, не может попасть в Замок:

Он снова зашагал вперед, но дорога была длинно. Оказалось, что улица – главная улица Деревни – вела не к замковой горе, а только приближалась к ней, но потом, словно нарочно, сворачивала вбок и, не удаляясь от Замка, все же к нему и не приближалась. К. все время ждал, что наконец дорога повернет к Замку, и только из-за этого шел дальше.

(Кафка, 1991, с. 23–24)

Характерно описание попытки бегства Хомы с хутора после второй ночи, проведенной в церкви:

И Хома положил непременно бежать. (...) Философ со страхом и дрожью отправился по-тихоньку в панский сад, откуда ему казалось удобнее и незаметнее было бежать в поле. (...). За плетнем, служившим границею сада, шел целый лес бурьяна, в который,казалось, никто не любопытствовал заглядывать (...). Когда философ хотел перешагнуть плетень, зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала к земле, как будто ее кто приколотил гвоздем. Когда он переступал плетень, ему казалось с оглушительным свистом трещал в уши какой-то го-

лос: „Куда, куда?“. Философ юркнул в бурьян и пустился бежать, беспрестанно оступаясь о старые корни и давя ногами своими кротов.

(Гоголь, 2009–2010, с. 445–446)

И далее:

Он видел, что ему, выбравшись из бурьяна, стоило перебежать поле, за которым чернел густой терновник, где он считал себя безопасным, и, пройдя который, он по предположению своему думал встретить дорогу прямо в Киев. Поле он перебежал вдруг и очутился в густом терновнике. Сквозь терновник он пролез, оставив, вместо пошлины, куски своего сюртука на каждом островом шипе, и очутился на небольшой лощине. (...) Небольшой источник сверкал чистый, как серебро. (...)

– Нет, лучше побежим вперед: неравно будет погоня!

Эти слова раздались у него над ушами. Он оглянулся: перед ним стоял Явтух. (...)

– Напрасно дал ты такой крюк, – продолжал Явтух, – гораздо лучше выбрать ту дорогу, по какой шел я: прямо мимо конюшни.

(Гоголь, 2009–2010, с. 446)

Вокруг хутора гоголевской панночки – в виде продолжения его кажущейся идиллии – некие „заповедные места“, привлекающие внимание Хомы, на миг взлелеявшего мечту поохотиться там. Однако ситуация заметно осложняется тем, что в *Вии* наличествует еще один хронотопический центр – киевская бурса, сам Киев. Бурса – топос карнавальности, „антитоведения“. Номинально предполагаемый „сакральный“ смысл бурсы (духовного учебного заведения) в начале повести карнавально редуцирован и даже по-доброму шаржирован. Во „второй части“ повести, когда Хома призывается в качестве бурсака (будущего духовного лица) для заупокойных бдений и ожидается, казалось бы, некое раскрытие „сакральности“, та отказывает в проявлении: Хома погибает.

Известная „игра“ Кафки с художественным пространством, когда оно предстает неравномерным, не равным себе, словно меняет собственные параметры – аргумент в пользу „фантастичности“ мира Замка. Исследователи не раз обращали внимание на разнопорядковость хронотопических планов в *Вии*: разные персонажи-наблюдатели замечают в художественной реальности повести разное, причем оценка одного и того же хронотического вида часто разнится.

К *Вию* и Замку вполне относимы интересные замечания Фарино о пространстве в *Мертвых душах* (Фарино, 1979). Исследователь отметил в нем высокую степень аморфности (извилистость, запутанность дорог, обилие поворотов); необыкновенную растяжимость, безразмерность. В последнем случае, согласно Фарино, пространство получает вид безмерного мира, к которому неприложимы ни категории направления, ни категории расстояния, ни даже категория непрерывности.

По поводу отсутствия категории направления в *Мертвых душах* с Фарино нельзя согласиться, т.к. автор/нarrатор, по верному наблюдению Лотмана, стремится превратить ненаправленное движение Чичикова – в направленное, причем в лучшую сторону (Лотман, 1988). У Хомы и К. задан такой же вектор, но он не реализуется в рамках сюжета.

Герой Кафки, а с ним читатель, становятся свидетелями общемирового экзистенциального абсурда, но как его истолковывать? Важен вопрос о том, для кого именно (с какой позиции предпонимания) наблюдаемое абсурдно: для какой группы героев, читателей, для какого измерения „образа автора”? Иначе говоря, „абсурд” историчен: имеет свои рамки и границы.

По мнению Набокова, „у Гоголя и Кафки абсурдный герой обитает в абсурдном мире, но трогательно и трагически бьется, пытаясь выбраться из него в мир человеческих существ – и умирает в отчаянии” (Набоков, 1998, с. 329). Однако необходимо признать, что сам герой Гоголя и Кафки – вне абсурда. Если бы дело обстояло иначе, между героем и миром отсутствовало бы всякое различие. Напомним принципиальное замечание Камю о том, что абсурд не находится ни в мире, ни в сознании человека, а рождается из их сопоставления (Камю, 1990).

Михайловым показано, что история „характера” (в широком значении термина) от античности к Новому и новейшему времени развивалась в переносе мотивации поступков героя с внешнего (боги, мировые силы, мир и т.д.) на внутреннее, т.е. на переживания и действия самого персонажа (Михайлов, 1997). У Гоголя и Кафки – известное равновесие „внешнего” и „внутреннего”. Мир (мировые силы) и герой вполне уравнены в правах. В *Vie* и в целом у Кафки мир и герой вступают в противоборство в отстаивании своей (у каждого) „правды”.

Имя владельца кафковского Замка символично: граф Вествест, т.е. „Западзапад” в дословном переводе с английского, чем подчеркивается пристальное внимание Кафки к исторической судьбе Запада, судьбе европейского человечества в целом. Английское написание „West” почти совпадает с немецким обозначением Запада „Westen”. Кафке вместо немецкого слова понадобилось прибегнуть к английскому, чтобы несколько полнее „охватить” в образе имени владельца Замка весь Запад. Вместе с тем „West” (как часть корня фамилии „Вествест”) допустимо воспринимать просто как усеченное „Westen”.

Кроме того, это именование ее владельца объяснимо онтологически-мистическими каламбурами, риторически-пародийными (т.е. самосознающими, но и самосознающими, при этом в карнавализированно-мениппейном отталкивании от „официальной” риторики).

Наконец, потенциальное скрещение разноязычных лексем в имени Вествест напоминает (онтологизированную) „языковую игру” – в предвосхищении Витгенштейна, начавшего свою философскую деятельность еще при жизни Кафки, также в Австро-Венгрии. Неканоническая, парадоксальная „логика” Витгенштейна с ее акцентом на языковом обозначении и собственно языковом сознании соотносима с манерой Кафки.

Графский титул Вествеста так или иначе отсылает к идее старой аристократии Запада как „хранительницы” „славного” прошлого западной культуры и вообще западного образа жизни, как представителя общих „консервативно-патриархальных” устоев (но представителя виртуально-иронически, не реально). С другой стороны, некие надежды нарратора/автора на достоинства „графа” – хозяина способны вызвать косвенную ассоциацию с графом Толстым, чья фигура и творчество вызывали у Кафки глубокое уважение. Поздний Толстой стремился отказаться от собственности, от имения, чтоозвучно фактическо-

му неучастию Вествеста в делах кафковской Деревни⁷ или же способно рассматриваться в качестве фигурального выражения надежды Кафки на внедрение „толстовских” принципов в дела управления Замком и Деревней – в качестве моделей уже не только узко Запада, а всей Европы.

С возможной аллюзией на личность графа Толстого в персоним „граф Вествест” входит образ России, о притягательной силе которой Кафка писал в своих дневниках. Символическое расширение модели Запада до общеевропейского хронотопа трудно отрицать. С образом России в реальность Замка включаются и неизбежные аллюзии на Гоголя, также ценимого Кафкой.

Кафка в момент создания Замка уже мог познакомиться с историософским трудом Шпенглера *Закат Европы*, где отражена идея угасания западной культуры, ее „перерождения” в механистическую цивилизацию (Шпенглер, 1918, т. 1). Метафизика Замка отчасти близка шпенглеровским идеям. Гоголь их в чем-то предвосхитил в своей критике цивилизации Нового времени, в своих оценках современной ему Европы (см. особенно отрывок *Rim*).

В связи с общеевропейским контекстом/подтекстом историософии Замка уместно привести замечания Гоголя о Западной Европе из черновика его неотправленного письма Белинскому (конец июля – начало августа 1847 г.):

Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивили(зации), которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстеръен, и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призрак, который точно (никто) покуда не видел, и ежели (пытались ее) хватать руками, она рассыпается. И прогресс, он тоже был, пока о нем не думали, когда же? стали ловить его, он и рассыпался.

(Гоголь, 2009–2010, т. 14, с. 386).

Для Гоголя Европа – „беспредельное и безграничное слово”, что уже само по себе свидетельствует о крайней сложности этого концепта в гоголевском восприятии, об отсутствии у Гоголя плоского критицизма в отношении европейского мира. Фраза *И стала европейская цивилизация призрак* также вовсе не развенчивает Запад, но ставит перед его загадкой, перед поиском ее оснований. Ведь и русская жизнь для Гоголя – загадка, „тайна”. Обе загадки не могут дать, в понимании Гоголя, прямого ответа. Вопрос Гоголя к Руси „(...) куда ж несешься ты?”, (Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 239) имплицитно подразумевает сходный косвенный вопрос также к „посторонивающимся и дающим ей дорогу” „другим народам и государствам” (Гоголь, 2009–2010, т. 5. 239). Оба вопроса остаются в первом томе без ответа.

В *Выбранных местах из переписки с друзьями* Гоголь предлагает в целом позитивную оценку заданному Петром I в России „чистилищу просвещенья европейского”, замечая, впрочем:

⁷ По поводу отношения Кафки к позднему Толстому см., напр.: Müller, 1992; Шульц, 2018.

По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым.

(Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 73)

Здесь возможность „привития европейских идей” в России вовсе не отрицается, но ставится в зависимость от их адаптации православием, т.е. адаптации религиозной. Религиозные вопросы занимают важное место и в творчестве Кафки, и он также склонен через них оценивать смысл того или иного явления⁸. Религиозная оптика рассмотрения вполне светских вопросов сближает Кафку и Гоголя.

Непосредственно в *Вие исторический/историософский* контекст задан через образы Киева, бурсы и Братского монастыря. У Гоголя исторические детали по сравнению с Кафкой, конечно, конкретнее. Братский монастырь упоминался еще в *Страшной мести*, что свидетельствует об особом интересе Гоголя к этому локусу. Согласно справке Виноградова и Воропаева, точное название монастыря – Киево-Братский, „основан в 1588 г. при Богоявленской церкви на Подоле; в 1615 г. перешел в ведение Киевского братства (отсюда и название). В XVII в. монастырь стал одним из центров борьбы за Православие против католицизма и унии. В 1615 г. при нем открыта Киевская братская школа (в 1701–1817 гг. – Киевская академия), одно время (конец XVII – начало XVIII в.) монастырь был в руках униатов” (Виноградов, Воропаев, 2009, с. 564).

Вопросы веры, понятые в том числе исторически, занимают в *Вие* немаловажное место, как и в *Замке*. Непрямо в описаниях целостного киевского хронотопа затронуты отношения православия и католицизма, поскольку какой-то период монастырь (при котором бурса) принадлежал униатам; непосредственно вопрос об этих отношениях поднят в предшествующей *Вию* в цикле *Миргород* повести *Тарас Бульба*.

Гоголь никогда не мог бы – вслед за Кантом – употребить термин „историческое христианство”, но он понимал, что само христианство исторично в разных значениях последнего термина, т.е. укоренено в историческом движении и несет в себе исторический смысл. И поэтому, в частности, Гоголь почти всегда воспринимал католицизм с уважением. В этом отличие Гоголя от Достоевского (Достоевский, 1983, т. 25, с. 58), противопоставившего в *Дневнике писателя* точку зрения „нравственную” (христианскую) и точку зрения „историческую”. Достоевский, конечно, не отказывал христианству в историзме, как может отсюда показаться, но сам он смотрел на него словно внеисторически.

Весь хронотоп Киева (включая бурсу в качестве его части), а также *Вия* в целом, у Гоголя карнавализован. Философия карнавала, описанная Бахтиным, исторична, т.к. она направлена на „приручение”, позитивную „адаптацию” истории, выявление в ней смыслов обновления и смены, что, вопреки мнению Тамарченко⁹, совсем не противостоит христианским коннотациям и вообще христианским ценностям (Тамарченко, 2011, с. 309).

⁸ Об этом много писали Брод, Беньямин.

⁹ О констатации внутренней близости карнавальной теории Бахтина христианству см.: Coates, 1998.

В произведениях Гоголя и Кафки налицо момент определенного посвятительного обряда, инициального сюжета, предполагающего испытания и временную „смерть”: Хома не выдерживает „инициации”, с землемером К. – ввиду неоконченности романа – картина менее ясна. Мелетинским ее контуры очерчены так: „...он [К. – С.Ш.] (...) ничего не добивается, засыпает в неподходящий момент, когда, кажется, мог чего-то достигнуть” (Мелетинский, 2001, с. 140). Однако такой подход делает К. „виновным” в непопадании в искомый Замок, что все же деформирует кафковские смыслы.

Более взвешенны оценки на этот счет у Камю и Бланшо. Согласно мнению Камю о Кафке: „Нужно истребить земную надежду, лишь тогда возможно спастись надеждой истинной” (Камю, 1990, с. 373.). Хотя „спасение” и „надежда истинная” в данном случае не вполне подразумевают божественную реальность (а для Кафки-мыслителя та была актуальна), Камю все же отдаленно имеет в виду их секуляризованные проекции. Далее у Камю: „Но не следует искать объяснения для каждой детали в книгах Кафки. Символ – всегда обобщение, и художник переводит его, не разрушая его цельности” (Камю, 1990, с. 361–362).

М. Бланшо пишет¹⁰:

К. чувствует, что все, находящееся вне его, – то есть сам он, спроектированный вовне, – есть не более, чем образ. Он знает, что образам нельзя доверять и что к ним нельзя привязываться. Он обладает безмерной силой сопротивления, которая подобна лишь его безмерному влечению к одной единственной точке, лишенной определенности. (...) почему тогда в этом нетерпении он обвиняется как в грехе (...)?

(Бланшо, 1998, с. 142)

Как и положено в обряде инициации, к К. приставляются „помощники”, роль которых крайне карнавализована и которые отличаются „антиповедением”, выступая „антипомощниками”, что совершенно по-мениппейному:

Как только все ушли, К. сказал помощникам: „Вон отсюда!” Ошеломленные этим неожиданным приказом, они послушались, но, когда К. запер за ними дверь, они стали рваться назад, взвизгивать и стучать в дверь. „Вы уволены” – крикнул К. – Больше я вас к себе на службу не возьму”, Но они никак не унимались и барабанили в дверь руками и ногами.

(Кафка, 1991, с. 126–127)

По поводу фигур кафковских „помощников” точно выразился Беньямин:

У Кафки сирены молчат. Возможно, они молчат еще и потому, что музыка и пение у него являются выражением или по меньшей мере залогом избавления. Залогом надежды, брошенным нам из того мелкого, недовершенного и вместе с тем будничного, утешительного и вместе с тем дурацкого межеумочного мирка, где обосновались, как у себя дома, помощ-

¹⁰ Ссылки в самом тексте здесь и далее. Важно также следующее замечание Бланшо: „Смерть К. кажется необходимой развязкой для всей этой последовательности событий, через которые нетерпение гонит его до истощения его сил. В этом смысле усталость, от которой глубоко страдал и сам Кафка, – усталость и охлаждение души не меньше, чем тела, – это одно из орудий интриги, а точнее одно из измерений того пространства, в котором живет герой Замка, – в местности, где ему лишь дано блуждать вдали от всякой возможности истинного покоя” (Бланшо, 1998, с. 143).

ники. Кафка – как тот паренек, что отправился страха искать”.

(Беньямин, 2000, с. 58–59)

Далее Беньямин косвенно сравнивает „неутомимых помощников из Замка” с фигурами дураков, что закономерно (Беньямин, 2000, с. 89). У Хомы на хуторе в период его второго появления тоже есть „помощники” – три казака, но на деле они только соглядатаи испытания, не дающие Хоме скрыться и потворствующие его гибели. Три казака – тоже „антипомощники”, почти „дураки”, усиливающие карнавально-мениппейные мотивы *Вия*, но в данном случае в мрачном регистре, соединяя их с трагедийными.

С карнавальностью в *Вий* и в Замок входят подразумеваемые акценты преодоления недолжного в истории, метафизическо-идеалистического снятия ряда исторических эпизодов из прошлого, их нейтрализации. Согласно идее средневекового философа Дамиани, Бог может отменить прошлое; она вполне могла стать одной из основ философии карнавала. К таким „недолжным аспектам” исторического относимо, что продемонстрировал Жирар, само инфернальное начало и отношение человека к нему (Жирар, 2010).

Гоголь карнавально обыгрывает инфернальные мотивы *Вия*, показывая их относительность – при всей их „страшности”. У Кафки инфернальность несколько снята (не буквальна). Сама абсурдность становится у Кафки превращенной формой инфернальности. Жирар во второй половине XX в. показал ограниченность инфернального в том плане прежде всего, что мы сами должны отказаться от „охоты на ведьм”: тогда все „ведьмы” и исчезнут.

Кафка сложно балансирует между самыми разными толкованиями сюжетной ситуации, уже „вставленными” имманентно внутрь нее. Нет сомнений, что Кафка не только символически или эмblemатически, но и буквально фиксирует десакрализацию и лишение смысла, в современных ему исторических условиях, всех мифологических, религиозных, политических, общественных и иных казавшихся устоявшимися институций наличной реальности, мыслившимися до того (еще непосредственно до эпохи Кафки) фундаментом индивидуального и коллективного существования человека в мире.

Мелетинским верно замечено, что кафковская „прозаизация не ослабляет представления о могуществе высших институций. Наоборот, она подчеркивает ее таинственную силу, которая скрыта в темных углах обыденной жизни, Она вскрывает демонизм самых банальных мест и ничтожных людей” (Мелетинский, 2001, с. 137–138). Иначе говоря, при всей десакрализации, наличные институции сохраняют свою колоссальную власть, „таинственность” которой связана, впрочем, почти исключительно с субъективными намерениями автора/нarrатора хотя бы как-то понять эти институции (несколько „приподнять”) и даже в чем-то извинить (*sic!*). В желании извинить – а не уличить – и весь пафос кафковского письма отцу. Такая позиция тесно сцеплена с кафковским отказом от „рессентимента”, от „недобрых чувств” в себе.

Землемерие – архаический в истоках вид деятельности, оно соотнесено с ритуально-мифологическими параметрами всех социальных практик, с „магическим” обустройством мира и в мире. Социальный порядок в архаике прирав-

нивается к „космическому”. Вынужденное невыполнение землемером К. своих функций – симптом космической дисгармонии, расшатывания мироздания. Замок не оказывает герою никакой реальной помощи, хотя именно замок призвал К. для осуществления работ. В связи с ритуально-мифологическими корнями землемерия и конкретно образа землемера К. выразительна фигура гоголовского школьника Хомы, призываемого для совершения культовых отправлений – итожимых негативным результатом, как и у К. Осознание переклички заданных необходимыми действий Хомы и К. проступает в свете историальной интерпретации мифологии и Откровения Шеллингом, увидевшем закономерное эволюционное движение от архаических видов мифа к Откровению и христианской мифологии.

В эпоху Кафки возвышенный статус землемерия уже почти не осознавался, благодаря чему образ землемера К. (именно в качестве землемера) несколько снижен¹¹. С другой стороны, согласно точному замечанию Беньямина,

Эпоха, в которую Кафка живет, не знаменует для него прогресса по отношению к праистокам. Действие его романов разыгрывается в мире первобытных болот. Тварь живая явлена у него на той стадии, которую Бахоффен называет гетерической. А то, что стадия эта давно забыта, вовсе не означает, что она не вклинивается в наш сегодняшний день. Скорее напротив: именно благодаря забвению она и присутствует в нашей современности.

(Беньямин, 2000, с. 79–80)

Поздний Гуссерль в *Началах геометрии* (1936) увидел исток геометрии („образца” науки) именно в землемерии как, в данном случае, жизненной практике, обращенной непосредственно к „жизненному миру” в его „допредикативности” (дотеоретичности, неотвлеченности (Гуссерль, 1996. с. 210–245)). Возвращение к „жизненному миру” в его историчности Гуссерль объявляет целью забывших о своих истоках современных ему наук; исток искусств тоже возводим к исторически понятому „жизненному миру”, подобно истоку самого „жительствования человека” (Хайдеггер).

Хотя концепция Гуссерля возникла уже после смерти Кафки, заметны переклички между идеями искомых для двух авторов оснований жизни, наук, художества. Эти основания констатируются Кафкой и Гуссерлем в качестве утраченных и долженствующих вновь стать обретенными. Вместе с тем, при всем интересе Кафки к архаике, он – не за простую реанимацию архаики. Мысль Кафки (как, впрочем, и Гуссерля) гораздо сложнее и в любом случае обращена по преимуществу в будущее, а не в прошлое. Поэтому у обоих дело идет не о реанимации чего-то из прошедшего, а о движении вперед с оглядкой на позитивные элементы опыта истории.

¹¹ Любопытно, что в романе Теккерея *Виргинцы* бегло мелькает образ землемера, причем в сниженной плоскости, хотя под ним имеется в виду будущий герой борьбы за независимость США Вашингтон: „Неужели представительница рода маркизов Эсмондов выйдет замуж за младшего отпрыска колониальной семьи, которого к тому же предназначали в землемеры!” (Теккерей, 1991, т. 1, с. 95). Кафка, видимо, учитывал подобные то снижающие, то возвышающие коннотации при создании собственного образа землемера.

Если ранний Гуссерль с его концепцией интендирующей роли сознания сближается с солипсизмом, т.е. с идеей „построения” внешнего мира исходя из данных одного лишь сознания субъекта, то поздний Гуссерль практически полностью преодолевает солипсизм за счет непосредственного обращения к самому миру (а не сознающему субъекту) (Хабермас, 2008, с. 160).

Кафка мог знать ранние гуссерлевские сочинения: философия тесно входила в круг его чтения. Его Карл Россман (*Америка*), Йозеф К. (*Процесс*) и К. живут в мире, словно определяемом солипсичными другими: в *Америке* Карл – игрушка в руках проходимцев; в *Процессе* герой без вины осуждается; в *Замке* протагонист полностью зависит от сил, приближенных к Замку и сил самого Замка. В условиях художественной реальности *Замка* К. сам в чем-то становится „солипсистом”, *по-своему* задавая и моделируя горизонт мира. Но Кафка всегда пытался найти путь к объективности, к реальности жизненного мира (предвосхищая, в частности, позднего Гуссерля). Путь к *реальному*, „жизненному миру”, несомненно, ищет и К.

Гоголь строил собственные художественные миры на скрещении различных точек зрения своих героев на события, отдавая должное их свободе воли¹². Смирнова-Россет сохранила ценное высказывание Гоголя о том, что Боссюэ в своей *Всеобщей истории* (XVII в.) будто бы лишает человека свободы: „...с духовной стороны в ней не видна свобода человека, которому Создатель предоставил действовать хорошо или дурно” (Смирнова-Россет, 1990, с. 450–451). В мире самого Гоголя идея свободы воли могла доходить до констатации доли „солипсизма” (излишнего субъективизма, если в более мягкой формулировке) в действиях его героев, что обнаруживается, к примеру, в поведении инфернальных сил или приравненных к ним – таков, например, Чичиков-„черт” в восприятии Мережковского (1991, с. 213–309). В *Вие* это – злоупотребляющая магией „солипсистка” панночка (отвергающая божественный миропорядок) и ее демонические то ли хозяева, то ли подчиненные (см. далее).

Ощущимо сходство во внутреннем облике протагонистов Гоголя и Кафки: это некий вполне обычный человек, не плохой и не хороший („эвримэн”), от которого, однако, ожидается степень соответствия некоему испытанию-смыслу (испытанию-„бессмыслице”). У героев обоих писателей необходимо различать существование и сущность. На уровне своего существования герои не выделяют испытания – соответственно инфернальностью у Гоголя, и, у Кафки, абсурдом как исторически новым типом значения, абсурдом в качестве почти тотальной десакрализации.

Последняя – не только результат „снятия с мира чар” (устранения идеи Бога), но результат перетолкования, пересоздания „старых” чар в иные (небожественные). „Сакральное” вообще – может быть и „демоническим”, т.к. „духовное” способно существовать и с отрицательным знаком (ср. падших ангелов). Лосев

¹² Мирсон справедливо показала, что разные точки зрения в том или ином произведении составляют целые „персонологии”, т.е. значимы в качестве различных ключей толкования ситуаций художественных миров (что развивает подходы Бахтина к диалогу и полифонии), см.: Мирсон, 2009.

показал, что без „чар”, т.е. без мифа и мифологии, широко понятых, никто не может обойтись, включая богоборцев и атеистов (Лосев, 1994). В недавней книге Зенкина о „небожественном сакральном” почти не уделено внимания именно демоническому „сакральному” (ср.: Зенкин, 2012).

Когда отец панночки беседует с Хомой перед его бдениями, то выражает уверенность в факте предсмертного желания дочери о спасении ее души, искренней ее заботы об этом:

– Если бы только минуткой долее прожила ты, – грустно сказал сотник, – „то верно бы я узнал все. „Никому не давай читать по мне, но пошли, тату, сей же час в киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута. Пусть три ночи молится по грешной душе моей. Он знает...“ А что такое знает, я уже не услышал. (...) Ты, добрый человек, верно, известен святою жизнию своею и богоугодными делами, и она, может быть, наслышалась о тебе.

(Гоголь, 2009–2010, с. 431)

Ольга в *Замке* столь же похвально будет отзываться о К., но не в плоскости сакрального, а в аспекте практически целиком десакрализованной социальности своего настоящего (на основе интриг, нравов Замка и Деревни, якобы успешного лавирования героя между ними):

Ты имеешь право заходить в Замок, ты постоянный посетитель канцелярий, проводишь целые дни в одном помещении с Кламмом, тебя официально считают посыльным, ты расчитываешь получить форменное платье, тебе поручают передачу важных документов, – вот кто ты такой, вот что тебе разрешено, а ты приходишь домой, и, вместо того чтобы нам с тобою обняться, плача от счастья, (...) во всем ты сомневаешься...

(Кафка, 1991, с. 165)

Сотник надеется, что последующие действия Хомы способствуют осуществлению „желания” дочери, отец готов всячески поддержать ее устремления, как он их понял. Сталкиваемся ли мы здесь с неискорененной наивностью отца относительно посмертных ожиданий панночки (и его незнанием о ее „ведьмовстве”) или, в самом деле, имела место некая серьезная предсмертная ее надежда? Вопрос не надуманный. Во втором случае Хома словно „призван”, а инфернальные превращения живой и мертвой красавицы объяснимы, может быть, каким-то идущим из прошлого страшным заклятием, под которое та подпала, будучи не в состоянии сразу избавиться от него¹³. Наконец панночка способна, в зависимости от ситуации, выбрать путь промежуточного скольжения между противоположными силами, мирами и смыслами, когда она все решает и решает, к какому стану примкнуть в конечном счете.

Бдения в хуторской церкви – поединок инфернальности и богоугодности. Панночка могла задумать подобную двусмысленность: если победит Хома, то спасу свою душу вместе с его победой (ее „привязанность” к нему очевидна);

¹³ Вопрос о панночке как о „жертве” темных сил и об искренности ее „желания” спасти душу рассматривал также Бочаров (2007а, 2007б). Необходимо также отметить излишне буквалистскую и психологическую трактовку Бочаровым сцены полета Хомы с ведьмой: тем самым сцена лишается символического и условного значения.

если же он посрамится – отыграюсь за свою физическую смерть и доставлю радость силам ада („начальнику гномов” и т.п.)

Отцу сотнику ничего неизвестно об инфернальности дочери. С другой стороны, то, что церковь с самого начала действия оказывается заброшенной (хотя и не в такой степени, как в finale повести), свидетельствует об индифферентности сотника в отношении к религии и к благочестию. Лишь ради дочери – уже умершей – сотник вспоминает о храме:

Сотник сам шел впереди, неся рукою правую сторону тесного дома умершей. Церковь деревянная, покривевшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения.

(Гоголь, 2009–2010, с. 433–434)

Сотник готов вынашивать даже планы жестокой мести убийце дочери, которого он видит перед собой, но не может опознать:

– Я не о том жалею, моя наймилейшая мне дочь, что ты во цвете лет своих, не дожив положенного века, на печаль и горесть мне оставила землю. Я о том жалею, моя голубонька, что не знаю того, кто был, лютый враг мой, причиною твоей смерти. И если бы я знал, кто мог подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказал что-нибудь неприятное о тебе, то, клянусь богом, не увидел бы он больше своих детей, если только он так же стар, как и я; ни своего отца и матери, если только он еще на поре лет, и тело его было бы выброшено на съедение птицам и зверям степным. Но горе мне, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной век свой без потехи, утирая полою дробные слезы, текущие из старых очей моих, тогда как враг мой будет веселиться и втайне посмеиваться над хилым старцем (...).

Философ был тронут такою безутешной печалью. Он закашлял и издал глухое кректанье, желая очистить им немного свой голос.

(Гоголь, 2009–2010, с. 432–433).

Другой ненадуманный вопрос: панночка по отношению к Вию – подчиненная или хозяйка? Обычные представления о ведьме диктуют, казалось бы, однозначно первый вариант ответа, но в гоголевской ведьме заметны черты мифо-фольклорной (дохристианской, языческой) „хозяйки леса”, „хозяйки зверей” (ср. мотив лая при приближении компаний школьников к хутору; вообще мотивы лая в повести), наконец матриархального архетипа „Великой матери”, негативно переосмыслившегося в эпоху патриархата (Шульц, 2017).

Отсутствие имени у панночки (хотя отец или дворня могли бы его упомянуть) делает ее образ тем более загадочным и амбивалентным. В своей потенциальной полноте образ панночки несводим ни к „ведьме”, ни к просто „красавице”: он многосмыслен, что зависит также от субъективизированных точек зрения других персонажей. Для большинства обитателей хутора панночка – ведьма, но их мнения поданы автором/нarrатором объектно-комически, т.е. не всегда способны вызывать доверие. Афоризм одного из героев повести – „все бабы, которые сидят на базаре, – все ведьмы” (Гоголь, 2009–2010, с. 450) – не только метафоризирует образ колдуньи, но и карнавализирует его, делает неопасным.

Несмотря на признаки снижения образа Хомы, в нем – через акцент на его сущности как „философа” (жреца, поэта в архаическо-романтическом понимании) и будущего священнослужителя – заметно скрытое духовное беспокойство, приступающее также через соотнесение с архетипами апостола Фомы, богословов Фомы Аквинского и Фомы Кемпийского¹⁴, наконец, школяра Франуса Вийона (Шульц, 2017). В таком случае сюжет приобретает элементы агиографии.

Интересно сопоставление Демковой сюжетов *Вия* и древнерусской *Повести о некоем убогом отроце* (XVII в.), включающей заметные агиографические элементы. Отмечая близость мотива отпевания заклятой умершей у Гоголя и у неизвестного автора *Повести...*, Демкова указывает, что герой XVII века, в отличие от Хомы, читает без страха, „не устрашась царевны” (статус героини отчасти коррелирует со статусом знатной гоголевской панночки), а в ночь третьего чтения даже освобождает ее от заклятия. Царевна становится его невестой, что совпадает также с мотивами так называемого „некнижного” жития Николая Чудотворца (где святой исцеляет беснующуюся в храме девицу) и с мотивами сказки *Иван купеческий сын отчитывает царевну*, где описано оживление персонажем мертвой царевны, изгнание из нее злых духов и последующий брак героев (Демкова, 1989, т. 42, с. 404, 406).

На фоне сюжетного завершения *Повести о некоем убогом отроце* Гоголь обрывает и в итоге снимает первоначально заданные в *Вие* агиографические параллели, приводя финал к негативности в их отношении. Впрочем, надо обратить внимание на замечание Фомичева: „Но в окончательной редакции (1842-го года) Гоголь все же спас его [Хомы. – С. Ш.] душу. Здесь важно отметить деталь, ранее в тексте отсутствующую. (...) Душа (...) Хомы вылетела до второго петушиного крика, а стало быть, не застряла в стенах вместе с нечистью” (Фомичев, 1995–1996, с. 445).

К агиографии, также генетически, восходит модель рыцарского романа, например, в тексте анонимного средневекового стихотворного романа *Роберт Дьявол* (Михайлов, 1976, с. 146; 310) (в *Ревизоре* упоминается опера Мейербера с таким же названием). Хома сопоставим с „рыцарем” – через несколько ироническое высказывание Гете о „рыцарях” XVI в. (а это тот век, когда был основан Братский монастырь в Киеве, где расположена бурса Хомы), о чем мы уже писали¹⁵. В *Тарасе Бульбе* казаки прямо названы „рыцарями”.

Хома, безусловно, – „рыцарь” в достаточно пародийном, мениппейном значении, но в заданном качестве представителя Церкви – он, можно сказать, „рыцарь-монах”¹⁶ (такой тип часто встречался среди крестносцев), и тут уже почти нет пародийности. Неизменная данность модели „пространства рыцарского поиска – глухая (...) дорога” (Михайлов, 1976, с. 181) – вспомним в связи с этим весомость самого хронотопа большой дороги, по которой плутают и с которой сбиваются школяры в *Вие*. Кроме того, учтем, что в рамках рыцар-

¹⁴ Гоголь был хорошо знаком с трактатом последнего *О подражании Христу*.

¹⁵ Хома Брут и Франсуа Вийон (Шульц, 2017).

¹⁶ Блок назвал свою статью о Соловьеве именно „Рыцарь-монах”. Заметим, что речь идет о *философе* (статус Хомы).

ского эпоса существовали не только прямые манифестации жанра, но также „иронические и пародийные произведения”, например, анонимный „Рыцарь двух шпаг” (Михайлов, 1976, с. 51), жанровый вариант которых в аспекте исторической поэтики косвенно „проступает” в *Вие*. Названные „иронические и пародийные произведения” карнавализованы, подобно будущим жанровым моделям *Вия* и *Замка*.

Один из эпизодов рыцарского романа Кретьена де Труа *Ивэйн, или Рыцарь со львом* предвосхищает сюжетный мотив *Вия*, когда Хома видит в церкви каплю крови на лице умершей панночки:

Кровоточит мертвец в гробу,
Алеет снова кровь на лбу –
Наивернейшая примета:
Убийца, значит, рядом где-то (...)
Мертвец как будто хмурит брови,
Окрашенные струйкой крови.

(Труа, 1974, с. 56)

И далее:

Никак вассалы не поймут,
Что происходит в этом зале.
Переглянулись и сказали:
„Когда убийца среди нас,
Его, наверно, дьявол спас
От нашей справедливой кары.
Тут явно дьявольские чары!

(Труа, 1974, с. 56)

В цитате инфернальность приписывается убийце, тогда как у Гоголя инфернальна „убитая” панночка; но в церкви погубить школяра собирается уже она сама. Совпадение мотива выступления крови у убитого лица при нахождении рядом убийцы, однако, налицо. Хома все равно остается (невольным) убийцей, а при редукции христианского пласта *Вия* до мифо-фольклорного (языческого) начала панночка способна превратиться в нечто более позитивное, например, языческую „Великую мать” и т.п.

Отдельные рыцарские романы ретроспективно называют „готическими”, например, французский анонимный роман *Гибелльный погост* (XIII в.), где герой сражается с нечистой силой, место действия – ночное кладбище с разверзающимися могилами (Михайлов, 1976, с. 215). Ср.: в *Вие* „летающий” гроб панночки, способной покидать его, и сами сцены поединка Хомы с силами ада; эти эпизоды – свидетельство в пользу рецепции Гоголем модели рыцарского „готического” романа.

Роль для *Вия* модели иного, но родственного вышеназванному, жанра (классического готического романа конца XVIII – начала XIX в.) уже справедливо отмечалась еще Магомедовой (2009) при сопоставлении с *Монахом Льюиса*.

Аргументами в пользу этого выступают мотивы дьявольских соблазнов в гоголевской повести, наличие там фигуры, готовящейся стать духовным лицом,

присутствие образа заброшенной церкви, где происходят мистические бдения и искушения.

Говоря о героях средневекового романа в целом, Мелетинский указывает, что те „не столько (...) характеры, сколько художественные конструкции” (Мелетинский, 1983, с. 7); то же справедливо в отношении классического готического романа. Герои рыцарского и готического романов, „переходящие” (вместе с отдельными иными составляющими их жанровых моделей), в рамках исторической поэтики, к Гоголю, становятся у писателя уже не только „конструкциями”, т.е. даны не только в рамках заданности сюжета и всей топики. Мир гоголевских героев наполняется духовно-психологическим содержанием, гоголевские протагонисты становятся резко индивидуализированными, неповторимыми, но сохраняя, вместе с тем, нечто от „конструкции” именно благодаря связям с указанными жанровыми моделями.

В жанровом составе романа Кафки также задана модель готического романа: прежде всего через заглавный образ загадочного Замка, чья историческая семантика/топика неизбежно хранит память о романах моделях литературной готики. У Кафки Замок, образ которого особо выдвинут уже через заглавие романа, так и не становится ареной действия, о нем лишь рассказывают, на предписания оттуда только ссылаются. Тем не менее образ замка в качестве некоей „фигуры фикции” (термин Андрея Белого о Гоголе) – центр притяжения всех сил, действующих в романе. Только ли человеческие это силы? В любом случае не приходится сводить образ замка к какой-то непосредственной конкретике (в том числе антропной), вопреки, например, позиции Гулыги, писавшего в связи с кафковским Замком лишь о критике писателем мира „бюрократии” (Гулыга, 1988). Бюрократизация выступает в *Замке* и в Замке лишь частной эмблемой общемирового абсурда.

На фоне топики бюрократизации характерен почти „канцелярский”, „официально-деловой стиль”, используемый Гоголем при описании им своего „идеального государства”, например: „Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство” (уже цитировавшийся черновик неотправленного письма к Белинскому, т. 14, с. 392). Гоголь нередко сугубо духовные категории описывал в терминах несколько бюрократизированных, что объяснимо его полным доверием к содержанию всяческих мифо-политических институций, от архаики до его эпохи.

Как Хома – символ человека вообще (ср. латинское¹⁷ обозначение человека *homo*), так и К. становится из некоей „эмансации” самого Кафки – символом всякого человека.

Если использовать термины Манна, допустимо утверждение: в кафковском романе есть некая фантастика (это поиски и злоключения землемера К.), но нет носителя фантастики (Манн, 1988). Вместе с тем, исходя из другого ракурса, высказывание переворачивается: есть носитель фантастики (*Замок*), но самой

¹⁷ Вий знаменит своими латинскими именами и „античным колоритом” в целом.

фантастики словно нет, лишь абсурд вместо нее. Образ Замка, могущий выступать, согласно готической традиции, именно „носителем”, „источником” разнообразной фантастики, настойчиво задан, а само „сверхъестественное” в прямом виде отсутствует.

Есть нечто ужасающее, пугающее в таком выдвижении некоей образной фигуры, чьим именем названо все произведение, но о которой персонажи и читатели узнают только из пересказов, слухов, настраивающих то на надежду в реальность Замка, то на скепсис. Вот эта „готическая” – „готическо-экспрессионистическая” (с учетом экспрессионизма Кафки) – ужасаемость заглавной образной фигуры романа и есть то ли фантастика без ее носителя, то ли носитель фантастики без самой фантастики.

В связи с отсутствием в *Замке* прямо декларированной фантастики уместно привести замечание Бланшо:

К. тоже хочет добиться цели, но ею ни является ни место, в котором он все же нуждается, ни Фрида, к которой он испытывает привязанность; он хочет добиться таковой не скучными способами, требующими терпения и умеренной общительности, но (...) способом невозможным и к тому же ему самому неизвестным. (...) Может, в этом его заблуждение. В романтической страсти к абсолютному? (...) К. выбирает невозможное, потому что неким изначальным решением он был лишен всякой возможности. (...) он был удален из мира, из своего мира, обречен на отсутствие мира, предан изгнанию, в котором нет места для подлинной жизни. Блуждать – вот его закон. Неудовлетворенность К. – это и есть способ блуждания, его выражение. (...) и все же, идти все дальше в ошибочном направлении – это его единственный повод для надежды.

Прав он или не прав? Он не может этого знать, и мы также не знаем.

(Бланшо, 1988, с. 141)

Модель рыцарского романа в *Замке* проступает также через символически-эмблематический образ заглавия: ведь один из важных хронотопов в рыцарском романе вообще – замок, различные замки. Кроме того, к реализации жанровой модели рыцарского романа у Кафки причастны мотив „духовного приключеньства” (Гегель) К. и духовного поиска автора/нarrатора, а также важный хронотоп символической дороги – не только жизненного пути индивидов, но и их пути между „мирами”, уровнями мироздания.

Заметный бытовой фон коррелирует у Кафки с не столь явными внебытовыми – почти волшебными, как в рыцарском романе – приметами, „сигналами”, деталями, действиями. Все эти приметы и детали двойственны: они существуют в своей внесимволической фактичности и в своей сложной многосмысленной символичности.

Искомый у Кафки Замок нельзя не сопоставить с замком Граала из рыцарских романов де Труа (*Роман о Персевале*, *Роман о Гавэйне*) и наследующего им фон Эшенбаха (*Парцифаль*). У Вольфрама мир Граала, мистической христианской святыни, по замечанию Михайлова,

благодаря своей идеальности принимает на себя основные черты королевства Артура. (...) Королевство Граала имеет вполне внятные этические и практические цели. Оно не только хранит волшебный камень, обладающий многими чудесными свойствами, но и культивирует определенные нравственные идеалы (...) Королевство Граала имеет (...)

достаточно ясную программу. Обладает оно и четкой организацией. (...) Мораль Граалая антисословна и наднациональна (...) Содружество Граалая – это сообщество благородных духом, мужественных и честных, и потому практически оно открыто для многих, не только для ставшего праведным христианином и постигшего суть Бога Парцифала, но и для язычника Фейрефица.

(Михайлов, 1974, с. 21–22)

У Вольфрама дана мотивировка закрытости замка Граалая для его героя: „Парцифаль забыл о сострадании и не исцелил короля Анфортаса, и за это прегрешение против человечности путь в страну Граалаю юному рыцарю оказывается заказан” (Михайлов, 1974, с. 22). Ср. злоключения К., не совершившего никаких одиозных поступков, однако же, не могущего попасть в *свой* Замок.

Мотиву неизменной обращенности К. к поиску Замка (как эквиваленту духовного поиска) соответствует девиз духовного вертикального движения протагониста романа Кретьена *Ивэйн, или рыцарь со львом*. По признанию Ивэйна:

Я рыцарь (...)
Искать весь век я не устану
Того, чего найти нельзя.
Вот какова моя стезя.

(Труя, 1974, с. 38)

К. также ищет то, „чего найти нельзя”.

Дон Кихот представлял собой пародию на рыцарский роман (сохраняя в себе отдельные элементы жанра *romance*) и вместе с тем это – первый образец социально-бытового романа Нового времени (жанр *novel*) (см.: Мелетинский, 2001, с. 111–113); Замок же – своего рода пародия на *Дон Кихота*, и в чем-тоозвращение к досервантесовскому типу романа (*romance*). Присущая *Дон Кихоту* линия социально-бытового романа в ключе Нового времени (жанр *novel*), в Замке разрушается, превращается в мираж и мнимость, уступая первенство другой линии – туманно-мистической, фигуральной, условной, разорвано-символической (*romance*). *Romance* – роман средневекового типа, „романтизированный”, включает элементы мифологичности и сказочности.

По наблюдению Кундеры, „Дон Кихот выехал навстречу миру, широко распахнутому перед ним. Он мог спокойно проникнуть в него и вернуться домой, когда захочет. Первые европейские романы представляют собой путешествия по миру, который кажется бескрайним”; однако уже в *Жаке-фаталисте* Дидро герои „находятся во времени, лишенном начала и конца, в пространстве, лишенном границ, посреди Европы, для которой будущее нескончаемо” (Кундера, 2013, с. 18). У Кафки соединяются хронотопические планы, восходящие к *Дон Кихоту* и *Жаку-фаталисту*; последний текст в данном случае представляет собой только частность более общих и более сложных романтических моделей, сходным с ним, прежде всего предромантических и романтических.

Родственность хронотопических и жанрово-мотивных моделей, аллюзии на жанровые модели архаики, средневековья, Ренессанса, предромантизма, романтизма, погруженность этих моделей и аллюзий в сложный историософский и культурфилософский контекст, карнавализация, преобладание мениппейно-

го начала – все эти присущие *Вию* и *Замку* черты способствуют особой близости творчества двух великих мистических авторов.

Неоконченность *Замка* воспринимается читателем в качестве почти не замечаемой, даже закономерной и необходимой. „Неоконченность” является органичной для этого текста (и для всего творчества Кафки), свидетельствуя в том числе о перерастании героя в рамки художественного произведения, случаи чего отмечены Бахтиным (Бахтин, 1996, т. 5, с. 304–305). „Перерастание” подразумевает тут также модернистское в движение жизни в горизонт искусства (не наоборот: не искусства в горизонт жизни). Сходная органическая „неоконченность” процесса творчества, что отметил Белый, свойственна Гоголю (Белый, 1996, с. 339; см. также: Шульц, 2017, с. 217).

Литература

- Бахтин, М. (1996). *Собрание сочинений: в 7 т.* Т. 5, Москва: Русские словари.
- Белый, А. (1996). *Мастерство Гоголя*. Москва: МАЛП.
- Беньямин, В. (2000). *Ф. Кафка*. Москва: Ad Marginem.
- Бланшо, М. (1998). *От Кафки к Кафке*. Москва: Логос.
- Бодлер, И. (1993). *Цветы Зла. Стихотворения в прозе*. Пер. с фр. П. Якубович. Москва: Высшая школа.
- Бочаров, С. (2007). *Филологические сюжеты*. Москва: Языки славянских культур.
- Брод, М. (2000). *О Ф. Кафке*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Брод, М. (2003). *Ф. Кафка. Узник абсолюта*. Москва: Центрполиграф.
- Виноградов, И., Воропаев В. (2009). *Комментарии*. В: Гоголь, Н. В. *Полное собрание сочинений и писем: в 17 т.* Т. 2. Москва; Киев: Издательство Московской Патриархии, с. 646–656.
- Гоголь, Н. (2009–2010). *Полное собрание сочинений и писем: в 17 т.* Москва; Киев: Издательство Московской Патриархии.
- Гулыга, А. (1988). В призрачном мире бюрократии: Франц Кафка и его роман „Замок”. *Иностранный литература*, № 3, с. 217–223.
- Гуссерль, Э. (1996). *Начало геометрии*. Пер. с нем. М. Маяцкий. Москва: Ad Marginem.
- Делез, Ж., Гваттари, Ф. (2015). *Кафка: за малую литературу*. Москва: Институт общегуманистических исследований.
- Демкова, Н. (1989). *Из истории русской повести XVII века. Об одной параллели к повести Н. В. Гоголя „Вий”*. (Повесть о некоем убогом отроце). В: Лихачев, Д. С. (ред.). *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 42. Ленинград: Наука, с. 401–408.
- Достоевский, Ф. (1983). *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.* Т. 25. Ленинград: Наука.
- Жирар, Р. (2010). *Козел отпущения*. Пер. с фр. Г. Дашевского. Санкт-Петербург: Издательство И. Лимбаха.
- Зенкин, С. Н. (2012). *Небожественное сакральное: теория и художественная практика*. Москва: РГГУ.
- Иваницкий, А. И. (2000). *Власть государства и родителя у Гоголя и Кафки*. В: Иваницкий, А. И. (ред.). *Гоголь. Морфология земли и власти*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, с. 152–158.
- Камю, А. (1990). *Записные книжки*. В: Камю, А. *Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки*. Пер. с фр. О. Гринберг и В. Мильчиной. Москва: Радуга, с. 193–555.
- Камю, А. (1990). *Миф о Сизифе. Эссе об абсурде*. В: Камю, А. *Бунтующий человек*. Москва: Политиздат, с. 23–92.

- Кафка, Ф. (1991). *Замок*. В: Кафка, Ф. *Замок. Новеллы и притчи. Письмо отцу. Письма Милене*. Пер. Р. Райт-Ковалевой. Москва: Политиздат, с. 15–280.
- Кафка, Ф. (1991). *Из дневников*. В: Кафка, Ф. *Америка: процесс: из дневников*. Пер. Е. Кацевой. Москва: Политиздат, с. 429–596.
- Кафка, Ф. (1991). *Из разговоров Г. Яноуха с Ф. Кафкой*. В: Кафка, Ф. *Замок. Новеллы и притчи. Письмо отцу. Письма Милене*. Пер. Е. Кацевой. Москва: Политиздат, с. 545–568.
- Труа де, К. (1974). *Ивэйн, или Рыцарь со львом*. В: *Средневековый роман и повесть*. Пер. В. Микушевича. Москва: Художественная литература, с. 31–152.
- Кузин, И. В. (2015). К вопросу становления концепции „взгляд” в философии Ж.-П. Сартра. *Вопросы философии*, № 2, с. 169–178.
- Кундера, М. (2013). *Искусство романа*. Пер. с фр. А. Смирновой. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Лескова, Е. В. (2015). Жанровая специфика притчи и мениппеи в романах Ф. Кафки „Процесс” и Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы”. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки*, № 1, с. 114–118.
- Лосев, А. Ф. (1994). *Диалектика мифа*. В: Лосев, А. Ф. (ред.). *Миф – Число – Сущность*. Москва: Мысль, с. 5–216.
- Лотман, Ю. М. (1988). *Художественное пространство в прозе Гоголя*. В: Лотман, Ю. М. (ред.). *В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. Москва: Азбука, с. 293–325.
- Магомедова, Д. М. (2009). Готическая традиция в повести Н. В. Гоголя Вий. *Гоголевский сборник*. Вып. 3 (5), с. 18–29.
- Манн, Ю. В. (1999). *Встреча в лабиринте: Ф. Кафка и Н. Гоголь*. *Вопросы литературы*. № 2, с. 162–186.
- Манн, Ю. В. (1988). *Поэтика Гоголя*. 2-е изд. Москва: Худ. литература.
- Манн, Ю. В. (2007). *Творчество Гоголя. Смысл и форма*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Меерсон, О. А. (2009). *Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей*. Санкт-Петербург: Пушкинский дом.
- Мелетинский, Е. М. (2001). *От мифа к литературе*. Москва: РГГУ.
- Мелетинский, Е. М. (1983). *Средневековый роман*. Москва: Наука.
- Мережковский, Д. С. (1991). *Гоголь и черт*. В: Мережковский, Д. С. (ред.). *В тихом омуте*. Москва: Советский писатель, с. 213–309.
- Михайлов, А. В. (1997). *Из истории характера*. В: Михайлов, А. В. (ред.). *Языки культуры*. Москва: Языки русской культуры, с. 176–210.
- Михайлов, А. Д. (1974). *Роман и повесть высокого средневековья*. В: *Средневековый роман и повесть*. (Библиотека всемирной литературы; серия первая. Т. 22). Москва: Художественная литература, с. 5–28.
- Михайлов, А. Д. (1976). *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе*. Москва: Наука.
- Набоков, В. В. (1998). Ф. Кафка. В: Набоков, В. В. *Лекции по зарубежной литературе*. Москва: Независимая газета, с. 323–364.
- Подорога, В. А. (1995). *Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии*. Москва: Ad Marginem.
- Смирнова-Россет, А. О. (1990). *Воспоминания о Н. В. Гоголе*. В: Смирнова-Россет, А. О. *Воспоминания. Письма*. Москва: Правда, с. 407–454.
- Тамарченко, Н. Д. (2011). „Эстетика словесного творчества” М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. Москва: Изд. Кулагиной.
- Теккерей, У. (1991). *Виргинцы*. Т. 1. Москва: Правда.

- Толстая, С. М. (1995). *Обмирания*. В: *Славянская мифология. Словарь*. Москва: Эллис Лак, с. 278–279.
- Фарино, Е. (1979). Структура поездки Чичикова. *Russian Literature*, т. 7. № 6, с. 614–616.
- Фомичев, С. А. (1995–1996). *Повесть Н. В. Гоголя Вий (заметки комментатора)*. В: Панов, С. И. (ред.). *Новые безделки: сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро*. Москва: НЛО, с. 444–447.
- Хабермас, Ю. (2008). *Философский дискурс о модерне*. Пер. с нем. М. М. Беляева и др. Изд. 2-е Москва: Весь Мир.
- Шульц, С. А. (2018). Ф. Кафка и Л. Н. Толстой (по поводу „Воспоминания о дороге на Кальду”). *Opera Slavica*, т. 28, № 1, с. 37–47.
- Шульц, С. А. (2017). Мотивы русской волшебной и бытовой сказки в повести Гоголя Вий. *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd.79, с. 155–164.
- Шульц, С. А. (2017). *Поэма Гоголя „Мертвые души”: внутренний мир и литературно-философские контексты*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Шульц, С. А. (2017). Хома Брут и Франсуа Вийон. *Человек*, № 2, с. 144–154.
- Coates, R. (1998). *Christianity in Bakhtin. God and the Exiled Author*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fetzer, L., Lawson R. H. (1978). Den Tod zur Schau gestellt: Gogol und Kafkas Hungerkünstler. *Modern Austrian Literature*, т. 11, № 3/4 (Special Franz Kafka Issue), с. 167–178.
- Müller, M. (1992). *Wohin gehst du Kleines Kind im Walde? über Erinnerungen an die Kalda bahn*. В: Zimmerman, H. D. (ред.), *Nach erneuter Lektüre F. Kafkas Der Prozess*. Würzburg: Königshausen und Neumann, с. 75–83.
- Parry, I. F. (1953). Kafka and Gogol. *German Life and Letters*, № 6 (2), с. 143.

FILOLOGIA ŚLEDCZA
СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ. MARINA CWIETAJEWA
JAKO ŚWIADEK W SPRAWIE O ZABÓJSTWO
IGNACEGO REISSA W ŚWIETLE DWÓCH PROTOKOŁÓW
PRZESŁUCHANIA

GRZEGORZ OJCEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Wydział Humanistyczny

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

Zakład Literatur Wschodniosłowiańskich

ul. Kurta Obitzu 1, 10-725 Olsztyn, Polska

e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5909-270X>

(nadesłano 27.05.2018; zaakceptowano 10.09.2018)

Abstract

From Investigative Philology. Marina Tsvetaeva as a witness in the Ignace Reiss' assassination case in the light of two interrogation protocols

The issue of the involvement of Marina Tsvetaeva (1892–1941) in the proceedings held by national authorities (the court and prefecture in Paris) in relation to the assassination of a Soviet spy Ignace Reiss (1889–1937) has never been a topic of scientific elaboration in the field of Russian studies in Poland. My article describes and provides analysis and interpretation of two interrogation protocols of the Russian poet who testified as a witness at the Paris prefecture on 22 October and 27 November 1937. Tsvetaeva's testimony, however, was focused mostly on the activities of her husband, Sergei Efron (1893–1941) as an agent rather than on the issue of the Lausanne murder. As a result, they did not bring any substantial information related to Ignace Reiss' assassination case. The protocols also contain factual mistakes regarding the events in the witness' life and the life of her daughter. It may seem that the reason for the mistakes was Tsvetaeva's poor mental, physical and intellectual health in those times of hardship. Maybe she simply played a role that she had previously prepared for herself.

Key words

Marina Tsvetaeva, Sergei Efron, the assassination of Ignace Reiss, Stalin's intelligence agency in Paris.

Abstrakt

Temat udziału Mariny Cwietajowej (1892–1941) w postępowaniu przed organami państwowymi – paryskim sądem i paryską prefekturą – w związku ze skrytobójczym zabójstwem radzieckiego agenta, Ignacego Reissa (1889–1937), nie jest naukowo opracowany w polskiej rusycystyce. W artykule opisuję, analizuję i interpretuję dwa protokoły przesłuchań rosyjskiej poetki, która zeznawała w charakterze świadka w paryskiej prefekturze 22 X i 27 XI 1937 roku. Zeznania Cwietajowej bardziej jednak dotyczą agenturalnej działalności jej męża, Siergieja Efrona (1893–1941), aniżeli kwestii mordu w Lozannie i dlatego nie wniosły niczego istotnego do sprawy o zabójstwo Ignacego Reissa. W protokołach utrwalono przy okazji błędy merytoryczne związane głównie z biografią samego świadka, jak też jej córki. Wydaje się, że przyczyną istotnych pomyłek może być zła kondycja psychofizyczna i intelektualna Cwietajowej w tamtych trudnych dniach, a ona sama odegrała rolę, do której się wcześniej przygotowała.

Słowa kluczowe

Marina Cwietajewa, Siergiej Efron, zabójstwo Ignacego Reissa, stalinowskie służby agenturalne w Paryżu.

Wstęp

Temat udziału Mariny Cwietajowej (1892–1941) w postępowaniu przed organami państwowymi – paryskim sądem i paryską prefekturą – w związku ze skrytobójczym zabójstwem radzieckiego agenta, Ignacego Reissa (1889–1937), do jakiego doszło 4 września 1937 roku w Lozannie¹, należy w polskiej rusycystyce do kwestii całkowicie niezbadanych². Inaczej zupełnie, gdy chodzi o prozę czy poezję tej wybitnej pisarki i tłumaczki Srebrnego Wieku³. Problem jest jednak intrigujący i wart podjęcia roz-

¹ O tej sprawie pisałem w poprzednim roczniku „*Studia Rossica Gedanensis*”: G. Ojcewicz. *Z filologii śledczej. Praca agenturalna stalinowskich służb specjalnych za granicą na przykładzie sprawy o zabójstwo Ignacego Reissa* (Ojcewicz, 2017, s. 297–332).

² Odmiennie od rusycystyki rosyjskiej, gdzie temat ten był podejmowany, lecz trudno powiedzieć, aby został wszechstronnie zbadany i w sposób wyczerpujący. Zob. np. prace Irmy Kudrowej: *Гибель Марины Цветаевой* (Кудрова, 1997); *Путь кометы. Жизнь Марины Цветаевой* (Кудрова, 2002); *Жизнь Марины Цветаевой: Документальное повествование* (Кудрова, 2002); *Марина Цветаева: беззаконная комета* (Кудрова, 2016). Zob. także opracowanie Anny Saakianc: *Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс* (Саакянц, 2002). Zob. jeszcze polski przekład jednej z książek Irmy Kudrowej: *Tajemnica śmierci Mariny Cwietajowej* (Kudrowa, 1998).

³ Zob. np.: Z. Maciejewski. *Proza Maryny Cwietajowej jako program i portret artysty* (Maciejew-

poznawczego wysiłku analityczno-interpretacyjnego, ponieważ może rzucić on nowe światło na postać nietuzinkowej kobiety, nie z własnej woli uwikłanej w konflikt sumienia z powodu następstw agenturalnych spraw swojego męża, radzieckiego szpiega, stalinowskiego werbownika i agenta NKWD w jednej osobie – Siergieja Efrona (1893–1941), podejrzewanego przez służby szwajcarskie i francuskie o udział w zabójstwie Reissa i innych akcjach tajnych służb Kremla we Francji.

Gdy jesienią 1937 roku wyszła na jaw agenturalna działalność Efrona, aura międzynarodowego skandalu, która silnie wzburzyła paryskie środowisko rosyjskich emigrantów, dotknęła także Cwietajewą, a w konsekwencji – zmusiła ją do zeznawania nieprawdy lub przemilczania prawdy przed sądem i prefekturą, by ratować męża, siebie i rodzinę. Taka obiektywnie naganna moralnie postawa poetki, lecz akceptowalna z ludzkiego punktu widzenia, nie mogła być obojętna ani dla władz francuskich, ani tym bardziej dla stalinowskiego reżimu, na którego rzecz gorliwie pracował Siergiej Efron⁴. Przeciwko Cwietajowej gwałtownie zwróciło się środowisko emigracyjne. Natychmiast mocno ucierpiała jej popularność autorska. Zaczęły się dotkliwe utrudnienia związane z drukiem tekstów i jawne okazywanie ostracyzmu. Dalsza perspektywa życia w Paryżu nie napawała optymizmem. I mimo że trwało wciąż śledztwo prowadzone w Lozannie i Paryżu, a zabójcy Ignacego Reissa już dawno znajdowali się w Moskwie, mimo że nie ustalono jeszcze roli samego Siergieja Efrona w danym przestępstwie, jak też w porwaniu generała Jewgienija Millera (1867–1939), sama przynależność do najbliższego grona stalinowskiego agenta oznaczało społeczne napiętowanie i uruchomienie dotkliwej lawiny szykan. W Cwietajowej dojrzewała gwałtownie – zdecydowanie wbrew jej najgłębszemu wewnętrznemu sprzeciwowi – decyzja o konieczności powrotu do ZSRR, by zachować słabnącą z dnia na dzień więź z rodziną. Narastało stopniowo prorocze przeczucie, że uda się do Kraju Rad po właściwą śmierć.

O samych przesłuchaniach Cwietajowej przed paryskimi organami sądowo-śledczymi wiemy stosunkowo niewiele, a i to, co do nas dotarło w formie udokumentowanych przekazów, wymaga sporej ostrożności interpretacyjnej. Nie można bowiem przyjąć ze stuprocentową pewnością, że relacje świadków pokrywają się z rzeczywistością, że nie rejestrują przy okazji pewnej projekcji wydarzeń, jaka była właściwa i pożądana w oczach samej Cwietajowej, ratująccej swój wizerunek wśród znajomych. Na przykład rosyjski emigrant, pisarz i publicysta Mark Słonim (1894–1976), tak zanotował słowa Cwietajowej o pobytach w prefekturze Paryża:

W czasie przesłuchań w policji francuskiej (Biuro Bezpieczeństwa Narodowego) cały czas mówiła o uczciwości męża, o zderzeniu się długu z miłością i cytowała z pamięci czy to Corneille'a,

ski, 1982); S. Pollak, Wstęp do: M. Cwietajewa, *Poezje* (Pollak, 1968); A. Majmieskułow, *Проловодъ под лирическим током. Цикл Марины Цветаевой «Проловода»* (Majmieskułow, 1992); E. Janczuk, *Język poetycki Mariny Cwietajowej* (Janczuk, 2013); A. Piwkowska, *Wykłeta. Poezja i miłość Mariny Cwietajowej* (Piwkowska, 2017).

⁴ Efronowie planowali przecież rodzinny wyjazd do ZSRR, co ostatecznie się powiodło. Najpierw wyjechała córka Ariadna (15 III 1937), potem Siergiej Efron (X 1937), a 18 VI 1939 roku dołączyła do rodziny Marina z synem Gieorgijem (1925–1944).

czy to Racina (ona sama potem opowiadała o tym najpierw M. N. Lebiediewej⁵, a potem mnie). Najpierw urzędnicy myśleli, że ona ich zwodzi i udaje, lecz kiedy zaczęła recytować im francuskie przekłady Puszkina i swoich własnych wierszy, ci zwańili w jej zdrowie psychiczne, a gdy zjawili się na pomoc doświadczeni specjalisci ds. emigracji, to rekomendowali ją jako „cette folle Russe”⁶.

Cwietajewa nie kryła się, jak widać z dzieleniem wrażeniami z przesłuchania w charakterze świadka w tak głośnej sprawie, jak zabójstwo Ignacego Reissa. Świadczy o tym chociażby list napisany przez nią 26 października 1937 roku do Ariadny Berg (1899–1979)⁷, dwa tygodnie po ucieczce Efrona za granicę, w którym poetka lakonicznie donosi:

Teraz więcej pisać nie mogę, ponieważ jestem całkiem przybita z powodu wydarzeń, które także są *nieszcześciem*, a nie *winą*. Powiem Panu, co rzekłam na przesłuchaniu: „— C'est le plus loyal, le plus noble et le plus humain des hommes. — Mais sa bonne foi a pu être abusée. — La mienne en lui — jamais”⁸.

⁵ Z rodziną Lebiediewów – Margaritą Nikołajewną (1880–1958), Władimirem Iwanowiczem (1884–1956) i ich córką Iriną Władimirowną – Cwietajewa była prawdziwie zaprzyjaźniona, a Ariadna Efron przez długie lata utrzymywała równie przyjacielskie kontakty z Iriną. Poetka znajdowała u nich nie tylko za każdym razem wsparcie finansowe, lecz przede wszystkim niezawodną pomoc duchową. W 1997 roku zupełnie przypadkowo odkryto jedną z nieznanych prac Cwietajowej, którą był rękopis przekładu na język francuski szkicu Władimira Lebiedziewa *Perast* (zob. Лебедев, 1997; zob. np.: <http://www.mysilverage.ru/2015/11/29/lebedev-v-perast-perevod-na-fr-m-cvetaevoj/> (15.05.2018)). Tu i dalej, jeśli nie zaznaczono inaczej, przypisy pochodzą ode mnie.

⁶ *Cette folle Russe* – fr. ta szalonka Rosjanka. Cyt. za: И. Кудрова. *Приложение I. Протоколы допросов Мариной Цветаевой в Префектуре Парижа (1937 год)*. W: Кудрова, 1997. Tu i dalej podaję w tłumaczeniu własnym. Por. Saakianc, 2002, s. 715.

⁷ Zob. np.: *Цветаева М. И. Письма к Ариадне Берг: (1934–1939)* (Цветаева, 1990). Redaktor tomu, Nikita Aleksiejewicz Struve (1931–2016), francuski rusycysta, wydawca i tłumacz, badacz dziejów rosyjskiej emigracji oraz kultury Rosji, w przedmowie do danej książki podkreślił, że „Każda notatka Cwietajowej, chociażby najmniej treściowo znacząca (odwołanie terminu spotkania, na przykład) świadczy o literackim podejściu do słowa, nie mówiąc już o obszernych listach, będących utworami prawdziwej sztuki, przy czym nie tylko słownej”. Struve zamieścił w danym tomie 74 francusko- i rosyjskojęzyczne listy Mariny Cwietajowej do Ariadny Berg, do tej pory nieznane nawet cwietajewologom. Badacz zapewnia, że listy te odkrywają nowego adresata i istotnie uzupełniają naszą wiedzę o ostatnich pięciu, najbardziej dramatycznych i samotnych latach emigracyjnego życia poetki. Odsłaniają jednocześnie ukryte obszary jej duszy i przeżyć duchowych.

⁸ Cyt. za: И. Кудрова, *Приложение I...* „To najuzcziwszy, najszlachetniejszy, najbardziej ludzki człowiek. — Lecz jego zaufanie mogło zostać nadużyte, moje zaufanie do niego pozostało niezachwiane”. Także w liście do Stalina Cwietajewa odważnie i z przekonaniem będzie bronić honoru męża, uzając wszelkie wysunięte wobec niego zarzuty za krzywdzące nieporozumienie. Poetka m.in. napisze do wódza bolszewików następujące zdania: „Nie wiem, o co oskarżają mojego męża, lecz wiem, że do żadnej zdrady, hipokryzji i wiarołomstwa nie jest on zdolny. Znam go: 1911–1939 lata – prawie 30 lat, lecz to, co o nim wiem, znałam już od pierwszego dnia: że jest to człowiek o największej czystości, ofiarności i odpowiedzialności. To samo powiedzą o nim przyjaciele i wrogowie” (cyt. za: Кудрова, 1997).

A w kolejnym liście do tejże Ariadny Berg z 2 listopada 1937 roku Cwietajewa pisze:

Cokolwiek by Pani słyszała o moim mężu czy czytała niedorzecznego – proszę nie wierzyć, jak nie wierzy temu ani jeden (choćby najbardziej „prawicowy”) spośród – nie tylko *znających*, ale – spotykających. (...) O mnie: Pani przecież wie, że żadnych „spraw” nie miałam (to, między innymi, wiedzą także w Biurze Bezpieczeństwa Narodowego, gdzie przetrzymali nas z Murem⁹ od rana do wieczora) – i nie tylko z powodu największej niezdolności, lecz z najgłębszego obrzydzenia do polityki, którą *całą* – poza najrzadszymi wyjątkami – mam za *bagno* (cyt. za: Кудрова, 1997)¹⁰.

Kim była Ariadna Berg, że zasłużyła sobie na wielką szczerość Cwietajowej, że stała się empatyczną powiernicą najskrytszych tajemnic rodzinnych wybitnej pisarki w tamtych gorzkich dniach? Ariadna Emiljewna Voltere urodziła się w Orle. Matka była Rosjanką, ojciec – Belgiem, inżynierem, który przyjechał budować pierwsze tramwaje dla carskiego imperium. Ariadna ukończyła gimnazjum w Carskim Siole. Po rewolucji październikowej rodzina wyemigrowała przez Władywostok, Japonię i USA do Francji. W 1920 roku Ariadna wyszła za mąż za urodzonego w Rydze Nikołaja Berga (1888–1937), prawnika z wykształcenia, starszego od niej o 11 lat, pracującego w Lidze Narodów. We Francji przyszły na świat trzy córki: Maria-Henrietta (Butia, 1924–1937), Wiera i Jelena (Lula).

Ariadna Berg poznala Marinę Cwietajewą pod koniec 1934 roku, najprawdopodobniej u wspólnych znajomych – kompozytora Thomasa de Hartmanna (1885–1956) – lub na jakimś wieczorze. Jak podkreśla Nikita Struve, młoda kobieta, która sama parała się literaturą i pisała po francusku wiersze, zainteresowała się autoprzekładem Cwietajowej poematu *Junak* (*Молодец*, 1924) i zaproponowała jej pomoc w znalezieniu wydawcy. Rozpoczęta w języku francuskim korespondencja zamieniła się w rosyjskojęzyczną wymianę zdań, a pierwsze spotkania szybko przerodziły się w trwałą przyjaźń. Czy na jej zadzierzgnięcie mogła mieć zbieżność imion – Ariadna – pierworodnej córki z nowo poznaną osobą? Cwietajewa zachęcała Berg do publikowania swoich wierszy, czuła w tej kobiecie podobieństwo do siebie, zbieżność charakterów i losów. W 1937 roku, fatalnym dla obu pań, w styczniu zmarł Nikołaj Berg, a w październiku – utalentowana najstarsza córka, Maria-Henrietta. Cwietajewa zaś musiała się zmagać wtedy ze sprawą Reissa, nagłym zniknięciem Siergieja Efrona i przesłuchaniami przed francuskimi organami wymiaru sprawiedliwości oraz ścigania.

Wdowa Berg wyjeżdża do Belgii, by być bliżej brata. Bezpośrednie spotkania z Cwietajewą będą więc odtąd rzadkością, lecz zaufanie nie osłabnie. Można nawet mówić o wzajemnej wierności dwóch kobiet wobec siebie bez względu na towarzyski bojkot poetki zapoczątkowany jesienią 1937 roku. Przed wyjazdem do ZSRR pisarka powierza jej na przechowanie część swojego archiwum oraz kilka bezcennych przedmiotów, w tym – ikonę. Listy Cwietajowej zachowały się w całości, a te od Ariadny Berg – od połowy 1938 roku. Losy pozostałego archiwum nie są znane. Być może, sugeruje Nikita Struve, że Ariadna Berg nie zdążyła zajść po to archiwum do rodzi-

⁹ Tj. synem, Gieorgijem Efronem.

¹⁰ Podobnie u Anny Saakianc: „(...) Marina Cwietajewa (...) nienawidząc polityki jako takiej, nie rozumnawała się i nie chciała się w niej rozeznawać” (Саакянц, 2002, s. 712 i 716).

ny Lebiedziewów przed ich wyjazdem do Ameryki. A jeśli tak, kontynuuje badacz, najprawdopodobniej archiwum Cwietajewej spotkał ten sam los, co archiwum Lebiedziewów: obydwa przepadły po zalaniu piwnicy wodą. Lecz równie dobrze mogły zostać utracone pod koniec wojny, gdy w Paryżu zginęło wiele rzeczy należących do Ariadny Berg, albo podczas jej przeprowadzki z Brukseli do Szwajcarii i ponownie ze Szwajcarii do Brukseli.

Oczywiście, dzisiaj nikt już nie jest w stanie ani potwierdzić, ani zanegować nie tylko przebiegu samych przesłuchań – liczby osób biorących w nich udział, atmosfery, występowania potencjalnych nacisków, sugestii itp. – ale także przytoczyć wszystkich pytań, jakie wtedy padały, i określić, jakie były pełne odpowiedzi świadka. Nikt nie jest także w stanie ani potwierdzić, ani zaprzeczyć temu, jak Marina Cwietajewa zachowywała się w trakcie składania zeznań: normalnie, ze spokojem i godnością czy też dała podstawy, by nazwać ją – łagodnie mówiąc – „szaloną Rosjanką”? Czy zapewniała gorąco o szlachetności i uczciwości Siergieja Efrona? Czy recytowała własne przekłady cudzych wierszy i wybrane fragmenty tłumaczeń swojej poezji? Ile jest prawdy, a ile mięgo uchu zmyślenia w relacji Marka Słonima, powołującego się dodatkowo na Margaritę Lebiedziewą?

Niewykluczone, że informacja o udziale Siergieja Efrona w agenturalnych rozgrywkach stalinowskich służb specjalnych, zwłaszcza na terenie Paryża, nigdy nie ujrzałaby światła dziennego, gdyby nie błąd strategiczny: nagłe zniknięcie szpiega w październiku 1937 roku. Przy czym zniknięcie wcześniejsze najprawdopodobniej o kilka dni niż zeznaje oficjalnie, potwierdza i podpisuje Cwietajewa w protokole przesłuchania świadka. Jak bowiem zauważa Anna Saakianc (1932–2002), literaturoznawczyni, której ustaleniom badawczym wolno ufać, do ucieczki Efrona mogło dojść już w niedzielę 10 października 1937 roku. Anna Saakianc pisze:

Na początku października sprawy przybrały taki obrót, że Siergiej Jakowlewicz, podobnie jak małżeństwo Klepininów, był zmuszony do zniknięcia bez śladu. Wszyscy troje (on, Marina Iwanowna, Mur) przyjechali do Muni Bułhakowej, po mężu – Stepurżynskiej; **być może przez pewien czas przebywali u niej**¹¹, po czym mąż, szofer, powiózł ich w kierunku Hawru; nie dojeżdżając do miasta, Siergiej Jakowlewicz pośpiesznie wysiadł z auta... Miał to miejsce, najprawdopodobniej, **10 października** Siergiej potajemnie zbiegł. Jego ucieczkę zorganizował, rozumie się, radziecki wywiad. Droga prowadziła do Moskwy (Саакянц, 2002, s. 712. Pogr. — G. O.).

Całą tę tajną akcję NKWD i jej pierwsze konsekwencje tak zaś przekonującą relacjonuje Irma Kudrowa (Kudrowa, 1998, s. 15):

Efrona przywieziono do kraju potajemnie, również specjalnym rejsem motorowca, noszącego imię „Andriej Ždanow” – w grupie osób zamieszanych, jak podejrzewano, w tak zwaną „sprawę Reissa”. Czworo z tej grupy (a może cała grupa składała się tylko z tych osób) można teraz wymienić z nazwiska. Byli to: Siergiej Efron, Nikołaj Klepinin, Jewgienij Łarin i Paweł Pisariew. Jak się dopiero dzisiaj wyjaśniło, ten dobór był dosyć przypadkowy, żeby nie powiedzieć dziw-

¹¹ I mógł to być właśnie czas na ustalenie wersji „nagiego” zniknięcia Siergieja Efrona lub poinformowania przez Efrona wszystkich obcych o tym, co mają mówić, gdy sprawa wyjdzie na jaw. Efron zaś otrzymał zapewne taką instrukcję od NKWD, bo przecież sam nie miał prawa wymyślać wersji wydarzeń. Na NKWD jako źródło tej właśnie wersji wydarzeń zwraca także uwagę Irma Kudrowa (zob. Кудрова, 1997).

ny. Albowiem później, na przesłuchaniach, Klepinin będzie upierać się przy tym, że ani on, ani Efron nie mieli bezpośrednio nic wspólnego z akcją przeciw Reissowi, wykonując inne zadania wywiadu. Przypadkowy dobór grupy może znajdować wyjaśnienie w fakcie, iż wyżsi funkcjonariusze NKWD, rzeczywiście, odpowiedzialni za przeprowadzenie „akcji”, zostali już wcześniej odwołani do Moskwy. Ich ślady w Paryżu próbowali zatrzeć ludzie niezbyt zorientowani w szczegółach całej historii.

Ponieważ jednak grupa została przywieziona potajemnie — wszystkim nadano nowe nazwiska, Siergiej Jakowlewicz nie jest już Efronem tylko Andrijewem, Klepinin to Lwow, a Łarin — Klimow.

Oficjalnie utrzymuje się, że Efron zniknął gdzieś w Hiszpanii — taką przyjęto wersję. Sens tego jest jasny — jeżeli, podobnie jak pozostali, jest tutaj, w Moskwie, to stanowi to argument potwierdzający udział Kraju Rad w „sprawach” Reissa i porwania generała Millera. Bowiem zniknięcie całej czwórki z Francji zbiegło się akurat z momentem, kiedy francuska policja wpadła na „radzieckie trop” w obydwu sprawach.

Teraz przybyły nie zaleca się zawierania nowych znajomości. Z dawnymi przyjaciółmi, sprzed emigracji, też wolno spotykać się tylko sporadycznie.

Przesłuchanie Mariny Cwietajewej w charakterze świadka z dnia 22 października 1937 roku poprzedziły niespodziewane odwiedziny czterech inspektorów francuskiej policji, którzy rankiem dokonali starannego i długotrwałego przeszukania pomieszczeń w mieszkaniu przy ulicy Jean-Baptiste Potina 65. Co ważne z punktu widzenia dalszych wydarzeń, już wtedy urzędnicy państwowi pobrali do celów procesowych prywatne dokumenty Siergieja Efrona i jego korespondencję. Według Anny Saakianc, policja zabezpieczyła dokumenty, które włożono do **dwóch walizek**, a więc — wydaje się, że było ich dostatecznie wiele, by móc dokonać wiarygodnej analizy grafologicznej; zabezpieczone dokumenty miały potem zaginąć... (Саакянц, 2002, s. 713). Z pewnością „wizyta” funkcjonariuszy i przeprowadzone przez nich czynności nie wpłynęły uspokajająco na samopoczucie Cwietajewej. A tego samego dnia czekało ją jeszcze wielogodzinne przesłuchanie w paryskiej prefekturze — od rana do wieczora, jak często powtarzała znajomym, dzieląc się wrażeniami z pobytu w mrocznym gmachu.

Dyskusja

Ówczesny francuski protokoł przesłuchania, podobnie zresztą jak większość protokołów na całym świecie, składał się z części graficznie zamkniętej, standardowej, i z większej części — otwartej. Część graficznie zamknięta jest zestawem wierszy z opuszczonymi w nich miejscami na wpisanie bieżącej informacji związanej z konkretną sprawą. Część otwarta to przestrzeń do wypełnienia zeznaniem świadka, teoretycznie może liczyć dowolną liczbę stron. Nietypowe w danym formularzu jest rozdzielenie go na dwie kolumny: pierwsza, licząca ok. 6 cm, zawiera oprócz standardowej grafiki, czyli informacji o instytucji przeprowadzającej czynność procesową, także wolne pole, na którym znajdują się istotne dane poboczne. Tego typu rozwiązań graficzne druku procesowego jest dość niebezpieczne dla składającego zeznanie, ponieważ już po podpisaniu dokumentu w każdej chwili można było na lewym marginesie maszynowo lub odręcznie dopisać coś, co wcale nie musiało należeć do treści zeznań świadka. Druga kolumna protokołu jest znacznie szersza od pierwszej i liczy

od 12,5 do 13,5 cm, a różnice w szerokości wynikają z długości wierszy, którą dyktowały umiejętności maszynistki.

Z danych zawartych w standardowych nagłówkach lewej i prawej kolumny protokołu wynika, że jest on własnością Republiki Francuskiej, którą reprezentuje Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, a ściślej – w danym przypadku – Generalne Biuro Bezpieczeństwa Narodowego, jeszcze dokładniej – jako organ wykonawczy czynności procesowych – Inspekcja Generalna, której był podporządkowany Wydział Spraw Kryminalnych.

Analiza protokołu przesłuchania nie może przebiegać bez świadomości, że nie jest on zapisem stenograficznym, ale raczej szczupłą wypadkową zeznań świadka i tego, co do protokołu polecił zapisać prowadzący przesłuchanie. To z kolei sugeruje, że nie wszystkie kwestie, jakie pojawiały się w trakcie przesłuchania i składania zeznań, są w dokumencie – dla dobra sprawy z punktu widzenia służb specjalnych – ujęte. Tak więc, na protokoły przesłuchań Mariny Cwietajewej należy patrzeć nie jak na pełny i wyczerpujący dokument w określonej sprawie, lecz jak na tekst, który swoją zawartością ma służyć postępowaniu wyjaśniającemu.

Protokół przesłuchania Mariny Cwietajewej z 22 października 1937 roku

Tekst przesłuchania Mariny Cwietajewej w Prefekturze Paryża w dniu 22 października 1937 roku został opublikowany w pracy Petera Hubera i Daniela Künzi (1958) *Paris dans les années 30. Sur Serge Efron et quelques agents du NKVD* (zob. Huber, Künzi, 1991, s. 285–310). Przekładu na język rosyjski na podstawie wymienionego źródła dokonała Irma Kudrowa i ogłosiła drukiem jako aneks np. w książce *Śmierć Mariny Cwietajewej* (Кудрова, 1997).

Ponieważ nie dysponuję kopią tego przesłuchania, poniżej odwołuję się do wiedzy przekazanej przez Irmę Kudrową (1929). Tak więc, część wstępna protokołu przesłuchania świadka, w której są prezentowane instytucje państwowie, wygląda tak samo w dokumentach z 22 października 1937 i z 27 listopada 1937 roku. Tym razem sprawa, której numeru nie poznajemy, toczy się przeciwko Pierre'owi Ducommetowi¹² i innym osobom oskarżonym o zabójstwo i współudział w nim. Świadkiem jest pani Efron, z domu Cwietajewa Marina, lat 43, zamieszkująca pod adresem: 65, ul. J.-B. Potina w Vanves (Sekwana). Przesłuchanie ma miejsce 22 października 1937 roku¹³. Dalej wiersze sformalizowane przeplatają się z zapisem maszynowym, czyli z treścią aktualizującą przebieg przesłuchania:

¹² Pierre Ducommet (1902–1961). Był francuskim fotografem, zwerbowanym do stalinowskiej służby wywiadowczej przez Nikołaja Siergiejewicza Pozniakowa w 1936 roku. Należał do grupy operacyjnej utworzonej latem 1937 roku w Paryżu w celu wyśledzenia i zabójstwa Ignacego Reissa. Został aresztowany przez policję francuską i jako oskarżony złożył obszerne wyjaśnienia. W więzieniu przebywał 13 miesięcy. Zwolniono go z powodu niezatrzymania głównych sprawców zabójstwa. Posługiwał się partyjnym pseudonimem „Bob”.

¹³ Dzień ten wypadł w piątek.

My, Papin Robert, komisarz policji mobilnej¹⁴ Wydziału Spraw Kryminalnych Inspekcji Generalnej (Generalne Biuro Bezpieczeństwa Narodowego) w Paryżu, oficer policji sądowej, na polecenie pomochnika Prokuratury Republiki przesłuchujemy panią Efron, z domu Cwietajewa, urodzoną 31 lipca 1894 roku w Moskwie, z obecnie już nieżyjących Iwana i Marii Bernskich, literatki, mieszkającej w Vanves, w domu nr 65 przy ulicy J.-B. Potina, która, złożywszy przedtem przysięgę, zeznała, co następuje:

Zarabiam na życie dzięki swojemu zawodowi, współpracuję z czasopismami „Russkije zapiski” i „Sowriemienne zapiski”, zarabiam od sześciuset do ośmiuset franków na miesiąc. Mój mąż, dziennikarz, drukuje artykuły w pismie „Nasz Sojuz”, który jest wydawany przez Związek Powrotu¹⁵ i ma siedzibę przy ulicy de Boissy w Parzy¹⁶.

Z tego, co mi wiadomo, mąż chodził tam do pracy codziennie od samego momentu powstania Związku. Moja córka Ariadna, urodzona 5 września 1913 roku w Moskwie, także pracowała tam¹⁷ jako artystka. W kwietniu¹⁸ tego roku porzuciła stanowisko i powróciła do Rosji. Obecnie przebywa w Moskwie i pracuje w redakcji francuskiego tygodnika, wychodzącego w tym mieście – „Revue de Moscou”.

„Związek Powrotu”, jak na to wskazuje sama nazwa, stawia sobie za cel niesienie pomocy naszym rodakom, rosyjskim emigrantom, którzy znaleźli schronienie we Francji, w powrocie do Rosji.

¹⁴ W oryginale występuje w tym miejscu związek wyrazowy „Police mobile”, co daje podstawy, by przetłumaczyć go jako „policja mobilna”, lecz w żadnym razie nie jako – co znajduję w książce Irmy Kudrowej – „policja drogowa” czy „policja lotna”, ponieważ w terminologii polskiej „policja lotna” jest synonimem policji drogowej. Francuska policja mobilna (Brigades régionales de police mobile) zajmowała się sprawami kryminalnymi i przestępstwami natury prawnej. Znana była także pod nazwą „Brygady Tygrysa” (Les brigades du Tigre). Działalność brygad spopularyzowała zarówno we Francji, jak i w Polsce serial sensacyjno-kryminalny, emitowany w latach 1974–1983, pod tym właśnie tytułem. Zob. np.: https://fr.m.wikipedia.org/wiki/Brigades_régionales_de_police_mobile (12.05.2018).

¹⁵ „Związek Powrotu” („Союз возвращения”) powstał w Paryżu w 1925 roku. W latach 40. zmienił nazwę na „Związek Powrotu do Ojczyzny” („Союз возвращения на Родину”), a jeszcze później na „Związek Przyjaciół Radzieckiej Ojczyzny” („Союз Друзей Советской Родины”) i jednocześnie silnie się zradykalizował ideologicznie, uzależniając w ogromnym stopniu od materialnej pomocy Związku Radzieckiego, a także stając się przykrywką Kremla w pozyskiwaniu nowych agentów NKWD. W latach 1930–1935 sekretarzem organizacji był Jewgienij W. Łarin, a od 1937 – Aleksandr Aleksandrowicz Twieritinow (1897–1942). Obydwaj zostali poddani represjom politycznym po powrocie do ZSRR. Na przykład Twieritinow zmarł w nieznanych okolicznościach w obozie NKWD podczas odbywania kary 8 lat pozbawienia wolności na podstawie słynnego art. 58 – podeerzenie o działalność kontrrewolucyjną i szpiegowską). Zob. jeszcze: А. Тверитинов. Александер Александрович Тверитинов. Крестный путь на Родину, <http://www.history-ryazan.ru/node/5880> (16.05.2018); <https://sites.google.com/t-n-v.com/aru/б-и-журавлев.а-а-тверигинов> (16.05.2018).

¹⁶ Siergiej Efron, który od 1934 roku był na etacie NKWD, także zasilał budżet domowy setkami franków na miesiąc, których nie mógłby zarobić, gdyby parał się tylko tym zajęciem, o którym zeznaje Cwietajewa. To sugeruje, że poetka musiała się raczej zastanawiać nad źródłem jego przychodów, ponieważ była kobietą nad wyraz bystrą, i być może zdawała sobie jednak doskonale sprawę, skąd one pochodzą. Czy racjonalna byłaby wszak rezygnacja z pieniędzy w sytuacji, gdy budżet domowy nie wyglądał imponująco, a potrzeby materialne stale rosły?

¹⁷ Czyli w redakcji czasopisma „Nasz Sojuz”.

¹⁸ W rzeczywistości wyjazd miał miejsce 15 III 1937 roku, więc odejście z redakcji nie mogło nastąpić w kwietniu.

Nikogo z kierownictwa tej organizacji nie znam, jednakże rok albo dwa lata temu poznalałam niejakiego pana Afanasowa¹⁹, członka tej organizacji, który wyjechał do Rosji nieco ponad rok temu. Znałam go, ponieważ nie jeden raz przychodził do nas do domu, by spotkać się z mężem. Mój mąż był oficerem Białej Armii, lecz od czasu naszego przyjazdu do Francji, w 1926 roku²⁰, jego poglądy się zmieniły. Był redaktorem gazety „Jewrazija”, wychodzącej w Paryżu i wydawanej, jak się wydaje, w Clamart czy gdzieś w pobliżu²¹. Mogę powiedzieć, że ta gazeta się już nie ukazuje. Osobiście nie zajmuję się polityką, lecz mi się wydaje, że już od dwóch-trzech lat mój mąż jest zwolennikiem obecnego reżimu rosyjskiego.

Od początku rewolucji hiszpańskiej mój mąż stał się płomiennym obrońcą republikanów i uczucie to nasiliło się we wrześniu tego roku, gdy odpoczywaliśmy w Lacanau-Océan, w Gironde, gdzie byliśmy świadkami masowego przybycia uciekinierów z Santadera. Od tej pory zaczął wyrażać pragnienie, by wyjechać do Hiszpanii i walczyć po stronie republikanów. Wyjechał z Vanves 11–12 października bieżącego roku i od tego czasu nie mam o nim wieści. Tak więc nie mogę Panu powiedzieć, gdzie teraz przebywa i nie wiem, czy wyjechał sam czy z kimś jeszcze.

Nie znam nikogo wśród znajomych męża o imieniu „Bob”, nie znam także Smirienskiego²² ani Rollanda Marcela.

Pod koniec lata 1936 roku, w sierpniu lub wrześniu, pojedąłem na wakacje z synem Gierogiem (urodzonym 1 lutego 1925 roku w Pradze) do moich rodaków, do rodziny Sztrange, którzy mieszkają na zamku d'Arcine w Saint-Pierre-de Rumilly (Górna Sabaudia)²³.

¹⁹ Nikołaj Wanitatjewicz Afanasow (1902–1941) był rosyjskim emigrantem. Przyjaźnił się z Siergiejem Efronem od 1918 roku. W czasie wojny domowej w Rosji walczył po stronie białych. Opuściwszy Rosję, udał się do Bułgarii, gdzie pracował jako górnik i drwal. Po przyjeździe do Francji osiedlił się w Grenoble, podejmując się dorywczo pracy szoferskiej, większość czasu pozostawał jednak bez zatrudnienia. Do wywiadu radzieckiego został zwerbowany w 1934 roku, sam zaś zwerbował Marka Zborowskiego, który został później sekretarzem Lwa Siedowa (1906–1938), syna Lwa Trockiego (1879–1940). Do ZSRR powrócił w 1936 roku i zamieszkał w Kałudze. Utrzymywał kontakty m.in. z fanatyczną komunistką i agentką INO NKWD, Wierą Guczkową-Traill (1906–1986), również zamieszana w sprawę zabójstwa Ignacego Reissa, Siergiejem Efronem (teraz: Andriejewem). Aresztowany na początku 1940 roku, rozstrzelany 28 lipca 1941 w Moskwie.

²⁰ Efronowie przyjechali do Paryża w 1925 roku.

²¹ Gazetę „Jewrazija” („Евразия”) wydawali w Paryżu lewicowi eurazjaci w okresie od listopada 1928 roku do września 1929.

²² Dmitrij Michajłowicz Smirienski (vel Rolland Marcel, 1897 – po 1947) był rosyjskim emigrantem, wcześniej związany z ruchem białych. Do Francji przybył w 1919 roku. Podjął pracę w fabryce Renault. Wstąpił do Francuskiej Partii Komunistycznej i został członkiem „Związku Powrotu”. Zwerbowany do pracy agenturalnej przez Siergieja Efrona. Wchodził w skład grupy operacyjnej, która zajmowała się śledzeniem Lwa Siedowa, następnie zaś – poszukiwaniem i zabójstwem Ignacego Reissa. Od 10 V 1932 do 24 XII 1938 był oficjalnie zatrudniony jako szofer w Przedstawicielstwie Handlowym ZSRR z siedzibą w Paryżu. W związku ze sprawą Ignacego Reissa przebywał w szwajcarskim więzieniu. Do Związku Radzieckiego powrócił najprawdopodobniej w styczniu 1939; rok później został aresztowany przez NKWD. O dalszych losach Dimitrija Smirienskiego zob. np.: В. Вейхман Каждый день я прихожу на пристань (Вейхман, 2008).

²³ O właścicielach zamku i jego gościach-agentach NKWD zob. np.: Тени замка Арси; <http://www.travel-journal.ru/phenomenons/2/576/> (6.06.2017).

Małżonkowie Sztrange prowadzą pod wskazanym adresem pensjonat rodzinny. Mają syna Michelę²⁴ w wieku 25–30 lat, który para się literaturą. Mieszka zwykle nie w Paryżu, lecz u rodziców. Nie wiem, czy często on tutaj bywa i nie wiem, czy nadal utrzymuje kontakty z moim mężem. Mąż prawie nikogo nie przyjmował w domu i nie wszystkie jego znajomości są mi znane.

Wśród wielu fotografii, które Pan mi pokazuje, poznaję tylko Kondratjewa, którego spotykałam u wspólnych znajomych, małżonków Klepininów²⁵, mieszkających w Issy-les-Moulineaux przy ulicy Madelaine Moreau, dom nr 8 lub 10. Spotykam go dwa lata temu, gdy Kondratjew zamierzał się ożenić z Anną Suwczynską, która pracowała jako guvernантka u pani Klepininy.

Razem z mężem byliśmy zdziwieni, gdy dowiedzieliśmy się z prasy o ucieczce Kondratjewa w związku ze sprawą Reissa.

Na jednej z fotografii poznaję także pana Pozniakowa. Ten pan, z zawodu fotograf, powiększył dla mnie kilka fotografii. On także zna się z moim mężem, lecz niczego nie wiem o jego przekonaniach politycznych i o tym, co on teraz porabia.

Sprawa Reissa wywołała w nas z mężem tylko wzburzenie. Obydwoje potępiamy każdą przemoc, skądkolwiek by pochodziła.

Tak więc, jak Panu powiedziałam, znam tylko tych znajomych mojego męża, którzy bywali u nas w domu, i nie mogę powiedzieć, czy Pozniakow znał się z mademoiselle Steiner²⁶ lub z kimkolwiek innym spośród tych, którzy zostali mi pokazani na zdjęciach.

Nie mam żadnej wiedzy o tych osobach, które Pana interesują.

²⁴ Michaił Michajłowicz Sztrange (vel Michel Strangue; 1907–1968) – syn rosyjskich emigrantów, właściciel rosyjskiego pensjonatu-sanatorium w Górnjej Sabaudii. Efronowie wraz z dziećmi spędzili tutaj lato w roku 1930 i 1936. Siergiej Efron odwiedzał to miejsce także niejednokrotnie w pojedynkę w połowie lat 40. Michaił Sztrange studiował historię i literaturę na Sorbonie, sam także zajmował się pisaniem. Do pracy agenturalnej na rzecz Kremla został zwerbowany przez Efrona. Niektórzy uważają go za koordynatora działań grupy operacyjnej, która poszukiwała Reissa. W czasie II wojny światowej należał do francuskiego ruchu oporu. Był członkiem radzieckiej wojskowej misji we Francji pod koniec wojny. W 1947 roku powrócił do ZSRR. Jak pisze Nikita Kriwoszein (1934) w korespondencji prywatnej [24 V 2017], znał Michaiła Sztrange i pamięta, jak ten już w 1945 roku paradował po Paryżu w radzieckim mundurze wojskowym. Nikita Kriwoszein uważa, że w archiwach szwajcarskich do dzisiaj znajdują się materiały dotyczące Michaiła Sztrange, lecz z powodu ich utajnienia nie ma do nich swobodnego dostępu. Z Michaiłem Sztrange wielkie nadzieje wiązała Ariadna Efron, która liczyła na uzyskanie od niego informacji z pierwszej ręki na temat działalności (w tym – agenturalnej) swojego ojca. Sztrange wielokrotnie terminy spotkań przekładał lub spotkania nagle odwoływał. W końcu nieoczekiwanie zmarł, zasmucając i rozczarowując tym samym młodą Efron.

²⁵ Chodzi o Nikołaja Andriejewicza Klepinina (1897–1941) i jego żonę Antoninę Nikołajewną Klepinin (1892–1941) – agentów NKWD zwerbowanych przez Siergieja Efrona. Więcej o nich – zob. np. Ojcewicz, 2017.

²⁶ Renée Steiner (1908–1986) należała do kilkuosobowej grupy szpiegowskiej, którą kierował Siergiej Efron jako agent NKWD (od 1934 roku). Urodzona w szwajcarskim Sankt Gallen. Była nauczycielką w Zuryczu. Należała do Komunistycznej Partii Szwajcarii. Przed 4 IX 1937 roku dwukrotnie przebywała w Moskwie, chcąc poznać i pojąć rolę kobiet rosyjskich w życiu politycznym bolszewickiego państwa. Z sowieckimi służbami specjalnymi związała się szybko i chętnie. Wyszła nawet za mąż za niejakiego Molijenkę, agenta NKWD podstawionego jej przez ludzi Stalina. By uzyskać radziecki paszport i móc wyjechać do Moskwy i do męża, Steiner wykonywała różnorodne zadania na rzecz Kremla. W spolszczonej formie pisze się to imię najczęściej jako „Renata”. I ja przyjmuję tę postać imienia w dalszych rozważaniach.

17 lipca 1937 roku wyjechałam z synem z Paryża do Lacanau-Océan²⁷. Wróciliśmy do stolicy 20 września. Mąż przyjechał do nas 12 sierpnia i powrócił do Paryża 12 września 1937 roku²⁸.

W Lacanau zajmowaliśmy willę „Coups de Roulis” przy ulicy Braci Estrade. Ten dom należy do małżonków Cochin.

W czasie wakacji mąż cały czas był ze mną, donikąd się nie odłączał.

Tak w ogóle, mój mąż od czasu do czasu wyjeżdżał na kilka dni, lecz nigdy mi nie mówił, dokąd i po co jedzie. Ze swojej strony nie żądałam od niego wyjaśnień, ściślej, nie pytałam, po prostu odpowiadał, że jedzie służbowo. Dlatego nie mogę Panu powiedzieć, gdzie on przebywał.

Po przeczytaniu potwierdzono i podpisano

Komisarz policji mobilnej (podpis)

M. Cwietajewa-Efron (podpis)

Z przypisów zamieszczonych w pracy Petera Hubera i Daniela Künziego wynika, że protokół przesłuchania Mariny Cwietajewej z 22 października 1937 roku zajął co najmniej trzy strony maszynopisu (Huber, Künzi, 1991, s. 297), jest zatem dwa razy obszerniejszy w porównaniu z kolejnym protokołem z 27 listopada 1937. Spostrzeżenie to znajduje zresztą całkowite potwierdzenie, gdy porówna się objętość obydwu wypowiedzi świadka. Warto, jak sądzę, z uwagi na wagę materiału dowodowego, zastanowić się chociażby nad kwestią prawdomówności Cwietajewej i głównych przyczynach składania miejscami... fałszywych zeznań. Czy tego typu zachowanie świadka da się wytłumaczyć tylko chęcią chronienia siebie i swojej rodziny?

Czy gdy Marina Cwietajewa zeznawała przed komisarzem Papinem, mówiąc że „Nikogo z kierownictwa tej organizacji nie znam”, nie mijała się z prawdą? Czyżby za-wiodła ją wtedy pamięć o zupełnie niedawnych wydarzeniach z udziałem Twieritinowa i jego rodziny? Wypada raczej sądzić, że poetka świadomie tuszowała pewne zdarzenia z nieodległej przeszłości, licząc, być może, na to, że policja francuska nie będzie weryfikować jej zeznań. O tym, co łączyło rodzinę Efronów z rodziną Twieritinowów, najlepiej świadczy chociażby następujące wspomnienie Aleksieja Twieritinowa:

Aleksandr Aleksandrowicz [Twieritinow] lubił poezję, sam nawet kiedyś pisał wiersze, które publikowano. W „Związkę Powrotu” prowadził jeszcze kółko literackie, w którym aktywnie uczestniczyła Marina Iwanowna Cwietajewa-Efron. Tutaj się poznali. Potem z mężem i małym synem Murem Marina Cwietajewa gościła u Aleksandra Aleksandrowicza i jego żony Aleksandry Markowny Twieritinów. Między rodzinami zawiązały się bliskie przyjacielskie relacje. Zdarzało się, że Aleksandr odwoził Marinę na dacę Efrona swoim samochodem oddalonej ponad 70 km od Paryża. Nie obywało się niekiedy bez różnicy zdań. Pewnego razu Marina była w gościach u Aleksandra i ten zwrócił jej uwagę na kapitalistyczny sposób myślenia, na co ona zaprotestowała, oświadczając, że jej sposób myślenia jest przedże „feudalny”. Potem zwymyszyła Aleksandra, nazywając go bolszewikiem, obraziła się i wyszła. Po raz ostatni Aleksandr widział się z Mariną Cwietajewą w Paryżu w 1937 roku podczas przeprowadzania aresztowania

²⁷ Dziwny zbieg okoliczności: wtedy przecież, 17 VII 1937, Ignacy Reiss został najpierw wezwany do ambasady ZSRR w Paryżu i otrzymał polecenie pilnego powrotu do kraju oraz w tę samą sobotę po wyjściu z ambasady radzieckiej przekazał trockistowskiemu „Biuletynowi Opozycji” swój otwarty list do przywódcy bolszewików w celu opublikowania i zdemaskowania m.in. agenturalnej pracy ludzi Stalina za granicą.

²⁸ Data powrotu Efrona do Paryża, 12 IX 1937, miała sugerować śledczym, że mąż Mariny Cwietajewej nie miał nic wspólnego z zabójstwem Reissa (4 IX 1937).

i dokonywania przeszukania przez policję paryską w jednym z towarzystw, których byli członkami. Następne spotkania odbywały się już po aresztowaniu jej męża w Rosji w podmoskiewskim Bołszewie (Тверитинов, online. Pogr. — G. O.).

Kolejną wątpliwość, gdy chodzi o prawdomówność Mariny Cwietajewej, budzą jej słowa zaczerpnięte z protokołu przesłuchania, a dotyczące Nikołaja Siergejewicza Pozniakowa: „Na jednej z fotografii poznaję także pana Pozniakowa. Ten pan, z zawodu fotograf, powiększył dla mnie kilka fotografii. On także zna się z moim mężem, lecz niczego nie wiem o jego przekonaniach politycznych i o tym, co on teraz porabia”. Czyżby? Nikołaj Siergejewicz Pozniakow (1893–1969), według Irmy Kudrowej, uczył się razem z Siergiejem Efronem w Gimnazjum Lwa Poliwanowa, w czasie I wojny światowej pracował w Międzynarodowym Czerwonym Krzyżu, a w trakcie wojny domowej aktywnie opowiedział się po stronie białych. W Paryżu miał pracownię fotograficzną. Wspólnie z Konstantinem Bolesławowiczem Rodziewiczem (1895–1988) i W. W. Janowskim „utrzymywał więzi z trockistami z POUM²⁹” w czasie wojny domowej w Hiszpanii, co pozwala snuć przypuszczenia o jakimś jego udziale w rozprawie z kierownictwem POUM w 1936 roku. Kirill Chienkin, który znał Pozniakowa, w swojej książce *Myśliwy do góry nogami (Охотник вверх ногами)* wyraża się o nim skrajnie negatywnie. Po powrocie do Moskwy w 1939 roku prowadził działalność wśród byłych bojowników republikańskich. „Umarł w latach sześćdziesiątych w ojczyźnie, uniknął wreszcie aresztu” (Kudrowa, 1998, s. 196) – konkułduje Kudrowa.

Nieco bogatszą wiedzą na temat Nikołaja Siergejewicza Pozniakowa dysponują zasoby Internetu. Tak na przykład dowiadujemy się z nich m.in., że był on... rosyjskim poetą i tłumaczem, znającym z gimnazjalnej ławy nie tylko Siergieja Efrona, lecz także innych twórców rosyjskich, jak Wadim Gabrielewicz Szerszeniewicz (1893–1942) czy Siergiej Wasiljewicz Szerwiński (1892–1991). Po rewolucji październikowej emigrował przez Konstantynopol i Rzym do Berlina, by w 1925 roku osiąść w Paryżu. Wspólnie z Siergiejem Michajłowiczem Prokudinem-Gorskim (1863–1944), słynnym rosyjskim fotografem, chemikiem, wynalazcą, pedagogiem i pionierem kinematografii oraz fotografii kolorowej w Rosji, założył fotoatelier „Choinka” („Елка”). W 1928 roku opublikował tomik poetycki *Wiersze (Cmuxu)*. W jednym czasie z Efronem rozpoczął współpracę agenturalną z Moskwą³⁰.

Ten kulturalny i oczytany człowiek otaczał się w Paryżu niewielką grupką młodych Francuzów-homoseksualistów i korzystał z ich usług obserwacyjnych na rzecz radzieckiej rezydentury. Chienkin twierdzi ponadto, że Pozniakow był „wynalazcą radykalnego sposobu walki z przeciwnikami ideowymi za granicą. Ofiarę ogłuszano, wkładano do wannę z kwasem solnym, a po pewnym czasie wszystko spuszczano do kanalizacji. Żadnych poszlak. Oszczercy, którym by przyszło do głowy twierdzić, że Moskwa zajmuje się zabójstwami politycznymi, okryliby się wstydem”³¹. Wątpliwe za-

²⁹ W oryginale: ПОУМ. POUM z hiszp. Partido Obrero de Unificación Marxista – Robotnicza Partia Zjednoczenia Marksistowskiego.

³⁰ https://ru.wikipedia.org/wiki/Позняков_Николай_Сергеевич (17.05.2018).

³¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Позняков_Николай_Сергеевич (17.05.2018).

tem, by taka mroczna postać, jak Pozniakow była obca Cwietajowej, by nie wspominało go w rozmowach towarzyskich czy też w domowym zaciszu³².

Z kolei wiedza Marina Cwietajowej o Wadimie Filippowiczu Kondratjewie (1903–1939?) miała się ograniczać do stwierdzenia, że spotykała go w domu Klepininów dwa lata temu, a więc w 1935 roku, i że wiadome jej były zabiegi młodego człowieka wobec guvernantki Anny Suwczynskiej, z którą zamierzał się ożenić. Klepininowie nie są tu osobami przypadkowymi, ponieważ to właśnie Nikołaj Klepinin – spokrewniony z Kondratjewem – zwerbował go do pracy agenturalnej w połowie lat 40. Rosyjski emigrant w czasie wojny domowej w Rosji walczył w szeregach Białej Armii. We Francji miał się różnych zajęć. W Paryżu pracował jako roznosiciel chleba, pomocnik zecera³³, taksówkarz. Należał do paryskiego koła eurazjatów w latach 1930–1932, potem wstąpił do „Związku Powrotu do Ojczyzny” oraz Francuskiej Partii Komunistycznej. On też jako pierwszy ze specjalnej grupy operacyjnej uciekł do ZSRR po zamachu na Reissa. Pewien czas kierował jednym z południowych stalinowskich sanatoriów. Zdaniem Dmitrija Sezemana (1922–2010), tylko Kondratjew jako członek grupy ściśle związanej z zabójstwem Ignacego Reissa nie został poddany represjom, ponieważ zachorował na gruźlicę i zmarł w Moskwie. „W ten sposób prątki Kocha wygrały z NKWD” – ironizowała Sezeman (zob. Соколов, online; zob. także: Прохоров, Лемехов, online).

Czy jednak tak było naprawdę? Jak zwraca słusznie uwagę Nikita Kriwoszein [list z 16 V 2018], podawany rok śmierci Kondratjewa (1939) nie musi wcale odpowiadać rzeczywistości, jeśli uwzględni się następujący zapis Gieorgija Efrona w jego *Dzienniku* pod datą 13 maja 1941: „Co wiem na pewno, to to, że Łarin (teraz ma zapewne inne nazwisko)³⁴, który był z ojcem w bardzo bliskich relacjach³⁵ i jechał z nim do ZSRR na jednym parostatku, przebywa na wolności w Symferopolu, tak samo, jak Kondratjew, chorujący na gruźlicę, który przyjechał do Moskwy i spotkał się z Mit'ką [Sezemanem — G. O.]. Mit'ka mówi, że on dogorywa. Kondratjew także był zmuszony uciekać z Francji w związku ze sprawą Reissa” (Эфрон, online).

Nawiązanie do *Dziennika* Gieorgija Efrona stanowi dobrą okazję, by przyjrzeć się bliżej wydarzeniom związanym z nagłym zniknięciem jego ojca, jak też by poznać przebieg przesłuchania w paryskiej prefekturze z punktu widzenia 12-letniego dziecka. Czy jego słowa – pisane po czterech latach – są zbieżne z wypowiedziami matki? Charakterystycznym źródłem wiedzy na dany temat jest ten sam dzień, 13 maja 1941:

³² Tę mroczność wzmacnia także wiedza o Pozniakowie przekazana przez Kiriłła Chienkina jako „żywym uchu kaponiery” (ros. наследка), czyli osobie umieszczonej przez NKWD między więźniami w celu zdobywania informacji o aresztowanych. Taką właśnie niechlubną rolę podstawionego donosiciela, agenta z celi, odegrał Pozniakow przed wybuchem II wojny światowej w jednym z nadbałtyckich obozów stalinowskich dla internowanych. W 1948 roku sam został aresztowany i wypuszczony na wolność już po śmierci Stalina. Do końca życia przeleżał sparaliżowany w szpitalu.

³³ W tej samej paryskiej drukarni, której właścicielem był niejaki Borys Schwarz, pracował Nikołaj Klepinin jako administrator, Siergiej Efron zaś zajmował się korektą. Zob. np. Прянишников, 2004, s. 96.

³⁴ Po przyjeździe otrzymał nazwisko „Klimow”.

³⁵ Czyżby także o tych relacjach nie wiedziała Marina Cwietajewa, zeznając w paryskiej prefekturze?

(...) Byłoby przecież bardzo ciekawe dowiedzieć się, czy Twiritinow³⁶, przybyły do ZSRR po ojcu (gdy myślimy już przyjechali), znajduje się „na wolności”. Matka widziała go w Prefekturze Policji w czasie przesłuchania. (...) A w ogóle, rzecz wyglądała tak: ojciec, Lwowowie³⁷, Łarinowie uciekli z Francji właśnie z powodu sprawy Reissa, chociaż, w rzeczy samej, ojciec nie miał z tą sprawą nic wspólnego, i w policji (Prefekturze) utwierdzili nas w przekonaniu, że ojca poszukują dokładnie nie w danej sprawie, lecz w związku ze sprawą Siedowa³⁸. Generalny inspektor³⁹, przesłuchujący matkę, powiedział jej, że „l'activité de votre mari était fondroyante”. Matka i ja twierdziliśmy w Prefekturze, że, jak przypuszczamy⁴⁰, Efron „przebywa w Hiszpanii”, i tam nam uwierzyli⁴¹. Ciekawe – co z Marcelem⁴², którego także oskarżano o udział w przygotowaniu zabójstwa Ignacego Reissa? Ach, tak – zapomniałem o jeszcze jednym – przecież ojciec widział się w Bołszewie z jakimś Pozdniakowem⁴³ – fotografem w Paryżu, który przybył do ZSRR po nas. Ciekawe, czy został aresztowany. 10 przyjęli pieniądze dla ojca. Wczoraj matka widziała się z Asiejewem⁴⁴. Wypytywał ją o aresztowania członków naszej rodziny. Powiedział, że będzie rozmawiać w KC w sprawie wydania książki matki – że „z góry” pozwolono i jej nie wydrukowano, ponieważ w wydawnictwie po prostu postępowali niegodziwie, bali się – na przykład Zielinski⁴⁵ odrzucił książkę. Mimo wszystko w wydanie tej książki nie wierzę. Lecz, być może, słowo Asiejewa będzie mieć swoją wagę i tę książkę wydadzą? To by było dobrze, bardzo dobrze (Әфрон, online).

Jeszcze inna wątpliwość. Marina Cwietajewa zeznaje o swoim mężu: „Od tej pory zaczął wyrażać pragnienie, by wyjechać do Hiszpanii i walczyć po stronie republikanów. Wyjechał z Vanves 11–12 października bieżącego roku i od tego czasu nie mam o nim wieści”. No właśnie! Świadek nie podaje, że Siergiej Efron wyjechał do Hiszpanii, lecz tylko zaznacza, że miał on jedynie takie pragnienie i że opuścił Vanves. Z procesowego dowodowego punktu widzenia to niezwykle istotny szczegół, zwłaszcza gdy porównamy dany fragment zeznań Cwietajowej z odpowiednim ustępem protokołu z 27 listopada 1937 roku.

Cwietajewa mówi o Efronie: „Wyjechał z Vanves 11–12 października bieżącego roku...” – to nie jest przypuszczenie, lecz konstatacja faktu. Jak rozumieć wymienienie tych dwóch dni, a nie jednego? Czy mówienie o 11/12 października oznacza, że do zniknięcia miało dojść w nocy z 11 na 12 października, z poniedziałku na wtorek, gdy Cwietajewa z Gieorgijem powrócili już z gościny u Muni Bułhakowej i zapewne

³⁶ Powinno być „Twieritinow”.

³⁷ Takie nowe nazwisko nosili w ZSRR Klepininowie.

³⁸ Chodzi o Lwa Siedowa, syna Lwa Trockiego.

³⁹ Cwietajewą 22 X 1937 roku przesłuchiwał nie generalny/naczelný inspektor, lecz komisarz policji Robert Papin, a 27 XI 1937 – naczelný inspektor Robert Borel. Przywołanie osoby naczelnego inspektora sugeruje, że Gieorgij Efron mógł mieć na myśli przesłuchanie z 27 XI 1937.

⁴⁰ W protokołach przesłuchań Mariny Cwietajowej zdecydowanie nie ma przypuszczenia, lecz jest suche stwierdzenie faktu.

⁴¹ Niekoniecznie uwierzyli, śledczy mógł bowiem użyć fortelu, by zmniejszyć czujność zeznających.

⁴² Czyli Dimitrijem Smirienskim.

⁴³ Gieorgij Efron podobnie jak Kiriłł Chienkin zamiast „Pozniakow” pisze konsekwentnie „Pozdnikow”.

⁴⁴ Chodzi o rosyjskiego radzieckiego poetę, tłumacza, scenarzystę Nikolaja Asiejewa (1889–1963). W 1941 roku otrzymał Nagrodę Stalina Pierwszego Stopnia.

⁴⁵ Kornelij Zielinski (1896–1970) – radziecki literaturoznawca, krytyk literacki, członek Związku Pisarzy ZSRR od 1934 roku.

mocno spali, a Siergiej Efron wymknął się wtedy niezauważenie, dając alibi rodzinie? A może świadek, zasłaniając się niepamięcią, przytacza dwa dni, w których mogło dojść do zniknięcia? Dziwi także fakt, że nigdzie w protokole przesłuchania nie utrwalono pytania śledczego, który pragnąłby ustalić, co w tych dniach robiła sama Cwietajewa? Gdzie była? Kto może poświadczyc jej wersje zdarzeń? Dlaczego śledczy się głośno nie zastanawia nad tym, co robiła Cwietajewa przed datą zniknięcia męża i po tej dacie – jak zareagowała? Czy nie szukała go na przykład przez ambasadę radziecką? Nie pytała znajomych? Pytania szczegółowe można byłoby mnożyć. Bo to, że Cwietajewa zeznawała w paryskiej prefekturze nieprawdę na temat okoliczności „zniknięcia” Efrona, nie podlega, jak sądzę, dyskusji.

Świadek Cwietajewa podaje również do protokołu: „**Nie znam nikogo wśród znajomych męża o imieniu „Bob”, nie znam także Smirienskiego ani Rollanda Marcela**”. Tymczasem jej syn, Gierogij, mieszkający pod jednym dachem z matką w Vanves, w swoim *Dzienniku* nr 5 pod datą 5 czerwca 1940 roku odnotował:

(...) 2) Marcel (nazwiska nie znam). Widziałem go tylko we Francji, gdy zachodził do ojca. Wesoły i sympatyczny (takie odniósłem wrażenie). Był (jeśli dobrze pamiętam) na Korsyce. Po sprawie Reissa wpadł w ręce policji. Zdaje się, że go tam bili. Tutaj go nie widziałem, lecz ojciec mówił, że jest tutaj (w ZSRR). Ponieważ od dawna go nie widziałem, to niczego nie mogę o nim powiedzieć. Wrażenie pozytywne (znów na podstawie moich francuskich wspomnień) (Эфрон, online).

Prasa szybko się zorientowała w sensacyjności tematu i jego emigracyjnej nośności. Już dwa dni po przesłuchaniu Cwietajewej w paryskiej prefekturze, w niedzielnym wydaniu poczytnej i opiniotwórczej gazety emigracyjnej „Posłednie nowosti” zamieszczono artykuł podpisany inicjałami N.P.W.⁴⁶, zatytułowany *Zniknięcie generała Je. K. Millera. Przeszukanie w „Związkę Przyjaciół Radzieckiej Ojczyzny”*. *Zniknięcie S. Ja. Efrona. Przesłuchanie M. I. Cwietajowej w Sûreté*, a w nim takie między innymi informacje:

Inspекторzy Sûreté (...) przeszukali wszystkich znających się w pomieszczeniu związkowi „powracających”, przeryli wszystkie książki i wydania drukiem w bibliotece oraz zabezpieczyli wszystkie papiery i dokumenty. Kilka godzin później ciężarówka załadowana opieczętowanymi paczkami odjechała na ulicę Sousse.

(...) przeszukanie w „Związkę Przyjaciół Radzieckiej Ojczyzny” jest związane z dochodzeniem w sprawie zabójstwa Ignacego Reissa.

(...) W ciągu ostatnich dni w Paryżu szerzyły się pogłoski, że w ślad za tajemniczym wyjazdem N. N. i N. A. Klepininów opuścił Paryż także b. eurazjata S. Ja. Efron, który kilka lat temu

⁴⁶ Pod inicjałami N. P. W. ukrywał się pracownik gazety Nikołaj Płatonowicz Wakar (1894–1970). Za tę informację dziękuję Panu doktorowi Olegowi Korostelowskiemu (1959), rosyjskiemu historykowi literatury, archiwistie, bibliografowi, specjalistie w dziedzinie rosyjskiej zagranicy, pracownikowi Instytutu Literatury Powszechnnej im. A. M. Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk. N. P. Wakar nie był jakimś przeciętnym dziennikarzem, lecz przeszedł do historii jako rosyjski działacz polityczny i społeczny, uczony filolog, sowietolog, publicysta, tłumacz i artysta. Był profesorem uniwersytetów w Bostonie i w Paryżu.

przeszedł na radziecką platformę i wstąpił do „Związku Powrotu do Ojczyzny”. Mówiąło się, jako-
by Efron opuścił Francję nie sam, ale z żoną, znaną pisarką i poetką M. I. Cwietajewą.

By sprawdzić te wszystkie pogłoski, nasz pracownik pojechał wczoraj do Vanves, gdzie
w ostatnim czasie mieszkali M. I. Cwietajewa i S. Ja. Efron.

M. I. Cwietajewa, jak poprzednio, przebywa w Vanves i donikąd nie wyjeżdżała.

— Około dwunastu dni temu – powiedziała nam M. I. Cwietajewa, mąż mój, pilnie się ze-
brawszy, opuścił nasze mieszkanie w Vanves, powiedziawszy mi, że wyjeździ do Hiszpanii. Od
tamtej pory nie mam o nim żadnych wieści. Jego radzieckie sympatie są mi znane, oczywiście,
tak samo dobrze, jak i wszystkim, którzy spotykali się z mężem. Jego bliski udział we wszyst-
kim, co dotyczyło spraw hiszpańskich (jak wiadomo, „Związek Powrotu do Ojczyzny” skierował
do Hiszpanii niemałą liczbę rosyjskich ochotników), mi także był znany. Czy zajmował się on
jeszcze jakąś działalnością polityczną i jaką dokładnie – nie wiem. Dwudziestego drugiego paź-
dziernika, około godziny siódmej rano, zjawiło się u mnie czterech inspektorów policji, którzy
przeprowadzili długotrwałe przeszukanie, zabrawszy z pokoju męża jego papiery i prywatną ko-
respondencję.

Potem została zaproszona do Sûreté, gdzie w ciągu wielu godzin byłam przesłuchiwaną.
Niczego nowego o mężu nie mogłam powiedzieć.⁴⁷

Zwróćmy ponownie uwagę na szczegół związanego ze zniknięciem Efrona. Tym ra-
zem w wywiadzie dla gazety „Poslednije nowosti” Marina Cwietajewa oświadcza, że jej
mąż „pilnie się zebrawszy, opuścił (...) mieszkanie w Vanves, **powiedziawszy (...), że**
wyjeździ do Hiszpanii”. A więc jest ważna rozbieżność między tym, co świadek podał
do protokołu 22 października, a tym, co powiedział dziennikarzowi dwa dni później.
Czy nikt z francuskich śledczych, którzy prowadzili sprawę Reissa, nie czytał emigra-
cyjnej prasy rosyjskiej? Nikt nie porównywał wypowiedzi świadka? Nikt nie wyciągał
wniosków? Pytań jest więcej i wzmacniają je słowa żony Efrona utrwalone w kolejnym
protokole przesłuchania.

Protokół przesłuchania Mariny Cwietajewej z 27 listopada 1937 roku⁴⁸

Analizowany poniżej protokół przesłuchania Mariny Cwietajewej otrzymałem
dzięki uprzejmości Kseni Kriwoszeiny (1945), rosyjskiej emigrantki, na stałe miesz-
kającej w Paryżu, z którą współpracuję od lat, poznając życie i twórczość św. Matki
Marii (Skobcowej; 1981–1945)⁴⁹. Ona zaś dostała kopię tego dokumentu od znajomej

⁴⁷ „Последние новости” 1937, nr 6056, 24 X, c. 1–2. Cały artykuł w wersji oryginalnej znajduje się
w aneksie.

⁴⁸ Dzień ten wypadł w sobotę, kiedy zwykle organy państwowie nie pracują, więc musiał być jakiś
ważny powód, dla którego tę zasadę złamano.

⁴⁹ Ksenia Igoriewna Kriwoszeina (z d. Jerszowa) urodzona 23 grudnia 1945 roku w Leningradzie –
rosyjska malarka, ilustratorka, publicystka. Przed emigracją do Francji (1980) należała do Związku
Artystów ZSRR. Wyszła za mąż za Nikitę Kriwoszeina, syna Igora Kriwoszeina, znanego działacza
francuskiego ruchu oporu, bliskiego współpracownika Matki Marii (Skobcowej) w czasie niemieckiej
okupacji. Badaczka twórczości Matki Marii. Autorka strony poświęconej rosyjskiej emigrantce:
www.mere-marie.com, a także książki *Kracoma спасаю-щая — жизнь и творчество матери Ма-
рии. Санкт-Петербург: Издательство «Искусство-СПб», 2004; wersja francuskojęzyczna: La be-
auté salvatrice. Mère Marie (Skobtsov). Peintures, dessins, broderies. Paris: Les Éditions du Cerf, 2012.*

Loïca Damilaville'a, badającego udział Mariny Cwietajewej jako świadka w sprawie zabójstwa Ignacego Reissa. Wtedy, we wrześniu 1999 roku policja francuska przeka-zała Damilaville'owi kserokopie dokumentów, o które prosił, co znaczy, że je wciąż przechowywała w archiwach nawet po 50 latach od tragicznego zdarzenia w Lozannie, a to z kolei mówi o tym, że pewne sprawy z udziałem służb specjalnych mają własne terminy deaktualizacji. Analizowany tutaj tekst był 6 i 7 stroną faksu wysłanego do Da-milaville'a. To zaś podpowiada, że wśród materiałów otrzymanych przez niego mogą się znajdować również pozostałe zeznania Mariny Cwietajewej.

Analizowany protokół przesłuchania został sporządzony na dwóch kartach formatu A4 27 listopada 1937 roku, a więc prawie po trzech miesiącach od chwili zabójstwa Ignacego Reissa i po niecałych trzech miesiącach od momentu, gdy do Paryża wpłynął wniosek szwajcarskiego sędziego śledczego Trybunału Sądowego, uruchamiającymię-dzynarodową pomoc prawną i dający podstawy do wszczęcia określonych procedur.

Z zapisu znajdującego się w lewej kolumnie, tuż poniżej danych o wymienionych instytucjach państwowych, wskazano numer sprawy: 70. Zaraz pod nim znalazły się nazwiska trzech oskarżonych z zaznaczeniem, że są jeszcze inne osoby w tej samej roli. Co ciekawe, zapis danych o oskarżonych nie jest do końca poprawny: o ile pierwszą z oskarżonych, która była Renée STEINER, wymieniono z nazwiska i imienia, o tyle dwie pozostałe osoby poznajemy wyłącznie z nazwisk: SCHILDBACH⁵⁰ oraz ROSSI⁵¹, co w tym miejscu nic nie mówi o płci oskarżonych; nazwiska są pisane dużymi literami, interlinia 1. W tej samej kolumnie, pod danymi o oskarżonych, jest graficzny sygnał o rozpoczęciu się zeznania świadka. Poprzedzają ją podstawowe informacje o samym świadku: „Pani EFRON, urodzona TSWETAJEVA Marina, 43 lata, zamieszkała ulica Jeana-Baptiste Potina w Vanves” – bez uściśnięcia numeru domu.

Protokół właściwy rozpoczyna się od przywołania w pierwszym akapicie, daty przeprowadzenia czynności procesowej, przy czym wszystkie jej elementy są podawane słownie, a kolejność – od roku, przez dzień, do miesiąca: „Roku tysiąc dziewięć-set trzydziestego siódmego, dwudziestego siódmego listopada⁵²”. Następnie, w akapicie drugim – dane o prowadzącym śledztwo, jego funkcji w danej instytucji i podległości

Autorka licznych publikacji na łamach gazety „Russkaja mysl” i wydawnictw francuskich. Inicjatorka ruchu religijnego Orthodoxie Locale de Tradition Russe oraz aktywna działaczka prawosławna we Francji.

⁵⁰ Gertruda Schildbach (z d. Neugebauer) urodziła się w niemieckim Strasburgu. Żydówka. Wy-kształcenie wyższe humanistyczne, nauczycielka języków obcych. Po 1933 roku uciekła z Niemiec do Rzemu, gdzie była nielegalnym rezydentem NKWD. Aresztowana 1 VII 1941. Zrehabilitowana 8 X 1941; <https://nekropole.info/ru/Gertruda-Shildbah> (11.06.2017).

⁵¹ Rol(l)and Abbiate (alias Władimir Prawdin, ps. „Pilot”; 1904–1970) w 1937 roku był oficjalnie obywatelem Monako. Agent NKWD należący do Zarządu Zadań Specjalnych. 13 listopada 1937 roku na mocy dekretu Wszechrosyjskiego Centralnego Komitetu Wykonawczego został odznaczony orderem Czerwonego Sztandaru za ofiarne wykonanie zadań specjalnych Rządu Radzieckiego. Wtedy także otrzymał radzieckie obywatelstwo i nową tożsamość paszportową, stając się Władimirem Siergiejewiczem Prawdinem. W ZSRR dalej prowadził działalność agenturalną.

⁵² Kursywą wyróżniam te miejsca, które w protokole były wpisywane przez maszynistkę. Za pomoc w przetłumaczeniu protokołu dziękuję Pani Teresie Denkiewicz.

służbowej względem prokuratora Republiki: „My, BOREL⁵³ Robert naczelnny inspektor policji mobilnej Wydziału Spraw Kryminalnych Inspekcji Generalnej (Generalne Biuro Bezpieczeństwa Narodowego) w Paryżu, oficer policji sądowej, pomocnik Prokuratura Republiki, (...).” W akapicie trzecim – informacja o podstawie podjęcia czynności procesowych z przytoczeniem dat, nazwisk i instytucji zaangażowanych w sprawę o zabójstwo Ignacego Reissa: „Uwzględniając załączony niżej wniosek Sędziego Śledczego Trybunału Sądowego w Lozannie, P. Subilla, z dnia 16 września 1937 o udzielenie pomocy prawnej, przekazany nam w instrukcji z 26 tego samego miesiąca, przez Pana Doyena, sędziego śledczego Departamentu Sekwana, dotyczący procedury śledczej przeciwko STEINER Renacie, ROSSI i innym oskarżonym o zabójstwo i współudział w zabójstwie, (...).”

Z akapitu trzeciego wynika między innymi, że od chwili wykrycia zabójstwa (4 IX 1937) do momentu sporządzenia formalnego wniosku lozańskiego sędziego nie upłynęły nawet dwa tygodnie (16 IX 1937), co może świadczyć o sporej dynamice podjętych wtedy w Szwajcarii działań procesowych. Wniosek ten trafił następnie do Paryża, a sędzia śledczy, mający pod sobą Departament Sekwany w instrukcji z 26 września 1937 (a może 26 listopada? – w protokole jest bowiem napisane „tego samego miesiąca”, co rodzi dwuznaczność interpretacyjną) określił sposób postępowania wobec wymienionych w dokumencie dwóch oskarżonych oraz nieznanych „innych”.

W akapicie czwartym utrwalono kolejny etap postępowania przed policją francuską w związku z zabójstwem Ignacego Reissa. Czytamy w nim, że świadek został wezwany na przesłuchanie, co nie jest niczym nadzwyczajnym podczas prowadzenia wstępnych czynności procesowych, że wezwana jest „Pani EFRON, z d. TSWETAEVA, Marina, urodzona 30 lipca 1894 roku, w Moskwie, zamieszkała przy ulicy Jean-Baptiste Potina numer 65 w Vanves (Sekwana), która oświadczyła – o tym już w akapicie piątym – że „nie pozostaje w stosunku pokrewieństwa ani w stosunkach przyjacielskich czy pracowniczych z oskarżonymi, i złożyła przed nami przysięgę, że będzie mówić całą prawdę i tylko prawdę, zeznając”, co nastąpiło poniżej. Nie znamy treści owej przysięgi, nie wiemy, na co, ewentualnie, mogła przysięgać Cwietajewa – przedzej na konstytucję francuską niż na Biblię w państwie świeckim, wyraźnie oddzielonym w pewnych sprawach od wpływów Kościoła. Niewykluczone zatem, że formuła o złożeniu przysięgi wynikała z oczywistego prawa zwyczajowego i dlatego nie wymagała przytaczania źródła.

Marina Cwietajewa w swoim trzecim przesłuchaniu (a drugim w paryskiej Prefekturze Policji) zeznała, jak niżej:

Byłam już przesłuchiwaną 22 października tego roku w sprawie zeznań, które składałam 21 tego samego miesiąca przed sędzią BETEILLE'M z Komisji Śledczej w Paryżu, dotyczących działalności politycznej mojego męża. Nie mam nic więcej do dodania do moich pierwszych zeznań.

⁵³ W polskim przekładzie książki Irmy Kudrowej *Tajemnica śmierci Mariny Cwietajewej* tłumacz oddał to nazwisko błędnie jako „Boreille”, opierając się na fonetycznym jego zapisie w oryginale w postaci „Борель”. Podobnie w protokole francuskim imię Renaty Steiner jest utrwalone jako „Renée”, a w tłumaczeniu jako „Renee”. I jeszcze jedna ważniejsza pomyłka: przesłuchanie w dniu 22 X 1937 roku prowadził nie komisarz Panin, lecz Papin. Zob. Kudrowa, 1998, s. 191 i 193.

S.I.⁵⁴ – Mój mąż wyjechał do Hiszpanii, by służyć w szeregach służb rządowych, 11 albo 12 października tego roku. I od tego czasu nie miałam od niego żadnych wiadomości. Wiem, że przed swoim wyjazdem do Hiszpanii, pomagał w ułatwianiu wyjazdu swoim rodakom do Hiszpańskiej Służby Rządowej, ale nie wiem, ile było tych osób. Mogę wymienić tylko dwie osoby: HENKINE, Cyrille⁵⁵ i osobę o pseudonimie Léowa (Léon)⁵⁶.

S.I. – Potwierdzam, że nic nie wiedziałam o tym, że mój mąż w roku 1936 i na początku roku 1937 zajmował się wywiadem obserwacyjnym na rzecz Rosji przy współudziale Pani STEINER Renaty, SMIRIENSKIEGO Dimitrija, TCHISTOGANOFFA⁵⁷ i DUCOMETA⁵⁸ Pierre'a. Nic mi również nie wiadomo, czy mój mąż prowadził z nimi korespondencję.

S.I. – Nie podejmuję się określenia, czy rzeczywiście tekst telegramu z dnia 22 stycznia 1937 roku widoczny na fotokopii, która została mi pokazana, jest napisany ręką mojego męża.

Na pańską prośbę składam do zarejestrowania dziewięć dokumentów pisanych ręką mojego męża (listy, koperty i jedna kartka pocztowa).

Odczytano, potwierdzono i podpisano.

Naczelný Inspektor Policii Mobilnej
Oficer Policji Sądowej.

M. Zvétaieff-Efron

⁵⁴ Pod dwiema literami „S.I.” kryje się francuskie „sur interpellation”, a więc sygnał słowny, że na „zadane pytanie świadek odpowiedział”.

⁵⁵ Kirił Wiktorowicz Chienkin (Кирилл Викторович Хенкин; 1916–2008 Monachium) był rosyjskim pisarzem emigracyjnym, dziennikarzem i tłumaczem. Wywieziony z Rosji przez rodziców w 1923 roku. Należał do grona osób zwerbowanych przez Siergieja Efrona do walki w wojnie domowej w Hiszpanii, by wspierać republikanów. Z wyboru lub życiowej konieczności stał się agentem INO NKWD, czyli do Zagranicznego Wydziału Wywiadu Politycznego Głównego Zarządu Bezpieczeństwa Państwowego (INO NKWD). Z racji wykonywanej misji agenturalnej znał się z rezydentem INO NKWD w Hiszpanii, Aleksandrem Orłowem. Jego działalnością interesował się do końca swojego życia. Powróciwszy z Hiszpanii do Francji, Chienkin wstąpił na Uniwersytet Paryski i ukończył kierunek „literaturoznawstwo porównawcze”. W 1941 roku powrócił do ZSRR. Podjął służbę w jednym z zarządów NKWD, potem w moskiewskim radiu na zagranicę, a jeszcze później – w redakcji czasopisma „Problemy mira i socjalizma”. Opuścił Związek Radziecki w latach 80. XX wieku. Pracował w radiu „Swoboda”. Autor kilku książek opartych na własnej biografii. Swego czasu Loïc Damilaville przyjaźnił się z Kiriłem Chienkinem, który zapewne dysponował wiarygodnymi informacjami na temat zabójstwa Reissa.

⁵⁶ Lew Borisowicz Sawinkow (Лев Борисович Савинков, 1912–1987) – rosyjski emigracyjny dziennikarz, poeta, prozaik, syn Borisa Sawinkowa, znanego działacza partii eserów i pisarza. Żył we Francji i tam został pochowany na podparyskim cmentarzu prawosławnym w Sainte-Geneviève-des-Bois. Od 1936 roku przez półtora roku walczył, podobnie jak Chienkin, w wojnie domowej w Hiszpanii po stronie armii republikańskiej, zasilając brygadę międzynarodową. Został ciężko ranny. Potem zachorował na gruźlicę. Do pracy agenturalnej zwerbował go Siergiej Efron w 1937 roku. Przyjaźnił się z Ariadną Efron, która jeszcze przez kilka lat po opuszczeniu Francji prowadziła z nim korespondencję. W czasie II wojny światowej trafił do francuskich partyzantów i walczył z niemieckim okupantem.

⁵⁷ Anatolij Czistoganow (Анатолий Чистоганов / TCHISTOGANOFF, 1910–194?) — emigrant rosyjski, uczestnik ruchu białych. Członek „Związku Powrotu do Ojczyzny”. Zwerbowany do stalinowskich służb agenturalnych. Brał udział w śledzeniu Lwa Siedowa.

⁵⁸ Pisownia błędna. Powinno być: DUCOMMETA.

Uściślamy, że dziewięć dokumentów przekazanych nam przez Panią EFRON zostało dokładnie zabezpieczonych. Pani EFRON wspólnie z nami złożyła swój podpis na zabezpieczonych dokumentach.

Naczelnego Inspektora Policji Mobilnej
Oficer Policji Sądowej.

Z przytoczonych wypowiedzi Mariny Cwietajewej płyną określone spostrzeżenia i wnioski:

1. że przed 27 listopada 1937 roku była przesłuchiwaną dwukrotnie w związku z działalnością polityczną Siergieja Efrona we Francji i sprawą o zabójstwo Ignacego Reissa: najpierw 21 października 1937 stawiła się przed sędzią BETEILLE z paryskiej Komisji Prawnej, a dzień później, 22 października 1937 roku, zeznawała przed komisarzem Robertem Papinem z lokalnej policji mobilnej;
2. że 22 października 1937 roku złożyła najobszerniejsze zeznania, które nie wniosły do sprawy zabójstwa Ignacego Reissa żadnych istotnych informacji;
3. że świadek zmieniał miejscami swoje zeznania, lecz fakt ten umknął uwagi oficerowi prowadzącemu śledztwo (zob. np.: „Od tej pory **zaczął wyrażać pragnienie, by wyjechać do Hiszpanii** i walczyć po stronie republikanów. Wyjechał z Vanves 11–12 października bieżącego roku i od tego czasu nie mam o nim wieści” – w protokole z 22 października 1937 i „**Mój mąż wyjechał do Hiszpanii**, by służyć w szeregach służb rządowych, 11 albo 12 października tego roku” – w protokole z 27 listopada 1937);
4. że nie dysponujemy pytaniami zadawanymi przez przesłuchujących, ponieważ nie zostały zawarte w protokołach przesłuchań;
5. że jesteśmy w stanie domyślić się tylko pytań stawianych przez przesłuchującego podczas drugiego i trzeciego przesłuchania świadka, na które znajdujemy odpowiedzi w samych protokołach.

Tak więc, w odniesieniu do akapitu drugiego ze znów Cwietajewej z 27 listopada 1937 roku, przesłuchujący mógł postawić takie przykładowo pytania :

1. Gdzie obecnie znajduje się Pani mąż ? („S.I. – Mój mąż wyjechał do Hiszpanii”...).
2. W jakim celu udał się Pani mąż do Hiszpanii („...by służyć w szeregach służb rządowych”).
3. Kiedy Pani mąż wyjechał do Hiszpanii? („11 albo 12 października tego roku [1937 – GO]”).
4. Czy od tamtego czasu Siergiej Efron kontaktował się z Panią? („I od tego czasu nie miałam od niego żadnych wiadomości”).
5. A czy wiadomo Pani, czym się zajmował Pani mąż przed wyjazdem do Hiszpanii? („Wiem, że przed swoim wyjazdem do Hiszpanii, pomagał w ułatwianiu wyjazdu swoim rodakom do Hiszpańskiej Służby Rządowej”).
6. A czy wie Pani, ilu osobom pomógł Siergiej Efron w ramach tej działalności? („ale nie wiem, ile było tych osób”).
7. Czy jest Pani w stanie podać nazwiska tych osób? („Mogę wymienić tylko dwie osoby: HENKINE, Cyrille i osobę o pseudonimie Léowa [Léon]”).
8. A czy wiadomo Pani, że w 1936 roku i na początku 1937 Siergiej Efron zajmował się wywiadem obserwacyjnym na rzecz Rosji i że pomagały mu w tych czynnościach takie osoby, jak STEINER Renata, SMIRIENSKI Dimitrij, TCHISTOGA-

NOFF i DUCOMET Pierre? („S.I. – Potwierdzam, że nic nie wiedziałam o tym, że mój mąż w roku 1936 i na początku roku 1937 zajmował się wywiadem obserwacyjnym na rzecz Rosji przy współudziale Pani STEINER Renaty, SMIRIENSKIEGO Dimitrija, TCHISTOGANOFFA i DUCOMETA Pierre'a”).

9. A czy wiadomo Pani, czy Siergiej Efron prowadził korespondencję z tymi osobami? („Nic mi również nie wiadomo, czy mój mąż prowadził z nimi korespondencję”).
10. Czy bierze Pani na siebie odpowiedzialność za identyfikację kserokopii telegramu z datą 22 stycznia 1937 roku, która Pani okazano, i czy jest Pani w stanie stwierdzić, czy ten telegram został napisany przez Pani męża? („S.I. – Nie podejmuję się określenia, czy rzeczywiście tekst telegramu z dnia 22 stycznia 1937 roku na fotokopii, która została mi pokazana, jest napisany ręką mojego męża”).

Dalej, prawdopodobnie na wniosek samego świadka, umieszczono w protokole przesłuchania uścielenie o dostarczeniu przez Marinę Cwietajewą dziewięciu różnych dokumentów, sporządzonych ręką Siergieja Efrona, jak wybrane (przez Cwietajewą!) listy, koperty i kartka pocztowa, o które poprosiła policja francuska, w celu ich zarejestrowania do, najpewniej, dalszych badań grafologicznych.

Gdy przeanalizujemy zeznania Mariny Cwietajowej pod kątem biografii jej własnej i członków rodziny, rodzi się ważne pytanie, czy rzeczywiście w paryskiej Prefekturze Policji składała dwukrotnie zeznania... Marina Cwietajewa. Czy francuscy policjanci sprawdzili tożsamość przesłuchiwanej osoby? Czy sięgnęli do danych zawartych w paszporcie świadka? Tę tak istotną wątpliwość formalną uzasadniają rażące błędy, które zachowały się w obydwu protokołach przesłuchania świadka i które dowodzą jednoznacznie, że świadek poświadczyl nieprawdę. Mniejsza nawet o błąd, polegający na podaniu niewłaściwego roku przybycia Efronów do Francji: zamiast 1925 – 1926, myślę bowiem przede wszystkim o wymienieniu przez świadka dwóch różnych dat urodzin i utrwaleniu ich w dokumentach, mianowicie w protokole z 22 października 1937 Cwietajewa zeznaje, potwierdza i podpisuje, że urodziła się 31 lipca 1894 roku, a w protokole z 27 listopada podaje, że do jej narodzin doszło 30 lipca 1894 roku. W rzeczy samej ta wybitna pisarka przyszła na świat 26 września 1892 roku (według nowego stylu: 8 października), a jej rodzicami byli moskwińscy – profesor Uniwersytetu Moskiewskiego Iwan Władimirowicz Cwietajew (1847–1913) oraz pianistka Maria A. Meyn (1868–1906), nie zaś, jak to zostało zapisane w protokole z 22 października 1937 roku – Iwan i Maria Bernscy. Dalej: Marina Cwietajewa zeznaje, potwierdza i podpisuje zeznanie, z którego ma wynikać, że jej rodzoną córką, Ariadną Efron, urodziła się 5 września 1913 roku, gdy tymczasem fakt ten miał miejsce w 1912 roku. Zapytajmy: czyżby stan emocjonalny świadka był na tyle zły, że Marina Cwietajewa nie kontrolowała w pełni tego, co zeznawała, następnie potwierdzała i na końcu podpisywała? Przecież musiała mieć przynajmniej podstawową świadomość, że za składanie fałszywych zeznań grożą jej określone sankcje karne i że podpisując protokół zawierający nieprawdziwe dane, sprowadza na siebie potencjalne niebezpieczeństwo procesowe. Dlaczego Marina Cwietajewa dwukrotnie podała do protokołu przesłuchania świadka błędne informacje? Odstęp w czasie między 22 października a 27 listopada 1937 roku jest raczej wystarczający, by ostudzić emocje i na trzeźwo podejść do nowego przesłuchania. Zapytajmy następnie: czy Robert Borel znał treść

protokołu przesłuchania z 22 października, które prowadził jego kolega, Robert Papin? Czy protokół Papina nie znajdował się w teczce dotyczącej zabójstwa Ignacego Reissa? Czy Borel nie porównywał następnie dwóch protokołów ze sobą? Wychodzi na to, że nie, ponieważ nie mamy dalszych śladów dokumentacyjnych, z których by wynikało, że świadek prostował wcześniejsze zeznania. Są to zarazem poboczne informacje o sposobach i jakości pracy ówczesnych francuskich organów śledczych. Czy fakt, że były to niejako czynności dodatkowe, zlecone przez organ szwajcarski, a nie lokalny, mógł usprawiedliwić zawodową niezbyt wysoką staranność formalną francuskich śledczych?

Biorytmika jako źródło interpretacji zdarzeń

Czy określona winę za kształt zeznań Mariny Cwietajewej w odniesieniu do po-myłek faktograficznych może ponosić jej niekorzystna kondycja fizyczno-psychiczno-intelektualna? Wydaje się, że w jakimś stopniu na pewno tak, co ma czytelne odniesienie przede wszystkim do jej zeznań z 22 października 1937 roku. O biorytmice jako metodzie śledczej oraz praktycznym jej wykorzystaniu w rozwiązywaniu intrugujących kwestii badawczych pisałem już wcześniej (zob. Ojewicz, 2016, s. 347–372). Dziś chcę zastosować tę metodę w sprawie Mariny Cwietajewej.

Jak wyglądała Marina Cwietajewa jesienią 1937 roku? Jak się czuła? Czy można było po niej poznać, że przeżywa jakiś wewnętrzny dramat? Odpowiedź ponownie jest twierdząca, a dowodów dostarczają spostrzeżenia naocznych świadków. Wspomniany wcześniej Mark Słonim tak ją wtedy postrzegał: „wychudła, postarzała się, zmęczona, uosabiała nieustającą zgryzotę, mówiła, że **chciałaby umrzeć**, lecz musi żyć dla syna; mężowi i córce nie jest już więcej potrzebna. I jeszcze o tym, że będzie musiała opuścić mieszkanie: zatrują życie emigranci; i że trzeba iść do „Związku Powrotu” i do radzieckiego konsulatu. Że drukować jej teraz nie będą...” (Caakjanč, 2002, s. 718. Pogr. — G. O.). Podobnie – Nina Berberowa (1901–1993), oceniła zły stan psychiczny poetki, gdy widziała ją 31 października 1937 roku **stojącą, zapłakaną i jakby przez wszystkich odepniętą** przed paryskim kościołem w trakcie mszy żałobnej w intencji zmarłego w Stanach Zjednoczonych emigranta Siergieja Michajłowicza Wołkonskiego (1860–1937) – rosyjskiego działacza teatralnego, reżysera, krytyka memuarysty, literata, radcy stanu, szambelana. W znakomitej książce Ninę Berberowej *Podkreślenia moje (Kypcius moj)* autorka ta napisała (Berberowa, 1998, s. 392):

M. I. Cwietajewą widziałam po raz ostatni na pogrzebie (albo nabożeństwie żałobnym) księcia Siergieja Wołkonskiego, 31 października 1937 roku. Po nabożeństwie w cerkwi przy ulicy François-Gérard (Wołkonski był katolikiem wschodniego obrządku) wyszłam na ulicę. Cwietajewa stała samotnie na trotuarze i patrzyła na nas oczami pełnymi łez; postarzała się, była niemal zupełnie siwa, stała z gołą głową i skrzyżowanymi na piersi rękami. Było to wkrótce po zamordowaniu Ignacego Reissa, a w zabójstwo to był zamieszany jej mąż, S. J. Efron. **Stała jak zadżumiona**, nikt do niej nie podszedł. **Ja minęłam ją tak jak wszyscy** (Pogr. — G. O.).

A ona sama w liście do Ariadny Berg z 26 października 1937 roku mówi, że „więcej pisać nie mogę, ponieważ jestem całkiem przybita z powodu wydarzeń, które także są *nieszczęściem*, a nie *winą*”. Pytam więc, jakie były biorytmy – fizyczny, psychiczny

i intelektualny – Mariny Cwietajewej w dniach 22 X 1937 i 27 listopada 1937 roku i czy mogły one wpłynąć na przebieg przesłuchania, na odpowiedzi świadka?

Tabela 1. Biorytmy Mariny Cwietajewej w październiku 1937 roku liczone według kalendarza juliańskiego (data urodzin 26 IX 1892).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
F	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+		
P	+	+	+	+	+	+	+	+	+	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+		
I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+		

Gdzie tu i dalej:

F – cykl biorytmu fizycznego

+ wyż cyklu

P – cykl biorytmu psychicznego

- niż cyklu

I – cykl biorytmu intelektualnego

0 dzień zerowy

X dzień krytyczny

Jak widać, 22 października 1937 roku wszystkie biorytmy w organizmie Mariny Cwietajewej przyjęły wartości ujemne: biorytm fizyczny osiągnął swoje najniższe położenie – depresję, minusowy biorytm psychiczny miał tendencję wzrostową, podobnie jak minusowy biorytm intelektualny. Taki układ biorytmów skutkował naprawdopodobniej spóźnionymi reakcjami świadka, sprawiał trudności związane z zebraniem i uporządkowaniem myśli, mógł wywoływać nie tylko szybkie zmęczenie sensoryczne, lecz także łatwo doprowadzać do irytacji. W takim bardzo niekorzystnym układzie biorytmicznym wszystko w organizmie, jeśli nie „śpi”, to pracuje na bardzo zwolnionych obrotach. Cwietajewa musiała się zatem wtedy mocno pilnować, aby nie powiedzieć czegoś, co mogłoby zaszkodzić Siergiejowi Efronowi, jej samej i ich synowi.

Tabela 2. Biorytmy Mariny Cwietajewej w listopadzie 1937 roku liczone według kalendarza juliańskiego (data urodzin 26 IX 1892).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
F	+	+	+	+	+	+	+	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+		
P	+	+	+	+	+	+	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+	+	+	+		
I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	

Z kolei przebieg cykłów Mariny Cwietajewej w dniu 27 listopada 1937 jest dość korzystny: biorytm fizyczny dodatni, zaledwie dwa dni temu był szczyt wyżu, biorytm psychiczny – również dodatni i zbliżał się do najwyższej wartości, a także biorytm intelektualny, mimo że ujemny, miał tendencję wzrostową i biegł do punktu zerowego, przejściowego. Takie rozłożenie wartości biorytmów skutkuje na ogół dość dobrym samopoczuciem osoby, pewnością siebie, większą otwartością na trudne kwestie i zajmowaniem zdecydowanego stanowiska w określonej sprawie. Objetość protokołu przesłuchania Cwietajewej w danym dniu przekonuje, że było ono raczej krótkie i rzeczone: odpowiedzi jasne, co nie znaczy, że za każdym razem prawdziwe.

Na marginesie, z badawczej ciekawości proponuję przyjrzeć się jeszcze biorytmom poetki w tragicznym dla niej dniu 31 sierpnia 1941 roku, gdy Cwietajewa popełniła samobójstwo:

Tabela 3. Biorytmy Mariny Cwietajewej w sierpniu 1941 roku liczone według kalendarza juliańskiego (data urodzin 26 IX 1892).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
F	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0		
P	+	+	+	+	+	+	+	+	X	X	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+	+	+	+		
I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	X	-	

Muszę przyznać, że układ cyklów Mariny Cwietajewej w danym dniu nie jest typowy dla samobójców: punkt zerowy w biorytmie fizycznym po przebiegu wartości ujemnych, dodatni biorytm psychiczny zbliżający się do szczytu wyżu, pierwszy dzień minusowy w biorytmie intelektualnym po przejściu przez moment krytyczny. Wydaje się, że przy takim układzie biorytmów, w dniu zaplanowanej śmierci intelekt (zaraz po dniu krytycznym) nie był w stanie zapanować nad gwałtownością ciała (punkt zero w biorytmie fizycznym, przewaga reakcji nad rozumem); psychika mówiła „zrób to”, siła fizyczna pozwalała na podjęcie zabójczego działania, a intelekt trwał w uśpieniu... Skutek tych okoliczności znamy.

Gdy zestawimy ponadto jednozdaniowe pismo Mariny Cwietajewej z 26 sierpnia 1941 roku (na 5 dni przed samobójstwem) do kierownictwa nowo otwartej stołówki Litfondu (ryc. 5 w aneksie), w którym prosi ona o posadę... pomywaczki (!), z ostatnim przedśmiertnym i pożegnalnym zarazem listem poetki do syna Gieorgija z 31 sierpnia 1941, z łatwością dostrzeżemy, jak wielka, a w skutkach zabójcza, rana psychiczna została uczyniona w ciągu zaledwie kilku dni. Prośbę swą z 26 sierpnia pisała poetka w wyżach psychicznym i intelektualnym, a więc jakaś nadzieję na wyjście z upodlenia jeszcze w Cwietajewej mogła żyć, o czym obiektywnie świadczy grafika: równe pismo, kształtne litery, utrzymanie się równoległych wersów, chociaż z tendencją wyraźnie spadkową na końcach, co sygnalizowało utrzymywanie się od dłuższego czasu depresji. Pewną ręką nakreślony podpis, poprawna data. Zaprzeczenie tego pozornego tylko spokoju odnajduję w notatce do syna: **tutaj wszystko rozpaczliwie Łka:** litery są nierówne, biegające w prawo w dół wersy potwierdzają załamanie psychiczne piszącej, nierówne odstępy pomiędzy poszczególnymi wersami to ślady oddechów pomiędzy kolejnymi wybuchami szlochu, a charakterystyczne drżenie ręki czy może nawet całego ciała utrwało się w zapisie litery „ż” (ż) w słowie „żyć” (жить). Dzień tragicznej śmierci poetki oznaczał zarazem kres ludzkiej wytrzymałości: w jednym miejscu i czasie personifikowane przez Marinę Cwietajewą intelektualne wyżyny kultury i estetyki europejskiej sromotnie przegrały z bolszewickim prostactwem i stalinowskim okrucieństwem. Czy jednak ta Kometa całkowicie zmitrężyła swój szlak i blask?

4. Wnioski i zakończenie

1. Protokół przesłuchania Mariny Cwietajewej z dnia 22 października 1937 roku jest dwa razy obszerniejszy od protokołu przesłuchania z dnia 27 listopada 1937 roku, co świadczy o tym, że zasadniczy materiał dowodowy śledczy zebrał za pierwszym razem, a za następnym uściślano lub aktualizowano kwestie, które były istotne dla procesu w danym czasie.
2. Marina Cwietajewa była bardziej świadkiem w sprawie działalności politycznej własnego męża, aniżeli w związku ze skrytobójczą śmiercią Ignacego Reissa. Dlatego jej zeznania nie wniosły niczego istotnego do sprawy o zabójstwo radzieckiego agenta.
3. Marina Cwietajewa jako świadek nie była osobą zbyt wiarygodną głównie z uwagi na podpisywanie i potwierdzanie zeznań, w których występowały istotne błędy, zwłaszcza natury faktograficznej oraz biograficznej, dotyczące jej samej i członków jej rodziny.
4. W zeznaniach Mariny Cwietajewej wyczuwa się wewnętrzną dyscyplinę i obawę przed powiedzeniem czegokolwiek, co mogłoby zaszkodzić bezpośrednio Siergiejowi Efronowi, a w dalszej kolejności jej samej i synowi.
5. Analiza biorytmów Mariny Cwietajewej na dzień 22 października 1937 roku przekonuje, że zarówno biorytm fizyczny, psychiczny i intelektualny stworzyły niekorzystną konfigurację, która uzasadniałaby złe samopoczucie świadka i brak pełnej koncentracji podczas składania zeznań, a w konsekwencji – pomyłki i ich usankcjonowanie przez podpisanie protokołu jako zgodnego ze stanem faktycznym.
6. Marina Cwietajewa podczas przesłuchań w paryskiej prefekturze, a także udzielając wywiadu do gazety „Posłednije nowosti” z lepszym lub gorszym skutkiem odegrała określona rolę, do której przygotowała się sama i swego nieletniego syna.

Perfidia NKWD – jej wyrachowanie, podłość, lubowanie się w upodleniu człowieka, cynizm, agresywność, arogancja i wiele innych jeszcze bardzo negatywnych charakterystyk stalinowskiej Lubianki – nie dopadła Cwietajewej dopiero w ZSRR. Można chyba niebezpodstawnie założyć, że Siergiej Efron jeszcze we Francji w jakiś delikatny sposób sugerował żonie, by przeszła na stronę bolszewików i wspomogła swoim wielkim talentem sowiecką agenturę. Pozyskanie kogoś takiego, jak Cwietajewa, musiałoby być nie tylko zauważone przez Moskwę, lecz także odpowiednio docenione i wysoko nagrodzone. Ułatwić mogło także znacznie szybsze otrzymanie zgody na powrót do ZSRR. Dowodów w tej niezwykle drażliwej małżeńskiej sprawie na pewno nie ma. Lecz jest pewna poszlaka, która wskazuje na potencjalną aktywność NKWD w danej sferze. Przecież nawet w Jełabudze, na ostatnim etapie upodlenia poetki, pracownicy NKWD zarzucali na nią swoje śmiercionośne sieci, proponując współpracę ze służbami specjalnymi. Tego typu poniżająca godność osobistą pisarki oferta nie tylkosoleśnie dotknęła nadwrażliwą Cwietajewą, lecz ją najzwyczajniej w świecie psychicznie zabiła, i, niewykluczone, że ostatecznie przyspieszyła decyzję o całkowitym wyzwoleniu się z macek systemu przez popełnienie samobójstwa. Przeanalizowane protokoły oraz przyjrzenie się fragmentowi emigracyjnej paryskiej rzeczywistości rosyjskich emigrantów, uwikłanych przez złą historię w złej sprawy, rzuca, jak sądzę, dodatkowe,

chociaż ponure, światło na ludzi i czasy, w których jedni naiwnie ufali w uczciwość Kremla, a drudzy masowo ginęli z rozkazów moskiewskiego szaleńca.

Bibliografia

- Berberowa, N. (1998). *Podkreślenia moje. Autobiografia*. Przeł. E. Siemaszkiewicz. Warszawa: Noir sur blanc.
- Duff, W. E. (1999). *A Time for Spies: Theodore Stepanovich Mally and The Era of The Great Illegals*. Nashville and London: Vanderbilt University Press.
- Huber, P., D. Künzi (1991). Paris dans les années 30: Sur Serge Efron et quelques agents du NKVD. W: *Cahiers du Monde Russe et Soviéтиque*. Vol. 32 (2), avril-juin, s. 285–310.
- Janczuk, E. (2013). *Język poetycki Mariny Cwietajewej*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski (ebook, PDF).
- Kudrowa, I. (1998). *Tajemnica śmierci Mariny Cwietajewej*. Tłum. i posł. K. Tur. Białystok: Wydawnictwo „Łuk”.
- Maciejewski, Z. (1982). *Proza Maryny Cwietajewej jako program i portret artysty*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Majmieskuł, A. (1992). *Провода под лирическим током. Цикл Мариной Цветаевой «Проводы»*, Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP.
- Ojcewicz, G. (2016). *Biorytmika jako źródło interpretacji zdarzeń*. W: Myślak, D. A. Ojcewicz, G. (red.). *Stara Dusza. Fenomen Matki Marii (Skobcowej). Badania i materiały*. Szczytno: Wydawnictwo „GregArt”, s. 347–372.
- Ojcewicz, G. (2017). Z filologii śledczej. Praca agenturalna stalinowskich służb specjalnych za granicą na przykładzie sprawy o zabójstwo Ignacego Reissa. *Studia Rossica Gedanensis*, t. 4, s. 297–332.
- Piwkowska, A. (2017). *Wykłeta. Poezja i miłość Mariny Cwietajewej*. Warszawa: Iskry.
- Pollak, S. (1968). *Wstęp*. W: Cwietajewa, M. *Poezje*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Poretsky, E. K. Léon Trotsky (1969). *Les Nôtres: vie et mort d'un agent soviétique (Our own people)*. Tłum. O. Simon. Paris: Denoël, Les Lettres nouvelles.
- Poretsky, E. K. (1969). *Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Friends*. London: Oxford University Press.
- Raetz, E. (2006). *Hôtel de la Paix. Ein politischer Mord in Lausanne*. Bretten: INFO Verlag.
- Reiss, E. (1938). Ignace Reiss: In Memoriam. *New International*. (September), s. 276–278.
- Sudopłatow, P. (1999). *Wspomnienia niewygodnego świadka*. Tłum. J. Markowski. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona.
- Вейхман, В. (2008). Каждый день я прихожу на пристань. Урал, № 7. Online: <https://proza.ru/2009/10/31/512> (31.05.2017).
- Каган, Ю. М. (1992). *Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели*. Москва: Отечество.
- Клот, Л. *Знакомые лица: романцы века на наших страницах | Le général Guisan élu Romand du siècle*. Online: <http://nashagazeta.ch/news/12648> (1.06.2017).
- Клот, Л. *Игнатий Рейсс: загадочная смерть советского шпиона под Лозанной | Ignace Reiss, mort d'un espion soviétique à Lausanne*. Online: <http://nashagazeta.ch/news/14121> (20.05.2017).
- Кривошеина, К. (2016). *Незвклидов палиндром имен и судеб, небесных и не очень*. Online: <http://mere-marie.com/life/neevklidov-palindrom-imen-i-sudeb/> (22.10.2016); *Новый журнал*, № 10. Online: http://newreviewinc.com/kseniya_krivosheina/ (18.10.2016).
- Кудрова, И. (1997). *Гибель Марины Цветаевой*. Москва: Независимая Газета.
- Кудрова, И. (2002). Жизнь Марины Цветаевой: документальное повествование. *Звезда*.
- Кудрова, И. (2016). *Марина Цветаева: беззаконная комета Ирма Кудрова Биографии и мемуары*. Москва: Издательство: ACT.

- Кудрова, И. (2002). *Путь комет. Жизнь Марины Цветаевой*. Москва: Вита Нова.
- Лебедев, В. (1997). *Пераст* (Perast). Пер. на фр. М. Цветаева. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой.
- Лосская, В. (1992). *Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников*). Москва: Культура и традиции; Дом Марины Цветаевой.
- Порецкая, Е. К. (1992). *Наши. Воспоминания об Игнатии Райсе и его товарищах*. Москва: Издательство ВДА. Online: http://militera.lib.ru/memo/russian/poretskya_ek/index.html (17.06.2017).
- Прохоров, Д. П., Лемехов, О. И. *Перебежчики. Заочно расстреляны*. Online: <http://coollib.com/b/271956/read> (17.06.2017).
- Прянишников, Б. (2004). *Незримая паутина: ОГПУ-НКВД против белой эмиграции*. Москва: Яуза-Эксмо.
- Роговин, В. З. (1996). *Прозрение и гибель Игнатия Райса*. В: Роговин, В. З. 1937. Москва: (brak danych o wydawnictwie). Online: <http://www.litres.ru> (wersja PDF) (dostęp: 11 VI 2017).
- Роговин, В. З. (1996). *Прозрение и гибель Игнатия Райса*. В: Роговин, В. З. 1937. Москва: (brak danych o wydawnictwie).
- Саакянц, А. (2002). *Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс*. Москва: Центрполиграф.
- Соколов, М. *Дмитрий Сеземан: Марина Цветаева, Георгий Эфрон и возвращение в СССР*. Ч. 1. Online: <https://www.svoboda.org/a/262693.html>; Ч. 2. Online: <https://www.svoboda.org/a/262899.html> (17.06.2017).
- Тверитинов, А. *Александр Александрович Тверитинов. Крестный путь на Родину*. Online: <http://www.history-ryazan.ru/node/5880> (16.05.2018).
- Тени замка Арсин*. Online: <http://www.travel-journal.ru/phenomenons/2/576/> (6.06.2017).
- Хубер, П. (1991). Смерть в Лозанне. *Новое время*, № 21.
- Цветаева, М. И. (1990). *Письма к Ариадне Берг: (1934–1939)*. Подг. текста, пер. и примеч. Н. А. Струве. Париж: YMCA-Press.
- Эфрон, Г. *Дневник*. Online: http://thelib.ru/books/efron_georgiy/dnevnik.html (18.05.2018).
- Шаховская, З. А. (1975). *Отражения: эссе, письма*. Paris: YMCA-Press.

Źródła internetowe

- <http://archive.svoboda.org/programs/sp/2002/sp.090802-1.jpg> (17.05.2018).
- <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kudrova-irma-viktorovna/putj-komet-razoblachennaya-moroka> (20.05.2018).
- <http://rusrazvedka.narod.ru/base/htm/guct.html> (9.06.2017).
- <http://tsvetaea.narod.ru/WIN/kudrova/kudrG11.html> (10.05.2018).
- <http://www.history-ryazan.ru/node/5880> (16.05.2018).
- <http://www.litres.ru> (wersja PDF, s. 678).
- <http://www.livelib.ru/author/13108> (11.06.2017).
- <http://www.mysilverage.ru/2015/11/29/lebedev-v-perast-perevod-na-fr-m-cvetaevoj/> (15.05.2018).
- <http://www.rulit.me/author/poznyakov-nikolaj-sergeevich/predannyj-dar-izbrannye-stihotvoreniya-download-free-199786.html> (17.05.2018).
- <http://www.stili.ru/2014/08/31/5%C2%A0> (17.05.2018).
- <http://www.vekperevoda.com/1887/poznyakov.htm> (17.05.2018).
- http://русский-путь.рф/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=6222 (15.05.2018).
- <https://coollib.com/a/104871> (17.05.2018).
- https://fr.m.wikipedia.org/wiki/Brigades_régionales_de_police_mobile (12.05.2018).
- <https://mtdata.ru/u30/photo2DF9/20320237997-0/original.jpg#20320237997> (19.05.2018).

- <https://nekropole.info/ru/Gertruda-Shildbah> (11.05.2017).
- https://persons-info.com/persons/TSVETAEVA_Marina_Ivanovna (19.05.2018).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Позняков_Николай_Сергеевич (17.05.2018).
- <https://sites.google.com/t-n-v.com/aru/б-и-журавлев.а-а-тверитинов> (16.05.2018)
- <https://unotices.com/book.php?id=178320&page=96> (17.06.2017).
- <https://www.geni.com/people/Антонина-Клепинина/6000000006373302671> (6.06.2017).
- https://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1991_num_32_2_2282 (11.05.2018).
- www.livelib.ru/author/17617/top-irma-kudrova (13.05.2018).

ANEKS

Marina Cwietajewa

Gieorgij Efron

Ariadna Efron

Kirill Chienkin

Nikołaj Afanasow

Nikołaj Pozniakow

Irma Kudrowa

Anna Saakianc

émis par : 0144873128
**MINISTÈRE
DE L'INTÉRIEUR**
 DIRECTION GÉNÉRALE
 DE LA
 SÉCURITÉ NATIONALE
 INSPECTION GÉNÉRALE
 DES
 SERVICES de Police Criminelle

N° 70

C/ STEINER, Renée
 LIDBACH, ROSSI et tous
 autres.

Déposition du témoin:

EFRON, née TSWETAEVA
 Marina, 43 ans, demeurant
 rue Jean-Baptiste
 Potin à Vanves.

LOIC DAMILAVILLE

12/09/99 14:12 Pg: 6

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE**PROCÈS-VERBAL**

L'an mil neuf cent Trente Sept

le Vingt Sept Novembre

Nous, BOREL Robert Inspecteur Principal de Police mobile, attaché à l'Inspection générale des Services de Police criminelle (Direction générale de la Sécurité nationale), à Paris, officier de Police judiciaire, auxiliaire de M. le Procureur de la République,

Vu la commission rogatoire ci-jointe, en date du 16 Septembre 1937

de M. Subilia, Juge d'instruction du Tribunal

de Lausanne à nous transmise pour exécution,

le même mois par Monsieur le Doyen des Juges d'instruction de la Seine et relative à la procédure suivie contre STEINER Renée, ROSSI et tous autres

inculpé s d'assassinat et complicité

Avons fait comparaitre devant nous Mme EFRON, née TSWETAEVA Marina, le 30 Juillet 1894, à Moscou, femme de lettres, demeurant 65 rue Jean-Baptiste Potin à Vanves (Seine)

Lequel, après avoir déclaré n'être parent, allié, ni serviteur, d'un inculpé s et avoir prêté serment de dire toute la vérité, rien que la vérité, a déposé comme suit :

J'ai déjà été entendue le 22 Octobre dernier, en vertu d'une Commission rogatoire, datée du 21 du même mois, de Mr. BATEILLE, Juge d'Instruction à Paris, sur l'activité politique de mon mari. Je n'ai rien à ajouter à cette première déclaration.

S.I.- Mon mari est parti en Espagne pour servir dans les rangs des gouvernementaux, le 11 ou 12 Octobre dernier. Depuis cette époque je n'ai reçu aucune nouvelle de sa part.

Je sais qu'avant son départ en Espagne, il facilita le départ de ses compatriotes qui avaient manifesté le désert dans les rangs des gouvernementaux Espagnols, je n'en connais pas le nombre. Parmi ceux-ci je puis citer deux noms: il s'agit des nommés HENKINE, Cyrille et un prénomé Léowa (Léon).

S.I.- J'affirme ignorer que mon mari au cours de l'année 1936 et au début de 1937 c'est occupé d'organiser des surveillances à l'égard de sujets Russes ou autres avec l'assistance de la femme STEINER, Renée, SHIRENSKI Dimitri, TCHISTOGANOFF et DUQUET, Pierre. J'ignore également si mon mari a été en correspondance avec ces individus.

de servir

Ryc. 1. Pierwsza strona protokołu przesłuchania Mariny Cwietajowej w paryskiej prefekturze w dniu 27 listopada 1937 roku

par : 0144073128 LOIC DAMIAVILLE 12/09/99 14:12 Pg: 7

S.I.- Je ne prends pas sur moi de reconnaître que le télégramme en date du 22 Janvier 1937 dont vous me montrez la photographie a été tracé de la main de mon mari.

A votre demande je vous remets neuf documents (lettres enveloppes et une carte postale) tracés de la main de mon mari).

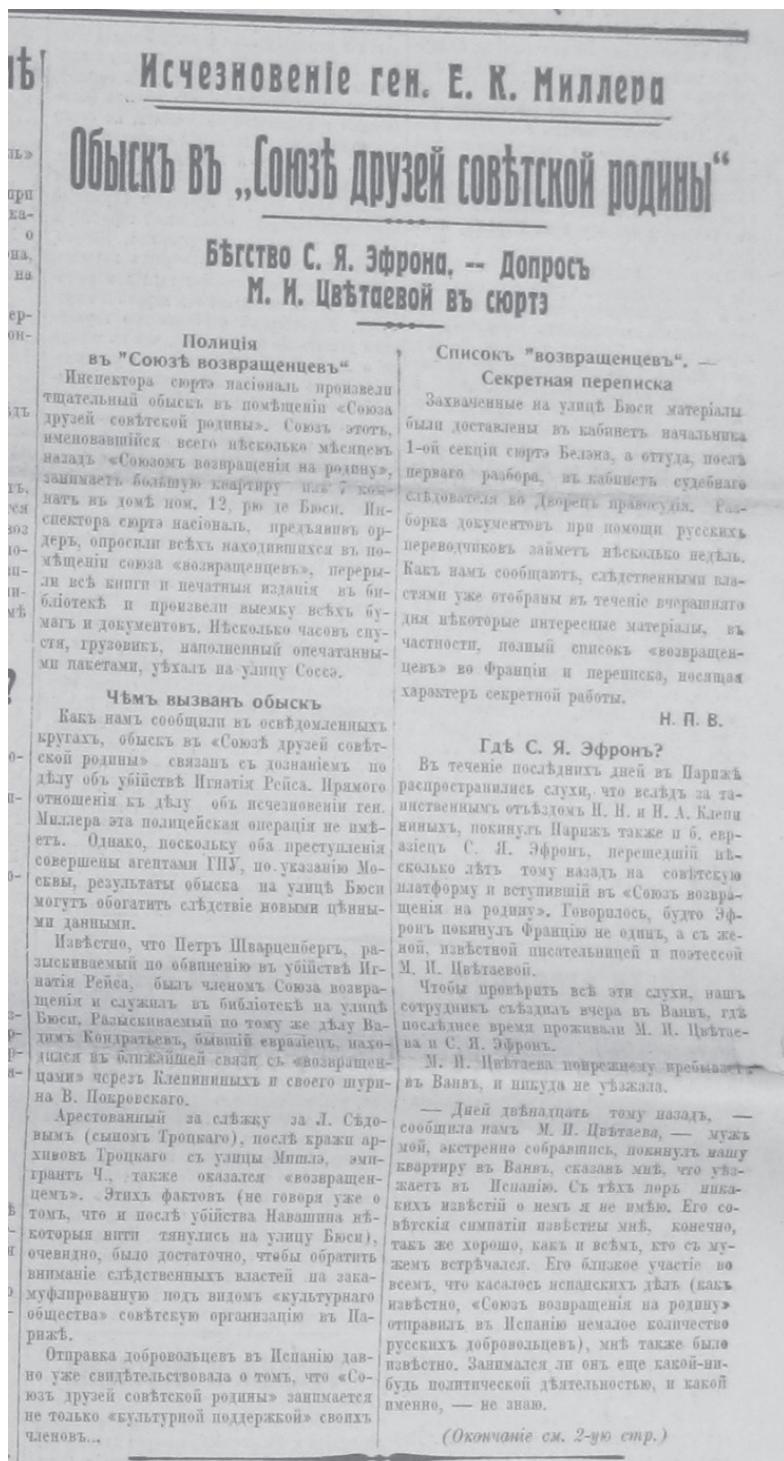
Lecture faite persiste et signe.
L'Inspecteur Principal de Police Mobile
Officier de Police Judiciaire.
M. Zvétaieff-Efron

nion

Mentionnons que nous plaçons sous scellé unique, les neuf documents susvisés à nous remis par Mme EFRON. Madame EFRON signe avec nous ce scellé.

L'Inspecteur de Police Mobile
Officier de Police Judiciaire.

Ryc. 2. Druga strona protokołu przesłuchania Mariny Cwietajewej w paryskiej prefekturze w dniu 27 listopada 1937 roku

Ryc. 3. Fragment pierwszej strony gazety „Poslednije nowosti” (1937, nr 6056, z 24 X) z artykułem na temat przeszukania w pomieszczeniu należącym do „Związku Przyjaciół Radzieckiej Ojczyzny”

Исчезновение ген. Е. К. Миллера

Обыск в «Союзе друзей советской родины»

Бегство С. Я. Эфрана. – Допрос М. И. Цветаевой в сюртэ

Полиция

в «Союзе возвращенцев»

Инспектора сюртэ националь произвели тщательный обыск в помещении «Союза друзей советской родины». Союз этот, имевшийся всего несколько месяцев назад «Союзом возвращения на родину», занимает большую квартиру из 7 комнат в доме номер 12, rue de Biou. Инспектора сюртэ националь, предъявив ордер, опросили всех находившихся в помещении союза «возвращенцев», перерыли все книги и печатные издания в библиотеке и произвели выемку всех бумаг и документов. Несколько часов спустя, грузовик наполненный опечатанными пакетами, уехал на улицу Соссэ.

Чем вызван обыск

Как нам сообщили в осведомленных кругах, обыск в «Союзе друзей советской родины» связан с дознанием по делу об убийстве Игната Рейса. Прямого отношения к делу об исчезновении ген. Миллера эта полицейская операция не имеет. Однако, поскольку оба преступления совершены агентами ГПУ, по указанию Москвы, результаты обыска на улице Бюси могут обогатить следствие новыми цennymi данными.

Известно, что Петр Шварценберг, разыскиваемый по обвинению в убийстве Игната Рейса, был членом Союза возвращения и служил в библиотеке на улице Бюси. Разыскиваемый по тому же делу Вадим Кондратьев, бывший евразиец, находился в ближайшей связи с «возвращенцами» через Клепининых и своего шурина В. Покровского.

Арестованный за слежку за Л. Седовым (сыном Троцкого), после кражи архивов Троцкого с улицы Мишлэ, эмигрант Ч., также оказался «возвращенцем». Этих фактов (не говоря уже о том, что и после убийства Навашина некоторые нити тянулись на улицу Бюси), очевидно, было достаточно,

чтобы обратить внимание следственных властей на закамуфлированную под видом «культурного общества» советскую организацию в Париже.

Отправка добровольцев в Испанию давно уже свидетельствовала о том, что «Союз друзей советской родины» занимается не только «культурной поддержкой» своих членов»...

Список «возвращенцев». –

Секретная переписка

Захваченные на улице Бюси материалы были доставлены в кабинет начальника 1-ой секции сюртэ Белона, а оттуда, после первого разбора, в кабинет судебного следователя во Дворце правосудия. Разборка документов при помощи русских переводчиков займет несколько недель. Как нам сообщают, следственными властями уже отобраны в течение вчерашнего дня некоторые интересные материалы, в частности, полный список «возвращенцев» во Франции и переписка, носящая характер секретной работы.

Н. П. В.[акар]

Где С. Я. Эфрон?

В течение последних дней в Париже распространялись слухи, что вслед за таинственным отъездом Н. Н. и Н. А. Клепининых, покинул Париж также б. Евразиец С. Я. Эфрон, перешедший несколько лет тому назад на советскую платформу и вступивший в «Союз возвращения на родину». Говорилось, будто Эфрон покинул Францию неодин, а с женой, известной писательницей и поэтессой М. И. Цветаевой.

Чтобы проверить все эти слухи, наш сотрудник съездил вчера в Ванве, где последнее время проживали М. И. Цветаева и С. Я. Эфрон.

М. И. Цветаева попрежнему пребывает в Ванве, и никуда не уезжала.

Ryc. 4. Rekonstrukcja pełnego tekstu artykułu zamieszczonego w gazecie „Poslednije nowosti” (1937, nr 6056, 24 X, s. 2) o przeszukaniu w pomieszczeniu „Związku Przyjaciół Radzieckiej Ojczyzny”

— Дней двенадцать тому назад, — муж мой, экстренно собравшись, покинул нашу квартиру в Ванве, сказав мне, что уезжает в Испанию. С тех пор никаких известий о нем я не имею. Его советские симпатии известны мне, конечно, так же хорошо, как и всем, кто с мужем встречался. Его близкое участие во всем, что касалось испанских дел (как известно, «Союз возвращения на родину» отправил в Испанию немалое количество русских добровольцев), мне также было известно. Занимался ли он еще какой-нибудь политической деятельностью, и какой именно, — не знаю.

[с. 2]

22 октября, около семи часов утра, ко мне явились четыре инспектора полиции и произвели продолжительный обыск, захватив в комнате мужа его бумаги и личную переписку.

Затем я была приглашена в сюртре националь, где в течение многих часов меня допрашивали. Ничего нового о муже я сообщить не могла.

Почему скрылся С. Я. Эфрон

Одновременно с бегством Н. Н. и Н. А. Клепининых, как это обнаружилось в течение вчерашнего дня, пределы Франции покинул также С. Я. Эфрон, бывший евразиец и видный деятель «Союза возвращения на родину». Исчезновению Клепининых предшествовал 24-часовой допрос Н. А. Клепинина в сюртре националь. Опасаясь, по-видимому, вторичного вызова, Клепинин покинул Париж и увез свою семью. Почему С. Я. Эфрон последовал его примеру?

Некоторый свет на это, может быть, прольют печатаемые ниже заявления бывшего сотрудника Эфрона и Клепинина по евразийскому движению:

— После того, как в евразийской организации произошел в 1929 году так называемый «кламарский раскол» (Сучинский, Арапов, Сергей Эфрон, Родзевич, проф. Карсавин и др.), Н. А. Клепинин остался в правой группе, продолжая сотрудничать с проф. Н. Н. Алексеевым и П. Савицким. Однако, в 1932 году вновь началось личное сближение Клепинина с С. Эфроном.

На службе ГПУ

— С Клепининым в то время я был очень близок, — говорит наш собеседник.

— От него я узнал об участившихся встречах с Эфроном. Клепинин заметно поддал под его влияние, и я не раз предостерегал его. Однажды Клепинин явился ко мне очень взволнованный и сказал: «Эфрон предложил мне работать для ГПУ». Я изумился. Эфрон не скрывал, что стал на советскую платформу и открыто работал в «Союзе возвращения», но — **вербовать людей на службу ГПУ?** «Ты выгнал его», — спросил я? — «Нет, за что же?» — отвечал Клепинин. — Сергей Яковлевич, очевидно, не придает этому того значения, как мы». — «Но, надеюсь, ты не ответил согласием?». Клепинин возмутился: «Разумеется, нет!». Однако, встречаясь с Эфроном он продолжал, о чем сам мне потом говорил.

Проект «евразийского» сборника

— Весной 1932 года к Н. Н. Клепининой приехали из России гостить ее родители, акад. Насонов с женой. После родительского визита стал заметен резкий переход. Н. Н. Клепинина перестала скрывать свои симпатии к большевикам. Дружба с Эфроном укрепилась. Они начали чаще бывать друг у друга... Н. А. Клепинин часто вызвал меня в кафе и рассказал: «Был опять у меня Эфрон и предложил достать денег на сборник статей с критикой националь-социализма. Сборник должен быть евразийским, с привлечением других известных авторов. **Эфрон говорит, что в неделю можно достать тысяч 30-40 франков?**» — «Откуда деньги?» — спросил я. — Клепинин пожал плечами: «Оттуда, разумеется, но переданы будут так, что никто не узнает». — «Но авторам ты это скажешь?». Клепинин ответил: — «Нет, это надо сделать конспиративно». — «Брось!» — сказал я. — Они тебе ничего не дадут и только запугают. Я решительно уклоняясь и тебе советую поступить так же». Моральной стороны дела Клепинин, как будто, не учитывал, его увлекала практическая задача. Помолчав, он прибавил: «Эфрон предлагает встретиться с одним советским человеком, который очень интересуется евразийством. Как быть? Стоит встретиться?» — «Не советую»... На том наш разговор и кончился. Клепинин ушел.

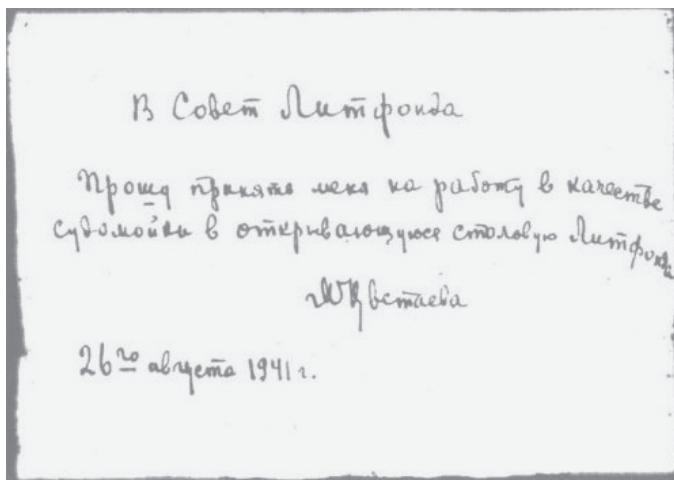
«Анатолий Анатольевич»

— Прошла неделя, может быть две. Снова встреча с Клепининым, и снова такой же разговор. Видя, что его желание очень сильно, я сказал: «Ну, что-ж, иди! Ничего из этого только не выйдет». «Со-ветский человек хотел с тобой поговорить». — «Ну, нет!...». Я отказался наотрез. Через некоторое время от самого Клепинина узнал, что встреча произошла. Эфрон устроил свидание в итальянском ресторане на бульваре Сэн-Мишель. «Советский человек назывался Анатолием Анатольевичем Краснокупским, бывшим военным. У него, кроме того, была другая фамилия (армянская), по которой его можно было вызвать по телефону из полпредства. «Анатолий Анатольевич» совершенно очаровал Клепинина... «Это совсем наш человек! Отлично во всем разбирается, верно смотрит на вещи, совсем не большевик», — рассказывал Клепинин с восторгом. — «О чём же вы говорили?». — «Об евразийстве, проектировали разные издания»...

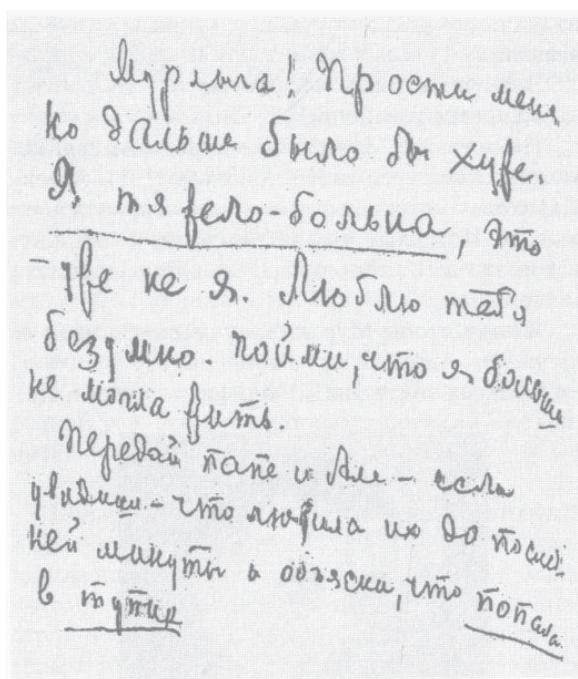
Изданий, насколько мне известно, не вышло. Через некоторое время Клепинин перестал рассказывать о встречах и вообще отошел от меня. Мы почти не видались. Эфрон зачастил к Клепининам, и если у Н. А. был период сомнений, то он окончился с обедом в ресторане у Орлеанских ворот. — оба Клепинины, Эфрон и «Анатолий Анатольевич» — летом 1932 года.

Несколько месяцев спустя, как известно, последовало исключение Н. Н. и Н. А. Клепининых из евразийской организации за то, что они **вместе с В. Кондратьевым** и Н. А. Перфильевым, «самовольно, во фракционном порядке, без оповещения евразийской организации, как целого, вступили в сотрудничество с враждебной евразийству организацией».

Н. П. В[акар]

Ryc. 5. Prośba Mariny Cwietajowej o przyjęcie do pracy w stolówce Litfondu w charakterze pomywaczki z 26 sierpnia 1941 roku (na 5 dni przed popełnieniem samobójstwa)

Ryc. 6. Przedśmiertny list Mariny Cwietajowej do syna Gieorgija z 31 sierpnia 1941 roku

(„Murlyga! Wybacz mi, lecz dalej byłoby gorzej. Jestem ciężko chora, to już nie jestem ja. Kocham ciebie bez pamięci. Zrozum, że dłużej nie moglam żyć. Przekaz ojcu i Ali — jeśli ich zobaczyesz — że kochałam ich do ostatniej minuty i wyjaśnij, że znalazłam się w ślepym zaulku”). Na podstawie książki Irmy Kudrowej Szlak komety. Zdemaskowana mitręga (Путь комет. Разоблаченная морока)

KULTUROZNAWSTWO
КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ
CULTURAL STUDIES

LUDOWA BOJOWA KULTURA FIZYCZNA SŁOWIAŃ

DARIA ŁAWRYNOW

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej, Filologia Rosyjska
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa
e-mail: d.lawrynow@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6064-353X>
(nadesłano 17.08.2018; zaakceptowano 12.09.2018)

Abstract

Slavic traditional martial arts

This article discusses Slavic traditional martial arts such as hand-to-hand combat, team fight “stenka na stenku” („wall on wall”), traditional wrestling, folk games and ritual duels. The fighting traditions of the Cossacks, Russians, Ukrainians, Masovians and Kurpie are described, and their evolution and the history of development in Slavic societies analyzed. This paper examines the various functions of military culture: social, magical, entertaining and practical, as well as its role in the process of forming self-awareness and mentality of the groups described. The article is based on historical and folklore material.

Key words

Military culture, traditional martial arts, folk traditions, Cossacks, Mazovia.

Резюме

Народная боевая физическая культура славян

В данной статье рассмотрены проблемы славянской военной культуры на примере традиционных рукопашных состязаний, в том числе борьбы и кулачного

боя, а также народных игрищ, забав и ритуальных состязаний. Статья освещает боевые традиции казачества, русских, украинцев, мазовшан и субэтнической группы курпы, анализируя их эволюцию, историю развития в славянских обществах. Данная работа рассматривает различные функции боевой культуры: социальные, магические, развлекательные и практические, а также их роль в процессе формирования самосознания и менталитета описываемых групп. Статья базируется на историческом и фольклорном материале.

Ключевые слова

Военная культура, традиционные боевые искусства, народные обряды, казачество, Мазовия.

Bojowa kultura fizyczna w środowisku i tradycji narodów słowiańskich mogła spełniać wiele ról i przybierać różne formy zależnie od okoliczności i miejscowych obyczajów. Obecnie bywa ona kojarzona raczej z wiejskimi bójkami, będącymi zwulgaryzowaną pozostałością dawnych rytualnych pojedynków i zawodów, organizowanych w ramach obchodów wybranych świąt kalendarzowych (Горбунов, 1997, s. 28–31; Perzanowski, 1995, s. 57–58; Мандзяк, 2006, s. 97–126). W charakterze najstarszych przykładów wśród badacze podają pojedynek na Rusi mające na celu upamiętnianie zmarłych wojów podczas tzw. tryzny – rodzaju stypy, której towarzyszyły uczty („strawa”), składanie ofiar oraz różnorakie gry – także nawiązujące do kultury militarnej (Яровой, 2014, s. 152–153; 184; Котляревский, 1868, s. 131; Снегирев, 1837, s. 25–27; Михайлина, 2007, s. 199; 234; Адамович, 2012, s. 143; Каляндрук, 2007, s. 239; 241–243]. Samo pojęcie „tryzny” najprawdopodobniej początkowo oznaczało ‘zawody’, ‘ pojedynek’, a termin „tryzniszczę” – ‘pole bitwy’ (Снегирев, 1837, s. 25–27; Адамович, 2012, s. 143; Огієнко, 1965, s. 254–255). Spośród najstarszych rodzajów analizowanych gier i zawodów wymienia się pojedyńki pięściarskie „jeden na jeden” lub ich zbiorową formę, w której naprzeciwko siebie stawały dwie uformowane w falangę grupy (ukr. *лава на лаву*, ros. *стенка на стенку*). W opinii uczonych, ta ostatnia odzwierciedlała pieszy szkół bojowy, znany również w wojskowości Słowian, a sama formula gry (bicie jedynie do „pierwszej krwi”, „ataki” frontalne bez zachodzenia od tyłu czy z boku, zakaz bicia leżącego, zakaz przechodzenia na stronę przeciwnika) miała za cel płynne wdrożenie męskich przedstawicieli społeczności w realia prawdziwych działań wojennych z towarzyszącą im dyscypliną oraz kodeksem honorowym (Горбунов, 1997, s. 43–46; 71–83). Podczas tego typu zmagań szczególnie ceniono nie tyle siłę fizyczną, ile przede wszystkim spryt, inicjatywę i technikę walki (Горбунов, 1997, s. 83–86; Терещенко, 1848, s. 81–83; Александров, 1999, s. 24–27; Железнов, 1910, s. 1116). Prócz pojedynek pięściarskich do archaicznych form zalicza się pochodzące z Azji zawody zapaśnicze, a niekiedy również walkę wręcz, toczoną w szyku konnym (Горбунов, 1997, s. 52). Zdarzały się również tzw. „boje plecami”, w których dwie stojące tyłem osoby zapłatały ręce i próbowały przerzucić przeciwnika przez plecy na ziemię (Мандзяк, 2007, s. 53). Popularne były także organizowane w miesiącach

zimowych zabawy w zdobywanie góry albo śnieżnych „twierdz”, „zamków” – tutaj jedna grupa pełniła rolę obrońców, a druga – atakujących (Яровой, 2014, s. 53–54). W przeciwnieństwie do europejskich średniowiecznych turniejów rycerskich, na Rusi walczono zazwyczaj bez broni, wyjątek stanowiły piesze pojedynki na drewniane kije, mniej popularne aniżeli walka wręcz. W latach późniejszych, szczególnie wśród Kozaków, praktykowano również pojedynki z bronią białą.

Zdaniem Olega Matwiejewa, badającego bojową kulturę kubańskiej Kozaczyzny, podczas tradycyjnych ćwiczeń gimnastyczno-bojowych – tak samo jak w pracy fizycznej i w czasie operacji militarnych – nacisk kładziono na prostotę, precyzję, wytrwałość i odpowiednie gospodarowanie energią (Матвеев, 2002, online). Ćwiczenia, ale przede wszystkimi rozgrywanie sytuacji konfliktowych w warunkach zabawy i święta, pełniły rolę inicjacyjną dla młodych członków społeczeństwa, miały ich przygotować do dorosłego życia, które wymagało odpowiedzialności, odporności, hartu ducha i umiejętności podejmowania decyzji. Zapewne dlatego podczas zbiorowych walk pierwszą „falangę” stanowili najmłodsi, którzy z kolei ustępowali miejsca na „polu bitwy” młodzieży, a ta – dorosłym, kończącym zmagania i jednocześnie dającym młodszym przykład doświadczenia oraz techniki.

Wymienione wyżej gry i zabawy równie często organizowane były podczas świąt symbolizujących „moment przejścia”: zmian pór roku, cyklu agrarnego, a także podczas wesela czy pochówku. Stąd do wielu „konfrontacji” dochodziło także w miejscowościach „granicznych”: na miedzy, moście, skrzyżowaniach dróg, na górze albo świeże usypywanym kurhanie, pod którym złożono zmarłego (Яровой, 2014, s. 50–53, 141). Staroruskie bajki i byliny, opisujące pojedynki bohaterów z siłami demonicznymi, również toczą się na mostach, pod ziemią czy pod wodą albo w „czystym polu” (symboliczna granica świata ruskiego i azjatyckiego – „pogańskiego”).

Z obrzędowością wesela jako momentu przejścia do „innego domu, innego rodu” wiążano niektóre pieśni i zabawy, imitujące „odbijanie sił” i „obronę” panny młodej. Mogą one stanowić pozostałość po znanych w Azji i na Kaukazie porwaniach żon (zwyczaj ten praktykowali również rosyjscy Kozacy) i zbrojnych pojedynkach kobiety z mężczyzną, które w przypadku wygranej mężczyzny kończyły się ślubem „antagonistów”. Podobne pojedynki, często uwieńczone ślubem, spotykamy w bylinach: staroruscy bohaterowie walczą tam wręcz, zbrojnie i konno z tzw. polanicami – bohaterami dziewczycami, często obcego pochodzenia („ziemi lachowskiej” albo „politewskiej” bądź córkami bliżej nieokreślonych królów odległych krain, a niekiedy królowymi „kobiecego carstwa”), szukającymi dla siebie przeciwników „w czystym polu” (Иликаев, 2015, s. 39–41; Ковпик, Калугина, 2008; Лельчук, [b.r.w.], s. 110–113; Колесов, 2000, s. 64; Воронин, 1966, s. 195; Алексеев, 2009). Przywodzi to na myśl dawne tradycje kazachskie, kiedy młoda dziewczyna wyznaczała kandydatowi na męża różnego rodzaju zadania, m.in. mierzyła się z nim podczas wyścigów konnych i w walce (Абдигалиева, Нукеджанов, 2010; Кузьменко, 2015).

W kontekście późniejszej obrzędowości weselnej można przytoczyć przykład z białoruskiej Homelszczyzny, gdzie bawiono się w „walkę” gości i „bojarów” o pannę młodą, kiedy goście śpiewali:

Не наступай, Літва,
Бо будзе ў нас бітва,
Будом біці да воеваці,
Да свое Галонькі не oddаваці.

zaś „bojarzy” odpowiadali:

Вон, вон, казакі, з хаты,
Хочэ тут комусар стаці
Да з своею комусаркаю,
Да з кудравою да голоўкою.
(Новак, 2011, s. 124)

Podczas białoruskich obrzędów weselnych, kobiety-swaszki mogły również imitować działania bojowe, „organizując najazdy”, aby „odbić” pannę młodą, albo udawały straż przednią (Гамаш, 2008). Natomiast w ukraińskiej obrzędowości weselnej niezamężna kuzynka pana młodego niosła spleciony z kwiatów miecz albo szable (Борисенко, 2016, s. 107–108; Мерлянова, 2012, s. 219).

Pojedynki miały również za zadanie zapewnienie pomyślności w gospodarstwie – krew walczących symbolicznie „poiła” ziemię, aby ta dała obfity plon (Горбунов, 1997, s. 93–95; Яровой, 2014, s. 74). Magii agrarnej towarzyszyły też inne formy aktywności fizycznej o militarnym zabarwieniu, głównie kobiece tańce z mieczami wykonywane najprawdopodobniej ku czci bogini Łady – obecnie możemy je jeszcze obserwować w Chorwacji (Коланкевич, 1999, s. 283; Moszyński, 1967, s. 359). W Polsce wspominał o nich krakowski teolog Łukasz z Wielkiego Koźmina w swej *Postylli* (Mazur, 2014, s. 242–243). Tańce z bronią, tym razem męskie, są obecnie także szeroko rozpowszechnione na Kaukazie, Ukrainie i w Rosji. Ich korzenie sięgają społeczności, dla których działania zbrojne stanowiły podstawę bytu i swoisty styl życia, takich jak Kozacy, opryszkowie, zbójnicy – także ci z terenów polskich, których folklor odzwierciedla tańce góralskie (Kubik, 1977, s. 50–52; Długołęcka, Pinkwart, online; Александров, 1999, s. 17–19; Мандзяк, 2006, s. 17–24; 150–151; Каляндрук, 2007, s. 177–186). Wśród karpackich opryszków umiejętność walki i tańca z bojowym toporkiem była niegdyś jednym z wyznaczników dojrzałości, swoistym testem na dorosłość dla młodego pokolenia, praktykowano również ćwiczenia w rzucie toporem do celu (Мандзяк, 2006, s. 150–153).

Jak można stwierdzić na przykładzie powyższych danych faktograficznych oraz analizy źródeł, bojowa kultura fizyczna miała wiele aspektów: sprzyjała działaniom magicznym, odzwierciedlała wierzenia i przesądy ludu, podkreślała znaczenie wydarzeń przełomowych dla społeczności. Z drugiej strony pełniła ona rolę działań socjalizujących, szczególnie wśród społeczności, dla których wojna stanowiła zajęcie podstawowe, przyrodzony „fach”. Nie dziwi zatem fakt, że zmilitaryzowane gry i zabawy najdłużej przetrwały w takich społecznościach, jak na przykład u rosyjskich Kozaków. Ulubioną rozrywką dzieci i młodzieży, niekiedy również dziewcząt, były staroruskie „kułaczki”, czyli wspomniane wyżej pojedynki pięściarskie, ale przede wszystkim odgrywanie bitew z „niewiernymi”: Turkami, Tatarami, ludami kaukaskimi – imitowały one nie tylko samą taktykę walki, ale też branie jeńców czy wybory dowódcy – atamana (Железнов, 1910, s. 11–16; Щербина, online; Александров, 1999, s. 16–17;

Каляндрук, 2007, s. 253–256; Мандзяк, 2007, s. 39–43). Stanowiły typowe odgrywanie „dorosłego życia”. Innymi popularnymi zabawami były zajęcia rozwijające spryt, wytrzymałość, siłę i technikę: przeciąganie liny bądź kija, skoki przez kij i szabłę, siłowanie się na ręce oraz nogi – to ostatnie w pozycji na plecach (tzw. „walka cygańska”), wzajemne przydeptywania nogami – wyrabiające czujność, refeks. Inne miały za cel wyrabiać wytrwałość i odporność na ból czy chłód (Александров, 1999, s. 16–17; Адамович, 2012, s. 6; 20; 143–150). Dzieci odtwarzają też musztrę i taktykę kawalerską. Młodzież ćwiczyła techniki użycia broni białej przecinając w powietrzu podrzucane żdźbła bądź ćwicząc cięcia słomianych figur w pełnym galopie. Niekiedy praktykowano również techniki uczące odporności na ciosy (wykonywanie na zmianę uderzeń w poszczególne części ciała) czy umiejętności uwolnienia się od dźwigni (Мандзяк, 2006, s. 91–92; Мандзяк, 2007, s. 51–52). Dla młodzieży organizowano zawody, w których sprawdzano umiejętności strzelania i cięć szablą czy uderzeń piką w galopie, podnoszenia przedmiotów z ziemi konno (Яровой, 2014, s. 17–18).

Rodzice dzieci kozackich od najmłodszych lat starali się wdrożyć potomków do realiów wojennych, tworząc wokół nich swoisty zmilitaryzowany mikroświat: tuż po narodzinach chłopca najbliższa rodzina przynosiła mu w prezencie naboje lub strzały, a wraz z pojawiением się u niego pierwszego zęba, ojciec bądź chrzestny sadzał go na konia, zaś do boku przypinał szabłę, i obserwował, czy potomek zachowuje się „po kozacku”, tzn. czy trzyma się w siodle. Również w kozackich kołysankach pojawiają się atrybuty wojenne, swoisty kult rzemiosła militarnego (Багизбаева, 1977, s. 97–98):

Богатырь ты будешь с виду
и казак душой (...)
И отец твой, храбрый воин,
закален в бою.

W wojskach kozackich nawet mundur miał znaczenie kultowe i symboliczne, a musztra i ćwiczenia wojenne urastały do rangi miejscowej kultury ludowej. Sam program dziewiętnastowiecznego kozackiego wychowania fizycznego został ustrukturyzowany i opierał się nie tylko na nauce musztry, maszerowania, strzelania, jazdy konnej czy opanowaniu wielkiej ilości technik cięć szablą i ataków piką – zarówno w szyku pieszym, jak i konnym – ale także na gimnastyce, tańcach, dzygitówce, czyli popisach akrobatycznych, wykonywanych podczas jazdy konnej, oraz nauce pieśni – te ostatnie tradycyjnie opierały się na tempie marszowym, miały za zadanie wprowadzenie Kozaka w stan swoistego transu bojowego, służyły hartowaniu przysłowiowego ducha bojowego (Медведев, 1993; Козлов, 2003; Александров, online; Фігурний, 2004, s. 70; Яровой, 2014, s. 178; Наумов, 2010, s. 242–243; Бондарь, online; Кашкаров, 2015, s. 4–6; 20; 82).

O ile co najmniej od XVIII wieku wśród rosyjskich i ukraińskich mas ludowych przytoczone przykłady kultury fizycznej przybrały formę symboliczną, o tyle wśród Kozaków pełniły one rolę praktyczną – uczyły „fachu”, podtrzymywały ciągłość pokoleń. W związku z tym wielu badaczy mówi wręcz o wyewoluowaniu specyficznych ukraińskich, rosyjskich, białoruskich i kozackich systemów bojowych (np. „Spas”, „Krywicz”, „Liubki”) (Медведев, 1993; Пилат, 1999; Шевцов, 2010; Адамович, 2012; Бондаренко, Пустовойтов, Задунайский, 2010; Туманов, Еганов, Неретина,

Князев, Туманов, Сапегин, 1999; Каляндрук, 2007, s. 55–70). Co ciekawe, na Ukrainie, gdzie Kozaczyzna jako zmilitaryzowana społeczność o specyficznych cechach etnicznych nie przetrwała tak długo jak w Rosji czy Kazachstanie, same tradycje bojowej kultury fizycznej dotrwały nawet do XX wieku – szczególnie jako młodzieżowe gry zręcznościowe, nawiązujące do tradycji kozackich, na przykład gra w Kozaków i Tatarów, przypominająca znaną zabawę w podchody, zabawy w „wojnę”, zręcznościowe zabawy łączące elementy tańca i walki (tańce z szablamи czy kijami, wzajemne przeskakiwanie przez siebie z imitowaniem „kopniaków” itp.) (Мандзяк, 2007, s. 34–35).

Wśród ludności cywilnej popularność dorocznych pojedynków można byłoby tłumaczyć ich rolą w rozładowywaniu negatywnych emocji, niwelowaniu napięć psychicznych nagromadzonych przez cały rok. Szczególny rodzaj kultury fizycznej, sięgający korzeniami dawnej Rusi, a w sferze kultury – przynależny ludowej kulturze śmiechu – stanowiły niektóre pokazy tzw. skomorochów, czyli wędrownych artystów, oparte na pojedynkach człowieka ze zwierzęciem, najczęściej niedźwiedziem. Później, w okresie nowożytnym, wędrowcom towarzyszyli zawodowi „mocarze”, czyli siłacze, których zadaniem było toczenie publicznych pojedynków ze wszystkimi napotkanymi śmiałkami. Dla wielu z czasem stało się to nawet źródłem utrzymania, gdyż za każdą wygraną walkę otrzymywali stosowną zapłatę, a w XIX wieku wielu z nich zasiliło również trupy cyrkowe (Горбунов, 1997, s. 68–69).

Zawody i pokazowe pojedynek, jak można stwierdzić na podstawie źródeł folklorystycznych (byliny, epickie pieśni o tematyce historycznej), stanowiły często urozmaicenie wielu świąt na dworze carskim czy księżycem, a dla samych walczących stanowiły szansę na uzyskanie dodatkowych monarszych łask. Jeden z takich pojedynków, wraz z opisem technik walki, barwnie ukazuje *Pieśń o Kostriuku* (*Песня о Кострюке*), której akcja toczy się podczas uczty weselnej cara Iwana IV:

С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
Борьба ево ученая,
Борьба черкасская,
Колесом он бороться пошел (...)
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царскова шурина (...)
Потанька справился,
За плеча срабился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю:
Мастрюк без памети лежит,
Не слыхал, как плачья сняли.
(Данилов, 1977)

W bylinach równie często pojawia się postać bohatera, a niekiedy też bohaterki, dla których sposobem na życie było wędrowanie po świecie w poszukiwaniu okazji do pojedynków. Wszyscy oni funkcjonują na granicy światów, są postaciami niejednoznacznymi: równocześnie toczą boje z wrogami „Świętej Rusi” oraz potrafią szantażo-

wać monarszy dwór w Kijowie, domagając się „godnego przeciwnika”. Wykorzystują fachowe bojowe umiejętności do walki z ludźmi i z przedstawicielami świata nadprzyrodzonego, takimi jak demony, Baba Jaga, smoki. W jednej z bylin pochodzącej z terenów dzisiejszego obwodu wołogradzkiego, przedstawiona została moralizatorska historia o trzystu dumnych herosach marzących, aby ich braćiami zostali „car świętoruski”, a nawet Chrystus. Ten ostatni zsyła z nieba bohaterkę-„polanicę”, która pokonuje wspomnianych śmiałków w pojedynku (Гупа, 1965). Tematyka twórczości ludowej dodatkowo potwierdza podwójną rolę bojowej kultury fizycznej: magiczną i praktyczną. Warto byłoby zwrócić uwagę, że pomimo wielkiej popularności walk, szczególnie tych na pięści, cerkiew potępiała je jako przejaw pogaństwa. Już w XIII wieku podczas soboru metropolita Cyryl nakazał ekskomunikować osoby uczestniczące w „bojach”. Z drugiej strony w pojedynkach chętnie brali udział nawet przedstawiciele elit. Jedna z najstarszych wzmiianek piśmienniczych z XIII wieku mówi o pięściarskim pojedynku kniazia kijowskiego z pskowskim (Терещенко, 1848, s. 81–83; Грунтовский, 2002, s. 319).

Poza rytualno-obrzędową otoczką zmagania zbrojne stanowiły również element kultury prawnej dawnych Słowian. Pojedynek mógł stanowić element wstępny przed właściwym bojem wrażnych armii, któremu towarzyszył na ogół określony schemat, przejmowany następnie przez gry: zwyczajowe, prześmiewcze wyzwiska pod adresem przeciwnika (niekiedy w formie rymowanej), wystąpienie z szeregu jednego ze śmiałków, który prowokował stronę przeciwną do wystawienia swojego ochotnika, oraz samo przystąpienie do pojedynku. Niekiedy właśnie ów pojedynek rozstrzygał o wyniku boju i dalszych działań dyplomatycznych obu stron (Афанасьев, 1995; Долгов, 2014). Stąd zresztą wywodzi się swego rodzaju cywilne odbicie ówczesnej kultury zbrojnej: instytut pojedynku sądowego. Był on rozpowszechniony wśród plemion germańskich (wspominają o nim *Leges Barbarorum*), a także w średniowiecznej Europie – miał przy tym religijne tło. Na Rusi funkcjonowało natomiast tzw. „pole”, które również miało moc rozstrzygania sporów sądowych, a najważniejszym warunkiem pojedynku była zasada równości antagonistów – z tego powodu kobiety, mnisi, małoletni, starzy czy chorzy mieli możliwość wystawienia najemnika (Афанасьев, 1995; Долгов, 2014; Олбрыхский, 2013). Niedopuszczalne też było, aby przedstawiciel zbrojnej warstwy społecznej wyzywał na pojedynek „cywila”, jednakże dopuszczano sytuację odwrotną. Co ciekawe, sądziły się między sobą dwie kobiety, to również one musiały osobiście przystąpić do walki. Stosowne akty prawne precyzowały zasady i okoliczności, dopuszczalne rodzaje broni. Samo użycie broni, a także częsta walka w pełnym rynsztunku, odróżniały ów rodzaj pojedynku od innych form omawianej bojowej aktywności fizycznej. Pierwsze wzmiianki o „polu” na Rusi pochodzą już z X wieku. Źródła arabskie i bizantyjskie wspominają o pojedynkach na miecze, kończących się częstokroć śmiercią jednej ze stron (Долгов, 2014). Natomiast najstarsze ruskie źródła podejmujące ten temat odnoszą się dopiero do XIII i XIV wieku. Sam pojedynek sądowy, jak na akt oficjalny przystało, był bardzo sformalizowany, towarzyszył mu ustalonowy prawnie schemat, a „pole” musiało odbywać się w asyście urzędników państwowych (Афанасьев, 1995; Долгов, 2014).

Instytucja pojedynku sądowego istniała również w dawnej Polsce, wspomina o niej Najstarszy zwód prawa polskiego, datowany na końcówkę XIII bądź początek XIV wie-

ku. Do tego typu rozstrzygnięcia dopuszczani byli przedstawiciele wszystkich stanów, zatem walczyć mogli nawet chłopi z rycerzami, jednak w takim przypadku, aby zagwarantować stronom sprawiedliwe warunki, zamiast na miecze – walczono kijami (Olbrychski, 2013). Akty prawne Rzeczypospolitej, podobnie jak na Rusi, również regulowały zasady i sposoby przeprowadzania pojedynek. Nie zmienia to faktu, że w świadomości mieszkańców Rzeczypospolitej Obojga Narodów zbrojne rozstrzygnięcia sporów postrzegane były jako coś naturalnego, zwyczajowego. Szczególnym zamiłowaniem do zwady i bójek odznaczali się, wedle źródeł, mieszkańcy Mazowsza, przy czym zazwyczaj podkreśiano równocześnie ich umiejętności wojskowe (Smoleński, 1908, s. 62–68; Wójcicki, 1869, s. 44–48). Nawiązuje do tego popularne w XV wieku przysowie o czterech najlepszych atrybutach wojny, wśród których znalazły się też „chłop Mazurek”. Sklonność do zwady połączona z ubóstwem bywała również obiektem kpin ze strony „Koroniarzy”, czyli mieszkańców innych rejonów Rzeczypospolitej, wierszowano m.in., że Mazur ma ostrą szabelkę, „wyszczerbioną w bojach z chłopami w karczmie” (Smoleński, 1908, s. 137). Warto w tym miejscu oddać głos księciu Jabłonowskiemu, który powtarza jedną z opinii o ówczesnych Mazurach: „Co zaś do żołnierstwa, mają serce i ran i śmierci lekceważenie, bo sami się między sobą jak psybiją. Zły jarmark, kiedy tylko pięciu zabiją” (Wójcicki, 1869, s. 44). Jak wynika ze źródeł, mieszkańcy Mazowsza nigdy nie rozstawiali się z bronią – nie tylko w życiu codziennym, ale także podczas odpustów, a nawet nabożeństw. W aktach prawnych książąt mazowieckich jak bumerang powraca temat kar i zakazów związanych z nadmiernym „uzbrojeniem” szlachty oraz chłopów na jarmarkach i w kościołach. Do ulubionych typów broni Mazurów należały: sekate kije, obuchy, szable, rusznice oraz nadziaki (Smoleński 1908, s. 64–66; Wójcicki 1869, s. 46; Perzanowski, 1995, s. 69). Umiejętność strzelania była szczególnie ceniona na Kurpiach, gdzie strzelba stanowiła jedną z podstaw bytu. Stąd zwyczaj dorocznych zawodów strzeleckich dla dzieci i młodzieży, a także swoisty „trening” w domu rodzinnym: ojciec, aby wpoić synom, że pożywienie należy zdobywać własnymi siłami, wieszał na drzewie kawałek jedzenia, a potomkowie musieli go stracić za pomocą strzału, aby zasłużyć na śniadanie. Młodzież uczestniczyła również w polowaniach, których zwieńczeniem było porównanie zdobyczys wszystkich męskich członków rodziny (Chętnik, 1924). Broń palna miała dla Kurpiów znaczenie niemal kultowe, jedna z pieśni okresu zaborów opowiada nawet o tym, jak mieszkańcy Puszczy opłakiwali skonfiskowane im przez zaborcę strzelby.

Wypadałoby podkreślić, że Mazurowie, w przeciwieństwie do Rusinów, nie posiadali uschematyzowanego systemu kultury bojowej o silnym zrytualizowaniu. Ich aktywność fizyczna kształtała się raczej spontanicznie, a „hartowała” w sąsiedzkich zwadach czy karczemnych awanturach. Podobno nierzadkie były nawet bójki pomiędzy rodzicami a potomkami, krewkością odznaczały się również kobiety (Smoleński, 1908, s. 62–68).

Zjawisko zbójnictwa, tak chętnie kojarzone z terenami górnymi, na Mazowszu było szczególnie rozpowszechnione jeszcze zanim kroniki utrwały postaci i czyny pogranicznych „harnasiów”. Wśród Mazurów najczęściej dochodziło do aktów typowego łupiectwa plebanii i przybytków kościelnych, a niekiedy sąsiednich majątków – dokonywała tego miejscowa uboga szlachta (Smoleński, 1908, s. 63–64; Syska, 1955, s. 67). Należy zaznaczyć, że w przeciwieństwie do ludów góralskich, Mazurowie nie

stworzyli własnej kultury militarnej. Górskie pogranicze polsko-ukraińsko-słowackie wykształciło swój własny fenomen kultury zbójnickiej z towarzyszącą mu obrzędowością i kulturą fizyczną. Postać „harnasia” w świadomości społecznej kojarzona była nie tylko ze swoistą sprawiedliwością ludową, ale też z ucielesnieniem pewnych cech i umiejętności. Jak trafnie już w XIX wieku zauważał Seweryn Goszczyński, dla górala samo „zbójowanie” było „rodzajem rycerskiej szkoły”, a zbójnicy mieli się charakteryzować „niepospolitą siłą, zadziwiającą zręcznością w rzucaniu toporkiem, szybkością w biegu, gibkością w tańcu” (Kroh, 1971, s. 80–81). Zbójnicy, podobnie jak Kurpie czy Kozacy, otaczali osobistą broń swoistym kultem – była ona gwarantem swobody i nieodłącznym elementem życia codziennego. Na broń przysięgano też wierność „bractwu zbójnickiemu” (Сенько, 2006). Do ulubionych typów broni zbójników należały toporki, broń palna, rohatyna, nóż (tzw. czełepyk). Wśród karpackich górali prawo noszenia bałty (bojowego topora) było równoznaczne z uznaniem młodzieńca za pełnoprawnego członka społeczności – na owo prawo należało sobie zasłużyć umiejętnym posługiwaniem się wspomnianą bronią. Swoistym treningiem dla młodzieży były tańce, w trakcie których uczono się cięć i uderzeń toporem (Мандзяк, 2006, s. 150–151). Jak wynika z dziewiętnastowiecznych wspomnień Kleina i Blumenfelda, zbójnicy mieli nawet w zwyczaju tańce z nabitymi strzelbami (Eljasz-Radzikowski, 1897, s. 25–26). Istniała również piosenka ludowa, wychwalająca broń (raczej: prezentująca zalety broni) karpackich „opryszków”:

Як топірцем замахаю – ні німця, ні ляшка.
 Та як стрілю з револьвера, із того нового,
 Ой із того, що м зробив – із дерев'яного.
 Штири ножі і револьвер за поясом ношу,
 Дають мені пани гроши, коли в них попрошу
 (Луців, 2014, s. 11)

Umiejętności zbójników do tego stopnia imponowały ludności, że wśród Rusinów krążyły legendy o „zaczarowanej broni” karpackich opryszków oraz różnorakich znanych im „sztuczach”, np. opryszek Szuhaj był w stanie strzałem zapalić fajkę jednemu z żandarmów, a Metacz potrafił za pomocą noża lub zwykłego kamienia zabić hajduka – członka straży bocznej (Сенько, 2006; Луців, 2014, s. 10). Dla porównania, wśród Polaków krążyły liczne opowieści o kunscie strzeleckim Kurpiów: jeden spośród nich miał jakoby w obecności króla Zygmunta Augusta „wypisać” strzałami na drzewie jego inicjały (Braun, online).

Zarówno na Rusi, jak i na Mazowszu świętym i odpustom towarzyszyły bijatyki. Analogicznie też funkcjonowały na tych terenach grupy rówieśnicze, tzw. „kawalerka”, które rywalizowały pomiędzy sobą, tworząc swoistą subkulturę młodzieży wiejskiej. Toczone przez nie bójki stanowiły jeden z elementów wiejskiej kultury świątecznej, stąd też do zadań „kawalerki” należało w pierwszym rzędzie zorganizowanie „muzyki”: wynajęcie pomieszczenia na zabawę taneczną i opłacenie grajków (Perzanowski, 1995, s. 56–57). Tego typu „oprawa” nie była niczym niezwykłym, zważywszy, że wedle źródeł, taniec, hulanka, pijatyki i walka stanowiły ulubione, główne źródła rozrywki dawnych Mazowszan. Jak głosiła jedna z pieśni ludowych: „Wtedy Mazur wesół żyje, kej tańcuje i kej bije” (Smoleński, 1908, s. 144).

Co ciekawe, sama „bitka” często była tylko jednym z elementów zabawy, swoistym przerywnikiem pomiędzy tańcami. Konflikty fizyczne, akty przemocy towarzyszące zabawom paradoksalnie pełniły rolę socjalizującą młodzież: miały udowodnić, że kawalerowie nie przynależą już do świata dzieciecego, iż są oni w stanie „rzadzić” w okolicy dzięki okazaniu swej przewagi nad przedstawicielami „kawalerki” sąsiedniej wsi czy okolicy. Bójki traktowano głównie jako rodzaj „sportu”, źródło adrenaliny, ale także pretekst do udowodnienia własnego prestiżu. Z czasem niektóre „draki” przybrały bardziej przestępco formy: wytworzyły się specyficzne grupy bandyckie, których głównym zajęciem było wędrowanie po okolicznych weselach w celu ich „rozbicia”, prowokowanie konfliktów i rozbojów (Perzanowski, 1995, s. 57–58). Co ciekawe, w niektórych wsiach umiejętności bojowe były dziedziczne, a tzw. „herszci kawalerki”, „bijacy” mieli za zadanie wyszkolenie młodszych, wprowadzenie ich w realia, aby mogli „bronić honoru” wsi podczas przyszłych konfliktów. Bójki spełniały tym samym funkcję konsolidacyjną dla grupy rówieśniczej określonej wsi czy okolicy. Same bijatyki były toczone wręcz, ale mogła im towarzyszyć również typowa broń: noże, sprężyny, lagi, kamienie czy osławione sztachety. Młodzieńcy często demonstracyjnie obnosili się z „rynsztunkiem” – dla podkreślenia prestiżu i udowodnienia własnej dojrzałości. Warto byłoby wspomnieć, że mazowieckie działania bojowe często miewały bardziej prymitywny i brutalny charakter: mimo iż nierzadko towarzyszyły im pojęcia obrony honoru, czci, to znane źródła nie wspominają o jakimś ustalonym, zwyczajowym zbiorze zasad, regulujących przebieg pojedynków. Nie można zatem mówić o istnieniu miejscowego systemu kultury fizycznej. Jednakże utrwały się pewne schematy, symbolizujące początek konfliktu. Schematyczną zaczepkę, swoiste zaproszenie do konfrontacji, stanowiło niegdyś wyrażenie „Pęknij no mię”. Często gaszono światła w pomieszczeniu albo prowokacyjnie coś niszczyono, aby „dać sygnał” do konfliktu (Wójcicki, 1869, s. 44; Perzanowski, 1995, s. 61).

Pomimo zawadiackiego usposobienia Mazowszan i Kurpiów oraz umiejętności zbrojnych, udowodnionych podczas wielu powstań czy wojen dawnej Polski (np. udział mieszkańców puszczy kurpiowskich we wszystkich polskich powstaniach okresu zaborów czy ich czynny udział w walkach ze Szwedami), nie wytworzyły się tu zalążki lokalnego systemu bojowego czy też unikalnej kultury fizycznej. Z drugiej strony pewne zalążki specyficznej kultury militarnej wytworzyło górskie pogranicze, związane z fenomenem społecznym zbójnictwa.

Sama tradycja pojedynków na Rusi i w Rzeczypospolitej posiada zapewne wspólne źródła, jednakże rozwijała się w odmienny sposób. Wśród Kozaków rosyjskich i ukraińskich tradycje bojowe utrzymywały się najdłużej, gdyż sam charakter tych społeczności kształtał się na zasadach demokracji militarnej, a ich tożsamość hartowała się w poczuciu ciągłego zagrożenia ze strony wszechotaczających „obcych”. W innych regionach Rosji, Ukrainy czy Białorusi ludowa bojowa kultura fizyczna przekształciła się w zabawę, ciekawostkę folklorystyczną – z czasem tracąc swe praktyczne i rytmiczne znaczenie. Niektóre jej elementy zlały się przy tym z kulturą rycersko-szlachecką. W Polsce działało się podobnie, przekazywane zaś z pokolenia na pokolenie umiejętności szybko utraciły „metafizyczną” otoczke, spełniając funkcje czysto praktyczne: podczas wojen oraz rozstrzygania sporów.

Bibliografia

- Braun, K. (b.r.w.). *Kurp Zbrojny – powstanie regionalnego etnomitu*. Online: http://www.historia.kurpie.com.pl/kurp_zbrojny/ (15.08.2018).
- Chętnik, A. (1924). *Kurpie*. (Biblioteczka Geograficzna „Orbis”, seria 3, t.4). Kraków–Dębniki: Nakł. Księgarni Geograficznej „Orbis”.
- Ciupazki se rubały*. Online: http://www.zbojnickiszlak.pl/index.php?menu=c&id_menu=99 (15.08.2018).
- Długolecka, L., Pinkwart, M. (b.r.w.). *Muzyka i Tatry: taniec góralski*. Online: www.pinkwart.pl/muzyka_i_tatry/spis_tresci.htm (13.08.2018).
- Eljasz-Radzikowski, S. (1897). *Podhalanie i Tatry na początku XIX wieku*. Lwów: nakładem Towarzystwa Ludoznawczego.
- Kolankiewicz, L. (1999). *Dziady: teatr Święta Zmarłych*. Gdańsk: Słowo/ Obraz/ Terytoria.
- Kubik, J. (red.) (1977). *Z zagadnień folkloru muzycznego na Śląsku Cieszyńskim*. (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego nr 141). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Kroh, A. (1971). Zbójnik podhalański w kulturze polskiej. *Polska Sztuka Ludowa*, nr 2, s. 79–98.
- Mazur, M. (2014). Wybrane zagadnienia z chrystianizacji krajów Europy środkowo-wschodniej i północnej w IX–XI wieku. Napięcia społeczne, przemoc i synkretyzm religijny. *Vade Nobiscum*, t. 11, Kacprzyk, E., Gawryszcza, M. (red.). Łódź: Uniwersytet Łódzki, s. 237–246.
- Moszyński, K. (1967). *Kultura ludowa Słowian* (T. 1: *Kultura materialna*; T. 2: *Kultura duchowa*). Wyd. 2. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Olbrychski, A. (2013). *Pojedyunki sądowe w Polsce średniowiecznej*. Online: www.wolnemedia.net/pojedynki-sadowe-w-polsce-sredniowiecznej/ (13.08.2018).
- Perzanowski, A. (1995). Bzij, zabzij, ja honorem ręce... Bójka wiejska – walka i rytał. *Polska Sztuka Ludowa – Konteksty*, t. 49, z. 1, s. 55–63.
- Smoleński, W. (1908). *Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej*. Kraków: Druk. W. L. Anczyca i Spółki.
- Syska, H. (1955). *Obleciałem Kurpie-Gocie*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
- Wójcicki, K. W. (1869). *Szkice historyczne i z domowego życia niedawno ubiegłej przeszłości*. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Абдигалиева, Г. К., Нукеджанов А. (2010). Традиции и обычаи в казахской культуре. *Вестник КазНУ*, № 2 (35), s. 167–171.
- Адамович, Г. Э. (2012). «Кривич». Рукопашный бой: система славянских единоборств. Минск: Букмастер.
- Александров, С. Г. (1999). *Отражение традиций физической подготовки в устном народном творчестве кубанского казачества*. Армавир. Online: http://www.cossackdom.com/calture/alexandrov_podgotovka.htm (13.08.2018).
- Алексеев, С. В. (2009). *Славянская Европа V–VIII веков*. Москва: Вече.
- Афанасьев, А. Н. (1995). Русское поле или суд божий. W: *Поэтические воззрения славян на природу*. Москва: Современный писатель.
- Багизбаева, М. М. (1977). *Фольклор семиреченских казаков*. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп.
- Бондаренко, В. В., Пустовойтов, В. Н., Задунайский, В. В. (2010). *Казачий рукопашный бой*. (Серия Бойцовский клуб). Москва: Астрель СПб.
- Борисенко, В. К. (2016). *Сімейна обрядовість українців ХХ – початку ХХІ століття*. Київ: Борисенко, В. К. (2016). *Сімейна обрядовість українців ХХ – початку ХХІ століття*. Київ: Видавництво ІМФЕ.
- Воронин, Н. Н. (1966). *Культтура древней Руси: посвящается 40-летию научной деятельности Николая Николаевича-Воронина*. Москва: Наука.

- Гамаш, Д. Поліські амазонки чоловіків тримали за невільників. *Газета по-українськи*. 19.06.2008. Online: www.gazeta.ua/articles/history-newspaper/_poliski-amazonki-cholovikiv-trimali-za-nevilnikiv/234629 (13.08.2018).
- Горбунов, Б. В. (1997). *Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX – начала XX вв.* Москва: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН.
- Грунтовский, А. В. (2002). *Потехи страшные и смешные: книга о фольклорном театре, скоморохах, ряженых и кулачных боях.* Санкт-Петербург: «Русская земля».
- Гура, В. В. (сост.) (1965). *Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки: в 2-х т.* Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
- Данилов, К. (1977). *Древние российские стихотворения, собранные Кириею Даниловым.* Москва: Наука.
- Долгов, В. В. (2014). Поединки в древнерусской воинской культуре. *Военно-исторический журнал*, № 6, с. 57–60.
- Железнов, И. И. (1910). *Уральцы: очерки быта уральских казаков.* Санкт-Петербург: Общественная польза.
- Иликаев, А. (2015). *Русские былины и сказания.* (Серия Мифы и легенды народов мира). Москва: Эксмо.
- Каляндрук, Т. (2007). *Таємниці бойових мистецтв України.* Львів: Піраміда.
- Кашкаров, А. П. (2015). *Казаки: традиции, обычаи, культура (краткое руководство настоящего казака).* Ростов-на-Дону: Феникс.
- Ковпик, В., Калугина, А. (2008). *Былины: исторические песни. Баллады.* Москва: Эксмо.
- Козлов, В. В. (2003). Физическое воспитание в казачьих юнкерских и военных училищах императорской России (1867–1917 гг.). *Военно-исторический архив*, № 11 (47).
- Колесов, В. В. (2000). *Древняя Русь: наследие в слове: мир человека.* (Серия Филология и культура). Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
- Котляревский, А. (1868). *О погребальных обычаях языческих славян.* Москва: Типографія К. А. Попова.
- Кузьменко, И. (2015). *Казахская женщина – хранительница традиций и семейного очага.* 19.02.2015. Online: <https://e-history.kz/ru/publications/view/971> (13.08.2018).
- Лельчук, А. М. (b.r.w.). Честь-хвала богатырская. Русские народные былины киевского цикла в переложении Алексея Лельчука. *Тусские былины.* Online: http://www.byliny.ru/a_lelchuk/chest-hvala (13.08.2018).
- Луців, Є. (2014). *Бойове мистецтво гуцулів.* Тернопіль: Мандрівець.
- Мандзяк, О. (2006). *Бойові традиції аріїв: на шляху до реалій українських бойових мистецтв.* Тернопіль: Мандрівець.
- Мандзяк, О. (2007). *Воїнсько-фізичне виховання аріїв: народні ігри в практиці українських боевых мистецтв.* Тернопіль: Мандрівець.
- Матвеев, О. В. (2002). «Что значит русский бой удалый...?»: ратное ремесло в исторической картине мира Кубанского казачества. W: Семенцов, М. В. (ред.). *Дикаревские чтения (8). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год.* Краснодар: Крайбиколлектор.
- Медведев, А. Н. (1993). *Казаки и рукопашный бой.* Москва: Здоровье народа.
- Мерлянова, О. А. (2012). Танець у контексті сімейної обрядовості. *Українська культура: минуле, сучасне, шляхи розвитку: наукові записки РДГУ.* Вип. 18 (1). (Рівне), с. 219–223.
- Михайлина, Л. (2007). *Слов'яни VIII–Х ст. між Дніпром і Карпатами.* Київ: Інститут археології НАН України.

- Наумов, С. Н. (2010). *Казаки и Казахстан: 400 лет обицей судьбы*. Алматы: [б. и.].
- Новак, В. С. (уклад) (2011). *Вясельная традыцыя Гомельщчыны: фальклорна-этнаграфічны зборнік*. (Гомельскі дзяржаны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны). Мінск: Права і эканоміка.
- Огієнко, І. І. (1965). *Дохристиянські вірування українського народу*. Видавництво Вінніпег.
- Пилат, В. (1999). *Бойовий гопак*. Львів: Галицька видавнича спілка.
- Сенько, І. (2006). *Збірник Ходили Опришки*. Online: <http://carpathians.eu/?id=733> (15.08.2018).
- Снегирев, И. М. (1837). *Русские простонародные праздники и суеверные обряды*. Москва: Университетская типография.
- Терещенко, А. (1848). *Быт русского народа*. Ч. 4: *Забавы*. Санкт-Петербург: типография Министерства внутренних дел.
- Туманов, А. А. и др. (1999). *Русский рукопашный бой*. Челябинск: Урал.
- Шевцов, А. (2010). *Русский бой на любки*. Санкт-Петербург: ИГ «Весь».
- Устав строевой казачьей службы, (1899). Ч. 1. Санкт-Петербург: В. Березовский. Online: [www.scarb.ru/literatura/metodicheskaja/ustav-stroevoj-kazachej-sluzhby/](http://scarb.ru/literatura/metodicheskaja/ustav-stroevoj-kazachej-sluzhby/) (13.08.2018).
- Щербина, Ф. А. (b.r.w.). *Пережитое, передуманное и осуществленное*. Подготовил А. Дейневич по материалам Государственного архива Краснодарского края. Online: www.novaderev.ru/article/sch_b_0.html (13.08.2018).
- Яровой, А. В. (2014). *Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал*. Москва; Берлин: Директ-Медиа.

TEOZOFIA
ТЕОСОФИЯ
THEOSOPHY

FROM RUSSIA WITH LOVE
NICOLAS NOTOVITCH, NICHOLAS ROERICH, AND THE
MYTH OF JESUS IN INDIA

PIOTR KŁAFKOWSKI

University of Szczecin
Institute of Sociology
Ethnology and Cultural Anthropology Unit
Krakowska 71/79, 71-004 Szczecin, Poland
e-mail: pklafkowski@gmail.com
(received 7.06.2018; accepted 14.10.2018)

Abstract

This paper discusses the myth of Jesus's stay in India and its alleged source, presenting the four main advocates of it and discussing arguments for and against them. It concludes with some remarks on the development of Western channeled literature connected with the myth. It is intended to be the first of two parts, the second one in preparation.

Key words

The Life of Saint Issa, Nicolas Notovitch, Nicholas Roerich, Swami Abhedananda, Elisabeth Caspari, Ghulam Ahmad, Marcel Theroux, channeled literature.

Abstrakt

Pozdrowienia z Rosji. Nicolas Notovitch, Nikolaj Roerich i mit Jezusa w Indiach

Artykuł omawia mit o pobycie Jezusa w Indiach oraz jego rzekome źródło. Przedstawiono czterech głównych zwolenników tej opowieści i przytoczono argumenty za

i przeciw. W zakończeniu omówiono najważniejsze dzieła zachodniej literatury zwanej „przekazaną” związane z tym mitem. Jest to pierwsza z planowanych części artykułu (druga w przygotowaniu).

Słowa kluczowe

Żywot św. Issy, Nicolas Notovitch, Nikołaj Roerich, Swami Abhedananda, Elisabeth Caspari, Ghulam Ahmad, Marcel Theroux, literatura „przekazana”.

Elizabeth Clare Prophet in gratiam memoria

Simplicity, beauty and fearlessness – Christ and Buddha
spoke of nothing more.

Agni Yoga: Leaves of Morya's Garden, Book 2 – Illumination (1925) Verse 2.4.5.

Introductory

I should begin by explaining the title of this paper, which is of course taken from Ian Fleming's novel of 1957 and its screen version of 1963, the second James Bond 007 movie. I chose it to stress the Russian connection right from the beginning.

Few myths that were born at the crossroads of the West and the East have proven so enduring as the story of the alleged visit of Jesus to India during his so-called “missing years”, that is between his age of 12 or 13 and 30. The story was first presented by a shadowy Russian, Nicolas Notovitch¹, and its arguably greatest supporter and promoter was another Russian, Nicholas Roerich. However, not many people realize that the suggestions of Christianity's Indian origins had probably first been presented by an Englishman, Francis Wilford, and a Frenchman, Louis Jacolliot, and that there are at least two distinct versions of the story connecting Jesus with India, one coming from the West, the other, from the East. More than that, the modern Western mystic literature contains many books giving various accounts of Jesus and his alleged travels to the East, as well as a disclaimer coming from Jesus himself. The similarities between Buddhism and Christianity have also been discussed by scholars of established international reputation, primarily by Hajime Nakamura and Roy C. Amore, whom nobody can accuse of poor scholarship or falling prey to mysticism. The purpose of this paper is to summarize what is known about these stories, list their sources, and leave the reader to make his/her own conclusions.

The paper is based on the sources I have before me. There are many more that I know of from occasional references or stray quotations, but the references on the web are not always accurate and I prefer not to use those I cannot look up myself in

¹ This is the established spelling of his name in English and I will use it throughout this paper. His first name may also appear as Nikolai, Nicolas or Nicholas. Roerich had the same first name, strangely enough.

printed books. The focus of this paper is on Nicholas Roerich, his source – Notovitch, and those who followed the same trail – Swami Abhedananda and Elisabeth Caspari. I will not go into details of the subsequent development of the myth, limiting myself to an annotated list of the relevant works that I have before me. I am leaving out several works I could not consult in any way even though their bibliographic particulars are known to me².

In the first two cases I have only the printouts of the electronic versions of these papers available on the web, so I cannot refer to the original page numbers.

I fully realize that the subject like this will not be deemed “academic” by many. However, let me inform the Aristarchs that since the publication of Jon Klimo’s monumental *Channeling, Investigations on Receiving Information from Paranormal Sources* (Klimo 1987, second revised edition 1998), the psychic phenomena have been accepted as a scientific – though controversial – field³. I have written this paper because I am a Buddhist philologist who can read Tibetan, who has been both to Leh and Hemis as well as to Rozabal, and who openly declares his interest in spiritual matters and channeled literature.

This paper is intended to be the first part of a larger whole. The second part, hopefully to follow next year, will discuss the philosophical and religious references contained in the sources described below, and try to answer various questions connected with them.

I have the honor of dedicating this paper to the memory of Elizabeth Clare Prophet (1939–2009), once known to millions as Guru Ma, a spiritual teacher and a respected scholar in comparative religion, who published a superb volume containing the annotated documentation of the myth (Prophet 1984), and whose teachings continue to inspire people all over the world. She was fondly referred to as *Mother* by those who respected her – so thank you, Mother, for all I have learnt from you.

Has Christianity originated in India?

Not many enthusiasts of Notovitch know that his is not the first book attempting at connecting Christianity and India. As far as it is now known, the pioneering works in his field may have been the ones by Francis Wilford (1761–1822), who based his ideas on earlier works by the Jesuit Antonio Monserette, but the acknowledged first place goes to the French scholar Louis Jacolliot (1837–1890). He was a lawyer, a philosopher

² An excellent guide to this literature is Arild Rommarheim’s book in Norwegian *Kristus i Vanne-mannes Tegn* (“Christ in the Aquarius Sign”), Oslo: Credo, 1988, particularly the extensive bibliography pp. 181–190. A shorter version of this book in English is available on the web, titled *Various views of Jesus Christ in new religious movements – a typological outline* (access 1.07.2018). Rommarheim’s book leaves out two important works, *the OAHSPE* of 1882, and *The Urantia Book* of 1955. Three major works of this kind postdate Rommarheim’s book – *The Kolbrin* of 1994, *The Gospel of the Kaileyd* of 1998, and *Das ist Mein Wort* of 2003 (as far as I know, not yet available in English). I am not including the well-known *A Course in Miracles* (1976, second revised edition 1996) because it does not touch the question of Jesus’ alleged travels.

³ I acknowledge my gratitude to Ms. Leslee Alexander for a copy of Klimo’s book.

and a translator from the Sanskrit. He was a prolific writer, as evidenced by the long list of his works given in Wikipedia⁴. In his book of 1869 titled *La Bible dans l'Inde: Vie de Iezeus Christna*, translated into English in 1870⁵, he argued that the Biblical accounts of the life of Jesus are too similar to the stories of the life of Krishna to be coincidental. He connected the names of Krishna and Christ, claiming that "Jesus Christ" is in reality the Sanskrit name "Iezeus Christna". However, he stopped short of claiming that Jesus visited India, limiting himself to suggesting that the founding myth of Christianity is an echo of much older Indian traditions⁶. Jacolliot's book is easily available both in various reprints and online⁷. Another of Jacolliot's books, with an intriguing title *Christna et le Christ*, 1876, is not available online, though there are reprints.

Let us note that Jacolliot derived Christianity from the traditions of Krishna, that means Hinduism, while the similar claims to follow focused on Buddhism and the similarities between the Buddha and Christ⁸. It is interesting that most of such works appeared within a few years of each other, as the following list (not claimed to be complete) shows:

Nicholas Notovitch – *La vie inconnue de Jesus Christ*, 1894;
The Unknown Life of Jesus Christ, 1894.

Gideon Jasper Ouseley – *The Gospel of the Holy Twelve*⁹, serialized 1898–1901, book edition 1901.

Qadiani Mirza Ghulam Ahmad – *Jesus in India*: series of papers in Urdu 1899, book in Urdu 1908, English translation 1908 (?)¹⁰.

Levi (= L. H. Dowling) – *Aquarian Gospel of Jesus the Christ*, 1908.

Swami Abhedananda – *Journey into Kashmir and Tibet* (in Bengali)¹¹, 1922.

Nicholas Roerich – *Altai-Himalaya*, 1929;

– *Heart of Asia*, 1930;

– *Himalaya*, 1926¹².

⁴ Louis Jacolliot. *Wikipedia* (access 23.08.2018).

⁵ There are numerous reprints of it available from too many publishers to list them here.

⁶ Francis Wilford stressed the similarities between Indian myths and Christianity, and even claimed that ancient India had her own crucified savior, but I have no access to any of his books and can rely only on his biography and a brief summary of his theories in Wikipedia (access 5.08.2018).

⁷ [www. Mindserpent.com/American_History/books/1870_jacolliot_the_bible_in_india_hindoo_origin_of_hebrew_and_christian-revelation.pdf](http://www.Mindserpent.com/American_History/books/1870_jacolliot_the_bible_in_india_hindoo_origin_of_hebrew_and_christian-revelation.pdf) (access 5.08.2018).

⁸ Both reappear in Kersey Graves's well-known book *The World's Sixteen Crucified Saviors*. A much more balanced and academic presentation of these similarities is given by Hajime Nakamura in his *Buddhism in Comparative Light*, Delhi: Motilal BanarsiDass, 1986.

⁹ This text is also known as *The Gospel of Jesus* and *The Gospel of Perfect Life*.

¹⁰ Different sources on Mirza Ghulam Ahmad give either the year 1908 or 1944 for the book edition of his series of papers, but do not make it clear whether it refers to the Urdu or English editions.

¹¹ The English translation of relevant passages is in Prophet 1984.

¹² Prophet (1984, p. 257) refers to this book as *a monograph published In 1926 from portions of his diary mailed home*. However, the official catalogue of Roerich's writings has no such title for 1926. It seems obvious that the book in question is *Himalaya: a monograph* by Nicholas Roerich, Frances R. Grant, Mary Siegrist, Georgii Grebenchikov, and Ivan Narodny (New York, Brentano's 1926, limited edition of 500 copies). Most unfortunately, I have no access to it, but I trust Prophet 1984a

As sometimes there are differences between the same works by Roerich in Russian and English, the present paper will only refer to the English editions, leaving aside the Russian-language ones¹³.

In the following pages we shall first have a close look at the “Hemis Four” – Notovitch, Abhedenanda, Roerich, and Mrs. Caspari – then briefly examine the texts related to the myth but not to the Hemis Monastery. We shall have a look at two theories trying to explain why such a text might have been forged and whose interests it could serve. At the very end we shall refer to the words of Jesus communicated to the contemporary mystic, Gabriele of Wurzburg.

The Hemis Monastery

Notovitch claimed to have discovered the alleged account of Jesus in India at the Himis Monastery in Ladakh. This monastery, today usually called Hemis¹⁴, is described as having existed prior to the 11th century and having been re-established by Senge Namgyal, the King of Ladakh, in 1627. Its popular histories do not explain the reason of this re-establishment, the term suggesting that the monastery stopped functioning sometime earlier. It belongs to the Drugpa (Tib.'brug pa) branch of the Kargyudpa (Tib.bka' brgyud pa) school of Tibetan Buddhism. The Kargyudpa school is famous for the attention it gives to the transmission of teachings and keeping the records of it over many generations of monks. Thanks to its famous monastic dance festival, usually in early June, it is one of the most popular tourist attractions of today's Ladakh. Unfortunately, this means that the Hemis of today is very different from the place visited by Notovitch and Roerich.

Nicholas Notovitch

Nikolai (the Russian for Nicholas) Notovitch is probably remembered today only as the alleged discoverer of the *Tibetan Gospel of Jesus*, as he called it. It is somewhat surprising that we know so little about him. He was born in a Russian Jewish family in eastern Crimea, possibly in the city of Kerch¹⁵, in 1858. We do not know anything about his studies. He has written several books, mostly in various political subjects, which are rare and hardly available today. Marcel Theroux describes one of them, *La Russe et l'alliance anglaise* of 1906, in the following words: “The frontispiece boasts

complete selection of all the relevant passages, since all of Prophet's references I could check proved correct.

¹³ For example, the Polish translation of *Altai-Himalaya* (1980), which is introduced as based on a Russian manuscript in possession of Yuri Roerich Quarters-Museum in Moscow, differs In many places from the English edition of the same text.

¹⁴ I have heard both names when in Ladakh, though *Hemis* seemed more popular.

¹⁵ This is suggested, though indirectly, by Marcel Theroux In the Times Literary Supplement of January 9, 2018.

many new, dull-sounding volumes by the same author and several forthcoming works, few of which ever actually appeared" (Theroux, 2018)¹⁶.

The list of Notovitch's writings, probably incomplete, is given in Appendix I. None of the titles sounds dull to me. Notovitch is described by Andreyev as a Russophile (Andreyev, 2009), and most of the above titles seem to support the claim.

It is known that Notovitch was a longtime resident of Paris, so most of his books are in French. Marcel Theroux gives a lot of space to Notovitch's book *Pravda ob evreyakh* (The Truth About the Jews, 1889), which he says is his only book in Russian. However, Alexandre Andreyev (2009) claims that Notovitch authored many works in Russian and the list in Appendix 1 quotes the titles Andreyev gives.

Andreyev (2009) says that there is no doubt about Notovitch's travels in Punjab, Kashmir and Ladakh in 1887. He makes a very interesting suggestion that might explain why those travels are so little known. In the spring of 1887 Maharaja Dalip Singh of Punjab came to Moscow asking the Russian government and the Tsar Alexander III for military help in his planned uprising against the British; he even went as far as asking the Tsar to make India a Russian protectorate. Could it somehow be connected with Notovitch's clandestine travels in Northern India? Marcel Theroux quotes the words of Francis Younghusband¹⁷, who met Notovitch in India in 1887. As Andreyev points out, Ladakh and Kashmir are close to the Russian borders and many Russian military officials visited *Little Tibet*¹⁸, while Tibet proper paid for its alleged contacts with Russia in 1904, when the British invaded it. It is well known that Russia was the British obsession at the turn of XIX/XX centuries as the only power strong enough to rival them in Central and Southern Asia. On the other hand, Theroux (2018) mentions the reports by one Donald Mackenzie Wallace, a Russian-speaking British official, who had several meetings with Notovitch in Simla in July 1887 – the year of the event in Hemis – who claims that Notovitch "volunteered his services as a spy for the British government in India". In Wallace's opinion, Notovitch was but a grandiloquent imposter. When they parted, Notovitch said he would be going back to Russia by overland route – and shortly afterwards he claimed to have visited Hemis.

What a material for a movie easily rivaling *The da Vinci Code*!

The publication of Notovitch's book cost him a trial and a sentence exiling him to Siberia. This is stated by Andreyev (2009) and confirmed by Fader (2003, p. 182). Notovitch could imaginably settle in Paris only after his Siberian sentence was over. Marcel Theroux's book on Notovitch (Theroux, 2017) does not say anything about it, but it is, as the author says, first and most of all a novel, though based on plausible guesses¹⁹.

¹⁶ Theroux says he found the book in the London Library, so – if his description of it is correct – there does exist a printed list of Notovitch's works.

¹⁷ The British military commander of the invasion of Tibet in 1903–1904. He lived 1863–1942.

¹⁸ The name frequently given to Ladakh in the XIX century.

¹⁹ It is a great pity that Marcel Theroux does not describe his sources in some kind of afterword. As the novel is well-researched and firmly set in the world it convincingly describes, it is difficult to draw the line between fact and fiction when reading it.

All the encyclopedias and biographic dictionaries that mention Notovitch agree that he disappears sometime in or after 1916, which might indicate he was a war correspondent or just a victim of war. However, Marcel Theroux claims he has seen a book signed by Notovitch in January 1939 (Theroux, 2018), following which date, in Theroux's words, "he drops out of history" (Theroux, 2018). If this is genuine, we know nothing about Notovitch's own "missing years" 1916–1939 and afterwards²⁰. If he had been born in 1858, as all reference sources agree, he would have been 81 in 1939, which seems possible. His – most probably – brother Osip Notovitch was born in the same city of Kerch in 1857²¹ – though Prophet (198, p. 12), mentions the date 1849.

The Unknown Life of Jesus Christ

Notovitch's most famous book, *La vie inconnue de Jesus Christ*, first appeared in French in 1894, followed by the English and German translations that same year. The events described in the book took place in 1887. Alexander Andreyev (2009) says that Notovitch was imprisoned for that book in 1895 and was subsequently exiled into Siberia²². Even though the Russian translation of the book appeared only in 1910, let us remember that French and German were the languages well known among the Russian intelligentsia and the book may have caused a furore even before it became available in Russian. But if the book was so dangerous that it landed its author in jail and then in Siberia, what does it really say? Let us begin with a summary based on Prophet (1984, pp. 81–221), which is the complete text of the first edition of its English translation²³.

The book is much more complex than its popular descriptions and capsule summaries indicate. It consists of two parts: the travelogue titled *Journey to Thibet* (pp. 83–190) and *The Life of Saint Issa, Best of the Sons of Man* (pp. 191–221). The book opens with three introductory texts:

- *Translator's Note* by Violet Crispe (pp. 83–88, with a photograph of Notovitch facing p. 83) dated February 1, 1895;
- *To the Publishers*, a letter by Notovitch (pp. 89–102), undated;
- *Preface*, by Notovitch (pp. 102–107), undated.

The book includes two maps:

- *The Author's Itinerary Across India* (facing p. 109);
- *The Author's Itinerary Across Kashmir and Ladak*²⁴ (pp. 146–147).

²⁰ Here again we must be sorry Theroux did not say what in his novel is facts, and what is literary fiction.

²¹ Fader (2003, p. 182) describes Osip as Nicolas's elder brother, but Theroux (2018) says he may have been his cousin.

²² See Fader, 2003, pp. 179–185. He quotes Notovitch's own account of the episode from the revised and enlarged edition of his book published in 1900. Fader, 2003, seems to base his own narration on Klatt (1988). Neither of these is available to me.

²³ There was a revised and enlarged edition in 1900, but I have no access to it. See Fader (2003, pp. 181–182).

²⁴ This is the way Notovitch writes the name today spelt „Ladakh”.

The book is illustrated with several drawings and a few photographs²⁵.

These introductory texts contain a wealth of references, following which would make this paper much too long. Let us only say that they leave no doubt the author was well-versed in what was then known about Tibet and its Buddhism, as well as in the writings of missionaries to Tibet. Notovitch's letter *To the Publishers* contains his answer to Max Muller's accusations of forgery²⁶ and the explanation why he does not disclose the name of the Roman Cardinal he quotes on p. 105, while he refers by names to Cardinal Rotelli, Jules Simon, and Ernest Renan.

The description of Notovitch's travel through Kashmir and Ladakh leaves no doubt the man had been there. To the undersigned, who covered the same route in 1976, when Ladakh had not yet been invaded by tourists who changed the country irreversibly, Notovitch's descriptions are familiar from personal experience. It is strange, though, to read Notovitch's conversations with the local lamas, who use expressions like "All our efforts are centered in endeavoring to bring back these Mussulman descendants of Buddhists to the way of the true God" (p. 136–137). It sounds too Christian to be true.

It was in the monastery in the village of Wakka²⁷, not far from Mulbekh, that Notovitch came to know about Saint Issa (pp. 137–139), but not about the actual location of the book recording his life. This came much later, at Himis²⁸, in a long conversation with the chief lama of the monastery (pp. 172–186, the information about *The Life of Saint Issa* on pp. 185–186). Notovitch was told that the original was in Pali, and it was brought from India to Nepal and subsequently to Tibet, where it was translated into Tibetan²⁹. Asking about it, Notovitch uses the word *rolls*, maybe because of the Chinese context of the question. However, when he actually sees the mysterious book, he describes it as *two large bound volumes* (p. 188), adding that the text is *written in*

²⁵ On p. 107 Notovitch explains that his original photographs got destroyed when his servant exposed the negatives to light, and that he got the photographs used as illustrations from his friend M. d'Auvergne. The author of the drawings is not given.

²⁶ Max Muller (Friedrich Max Muller 1823–1900) was probably the greatest Sanskrit scholar of the 19th century. He is too well known to go into the details of his life and works. However, he has raised a point against Notovitch that makes little sense. Max Muller stressed that *The Life of Saint Issa* is not listed in the catalogues of the Tibetan Buddhist Canon. But should it be there? The first part of the Canon, the *Kengyur*, contains the texts attributed to the Buddha, and the second, the *Tengyur*, their commentaries. *The Life of Saint Issa* does not fall into either category; at best, if genuine, it would be a *rnam-thar* or biography to the Tibetan reading audience, but certainly not a part of the Canon. Max Muller's articles on Notovitch appeared in the journal *The Nineteenth Century* (vol. 36 of July–December 1894, pp. 515–522). They are available on the web under the heading: Articles on the Notovitch hoax from *The Nineteenth Century* magazine (access 1.07.2018).

²⁷ Today spelt Wakha.

²⁸ Today spelt Hemis, but the actual pronunciation comes closer to Notovitch's spelling.

²⁹ From the remarks by Notovitch on the Tibetan language (p. 136) it seems clear he knew at least something about it. It is true that while the pronunciation of the spoken language is relatively easy, the written language and the orthography are very difficult. Maybe it does not need eight characters to represent one sound, as Notovitch says, but for example the Tibetan for *eight* is *brgyad* (in Tibetan grammar Y is considered a consonant) and pronounced "gye".

isolated verses (does it refer to the graphic way it was written or to the meanings of the verses?). This is definitely unlike Buddhist books, as even the verses of, say, the Dhammapada are complete in themselves and form connected chapters.

And here we come up against something very, very strange. Notovich described the text as bound volumes, which suggests a Western-style book with binding along the spine. However, the text shown at the same Hemis Monastery to Mrs. Caspari in June of 1939 (Prophet 1984, photo facing p. 313 and pp. 317–321) is definitely a Tibetan xylograph. Of course, it is theoretically possible that the text written in “two large bound volumes” could have been “reprinted” in Tibetan style between 1887 and 1939, but why should it be, if the original had been in the monastery for a very long time and its Western form did not disturb anyone?

The Life of Saint Issa

The text is divided into fourteen chapters of various length, with numbered verses reminding one of the modern editions of the Bible³⁰. Let us have a detailed look at it, chapter by chapter.

Chapter I – 5 verses.

A great crime has been committed in Israel, as the great Issa was tortured and put to death. This is related “to us” by the merchants coming from Israel.

Chapter II – 19 verses.

History of the Israelites and Prince Mossa (= Moses), and a remark on the Exodus.

Chapter III – 12 verses.

The subsequent history of the Israelites until their subjugation by Rome.

Chapter IV – 13 verses.

The birth of the miraculous child named Issa. At the age of 13, when an Israeli boy should get a wife, Issa leaves home secretly and joins the merchants going to Sind³¹.

Chapter V – 27 verses.

At his age of fourteen Issa comes “on this side of Sind” (=Hindustan), crosses the country of five rivers³² and enters Rajputana where the Jains ask him to join them. He

³⁰ We are taking such versification for granted, but it is a relatively new development. Not going into the history of the editing of the Bible, let us remember that the first Hebrew Bible with chapters and verses numbered was prepared by Rabbi Isaac Nathan ben Kalonymus (dates of birth and death unknown) in ca. 1440. Santi Pagini (1470–1541) was the first to divide the New Testament chapters into numbered verses in his edition of the New Testament of 1527. However, the units were too long, and in 1551 Robert I Etienne (1503–1559) printed the Latin New Testament with verse numbering still in use today. Let us add that Etienne used the classical Vulgate and its new (then) Latin Translation of 1516 by Erasmus.

³¹ This name needs an explanation. The river we know as the Indus was originally called Sindhu in Sanskrit. In 515 BCE, when Darius of Persia conquered the Indus Valley, the Persians pronounced Sanskrit initial /s/ as /h/, hence the river came to be known as Hind, and the lands behind it, as Hindustan. This reflects one of the features of the Indo-Iranian group of languages. On the other hand, the Greek geographers always referred to the people we call the Hindus as “Indoi”, the people of the Indus. The name “Indians” remains ambiguous since Columbus.

³² Punjab, the name meaning „Five Rivers”.

goes on to Juggernaut in Orissa³³ where the white priests³⁴ of Brahma teach him the Vedas³⁵. He angers the Brahmanas by staying with the Vaisyas and Śudras, denies the divine origin of the Vedas and the Brahma–Shiva–Vishnu Trinity and gives teachings on these subjects.

Chapter VI – 16 verses.

The priests and warriors decide to have Issa killed. He escapes to the land of the Gautamides, learns the Pali language and is appointed by the Buddha to spread his teaching³⁶. He leaves Nepal and goes back to Rajputana, where he gives many teachings.

Chapter VII – 18 verses.

Issa continues his work among the pagans³⁷ and gives many teachings.

Chapter VIII – 24 verses.

Issa enters Persia, has a rather heated dispute with the Zoroastrian priests, but is allowed to go on undisturbed.

Chapter IX – 17 verses.

At his age of 29 Issa returns to Israel and gives teachings arguing that the human heart is more important than the temples.

Chapter X – 21 verses.

As Issa continues from town to town, the officials get scared of him and report on him to Pilate, the governor of Jerusalem. He orders that the Hebrew priests and elders should seize Issa and judge him in the temple. The elders question Issa on various points and get his answers.

Chapter XI – 15 verses.

The priests and elders decide to leave Issa in peace, as he means no harm to anyone. Pilate is angry with this and sends his own men to spy on Issa and report every word he says in public.

Chapter XII – 21 verses.

Issa explains his attitude to Cesar and teaches on the necessity of respecting woman.

Chapter XIII – 25 verses.

Issa teaches in public for three years, while the governor's agents follow him from place to place. He becomes increasingly popular, so the governor decides to imprison him. He is cruelly tortured in jail. The high priests and the elders appeal to the governor to set him free, which he denies, but agrees to put Issa before the tribunal of the

³³ Today's Jagannath In Odisha.

³⁴ This refers to the division of the Indian society into four Varnas. The Sanskrit word Varna means *colour*, compare the Polish *barwa*. Each of the Varnas had its own colour: the Brahmanas (priests) – white, the Kshatryas (warriors and rulers) – red, the Vaisyas (farmers, artisans, and traders) – yellow, the Śudras (those who willingly serve the previous three) – black. Arguments continue whether these names refer to actual skin complexion or they should be taken allegorically.

³⁵ A questionable point. Would a foreigner be taught to read and understand the Vedas? Very unlikely.

³⁶ Another question mark. The Buddha died ca. 543 BCE, over five centuries before Issa (if he was Jesus) would be born.

³⁷ In the context of ancient India, the word „pagan” is completely out of place, particularly in the Buddhist thinking.

ancients. He questions Issa and decides he should be put to death by the priests and the elders, but they see no blame in him. Pilate himself orders the execution. The priests and the elders wash their hands off Issa's blood.

Chapter XIV – 11 verses.

Issa and two thieves are crucified. He dies at sunset. Pilate gives his body to his parents for burial. Three days later he orders the body to be buried elsewhere, but the tomb is empty. Pilate prohibits Issa's name to be mentioned, but people keep talking about him and his teachings spread farther and farther. Issa's disciples scatter themselves among the heathen.

This, in a very general summary, is the content of *The Life of Saint Issa*. Let us remember that the text must have undergone several changes, as it was first translated from Pali into Tibetan, then into (presumably) English when Notovitch took it down, then rewritten and edited in French in its present form, and finally (re?)translated (back?) into English by Violet Crispe.

Swami Abhedananda

The basic text for the following discussion is to be found in Prophet (1984, pp. 223–237).

The man the world knows as Swami Abhedananda was born Kaliprasad Chandra in Calcutta in 1866 and died in his home city in 1939. He was the last surviving disciple of the famous Shri Ramakrishna (1836–1886), and a friend and associate of Swami Vivekananda (1863–1902). He became a monk on the death of his teacher Ramakrishna and took the name Swami Abhedananda³⁸. He was one of the most active propagators of the Vedanta³⁹ philosophy in the West, serving various functions in Vedanta societies in London and New York. He was a prolific writer in his native Bengali and English; his collected works in English amount to 11 volumes comprising over thirty separate books.

Abhedananda went to the US in 1897 – the year of publication of Notovitch's book in French and English – and remained there until 1921. It is during that time he came to know Notovitch's book, which must have made a deep impression on him. On his

³⁸ Its approximate meaning is “The Wise One Joyful in Being Not Different from God”.

³⁹ Vedanta, literally “the termination of Vedas” is the highest of the traditional Six Systems of classical Indian philosophy. Its basic texts are the Upanishadas. The most famous one-liner (so to say) of Vedanta is the Sanskrit statement “Tat tvam asi” (=You are it/this), that teaches the identity of Man with the Absolute. Another teaching of Vedanta is that there are three aspects or features of everything that is. Called Three Gunas or features: sattva = beauty, purity, calmness, goodness, imperturbability; rajas = emotions, feelings, fears, aggression; and tamas = passivity, ignorance, inertia. The first guna maintains and preserves, the second one activates, sets in motion, and the third one obstructs, hinders, blocks, makes impossible. This immediately associates with Trimurti of the Indian Trinity: Brahma the Creator, Shiva the Destroyer, and Visnu the Preserver. This Trimurti is what Issa was against, as described in chapter V of *The Life of Saint Issa*. Vedanta is the core of teachings of The International Society of Krishna Consciousness or the Hare Krishna Movement. The key element of Abedananda's name – bheda – means “difference” and is one of the technical terms of Vedanta.

return to India in 1921 he decided to go to Hemis and check the story himself. He had a double advantage: he was a native son of India and, at the age of 56, he was a well-known philosopher and teacher of wisdom, and such were respected all over India.

He described his 1922 journey to Hemis in the book, originally in Bengali, titled *Kashmir o Tibbate* (*Kashmir and Tibet*), published in 1929, revised and re-edited in 1954. I assume that this revised edition is the basic text for the translation given by Prophet (1984). I have no access to the original edition, nor to the complete English translation. Prophet (1984, pp. 223–237), was the first translation of Abhedananda's narrative into English, prepared on Elisabeth Clare Prophet's initiative. For obvious reasons it only covers Abhedananda's account of the book on Saint Issa. I have seen references to the complete English edition of Abhedananda's book but not the book itself, so I prefer not to repeat anything that I have seen written about it. The web is not always a reliable source, particularly on controversial topics.

Abhedananda saw *The Life of Saint Issa* – in his own words, “the manuscript”⁴⁰. The lama told him it was a copy of the original kept at Marbour monastery near Lhasa⁴¹. According to the lama, the original was in Pali, but it was later translated into Tibetan. This agrees with what Notovitch was told in 1887.

An important editorial comment in Prophet (1984, p. 231) has to be quoted here in full:

In chapter 13 of In Kashmir and Tibet, Swami Abhedananda described his experiences at Himis and reproduced only the portion of the Himis manuscript covering Jesus's trek to India. He placed the other verses from the Himis manuscript in chapter 15 of his work. We have taken the excerpt from chapter 15 and inserted it into chapter 13 in order to put the verses in their original, and chronological, order. Abhedananda's version of the Himis manuscript almost exactly parallels Notovitch's Life of Saint Issa through chapter 5, verse 4. Following that, Abhedananda excerpted parts of the Himis manuscript corresponding to scattered verses of The Life of Saint Issa through chapter 9, verse 1.

Can we check whether Notovitch and Abhedananda were shown the same text, forgetting its physical form? I assume that Abhedananda conversed with the lamas in English (although in his case Hindi or Urdu cannot be excluded), and then translated his notes into Bengali, so the English text may also be different from the original. Let us compare a few stray verses from both texts⁴².

The title, Notovitch 1894: *The Life of Saint Issa: Best of the Sons of Men*.

⁴⁰ As a large number of Tibetan books are hand-written and hand-copied, this word here only means it was not a print. But there is another point to it. Notovitch saw “two large bound volumes”. He was not used to Tibetan rectangular books wrapped in cloth, so had he seen such, he would have most probably noted it. On the other hand, Abhedananda was used to Sanskrit manuscripts, which were often written on oblong sheets of paper very much like Tibetan books, so had HE seen a Western-style bound manuscript in a Tibetan monastery, he would have very likely noted it. This may indicate that each of them saw a different book.

⁴¹ Could it mean the central part of the Potala Palace that is called in Tibetan Phobrang Marbo/ The Red Palace (Tib.pho brang dmar po)? Or its location, Marbori (Tib.dmar po ri)/ The Red Mountain?

⁴² See Trebst (2005, pp. 293–323) for the parallel comparison of the Notovitch text with all the other alleged passages from it and *The Aquarian Gospel of Jesus the Christ*.

The title, Abhedananda 1929 (?): *Jesus Christ, the Leader of Man*⁴³.

First, direct narrative.

The Life of Saint Issa, Notovitch 1894, chapter I verses 1–2:

1/The earth had trembled and the heavens have wept because of a great crime which has been committed in the land of Israel.

2/ For they have tortured and there put to death the great and just Issa, in whom dwelt the soul of the universe.

The same, Abhedananda 1929 (?):

1/ The Jews, descendants of Israel, committed such heinous sins that the earth trembled and the gods in heaven wept.

2/ Because they infinitely tortured and killed Issa, the great soul in whom the Divine Soul rested.

Chapter II verses 1–2, Notovitch 1894:

1/ The people of Israel, who dwelt on a fertile soil giving forth two crops a year and who possessed large flocks, excited by their sins the anger of God.

2/ Who inflicted upon them a terrible chastisement in taking from them their land, their cattle, and their possessions. Israel was reduced to slavery by the powerful and rich pharaohs who then reigned I Egypt.

The same, Abhedananda 1929 (?):

1/ The tribes of Israel used to live in a very fertile land which yielded two crops in a year. They had several herds of sheep and goats. By their sinful act, they incurred the wrath of God.

2/ For this reason, God confiscated all their property and placed them into the slavery of the pharaoh, the powerful ruler of Egypt.

Second, a philosophical passage.

The Life of Saint Issa, Notovitch 1894, chapter IV, verses 1–5:

1/ At this time came the moment when the all-merciful Judge elected to become incarnate in a human being.

2/ And the Eternal Spirit, dwelling in a state of complete inaction and of supreme beatitude, awoke and detached itself for an indefinite period from the Eternal Being.

3/ So as to show forth in the guise of humanity the means of self-identification with Divinity and of attaining to eternal felicity.

4/ And to demonstrate by example ho man may attain moral purity and, by separating his soul from its mortal coil, the degree of perfection necessary to enter into the kingdom of heaven, which us unchangeable and where happiness reigns eternal.

5/ Soon after, a marvelous child was born in the land of Israel, God himself speaking by the mouth of this infant of the frailty of the body and the grandeur of the soul.

The same in Abhedananda 1929 (?):

1/ The Supreme God, Father of the Universe, out of great compassion for sinners, desired to appear on earth in human form.

2/ That Incarnation appeared as a soul separate from that Supreme Soul who has no beginning, no end, and is above all consequence.

⁴³ If this is the original title, why each time the hero is mentioned by name in the text Abhedananda quotes, he is called Issa, not Jesus?

3/ [He] descended to show how a soul can unite with God and realize eternal bliss,

4/ and assumed a human form to demonstrate in his own life how a mortal man can achieve righteousness and separate the soul from the mortal body in order to gain immortality and proceed to that heaven of the Father of the Universe, where there exists eternal bliss.

5/ [He] appeared as an immaculate child in the land of Israel. The child became the spokesman of the Father of the Universe to explain the transient nature of the body and the glory of the soul.

Reader of the above should remember that there are no capital letters in Pali, Sanskrit, and Tibetan, all letters of the respective scripts being same size. The capital letters in the above renderings reflect the attitudes of the Western translators.

It seems that the two texts agree as far as the main message is concerned, while they show many differences. Some of these may be attributed to different translators and translations, but not all. The philosophical parts in Abhedananda's rendering sometimes sound like distant echoes of Vedanta, while Notovitch's version often reads like King James Bible.

The text given by Abhedananda covers chapter I, verses 1–5; chapter II, verses 1–4 (Notovitch has 19 verses); chapter III is missing; chapter IV verses 1–14 (Notovitch has 13 verses); and chapter V, verses 1–4, and a very brief summary of the text corresponding to Notovitch chapter V verse 3 through chapter IX verse 1. Even allowing differences in wording, the division of the text into verses is sometimes different in the two versions.

Nicholas Roerich

The basic text discussed below is Prophet (1984, pp. 239–280).

Nicholas Roerich was born in Sankt-Peterburg in 1874 and died in Naggar, India, in 1947. I assume he needs no detailed presentation. For the sake of this paper let it be stressed that both Nicholas and his wife Helena (1879–1955) were deeply believing Theosophists, and that Nicholas was passionately interested in the classical cultures of India and India's cultural links with Russia and the West. The Roerichs lived in India since 1923. In 1925–1928 Nicholas Roerich led the Central Asian Expedition now known as the Roerich expedition. He was the initiator of the international pact for the preservation of cultural monuments in times of war and peace, signed in Washington in 1935 and now known as the Roerich Pact, for which he was nominated to the Nobel Peace Prize. In 1934–35 he led another expedition to Mongolia, Manchuria, and China. His enormous creative output comes to at least 20 volumes of writings of all kinds – there is no complete edition yet – and approximately 7000 paintings and other graphic works mostly with deep symbolic undertones⁴⁴.

Nicholas Roerich was an enthusiast of everything mysterious and mystic, which makes the reading of his books an emotional rather than purely intellectual experience. He has the somewhat distressing habit of suggesting something, but never say-

⁴⁴ For more about the Roerichs see Gdok-Klafkowska (2011) and Klafkowski (2018) (forthcoming).

ing anything definite. This is no criticism, for there are few writers who impress their readers the way Roerich does; it is rather to stress that his writings cannot be taken as unassailable academic statements, for the author saw only what he wanted to see and this mostly in black and white.

Prophet 1984 gives a collection of passages from the three relevant books that mention *The Life of Saint Issa*. Already at the beginning we encounter a typically Roerichian trick:

The writings of the lamas say that Christ was not killed by the Jews but by the representatives of the government... In the documents which have the antiquity of about 1500 years one may read... (Prophet 1984, p. 270)

Is it not obvious that the reader will ask “What writings?” and “What documents?”? However, Roerich is careful not to say a word about it.

Another example:

Regarding the manuscripts of Christ – first there was a complete denial. Of course denial first comes from the circle of missionaries. Then slowly, little by little, are creeping fragmentary reticent details, difficult to obtain. Finally it appears – that about the manuscripts, the old people of Ladakh have heard and know... And such documents as manuscripts about Christ and the Book of Chambhalla⁴⁵ lie in the ‘darkest’ place. And the figure of the lama – the compiler of the book – stands like an idol in some sort of fantastic headgear. And how many other relics perished in dusty corners? For the tantric-lamas have no interest in them (Prophet, pp. 257–258).

This is typical Roerich – a master of creating the atmosphere in which one feels it improper to ask questions. But let us have a closer look at the above. Which book has “the lama” compiled – about Christ or about Chambhalla? Has Roerich actually seen that “darkest place” and “dusty corners”?

In another place (Prophet, 1984, pp. 276–277) we read: “Another source – historically less established – speaks also about the life of Jesus in Tibet...”. Again, any reader will ask what this “another source” is and in what way is it “historically less established” than some other, presumably more established one. The story that follows⁴⁶ places Jesus in the temples of Lhassa⁴⁷ in Tibet proper, wherefrom he travels to Leh, the capital of Ladakh, indicating that he had been to Tibet first. However, *The Life of Saint Issa*, chapter VI verses 2–6, says that he had been to Nepal and the Himalayas, but Lhasa is not mentioned, neither is Ladakh. We know that king Songtsen Gampo moved Tibet’s capital to Lhasa in the middle of the VII century, but it is highly doubtful whether it was a city with established temples (of which religion?) at the time of Jesus.

On pp. 270–275 of Prophet 1984 we find a rich selection of stray verses from *The Life of Saint Issa*, but Roerich never says where he got them from. It is interesting that Yuri Roerich, Nicholas’s son, a famous scholar in Tibetan studies who was the scientific leader of the Roerich expedition, never says even one word about those “documents

⁴⁵ The legendary kingdom underneath the Himalayas, in whose existence Roerich deeply believed. The more popular spelling of its name is Shambhala, also used by Roerich in his other writings.

⁴⁶ This story seems to be lifted straight from Levi (1908, chapter 36), allowing some small differences in wording.

⁴⁷ Today universally spelt with a single “s”.

which have the antiquity of about 1500 years”⁴⁸, even though he would be the one to translate them, as Nicholas Roerich did not know Tibetan.

The wording of the passages given by Roerich differs from the texts quoted by Notovitch and Abhedananda, though this may be at least partly attributed to different translations and translators. The texts quoted by Roerich are mostly isolated verses⁴⁹ beginning with what corresponds to Notovitch and Abhedananda IV: 12–13, which means that Roerich’s quotations begin exactly where Abhedananda’s end.

Let us have a look at the only passage available in all the three versions, namely the concluding verses of chapter IV.

Notovitch 1894:

12/ Then it was that Issa left the parental house in secret, departed from Jerusalem, and with the merchants set out towards Sind,

13/ With the object of perfecting himself in the Divine Word and of studying the laws of the great Buddhas.

Abhedananda 1929 (?):

13/ At that time the desire was very strong in his mind to attain perfection through devotional service to God and that he should study religion with those who had attained enlightenment.

14/ He left Jerusalem, joined a group of traders, and set out for the land of Sind [the lower Indus valley, South Pakistan]⁵⁰ where they used to purchase merchandise for export to various countries.

Roerich 1926:

12–13/ Isa secretly left his parents and together with the merchants of Jerusalem turned toward Ind to become perfected in the Divine Word. And for the study of the laws of the Great Buddha.

According to the text, this happened when Issa was 13 years old. Where and when had he come to know of Buddhism? None of the three versions says anything about it, as if Buddhism was something obvious in Jerusalem at the time of Jesus⁵¹. Moreover, Notovitch talks about “great Buddhas” which seems to hint at Mahayana, Roerich has one “Great Buddha”, rather a Theravada wording, and Abhedananda only talks about “those who had attained enlightenment”.

And let us repeat – at the very least, Notovitch and Abhedananda say they have seen the original text, but Roerich is silent about it.

⁴⁸ As Trebst (2005, pp. 301–317) demonstrated, a number of passages quoted by Roerich may simply derive from Levi 1908. Let us remember that Roerich never says a word about his sources.

⁴⁹ Some of them are continuous narratives, but with versification different from Notovitch. Prophet (1984) gives references to Notovitch for all the verses quoted by Roerich.

⁵⁰ This indicates that the original text given by Prophet 1984 is the 1954 revised edition of Abhedananda’s book, as in 1929 there was no Pakistan.

⁵¹ Gruber and Kersten (1994) argue convincingly that Buddhism was known in Judea and Qumran, but they focus on Buddhism, not on Jesus and his alleged travels to the East.

Elisabeth Caspari

The basic text for this discussion is available in Prophet (1984, pp. 281–323).

The author closest to us in time, though probably the least known of the four, Elisabeth Caspari was born in Switzerland in 1899 and died in the US in 2002. As far as I know, no biography of hers seems to exist.

This time the story is rather brief. In 1939, during her trip to Ladakh, Mrs. Caspari and her friend Mrs. Gasque visited Hemis. The text does not say whether she had known Notovitch's or Roerich's books by that time⁵². She attended the Hemis Festival and stayed on for a few days. One day, in her own words:

(...) the librarian and two other monks approached the ladies carrying three objects. Madame Caspari recognized them as Buddhist books made of sheets of parchment sandwiched between two pieces of wood and wrapped in brocade – green and red and blue seeded with gold. With great reverence, the librarian unwrapped one of the books and presented the parchments to Mrs. Gasque: ‘These books say your Jesus was here!’. One sentence (Prophet, 1984, p. 317).

Strangely enough, it seems the ladies did not ask the librarian for any details, having been satisfied with taking a picture of the monk holding the book. This picture is reproduced in Prophet 1984 on page facing page 313. This is the only “hard evidence” that such a book existed. However, the picture focuses on the monk, not on the book. What can be said about this mysterious book? It is definitely a Tibetan printed book, not too old (but this is my own impression, I do not claim to be right), but the text is wholly illegible, only the lines of writing and the margin lines are visible. As it is, it cannot be reconstructed.

But let us note another point. Notovitch spoke of two bound manuscript volumes; Abhedananda, of a manuscript; Roerich never says he had seen anything; finally, what Mrs. Caspari saw was quite definitely a Tibetan xylographic print, one of *three* volumes, while Notovitch claims to have seen two, and Abhedananda, one. I somehow cannot imagine that all the three have seen the same object.

So, if someone wants a proof that *The Life of Saint Issa* existed, or maybe still exists, all he has is an illegible photograph of an alleged one page of it. Whatever it is, it is definitely in Tibetan and is printed, not handwritten. Here the evidence of the Mysterious Book of Hemis comes to an end.

Why such hoax?

It is generally assumed that *The Life of Saint Issa* is a hoax. However, let us give some more attention to this point. If it is a hoax, and one that cost its perpetrator a court case and being sentenced to exile in Siberia⁵³, would he benefit by it? Or would anybody else? We are moving on a slippery ground here, as we have, at best, only circumstantial evidence both for and against it.

⁵² Abhedananda's book was also already available, but it was in Bengali.

⁵³ This is confirmed by Fader (2003, p. 182), quoting the original letter by Notovitch describing the trial and its outcome.

Let us begin by quoting three statements by one who knew more about deducing solutions on the basis of circumstantial evidence than probably anyone else:

- 1/ Circumstantial evidence is a very tricky thing. It may seem to point very straight to one thing, but if you shift your own point of view a little, you may find it pointing in an equally uncompromising manner to something entirely different.
- 2/ As a rule, the more bizarre a thing is, the less mysterious it proves to be.
- 3/ Problems may be solved in the study which have baffled all those who have sought a solution by the aid of their senses. To carry the art, however, to its highest pitch, it is necessary that the reasoner should be able to use all the facts which have come to his knowledge; and this in itself implies, as you will readily see, a possession of all knowledge, which, even in these days of free education and encyclopaedias, is a somewhat rare accomplishment (Doyle, 1982)⁵⁴.

There are two attempts at answering our question in the literature available to me, one by Fader and one by Theroux. Both of them are against the story – Fader's favorite word is "fraud" appearing already in his book's title and repeated on almost every page, and Theroux says openly "I am firmly convinced that Notovitch was a liar" (Theroux, 2018). Their arguments follow different lines, but as we shall see, they share one important point.

Fader presents his views in the fourth chapter of his book that is titled *The Cultural Climate That Gave Rise to the Notovitch Fraud* (Fader, 2003, pp. 83–102). He points out that it was in the XIX century that rational Bible scholarship developed, Queen Victoria had herself crowned the Empress of India, and Helene Blavatsky's Theosophy made the Indian philosophy and religions household words in the West. Max Muller's monumental series *Sacred Books of the East*⁵⁵ made all relevant sources available to whoever wanted to read them. The Indian origin of Christianity was either claimed or suggested by Louis Jacolliot (1837–1890) and Franciscus Joannes Maria Laouenan (1822–1892)⁵⁶. Notovitch was a Jew who converted to Russian Orthodox Church, so he had a good idea of the concepts of both religions, but not of Buddhism. Fader quotes the words of J. Archibald Douglas⁵⁷ that Notovitch failed to understand Tibetan Buddhism. Fair enough – but completely off the track, as neither Tibet nor Tibetan Buddhism existed in the times of the alleged Saint Issa, and his story is set in India, not in Tibet. Fader stresses the Notovitch text places the blame for the death of Jesus on the Romans, not the Jews⁵⁸, and suggests this may have been connected with the rise of antisemitism in Europe in the late XIX century. He attaches a lot of importance to Saint Issa's teaching on women⁵⁹ and attributes it to the rise of women's movements in the late XIX-century Europe. Finally, he explains Notovitch's choice of Ladakh rather than

⁵⁴ These are words of Sherlock Holmes taken from *The Boscombe Valley Mystery*, *The Red-Headed League*, and *The Five Orange Pips* respectively. All the three stories appear in Arthur Conan Doyle's *The Adventures of Sherlock Holmes*, first published in 1892.

⁵⁵ Irreplacable until today, the only such collection in existence.

⁵⁶ A less known name today, he was the bishop of Pondichery and wrote on Indian religious subjects in French.

⁵⁷ A professor of history and English at Agra's Government College.

⁵⁸ This argument is developed in chapters X through XIII of the Life of Saint Issa.

⁵⁹ *The Life of Saint Issa*, chapter XII verses 8–21.

Tibet proper as the place of his discovery in two ways: first, Ladakh in the Western opinion was a part of Tibet, and second, there were Christian missionaries in Ladakh who translated parts of the Bible into Tibetan and printed them, so this is what Notovitch might have come across⁶⁰.

Both arguments do not stand to criticism. Ladakh was conquered by Kashmir in 1834 and incorporated into it in 1846 (Petech, 1977), so it was not a part of Tibet in 1887, though this may not have been widely known in Europe. True, the missionaries published and distributed parts of the Bible in Tibetan, but these are well-known and none of them answers Notovitch's description or Caspari's photograph.

Marcel Theroux's ideas take off from a point raised by Faber, namely the rising tide of antisemitism in late XIX century Europe. Theroux points out that during his long life in Paris Notovitch could not avoid at least some contact with Pyotr Rachkovsky (1853–1910) who was the chief of the notorious Okhrana or Russian secret police, based in Paris from 1885 until 1902. Rachkovsky is generally credited with either compiling or aiding the compilation of the text known as *Protocoles of the Elders of Zion*⁶¹. Theroux stresses (Theroux, 2018) that the assassination of Tsar Alexander II in 1881 gave rise to a violent wave of Russian antisemitism. Notovitch, as a converted Jew, knew the problem from his lifetime experiences. Could he hope that *The Life of Saint Issa*, which expressly states it was the Romans who are responsible for the death of Jesus, not the Jews who tried to defend him, might contribute to stop it or at least to placate it? As Theroux puts it, could it "vindicate the Jewish people of a charge that had dogged them for centuries"? (Theroux, 2018).

The trial of Notovitch may thus have had political undertones – the official policy of the Tsarist government was against the Jews, while Notovitch may have seemed to defend them by a book that set the Orthodox Church on the warpath. After all, the common reaction of all the established Christian churches to the books that claimed to fill some gaps in biblical narratives was pointing at Revelation 22: 18–19 taken as absolute proof there will be no more revelations.

If this guess is right, it adds tragic symbolism to what Theroux discovered – namely that Notovitch, a Russian Jew living in Paris, was arrested, deported to Auschwitz on 20th December 1943, and gassed on 23rd same month⁶².

Both Fader's and Theroux's views share one common point – the *Life of Saint Issa*, whatever else it was, has been produced to defend the discriminated weak, women, and the Jews. This goes far beyond the common connotations of the word "forgery".

⁶⁰ The only Christian missionaries in Ladakh at the time of Notovitch were the Moravian Brothers. They published several translations of the Bible books and distributed them, but these are well-known and none of them is printed in Tibetan xylographic way, so it cannot be the book seen in the Caspari photo. See Beszterda (2011) for a detailed study of the Moravian activities in Western Himalayas.

⁶¹ Available in Polish with a detailed introduction by Janusz Tazbir (1992).

⁶² See Theroux (2017, p. 360). Theroux's book is a novel, not an academic work, but he gives as his source the well-known work by Serge Klarsfeld – *Memorial de la deportation des Juifs de France*. I have no access to it.

The Muslim source on Jesus in India

I think that most of the Western people do not know that Islam recognizes and accepts Christ, only saying he was not the last one sent by God to this world, the last one being the Prophet Muhammad. According to Islamic sources there are about 70 references to Prophet Jesus in the Holy Quran.⁶³ There are many different traditions within Islam, but they all seem to agree that Jesus did not die on the cross. One of these traditions directly connects Jesus with India. It is the Ahmadiyya Islam.

The founder of the Ahmadiyya Movement was Mirza Ghulam Ahmad. He was born in Qadian, Punjab (today's India) in 1835 and died in Lahore (today's Pakistan) in 1908. He is frequently referred to as Qadiani Mirza. He proclaimed himself the Promised Messiah and Mahdi in 1889, thus launching what is now known as the Ahmadiyya Movement or Ahmadiyya Islam.

Of particular interest to us is Ghulam Ahmad's paper, or according to some, series of papers, published in 1899 in Urdu, collected into a book in Urdu in 1908, and translated into English either in the same year 1908 or in 1944⁶⁴. The title of the book says it all: *Maseeh Hindustan Mein, Messiah in Hindustan*. This is available in English as *Jesus in India*⁶⁵.

The main thesis put up by Ghulam Ahmad is that Jesus did not die on the cross, but survived and travelled to Kashmir, where he lived for many years in today's village of Rozabal near Srinagar, where his and his mother's tombs survive until today. This story has a substantial body of literature for and against it, but it cannot be discussed here for reasons of space and unavailability of sources.

Later Western sources in chronological order

Before I begin, I want to make it clear that I regard the channeled works as sources in their own right. As those who channeled them lived in different times and places, and did not know each other or of each other, it is difficult to think they all formed a conspiracy of hoaxers.

1882 – *OAHSPE*, frequently though incorrectly called the *OAHSPE Bible*. An extremely interesting work channeled through Dr. John Ballou Newbrough (1828–1891), covering the spiritual history of Egypt, Persia, India, China and the North American Indians. The second edition, slightly revised, came out in 1891. *OAHSPE* contains an alternative account of Jesus – called Joshu in the text – but does not say he travelled to India.

1898 – *The Gospel of the Holy Twelve*, attributed to Gideon Jasper Ouseley (1835–1906), serialized 1898–1901, book edition 1901. This text, claimed to be a translation

⁶³ Jesus in the Quran. *Islami City*, <https://www.islamicity.org/6405/jesus-in-the-quran> (access 10.08.2018).

⁶⁴ Different sources do not always say what the language of the 1908 edition was, and I have seen references specifying the year 1944 as the one of the English translation.

⁶⁵ The copy I have was published by Islam International Publications Limited, Tilford, Surrey, UK 1989, a reprint of the original 1944 edition.

of an Aramaic manuscript found in Tibet, contains the following remark in its Lecture VI, verse 16:

And after a time he went into Assyria and India and into Persia and into the land of the Chaldeans. And he visited their temples and conversed with their priests, and their wise men for many years, doing many wonderful works, healing the sick as he passed through their countries.

The text suggests this took place in the 32nd year of his life.

1908 – *The Aquarian Gospel of Jesus the Christ* by Levi (= Levi H. Dowling, 1844–1911). The author claimed his work to be derived from akashic records⁶⁶, which indicates his knowledge of Theosophy. This book contains very detailed descriptions of Jesus's life and works in India (Section VI), Tibet and Western India (Section VII), Persia (Section VIII), Assyria (Section IX), Greece (Section X), and his work in the Council of the Seven Sages of the World (Section XII). The stories narrated in this text parallel many episodes found in Notovitch's Life of Saint Issa, as well as in Roerich's Himalaya.

1955 – *The Urantia Book*. Usually described as the longest channeled text to date – it is a volume of 2100 pages – this astonishing work divides into four parts with consecutive numbering of chapters, called “Papers” in the text. The fourth and last part of the Urantia Book is titled “The Life and Teachings of Jesus” and covers Papers 120–196 (pp. 1323–2097). Of special interest are Papers 94, 95, and 131, which contain a lot of information about the non-Christian religions. Paper 131 is claimed to contain notes that Jesus and his friend Ganid, son of a rich Indian merchant Gonod, took in the Alexandrian library, where they studied works on different religions. These contain an incredible mix of facts and pure nonsense. I leave their discussion for the second part of this paper, now in preparation. Let us only add that in paper 130 we read about Jesus meeting – at Caesarea – a Mongolian traveler speaking fluent Greek, a Taoist, with whom Jesus has a long conversation. Though different parts of the *Urantia Book* pay a lot of attention to India, Indian religions and Indian philosophy, the text does not say anything about Jesus travelling there.

1994 – *The Kolbrin*. A very little-known book which connects three worlds: Egyptian, Israeli, and Celtic. The second edition of it came out in 2008, both in New Zealand. An American edition, titled *The Kolbrin Bible*⁶⁷ and claimed to be unauthorized – but useful because of its index and verse numbering – was published in 2005. *The Kolbrin's* last part, titled the *Britain Book*, Chapters Two and Three, contains an account of Jesus but is silent about his alleged travel to India.

1998 – *The Gospel of the Kailedy*, described as the second part of *The Kolbrin*. It is the life of Jesus, full of interesting details but silent on India, though it contains a Bud-

⁶⁶ The Akasha or Akashic Records is a concept similar to Buddhist alaya-vijnyana, Jung's universal consciousness or Sheldrake's morphogenetic field. It is described as the subtle-matter plane of existence that records the vibrations of all events taking place on Earth. Some psychics claim to be able to connect to it and see – if this is the right word – events from the past recorded in it. Rudolf Steiner (1861–1925), the founder of Anthroposophy, claimed to have derived much of his knowledge from those records. The word akasha is frequently translated as “ether”, as the Indian philosophy describes it as the fifth of the traditional elements (water, fire, earth, air).

⁶⁷ The original edition is titled just *The Kolbrin*. Let us remember that the name “Bible” was also added to the title OAHSPE.

dhist parable that it attributes to Jesus⁶⁸. As *The Kolbrin*, this book also makes the Jesus-Celtic connection.

2003 – *Das ist Mein Wort. Alpha und Omega. Das Evangelium Jesu. Die Christus-Offenbarung, welche inzwischen die wahren Christen in aller Welt kennen*. This amazing work is not yet available in English. It is channeled through a contemporary mystic known as Gabriele of Wurzburg. This book is based on the text given by Ouseley in 1898–1901; it is presented as a commentary on selected passages from it given by Jesus himself. Commenting upon the passage I quoted in describing Ouseley's work (section XII above), Jesus says:

As Jesus I met many people from various social strata, speaking different languages. I talked with the Assyrians, the Hindus, the Persians, the Chaldaeans, the Israelites and many more men and women from various nations. But I never travelled to their countries, nor to any other ones, to learn God's wisdom. I travelled across many countries and I have crossed many a frontier. Language was frequently an obstacle, However, when we talk about the laws of love, everyone knew, what his fellow man wanted to say. The speech of the heart knows no frontiers – also today, in times when the year 2000 is approaching⁶⁹.

I must say that both this book, and some other ones coming from Gabriele that I have been fortunate to get and study, are so full of astonishing insights and wisdom that I can only bow my head to Gabriele. I know many of my readers will tend to laugh at it. Let them.

So, we could say the question is solved – Jesus himself says he has not travelled anywhere “in search of God's wisdom”, that is “to learn”, though He did travel a lot.

However, the question remains: even if *The Life of Saint Issa* existed only in Noto-vitch's imagination in 1887, what did Abhedananda see in Hemis in 1922, and what did Mrs. Caspari see and photograph there in 1939? For it is obvious they saw *something*.

Scio me nihil scire

Acknowledgements

My first words of thanks go to the memory of Elizabeth Clare Prophet to whom this paper is dedicated. Without her work it would be very difficult to get access to the most important accounts of the Mysterious Book of Hemis.

I am grateful to Peter Duffy, Spiritual Director of The Summit Lighthouse, for his permission to reproduce the Caspari photograph, the only extant evidence that *The Life of Saint Issa* did exist.

My thanks go to the late Ursula Eichstaedt, once known all over North India as Sister Ursula, who invited me to join her in her trip across Ladakh in 1976, which included long stays both at Hemis and in Rozabal. She had been to Ladakh many times before and showed me things I would never come to know otherwise.

⁶⁸ The paraphrase of the story of the monk who wanted to play lute, see *The Gospel of the Kailedy*, p. 42.

⁶⁹ Quoted after the Polish edition – ISBN 83-911929-6-2, no place, no date, p. 88.

I am grateful to H. Louis Fader and Hans-Jürgen Trebst, both of whom honoured me with their books at different times. Having both before me makes me understand the wise words of the Buddha on the necessity of navigating between extremes!

I acknowledge my gratitude to Guy Penman and The London Library for their invaluable help in assembling the list of Notovitch's published works.

I am grateful to Ms. Leslee Alexander for gift copies of OAHSPE, *The Urantia Book*, Jon Klim o's *Channeling*, and priceless help in my studies by answering dozens of questions; to Laraine Coley for copies of *The Kolbrin* and *The Gospel of the Kaileyd*; to Serge and Cynthia Bison for a copy of Clyde Bedell's *Concordex of the Urantia Book*; to Karen Le Beau for a copy of her unpublished paper of 1988; and to my friend the Rev. Bent Reidar Eriksen for a copy of Romarheim's book in Norwegian. Finally, I thank my friend Rafał Beszterda for a copy of Ahmed Shah's chapter on Notovitch, a rare book I myself have never seen.

Appendix I

A list of Notovitch's writings (probably incomplete)

Following the lead given by Marcel Theroux, with the invaluable help of Mr. Guy Penman and the London Library, I obtained a list of Notovitch's writings. This completes both my own researches and Andreyev's (2009). I could not locate the date of publication of a few titles. The list, in chronological order, is given below. It does not claim to be complete. However, until now Notovitch has chiefly been remembered as the author of one book, while we see that his works are many and varied. Today he would probably be classified as a historian and political scientist first, a poet, playwright and cultural anthropologist second. *The Unknown Life of Jesus* seems to be an exception in his literary output, not a typical book of his. His French publisher was usually Paul Ollendorf, Paris.

1880 – *Patriotizm. Stikhotvorenija* [Patriotism. Poems]. In Russian.

1882 – *Zhizneopisanie slavnogo russkogo geroia i polkovodtsa generale – adiufanta, generale infanterii M. D. Skobeleva* [The Life of the Famous Russian Hero and Military Leader, the General of Infantry M. D. Skobelev⁷⁰]. In Russian.

1888 – *Kvetta i voennaia zheleznaja doroga cherez pereval Bolan i Gernai* [Quwetta and the wartime military railway line across the Bolan and Harnai Passes]. In Russian.

1889 – *Pravda o evreiah* [The truth about the Jews]. In Russian.

1890 – *L'Europe à la veille de la guerre*.

1893 – *L'Empereur Alexandre III et son entourage*.

1893 – *Le Tsar, son armee et sa flotte*.

1894? – Alexander III und seine Umgebung. The German translation of the 1893 monograph.

⁷⁰ Mikhail Dmitryevich Skobelev (1843–1882), was one of the most famous Russian generals of the XIX century, the hero of Russia's war with Turkey in 1877–1878, and the conqueror of large parts of Central Asia that became parts of the Russian Empire.

1894 – *Souvenirs de Sébastopol*, written by the Tsar Alexander III, translated into French by Notovitch.

1894 – *La vie inconnue de Jésus Christ*, first edition, in French.

1895 – *The Unknown Life of Jesus Christ*, first English edition, London.

1895? – *The Unknown Life of Jesus Christ*, first American edition, New York.

1895 – *L'Empereur Nicolas II et la politique russe*.

1898 – *L'Europe et l'Egypte*.

1899 – *La pacification de l'Europe et Nicolas II*.

1900 – *La vie inconnue de Jésus Christ*, second enlarged edition. In French.

1906 – *Le Russie et l'alliance Anglaise, étude historique et politique*.

NB – according to Marcel Theroux (2018), a copy of this volume belonging to the London Library has a lengthy inscription to the Duchess of Kent signed “Nicholas Notovitch, January 1939”, a proof he was still alive that year.

1907 – *Rossia i Anglia, istoricheskii i politicheskii etud* [Russia and England, a historical and political study]. In Russian.

1909 – second edition of the previous title.

1910 (?) – the Russian translation of *La vie inconnue de Jésus Christ*.

1916 – *A vida desconhecida de Jesus-Christ*. In: *Ensaio de historia e critica*, edited by Jorge Araujo and Arthur de Guimaraes, Rio de Janeiro 1969, pp. 197–221. In Portuguese.

? – *La livre d'Or*.

? – *Marrage ideal, drame in 4 actes*.

Works announced as “To appear soon” in 1906:

Gallia – drame historique, prologue et 4 tableaux.

La travers de Perse, relation de voyage illustree.

La Femme a travers le monde, etudes, observations et aphorismes.

La travers l'Inde.

Appendix II

The basic reading list

The literature on the myth of Jesus in India is immense, in many languages, and largely repetitive. Virtually each book listed below refers to many others, most of them beyond my reach. As I can only list the books I have before me, I prefer not to call it bibliography.

I. The basic source

Prophet, E. C. (1984). *The Lost Years of Jesus. On the Discoveries of Notovitch, Abhednanda, Roerich, and Caspari*. Malibu: Summit University Press⁷¹.

⁷¹ The indispensable one-volume edition of the four basic sources with an excellent introduction and footnotes. Includes a complete text of the first English edition of Notovitch's book.

II. Channeled texts referred to in the paper

Bedell, C. (1991). *Concordex of the Urantia Book*. New enlarged 3rd edition. Santa Barbara (California): Clyde Bedell Estate⁷².

Dowling, L. (1919). *The Aquarian Gospel of Jesus the Christ*. Los Angeles: [s.n.]⁷³.

Ewangelia Życia Doskonałego: Piąta Ewangelia (2004). The Polish translation of the previous item by the Rev. Henryk Zalewski. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza⁷⁴.

Gabriele (2003). *Das ist Mein Wort. Alfa und Omega. Das Evangelium Jesu. Die Christus-Offenbarung, welche inzwischen die wahren Christen in aller Welt kennen*. Marktheidenfeld; Altfeld: Verlag Das Wort GmbH⁷⁵.

Gabriele (2003). *To jest Moje Słowo. Alfa i Omega. Ewangelia Jezusa. Objawienie Chrystusowe jakie znaję już prawdziwi chrześcijanie na całym świecie*. Warszawa: Stowarzyszenie dla Popierania Życia Uniwersalnego⁷⁶.

Księga Urantii (2016). The Polish translation of the *Urantia Book* by Małgorzata and Przemysław Jaworscy. Chicago: The Urantia Foundation⁷⁷.

Ouseley, G. J. Rev. (s.a.). *The Gospel of the Holy Twelve*. [S.l.]: Dodo Press Reprint⁷⁸.

Newbrough, John Ballou (1882). *OAHSPE: A New Bible*. First edition. New York: Newbrough⁷⁹.

Sadler, W. S. (1955). *The Urantia Book*. First edition. Chicago: The Urantia Foundation⁸⁰.

The Gospel of the Kailedy (1998). Coromandel (New Zealand): The Culidian Trust⁸¹.

The Kolbrin (1994). Coromandel (New Zealand): Published by The Culidian Trust under license from The Hope Trust⁸².

The Kolbrin Bible (2006). Edited by Janice Manning (Editor) and Marshall Masters (Contributor), NV (USA): Your Own World Books, Silver Springs⁸³.

⁷² The invaluable *Urantia Book* study aid combining the features of an index and a concordance. A monument to Clyde Bedell's scholarship. ISBN 0-916014-75-4.

⁷³ An undated reprint of the edition published and for sale by Eva S. Dowling. ISBN 1-59462-321-X.

⁷⁴ Supplementary volume: (2005). Warszawa: Dom Księgarski "Ezoteric".

⁷⁵ German original's ISBN 9787-3-89201-960-2.

⁷⁶ This monumental work is essentially a channeled commentary on *The Gospel of the Holy Twelve* (see II.2. above), attributed to Jesus Himself. Polish translation ISBN 83-911929-6-2.

⁷⁷ ISBN 978-1-883395-07-0.

⁷⁸ ISBN 1-905432-24-0.

⁷⁹ Reprinted by Ray Palmer in Amherst, Wisconsin, in 1960, reissued in 1970 and 1972. The last edition, known as the *Green OAHSPE*, contains the original *Commentary*, Newbrough's portraits of the world's religious leaders, the important *Book of Discipline*, and a very good index. This is the most authoritative edition of the text whose title is usually capitalized as *OAHSPE*, sometimes called *OAHSPE Bible*.

⁸⁰ Oft cover second printing 1995. ISBN 0-911560-50-5.

⁸¹ The second part of *The Kolbrin*.

⁸² Second edition 1998. ISBN 0-9583313-3.

⁸³ This edition features a handy citation system and a good index. The word "Bible" has been added to the original title by the editors. ISBN 13:978-1-59772-005-2.

III. Other books and papers consulted

- Amore, R. C. (1978). *Two Masters, One Message*. Nashville: Abingdon Press.
- Andreyev, A. (2009). Russian travelers in Ladakh. *Ladakh Studies*. Vol. 24 (June), pp. 25–41.
- Beszterda, R. (2011). Bracia morawscy a kultury himalajskie [The Moravian Brothers and Himalayan Cultures]. *Prace Etnologiczne*. Vol. 24. (Wrocław; Warszawa: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze)⁸⁴.
- Däniken, E. von (1994). *Ślądami wszechmogących* [Auf dem Spuren der Allmächtigen]. The Polish translation by Andrzej Dworak. Warszawa: Świat Książki.
- Faber-Kaiser, A. (1977). *Jesus Died in Kashmir*. London: Abacus, Sphere Books.
- Fader, H. L. (2003). *The Issa Tale That Will Not Die. Nicholas Notovitch and His Fraudulent Gospel*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: University Press of America⁸⁵.
- Gdok-Klafkowska, M. (2013). Some Remarks on the Works of the Roerich Family Showing the Himalayan World. *Zwierciadło Etnologiczne: Rocznik Katedry Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Szczecińskiego*. Vol. 2, pp. 9–19.
- Gdok-Klafkowska, M. (2011). *The Dream of Kanchenjonga: The Roerich Family and Himalayan Studies*. In: McKay Alex, and Balikci-Denjongpa, Anna (ed.). *Buddhist Himalaya: Studies in Religion, History and Culture*. Vol. 1: *Tibet and the Himalaya*. (Sikkim) Gangtok: Namgyal Institute of Tibetology, pp. 305–322⁸⁶.
- Grönbold, G. (1985). *Jesus in Indien. Das Ende einer Legende*. München: Kösel Verlag.
- Gruber, E. A., and H. Kersten (1996). *Pra-Jezus. Buddyjskie źródła chrześcijaństwa* [Der Ur-Jesus. Die buddhistischen Quellen des Christentums]. The Polish translation by Mieczysław Dutkiewicz. Gdynia: Uraeus.
- Hassnain, F. M. (1998). *Poszukując prawdziwego Jezusa* [A Search for the Historical Jesus]. The Polish translation by Sławomir Studniarz. Bydgoszcz: Limbus.
- Hazrat Mirza Ghulam Ahmad of Qadian (1989). *Jesus in India*. Tilford (Surrey, UK): Islam International Publications Limited.
- Kersten, H. (s.a.). *Jezus żył w Indiach* [Jesus lebte in India]. The Polish translation. [S.l.: s.n.].
- Klafkowski, P. (s.a.). *The Roerich Family and Ladakh*. To appear in the volume of proceedings of the 18th Colloquium of the International Association of Ladakh Studies held in Będlewo, Poland, on May 2–6, 2017.
- Klimo, J. (1998). *Channeling. Investigations on Receiving Information from Paranormal Sources*. Revised and enlarged. Berkeley (California): North Atlantic Books⁸⁷.
- Korabiewicz, W. (1992). *Tajemnica młodości i śmierci Jezusa* [The Mystery of the Youth and Death of Jesus]. Warszawa: Wydawnictwo Przedświt.

⁸⁴ In Polish, an excellent study of the cultural influence of the Moravians on the peoples they worked with. Contains a lot of information on their Bible translations.

⁸⁵ Contains much material not available elsewhere.

⁸⁶ Contains biographic information on the Roerich Family, an extensive annotated bibliography of recent Roerich studies in Russian, and an outline of the Roerichs' Sikkim connections.

⁸⁷ The monumental work that made its subject "legitimate" to official science.

- Landman, S. (2001). *Jezus w Kaszmirze?* [Jesus starb nicht in Kaschmir. Ohne Kreuzestod kein Christentum]. The Polish translation by Antoni Baniukiewicz. Gdynia: Uraeus.
- LeBeau, K. (s.a.). *Buddhist Influence on the Teachings of Jesus Christ: The Lost Years of the Master of Galilee*. Unpublished paper of 1988 received from the author.
- Le Maulana, J. D. Shams (1986). *Où mourut Jesus?* Londres: Al-Shirkat al-Islamiyyah.
- Meyer, M. W. (1984). *The Secret Teachings of Jesus: Four Gnostic Gospels*. New York: Vintage Books.
- Müller, M. (1894). Some articles on Notovitch, the Unknown Life of Christ. *The Nineteenth Century*. Vol. 36 (July–December), pp. 515–522. Available on the web: <http://www.tertullian.org/rpearce/scanned/notovitch.htm> (access 20.04.18).
- Nakamura, H. (1986). *Buddhism in Comparative Light*. Second revised edition. Delhi; Varanasi; Patna; Madras: Motilal BanarsiDass.
- Petech, L. (1977). The Kingdom of Ladakh c. 950–1841 A. D. *Serie Orientale Roma*. Vol. 51. Rome: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente.
- Potter, C. F. (1958). *The Lost Years of Jesus Revealed. From the Dead Sea Scrolls and the Nag-Hammadi discoveries*. New York: Fawcett Gold Medal Books⁸⁸.
- Prophet, M. L., and E. C. Prophet (1986). *The Lost Teachings of Jesus*. Two volumes. Livingston MT: Summit University Press.
- Rommarheim, A. (1988). *Kristus i Vannmannens Tegn: Nyreligiøse oppfatninger av Jezus Kristus*. Oslo: Credo Forlag⁸⁹.
- Rommarheim, A. (s.a.). *Various views of Jesus Christ in new religious movements – a typological outline*. Available on the web under the author's name and the title (access 5.4.2018)⁹⁰.
- Shah, A. (1906). *Four Years in Tibet*. By Rev. Ahmad Shah. Benares: E. J. Lazarus & Co.; Allahabad: Printed at the Medical Hall Press Branch.
- Tazbir, J. (1992). *Protokoły Mędrców Syjonu: autentyk czy falsyfikat*. Warszawa: Interlibro⁹¹.
- Theroux, M. (2017). *The Secret Books*. London: Faber and Faber⁹².
- Theroux, M. (s.a.). Did Jesus spend his missing years studying Buddhism in India? Marcel Theroux visits Ladakh to find out. *The Telegraph*. Available on the web: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/asia/india/articles/Ladakh-and-the-unknown-life-of-jesus-christ> (access 5.5.2018).
- Theroux, M. (2018). The post-truth Gospel. *Times Literary Supplement* of January 9. Available on the web: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/the-post-truth-gospel/> (access 5.5.2018).

⁸⁸ Reprinted by Ballantine Books in 1982.

⁸⁹ Contains excellent bibliography.

⁹⁰ Essentially a detailed summary of the Norwegian book.

⁹¹ The reprint of the 1938 Polish edition of the *Protocols of the Elders of Zion* with a detailed introduction by one of Poland's most eminent historians.

⁹² Well-researched biographical novel on the life of Notovitch, unfortunately without notes.

Trebst, H.-J. (1988). *The Quest for the Issa Manuscripts at Hemis*. Paper presented at the International Association of Ladakh Studies Conference at Leh, August 1988. Typescript received from the author.

Trebst, H.-J. (2005). Jesu verborgene Jahre. War er in Indien? *Cornelia Goethe Akademie für literarisches Schreiben* (Frankfurt/Main)⁹³.

⁹³ Contains parallel comparisons of Notovitch's text with *The Aquarian Gospel of Jesus the Christ* and an excellent bibliography.

HISTORIA
ИСТОРИЯ
HISTORY

БРЯНСКИЙ КРАЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ РОССИЙСКИМ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ: ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ, ЯЗЫК (XVI–XVIII ВВ.)

ЕЛЕНА КОШКИНА

Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики”
Департамент иностранных языков
ул. Мясницкая, 20, 101000 Москва, Россия
e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4463-9071>

ЮЛИЯ РОМАНЧЕНКО

Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики”
Департамент иностранных языков
ул. Мясницкая, 20, 101000 Москва, Россия
e-mail: juliaroman@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1914-6013>
(получено 2.08.2018; принято 11.09.2018)

Abstract

Bryansk Territory between the State of Russia and the Polish–Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita): politics, religion, language

The purpose of this paper is to present the history of the Bryansk Territory as one of the border regions of Russia in the context of the contradictory relationship between the Russian and Polish-Lithuanian states (XVI–XVIII centuries) and the conflict of religious and social systems. Moreover, the geographically and historically conditioned linguistic heterogeneity of this region is pointed out. The author examines the influ-

ence of extralinguistic factors (political, religious, cultural processes and contacts with foreign countries) on the development of language in the border region.

Key words

Moscow State, Rzeczpospolita, Time of Troubles, Bogdan Khmelnitsky, Bryansk dialects and their features, Baltic, Polish, Belarusian, Ukrainian borrowings in the Bryansk dialects.

Резюме

Цель статьи – представить историю Брянского края как одного из пограничных регионов России в контексте противоречивых взаимоотношений Российской и Польско-Литовского государств, конфликта религиозных и социальных систем, а также описать географически и исторически обусловленную языковую гетерогенность этого края, рассмотреть влияние экстралингвистических факторов (политических, религиозных, культурных процессов и контактов с зарубежными странами) на развитие языка в пограничном регионе.

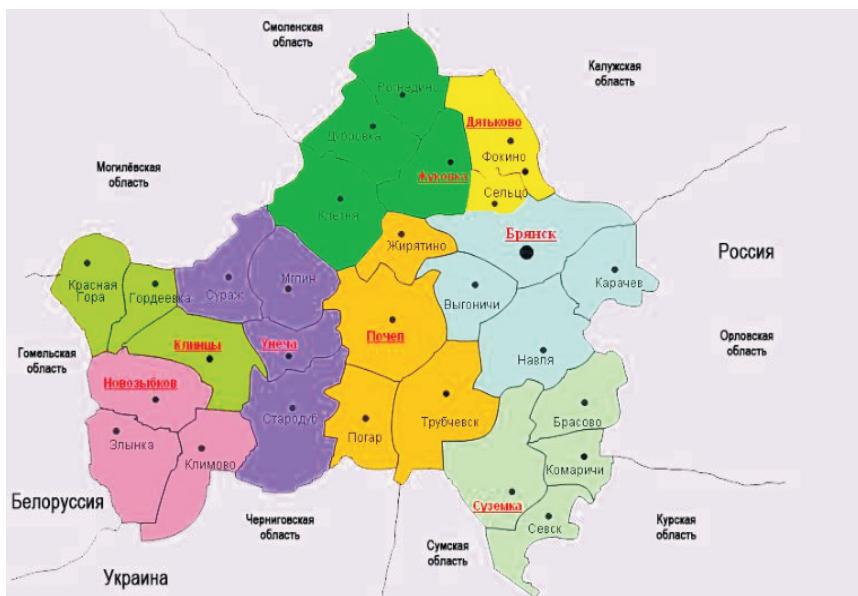
Ключевые слова

Московское княжество, Речь Посполитая, Смута, Богдан Хмельницкий, брянские говоры и их особенности, балтийские, польские, белорусские, украинские заимствования в брянских говорах.

Как известно, приграничные территории всегда имеют сложную, порой драматичную историю, переходя из рук в руки и стойко переживая все тяготы неоднозначных политических решений центрального руководства. Брянский край не стал исключением в этом ряду. Находясь на юго-западном рубеже Государства Российской, он прошел через многие испытания в своей тысячелетней истории.

Следует отметить, что на карте современной России Брянская область появилась лишь после Второй мировой войны, когда она была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 июля 1944 года из городов и районов Орловской области, располагавшихся приблизительно в границах существовавшей ранее Брянской губернии. В состав области вошли города областного подчинения Брянск, Бежица и Клинцы (Ведомости Верховного Совета СССР, 1944, № 36).

На карте можно увидеть ее актуальное административное деление и границы с соседними регионами России (Смоленская Калужская, Орловская, Курская области), Украины (Сумская, Черниговская) и Белоруссии (Гомельская, Могилевская).

Карта 1. Административное деление Брянской области и границы с соседними регионами
Источник: Карта Брянской области. [Online:] http://ruhov-school.ucoz.ru/Futag/karta_brjanskoy_oblasti_1.jpg (18.07.2018).

Согласно историческим хроникам, более 600 лет назад, точнее в XIV–XV вв., эти земли также находились в центре военных тяжб между Московским и Литовским княжествами, которые на тот момент уже имели вес на политической арене Европы и ожесточенно воевали. В 1356 г. русское княжество с центром в городе Дебрянск (Брянск, Брянск) вошло в состав Великого княжества Литовского и было упразднено им в 1401 году. Лишь спустя столетие, в 1500 г., московские войска вернули брянские территории; в 1503 г. под руководство московского князя перешли добровольно Стародубское и Новгород-Северское княжества, земли князей Мосальских и Трубецких (Крашенинников, 2001, ч. 1).

Возникший в XVI веке европейский политический союз „Речь Посполитая“ (польск. Rzeczpospolita) – федерация Королевства Польского и Великого Княжества Литовского как результат Люблинской унии в 1569 г.” (Большая российская энциклопедия, 2004–2017) – дал новый виток историческим переменам на приграничных территориях. В отличие от молодого и мощного соседнего государства Россия того периода находилась в упадке и хаосе, после того как пресеклась правящая династия Рюриковичей и шла ожесточенная многолетняя борьба за власть между различными группировками.

Эпоха Смуты (1598 – 1613 гг.) вошла в историю как годы стихийных бедствий, экономического и государственного кризиса, интервенции инородцев (походы Лжедмитрия I и II при поддержке польских властей, в частности польского короля Сигизмунда III). В результате хаоса страна утратила значительную часть своей территории и понесла существенные потери в численности населения.

Длительные противоречия Смутного периода окончились Деулинским пе-ремирием между воюющими государствами, заключенным в с. Деулино близ Троице-Сергиева монастыря 1 декабря 1618 г. сроком на 14 лет. Стремясь быстрее выйти из войны, Россия вынуждена была отдать Польше 29 городов: Смоленск вместе с Дорогобужем и Рославлем, Чернигов и Новгород-Северский, из брянских земель – Стародуб, Попову (ныне Красную) Гору, Почеп, Трубчевск и др. Поляки требовали еще и Брянск, но русские послы тогда не уступили: сам Брянск, а также Карабчев с уездами и Севск с Комарицкой волостью остались за Россией (Говоров, Соколов, 1955, с. 56). Хотя позднее Польско-Литовскому го-сударству в разные периоды принадлежали как сам Брянск, так и Погар, Мглин, Сураж, Севск и десятки других, более мелких населенных пунктов. Таким об-разом, до 90 процентов брянской территории (особенно на западе и юге) пере-ходили в подчинение новой власти.

В пределах внутренних границ Речи Посполитой Великое княжество Ли-твовское создало из полученных русских земель Смоленское воеводство, кото-рое делилось на два повета¹ (округа): Смоленский и Стародубский. В состав Смоленского повета вошли 8 русских уездов. В Стародубский повет, кроме одноименного уезда, вошли также следующие уезды: Почепский, Трубчевский, Поповогорский. Последний уезд был неполноценным: с 1618 г. Попова Гора на-ходился во владении Могилевского Спасского кафедрального собора (Бабуш-кин, 1958, с. 20–23).

В начале 1620 г. королевские комиссары провели ревизию вновь приобретен-ных Польшей замков и распределили земельные наделы между переехавшими в эти края польскими шляхтичами. Поляки начали активно заселять доставшу-юся им область, привлекая сюда переселенцев с помощью разного рода льгот. Такая политика имела успех, и за время польского владычества возникло около 300 новых поселений. Земли в окрестностях Стародуба, например, получили поляки Николай Абрамович (который владел также Мглином и округой), Алек-сандр Пясочинский, Ян Куницкий, Кшиштоф Фаш и другие (Брянску – 1000 лет..., 1986, с. 15). Они стали укреплять города, предполагая использовать их в качестве крепостей при потенциальных конфликтах с Москвой. Такой кре-постью и стал Стародуб, который именовали замком; а крестьян, нанятых для защиты города, – замковой прислугой. В 1620 г. она насчитывала не более двух десятков человек. Несколько годами позже ее количество возросло уже до сотни.

Также в Стародубском повете было образовано четыре **хоругви** (роты), ко-торые выступали как основные военно-тактические единицы, нанимались во время войны на определенный срок с определенной численностью и жаловани-ем для служащих (казаков), набор которых осуществлялся ротмистром. В пе-риод военных действий казакам выплачивалось жалованье, а остальное время

¹ „Повёт (повят от польск. *powiat* [‘powiat’], укр. *повіт*, белор. *павет*) – административно-территориальная единица в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, а также ны-нейшая средняя административно-территориальная единица в Республике“ (Этимологиче-ский словарь русского языка, 1987, т. 3, с. 293).

они „служили с земли”. Каждый казак, служивший на своем коне, получал „на каждый конь” участок усадебной земли и 4 волоки полевой земли (одна волока равнялась 21,36 га). Казакам предоставлялось право владеть крестьянами, они были освобождены от платежа податей и несения других повинностей. Стародубская хоругвь насчитывала 100 всадников, Почепская – 50, Мглинская – 100, Трубчевская – 30. Позднее вместо Трубчевской была создана Погарская, поскольку к середине XVII в. Речь Посполитая и Москва были вынуждены заключить военный союз против татар, а Трубчевск по договору 1644 г. был возвращен Московскому государству (Мастерская „Зброевы фальварак”, 2015).

Хоругвью также именовался и стяг воинского казацкого формирования, который являлся одновременно и территориальным знаменем: на нем изображались территориальные эмблемы земель, входивших в состав княжества. Например, Стародубской казацкой сотне по привилею² 1626 г. позволялось „иметь хорогву особую красную с крестом голубым, которая должна быть в дозоре” (Соколов, 2001, с. 78). Известна еще одна хоругвь более позднего времени, периода казацких войн 1649–1654 гг. Во главе Стародубской хоругви стоял польский шляхтич Ян Славинский. На зеленом полотнище были изображены Архангел Михаил (герб Смоленского воеводства), крест, подобный тому, что изображен на других хоругвях, и родовой герб (Богородия) самого шляхтича с буквами по сторонам: I – Ян, S – Славинский, M – мечник, S – Стародубский (Деханов, 2013, с. 124).

Большей части городов Стародубского повета польским королем Сигизмундом III было пожаловано **магдебургское право**: Стародубу – 15 февраля 1620 г., Мглину – 26 марта 1626 г., затем – Погару³. Есть сведения о том, что таких же привилегий в первой половине XVII в. удостоился и Почеп. Это делалось для скорейшего развития и укрепления рубежей „крымской Украины”, т.е. земель, служивших щитом от крымских татар. Предоставление привилегий (льготный режим налогообложения, изменение правил наследования, вдвое сниженный размер судебных штрафов и проч.) способствовало скорейшему восстановлению городов, опустошенных войной, а с другой стороны, как бы уравнивало их в правах с иными городами Речи Посполитой и содействовало воспитанию лояльности к новой власти у населения захваченных территорий.

² „Привилéй (от лат. *privilegium* – специальный закон; польск. *przywilej*) – законодательный акт в Королевстве Польском (с XII века) и Великом княжестве Литовском (с конца XIV века), представляющий собой жалованную грамоту, дававшуюся монархом отдельным лицам, со словиям, этно-конфессиональным группам или землям” (Советская историческая энциклопедия, 1973–1982).

³ Магдебургское право (нем. *Magdeburger Recht*) – „одна из наиболее известных систем городского права, сложившаяся в XIII веке в Магдебурге как феодальное городское право, согласно которому экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное состояние горожан регулировались собственной системой юридических норм, что соответствовало роли городов как центров производства и денежно-товарного обмена. В Польше магдебургское право получило распространение в XIII–XIV вв. и фиксировалось путем выдачи грамот – привилеев. Право магдебургское” (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890–1907).

Суть нового самоуправления сводилась к тому, что горожане не обязаны были подчиняться никакому другому суду, кроме избираемого из их же среды суда магistrата. Если представитель негородского сословия приобретал себе в городе дом и землю, он также обязался подчиняться магистрату. Работой магistrата и жизнью в городе руководил войт (староста), избираемый горожанами. В магистрате также хранились городская казна, архив и печать. На стародубской печати был изображен святой Георгий Победоносец. Вместе с магдебургским правом жаловались и гербы. Предоставление городского герба – это показатель государственной политики в вопросе самоуправления по-коренных городов. На пожалованном Стародубу польским королем гербе был изображен дуб с орлиным гнездом (Деханов, 2013, с. 125).

От польского короля те же стародубцы получили ряд важных привилегий, за которые держались вплоть до XIX века: в Стародубе в день святого Юрия Римского позволялась ярмарка; всем горожанам разрешалось заниматься винокурением и торговать вином за небольшую налоговую пошлину. Горожане также были обязаны молоть свой хлеб на городской мельнице и содержать эту мельницу в порядке. Кроме того, горожане должны были за свои деньги вооружаться и в случае нападения оборонять городскую крепость. Все эти порядки были установлены и со временем приняты местным населением.

Однако, было несколько аспектов, с чем не могли смириться стародубцы: поляки хотели обратить их в католичество. Идейным руководителем этого процесса стал польский король Сигизмунд III, который был воспитан иезуитами и оставил всю жизнь приверженцем католической унионии. Главной своей задачей он видел упрочение в Речи Посполитой католицизма, уничтожение как протестантизма, так и православия. Уже в 1625 г. здесь предписывалось избирать в магистрат только католиков или униатов (христиан, сохранивших православную церковную службу, но подчиненных главе католиков Папе Римскому). Войта перестали избирать – его назначали польские власти также из числа поляков и католиков. Потом делопроизводство в магистрате перевели с русского языка на польский, а позже, спустя 20 лет, собирались перевести с польского на латинский.

Позднее поляки начали проводить новую церковную политику даже с помощью силы. Так, в 1631 г. в Стародуб прибыл представитель католического смоленского епископа и потребовал от местного православного духовенства признать верховенство Римского Папы. Получив отказ, католический эмиссар закрыл стародубские церкви, опечатал их двери. Все это было описано в исторических хрониках так: „... русские церкви поломали. А которые... стародубцы жилицкие люди не похотели быть под их ляцкаю вераю, и тех... стародубцов бискуп смоленский велел, переимав, бить и приводить их в лядецкую веру неволею. И от тово... стародубцы многие разбежались розно”. Католический епископ Леонтий Кривза еще более жестко принял насиждать новую веру среди православных: людей били до тех пор, пока те не примут католичество, разрушали православные храмы, закрыли православный Спасский монастырь и открыли католический францисканский (*Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*, 1953, т. 1, с. 588).

Удивительно, но при этом многие русские дворяне сохранили за собой поместья, например, стародубские дети бояр Рубцы и Бороздна. За „сыновьями боярскими“ Яковом, Дмитрием, Осипом и Владимиром Борозднами польское правительство утвердило „дедичные“ их вотчины: с. Медведеве, дер. Куршиновичи, разные „селища“ по рекам Снови, Трубеже, Титве, Росухе и др. Акт поясняет, что все эти имения Бороздны получили от великих князей русских, как засвидетельствовали „боярове тамошние“, показавшие, что всеми перечисленными имениями владели и предки братьев. Их огромные поместья, занимавшие значительную часть теперешних Новозыбковского, Климовского, Стародубского, Мглинского районов, говорят о том, что Бороздны были едва ли не главными землевладельцами уже в 16 столетии. У Осипа Бороздны в 1638 году было усадебное место с постройками в Стародубе на Могилевской улице (Поклонский, 1998, с. 56).

Приняв, по необходимости, польский язык, используемый при дворе и на сейме, они скоро переменили и веру, потому что эта перемена открывала им дорогу к получению от польского короля прав и всеобщему одобрению шляхетского сословия. Дети дворян учились за границей: в Австрии, во Франции, в Испании, Италии, а также во внутренних городах Речи Посполитой (Кракове, Львове), где иезуиты полностью контролировали процесс воспитания и вели его в рамках догматов римско-католической церкви. Ярким примером такого семейства стал князь Юрий Никитич Трубецкой, законный наследник Трубчевска. Половину Трубчевского уезда получил он в 1621 г. от польского короля боярин, перейдя для этого в католичество. Юрий Никитич и его сын Петр верой и правдой служили польским королям, боролись с казацкими восстаниями, преследовали православие в своих землях. Тогда же трубчевский Свято-Троицкий собор, где находится родовая усыпальница Трубецких, приобрел черты католического храма-костела. Позднее, когда Трубчевск вернулся в подданство русского царя, внук Юрия Никитича, князь Юрий Петрович Трубецкой, перешел в православие и уехал в Москву.

Вторая половина Трубчевска и уезда принадлежала непосредственно польскому королю, здесь селились переехавшие из Речи Посполитой шляхтичи и горожане. Один из таких шляхтичей, П. Салтык, выстроил в Трубчевске, неподалеку от Троицкого собора, католический храм (1640–1645 гг.), который после возвращения города России 1644 г. был переделан в православную церковь во имя Преображения Господня, но сохранил в народе название „костел“ (Наш Карабачев – Информационный портал города и области, 2010).

Простой народ со временем начал проявлять недовольство и выступать против религиозного притеснения и польского владычества, следствием которого стало разорение и упадок крестьянских хозяйств. Сельские наделы скратились, уменьшилось количество скота, и крестьянам приходилось пользоваться панским скотом за дополнительные повинности. Увеличилось число малоземельных и безземельных крестьян, вынужденных наниматься в батраки на крайне тяжелых для них условиях. Безграничная власть панов подтверждалась многими сеймовыми постановлениями. Шляхта продавала или дарила своих крестьян, распоряжалась их наследством, имела над ними неограничен-

ную судебную власть. Паны обладали так называемым правом меча, т.е. правом жизни и смерти по отношению к своим подчиненным. Против панского гнета крестьяне защищались всеми средствами. Они бежали от своих панов, отказывались выполнять повинности, убивали.

Со временем во главе борьбы стародубцев за свою независимость от католической Польши, за сохранение православной веры и единение с Москвой стал гетман Богдан Хмельницкий, под руководством которого малороссийское и стародубское казачество начало свое освободительное движение. Судьба городов Брянского края решалась в польско-казацких и русско-польских войнах. Летом 1648 г. казаки Хмельницкого освободили от поляков Погар, Стародуб, Почеп; в конце лета 1648 г. одним из центров антипольского восстания стала Попова (Красная) Гора, куда прибыли казацкие отряды атаманов Горкуш, Кришошапки, Микулицкого и др. (Костомаров, 1993)

Долгие войны истощили обе воюющие стороны, поэтому Россия и Речь Посполитая решили пойти на переговоры. Они начались еще в 1664 г., а закончились только в 1667 г. В селе Андрусово около Смоленска было подписано перемирие. Россия возвратила себе Смоленск, приобрела Северские земли и всю Левобережную Украину. Русско-польский договор завершил большую полосу в жизни юго-западных уездов России. Местные крепости потеряли свое прежнее военное значение. Край перестал быть пограничным, так как юго-западный рубеж России отодвинулся до Днепра и за Смоленск. Жизнь местного населения потеряла свой боевой характер. Сложились условия для роста населения, дальнейшего хозяйственного освоения края, укрепления благосостояния крестьян и горожан, подъема торговли, развития культуры.

С тех времен в Стародубе сохранился полковой казачий собор во имя Рождества Христова, выстроенный в 1677 г., где молились полковники и гетманы, а также читались царские указы и гетманские универсалы, хранили свои полковые и взятые в бою вражеские знамена, здесь приносили присяги и отпевали павших казаков. Влияние малороссов в те годы было значительным и в церковной области.

Таким образом, Брянщина, особенно та ее часть, что расположена на правой стороне реки Десны, за три столетия оказывалась под постоянным влиянием своих сильных соседей, а ее жители „образовали переходную народность между великороссиянами и малороссиянами” – как считал известный украинский историк Н. Костомаров (1993, с. 54) – вобрав в себя черты этих культур, мировоззрений и языков.

В связи с этим особого внимания заслуживает анализ языковой ситуации, сложившейся на территории Брянской области в настоящий момент и являющейся результатом выше описанных исторических, социальных и культурных событий.

Исследователи-языковеды отмечают, что в силу своего географического положения – граничит с Украиной на юге и с Белоруссией на западе – территория Брянщины в этнографическом и лингвистическом отношении уникальна, поскольку здесь сходятся три восточнославянских этноса. Соответственно,

характер брянских говоров⁴, по мнению О.А. Антиповой, складывался на протяжении веков в условиях тесного контактирования трех восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского.

Более того, на территории Брянщины постоянно и в течение долгого времени осуществлялись экономические, культурные и языковые контакты не только русского, украинского, белорусского населения, но и других, в первую очередь, литовского и польского. Поэтому именно этот регион на протяжении многих лет привлекает внимание как историков, краеведов, этнографов, так и лингвистов (Абакумова, 2014, т. 4, с. 53).

Обратимся далее к истории исследования Брянских говоров. Первые записи местной речи на Брянщине были сделаны в 1850 г. уроженкой с. Рассуха М. Н. Косич. Ее книга была удостоена золотой медали Русского Географического общества. Также сохранились две рукописи А. Столохова, этнографа середины XIX в., давшего описание и местный словарь Трубчевского, Брянского и Карабачевского уездов (1850-е годы). Известен также обширный труд уроженца г. Брянска П. Н. Тиханова *Брянский говор, заметки из области русской этнологии (с приложением словаря)*.

С 1903 г. П.А. Растрогуев собирает материал для *Словаря народных говоров Западной Брянщины*, который выходит в 1973 г. и включает 8 тыс. слов. Источниками послужили словарные материалы, собранные лично автором, студентами Новозыбковского пединститута, а также извлечения из печатных записей А.Д. Нечаева, А.Н. Афанасьева, А.Ф. Полевого, М.В. Ушакова (*Словарь народных говоров Западной Брянщины...*, 1973, с. 14–15).

С целью экспедиционного обследования говоров и последующей работы над региональным словарем территория Брянской области была закреплена за Санкт-Петербургским педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Возглавила работу профессор В. И. Чагишева. Под ее руководством на кафедре русского языка составлена и продолжает составляться Картотека Брянского словаря. В 1968 г. вышел 1 выпуск *Словаря брянских говоров* (под ред. В.И. Чагишевой). Сейчас таких выпусков уже пять. Из наиболее известных исследователей 50–80-х годов XX века можно отметить работы ученых В.Н. Новопокровской, Г.И. Демидовой, А.В. Королькова, Л.М. Чистяковой и А.М. Родионовой-Нащекиной, которые являются последователями и учениками В.И. Чагишевой. В 80–90-е годы продолжают заниматься исследованием брянских говоров (напр., Батожок, 1994; Абакумова, 2014; Седойкина, 2011)⁵.

⁴ Говор, как одна из форм существования языка, наряду с литературным языком и диалектом, определяется как „наименьшая территориальная разновидность языка, которая используется в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских, населенных пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий. Говор отличается от систем других говоров своеобразием фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических черт” (см. *Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990).

⁵ Многие теоретические вопросы в сравнительном изучении близкородственных говоров остаются практически неразработанными. Об актуальности проблем, связанных с семантической реконструкцией и анализом диахронических изменений в значениях слов, а также

Среди исследователей, занимающихся Брянскими говорами, нет единого мнения относительно их принадлежности. Так, в течение XIX–XX вв. изучаемые говоры рассматривались по-разному: как белорусские (Карский, Растворгувев); как южновеликорусские (Будде, Чагищева); как переходные от белорусских к южновеликорусским с белорусской основой (Голанов). В частности, Растворгувевым, уроженцем Брянской области, говоры Брянщины были классифицированы как южновеликорусские. Соглашаясь, однако, с тем, что эти говоры имеют белорусскую основу, Растворгувев⁶ предлагал выделять их в отдельную группу – „северско-белорусскую“ (Абакумова, 2014, с. 54).

Как особую группу южновеликорусского наречия, обладающую известным единством, но при этом не представляющую единообразия, рассматривает Брянские говоры Чагищева (Седойкина, 2011).

На Диалектологической карте русского языка брянские говоры отнесены к Верхне-Деснинской группе южного наречия, которой свойственны черты языковых комплексов западной, юго-западной и южной диалектных зон, выделяемых преимущественно на основе их фонетических и грамматических особенностей (Кузнецова, 1973, с. 276).

В настоящее время говоры центральной части Брянской области называют южнорусскими (смоленскими) говорами западной группы. Они сформировались на территории, где в XIII–XVI вв. был распространен смоленско-пороцкий диалект древнерусского языка.

Учеными установлено, что основные диалектные черты говоров Западной группы складывались в феодальный период в условиях разобщенности русских земель в границах Смоленского княжества, позднее – Смоленской земли и Смоленского воеводства в составе Великого княжества Литовского.

Типичные южнорусские черты говоров можно проследить как на фонетическом, так и грамматическом и, конечно же, лексическом уровне.

Фонетические особенности

Насчитываются 63 особенности.

1. Появление *г*, напр., *гастра* (ср. лит. *астра*, Батожок, 1994).
2. Диссимилияция⁷ двух согласных дентального ряда, напр., в брянском *грому́чий* (лит. *дрому́чий*), *колидор* (лит. *коридор*), *коклета* (лит. *котлета*), *тран-*

проблемы, связанные с построением генетической классификации близкородственных языков и диалектов и необходимости их разработки писали К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, Ф.П. Филин, Н.П. Гринкова, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев, А.С. Герд, Д.С. Азарх, С.В. Бромлей, Ф.П. Сороколетов, И.А. Попов, З.А. Козырев, В.М. Мокиенко, А.Ф. Журавлев, Л.А. Ивашко, О.С. Мжельская, О.Е. Кармакова, Р.М. Козлова, О.Д. Кузнецова, Н.Н. Пшеничнова и др.

⁶ „...постепенно говоры современной Западной Брянщины: утрачивают черты своей старой основы и приобретают южновеликорусский характер. Исходя из этого, говоры современной Западной Брянщины следует называть южновеликорусскими (развивавшимися в прошлом и развивающимися теперь в настоящем на белорусской основе)“ (Растворгувев, цит. по: Абакумова, 2014).

⁷ Диссимилияция – „процесс обратный ассимиляции, то есть два или более одинаковых или близких по типу звука расходятся в произношении все дальше. Диссимилияция выражается

Карта 2. Западные южнорусские говоры

Источник: https://yandex.ru/images/search?text=говоры%20брянск%20области&img_url (11.09.2018).

вай (лит. трамвай), ндравитъся (лит. нравиться), фееварь (февраль) (Батожок, 1994).

3. Аканье (неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных): *карова*, *табе*, *сабе*, *м[ъ]локо́* (молоко), *м[ъ]ловат* (маловат), *аборка* (оборка ‘тонкая веревка’).
 4. Яканье (замена *е* на *я*) (присутствует в говорах современного белорусского), напр.: *звязда* (*звязда*), *бягу* (*бегу*), *нясу* (*несу*), особенно в Стародубском районе Брянской области⁸.

в замене одного из двух одинаковых или похожих (по месту образования) звуков другим, менее сходным по артикуляции с тем, который остался без изменений" (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990).

⁸ Стародубье – исторически сложившаяся территория на юго-западе Брянской области, расположенная на стыке России, Украины и Белоруссии. Соответственно, население Стародубщины состояло из представителей трех народов – украинцев, белорусов и русских.

5. Произнесение на месте долгих звуков *и* и *ж* соответственно *и'ч'*, *иич* и *ж'д'ж*, *ждж*, напр., *иичу*, *дож'д'жик*, *вожджи* (особенно это характерно для Унечского района⁹ Брянской области).
6. Наличие звонкой задненебной фонемы фрикативного типа /y/ и ее чередование с /x/ в конце слова и слога: *но[y]а* – *но[x]* нога – ног, *бер'o[Y]yc'* – *бер'o[x]c'a* берегусь – берегся.
7. Появление интервокального *j* в иноязычных словах, напр., *по[jэ]т*, *шип[jo]н* (особенно это характерно для Унечского района Брянской области).
8. Отсутствие ассимиляции по назальности *бм* → *мм*: *o[бм]áн*, *o[бм]éр'ал*.
9. Появление вместо *в* неслогоового *у*, напр.: *автобус* (*автобус*), *аутор* (*автор*), (особенно это характерно для Стародубского района Брянской области).
10. Прилагательные имеют ударение на первом слоге, как в белорусском и украинском языках: *седьмой* ([с'о́мой]) и *шестой* ([ио́стай]).
11. Вариативность в произношении местоимения 3-го лица мн. ч., именно появление *е* и *я* вместо *о*, *е* в личных местоимениях, напр., *они-яны*, *он-ен*, *она-яна* (как в белорусском и украинском, особенно это характерно для Стародубского района Брянской области).
12. Наличие */j/* в основе в формах указательных местоимений: *m[áйа]* (*ma*) – *m[yúy]* – (*my*), *m[oíye]* – (*mo*), *m[yíii]* – (*me*) (как в белорусском и украинском).

Грамматические особенности

1. Окончание *-е* в форме родительного падежа ед. ч. у существительных женского рода с окончанием *-а* и твердой основой: *у жен[e']* (у жены), *со стен[e']* (*со стены*).
2. Совпадение безударных окончаний 3-го лица мн. ч. глаголов I и II спряжения настоящего времени: *делай[y]т*, *пиш[y]т* – *дыши[y]т*, *нос'[y]т*.
3. Наличие особых форм личного и возвратного местоимения с окончанием *-е* в родительном и дательном падежах и различение основ родительного сравнительно с дательным падежом: р. п. (*у* мене, *тебе*, *себе*; д. п. (*ко*) мне, *тобе*, *себе* (особенно это характерно для Унечского района Брянской области).
4. Наличие безударного окончания *-ы* у существительного ср. рода с твердой основой в форме именительного падежа мн. ч., напр., *окны* (особенно это характерно для Унечского района Брянской области).
5. Совпадение безударных окончаний 3 лице мн. ч. глаголов I и II спряжений, напр., *пишуть*, *делаютъ*, *дышиуть*, *носють* (особенно это характерно для Унечского района Брянской области).

Словообразовательные особенности (Батожок, 1994)

1. Образование существительных при помощи суффикса *-ак*: *сёд[áк]* (*седок*), *ход[áк]* (*ходок*) (как в белорусском и украинском).

⁹ В состав Брянской области Унечский район вошел с июля 1944 г.

2. Наличие приставок *пры-*, *пря-* вместо *пре-*, напр.: *прямудры*, *прымудры*, в глаголах *прыбавить* (особенно это характерно для Стародубского района Брянской области).
3. Замена суффикса -л в глаголах прошедшего времени на -в: *пришев*, *сделав*, *сказав* и т.д.
4. Корневое соответствие со словами литературного языка: *галдиишь* (*галдеть*), *голубец* (*голубь*), *гордливыи* (*гордый*), *горлач* (*кувиин*), *городавый* (*городской*), *глядины* (*смотрини*) и др.

Грамматические особенности

Наличие конструкций с предлогом *с* или *з* в случаях типа *приехал з города*, *вылез с ямы* в соответствии с предлогом *из* и другие диалектные черты (как в белорусском и украинском языках).

Лексические особенности

Распространение слов: *зёлени*, *зеленя́*, *зель* ('всходы ржи'); *люлька* ('подвешиваемая к потолку колыбель'); *коре́ц*, *корчик* (в значении 'ковш'); *дежа́*, *дёжка* ('посуда для приготовления теста'); *грéбовать* (в значении 'брзговать').

Стилистические особенности

Если литературному языку свойственна четкая дифференциация: высокий – нейтральный – низкий (очи – глаза – гляделки и тому подобное), то в говорах слова высокого или низкого стиля могут выступать как нейтральные.

Семантические особенности

1. Расхождение значений диалектного и литературного слов, напр.: *мост* – „*пол*”, *орать* – „*пахать*”, *угадать* – „*узнать*”, *больно* – „*очень*”, *веснушка* – „*лихорадка*”, *худой* – „*плохой*”, *страдать* – „*убирать урожай*”, *поманить* – „*подождать*”, *застать* – „*запереть*”, *парить* – „*высыживать цыплят*”, *погода* – „*дождь, снег*” (особенно это характерно для Унечского района Брянской области).
2. Многозначность, вызванная происхождением слов „от различных лексем литературного языка или местных говоров в силу стремления народа к об разному номинированию и реализации широко распространенного семантического способа словообразования” (Седойкина, 2010, с. 116–120), напр.: *желтяк* – 1. „человек с желтым цветом лица”; 2. „желтый огурец”; *гламазд* – 1. „человек, несоразмерный в частях, нестройный, неуклюжий”, 2. „человек, не соблюдающий порядка, неопрятный”, 3. „слишком большой, занимающий много места; громоздкий”; *тльпух* – 1. „толстое полено или бревно”, 2. „то же, что тарбуль (колода для рубки дров)”, 3. перен. „о неуклюжем, неповоротливом человеке”; *жгалка* – 1. „муха с колющими щетинками на хоботке, которая появляется осенью и больно кусается”, 2. перен. „противная, нерасторопная женщина”;

кверзень – 1. „вид обуви, сплетенной из лык, чаще липовых”. 2. „лапти, сделанные грубо, кое-как, наспех” (пренебр.); 3. перен. „о человеке недоброму, способном на каверзы” (Седойкина, 2010, с. 116–120).

3. Большое количество синонимических рядов, напр.:

родичи – сродичи – сродники – сородичи – сродня;
подшкобыши – подскрбок – подшкбрбок – последушек;
байструк – байстрюк – байстря;
дрюзда – брюза – гламазда – коковень;
худила – дрынка – хряпка;
здравяк – богатырка;
обдерыши – ободранец – оборванец;
балахна – вахлач – гарза – хазя – гарзуга;
задрипа – мазница – мараша;
хайдоба – халда – халыйда – хрида – холда – хлюпа;
лобзень – лежень – лобрем – локала – лында – лындарь – сгла – тянта;
балда – балбес – балбешка – долбешка – долбня – дупл – чурка;
безумник – безульник;
веселиночка – веселуха – балагур;
агал – лиходей;
живоглот – живодр;
болван – загавала и др. (Седойкина, 2010, с. 116–117)

4. Особенности номинации – метонимия.

При номинации, особенно человека, в брянских говорах зачастую используется метонимия – перенос наименования с одного денотата на другой благодаря сходству:

- с животным миром и миром птиц (*жигалка, жук, вужака, ведмедъ, вылупок, глухарь, казоря / казарка – шумный, криклий человек*);
- по цвету (*беляк, желтяк*);
- с бытовым предметом (*ветренка, кувалда*);
- с одеждой или обувью (*каверень*);
- с деревянным предметом (*дупл, тельпух*);
- с игрушкой (*дзыга, брязготка*);
- с музыкальным инструментом (*дуда, бубен*);
- с продуктами питания (*хряпка, репа*) и т.д. (Седойкина, 2010, с. 118).

5. Наличие устойчивых словосочетаний, в которых реализуются возможности разносторонней характеристики человека:

1) особенностей его характера, поведения:

- *докучливая басня* (о надоедливом, навязчивом человеке),
- *комара не зашибет* (о человеке, который никого не обидит),
- *кила наговорная* (болтливый человек).

2) внешних физических особенностей:

- *казиные тиски* (худой, малорослый человек любого возраста, но чаще всего ребенок),
- *старый гриб* (о человеке старом и слабом),

3) умственных способностей:

- *балда понеделишиная* (бестолковый человек),
 - *голова не стягает* (о человеке, который не может что-то придумать, сообразить),
 - *не хватает одной клепчины* (о глупом человеке),
 - *монуса кусок* (о глупом человеке),
- 4) трудовой деятельности:
- *от земли* (о человеке, который любит трудиться на земле),
 - *жирки точить* (о деятельном, энергичном человеке),
 - *бринды бить, байды бить*,
 - *лынды бить* (бездельничать, избегать работы),
 - *лодырь от комля* (ленивый от рождения человек),
- 5) благосостояния человека:
- *по нем беда не ходила* (о человеке, который не испытывал нужду, не бедствовал),
- 6) другие, напр. *на лыко ремня искать* – “искать выгоды”, *горькую редьку грызть* – “жить в тяжелых условиях”, *виски дыбором* – “очень испугаться” и т.д. (Седойкина, 2010, с. 116–120)

Седойкина считает, что в брянских говорах представлено немного слов и фразеологизмов, отражающих материальную сторону жизни брянцев в прошлом. О благоприятных условиях жизни свидетельствуют только два выражения: *божья благодать* „полный достаток“ и *по нем беда не ходила* „о человеке, который не испытывал нужду, не бедствовал“. Немногим больше выражений с отрицательной коннотацией: *выходить на ботвиню* (‘вступать в брак с неимущим’), *кишка кишке кукиши кажет* (‘голодать’), *грызть горькую редьку* (‘жить в тяжелых условиях’), *как у бога за дверями* (‘плохо жить’) (Седойкина, 2010, с. 116–120).

Далее хотелось бы остановиться на рассмотрении **лексического состава** брянских говоров. Описанию его особенностей посвящены статьи Абакумова (2014) и Пенюковой (2011), Батажок (1994) и др.

Анализируя лексику брянских говоров, остановимся, прежде всего, на проблеме заимствований. Н.И. Батажок (1994, с. 5) говорит, в частности, о многочисленных **заимствованиях из балтийских языков (в частности, литовского)**¹⁰. Для удобства представим примеры в табличной форме (см. табл. 1) (Кожинова, Щербач, 2005).

Что касается **заимствований из польского языка**, А.А. Кожинова и И.М. Щербач, ссылаясь на Виноградова отмечают, что с XV в. до 20 гг. XVII века именно польский язык выступает в качестве поставщика большого лексического пласта определенного рода слов и понятий, а именно: научных, юридических, административных, технических, светско-бытовых. Интересно в этой связи отметить, что они зачастую заимствуются польским из западно-европейских (см. Кожинова, Щербач, 2005).

¹⁰ Проблемой балто-славянского взаимодействия занимались также Ю.А. Лаучюте, М.И. Лекомцева, В. Откупщиков.

Таблица 1. Заемствования из балтийских языков в брянских говорах

в брянском говоре	в литовском языке	комментарий
ринджолы – вид саней	лит. <i>grizulas</i> – дышло, поворотный плуг	польск. диал. – низкие неокованые сани для соломы белорус. гринджолы – большие сани для перевозки больших бревен укр. кгринджолы – санки
лупатый – губастый	лит. <i>lupa</i> – губа лит. <i>lapo/as</i> – губастый	белорус. лупа – губа лупаты – губастый / с толстыми губами
гаплик – крючок для застегивания	лит. <i>kabliukas</i> – крюк, крючок для застегивания одежды	
глумость, глумкой – глуповатый, придурковатый	лит. <i>glutus</i> – дурак, глупость, лит. <i>glumiti</i> – дурачить, сбивать с толку	
глоботь – отнимать, присваивать чужое	лит. <i>globti</i> – отнимать	польск. <i>glabac</i> – хватать, забирать себе, отнимать
андараф – род крестьянской домотканой юбки	лит. <i>andarokas</i> – полосатая шерстяная юбка	ср. в смоленских говорах (из белорус. яз.) – сарафан → символ женской неволи и замужества

Источник: собственная разработка.

В говоры русского языка такие заемствования приходят, в частности, через старо-белорусский язык, как это произошло, например, с глаголом *дяковати* (от польск. *dziękować*,ср. нем. *danken*). В южных говорах западной группы есть существительное с этим корнем – *дяка* (благодарность) и глагол *дякатъ / дяковатъ* (проявлять благодарность).

В польском языке широко используется лексема *pan*, обозначавшая изначально статус вышестоящего лица по отношению к слугам, подчиненным, крестьянам. В русских говорах ее семантика развивается в нескольких направлениях. Производными лексемами описывались понятия, обозначающие зажиточность, богатство, счастливую, разгульную жизнь. В южных говорах богатого человека называли *панник*, *панниться* значило жить, ничего не делая. По народным представлениям, возникло и обозначение причины зажиточной счастливой жизни – самостоятельность, независимость, работа: *пановать* – вести хозяйство, распоряжаться чем-либо.

Из польского языка, точнее, из одного его диалекта, заемствуется лексема *śmulać* – тереть один предмет о другой (корень **śmul-* / **śmon-* / **śtip-* / **śman-* с общим значением движения, трения, приводящего к сглаживанию, исчезновению неровностей). Проникшая в брянские говоры в форме *общимуляться*, лексическая единица получает значение ‘перетереться’ (ср. укр. *мулити* – жать,

давить, не давать покоя), а в форме *обиумаргивать* лексема означает ‘обрывать листву’ (Кожинова, Щербач, 2005).

От польск. *łotr* ‘плут, злодей’ происходит брянское *лотра* ‘развратница’ и *лотрыга* ‘бездельник, плут; человек, который непрочь и взять что-н.’ (Седойкина, 2011, с. 116–120).

Как и в большинстве случаев лексема попала в язык брянцев не напрямую, а, скорее, посредством белорусского и украинского языков, ср. бел. *лотра* ‘лодырь, лентяй, бездельник’, укр. *лотр* ‘вор, разбойник, грабитель, бездельник, плут, негодяй’.

Относительно **заимствований из белорусского и украинского языков¹¹**, можно с уверенностью утверждать, что таковых в брянских говорах больше всех остальных, особенно в пограничных районах, которым является упомянутый ранее Стародубский район (Седойкина, 2011; Тарасова, 2012).

Таблица 2. Заимствования из белорусского и украинского языков в брянских говорах

литературное	брянское	украинское	белорусское	ближе к
скамейка	услон	ослон	заслон	укр.
бочонок	цеберь	цебер	бачонак, вядро	укр.
крючок	чепок	чилик,	кручок, ланцужок	укр.
качели	рели	орели	арэли	белорус.
шелуха от семечек	шелупашки	лушпайки	шалупайки	белорус.
ящик	скрынка		скрынька	белорус.
форточка	фортка	хвиртка	фортка	белорус.
картошка	бульба	картопля	бульба	белорус.
беготня	бяганица	биганица	летанина	укр.
клещки	галушки	галушки	клещки	укр.
льдина	крыга	крижина	крыга	белорус.
молодой парень, жених	молодиг'	молодик – юноша, холостой мужчина / молодой месяц	маладзік – молодой месяц	укр.
пустослов, хвастун	бугбен	-	бубен – ворчун и бормотун	белорус.

Источник: собственная разработка.

¹¹ Важно отметить, что определяя источник заимствований, следует исходить не из общности корня в соответствующих словах близкородственных языков, а из полного совпадения состава морфем и семантики сопоставляемых слов. Только такие образования могут быть надежным свидетельством действительного заимствования того или иного брянского слова из близкородственных языков. (Тарасова, online).

Е.С. Абакумова, исследуя заимствования из белорусского и украинского языков, полагает, что их большая часть является литературными в том и другом языке (Абакумова, 2014, с. 54–55).

К диалектным номинациям, являющимся **литературными в белорусском языке**, относятся, напр. *анучка, апцуги, вильчик, вышки, дежка, куфайка, ма-нарка, махотка, пеколок, саян, услон*.

Литературными в украинском языке являются такие лексемы брянских говоров, как *апценьки, бриль, дровник, дерюга, фатырка, чоботы, шибка*.

К литературным и в белорусском, и в украинском языке относят такие лексические единицы (ЛЕ), как, напр.: *бахилы, бидон, вышки, горище, глек, жниво, запина, запон, заслонка, камора, карец, клямка, комен, кузик, куток, кулеш, начевки, обутка, олей, печурка, пуня, склянка, сподница, тын, хата, хвортка, хустка, щеберь, чирики* (Абакумова, 2014, с. 54–55).

Кроме того, все ЛЕ можно распределить, по мнению Е.С. Абакумовой, еще на четыре группы (см. табл. 3).

Таблица 3. Группы белорусских и украинских заимствований в брянских говорах (фонетический и семантический аспект)

Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
украинские и белорусские ле с фонетической и лексической эквивалентностью	вариативное написание, но одинаковое лексическое значение	одинаковое произношение и написание, но разное лексическое значение	вариативное написание и разное лексическое значение
бидон, глек, жниво, махотка, клямка, ухват, хата, хустка.	анучка (белорус. <i>анучка</i>), апценьки (укр. <i>общеньки</i>), бахилы (укр. <i>бахили</i>), вильчик (белорус. <i>вільчак</i>), вышки (белорус. <i>вышикі</i>), горище (белорус. <i>горышча</i>), дежка (белорус. <i>дежа</i>), заслонка (укр. <i>заслон</i>), карец (белорус. <i>карэi</i>), укр. <i>корец</i>), комен (белорус. <i>комін</i> , укр. <i>комин</i>), кузик (белорус. <i>гузік</i> , укр. <i>гудзик</i>), кулеш (укр. <i>кулиш</i>), куток (укр. <i>кут</i>), обутка (белорус. <i>абутак</i> , укр. <i>обуття</i>), олей (белорус. <i>алей</i> , укр. <i>олія</i>), пеколок (белорус. <i>няколак</i>), сподница (белорус. <i>спадніца</i> , укр. <i>спідниця</i>), тын (укр. <i>тін</i>), фатырка (укр. <i>кватирка</i>),	склянка диал. и белорус. банка, сосуд с горлышком укр. – стакан; саян диал. и. сарафан белорус. – шерстяная домотканая юбка	диалектное запон – фартук, украинское запона – застежка на манжетах у рубашки; диалектное апцуги – плоскогубцы для вытирания гвоздей, белорусское апцугi – щипцы.

	<i>хвортка</i> (белорус. <i>фортка</i> , укр. <i>хвіртка</i>), <i>чебаты</i> (укр. чоботи), <i>чирики</i> (белорус. <i>чаравік</i> , укр. <i>чевевики</i>).		
фонетическая и лексическая эквивалентность диалектных и белорусских номинаций	фонетическая и лексическая эквивалентность диалектных и украинских номинаций		
<i>бахилы, заслонка, камы, куток, куфайка, сенцы</i>	<i>бриль, горище, шибка.</i>		

Источник: собственная разработка.

Абакумовой делается вывод о том, что большая часть диалектных слов брянских говоров является литературной нормой в белорусском и украинском языках. Но может встречаться вариативность в произношении, написании и лексическом значении (Абакумова, 2014, с. 58–59).

Интересные наблюдения над лексическими единицами брянских говоров проводит И.В. Пенюкова, выбрав в качестве материала исследования медицинскую лексику (Пенюкова, 2011). На примере этого лексического пласта в говорах Брянщины и украинском языке автор пытается выявить общность языковых корней и культуры близкородственных народов. В процессе анализа исследователь констатирует случаи расхождения в значении, например, брян. *вогник* ‘нарыв, болячка на лице, шее’. В украинском *огник* означает ‘огонек’. Однако в брянском говоре, богатом на заговоры, существует народное „заклинание“ от названного *недуга* ‘Огник, огник, забери (имя) вогник’¹².

Анализ медицинского пласта лексики в Брянских говорах и украинском языке еще раз подтверждает факт наличия многочисленных **омонимов** и „семантических разнотений“ (см. табл. 4).

¹² Выявляя мотивацию именования того или иного физического недуга, автор приходит к выводу, что большое значение имеют суеверие и языческие верования. Названия болезни табуировалось, люди старались избегать прямого наименования недуга. „В пользу древности данного процесса говорит наличие в обоих языках одинаковых словесных форм, сходных в своих значениях. В частности, для обозначения повышения температуры тела (лихорадки) в украинском языке употребляется слово *лихоманка* ‘лихорадка’, имеющее сходное звучание и значение в брянских говорах“ (Пенюкова, 2011).

Вера в то, что любой физический недуг – это наказание за грехи, также нашло отражение в обозначениях болезней. Ср. рус. *прострел* (‘острая боль в пояснице’), укр. *пристріт* (‘болезнь от дурной встречи, слаз’), а также существующее в Брянских говорах *проклятье „Шоб тябя ударив“* (Пенюкова, 2011).

Таблица 4. Омонимы и „семантические разнотечения” в брянских говорах и украинском языке

брянское		украинское		комментарий
ЛЕ	значение	ЛЕ	значение	
говоруха	лекарша	говоруха	многоречивая женщина	факт полисемии
гуля (ср. польск. gula - шишка)	отек, грыжа	Гуля (звукоподр.)	голубь	
рожа	кожное заболевание (ярко-розовые очаги воспаления)	ср. рожевий	розовый	
проруха	ошибка, оплошность	поруха порух	смещение органа движение	
пранцы	неприятная болезнь, в переносном значении „кукиш”		венерическое заболевание	в качестве наговора в брянском говоре „что б тоби пранцы сели”; в переносном значении „пранцау табе, а не меду”

Источник: собственная разработка.

Сопоставительное исследование лексики позволяет говорить о постоянных и длительных контактах между славянскими языками, их диалектной и литературной формой. Из анализа значения лексических единиц можно сделать вывод о воздействии на язык различных экстралингвистических факторов (суеверие, религия и т.д.), так и о ряде интралингвистических процессов: заимствования, утрата языковой системой лексической единицы, развитие полисемии, изменение семантической структуры (расширение, сужение, ухудшение значения), изменение сферы употребления и т.д (Пенюкова, 2011).

Тенденции развития диалектов и говоров зависит от ряда экстра- и интралингвистических факторов. В качестве важного неязыкового фактора, определяющего развитие современных говоров, можно назвать отношение к ним как со стороны носителей литературного языка, так и со стороны самих носителей говоров. Сравнивая свой „родной язык” с литературным, жители определенной местности оценивают свой говор как нечто „темное, старое, некрасивое”. Молодое поколение либо уже не владеет диалектной „нормой”, либо сознательно от нее отказывается. В результате многие слова переходят в пассивный слой лексики, вытесняются из памяти и, соответственно, постепенно выходят из употребления.

В первую очередь **утрачивается** предметная лексика, описывающая реалии, которые уходят в прошлое, например посуда для приготовления в русской печи – *махотка, чапяла*; виды одежды – *аппинка, поставка, саян*.

Дальше **сохраняется** лексика, связанная с тематикой погоды, домашнего хозяйства: *обрат* (пропущенное через сепаратор, обезжиренное молоко), *морянка* (ветер с моря), *сенохной* (дождливая погода в конце лета), *растворить тесто* (поставить, замесить), *лентяйка* (швабра).

Самой „живучей“ является экспрессивная лексика. Эмоциональная оценка остается всегда, независимо от процессов, происходящих в языке, а выразительные средства диалекта в этом отношении необычайно разнообразны (Антипова, 2016).

Подводя итог проделанной работы, обозначим полученные результаты. В первой части исследования была описана история Брянского края как одного из пограничных регионов России в контексте противоречивых взаимоотношений Российского и Польско-Литовского государств, был рассмотрен многовековой конфликт религиозных и социальных систем. Такая уникальная историческая, социальная и политическая ситуация нашла отражение в особенном языковом развитии Брянской области.

Вторая часть исследования была посвящена проблеме языковой гетерогенности, в частности брянскому говору, который, вобрав в себя характерные черты языка соседей, получил целый ряд особенностей на разных уровнях языка. Особое внимание было уделено лексическому уровню, а именно, многочисленным заимствованиям.

Библиография

- Абакумова, Е. С. (2014). Тематическая группа „предметы быта“ в брянских говорах: русско-белорусско-украинская общность. *Вестник МГОУ. Серия Русская филология*, № 4, с. 53–59.
- Антипова, О. А. (2016). *Говоры Унечского района Брянской области*. Online: https://museum-unecha.ucoz.net/publ/issledovanija/issledovanija/govory_unechskogo_rajona_brjanskoy Oblasti/2-1-0-7 (15.07.2018).
- Бабушкин, А. Н. (1958). *Брянская область: Географический и историко-экономический очерк*. Брянск: Брянский рабочий.
- Батожок, Н. И. (1994). *Брянские говоры в восточнославянском диалектном ландшафте: Пространственные и временные параметры*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук. Санкт-Петербург.
- Брежнев, Э. Д. (ред.). (1986). *Брянску – 1000 лет: Сборник документов и материалов*. Тула: Приокское Книжное Издательство.
- Брянску – 1000 лет: сборник документов и материалов (1986). Брянск: Приокское Книжное Издательство.
- Ведомости Верховного Совета СССР* (1944), № 36. Президиум Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.
- Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т.* (1953). Т. 1: 1620–1647 годы. Москва: Издательство Академии Наук СССР.
- Говоров, М. М., Соколов, В. К. (1955). *Исторические места Брянской области*. Брянск.

- Деханов, В. Г. (2013). *Страницы из жизни старого Брянска*. Брянск: [б. и.].
- Диалектные слова и выражения села Овстуг*. Online: <http://libryansk.ru/zhukovskij-rajon-s-ovstug-dialekty.23008/> (12.07.2018).
- Карта Брянской области*. Online: [http://ruhov-school.ucoz.ru/Futag/karta_brjanskoy_Oblasti_1.jpg](http://ruhov-school.ucoz.ru/Futag/karta_brjanskoy Oblasti_1.jpg) (18.07.2018).
- Кожинова, А. А., Щербач И. М. (2005). Некоторые проблемы изучения заимствований из западноевропейских языков в русских диалектах (Some Problems in Study of Loan Words from Western European Languages in Russian Dialects). *Russian Linguistics*, vol. 29, № 3, с. 347–364. Online: https://www.jstor.org/stable/40160796?seq=5#page_scan_tab_contents (15.07.2018).
- Костомаров, Н. И. (1993). *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. Москва: Мысль.
- Крашенинников, В. В. (2001). *История Брянского края, с древнейших времен до конца XIX в.* Ч. 1. Брянск: Издательство БГПУ.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. (1990). Москва: Советская энциклопедия.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азъ.
- Пенюкова, И. В. (2011). Взаимосвязь языков и культур русского и украинского народов (на материале медицинской лексики говоров Западной Брянщины). *Русский и иностранные языки и методика их преподавания: Вестник Российской университета дружбы народов*, № 1, с. 108–113. Online: <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies/article/view/10342> (14.07.2018).
- Поклонский, Д. Р. (1998). *Стародубская старина. XI–XIX вв. Исторические очерки*. Кн. 1, Клинцы: Издательство Клинцовской городской типографии.
- Расторгуев, П. А. (1973). *Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров)*. Ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника.
- Речь Посполитая*. Online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Речь_Посполитая (14.07.2018).
- Кузнецов, П. С. (ред.). (1973). *Русская диалектология: учебное пособие для педагогических институтов под ред. П. С. Кузнецова*. Москва: МГУ.
- Нефедовая, Е. А. (1999). *Русская диалектология: учебное пособие под редакцией Е. А. Нефедовой*. Москва: МГУ.
- Касаткин, Л. Л. (1989). *Русская диалектология: учебник для педагогических институтов под редакцией Л. Л. Касаткина*. Москва: Просвещение.
- Седойкина, Ю. В. (2011). *Наименования лиц в брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. Курск.
- Седойкина, Ю. В. (2010). Заимствования из близкородственных языков в брянских говорах (на материале наименований лиц). *Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, № 3, с. 116–120.
- Жуков, Е. М. (1973–1982). *Советская историческая энциклопедия*. Москва: Советская энциклопедия.
- Соколов, Я. Д. (2001). *Седая Брянская старина*. Брянск: Читаи-город.
- Структура войск ВКЛ в середине XVII века*. Online: <http://zbroevy-falvarak.by/struktura-vojsk-vkl-v-seredine-xvii-veka/> (18.07.2018).
- Чагиева, В. И. (1953). О брянских говорах. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, с. 175–212.
- Тарасова, Н. Исследовательская работа на тему: „Стародубский говор”. Online: <https://sibac.info/shcoolconf/hum/i/29415> (21.07.2018).

- Чагищева, В. И. (1968). Брянская область в истории и лингвистике. В: *Брянские говоры. Материалы и исследования по диалектологии (к изучению брянских говоров)*. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 325, Ленинград, с. 3–9.
- Чагищева, В. И. (1978). Изучение брянских говоров за 60 лет. В: *Брянские говоры*, Ленинград, с. 3–7.
- Язык русской деревни: школьный общеобразовательный атлас: пособие для общеобразовательных учреждений. (1994). Москва.

Словари брянских говоров

Курганская, Н. И. (2007). *Брянский областной словарь*. Брянск: БГУ.

Расторгуев, П. А. (1973). *Словарь народных говоров Западной Брянщины*. Минск: Наука и техника.

Словарь брянских говоров (1976–1988). Вып. 1–5. Ленинград: ЛГПИ им. А. И. Герцена.

BIBLIOGRAFISTYKA
БИБЛИОГРАФИСТИКА
BIBLIOGRAPHIES

PRZEKŁADOZNAWSTWO
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
TRANSLATION STUDIES

OBECNOŚĆ ŻAKIEWICZA W LITERATUROZNAWSTWIE I PUBLICYSTYCE LITERACKIEJ (WYBÓR BIBLIOGRAFICZNY)

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdańskim
Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0368-727X>
(nadesłano 11.07.2018; zaakceptowano 12.09.2018)

Abstract

Żakiewicz's presence in literature and literary journalism (bibliographic selection)

The study contains a list of 302 bibliographic items regarding the literary and scientific work of Zbigniew Żakiewicz, arranged according to genre and chronology.

Key words

Zbigniew Żakiewicz, Russian philologists, literary studies, literary journalism, bibliographies.

Streszczenie

Opracowanie zawiera wykaz 302 pozycji bibliograficznych dotyczących twórczości literackiej i naukowej Zbigniewa Żakiewicza, ułożonych w porządku genologicznym oraz chronologicznym.

Słowa kluczowe

Zbigniew Żakiewicz, rusycyści, literaturoznawstwo, publicystyka literacka, bibliografie.

Niniejsze opracowanie zawiera 302 pozycje bibliograficzne dotyczące twórczości literackiej i naukowej Zbigniewa Żakiewicza. Wykaz został ułożony w porządku genologii publikacji z zachowaniem chronologii wydań. Na wybór składają się monografie książkowe, w tym kilka wieloautorskich (7 pozycji), publikacje w wydawnictwach zwartych oraz ciągłych, takie jak artykuły, rozdziały książek, recenzje i omówienia, szkice literackie i publicystyczne, wywiady literackie (obejmujące 285 pozycji), artykuły naukowe niepolskich autorów opublikowane za granicą (7 pozycji), numer specjalny periodyku akademickiego (1), polskie prace naukowe i dyplomowe, takie jak rozprawa doktorska (1 pozycja) oraz praca licencjacka (1 pozycja). Spośród monografii autorских wyszczególnić należy trzy książki poświęcone dziełom pisarskim Żakiewicza, a mianowicie publikacje *Od małej ojczyzny do Uniwersum: sacrum w twórczości Zbigniewa Żakiewicza* Tatiany Czerskiej (2006), *Pamięć, nostalgia, tożsamość. Kulturowe aspekty estetyki pogranicza w twórczości Zbigniewa Żakiewicza* Macieja Dęboroga-Bylczyńskiego (2011) oraz *Autobiograficzne świadectwa lektury: Żakiewicz, Jankowski, Kamieńska* Anny Stempki (2012). Warto też dodać, iż ósma rocznica śmierci Pisarza została upamiętniona tegorocznym wydaniem specjalnym „Gazety Uniwersyteckiej: Pisma Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego” opatrzonym tytułem: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam* i przygotowanym przez Katarzynę Wojan i Zbigniewa Kaźmierczyka.

Prezentowany wykaz stanowi istotne dopełnienie *Bibliografii dorobku literackiego i naukowego Zbigniewa Żakiewicza* przygotowanej przez Katarzynę Wojan i zamieszczonej w tomie drugim rocznika *Studio Rossica Gedanensis* (2015, s. 553–594).

Wykaz bibliograficzny (wybór)¹

Monografie – pozycje książkowe

- Wierciński, Adam (199). *Główne opolskie*. Opole: Miejska Oficyna Wydawnicza.
- Czerska, Tatiana (2006). *Od małej ojczyzny do Uniwersum: sacrum w twórczości Zbigniewa Żakiewicza*. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński.
- Dęboróg-Bylczyński, Maciej (2011). *Pamięć, nostalgia, tożsamość: kulturowe aspekty estetyki pogranicza w twórczości Zbigniewa Żakiewicza*. Bydgoszcz: Teatr Mały.
- Czerska, Tatiana i Łozowska, Renata Katarzyna (red.) (2012). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol.
- Stempka, Anna (2012). *Autobiograficzne świadectwa lektury: Żakiewicz, Jankowski, Kamieńska*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.

¹ W zapisach bibliograficznych zastosowano pewne odstępstwa od stylu APA.

Wojan, Katarzyna (red.) (2017). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Wydania specjalne periodyków

Wojan, Katarzyna i Kaźmierczyk, Zbigniew (red.) (2018). „*Gazeta Uniwersytecka. Piśmo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego*”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam* (Gdańsk).

Artykuły i rozdziały książek, recenzje i omówienia, szkice, wywiady

Kolbuszewski, Jacek (1962). *Zbigniew Żakiewicz: Chłopiec o lisiej twarzy*. „*Kwartalnik Opolski*”, nr 3–4, s. 157–158 [recenzja].

Łukasiewicz, Jacek (1962). *Chłopiec o lisiej twarzy*. „*Odra*”, nr 10, s. 108–109 [recenzja].

Mencwel, Andrzej (1962). *W cieniu patronatu*. „*Współczesność*”, nr 17, s. 9 [recenzja].

Pochroń, Edward (1962). *Chłopiec o lisiej twarzy*. „*Trybuna Opolska*”, nr 118, s. 4 [recenzja].

Starowieyska-Morstinowa, Zofia (1962). *Z notatnika recenzenta*. „*Tygodnik Powszechny*”, nr 28, s. 4 [recenzja].

Żabicki, Zbigniew (1962). „*Na wpół smutnie, na wpół ironicznie...*”. (Cykl *Rozmowy o debiutach*). „*Nowe Książki*”, nr 17, s. 1058–1060 [recenzja].

Herbst, Lothar (1967). *Świat dzieckiem podszyty*. „*Kultura*”, nr 35, s. 5 [recenzja].

Kostaszuk, Krystyna (1967). *Z kraju lat dziecięcych*. „*Nowe Książki*”, nr 22, s. 1371–1372 [recenzja].

Misiorny, Michał (1967). *Podróże w dzieciństwo*. (Rubryka *Pisarze i książki*). „*Głos Wybrzeża*”, nr 221, s. 4 [recenzja].

Netz, Feliks (1967). „*Liście*”. „*Poglądy*”, nr 18, s. 15.

Nowicki, Krzysztof (1967). *Szkice i zarysy: oś świata*. Rubryka *Nowości prozy*. „*Życie Literackie*”, nr 51, s. 10 [recenzja].

Skwarnicki, Marek (1967). *Zbigniew Żakiewicz: „Liście”*. „*Tygodnik Powszechny*”, nr 41, s. 6 [recenzja].

Żurakowski, Bogusław (1967). *Wyobraźnia autentyczna*. „*Trybuna Opolska*”, nr 119, s. 4 [recenzja].

Burek, Tomasz (1968). *Kto będzie szalony?* „*Twórczość*”, nr 7, s. 118–119 [recenzja].

Drawicz, Andrzej (1968). *Niebo i ziemia*. „*Sztandar Młodych*”, nr 103, s. 3 [recenzja].

Fornalczyk, Feliks (1968). *Marzenia o sobie*. „*Fakty i Myśli*”, nr 8, dod. literacki „*Wiatraki*”, nr 8, s. 2 [recenzja].

Jarosiński, Zbigniew (1968). *Udręka pytań odwiecznych*. „*Kultura*”, nr 18, s. 11 [recenzja].

Kazimierczyk, Barbara (1968). *Żelazne ptaki nad zaściankiem*. „*Kierunki*”, nr 25, s. 8 [recenzja].

Maciąg, Włodzimierz (1968). *Konkretnie i wzniósłe*. (Rubryka *Nowości prozy*). „*Życie Literackie*”, nr 29, s. 11 [recenzja].

Mańkowski, Jerzy (1968). *Saga rodu Abaczów*. „*Nurt*”, nr 9, s. 48 [recenzja].

Moskalówna, Ewa (1968). *Tajemnica Abaczów*. (Rubryka *Książka miesiąca*). „*Litera*”, nr 12, s. 35 [recenzja].

- Porębski, Edward (1968). *Z notatnika bibliofila: dzieje i mitologia*. „Express Wieczorny”, nr 123, s. 6 [recenzja].
- Skwarnicki, Marek (1968). *Zbigniew Żakiewicz: „Ród Abaczów”*. „Tygodnik Powszechny”, nr 19, s. 6 [recenzja].
- Termer, Janusz (1968). *Proza niedookreślenia. „Twórczość”*, nr 3, s. 128–129 [recenzja].
- Termer, Janusz (1968). „Szczęściarz”, „Jeszcze miłość...”, „Ród Abaczów”. (Rubryka Współczesna proza polska). „Polonistyka”, nr 4–5, s. 106–109 [recenzja].
- Ziątek, Zygmunt (1968). *Ostatni z rodu*. „Miesięcznik Literacki”, nr 9, s. 139–140 [recenzja].
- Żurakowski, Bogusław (1968). *Liście*. „Fama: Miesięcznik Studentów Opola”, nr 20–21, s. 15 [recenzja].
- Chylicka, Wanda (1969). *Abacze i Żubrowicze*. „Więź”, nr 2–3, s. 187–193.
- Kubicki, Bohdan (1969). *Kłopoty i uroki wyobraźni: o prozie Zbigniewa Żakiewicza, „Literę”*, nr 10, s. 5–7.
- Burek, Tomasz (1971). *Kto będzie szalony?*. W: tegoż: *Zamiast powieści*. Warszawa: Czytelnik, s. 287–290.
- Drawicz, Andrzej (1971). *Rozszczepienie jaźni Zbigniewa Żakiewicza*. „Sztandar Młodych”, nr 22, s. 3.
- Furnal, Irena (1971). *Wycieczka przeciw Główniowskim*. „Miesięcznik Literacki”, nr 5, s. 125–126 [recenzja].
- Huzik, Władysław (1971). *Biały karzeł*. „Kierunki”, nr 7, s. 9 [recenzja].
- Jodłowski, Marek (1971). *Biała plama czyli powtórka z niesamowitości*. „Opole”, nr 1, s. 25 [recenzja].
- Kotlica, Jacek (1971). *Nasz człowiek w rosyjskim pejzażu*. „Fakty i Myśli”, nr 17, s. 7 [recenzja].
- Kotlica, Jacek (1971). *O karłach i olbrzymach*. „Głos Wybrzeża”, nr 156, s. 6 [recenzja].
Ludzie i krajobrazy: rosyjskie pamiątki. Rubryka *Książki – Nowości*. „Kultura” 1971, nr 3, s. 9 [recenzja].
- Łubieński, Tomasz (1971). *Ciało i dusza*. „Kultura” nr 14, s. 9 [recenzja].
- Łukasiewicz, Jacek (1971). *Zbigniew Żakiewicz: „Biały karzeł”*. „Tygodnik Powszechny”, nr 28, s. 6 [recenzja].
- Maciąg, Włodzimierz (1971). *Wspomnienia, sny i coś z życia*. (Rubryka *Nowości prozy*). „Życie Literackie”, nr 11, s. 10 [recenzja].
- Mazurczyk, Jerzy (1971). *Kłopoty z tożsamością: książki Wybrzeża*. „7 [Siódmy] Głos Tygodnia”, nr 17, s. 8 [recenzja].
- Moskalówna, Ewa (1971). *Człowiek w lustrze*. „Literę”, nr s. 33 [recenzja].
- Moskalówna, Ewa (1971). *Pisarz i podróże*. „Literę”, nr 4, s. 32–33 [recenzja].
- Nowicki, Krzysztof (1971). *Literatura bez grzechu*. „Fakty i Myśli”, nr 2, s. 6 [recenzja].
- Termer, Janusz (1971). *Udręki świadomości*. „Nowe Książki”, nr 9, s. 595–596 [recenzja].
- Żurowski, Andrzej (1971). *Fakty i mity*. „Głos Wybrzeża”, nr 61, s. 6 [recenzja].
- Bieńkowski, Zbigniew (1972). *Rozkosze neurastenii*. „Twórczość”, nr 7, s. 104–106 [recenzja].
- Duda, Harry (1972). *Ostatni najazd na Niżany*. „Opole”, nr 6, s. 28 [recenzja].

- Kiszkis, Andrzej (1972). *Skąd te ptaki?* Cykl: *Poddasza, pracownie.* „Dziennik Bałtycki”, nr 55, s. 6 [recenzja].
- Kobylińska-Masiejewska, Eugenia (1972). *O pewnej dziwnej powieści.* „Dziennik Bałtycki”, nr 240, s. 6 [recenzja].
- Pochwała wyobraźni (1972). Rubryka *Lektury na lato.* „Literatura”, nr 25, s. 7 [recenzja].
- Stiller, Robert (1972). *Niezła potworkologia (z metodologią).* „Nowe Książki”, nr 18, s. 53–56 [recenzja].
- Śliwiński, Marian (1972). *Kraina Sto Piątej Tajemnicy.* „Litery”, nr 12, s. 34–35 [recenzja].
- Termer, Janusz (1972). „*Prozę Zbigniewa Żakiewicza...*” (Rubryka *Współczesna proza polska*). „Polonista”, nr 1, s. 54–58 [recenzja].
- Żyłko, Bogusław (1972). „*Ród Abaczów*”: poetycki zapis świadomości. „Dziennik Bałtycki”, nr 13, s. 6 [recenzja].
- Drwęcki, Andrzej (1973). *Powieści Maciąga i Żakiewicza oraz inne książki.* (Rubryka *Księgi, książki, książeczki*). „Nowa Szkoła”, nr 10, s. 65 [recenzja].
- Duda, Harry (1973). *Grawitacja wewnętrzna.* „Opole”, nr 12, s. 28–29 [recenzja].
- Niżyński, Wojciech (1973). *Śnić siebie sobie.* „Nowe Książki”, nr 23, s. 28–29 [recenzja].
- Nowicki, Krzysztof (1973). *Kto kogo śni.* „Fakty”, nr 39, s. 6 [recenzja].
- Paukszta, Eugeniusz (1973). *To sen tylko, Danielu.* „Głos Wielkopolski”, nr 208, s. 5 [nota].
- Pysiak, Krzysztof K. (1973). *Daniel w krainie czarów.* [Brak danych] nr 40, s. 8 [recenzja].
- Termer, Janusz (1973). *Życie snem.* „Trybuna Ludu”, nr 223, s. 6 [recenzja].
- Wegner, Jacek (1973). *Zabawa w sen.* „Kultura”, nr 34, s. 9 [recenzja].
- Woźniak, Marzena (1973). *Skąd przychodzisz Danielu...* „Litery”, nr 12, s. 36–37 [recenzja].
- Żukowski, Wojciech (1973). *Kraina Sto Piątej Tajemnicy.* „Trybuna Ludu”, nr 103, s. 7 [recenzja].
- Brudnicki, Jan Z. (1974). *Pod i ponad świadomością.* „Tygodnik Kulturalny”, nr 12, s. 4 [recenzja].
- Gostkowski, Stanisław (1974). *Parabola ludzkiego losu.* „Nowy Wyraz”, nr 6–7, s. 230–233 [recenzja].
- Kuźma, Erazm (1974). *Życie – snem.* „Spojrzenia”, nr 8, s. 27 [recenzja].
- Poradecki, Jerzy (1974). *Zbigniewa Żakiewicza księga snów.* „Odgłosy”, nr 37, s. 15 [recenzja].
- Puzdrowski, Edmund (1974). *Wieczne dziecko.* „Twórczość”, nr 9, s. 118–120 [recenzja].
- Termer, Janusz (1974). „*Jestem autentystą...*” (Rubryka *Współczesna proza polska*). „Polonista”, nr 2, s. 44–46 [recenzja].
- Bukowska, Anna (1975). *Zejście w Dolinę.* „Miesięcznik Literacki”, nr 12, s. 121–122 [recenzja].
- Duda, Harry (1975). *Dolina pamięci.* „Opole”, nr 9, s. 28–29 [recenzja].
- Hamerliński, Andrzej (1975). *Poemat o miłości.* „Tygodnik Kulturalny”, nr 24, s. 4 [recenzja].

- Kazimierczyk, Barbara (1975). *Dolina Hortensi*. „Kierunki”, nr 20, s. 10 [recenzja].
- Legut, Lucyna (1975). *Przeczytałam książkę...* (Cykl *Różowe i czarne*). „Dziennik Bałtycki”, nr 179, s. 1 [recenzja].
- Nowicki, Krzysztof (1975). *Poemat prozq. „Fakty”*, nr 27, s. 6 [recenzja].
- Orski, Mieczysław (1975). *Ballada. „Twórczość”*, nr 11, s. 107–108 [recenzja].
- Pieszczachowicz, Jan (1975). *Mit doliny miłości i śmierci. „Nowe Książki”*, nr 15, s. 14–16 [recenzja].
- Termer, Janusz (1975). „Ukazały się ostatnio...”. (Rubryka *Współczesna proza polska*). „Polonistyka”, nr 5, s. 40–43 [recenzja].
- Borkowska, Ewa (1976). *Niedojrzałość. „Czas”*, nr 12, s. 23 [recenzja].
- Hartwig-Sosnowska, Jolanta (1976). *Dla maluchów. „Nowe Książki”*, nr 24, s. 63–64 [recenzja].
- Puzdrowski, Edmund (1976). *Poznać siebie. „Nadodrze”*, nr 4, s. 9 [recenzja].
- Tarczalowicz, Jacek (1976). *Przykuci do zmienności. „Życie Literackie”*, nr 16, s. 15 [recenzja].
- Duda, Harry (1977). *W mądrym lesie. „Opole”*, nr 3, s. 26–27 [recenzja].
- Papuzińska, Joanna, *Mała Guliweriada. „Nowe Książki”* 1977, nr 1, s. 21–22 [recenzja].
- Skutnik, Tadeusz (1977). *Żakiewiczowe dzieciom pisanie. „Głos Wybrzeża”*, nr 73, s. 5 [recenzja].
- Żurakowski, Bogusław (1977). *Baśń dla dorosłych i dzieci. „Tygodnik Kulturalny”*, nr 6, s. 11 [recenzja].
- Borkowska, Ewa (1978). *Spóźniony debiut. „Czas”*, nr 24, s. 26 [recenzja].
- Czermińska, Małgorzata (1978). *Dom w autobiografii i powieści o dzieciństwie*. W: Michał Głowiński i Aleksandra Okopień-Sławińska (red.). *Przestrzeń i literatura*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, s. 229–252.
- Czyż, Jolanta (1978). *Książka tygodnia. „Dziennik Bałtycki”*, nr 108, s. 5 [recenzja].
- Dybciał, Krzysztof (1978). *Świadomość bycia i to, co je wypełnia. „Twórczość”*, nr 5, s. 144–147 [recenzja].
- Gostkowski, Stanisław (1978). *Powieść niesamowita. „Nowy Wyraz”*, nr 5, s. 117–120 [recenzja].
- Kolbuszewski, Jacek (1978). *Zbigniew Żakiewicz. Czteropalcy. Opowieść niesamowita. „Wierchy”*, s. 301–302 [recenzja].
- Krzysztośzek, Wiesław (1978). *Warkocz z pięciu palców. „Miesięcznik Literacki”*, nr 4, s. 126–127 [recenzja].
- Łukasiewicz, Jacek (1978). *Jego NN. „Więź”*, nr 1, s. 51–57 [recenzja].
- Mędrzycka, Krystyna (1978). „*Miastowego ćmoka*” wypracowanie z literatury. „Literatura”, nr, 4, s. 14 [recenzja].
- Mrozowska, Aldona (1978). *Gdańska Książka Roku. „Bibliotekarz Gdańsk i Elbląski”*, nr 3, s. 19–20 [recenzja].
- Orski, Mieczysław (1978). *Ballada*. W: tegoż: *Etos lumpa: szkice literackie*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, s. 91–92 [recenzja].
- Orski, Mieczysław (1978). *Mały paluch genetyczny. „Twórczość”*, nr 8, s. 126–127 [recenzja].
- Pieczara, Marek (1978). *Dziennik pisarza. „Nowe Książki”*, nr 12, s. 46–47 [recenzja].
- Skutnik, Tadeusz (1978). *Żakiewicz potrójnie. „Fakty”*, nr 31, s. 7 [recenzja].

- Sznajder, Mirosław (1978). *Złota rączka*. „Nowe Książki”, nr 6, s. 15–16 [recenzja].
- Termer, Janusz (1978). „Miron Białoszewski debiutował...” (Rubryka *Współczesna pro-polska*). „Polonistyka”, nr 4, s. 273–274 [recenzja].
- Woźniak, Marzena (1978). *Wnętrze człowieka myślącego*. „Punkt”, nr 4, s. 166–168 [recenzja].
- Zawistowski, Władysław (1978). *Niesamowitość i lęk*. „Nadodrze”, nr 14, s. 8 [recenzja].
- Lechnowicz, Józef (1979). *Dziennik intymny mojego N.N.* „W drodze”, nr 1, s. 96–101 [recenzja].
- Wiśniewska, Ewa T. (1979). „Uczulcie swe zmysły na dziwności natury”. „Nowe Książki”, nr 24, s. 35 [recenzja].
- Brzoza, Elżbieta (1981). *Bukiet czasu kryzysu*. „Nowe Książki”, nr 20, s. 68–70 [recenzja].
- Nowicki, Krzysztof (1981). *Poemat prozą*. W: tegoż: *Dziennik krytyczny*. Gdańsk: Krajowa Agencja Wydawnicza, s. 217–219 [recenzja].
- Nowicki, Krzysztof (1981). *Rodzaj intymności*. W: Nowicki, Krzysztof. *Dziennik krytyczny*. Gdańsk: Krajowa Agencja Wydawnicza, s. 220–222 [recenzja].
- Axentowicz, Medard (1983). *Atak z marszu*. „Rzeczywistość”, nr 44, s. 4.
- Bugajski, Leszek (1983). „*Zbigniew Żakiewicz jest..* ”. (Rubryka *Miedzy książkami*). „Życie Literackie”, nr 28, s. 15 [recenzja].
- Małdzis, Adam (1983). *Wilcze łąki*. „Literatura i Mastactwa”, nr 44 (Mińsk) [recenzja].
- Nowicki, Krzysztof (1983). *Odzyskane źródła*. „Fakty”, nr 39, s. 9 [recenzja].
- Rogatko, Bogdan (1983). *Ocalenie*. „Twórczość”, nr 12, s. 133–135 [recenzja].
- Suchanek, Lucjan (1983). *Wilcze łąki, których nie ma*. „Tygodnik Powszechny”, nr 40, s. 5 [recenzja].
- Termer, Janusz (1983). „*Powoli, ze wzgledu...*” (Rubryka *Współczesna proza polska*). „Polonistyka”, nr 9, s. 815–818 [recenzja].
- Wach, Tomasz (1983). *Czas utracony*. „Nowe Książki”, nr 7, s. 81–82 [recenzja].
- Woroszyłski, Wiktor (1983). *Zakosami, zakolami... zapiski z kwartalnym opóźnieniem. „Wież”*, nr 7, s. 177–180.
- Czermińska, Małgorzata (1984). *Autobiografizm w twórczości Zbigniewa Żakiewicza. „W kręgu książki”*, nr 1, s. 56–63.
- Daniłczyk, Halina (1984). *Dziwotwory*. „Tygodnik Kulturalny”, nr 5, s. 12 [recenzja].
- Ojcewicz, Grzegorz (1984). *I ta dusza po polsku płacze*. „Pomerania”, nr 2, s. 24–25 [recenzja].
- Wierciński, Adam (1984). *Wtajemniczenia*. „Opole”, nr 2, s. 20–23 [recenzja].
- Łukasiewicz, Jacek (1984). *Łąki dzieciństwa*. „Odra”, nr 1, s. 99–100 [recenzja].
- Antoniewicz, Grażyna (1985). *Bajki cudowne, bajki czarowne opowiadała mi niania siwa... „Głos Wybrzeża”*, nr 126, s. 4 [recenzja].
- Czermińska, Małgorzata (1986). *Autobiografizm w twórczości Róży Ostrowskiej i Zbigniewa Żakiewicza*. W: Andrzej Bukowski (red.). *Literatura gdańska i ziemi gdańskiej po roku 1945*. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, s. 143–157.
- Szewc, Piotr (1986). *Ognisko mitu*. „Znak”, nr 2–3, s. 253–255.
- Ejdziukiewicz, Anna (1987). *Antynomiczna wizja świata w prozie Zbigniewa Żakiewicza: (cykl powieści poetyckich)*. „Gdański Rocznik Kulturalny”, t. 10, s. 16–28.

- Skotnicka, Gertruda (1987). *Zbigniewa Żakiewicza utwory dla dzieci*. „Gdański Rocznik Kulturalny”, t. 10, s. 29–39 [recenzja].
- Żyłko, Bogusław (1987). *Żakiewicz – rusycysta*. „Gdański Rocznik Kulturalny”, t. 10, s. 40–46.
- Adamiec, Marek (1988). *U nas na Kaszubach ludzie bywają różni*. „Res Publica”, nr 8, s. 115–116 [recenzja].
- Bąk, Zbigniew (1988). „*Gorzkiej wody życia zakosztować...*”. „Kwartalnik Nauczyciela Opolskiego”, nr 4, s. 185–187 [recenzja].
- Bieńkowski, Zbigniew (1988). *Dziennik pisarza. Cykl Poezja i niepoezja*. „Tygodnik Kulturalny”, nr 44, s. 12 [recenzja].
- Bugajski, Leszek (1988). „*Opowieść o wiernym pajęku*”. „Życie Literackie”, nr 35, s. 15 [recenzja].
- Bugajski, Leszek (1988). *Świat i sen o świecie*. W: tegoż. *W gąszczu znaczeń*, Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, s. 129–135.
- Fac, Bolesław (1988). *Oswajanie z pięknem Kaszub*. „Gwiazda Morza”, nr 8, s. 6 [recenzja].
- Gostkowski, Stanisław (1988). *Wilno i Kaszuby w „Ciotuleńce” Żakiewicza. „Autograf”*, nr 4, s. 62–64 [recenzja].
- Isakiewicz, Lech (1988). *Ach, te podróże. „Nowe Książki”*, nr 4, s. 42–44 [recenzja].
- Isakiewicz, Lech (1988). *Od magii do miłości. „Nowe Książki”*, nr 10, s. 32–34 [recenzja].
- Kietrys, Alina (1988). *Ciotuleńka*. „*Głos Wybrzeża*”, nr 86, dod. „*Delta*”, nr 58, s. 2 [recenzja].
- Ojcewicz, Grzegorz (1988). *Żyj teraz! „Pomerania”*, nr 11, s. 39–40 [recenzja].
- Orski, Mieczysław (1988). *Kaszuby podszyte Wilnem. „Opole”*, nr 12, s. 20 [recenzja].
- Czapczyk, Jolanta (1989). *Zawód – myślenie*. „*Przewodnik Katolicki*”, nr 3, s. 8 [recenzja].
- Drawicz, Andrzej (1989). *Pożądanie Wzgórz Wiekuistych. „Powściągliwość i Praca”*, nr 6–7, s. 4 [recenzja].
- Ojcewicz, Grzegorz (1989). *Gdy prosta jest tylko droga życia*. „*Pomerania*”, nr 7–8, s. 55 [recenzja].
- Żurkowski, Bogusław (1989). *Dorastanie do mitu: o twórczości dla dzieci Zbigniewa Żakiewicza*. „*Sztuka dla Dziecka*”, nr 2, s. 20–21 [recenzja].
- Czermińska, Małgorzata (1991). *Kresowe korzenie*. „*Tytuł*”, nr 1, s. 119–124.
- Żurkowski, Bogusław (1991). *Ślady Guliwera w Plimplańskim lesie*. „*Guliwer*”, nr 1, s. 48–53 [recenzja].
- Borkowska, Ewa (1992). *Książki, książki... „Gazeta Wyborcza”*, nr 114, dod. „*Gazeta Morska*”, nr 133, s. III [nota].
- Bratkowski, Piotr (1992). *Czas zatrzymany*. „*Gazeta Wyborcza*”, nr 186, s. 17 [recenzja].
- Czermińska, Małgorzata (1992). *Temat kresowy w prozie powojennej*. „*Polonistyka*”, nr 10, s. 581–588 [recenzja].
- Gosk, Hanna (1992). *Dusza, która pamięta... „Nowe Książki”*, nr 10, s. 42–43 [recenzja].

- Adamiec, Marek (1993). „*I nigdy już nie mieliśmy powrócić nad rzekę...*”. „Tytuł”, nr 4, s. 72–77 [recenzja].
- Adamiec, Marek (1993). *Wydarty Wilii. „Ex Libris”*, nr 31, s. 9–10 [recenzja].
- Bagłajewski, Arkadiusz (1993). *Co dalej? „Tytuł”*, nr 4, s. 65–71.
- Błażejewski, Michał (1993). *Kresy. W: tegoż: Stereotypy Ziemiomorza w wybranych powieściach pisarzy Wybrzeża Gdańskiego*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Czermińska, Małgorzata (1993). *Autobiografia duchowa w dwudziestowiecznej literaturze polskiej*. W: M. Jasińska-Wojtkowska, K. Dybciak (red.). *Religijne tradycje literatury polskiej. T. 3: Proza polska w kręgu religijnych inspiracji*. Lublin: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego KUL.
- Hadaczek, Bolesław (1993). *Kresowość Zbigniewa Żakiewicza*. W: Hadaczek, Bolesław. *Kresy w literaturze polskiej XX wieku: szkice*. Szczecin: Ottonianum, s. 95–104.
- Huelle, Paweł (1993). *Opowiedz im rzeczy. „Tytuł”*, nr 4, s. 78–81.
- Łukasiewicz, Jacek (1993). *Niepowrotność. „Tygodnik Powszechny”*, nr 46, s. 10 [recenzja].
- Orski, Mieczysław (1993). *O tym, co „jak zdrowie”*. „Słowo Polskie”, nr 17.
- Tomaszewski, Marek (1993). *Tropem wilka wyjącego „po wołczemu”, czyli oniryczna wizja przyrody w powieściach Zbigniewa Żakiewicza*. „Kresy”, nr 14, s. 244–247.
- Bieńkowski, Zbigniew (1994). *Kresy, tygiel pamięci*. „Nowe Książki”, nr 3, s. 10–11 [recenzja].
- Termer, Janusz (1994). *Między Arkadią a Piekłem. „Twórczość”*, nr 3, s. 119–120 [recenzja].
- Adamiec, Marek (1995). *Swój jestem, Wołczacki...* W: Adamiec, Marek. *Bez namaszczania*, Lublin: Stowarzyszenie Literackie „Kresy”, s. 152–156.
- Nowicki, Krzysztof (1995). *Do Zbigniewa Żakiewicza. „Topos”*, nr 5–6, s. 22–23.
- Tomaszewski, Marek (1995). *„Pan Tadeusz” à rebours, czyli nowe wcielenie litewsko-białoruskiej przyrody w polskiej prozie po 1970 r.* „Teksty Drugie”, nr 2, s. 178–192.
- Waśkiewicz, Andrzej K. (1995). *Obroty wiernej pamięci*. „Akcent”, nr 2, s. 150–153 [recenzja].
- Żakiewicz, Maciej (1995). *Tatarski ród Oganowskich w tradycji gdańskiej rodziny Żakiewiczów*. „Rocznik Tatarów Polskich” t. 3, s. 195–204.
- Dobosz, Henryka (1996). *Wszystkie rzeki wpadają do morza..., rozmowa ze Zbigniewem Żakiewiczem*. „Tytuł”, nr specjalny – 4: *Rozmowy „Tytułu”* (red. Krystyna Chwin).
- Jęsiak, Anna (1996). *Zbigniew Żakiewicz, rozmowa ze Zbigniewem Żakiewiczem*. „Dziennik Bałycki”, nr 168 z dn. 19. 07. 1996, dod. „Rejsy”, s. 8–9.
- Kietrys, Alina (1996). *Uchwycić czas, rozmowa ze Zbigniewem Żakiewiczem*. „Głos Wybrzeża” nr 117 z dn. 31.05.–02.06.1996.
- Klecel, Marek (1996). *Krzepienie serc*. „Słowo”, nr 168, s. 16 [recenzja].
- Klecel, Marek (1996). *Pobożność wobec istnienia*. „Sycyna” nr 20, s. 17 [recenzja].
- Konończuk, Elżbieta (1996). *Opowieści Zbigniewa Żakiewicza o czasie prawie minionym, [w:] Wilno i Kresy Północno-Wschodnie. Materiały II Międzynarodowej Konferencji w Białymostku 14–17 IX 1994 r. w czterech tomach. T. 4: Literatura*. Elżbieta Feliksia i Anna Kieżuń (red.). Białystok: Towarzystwo Literackie im. Adama Mic-

- kiewicza. Oddział Białostocki – Zakład Teorii i Antropologii Literatury w Instytucie Filologii Polskiej. Filia Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku.
- Koźmiński, Leszek M. (1996). *Z zaścianka ku Uniwersum. „Kresy”*, nr 4, s. 161–162 [recenzja].
- Pawełec, Dariusz (1996). *Wrzeszcz i okolice. „Nowe Książki”*, nr 8, s. 16 [recenzja].
- Szewc, Piotr (1996). *Eseje kresowe: literackie ścieżki po stegnach i ogrodach. „Życie Warszawy”*, nr 119, s. 7 [recenzja].
- Ubertowska, Aleksandra (1996). *Notatnik liryyczny. „Gazeta Wyborcza”*, nr 121, dod. „Gazeta Morska”, s. 4 [recenzja].
- Wszystkie rzeki wpadają do morza... Ze Zbigniewem Żakiewiczem rozmawia Henryka Dobosz*. W: Żakiewicz, Zbigniew. *Ujrzane, w czasie zatrzymane. Biblioteka „Tytułu”*. Gdańsk: Marabut 1996, s. 26–56.
- Zalesiński, Jarosław (1996). *Pudło z pocztówkami. „Gwiazda Morza”*, nr 13, s. 22 [recenzja].
- Adamiec, Marek (1997). *Z wędrówki. „Twórczość”*, nr 1, s. 104–107 [recenzja].
- Czapliński, Przemysław (1997). *Sielanka metafizyczna. „Tytuł”*, nr 2, s. 153–158.
- Czapliński, Przemysław (1997). *Ślady przełomu: o prozie polskiej 1976–1996*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, s. 233–237 i in.
- Kalinowski, Grzegorz (1997). *Rozpraszanie mroku. „Kwartalnik Artystyczny”*, nr 1, s. 137–138 [recenzja].
- Orski, Mieczysław (1997). *Żakiewicz w czasie zatrzymuje. „Przegląd Powszechny”*, nr 2, s. 245–247 [recenzja].
- Papuńska, Joanna (1997). *Dziwne jest morze. „Guliwer”*, nr 3, s. 27–28.
- Czerska, Tatiana (1998). *Pozostać dzieckiem: o grotesce w powieściach Czesława Miłosza, Zbigniewa Żakiewicza i Stanisława Srokowskiego. „Zeszyty Naukowe, Szczecińskie Prace Polonistyczne / Uniwersytet Szczeciński”*, nr 10, s. 25–44.
- Huelle, Paweł (1998). *Sycowa Huta. (Cykl „Imiona, miejsca...”)*. „Gazeta Wyborcza”, nr 185, s. 8.
- Tomaszewski, Marek (1998). *Tropem wilka wyjącego „po wołczemu”, czyli onirycka wizja przyrody w powieściach Zbigniewa Żakiewicza*. W: tegoż: *Od chaosu do kosmosu: szkice o literaturze polskiej i francuskiej XX wieku*. Seria Badania Polonistyczne za granicą. T. 2 (red. W. Sołecki i in.). Warszawa: IBL PAN.
- Tomaszewski, Marek (1998). „*Pan Tadeusz* à rebours, czyli nowe wcielenie litewsko-białoruskiej przyrody w polskiej prozie po 1970 r. W: tegoż: *Od chaosu do kosmosu: szkice o literaturze polskiej i francuskiej XX wieku*. Seria Badania Polonistyczne za granicą. T. 2. Warszawa: IBL Wydawnictwo, s. 156–166.
- Czermińska, Małgorzata (1999). *Przemiany tematu kresowego: idylla, tragiczna groteska w powieściach autobiograficznych Zbigniewa Żakiewicza*. „Tytuł”, nr 1, s. 155–165.
- Czerska, Tatiana (1999). *Dzieciństwo czy przekleństwo? Pierwiastki oniryckie w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. W: Glatzel, Ilona, Smólski, Jerzy i Sobolewska, Anna (red.). *Oniryckie tematy i konwencje w literaturze polskiej w XX wieku*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, s. 283–295.
- Czerska, Tatiana (1999). *Topos dzieciństwa w utworach Zbigniewa Żakiewicza*. „Zeszyty Naukowe, Szczecińskie Prace Polonistyczne / Uniwersytet Szczeciński”, nr 11, s. 81–101.

- Hadaczek, Bolesław (1999). *Dominanty strukturalne literatury kresowej*. „Zeszyty Naukowe, Szczecińskie Prace Polonistyczne / Uniwersytet Szczeciński”, nr 11, s. 5–24.
- Huelle, Paweł (1999). *Drogi Zbyszku: mowa na cześć Zbigniewa Żakiewicza*. „*Tytuł*”, nr 1, s. 166–169.
- Huelle, Paweł (1999). *Soplica, Żakiewicz, Oganowski*, cykl „*Imiona, miejsca...*”. „*Gazeta Wyborcza*”, nr 265, s. 17.
- Klimek, Anna (1999). *Powrót do nieznanej Arkadii: autobiografizm w prozie Zbigniewa Żakiewicza i Włodzimierza Paźniewskiego*. „Zeszyty Naukowe Filologii Polskiej / Uniwersytet Opolski”, z. 39, s. 101–109.
- Czermińska, Małgorzata (2000). *Autobiografia duchowa w dwudziestowiecznej literaturze polskiej*. W: tejże: *Autobiograficzny trójkąt: świadectwo wyznanie i wyzwanie*. Kraków: Universitas, s. 55–99.
- Czermińska, Małgorzata (2000). *Przemiany tematu kresowego w powieści autobiograficznej – spiżarnie pamięci*. W: tejże: *Autobiograficzny trójkąt: świadectwo wyznanie i wyzwanie*. Kraków: Universitas, s. 117–135.
- Czerska, Tatiana (2000). „*Ja*” *autobiograficzne i jego sobotór w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. W: Katarzyna R. Łozowska i Ewa Tierling (red.). *Literackie Kresy i bezkresy: księga ofiarowana Profesorowi Bolesławowi Hadaczkowi*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, s. 247–259.
- Czerska, Tatiana (2000). *Kosmologia Zbigniewa Żakiewicza*. „Zeszyty Naukowe, Szczecińskie Prace Polonistyczne / Uniwersytet Szczeciński”, nr 12, s. 57–69.
- Czerska, Tatiana (2000). *Tęsknoty i powroty*. „*Pogranicza*”, nr 6, s. 109–110.
- Górski, Krzysztof (2000). *Kaszuby i Kresy*, „*Gazeta Wyborcza*”, nr 213, dod. „*Gazeta Morska*”, nr 213, s. 8 [recenzja].
- Jurewicz, Aleksander (2000). *Maj, czerwiec 2000*. Cykl *Zapiski ze stróżówki* (8). „*Kwartalnik Artystyczny*”, nr 3, s. 150–153.
- Łukasiewicz, Jacek (2000). *Zobaczone, zatrzymane...: z listy lektur*. „*Arkusz*”, nr 6, s. 8–9 [recenzja].
- Mamoń, Bronisław (2000). *Zdziwienie, poznanie...* „*Tygodnik Powszechny*”, nr 46, s. 15.
- Orski, Mieczysław (2000). *Gorycz i sól morza*. „*Przegląd Powszechny*”, nr 10, s. 126–129 [recenzja].
- Skutnik, Tadeusz (2000). *Wśród serdecznych przyjaciół...: nowa książka Zbigniewa Żakiewicza*. „*Dziennik Bałtycki*”, nr 133, s. 15.
- Termer, Janusz (2000). *List do Zbigniewa Żakiewicza – zamiast recenzji z „Goryczy i soli morza”*. „*Autograf*”, nr 4, s. 35.
- W tkaninie czasu ukryte. Ze Zbigniewem Żakiewiczem o literaturze i jej pogranicach rozmawiają Aneta Krawczyk i Piotr W. Lorkowski (2000). „*Topos*”, nr 3–4, s. 157.
- Mizerkiewicz, Tomasz (2001). *Zamiast stylizacji mitycznej – „Ród Abaczów” Zbigniewa Żakiewicza*. W: Mizerkiewicz, Tomasz. *Stylizacje mityczne w prozie polskiej po 1968 roku*. Seria Biblioteka Literacka „Poznańskich Studiów Polonistycznych”. T. 33. Poznań, s. 173–183.
- Orski, Mieczysław (2001). „*Jedną z ostatnich pozycji...*” „*Odra*”, nr 2, s. 120–121 [recenzja].

- Sowińska, Renata (2001). „Między mięsistością krajobrazu a metafizyczną otwartością morza”. „Twórczość”, nr 11, s. 90–92.
- Czerska, Tatiana (2002). *Dziecięce przeżycie sacrum w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. „Zeszyty Naukowe, Szczecińskie Prace Polonistyczne / Uniwersytet Szczeciński”, nr 13, s. 63–87.
- Czerska, Tatiana (2003). *Między Wileńską a Kaszubami: o twórczości Zbigniewa Żakiewicza w latach 1990–2000*. W: Cieślak, Tomasz i Pietrych, Krystyna (red.). *Literatura polska 1990–2000*. T. 2. Kraków: Zielona Sowa, s. 237–249.
- Czerska, Tatiana (2003). *Sacrum i eros w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. „Zeszyty Naukowe / Uniwersytet Szczeciński, nr 356. Szczecińskie Prace Polonistyczne”, nr 14, s. 97–111.
- Hadaczek, Bolesław (2003). *Kresowość Zbigniewa Żakiewicza*. W: tegoż: *Małe ojczyzny kresowe w literaturze polskiej XX wieku. Szkice*. Szczecin: Wydawnictwo „PoNaD”, s. 80–89.
- Adamiec, Marek (2004). *Żubr na Pomorzu: słów kilka o twórczości Zbigniewa Żakiewicza*. W: Arendt, Teresa, Turo, Krystyna (red.). *Literatura Wybrzeża po 1980 roku. Materiały z sesji naukowej Gdynia 3–4 grudnia 2003*. Pelplin: Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej „Bernardinum”, s. 178–187.
- Czerska, Tatiana (2005). *Gra o tożsamość. Dylematy wielokulturowości w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. W: Drong, Leszek i Kalaga, Wojciech (red.). *Wielokulturowość. Postulat i praktyka*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Czerska, Tatiana (2005). *Uchwycić słowem świat widzialny: sensualizm w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. W: *Kresy i pogranicze w literaturze*. Zeszyty Naukowe, nr 381 Szczecińskie Prace Polonistyczne, nr 15, Szczecin.
- Czerska, Tatiana (2006). *Mityzacja – groteska – wyznanie: taktyka autobiograficzna w prozie Zbigniewa Żakiewicza*. W: Gontarz, Beata i Krakowiak, Małgorzata (red.). *Świat przez pryzmat ja. T. 1: Teorie i autobiograficzne rekonesanse*. Katowice: Wydawnictwo Agencja Artystyczna Para, s. 155–166.
- Czerska, Tatiana (2006). *Ocalić ład istnienia?: sakralizacja codzienności w literaturze Kresów: Miłosz, Konwicki, Żakiewicz*. W: Dopart, Bogusław (red.). „Pan Tadeusz” i jego dziedzictwo: recepcja. Kraków: Universitas, s. 221–235.
- Czerska, Tatiana (2006). *Tam, gdzie wilcze łęki, Niżany i kniaziowskie draje...: Zbigniewa Żakiewicza podróż do ogrodów pamięci*. „Autograf Post”, nr 6, s. 14–16.
- Jurewicz, Aleksander (2006). *Zbigniew Żakiewicz w „Bibliotece Gdańskiej”*. „Topos”, nr 3, s. 155–157.
- Orski, Mieczysław (2006). *Uroda i gorycz przeszłości*. „Przegląd Powszechny”, nr 6, s. 149–152 [recenzja].
- Żyłko, Bogusław (2006). *Trylogia kresów Zbigniewa Żakiewicza*. „Kwartalnik Artystyczny”, nr 2, s. 237–240 [recenzja].
- Dęboróg-Bylczyński, Maciej (2007). *W zakolu Wilii. „Pomerania”*, nr 7–8, s. 75–76 [recenzja].
- Huelle, Paweł (2007). *Droga, czyli puť*. „Rzeczpospolita”, nr 53, dod. „Plus Minus Rzecz o Książkach”, s. 16 [recenzja].
- Klimowicz, Tadeusz (2007). *Pamięci przemów*. „Przegląd Polityczny”, nr 83, s. 150–152 [recenzja].

- Pamięć – istotą zakorzenienia: z pisarzem Zbigniewem Żakiewiczem rozmawia Maciej Dęboróg-Bylczyński* (2007). „Pomerania”, nr 7–8, s. 36–37.
- Pomorski, Adam (2007). *Rosja, ale jaka*. „Kwartalnik Artystyczny”, nr 3, s. 179–184 [recenzja].
- Żyłko, Bogusław (2007). *Rosja, dawne kresy i Polska*. „Odra”, nr 6, s. 110–112 [recenzja].
- Taylor-Terlecka, Nina (2008). *Miś smorgończyk – Mistrz z Mołodeczna*. „Przegląd Polski”, nr 33.
- Goczoł, Jan (2010). *Tarnica: na szlakach i ścieżkach ze Zbigniewem Żakiewiczem. „Strony”* (Opole), nr 6, s. 78–80.
- Ojcewicz, Grzegorz (2010). *Jaka jesteś, Rosjo*. „Acta Polono-Ruthenica”, t. XV, s. 281–287.
- Skutnik, Tadeusz (2010). *Chłopiec o lisiej twarzy*. „Dziennik Bałtycki”, nr 152, dod. „Rejsy”, nr 132, z dn. 2.07.2010, s. 21 [recenzja].
- Skutnik, Tadeusz (2010). *Kochał życie pod wszelkimi postaciami*. „Gazeta Wyborcza” 06.07.2010 [online].
- Skutnik, Tadeusz (2010). *Wczoraj odszedł od nas Zbigniew Żakiewicz*. „Dziennik Bałtycki”, nr 146, s. 2.
- Wachcińska, Olga (2010). „*Wołk-Wołczacki jestem i koniec*”: o poszukiwaniu tożsamości w powieści „Wilcze Łąki” Zbigniewa Żakiewicza. „Tekstura: Rocznik Filologiczno-Kulturoznawczy”, t. 1, red. V. Wróblewska Toruń.
- Wierciński, Adam (2010). *Żubr litewski: o Zbigniewie Żakiewiczu. „Strony”* (Opole), nr 6, s. 82–83.
- Załuski, Stanisław (2010). *Pożegnanie wileńskiego tura*. „Riviera”, nr 6, s. 10–11.
- Żurkowski, Bogusław (2010). *Z Opola do Gdańska. „Strony”* (Opole), nr 6, s. 74–77.
- Czerska, Tatiana (2012). *Kobiety (u) Żakiewicza*. W: Czerska, Tatiana i Łozowska, Renata Katarzyna (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 79–89.
- Czerska, Tatiana (2012). „*Literatura była sposobem, by się z tym wszystkim rozprawić...*” (Ze Zbigniewem Żakiewiczem rozmawia Tatiana Czerska. W: Czerska, Tatiana i Łozowska, Renata Katarzyna (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 115–124.
- Dęboróg-Bylczyński, Maciej (2012). „*Tutejsi” na „tutejszczyźnie*”: o przestrzeni i społeczności kresowej w trzech wileńskich powieściach Zbigniewa Żakiewicza. W: Tatiana Czerska i Renata Katarzyna Łozowska (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 61–77.
- Dutka, Elżbieta (2012). *Przełamywanie melancholii w opowieściach Zbigniewa Żakiewicza („Ciotuleńka”; „Gorycz i sól morza”)*. W: Tatiana Czerska i Renata Katarzyna Łozowska (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 7–26.
- Iwańska, Ewelina (2012). *Umówm Rossiju nie poniat’... Obraz Rosji w utworze Zbigniewa Żakiewicza*. W: Tatiana Czerska i Renata Katarzyna Łozowska (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 101–110.
- „*Rosja, Rosja...*” (2012). W: Czerska, Tatiana, Łozowska, Renata Katarzyna (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 101–110.

- Żakiewicz, Maciej (2012). *Odbicie Marca 1968 i Grudnia 1970 roku w biografii Zbigniewa Żakiewicza*. W: Czerska, Tatiana i Łozowska, Renata Katarzyna (red.). *Czytanie Żakiewicza*. Szczecin: Wydawnictwo Zapol, s. 113–114.
- Żyłko Bogusław, *Podróz(e) na Kresy ze Zbigniewem Żakiewiczem*. „Odra” 2012, nr 6, s. 37–45.
- Apanowicz, Franciszek (2015). *Zbigniew Żakiewicz – rusycysta. Uwagi i wspomnienia w piątą rocznicę śmierci*. „*Studia Rossica Gedanensia*”, t. 2 (Gdańsk), s. 513–523.
- Czermińska, Małgorzata (2015). *Żakiewicz jeden a dwoisty (wspomnienie)*. „*Studia Rossica Gedanensia*”, t. 2 (Gdańsk), s. 537–539.
- Ojcewicz, Grzegorz (2015). *Jaka jesteś, Rosjo*. „*Studia Rossica Gedanensia*”, t. 2 (Gdańsk), s. 547–552.
- Ojcewicz, Grzegorz (2015). *Kwadrat Zbigniewa Żakiewicza*. „*Studia Rossica Gedanensia*”, t. 2 (Gdańsk), s. 540–552.
- Żyłko, Bogusław 2015 (). *Podróz(e) na Kresy ze Zbigniewem Żakiewiczem*. „*Studia Rossica Gedanensia*”, t. 2 (Gdańsk), s. 524–536.
- Apanowicz, Franciszek (2017). *Moje spotkania ze Zbigniewem Żakiewiczem – Pisarzem, Nauczycielem, Człowiekiem*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 75–104.
- Chojnicki, Hieronim (2017). *Wątki religijno-duchowe w szkicach literackich z lat 1977–2008, Zbigniewa Żakiewicza*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 123–138.
- Czerska, Tatiana (2017). *Fotografie Zbigniewa Żakiewicza – uobecnianie Nieobecnego*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 27–36.
- Czerska, Tatiana (2017). *O Zbigniewie Żakiewiczu*. W: Katarzyna Wojan (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka Studia Rossica Gedanensia. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 11–14.
- Czerwiński, Grzegorz (2017). *Żakiewicz i Tatarzy: biografia – literatura – etniczność*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 35–44.
- Fijałkowska-Janiak, Irena (2017). *Zbyszek Żakiewicz – mój Nauczyciel*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 105–114.
- Kaźmierczyk, Zbigniew (2017). *Miłosza i Żakiewicza manichejski klucz do Rosji*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane. T. 2: Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 45–58.

- Koprowski, Piotr (2017). *Pamięć i lektura. Kilka refleksji na kanwie szkiców literackich Zbigniewa Żakiewicza*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 59–66.
- Lauer, Wiesław ks. (2017). *Zbigniew Żakiewicz – piewca Bożego Miłosierdzia*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 139–162.
- Legeżyńska, Anna (2017). *Odnawianie „Tryptyku wileńskiego” Zbigniewa Żakiewicza*. W: Baranow, Andrzej i Ławski, Jarosław (red.). *Zagadnienia bilingwizmu. Seria I: Dwujęzyczni pisarze litewscy i polscy*. Colloquia Orientalia Białostocensis, nr 27. Białystok–Wilno: Uniwersytet w Białymostku – Księgarnia Podlaska im. Łukasza Górnickiego, s. 415–432.
- Nowosielski, Kazimierz (2017). *Zbigniew Żakiewicz i jego N.N.* W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 67–74.
- Ojcewicz, Grzegorz (2017). *Szczęśliwi, którzy pożądają Wzgórz Wiekuistych*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 115–122.
- Taylor-Terlecka Nina (2017). *Miś smorgończyk – Mistrz z Małodeczna*. W: Żakiewicz, Zbigniew. *W czasie zatrzymane*. T. 1: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008*. Zebrał Maciej Żakiewicz. Oprac. naukowo oraz wstępem opatrzyła Katarzyna Wojan. Seria „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 17–20.
- Żakiewicz, Maciej (2017). *O związkach rodzinnych Zbigniewa Żakiewicza z pogórzańską wsią Kobylanka koło Gorlic*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 163–170.
- Żakiewicz, Maciej (2017). *Powrócić do Wilna. O malarstwie Eugeniusza Kazimirowskiego*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 171–174.
- Żyłko, Bogusław (2017). *Wyobraźnia przestrzenna Zbigniewa Żakiewicza*. W: Wojan, Katarzyna (red.). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem na Kresach i w bezkresie*. Seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 15–26.
- Dęboróg-Bylczyński, Maciej (b.r.w.). *Mowa pamięci – jeszcze o prozie Zbigniewa Żakiewicza*. [Online] <http://verte.art.pl/literatura/mowapamieci/> (10.08.2018).
- Fijalkowska-Janiak, Irena (2018). *Im więcej czasu mija od śmierci Zbyszka, tym bardziej odczuwam Jego nieobecność... „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”*. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 8–10.

- Jurewicz, Aleksander (2018). *Pusta ulica Kościuszki*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 11–11.
- Kaźmierczyk, Zbigniew (2018). *Rosja Żakiewicza*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 14–15.
- Kaźmierczyk, Zbigniew i Wojan, Katarzyna (2018). *Żakiewicz o Żakiewiczu. Z dr. Maciejem Żakiewiczem rozmawiają; prof. nadzw. dr hab. Katarzyna Wojan oraz prof. nadzw. dr hab. Zbigniew Kaźmierczyk*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 21–26.
- Wątróbska, Halina (2018). *Moja tajemnica „klucza Zbigniewa Żakiewicza”*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 6–7.
- Wojan, Katarzyna (2018). *Kilka słów o „W czasie zatrzymane”*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 20–20.
- Wojan, Katarzyna (2018). *Spotkanie literackie: promocja książek „W czasie zatrzymane” Żakiewicza i o Żakiewiczu*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 18–20.
- Wojan, Katarzyna (2018). *Wspomnienie: Zbigniew Żakiewicz i Finlandia*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 12–13.
- Wojan, Katarzyna (2018). *Przekłady Żakiewicza i z Żakiewicza*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 16–17.
- Żakiewicz, Maciej (2018). *Zbigniew Żakiewicz*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 2–3.
- Żyłko, Bogusław (2018). *Jak poznalem Zbigniewa Żakiewicza*. „Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”. Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*. Katarzyna Wojan i Zbigniew Kaźmierczyk (red.), s. 16–17.

Artykuły naukowe opublikowane za granicą

- Панькова, Ольга (2014). *Autorefleksja bohatera-narratora w powieści „Dolina Hortensi” Z. Żakiewicza*. В: *Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в художественной прозе*.

- ние в литературе. Ч. 1. Учреждение образования Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы; гл. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, с. 111–115.
- Pankowa, Olga (2014). *Sytuacja wielojęzycznego pogranicza w powieści „Wilcze Łąki” Zbigniewa Żakiewicza*. W: Mączyński, Maciej i Horyn, Ewa (red.). *Język w środowisku wiejskim*. Kraków: Collegium Columbinum, s. 271–277.
- Панькова, Ольга (2014). Время и его символика в романе «Долина Гортензии» Збигнева Жакевича. «Пушкинские чтения». Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, с. 225–231.
- Панькова, Ольга (2015). Motyw „słońca, soulca, solnyszka” w przestrzeni lingwokulturowej twórczości Z. Żakiewicza. W: Я. Панькоў и др. (ред.). *Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemnosci: матэрыялы XX міжнар. наўук. канф.*, Гродна, 23–24 кастр. 2014 г. Мінск: БудМедыяПраект, с. 82–84.
- Pankowa, Olga (2015). Oczekiwanie spełnienia w powieści „Dolina Hortensi” Zbigniewa Żakiewicza. W: Koziara, Stanisław, Mlynarczyk, Ewa i Skowronek, Bogusław (red.). *Dialog z tradycją*. T. 4: Język – komunikacja – kultura. Seria Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica. Kraków: Collegium Columbinum, s. 256–258.
- Панькова, Ольга (2017). Projekcja przeszłości i motyw powrotu w powieści Z. Żakiewicza „Wilcze Łąki”. В: Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: зборнік наурук. артыкулаў. Установа аддукцыі Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы. Адказ. рэд.: А. С. Садоўская и др. Гродна: ЮрСаПрынт, с. 279–283.
- Pankowa, Olga (2017). *Tak jak Trójca nam jedyna. Żakiewiczowskie refleksje nad obyczajowością kresową*. W: Mączyński, Maciej, Horyń, Ewa i Zmuda, Ewa (red.). *W kręgu dawnej polszczyzny*. T. 4. Kraków: Collegium Columbinum, s. 207–220.

Rozprawy doktorskie

- Czerska, Tatiana (2002). *Sacrum w twórczości Zbigniewa Żakiewicza*. Rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. Bolesława Hadaczka. Uniwersytet Szczeciński, Szczecin.

Prace dyplomowe

- Kuśnierz, Katarzyna. *Pamięć jako kategoria nadzielona w „Tryptyku wileńskim” Zbigniewa Żakiewicza*. Praca licencjacka przedstawiona na „Seminarium Inspiracje wielokulturowe w polskiej literaturze współczesnej”. Katolicki Uniwersytet Lubelski, Lublin 2012.

Nota wydawnicza

Wykorzystano materiały bibliograficzne w opracowaniu Leszka Rybickiego zamieszczone na stronie Wojewódzkiej Biblioteki Publicznej w Gdańsku: <http://www.old.wbpg.org.pl/slowniklista.php?pisarz=4> (dostęp 2.06.2018). Wyliczone w nich pozycje zostały poddane weryfikacji, dokonano stosownych korekt i uzupełnień.

Niniejszy wykaz publikacji bibliograficznych traktujących o dorobku literaturoznawczym Z. Żakiewicza stanowi nową, poprawioną i zaktualizowaną, wersję faktografi bibliograficznej.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРЕВОДАХ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК (2007–2017 ГГ.)¹

AGNIESZKA LANGOWSKA

Uniwersytet Gdańskie, Wydział Filologiczny
ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: agn.langowska@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8314-0153>
(nadesłano: 20.07.2018; zaakceptowano 11.09.2018)

Abstract

Translations of Russian literature into Polish

This paper focuses on the current condition of the Russian adult literature market in Poland. Works translated into Polish and published in 2007–2017 are taken into consideration. The author uses bibliographical data excerpted from the Bibliographic Guide published by *Biblioteka Narodowa* publishing house. In the discussed period 422 translations of Russian adult literature, mainly contemporary, dominated by crime novels and fantasy literature appeared on the Polish publishing market. The author draws attention to the problem of large disproportion between the number of translations of contemporary and classical Russian literature into Polish. The article is accompanied by a bibliographic list of translations of Russian literature into Polish for the years 2007–2017.

Key words

Russian adult literature, translations into Polish, translation market, bibliographic analysis, bibliography of translations of Russian literature into Polish.

¹ Статья составляет часть дипломной работы, *Польские переводы русской художественной литературы для взрослых (2007–2017 гг.)*, написанной и защищенной в 2018 г. в Институте русистики и востоковедения под научным руководством к.ф.н. Эвы Конефал.

Abstrakt

Artykuł przedstawia charakterystykę aktualnej kondycji rynku przekładów rosyjskojęzycznej literatury pięknej dla dorosłych wydanych w Polsce w latach 2007–2017, dokonaną na podstawie danych bibliograficznych wyekszerpowanych z wydawanego przez Bibliotekę Narodową *Przewodnika Bibliograficznego*. W omawianym okresie na polskim rynku wydawniczym pojawiły się 422 przekłady rosyjskojęzycznej literatury pięknej dla dorosłych, głównie współczesnej, zdominowanej przez powieści kryminalne oraz literaturę fantastyczną. Analiza zebranego materiału wykazała dysproporcję między liczbą przekładów współczesnej i klasycznej literatury rosyjskojęzycznej na język polski. Do artykułu dołączono wykaz bibliograficzny przekładów na język polski rosyjskojęzycznej literatury pięknej dla dorosłych za lata 2007–2017.

Słowa kluczowe

Rosyjskojęzyczna literatura piękna dla dorosłych, przekłady na język polski, rynek tłumaczeń, analiza bibliograficzna, bibliografia przekładów literatury rosyjskojęzycznej na język polski.

Цель настоящей статьи заключается в характеристике актуального состояния рынка переводов русскоязычной² художественной литературы, изданных в Польше за 2007–2017 годы. Исследование сосредоточивается только на переводах литературы для взрослых читателей, так как литература для детей требует отдельного рассмотрения. Такой комплексный библиографический обзор, насколько нам известно, до сих пор не проводился. Публикаций, представляющих результаты библиографических анализов переводов русскоязычной художественной литературы, очень мало, к ним относится, например, исследование переводов произведений М. А. Булгакова на польский язык (Воян и Конефал, 2016). Материалом для анализа послужили данные, извлеченные из *Библиографического путеводителя* (польск. *Przewodnik Bibliograficzny*) – самой большой базы всех изданных в Польше публикаций и одновременно основной составляющей текущей национальной библиографии Польши. Указатель издается Библиографическим институтом Польши, объединенным с Национальной библиотекой Польши в 1928 г. В данный момент это наиболее полный и достоверный источник библиографических данных о переводах на польский язык. Создаваемая при поддержке ЮНЕСКО международная библиографическая база переводов *Index Translationum*³, 75-я годовщина создания которой отмечалась в 2007 году⁴, не фиксирует сведений о переводах русскоязычной художественной литературы на польский язык, изданных после 2009 года.

² Материал включает также произведения русскоязычных писателей стран бывшего СССР, изданные в России.

³ <http://www.unesco.org/xtrans/> (1.02.2018).

⁴ Подробнее о базе см. в работе А. Северын (Seweryn, 2010).

Русская художественная литература всегда занимала определенное место на польском издательском рынке, хотя степень интереса к ней всегда была обусловлена интересом к самой России (ранее СССР). Исследователи отмечают, что „в начале 90-х годов минувшего уже столетия, после распада Советского Союза, интерес к русскоязычной литературе, впрочем, как и вообще к русской культуре, в нашей стране исчез. Из издательских планов вычеркивались книги русских авторов, даже если их имена были ранее под запретом и во время перестройки стали сенсацией. Русская художественная литература, особенно новая, не привлекала внимания: издатели, вынужденные приспосабливаться к рыночной экономике, не рисковали ее издавать” (Володзько-Буткевич, 2012). Польские литературоведы и критики согласны с тем, что до середины 90-х годов в Польше присутствовала только классическая литература – переводы произведений Александра Пушкина, Николая Гоголя, Льва Толстого, Федора Достоевского. Отличие составляли публикации представителей постмодернизма, например, Виктора Ерофеева, которые выпускались ежемесячником *Literatury na Świecie* (Tarkowska, 2012, с. 176). Считалось, что русская литература не вызовет интереса польских читателей.

Пессимистические прогнозы не сбылись. В настоящее время можно заметить, что „ревитализация присутствия русской литературы медленно, но последовательно продвигается” (Вишневский, 2012). Об этом могут свидетельствовать, в частности, различные встречи русских авторов с польскими читателями, которые проводятся в Польше, а также множество переводов произведений современной русскоязычной литературы в польских книжных магазинах.

Продвижению русскоязычной художественной литературы способствует российская культурная политика. Польские издательства имеют возможность получать гранты „Института перевода”, который функционирует при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации. Согласно информации, размещенной на официальном сайте института, „Институт перевода – это некоммерческая организация, основная цель которой – продвижение русской литературы во всем мире (...) главная задача – поддержка иностранных переводчиков и издателей, занимающихся русской литературой. Для этого мы разработали систему грантов, которые может получить переводчик или издатель для перевода и публикации той или иной художественной книги”⁵. Данная организация действует с 2011 года. Мы установили, что при поддержке этого Института за исследуемый период в Польше были изданы четыре перевода русскоязычной художественной литературы на польский язык (см. Табл. 1).

⁵ <http://institutperevoda.ru> (03.05.2018).

Таблица 1. Список переводов русскоязычной художественной литературы, изданных в Польше при поддержке „Института перевода” в 2007–2017 гг.

Год	Автор	Заглавие оригинала	Заглавие перевода	Переводчик	Издательство
2011	Людмила Улицкая	Зеленый шатер	Zielony namiot	Jerzy Redlich	Weldbild
2013–2014	З. Прилепин	Черная обезьяна	Czarna małpa	Ewa Rojewska-Olejarczuk	Wydawnictwo Czarne
	Е. Чижова	Время женщин	Czas kobiet	Agnieszka So-wińska	Wydawnictwo Czarne
	В. Пелевин	Ананасная вода для прекрасной дамы	Napój ananasowy dla pięknej damy	Ewa Rojewska-Olejarczuk	Grupa Wydawnicza

Источник: собственная разработка на основании данных, размещенных на сайте: <http://institutperevoda.ru> (18.05.2018).

За исследуемый период (2007–2017 гг.) в библиографическом путеводителе отмечены 422 перевода произведений русскоязычной художественной литературы на польский язык (см. диаграмму 1).

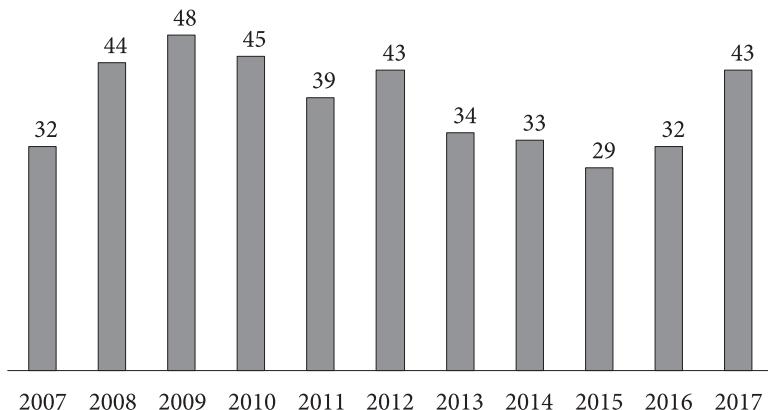

Диаграмма 1. Количество переводов русскоязычной художественной литературы на польский язык (2007–2017 гг.)

Источник: собственная разработка.

Согласно диаграмме 1, количество переводов русскоязычной художественной литературы резко возросло в 2009 году, когда было издано 48 переведенных произведений. Это намного больше, чем в 2007, 2011, 2013, 2014, 2015 и 2016 годах. В остальные годы их количество всегда составляло больше, чем 40 книг.

Следует обратить внимание на то, что большинство из них составляют переводы произведений русских писателей, впервые появившихся на польском издательском рынке (см. диаграмму 2).

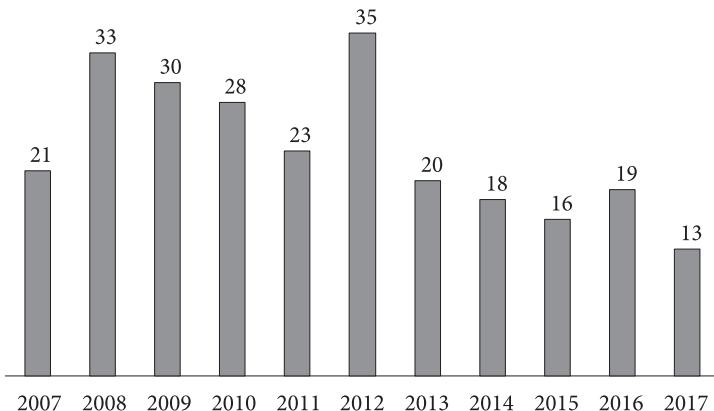

Диаграмма 2. Количество переводов русскоязычной художественной литературы, впервые появившихся на польском издательском рынке (2007– 2017 гг.)

Источник: собственная разработка.

Как видно из диаграммы 2, количество переводов, впервые появившихся на польском издательском рынке, за данный период составляет 256 позиций, т.е. 60% общего количества переводов, опубликованных в 2007–2017 годах. 166 переводов текстов русскоязычной художественной литературы для взрослых, изданных в Польше в 2007–2017 годах, являются переизданиями.

Добавим, что в исследуемый период наиболее охотно переводились и переиздавались романы Михаила Булгакова, Федора Достоевского и Льва Толстого (классическая литература), а также Бориса Акунина и Александры Марининой (современная литература). Квантитативный анализ собранных данных показывает, что на польском издательском рынке существует большое неравенство между количеством переводов современной и классической русскоязычной литературы, так как последняя переводится и издается в Польше гораздо меньше.

В ходе исследования мы установили, что польские издательства пытаются наверстать упущения в переводах русскоязычной литературы за 90-е годы, когда, после трансформации политической системы, внимание рынка было обращено к западной литературе. В это время в Польше уменьшался интерес к русскоязычной литературе. Ситуация изменилась в конце 90-х годов, когда, по причине популярности современных русских авторов на Западе, и польские издательства решили выпускать их произведения.

За исследуемый период на польском рынке появились переводы прозы писателей XX века: Василия Аксенова, Михаила Булгакова, Василия Гроссмана, Венедикта Ерофеева, Бориса Пастернака, Александра Солженицына, а также Аркадия и Бориса Стругацких. Вышли также переводы поэзии Анны Ахматовой, Сергея Есенина и Осипа Мандельштама. Добавим, что из произведений вышеперечисленных авторов, чаще всего издавались романы Михаила Булгакова. Появились также три новых перевода его романа *Мастер и Маргарита* (*Mistrz i Małgorzata*), которые были выполнены: первый – Гжегожем Пшебин-

дой совместно с Леокадей Стрыч-Пшебиндой и Игорем Пшебиндой, второй – Кшиштофом Туром, а третий – Яном Цихоцким.

На польском издательском рынке среди русских классиков XIX века наиболее охотно публиковались романы Федора Достоевского. Издавались также переводы произведений Николая Гоголя, Михаила Лермонтова, Александра Пушкина, Льва Толстого и Антона Чехова; новые же переводы этих писателей выполняются редко, например, за исследуемый нами период был опубликован лишь первый перевод произведения Николая Гоголя – *Мертвые души (Martwe dusze)*, выполненный Кшиштофом Туром (2016).

В свет вышли переводы произведений русских постмодернистов – Виктора Ерофеева, Виктора Пелевина и Владимира Сорокина, а также писателей-фантастов – Кира Булычева, Маринды и Сергея Дьяченко, Сергея Лукьяненко и других. Наибольшей популярностью пользовались переводы исторических детективов Бориса Акунина и Александры Марининой, а также Дарьи Донцовой, Татьяны Поляковой и Людмилы Улицкой.

Подытоживая, следует отметить, что на польском издательском рынке существует большое неравенство между количеством переводов современной и классической русскоязычной литературы, т.к. последняя переводится и издается в Польше гораздо меньше. Доминирующей чертой исследуемого периода был рост интереса польских издательств к переводам современной русскоязычной литературы. Считаем, что такое положение может нести с собой опасность ограниченного восприятия наследия русскоязычной культуры. Существует множество шедевров русскоязычной литературы, которые не дождались перевода. Польские читатели, не знающие русского языка, не имеют практически возможности познакомиться с богатым творчеством различных русских писателей, например, Леонида Андреева, Ивана Бунина, Николая Лескова, Ивана Тургенева и других. Остается надеяться, что в течение следующих десяти лет на польском рынке увеличится количество переводов русскоязычной классики.

Библиография

- Вишневский, Гжегож (2012). *Русская художественная литература на польском издательском рынке*. Режим доступа: <http://institutperevoda.ru/upfiles/php-Byss0N.doc> (09.05.18).
- Володзько-Буткевич, Алиция (2012). *Русская литература XXI века в Польше. Проблемы восприятия*. Режим доступа: <http://institutperevoda.ru/upfiles/phpre2CLz.doc> (9.05.2018).
- Воян, Катажина, Конефал, Эва (2016). *Михаил А. Булгаков на польском языке и языках мира*. В: *Русский язык и культура в зеркале перевода*. Москва: МАКС Пресс, с. 84–104.
- Seweryn, Anna (2008). „Index Translationum” – międzynarodowe źródło informacji o przekładach książek. *Praktyka i Teoria Informacji Naukowej i Technicznej*, nr 1, s. 4–10.

Tarkowska, Joanna (2012). „Przypadek” Ludmiły Ulickiej – z recepcji najnowszej literatury rosyjskiej w Polsce. *Przegląd Rusycystyczny*, nr 1/2 (137/138), s. 176–190.

Веб-сайты

<http://www.unesco.org/xtrans/> (3.05.2018)

<http://institutperevoda.ru> (3.05.2018)

<http://www.bn.org.pl/> (3.05.2018)

Библиографический указатель переводов на польский язык русскоязычной художественной литературы для взрослых (за 2007–2017 гг.)

2007

Akunin, Borys (2007). *Azazel*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Presspublica.

Akunin, Boris (2007). *Fantastyka*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki – Bertelsmann Media.

Akunin, Boris (2007). *Książka dla dzieci*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki – Bertelsmann Media.

Buksza, Ksenia (2007). *Alonka partyzantka*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Bułyczow, Kir (2007). *Tajemnica Orułganu*. Przeł. Agnieszka Chodkowska-Gyurics. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.

Diaczenko, Marina i Siergiej (2007). *Dzika energia*. Przeł. Andrzej Sawicki. Stawiguda: Agencja 'Solaris' Małgorzata Piasecka.

Diwow, Oleg (2007). *Najlepsza załoga Słonecznego*. T. 1. Przeł. Eugeniusz Dębski. Lublin: Fabryka Słów.

Diwow, Oleg (2007). *Najlepsza załoga Słonecznego*. T. 2. Przeł. Eugeniusz Dębski. Lublin: Fabryka Słów.

Dostojewski, Fiodor (2007). *Idiota*. Przeł. Justyna Gładys. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.

Jerofiejew, Wieniedikt (2007). *Moskwa – Pietuszki*. Przeł. Andrzej Drawicz. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Jeskow, Kirył (2007). *Ostatni powiernik pierścienia*. T. 1. Przeł. Ewa i Eugeniusz Dębscy. Lublin: Wydawnictwo Red Horse.

Jeskow, Kirył (2007). *Ostatni powiernik pierścienia*. T. 2. Przeł. Ewa i Eugeniusz Dębscy. Lublin: Wydawnictwo Red Horse.

Józefowicz, Leonid (2007). *Dom schadzek: przygody śledczego Iwana Dmitriewicza Putilina*. Przeł. Wiktor Dłuski. Warszawa: Oficyna Literacka Noir sur Blanc.

Kantor, Władimir (2007). *Krokodyl*. Przeł. Walentyna Mikołajczyk-Trzcińska. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog.

Łazarczuk, Andrzej (2007). *Sturmvogel*. Przeł. Ewa i Eugeniusz Dębscy. Lublin: Fabryka Słów.

- Łukjanienko, Siergiej (2007). *Ostatni patrol*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Wydawnictwo Mag.
- Łukjanienko, Siergiej (2007). *Patrol zmroku*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Wydawnictwo Mag.
- Małyszewa, Anna (2007). *Zatrute życie: powieść*. Przeł. Grażyna Jenczelewska. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląski; Poznań: Publicat.
- Marinina, Aleksandra (2007). *Gra na cudzym boisku*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2007). *Kolacja z zabójcą*. Przeł. Margarita Bartosik. Warszawa: W.A.B.
- Oldi Henry Lion (2007). *Droga Miecza*. Przeł. Andrzej Sawicki. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka [украинские авторы].
- Oldi Henry Lion (2007). *Otchłań głodnych oczu*. T. 2. Przeł. Eugeniusz Dębski. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie [украинские авторы].
- Pasternak, Borys (2007). *Doktor Żywago*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: TMM Polska/Planeta Marketing: Axel Springer Polska.
- Pielewin, Wiktor (2007). *Omon Ra i inne opowieści*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Pierumow, Nik (2007). *Śmierć bogów: księga Hagena*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Polakowa, Tatiana (2007). *Smak lodowego pocałunku*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawnicze Rzeczpospolita.
- Polakowa, Tatiana (2007). *Wszystko w czekoladzie*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawnicze Rzeczpospolita.
- Siemionowa, Maria (2007). *Wilczarz*. Przeł. Anna Łabuszewska. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Skałon, Andriej (2007). *Żywe pieniądze*. Przeł. Joanna B. Brońska. Warszawa: Wydawnictwo Zapiski Joanna Brońska.
- Sorokin, Władimir (2007). *23000*. Przeł. Agnieszka Lubomira Piotrowska. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Starobiniec, Anna (2007). *Szczeliny*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Wasilenko, Swietłana (2007). *Głuptaska*. Przeł. Jerzy Czech. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.

2008

- Achmatowa, Anna (2008). *Milczenie było moim domem*. Przeł. Zbigniew Dmitroca. Warszawa: Świat Literacki.
- Akunin, Boris (2008). *F.M.* Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki – Bertelsmann Media.
- Akunin, Boris (2008). *Gambit turecki*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Axel Springer Polska.
- Blok, Aleksandr (2008). *Wiersze włoskie*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Toruń: Wydawnictwo Aksjomat.
- Bułyčzow, Kir (2008). *Nadzy Ludzie*. Przeł. Agnieszka Chodkowska-Gyurics. Stawiguda: Agencja „Solaris” Małgorzata Piasecka.

- Bułyczow, Kir (2008). *Trzęsienie ziemi*. Przeł. Agnieszka Chodkowska-Gyurics. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2008). *Rytuał*. Przeł. Iwona Czapla. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2008). *Vita nostra*. Przeł. Piotr Ogorzałek. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Gogol, Mikołaj (2008). *Martwe dusze*. Przeł. Władysław Broniewski. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Gogol, Mikołaj (2008). *Martwe dusze*. T. 1 i 2. Przeł. Władysław Broniewski (t. 1) i Maria Leśniewska (t. 2). Wyd. 3. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo.
- Goldberg, Izaak (2008). *Opowiadania tunguskie*. Przeł. Jerzy Tulisow. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Łośgraf.
- Gorbaniewska, Natalia (2008). *Wiersze wybrane 1956–2007*. Przeł. Stanisław Barańczak. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Gorelikowa, Alla (2008). *Korund i Salamandra*. Przeł. Witold Jabłoński. Lublin: Fabryka Słów.
- Izmajłowa, Kira (2008). *Wyższa magia*. Przeł. Agnieszka Chodkowska-Gyurics. Lublin: Fabryka Słów.
- Jerofiejew, Wieniedikt (2008). *Dzieła prawie wszystkie*. Przeł. Andrzej Drawicz [et al.]; wiersze i piosenki do Nocy Walpurgii przeł. Irena Lewandowska i Michał B. Jagiełło]. Wyd. 3. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Jerofiejew, Wiktor (2008). *Rosyjska Apokalipsa: próba eschatologii artystycznej*. Przeł. Andrzej de Lazari. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Czytelnik”.
- Jerofiejew, Wiktor (2008). *Sąd Ostateczny*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza ‘Czytelnik’.
- Jesienin, Sergiusz (2008). *Wiersze*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Toruń: Wydawnictwo Aksjomat.
- Kornew, Paweł (2008). *Sopel*. Cz. 1. Przeł. Andrzej Sawicki. Lublin: Fabryka Słów.
- Kornew, Paweł (2008). *Sopel*. Cz. 2. Przeł. Andrzej Sawicki. Lublin: Fabryka Słów.
- Krzyżanowski, Zygmunt (2008). *Most przez Styks: opowiadania wybrane*. Przeł. Hanna Karpińska i Walentyna Mikołajczyk-Trzcińska. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Malinowska, Elena (2008). *Taniec nad przepaścią*. Przeł. Izabela Wiśniewska-Repecko. Lublin: Fabryka Słów.
- Marinina, Aleksandra (2008). *Śmierć i trochę miłości*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 2. Warszawa: W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2008). *Zabójca mimo woli*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: W.A.B.
- Panow, Wadim (2008). *Wojny prowokując nieudacznicy*. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Pielewin, Wiktor (2008). *Empire V: opowieść o prawdziwym nadczłowieku*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: W.A.B.
- Pielewin, Wiktor (2008). *Kryształowy świat*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.

- Pierumow, Nik (2008). *Ziemia bez radości: księga Eltary i Argnista*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Polakowa, Tatiana (2008). *Ekskluzywny macho*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawnicze Rzeczpospolita.
- Polakowa, Tatiana (2008). *Wielki seks w małym mieście*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawnicze „Rzeczpospolita”.
- Prilepin, Zachar (2008). *Sańka*. Przeł. Kacper Wańczyk. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Puszkin, Aleksander (2008). *Fontanna Bakczysaraju*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Toruń: Wydawnictwo Aksjomat.
- Puszkin, Aleksander (2008). *Rusłan i Ludmiła*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Toruń: Wydawnictwo Aksjomat.
- Riewazow, Arsen (2008). *Samotność 12: powieść-fusion*. Przeł. Marek Jerzowski. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Rubina, Dina (2008). *Po słonecznej stronie ulicy*. Przeł. Margarita Bartosik. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Rubina, Dina (2008). *Syndykat*. Przeł. Margarita Bartosik. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Rudazow, Aleksander (2008). *Arcymag*. Cz. 2. Przeł. Agnieszka Chodkowska-Gyurics. Lublin: Fabryka Słów.
- Starobiniec, Anna (2008). *Schron 7/7*. Przeł. Ewa Skórská. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Strugaczy, Arkadij i Borys (2008). *Przenicowany świat*. Przeł. Tadeusz Gosk. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Tołstoj, Lew (2008). *Anna Karenina*. Red. Agnieszka Misiaszek. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Tołstoj, Lew (2008). *Wojna i pokój* T. 1–2. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Tołstoj, Lew (2008). *Wojna i pokój* T. 3–4. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Ugriumowa, Wiktorija, Ugriumow, Oleg (2008). *Nekromeron*. Przeł. Eugeniusz Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Zazubrin, Władimir (2008). *Drzazga: opowieść o Niej i o Niej*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

2009

- Aksionow, Wasilij (2009). *Moskwa kwa kwa*. Przeł. Jerzy Redlich. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2009). *Azazel*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2009). *Gambit turecki*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2009). *Lewiatan*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2009). *Nefrytowy różaniec*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Świat Książki.
- Babczenko, Arkadij (2009). *Dziesięć kawałków o wojnie: Rosjanin w Czeczeni*. Przeł. Karolina Romanowska. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Babel, Izaak (2009). *Opowiadania odeskie*. Przeł. Jerzy Pomianowski. Kraków; Budapeszt: Wydawnictwo Austeria Klezmerhojs.

- Basztowa, Ksenia (2009). *Wampir z przypadku*. Przeł. Izabela Wiśniewska-Repeczko. Lublin: Fabryka Słów.
- Bielanin, Andriej (2009). *Moja żona wiedźma*. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Bojaszow, Ilja (2009). *Wędrówka Murriego*. Przeł. Ewa Skórskiego. Warszawa: Prószyński Media.
- Bułhakow, Michaił (2009). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Irena Lewandowska i Witold Dąbrowski. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Bułyčzow, Kir (2009). *Wielki Guslar wita Obcych*. Przeł. Tadeusz Gosk. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Bułyčzow, Kir (2009). *Wielki Guslar wita*. Przeł. Tadeusz Gosk. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Daszkowa, Polina (2009). *Dla Nikity*. Przeł. Magdalena Michalik, Chorzów: Videograf II.
- Daszkowa, Polina (2009). *Rosyjska orchidea*. Przeł. Barbara Leszczuk. Katowice: Videograf II.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2009). *Miedziany król*. Przeł. Iwona Czapla. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2009). *Odźwierny*. Przeł. Witold Jabłoński. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2009). *Szrama*. Przeł. Witold Jabłoński. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Diwow, Oleg (2009). *Nocny obserwator*. Przeł. E. Dębski, Lublin: Fabryka Słów.
- Doncowa, Daria (2009). *Manikiur dla nieboszczyka*. Przeł. Danuta Blank. Chorzów: Videograf II.
- Doncowa, Daria (2009). *Poker z rekinem*. Przeł. Danuta Blank. Katowice; Chorzów: Videograf II.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Biesy*. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, cop. 2009.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Bracia Karamazow: powieść w czterech częściach z epilogiem*. Przeł. Adam Pomorski. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Bracia Karamazow*. Przeł. Wacław Wireński. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Idiota*. Przeł. Justyna Gładys. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Opowieści fantastyczne*. Przeł. Maria Leśniewska. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Wspomnienia z domu umarłych*. Przeł. Czesław Jastrzębiec-Kozłowski. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Dostojewski, Fiodor (2009). *Zbrodnia i kara: powieść w sześciu częściach z epilogiem*. Przeł. Czesław Jastrzębiec-Kozłowski. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Gazdanow, Gajto (2009). *Wieczór u Claire; Widmo Aleksandra Wolfa*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Grossman, Wasilij (2009). *Życie i los*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.

- Jerofiejew, Wiktor (2009). *Świat diabła: geografia sensu życia*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza Czytelnik.
- Komarowa, Waleria (2009). *Jesienne ognie*. Przeł. Michał Górnny. Lublin: Fabryka Słów.
- Kornew, Paweł (2009). *Śliski. Cz. 1*. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Kornew, Paweł (2009). *Śliski. Cz. 2*. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Makanin, Władimir (2009). *Asan*. Przeł. Jerzy Redlich. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Mandelsztam, Osip (2009). *44 wiersze i kilka fragmentów*. Przeł. Jarosław Marek Rymkiewicz. Warszawa: Wydawnictwo Sic!
- Marinina, Aleksandra (2009). *Płotki giną pierwsze*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2009). *Zabójca mimo woli*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Oldi Henry Lion (2009). *Heros powinienny być jeden*. Ks. 1. Przeł. Andrzej Sawicki. Lublin: Fabryka Słów. [украинские авторы]
- Oldi Henry Lion (2009). *Heros powinienny być jeden*. Ks. 2. Przeł. Andrzej Sawicki. Lublin: Fabryka Słów [украинские авторы].
- Pjankowa, Karina (2009). *Prawa i powinności*. Przeł. Ewa Skórskra. Lublin: Fabryka Słów.
- Płatowa, Wiktoria (2009). *Rytuał ostatniej nocy*. Przeł. Danuta Blank. Chorzów: Videograf II.
- Popławski, Borys (2009). *Automatyczne wiersze*. Przeł. Grzegorz Ojcewicz. Olsztyn: Wydawnictwo Borussia.
- Puszkin, Aleksander (2009). *Lutnia Puszkina*. Przeł. Julian Tuwim. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
- Sanajew, Paweł (2009). *Pochowajcie mnie pod podłogą*. Przeł. Izabela Korybut-Daszkiewicz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Sołżenicyn, Aleksander (2009). *Kochaj rewolucję: niedokończona powieść*. Przeł. Ewa Skórskra-Filip. Warszawa: Prószyński Media.
- Strugaczy, Arkadij i Borys (2009). *Poniedziałek zaczyna się w sobotę*. Przeł. Ewa Skórskra. Warszawa: Prószyński Media.
- Tołstoj, Lew (2009). *Ojciec Sergiusz*. Przeł. Ryszard Przybylski. Warszawa: Wydawnictwo Sic!

2010

- Akunin, Boris (2010). *Śmierć Achilleusa*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2010). *Walet pikowy*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Świat Książki.
- Berezin, Kostia (2010). *Buty Mesjasza: traktat o podniesieniu rzeczy zdegradowanej*. Przeł. Paweł Laufer. Szczecin: Wydawnictwo Forma: Stowarzyszenie Officyna.
- Bielanin, Andriej (2010). *Tajny wywiad cara Grocha*. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Bułhakow, Michaił (2010). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Irena Lewandowska i Witold Dąbrowski. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.

- Czechow, Antoni (2010). *Wybór opowiadań*. Przeł. Paweł Marczak. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Cziż, Anton (2010). *Boska trucizna*. Przeł. Agnieszka Pukowska. Kraków: Wydawnictwo Otwarte.
- Czukowska, Lidia (2010). *Zejście pod wodę*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2010). *Awanturnik*. Przeł. Witold Jabłoński. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Diaczenko, Marina i Siergiej (2010). *Następca*. Przeł. Witold Jabłoński. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Doncowa, Daria (2010). *Przesyłka dla kameleona*. Przeł. Barbara Leszczuk, E. Skórska. Katowice; Chorzów: Videograf II.
- Dostojewski, Fiodor (2010). *Biesy*. Przeł. Adam Pomorski. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Dostojewski, Fiodor (2010). *Biesy*. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Dostojewski, Fiodor (2010). *Bracia Karamazow*. Przeł. Wacław Wireński. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Drużnikow, Jurij (2010). *Pierwszy dzień reszty życia*. Przeł. Piotr Fast. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Glukhovsky, Dmitry (2010). *Metro 2034*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.
- Grossman, Wasilij (2010). *Wszystko płynie*. Przeł. Wiera Bieńkowska. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Jerofiejew, Wiktor (2010). *Bóg X*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza Czytelnik.
- Jesienin, Siergiej (2010). *Kamieniem strącam księżyce*. Przeł. Adam Pomorski. Warszawa: Świat Książki.
- Kluczariowa, Natalia (2010). *Wagon Rosja*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Koczergin, Eduard (2010). *Lalka anioła: z teki rysownika*. Przeł. Walentyna Mikołajczyk-Trzcinska. Konstancin Jeziorna: Wydawnictwo Cel.
- Lazaris, Vladimir (2010). *Biała wrona*. Przeł. Barbara Leszczuk. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo.
- Marinina, Aleksandra (2010). *Czarna lista*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2010). *Kolacja z zabójcą*. Przeł. Margarita Bartosik. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Pankiejewa, Oksana (2010). *Przekraczając granicę*. Przeł. Marina Makarevskaya. Lublin: Fabryka Słów [украинский автор].
- Pielewin, Wiktor (2010). *Generation „P”*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Pierumow, Nik (2010). *Tern*. Przeł. Iwona Czapla. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Pietruszewska, Ludmiła (2010). *Numer Jeden albo W ogrodach innych wariantów*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.

- Płatowa, Wiktoria (2010). *Kryształowa pułapka*. Przeł. Danuta Blank. Katowice; Chorzów: Videograf II.
- Polakowa, Tatiana (2010). *Pułapka na sponsora*. Przeł. Ewa Skórska. Warszawa: Bauer-Weltbild Media – Klub dla Ciebie.
- Prilepin, Zachar (2010). *Patologie*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Ratkiewicz, Eleonora (2010). *Paradoksy młodszego patriarchy*. Przeł. Ewa Białołęcka. Lublin: Fabryka Słów. [латвийский автор]
- Rubina, Dina (2010). *Pismo Leonarda*. Przeł. Margarita Bartosik. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Sadow, Siergiej (2010). *Spadkobierca Zakonu*. T. 1. Przeł. Ewa Skórska. Lublin: Fabryka Słów.
- Sadow, Siergiej (2010). *Spadkobierca Zakonu*. T. 2. Przeł. Ewa Skórska. Lublin: Fabryka Słów.
- Sołżenicyn, Aleksander (2010). *Jeden dzień Iwana Denisowicza i inne opowiadania*. Przeł. Witold Dąbrowski. Wyd. 1. w tym wyborze (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Sołżenicyn, Aleksander (2010). *Oddział chorych na raka*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Wyd. 3. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Suworow, Wiktor (2010). *Kontrola*. Przeł. Andrzej Mietkowski. Wyd. 3. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Suworow, Wiktor (2010). *Wybór*. Przeł. Andrzej Mietkowski. Wyd. 2. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szałamow, Warłam (2010). *Opowiadania kołymskie*. Przeł. Juliusz Baczyński. Wyd. 3. popr. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Tołstoj, Lew (2010). *Sonata Kreutzerowska*. Przeł. Maria Leśniewska. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Tołstoj, Lew (2010). *Wojna i pokój*. T. 1–2. Red. Katarzyna Kierejsza, Agnieszka Misiaszek. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Tołstoj, Lew (2010). *Wojna i pokój*. T. 3–4. Red. Katarzyna Kierejsza, Agnieszka Misiaszek. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Tołstoj, Lew (2010). *Zmartwychwstanie*. Przeł. Wacław Rogowicz. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Weller, Michał (2010). *Samowar*. Przeł. Barbara Pestka. Zakrzewo: Wydawnictwo Replika, cop. 2010.

2011

- Akunin, Boris (2011). *Azazel*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2011). *Dekorator*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2011). *Gambit turecki*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Akunin, Boris (2011). *Radca stanu*. Przeł. Zbigniew Landowski. Warszawa: Świat Książki.

- Bułhakow, Michaił (2011). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Irena Lewandowska i Witold Dąbrowski. Wyd. 3. ilustrowane. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Czechow, Antoni (2011). *Wybór opowiadań*. Przeł. Irena Bajkowska, Jerzy Wyszomirski. Wrocław: Wydawnictwo Siedmioróg.
- Doncowa, Daria (2011). *Słodki padalec*. Przeł. Ewa Skórska. Katowice; Chorzów: Videlograf II.
- Dostojewski, Fiodor (2011). *Idiota*. Przeł. Justyna Gładys. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Grossman, Wasilij (2011). *Życie i los*. Przeł. Jerzy Czech. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Harłamowa, Olga (2011). *Przelotne listy miłości*. Przeł. Małgorzata Marchlewska. Gdynia: Drukarnia Mirotki.
- Izmajłowa, Kira (2011). *Mag niezależny Flossia Naren*. Cz. 1. Przeł. Marina Makarevskaia. Lublin: Fabryka Słów.
- Izmajłowa, Kira (2011). *Mag niezależny Flossia Naren*. Cz. 2. Przeł. Marina Makarevskaia. Lublin: Fabryka Słów.
- Litwinowie, Anna i Siergiej (2011). *Wycieczka na tamten świat*. Przeł. Aleksandra Stronka. Gdańsk: Oficyna.
- Marienhof, Anatolij (2011). *Cynicy*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Gra na cudzym boisku*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Męskie gry*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Obraz pośmiertny*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Płotki giną pierwsze*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Śmierć i trochę miłości*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Ukradziony sen*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2011). *Złowroga pętla*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Metter, Izrail (2011). *Piąty kąt*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Mitrofanow, Ilja (2011). *Świadek*. Przeł. Aleksander Horodecki. Warszawa: Wydawnictwo Claroscuro.
- Pierumow, Nik (2011). *Brylantowy miecz, drewniany miecz*. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Pjankowa, Karina (2011). *Z miłości do prawdy*. Przeł. Ewa Skórska. Lublin: Fabryka Słów.
- Polakowa, Tatiana (2011). *Mąż do zadań specjalnych*. Przeł. Ewa Skórska. Warszawa: Weltbild Media – Klub dla Ciebie.

- Ratkiewicz, Eleonora (2011). *Tae ekkejrl!*. Przeł. Ewa Białołęcka. Lublin: Fabryka Słów.
[латвийский автор]
- Sadułajew, German (2011). *Jestem Czeczenem*. Przeł. Katarzyna Raw ska-Górecka i Wojciech Górecki. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Sołżenicyn, Aleksander (2011). *Krąg pierwszy*. Przeł. Jerzy Pomianowski (Michał Kaniowski). Wyd. 4. popr. dodr. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Sorokin, Władimir (2011). *Cukrowy Kreml*. Przeł. Agnieszka Lubomira Piotrowska. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Suworow, Wiktor (2011). *Żmijojad*. Przeł. Anna Pawłowska. Wyd. 1. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szałamow, Warłam (2011). *Opowiadania kołymskie*. Przeł. Juliusz Baczyński. Wyd. 3. popr. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szkolnikowa, Wiera (2011). *Dzieci pogranicza*. Przeł. Rafał Dębski. Warszawa: Prószyński Media.
- Szkolnikowa, Wiera (2011). *Namiestniczka*. Ks. 1. Przeł. Rafał Dębski. Warszawa: Prószyński Media.
- Szyrianow, Bajan (2011). *Niższa szkoła jazdy: powieść w nowelach o narkomanach, dla samych narkomanów i pozostałych zainteresowanych*. Przeł. Agnieszka Lubomira Piotrowska. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.
- Wojnowicz, Władimir (2011). *Życie i niezwykłe przygody żołnierza Iwana Czonkina*. Przeł. Wiktor, Dłuski. Warszawa: Polityka Spółdzielnia Pracy.
- Wołodarski, Eduard (2011). *Wolf Messing: widzący przez czas*. Przeł. Tadeusz Rubnicki. Warszawa: Planeta Media.
- Woronin, Jurij i Wałujew Rinat (2011). *Eva: życie kobiety sukcesu*. Przeł. Edward Kwapisz. Warszawa: Wydawnictwo CEL.
- Wroczek, Szymun (2011). *Piter*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.

2012

- Akunin, Boris (2012). *Kochanek śmierci*. Przeł. Wiesława Karaczewska. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Akunin, Boris (2012). *Kochanka śmierci*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Akunin, Boris (2012). *Koronacja*. Przeł. Zbigniew Landowski. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Akunin, Boris (2012). *Świat jest teatrem*. Przeł. Olga Morańska. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Babel, Izaak (2012). *Utwory zebrane*. Przeł. Jerzy Pomianowski. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Bojarinow, Władimir (2012). *Wybór wierszy*. Przeł. Aleksander Nawrocki. Warszawa: Wydawnictwo Książkowe IBiS.
- Bułhakow, Michaił (2012). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Andrzej Drawicz. Wyd. 6. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Bułhakow, Michaił (2012). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Irena Lewandowska i Witold Dąbrowski. Warszawa: Bellona: Agora.

- Bunin, Iwan (2012). *Późna godzina: opowiadania emigracyjne i „Nieszczęsne dni” (dziennik z lat 1918–1919)*. Przeł. Renata Lis. Warszawa: Wydawnictwo Sic!.
- Czudinova, Elena (2012). *Meczet Notre Dame: rok 2048*. Przeł. Aleksandra Lewandowska. Warszawa: Wydawnictwo Varsovia.
- Diakow, Andriej (2012). *Do światła*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.
- Diakow, Andriej (2012). *W mrok*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.
- Jelizarow, Michał (2012). *Bibliotekarz*. Przeł. Izabela Korybut-Daszkiewicz. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Jerofiejew, Wiktor (2012). *Dobry Stalin: powieść*. Przeł. Agnieszka Lubomira Piotrowska. Wyd. 2. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Czytelnik”.
- Kornew, Paweł (2012). *Czarne południe*. Przeł. M. Głazowski, Lublin: Fabryka Słów.
- Kornew, Paweł (2012). *Czarne sny*. Cz. 1. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Kornew, Paweł (2012). *Czarne sny*. Cz. 2. Przeł. Rafał Dębski. Lublin: Fabryka Słów.
- Kornew, Paweł (2012). *Sopel*. Cz. 1. Przeł. Andrzej Sawicki. Wyd. 2. Lublin: Fabryka Słów.
- Kuznecow, Siergiej (2012). *Skóra motyla*. Przeł. Elżbieta Górańska. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Marinina, Aleksandra (2012). *Za wszystko trzeba płacić*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Marinina, Aleksandra (2012). *Złowroga pętla*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Minajew, Siergiej (2012). *Duchless: opowieść o nieprawdziwym człowieku*. Przeł. Paweł Podmiotko. Warszawa: Wydawnictwo Claroscuro.
- Nieznaski, Fridrich (2012). *Zemsta krwi: (powieść)*. Przeł. Joanna B. Brońska. Warszawa: Wydawnictwo Zapiski Joanny Brońskiej.
- Olejnikowa, Tatiana (2012). *Wróżę z dloni kobiecej*. Przeł. Teresa Nietyksza, Opole: Stowarzyszenie Współpracy Polska – Wschód. Oddział Wojewódzki: Wojewódzka Biblioteka Publiczna im. Emanuela Smołki.
- Pielewin, Wiktor (2012). *Mały palec Buddy: powieść z przedmową Urgana Dżambona Tulku VII*. Przeł. Henryka Broniatowska. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Pielewin, Wiktor (2012). *T*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Pierumow, Nik (2012). *Imię bestii. T. 1: Spoglądając w otchłań*. Przeł. Iwona Czapla. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Pierumow, Nik (2012). *Imię bestii. T. 2: Odejście smoka*. Przeł. Iwona Czapla. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Pietruszewska, Ludmiła (2012). *Jest noc*. Przeł. Jerzy Czech. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Pietruszewska, Ludmiła (2012). *Moskwa noir*. Przeł. Ewa Skórskiego. Warszawa: Wydawnictwo Claroscuro.
- Polakowa, Tatiana (2012). *Pogoń za duchami*. Przeł. Ewa Skórskiego-Filip. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Prudnikowa, Jelena (2012). *Śmiertelne żądła Berii*. Przeł. Jan Cichocki. Warszawa: Bellona.

- Ratkiewicz, Eleonora (2012). *Lare i t'ae*. Przeł. Ewa Białołęcka. Lublin: Fabryka Słów [латвийский автор].
- Rubina, Dina (2012). *Biały gołąbek z Kordoby*. Przeł. Margarita Bartosik. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Rybaczinski, Jurij (2012). *Nie wszyscy ludzie to dranie: utwory sceniczne*. Przeł. Walenty na Mikołajczyk-Trzcińska, Kielce: Oficyna Wydawnicza Ston 2.
- Solżenicyn, Aleksander (2012). *Morelowe konfitury i inne opowiadania*. Przeł. Juliusz Baczyński, Jerzy Czech, Józef Waczków. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Suworow, Wiktor (2012). *Żmijojad*. Przeł. Anna Pawłowska. Wyd. 1 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szałamow, Warlam (2012). *Opowiadania kołymskie*. Przeł. Juliusz Baczyński. Wyd. 3 popr. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szkołnikowa, Wiera (2012). *Spadająca strzała*. Przeł. Rafał Dębski. Warszawa: Prószyński Media.
- Tołstoj, Aleksiej (2012). *To ty dotknęłaś duszy mej*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Toruń: Wydawnictwo Aksjomat.
- Tołstoj, Lew (2012). *Anna Karenina*. Przeł. Kazimiera Ilłakowiczówna. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Ulicka, Ludmiła (2012). *Daniel Stein, tłumacz*. Przeł. Jerzy Redlich. Warszawa: Świat Książki – Weltbild Polska.
- Wołodarski, Eduard (2012). *Wolf Messing: jasnowidz z Góry Kalwarii*. Przeł. Andrzej Palacz. Warszawa: Inicjał Andrzej Palacz: Lotos Poligrafia.

2013

- Akunin, Boris [ps. Anna Borisowa] (2013). *Pory roku*. Przeł. Katarzyna Maria Janowska. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Akunin, Boris (2013). *Sokół i jaskółka*. Przeł. Aleksandra Okuniewska-Stronka. Warszawa: Świat Książki.
- Bojaszow, Ilja (2013). *Czołgista kontra „Biały Tygrys”*. Przeł. Galina Palacz, Andrzej Palacz. Warszawa: Inicjał Andrzej Palacz.
- Brodski, Josif (2013). *82 wiersze i poematy*. Przeł. Stanisław Barańczak. Warszawa: Fundacja Zeszytów Literackich.
- Bułhakow, Michaił (2013). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Andrzej Drawicz. Wyd. 6 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Bunin, Iwan (2013). *Późna godzina: opowiadania emigracyjne i „Nieszczęsne dni” (dziennik z lat 1918–1919)*. Przeł. Renata Lis. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Sic!
- Buszkow, Aleksander (2013). *Antykwariusz: polowanie na złoty pociąg*. Przeł. Jan Cichoński. Warszawa: Bellona.
- Czechow, Antoni (2013). *Dramat na polowaniu: z notatek sędziego śledczego*. Przeł. René Śliwowski. Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo.
- Czyżowa, Jelena (2013). *Czas kobiet*. Przeł. Agnieszka Sowińska. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Diakow, Andriej (2013). *Za horyzont*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.

- Doncowa, Daria (2013). *Manikiur dla nieboszczyka*. Przeł. Danuta Blank. Wyd. 2. Chorzów: Wydawnictwa Videograf – Videograf II.
- Doncowa, Daria (2013). *Poker z rekinem*. Przeł. Danuta Blank. Wyd. 2. Chorzów: Wydawnictwa Videograf – Videograf II.
- Doncowa, Daria (2013). *Przesyłka dla kameleona*. Przeł. Barbara Leszczuk, Ewa Skórskiego. Chorzów: Wydawnictwa Videograf – Videograf II.
- Doncowa, Daria (2013). *Słodki padalec*. Przeł. Ewa Skórskiego. Wyd. 2. Chorzów: Wydawnictwa Videograf – Videograf II.
- Dostojewski, Fiodor (2013). *Bracia Karamazow: powieść w czterech częściach z epilogiem*. Przeł. Aleksander Wat. Wyd. 2. przejrz. i uzup. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Frei, Maks (2013). *Obcy*. Przeł. Walentyna Mikołajczyk-Trzcińska. Poznań: Zysk i S-ka.
- Litwinowie, Anna i Siergiej (2013). *Wszystkie dziewczyny kochają brylanty*. Przeł. Aleksandra Stronka. Gdańsk: Oficyna.
- Mandelsztam, Osip (2013). *Z Mandelsztama: siedem wierszy*. Przeł. Jerzy Pomianowski. Kraków: Dział Wydawnictw Instytutu Książki.
- Marinina, Aleksandra (2013). *Cudza maska*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.
- Miedinski, Władimir (2013). *Mury Smoleńska*. Przeł. Jan Cichocki. Warszawa: Wydawnictwo Czerwone i Czarne.
- Petrosjan, Mariam (2013). *Dom, w którym....* Przeł. Jerzy Redlich. Warszawa: Wydawnictwo Albatros A. Kuryłowicz [армянский автор].
- Prilepin, Zachar (2013). *Czarna małpa*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Sławnikowa, Olga (2013). 2017. Przeł. Olga Morańska. Katowice: Wydawnictwo Sonia Draga.
- Słoniński, Michał (2013). *Warszawa: opowiadania*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Sołżenicyn, Aleksander (2013). *Krąg pierwszy*. Przeł. Jerzy Pomianowski. Wyd. 4 popr. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Sołżenicyn, Aleksander (2013). *Oddział chorych na raka*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Wyd. 3. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Sorokin, Władimir (2013). *Zamień*. Przeł. Agnieszka Lubomira Piotrowska. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Stepnova, Marina (2013). *Kobiety Łazarza*. Przeł. Aleksandra Wieczorek. Warszawa: Wydawnictwo Czarna Owca.
- Suworow, Wiktor (2013). *Kontrola*. Przeł. Andrzej Mietkowski. Wyd. 3 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Suworow, Wiktor (2013). *Wybór*. Przeł. Andrzej Mietkowski. Wyd. 2 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szałamow, Warłam (2013). *Opowiadania kołymskie*. Przeł. Juliusz Baczyński. Wyd. 3 popr. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szyszkin, Michał (2013). *Nie dochodzą tylko listy nienapisane*. Przeł. Magdalena Horning. Warszawa: Oficyna Literacka Noir sur Blanc.

- Toss, Anatolij (2013). *Fantazje kobiety dojrzałej*. Przeł. Ewa Oranowska-Wróbel. Warszawa: Bellona.
- Turgieniew, Iwan (2013). *Zapiski myśliwego i inne opowiadania*. Przeł. Ewa Skórská. Poznań: Zysk i S-ka.

2014

- Akunin, Boris (2014). *Azazel*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2014). *Czarne miasto*. Przeł. Aleksandra Okuniewska-Stronka. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2014). *Gambit turecki*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2014). *Lewiatan*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2014). *Śmierć Achilleса*. Przeł. Jerzy Czech. Warszawa: Świat Książki.
- Bułhakow, Michaił (2014). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Andrzej Drawicz. Wyd. 6 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Bułyčzow, Kir (2014). *Nieziemsko piękna szafa*. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Buszkow, Aleksander (2014). *Skarb antykwariusza: mętne intrypy i tajemne pułapki syberyjskiej mafii na drodze do przejęcia zagrabionego złota*. Przeł. Jan Cichocki. Warszawa: Bellona.
- Cormudian, Suren (2014). *Dziedzictwo przodków: Tod mit uns*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.
- Dostojewski, Fiodor (2014). *Bracia Karamazow*. Przeł. Barbara Beaupré. Warszawa: MG.
- Gogol, Mikołaj. *Martwe dusze*. Przeł. Wiktor Dłuski. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Jerofiejew, Wiktor (2014). *Akimudy: nieludzka opowieść*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza Czytelnik.
- Kondratiew, Aleksander (2014). *Na brzegu Jarynia: powieść demonologiczna*, Halyna Dubyk. Olsztyn: Stowarzyszenie Wspólnota Kulturowa Borussia.
- Korecki, Danił (2014). *Antykiler 2*. Przeł. Danuta Blank. Łódź: Wydawnictwo Feeria – Wydawnictwo JK.
- Korecki, Danił (2014). *Antykiler*. Przeł. Danuta Blank. Łódź: Wydawnictwo Feeria – Wydawnictwo JK.
- Łatynina, Julia (2014). *Ziemia wojny*. Przeł. Ewa Skórská, Margarita Bartosik. Łódź: Feeria Wydawnictwo – Wydawnictwo JK.
- Łukjanienko, Siergiej (2014). *Nowy patrol*. Przeł. Ewa Skórská. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Mag.
- Łukjanienko, Siergiej (2014). *Ostatni patrol*. Przeł. Ewa Skórská. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Mag.
- Łukjanienko, Siergiej (2014). *Patrol zmroku*. Przeł. Ewa Skórská. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Mag.
- Marinina, Aleksandra (2014). *Czarna Lista*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Marinina, Aleksandra (2014). *Obraz pośmiertny*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.

- Marinina, Aleksandra (2014). *Półki giną pierwsze*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 4. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Marinina, Aleksandra (2014). *Za wszystko trzeba płacić*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Michajłow, Władimir (2014). *Stróż brata mego*. Przeł. Iwona Czapla. Stawiguda: Agencja Solaris Małgorzata Piasecka.
- Mielnikow, Rusłan (2014). *Mrówkańcza*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.
- Nabokov, Vladimir (2014). *Zaproszenie na egzekucję*. Przeł. Leszek Engelking. Wyd. 2. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Nieznanski, Fridrich (2014). *Walet karowy*. Przeł. Joanna B. Brońska. Warszawa: Wydawnictwo Zapiski Joanna Brońska.
- Pielewin, Wiktor (2014). *Batman Apollo: nadczłowiek – to brzmi superdumnie!* Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Sławnikowa, Olga (2014). *Lekka głowa*. Przeł. Zofia Siewak-Sojka. Katowice: Wydawnictwo Sonia Draga.
- Szyszkin, Witalij (2014). *Opowiadania*. Przeł. Zdzisław Iwanow. Warszawa: Warszawska Firma Wydawnicza.
- Tołstoj, Aleksiej K. (2014). *Jan z Damaszku*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Bydgoszcz: Instytut Wydawniczy „Świadectwo”.
- Wasiljew, Władimir, Łukjanienko, Siergiej (2014). *Dzienny patrol*. Przeł. Ewa Skórská. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Mag.
- Wownenko, Irada, Wiśniewski, Janusz Leon (2014). *Miłość oraz inne dysonanse*. Przeł. tekstu aut. Irady Wownenko, Katarzyna Maria Janowska. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.

2015

- Achmedowa, Marina (2015). *Musiałam umrzeć*. Przeł. Aleksandra Stronka. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Akunin, Boris (2015). *Dekorator*. Przeł. Małgorzata Buchalik. Warszawa: Świat Książki Wydawnictwo.
- Akunin, Boris (2015). *Kochanka Śmierci*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Świat Książki Wydawnictwo.
- Akunin, Boris (2015). *Koronacja*. Przeł. Zbigniew Landowski. Warszawa: Świat Książki Wydawnictwo.
- Akunin, Borys (2015). *Młokos i diabeł; Cierplenie złamanego serca*. Przeł. Piotr Fast. Zakrzewo: Wydawnictwo Replika.
- Akunin, Boris (2015). *Radca stanu*. Przeł. Zbigniew Landowski. Warszawa: Świat Książki.
- Akunin, Boris (2015). *Walet Pikowy*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Warszawa: Świat Książki.
- Balmont, Konstanty (2015). *Do kresu życia: wybór wierszy*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Bydgoszcz: Instytut Wydawniczy „Świadectwo”; Toruń: staraniem Firmy Cieplowniczej „Calor” – Przedsiębiorstwa Innowacyjno-Wdrożeniowego „Meritum”; Kraków: Firmy PolarSport.

- Bielajew, Anatolij (2015). *Gwiazdy na śniegu*. Przeł. Rafał Orlewski. Piotrków Trybunalski: Nauczycielskie Stowarzyszenie Kulturalno-Oświatowe „Nastok”.
- Bułhakow, Michaił (2015). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Andrzej Drawicz. Wyd. 6 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Bykow, Dmitrij (2015). *Uniewinnienie*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Poznań: Czwarta Strona – Grupa Wydawnictwa Poznańskiego.
- Cwietajewa, Marina (2015). *Wiersze*. Przeł. Ryszard Mierzejewski. Pieszyce: Ryszard Mierzejewski.
- Cypkin, Leonid (2015). *Lato w Baden*. Przeł. Robert Papieski. Warszawa: Fundacja Zeszytów Literackich.
- Czigrin, Jewgienij (2015). *Poganiacz: wiersze wybrane*. Przeł. Wladimir Sztokman. Bydgoszcz: Związek Literatów Polskich. Oddział Bydgosko-Toruński.
- Derieva, Regina (2015). *Chleb i sól*. Przeł. Ryszard J. Reisner. Poznań: Flos Carmeli – Wydawnictwo Warszawskiej Prowincji Karmelitów Bosych.
- Dostojewski, Fiodor (2015). *Biesy*. Przeł. Tadeusz Zagórski. Warszawa: MG.
- Dostojewski, Fiodor (2015). *Bracia Karamazow: powieść w czterech częściach z epilogiem*. Przeł. Cezary Wodziński. Lublin: Centrum Kultury.
- Dostojewski, Fiodor (2015). *Zbrodnia i kara*. Przeł. J. P. Zajączkowski. Warszawa: Wydawnictwo MG.
- Jesienin, Sergiusz (2015). *Motyw perskie i inne liryki miłosne*. Przeł. Ryszard Mierzejewski. Pieszyce: Ryszard Mierzejewski.
- Marinina, Aleksandra (2015). *Stylista*. Przeł. Aleksandra Stronka. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Pankiejewa, Oksana (2015). *Przekraczając granice*. Przeł. Marina Makarevskaya. Słupsk: Wydawnictwo Papierowy Książyc.
- Potiomkin, Aleksander (2015). *Biurko*. Przeł. Małgorzata Marchlewska. Warszawa: Poradnia K.
- Potiomkin, Aleksander (2015). *Gracz*. Przeł. M. Marchlewska. Warszawa: Wydawnictwo Poradnia K.
- Puszkin, Aleksander (2015). *Dama pikowa*. Przeł. Antoni Lange. Sandomierz: Wydawnictwo „Armoryka”.
- Salomon, Lubow (2015). *Wiersze wybrane*. Przeł. Olga Lewicka. Lublin: Wydawnictwo Episteme.
- Senczin, Roman (2015). *Rodzina Jołtyszewów*. Przeł. Magdalena Hornung. Warszawa: Oficyna Literacka Noir sur Blanc.
- Sołogub, Fiodor (2015). *Mały bies*. Przeł. René Śliwowski. Wyd. 1. w tej ed. Warszawa: Zysk i S-ka Wydawnictwo.
- Sorokin, Władimir (2015). *Cukrowy Kreml*. Przeł. Agnieszka Lubomira Piotrowska. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Stratanowski, Siergiej (2015). *Graffiti = Graffiti*. Przeł. Adam Pomorski. Gdańsk: Instytut Kultury Miejskiej: Wydawnictwo Słowo/Obraz Terytoria.

2016

- Akunin, Boris (2016). *Kochanek śmierci*. Przeł. Wiesława Karaczewska. Warszawa: Świat Książki Wydawnictwo.

- Akunin, Borys (2016). *Latający słoń; Dzieci księżyca*. Przeł. Piotr Fast. Zakrzewo: Wydawnictwo Replika.
- Bułgakow, Michał (2016). *Mistrz i Małgorzata; Czarny mag: fragmenty wczesnych wersji powieści 1928–1933*. Przeł. Krzysztof Tur. Białystok: Fundacja Sąsiedzi.
- Bułhakow, Michaił (2016). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Andrzej Drawicz. Wyd. 6 (druk). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Bułhakow, Michaił (2016). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Leokadia Anna Przebinda, Grzegorz Przebinda, Igor Przebinda. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
- Czyżowa, Jelena (2016). *Grzybnia*. Przeł. Agnieszka Sowińska. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Desombre, Daria (2016). *Duchy niebiańskiej Jerozolimy*. Przeł. Margarita Bartosik. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Dostojewski, Fiodor (2016). *Bracia Karamazow: powieść w czterech częściach z epilogiem*. Przeł. Aleksander Wat. Wyd. 2 przejrz. i uzup. (druk). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Dostojewski, Fiodor (2016). *Idiota*. Przeł. Helena Grotowska. Warszawa: Wydawnictwo MG.
- Dostojewski, Fiodor (2016). *Zbrodnia i kara*. Przeł. Zbigniew Podgórzec. Kraków: Wydawnictwo Greg.
- Gogol, Mikołaj (2016). *Martwe dusze: poemat Mikołaja Gogola*. Przeł. Krzysztof Tur. Hajnówka: Wydawnictwo Bratczyk; Białystok: Studio Wydawnicze Krzysztof Tur.
- Jesienin, Sergiusz (2016). *Wiersze liryczne*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Kornew, Paweł (2016). *Przeklęty metal*. Przeł. Rafał Dębski. Słupsk: Wydawnictwo Pierwowy Księzyc.
- Kornew, Paweł (2016). *Tam gdzie ciepło*. Przeł. Rafał Dębski. Warszawa; Lublin: Fabryka Słów, 2016.
- Kurajew, Michaił (2016). *Sprawa Kukujewa: powieść*. Przeł. Jan Cichocki. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Ławrow, Aleksander (2016). *Pierścień węża*. Przeł. Agnieszka Papaj-Żołyńska. Warszawa: Wydawnictwo 12 Posterunek.
- Marinina, Aleksandra (2016). *Gra na cudzym boisku*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Marinina, Aleksandra (2016). *Kolacja z zabójcą*. Przeł. Margarita Bartosik. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Marinina, Aleksandra (2016). *Ukradziony sen*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 4. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Marinina, Aleksandra (2016). *Złowrogą pętlą*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 4. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal.
- Nabokov, Vladimir (2016). *Splendor*. Przeł. Anna Kołyszko. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza.
- Pankiejewa, Oksana (2016). *Pierwszy dzień wiosny*. Przeł. Marina Makarevskaya. Słupsk: Wydawnictwo Papierowy Księzyc.
- Pasternak, Borys (2016). *Doktor Żywago*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 4. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.

- Pawłow, Oleg (2016). *Opowieść z ostatnich dni: trylogia*. Przeł. Wiktor Dłuski. Warszawa: Oficyna Literacka Noir Sur Blanc.
- Polakowa, Tatiana (2016). *Kolekcjoner*. Przeł. Aleksander Janowski. Warszawa; Konstancin-Jeziorna: Wydawnictwo Rea-SJ.
- Polakowa, Tatiana (2016). *Niebiosa rozstrzygnęły inaczej*. Przeł. Jan Cichocki. Warszawa; Konstancin-Jeziorna: Wydawnictwo Rea-SJ.
- Prilepin, Zachar (2016). *Klasztor*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Poznań: Czwarta Strona - Grupa Wydawnictwa Poznańskiego.
- Solomon, Bart (2016). *Nieuniknione*. Przeł. Zbigniew Dmitroca, Ewangelina Skalińska, Marian, Kisiel. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe UKSW.
- Szabałów, Denis (2016). *Prawo do użycia siły*. Przeł. Paweł Podmiotko. Kraków: Insignis Media.
- Szałamow, Warlam (2016). *Opowiadania kołymskie*. Przeł. Juliusz Baczyński. Wyd. 3 popr. (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Ustinowa, Tatiana (2016). *Przedziwne są Twe dzieła, Panie*. Przeł. Waldemar Gajewski. Warszawa; Konstancin-Jeziorna: Wydawnictwo Rea-SJ.
- Wodołazkin, Jewgienij (2016). *Laur*. Przeł. Ewa Skórskra. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka.

2017

- Aksionow, Wasilij (2017). *Pokolenie zimy*. Przeł. Maria Putrament. Warszawa: Prószyński Media.
- Akunin, Borys (2017). *Dziwny człowiek; Grzmijcie, fanfary zwycięstwa!*. Przeł. Piotr Fast. Zakrzewo: Wydawnictwo Replika.
- Baratyński, E., Kozłow, I., Puszkin A (2017). *Trzy poematy romantyczne*. Przeł. Andrzej Lewandowski. Bydgoszcz: Instytut Wydawniczy „Świadectwo”.
- Baryakina, Elvira (2017). *Miłość w czasie rewolucji*. Przeł. Rafał Dębski. Warszawa: Prószyński Media.
- Bułhakow, Michał (2017). *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. Julia Celer. Wyd. 2. zaktualizowane. Kraków: Wydawnictwo Greg.
- Bułhakow, Michaił (2017). *Pan Piłsudski i inne opowiadania: w tym cztery dotąd niepublikowane*. Przeł. Barbara Dohnalik. Kraków: Wydawnictwo Vis-a-vis Etiuda.
- Czechow, Antoni (2017). *Śmierć urzędnika; Kameleon; Człowiek w futerale*. Przeł. Agnieszka Marciniuk. Wyd. 3 popr. Kraków: Wydawnictwo Greg.
- Dostojewski, Fiodor (2017). *Łagodna: opowiadanie fantastyczne*. Przeł. Zbigniew Podgórczec. Kraków: Wydawnictwo Greg.
- Dostojewski, Fiodor (2017). *Młokos*. Przeł. A. Grodt, Warszawa: Wydawnictwo MG.
- Dostojewski, Fiodor (2017). *Wspomnienia z martwego domu*. Przeł. Józef Tretiak. Warszawa: Wydawnictwo MG.
- Dostojewski, Fiodor (2017). *Zbrodnia i kara*. Przeł. J. P. Zajączkowski. Poznań: Wydawnictwo Ibis.
- Dostojewski, Fiodor (2017). *Zbrodnia i kara*. Przeł. Zbigniew Podgórczec. Wyd. 3 popr. Kraków: Wydawnictwo Greg.
- Jachina, Guzel (2017). *Zulejka otwiera oczy*. Przeł. Henryk Chłystowski. Warszawa: Oficyna Literacka Noir sur Blanc.

- Jerofiejew, Wiktor (2017). *Ciało*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Czytelnik”.
- Jesienin, Sergiusz (2017). *Wiersze wybrane*. Przeł. Ryszard Mierzejewski. Pieszyce: Ryszard Mierzejewski.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Czarna lista*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Cudza maska*. Cz. 2. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Egzekucja w dobrej wierze*. Cz. 1. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Poznań: Czwarta Strona – Grupa Wydawnictwa Poznańskiego; Warszawa: Edipresse Polska: [Grupa Wydawnicza Foksal].
- Marinina, Aleksandra (2017). *Gra na cudzym boisku*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Iluzja grzechu*. Cz. 1. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Iluzja grzechu*. Cz. 2. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Jasne oblicze śmierci*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Kolacja z zabójcą*. Przeł. Margarita Bartosik. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Męskie gry*. Cz. 1. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Męskie gry*. Cz. 2. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Obraz pośmiertny*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Półtki giną pierwsze*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Stylista*. Cz. 1. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.

- Marinina, Aleksandra (2017). *Śmierć i trochę miłości*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Ukradziony sen*. Przeł. Ewa Rojewska-Olejarczuk. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Za wszystko trzeba płacić*. Cz. 1. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Za wszystko trzeba płacić*. Cz. 2. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Zabójca mimo woli*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Złowroga pętla*. Przeł. Elżbieta Raw ska. Wyd. 1. kieszonkowe. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B. – Grupa Wydawnicza Foksal: Edipresse Polska.
- Marinina, Aleksandra (2017). *Życie po życiu*. Przeł. Aleksandra Stronka. Wyd. 1 kieszonkowe. Poznań: Czwarta Strona – Grupa Wydawnictwa Poznańskiego; Warszawa: Edipresse Polska: [Grupa Wydawnicza Foksal].
- Megre, Władimir (2017). *Dzwoniące cedry Rosji*. Ks 2. Przeł. Krystyna Bałchan. Kwiejce Nowe: Stowarzyszenie „Wartościowa Książka”.
- Nieznaski, Fridrich (2017). *Operacja Kryształ*: (powieść). Przeł. Joanna B. Brońska. Warszawa: Wydawnictwo Zapiski Joanna Brońska.
- Płatonow, Andriej (2017). *Dół*. Przeł. Adam Pomorski. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.
- Płatonow, Andriej (2017). *Wykop*. Przeł. Aleksander Janowski. Konin: Wydawnictwo Psychoskok.
- Solżenicyn, Aleksander (2017). *Oddział chorych na raka*. Przeł. Michał B. Jagiełło. Wyd. 3 (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Suworow, Wiktor (2017). *Akwarium*. Przeł. Andrzej Mietkowski. Wyd. 1 w tej edycji (dodr.). Poznań: Dom Wydawniczy Rebis.
- Szumił, Paweł (2017). *Samotny smok*. Przeł. Jacek Izworski. Kraków: Ridero.
- Wownenko, Irada, Wiśniewski, Janusz Leon (2017). *Miłość oraz inne dysonanse*. Przeł. Irada Wownenko, Katarzyna, Janowska, Maria. Wyd. 2. Kraków: Znak Litera Nova – Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.

RECENZJE I OMÓWIENIA
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ
REVIEWS AND OVERVIEWS

ZBIGNIEW ŹAKIEWICZ. W CZASIE ZATRZYMANE.
TOM II: ZE ZBIGNIEWEM ŹAKIEWICZEM – NA KRESACH
I W BEZKRESIE, POD REDAKCJĄ KATARZYNY WOJAN
(GDAŃSK, WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU
GDAŃSKIEGO, 2017, SS. 205)

(nadesłano: 25.06.2018; zaakceptowano: 26.06.2018)

Tom drugi wraz z częścią pierwszą o tym samym tytule *W czasie zatrzymane*¹, dwutytułowa dwutomowa księga pamięci w hołdzie „śp. Zbigniewowi Źakiewiczowi – Literatowi, Uczonemu, charyzmatycznemu Nauczycielowi wielu pokoleń znakomitych akademików”. W dziękkczynnej, ogromnie uważnej i dyskursywnie precyzyjnej *Przedmowie* redaktor obydwu tomów Katarzyna Wojan podkreśla gatunkowo heterogeniczne treści tomu komentarzowego, tak adekwatne do przebogatej kulturowo sylwetki bohatera wydania i jego dorobku.

Moja opinia na temat tomu to tylko kilka refleksji literaturoznawczych na stronie.

Tytuł dwutomowego wydania jest cytatem, zaczerpniętym z tytułu dzieła samego Autora: Zbigniew Źakiewicz, *Ujrzane, w czasie zatrzymane*, Biblioteka „Tytułu”, Gdańsk: Marabout 1996, i może sugerować dyskursywną metaforę ‘pisania Źakiewiczem’, co wydaje się również bardzo adekwatne dla wielu tekstów tomu. Także podtytuł drugiego tomu: *Ze Zbigniewem Źakiewiczem na Kresach i w bezkresie*, znakomicie projektuje jego zawartość, składającego się z czternastu artykułów, z których część konceptualizuje właśnie geograficzno-spacjalny, przestrzenny plan tekstów Źakiewicza, by dociec w ten sposób fenomenu jego kulturowej tożsamości.

Jako repatriant z Kresów Wschodnich do Polski centralnej, zamieszkały następnie już do końca życia w granicznej nadmorskiej przestrzeni – w Gdańsku, Zbigniew Źakiewicz poszukiwał tożsamości w kontekście wielokulturowości, w „skazie” azjatyckością, związaną, z jednej strony z jego tatarskim rodowodem, z drugiej – interpretowaną przez rosyjską literaturę jako turkijski (azjatycki) element rosyjskiej mentalności, który przesądził o jej, Rosji, historiozoficznym manicheizmie.

¹ Zbigniew Źakiewicz, *W czasie zatrzymane*, t. I: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008*, zebrał M. Źakiewicz, oprac. naukowo orazstępem opatryła K. Wojan, Gdańsk 2017: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Poszukiwanie przez Żakiewicza własnej tożsamości staje się dominantą problemową materiałów zawartych w obydwu tomach, a w tomie komentarzowo-badawczym zorientowaną na semiotykę granicy oraz lustra, odbicia, enancjomorfizmu (semiotyki lustrzanej).

Franciszek Apanowicz w tekście *Moje spotkania ze Zbigniewem Żakiewiczem – Pisarzem, Nauczycielem, Człowiekiem* konstatauje, że „problem nieuchwytniej, rozszczepiającej się tożsamości stanowi jeden z ważniejszych motywów”, cytując fragment *Wilczych Łąk*:

Jest tak, jakbym przed lustrem stał, w sobie był skryty, przez siebie odczuwany i przez tego drugiego siebie w lustrze oglądany. A gdy jeszcze lustro do tego lustra się przystawi, wówczas otwierają się stopnie lustrzane w głąb wiodące. Stopień po stopniu – a w każdym razie ja jestem wtopiony jak mucha w żelatynę. I tak zstępuję w głębię. Tu jestem taki, jaki jestem teraz, a tam – uciekający w przestrzeń bez granic i sam jestem w tym lustrze bez granic. I czasu dla mnie nie ma... (cyt. za Apanowiczem, s. 80).

Tekstocentryczny charakter osobowości bohatera tomu strukturuje nie tylko po-graniczność jako najważniejszą dla samoświadomości perspektywę, jak też uważał Michaił Bachtin, ale i utrwaloną przez romantyków i trwale przypisaną Rosji „bezgraniczną pustkę”, „bezkres” właśnie – jako kategorię kulturową. W ten sposób pojęcie „bezkresu” w podtytule książki uzyskuje tropieczną dwuznacznosć: kosmiczne koncepcje „bezkresu” jako wieczności/universum/wszechświata – z jednej strony, z drugiej – przestrzenną oraz mentalną charakterystykę Rosji. Obydwa sensy odpowiadają już nieziemskiemu statusowi Żakiewicza-człowieka oraz komunikatywnie inspirującej nieskończoności-niewyczerywalności jego tekstów jako pisarza i naukowca.

Tytułowy „bezkres” jako metafora Rosji, którą Żakiewicz, rusycysta i rosojognawca, odnajdywał w sobie samym jako pierwiastek manichejski, wschodni, azjatycki, krzyży się z jego doświadczeniem przestrzeni geograficznej. W artykule *Miłosza i Żakiewicza manichejski klucz do Rosji* Zbigniew Kaźmierczyk przekłada kod geograficzno-spacjalny na filozoficzno-egzystencjalny, tak bliski Żakiewiczowi, czytającemu „Rosję azjatycką”:

Persewerującym motywem pisarza stanie się bezkres: „Kraina pusta, ziemia wyzyskana i opuszczona” (...). Minie trzydzieści lat, aż refleksja na temat przestrzeni powiąże się z manichejskim egzystencjalizmem.

Analiza komunizmu uwzględnia tym razem profecję Włodzimierza Sołowjowa, który głosił nadziejście panowania pammongolizmu nad Europą. U Aleksandra Błoka tą niszczycielską siłę jest rosyjski lud. Żakiewicz w Buninie widzi gorliwego pieczę zniszczenia przez ten lud starego świata. Piecy oczyszczenia przez krew interesują polskiego pisarza jako antyświątowici dualiści, którzy bezmierną tąsknotę (jak bezkresną przestrzeń Rosji) łączyli z akcją rewolucyjną pod hasłem: „wszystko albo nic” (...) (s. 53).

Uwikłanie w kulturowe i geograficzne transgresje, widzenie z pozycji pogranicza, z medyczno-semiotycznej, którą to perspektywę Bachtin uważa za najbardziej produktywną dla rozumiejącego oględzu cudzego vs. swojego, to, podobnie jak u Czesława Miłosza, znak firmowy pisarstwa Żakiewicza. Jak przekonuje Kaźmierczyk:

Rosja Dostojewskiego stała się dla Żakiewicza sposobnością wglądu w samego siebie i poprzez siebie odkrywanie Rosji (s. 49).

Kategorie przestrzeni i tożsamości spręgają się w twórczości Źakiewicza, kreując jego indywidualną poetykę. Bardzo udanie eksplikuje ją Bogusław Żyłko w mitopoetycznym studium *Wyobraźnia przestrzenna Zbigniewa Źakiewicza*, poświęconym kartograficznej poetyce Źakiewicza. W perspektywie semiotyczno-filozoficznej Żyłko analizuje takie lokusy w Źakiewiczowskiej twórczości literackiej i paraliterackiej (dzienniki, szkice, felietony, przygodne zapiski), które mają wymiar archetypalny oraz chronotypalny, czasoprzestrzenny, jak Kosmos i Dom. Bardzo niebanalnie, bo w konwencjach Gogola, odczytuje też przestrzenne modelowanie *Krajobrazów* jako grę deformującymi przestrzeń i mapę artystyczną punktami widzenia.

Źakiewiczowską poetykę tożsamości intrugująco analizuje Kazimierz Nowosielski, łącząc dociekania nad mechanizmem narracji, prowadzonej przez nieoczywistego dla czytelnika narratora N.N. – autorskiego sobowtóra, współgrającego z realnym zachowaniem Autora-człowieka:

Można domniemać, iż właśnie na użytek zamieszczonych w obu utworach (*Dziennik intymny mego N.N.* oraz *Pożądanie Wzgórz Wiekuistych* – A. M.) tożsamościowych dywagacji, obserwacji i przemyśleń pisarz stworzył tytułowego N.N. – kogoś jakby identycznego z nim i nieco obcego mu jednocześnie (...) – kogoś niby nieznanego samemu twórcy (wszak skrótem *nn* zwykło się oznaczać człowieka z istotnych powodów ważnego, acz anonimowego; łac. *nomem nescio*; co się wykłada: imienia nie znam), choć przecie przez niego samego powołanego do literackiego zaistnienia. Raz zdaje się on jakimś superego artysty (jego nadjaźnią), raz – tym, co najdogłębiej skryte i niedostępne w nim samym (id), czasem aniołem stróżem, doradcą, powiernikiem lub adwersarzem nawet. Bywa, że prezentuje się jako jego zwierciadlane odbicie, cień, sobowtór... W każdym razie widzimy w nim swoistego świadka i uczestnika owego niezwykle istotnego dla całości pisarskiego dorobku autora *Rodu Abaczów* sporu o sens i wartość (antropologiczną, metafizyczną, estetyczną...) zagadnień związanych z ludzką tożsamością. Jego obecność także da się odnaleźć nawet w najbardziej fikcyjonalnych utworach gdańskiego prozaika (s. 68–69).

Zaświadczenie wielostronność i głębię Źakiewicza jako pisarza gdańskiego, omawiany tom stanowi wydarzenie *literaturoznawcze* o ponadregionalnym wymiarze. Harmonijnie i wzorcowo łączy on bowiem czuły dyskurs eseistyczno-wspomnieniowy z terminologiczno-kategorialną dyscypliną badawczą w jej nowoczesnym wydaniu: z poetyką, tak adekwatną do literaturocentryzmu bohatera tomu, że swojej opinii o tomie nie bałabym się zaliczyć do kategorii prac na temat „literatury w teorii”, że posłużę się formułą tytułu monografii amerykańskiego literaturoznawcy Jonathana Cullera (2013, s. 29).

Już sama kompozycyjna dwuczęściowość niniejszej edycji programuje dyskurs literaturoznawczy jako strukturalną dominantę tomu drugiego, badawczo-komentarzowego wobec paraliterackiej twórczości Źakiewicza, zaprezentowanej w tomie pierwszym. Warto więc w tym miejscu przypomnieć, że właśnie dyskurs literaturoznawczy jest dzisiaj kluczowy w perspektywie interdyscyplinarnej, literatura bowiem jest dziś „własnością różnorodnych dyskursów, których literackość – własności narracyjne, retoryczne i performatywne – można analizować przy pomocy metod zarezerwowanych dotąd dla analizy literackiej” (Culler, 2013, s. 29). Tak dla przykładu historyczne badania Nowego Historyczyzmu obierają za swój przedmiot nie tyle historyczne wyjaśnianie, ile objaśnianie struktur zainteresowania literackiego.

Także „akademią rządzi literatura, choć rządzi w przebraniu. (...) szereg naukowców i dyscyplin stosuje do opisu świata terminy wywiedzione z terenu badań literackich. Bada także różne wymiary tego zjawiska: powrót praktyki opowiadania do kręgu podstawowych zagadnień w historii (mówi o „epidemii opowiadania”), która miała się za wolną od takich humanistycznych, literackich zatrudnień, powszechny powrót do anegdoty i autobiografii, pochwała „gęstego opisu” i „wiedzy lokalnej”, a także wykorzystywanie figury „rozmowy” w historii, filozofii, feminizmie czy antropologii. Dzisiejsza przemiana nauk humanistycznych polega na tym, że wiedza przyjmuje formy literackie. (...) Literatura rządzi”, twierdzi Culler (2013, s. 29), a niniejszy tom to potwierdza.

Literaturoznawczy dyskurs omawianego tomu wybija się na plan pierwszy już w *Przedmowie* Katarzyny Wojan, podkreślającej ujęcie twórczości Źakiewicza poprzez pryzmat poetyki (dodajmy: jako teorii dzieła literackiego): „Na niniejszy tom składa się czternaście artykułów dotyczących wybranych wątków biograficznych oraz refleksji na temat twórczości literackiej i naukowej Zbigniewa Źakiewicza (1933–2010), tworzących jego unikalny portret pisarski”. Jako zdanie wprowadzające w zawartość tomu łączy twórczość pisarską i naukową poprzez słowo „refleksja”, przywołując kontekst teorii z jej analitycznością i refleksyjnością. Istotnie, mówiąc o teksthach omawianego tomu, Autorka *Przedmowy* różnicuje ich charakter jako struktur wypowiedzeniowych, akcentując w ten sposób komunikacyjny aspekt tekstopisarski zawartości tomu, co podobnie jak samo operowanie pojęciem „tekstu” jest wyznacznikiem dyskursu o semiotycznej proveniencji.

Tom drugi jako całość istotnie przynosi instruktywny wgląd w dzieło życia Zbigniewa Źakiewicza poprzez jego poetyki, badawcze praktyki struktur tekstowych, zarówno artystycznych, jak i paraartystycznych oraz naukowych. Klucz poetologiczny okazuje się najadekwatniej dobranym kluczem, bowiem rozpiętość geograficzno-kulturowa dzieła Pisarza i Badacza, jak i Jego złożony rodowód etniczny implikują wielość poetyk: etniczną, kartograficzną itd.

Tatiana Czerska jako głęboka znawczyni pisarstwa Źakiewicza także akcentuje tę wielość poetyk, m.in. poetykę groteski i literatury sobótowej, mitu, konfesyjną, poetycką. Poetologia zaś, czyli badanie poetyki „polega właśnie na owej próbie rozwiązania systematycznego rozumienia semiotycznych mechanizmów literatury – przeróżnych strategii jej form” (Culler, 2013, s. 220).

Anna Majmieskułowa, Bydgoszcz, 25.09.2018

Bibliografia

- Culler, J. (2013). *Literatura w teorii*. Przeł. M. Maryl. Kraków: Universitas.
 Źakiewicz, Z. (2017). W czasie zatrzymane. T. 1: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008*. Zebrał M. Źakiewicz. Oprac. naukowo oraz wstępem opatrzyła K. Wojan. Gdańsk 2017: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

ANNA MAJMIESKUŁOWA

Emerytowany prof. nadzw. Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy
 e-mail: majmiesk@ukw.edu.pl

ДУША „МЕРТВЫХ ДУШ”:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. А. ШУЛЬЦА
ПОЭМА ГОГОЛЯ „МЕРТВЫЕ ДУШИ”:
ВНУТРЕННИЙ МИР И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ
КОНТЕКСТЫ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: АЛЕТЕЙЯ, 2017)

(получено: 25.03.2018; принято: 26.03.2018)

Присмотримся внимательнее к названию книги С.А. Шульца: что такое «внутренний мир» в наиболее привычном для нас понимании? Автор монографии пишет на очень смелую, но и привлекательную тему. Шульц предлагает нам подумать о природе «души» *Мёртвых душ*.

И хотя непосредственно проблеме «внутреннего мира» гоголевского шедевра посвящен только первый раздел, а второй и третий (вместе занимающие более трёх четвертей текста) ориентируются на анализ литературных и философских контекстов, метафора поиска души *Мёртвых душ* продолжает работать. Литературные и философские связи поэмы Гоголя – это что-то вроде жизни произведения в формате «метемпсихоза».

Проследим, какой же оказывается душа *Мёртвых душ* в анализе Шульца, жива ли она?

В первой главе первого раздела рассматривается традиционный мифологический субститут души – имя. По мысли Шульца, фамилия «Гоголь», которая опознаётся самим великим писателем как «птичье имя», сложно связана с мифопоэтикой «птицы-тройки», главного «живого» образа мира *Мёртвых душ*.

Учёный видит за этим «птичьим» измерением сложное сплетение контекстов поэзии, свободы, духовного воскресения. Добавим от себя сравнение: выявленная смысловая структура похожа на нелинейное единство феноменов творчества, святости, духовности и проч., которую выстраивает Стивен Дедал в *Портрете художника в юности* Дж. Джойса в конгломерате образов крылатой музы, крыльев Икара-Дедала, голубя (Святого Духа), полёта души, египетского божества письменности Тота (с головой ибиса), ирландского божества мудрости, сопровождаемого птицами, и т.д. По понятным причинам в мифопоэтических

контекстах Гоголя отсутствуют Тот и ирландский бог мудрости, остальные элементы могут подразумеваться с большей или меньшей степенью вероятности.

Вот как видит автор рецензируемой монографии образующуюся в этой связи у Гоголя картину: «Гоголь отождествлял поэзию и мифологию, взлет фантазии и птичий взлет ввысь, будущую поэтическую «птицу-тройку» (вариацию Музы и Пегаса) с птицей вообще, с птицей-душой: в мифологии птица часто является воплощением души. Так сходятся в единой интертекстуальной целостности «птичье имя» (автор), «птица-тройка» (Россия) и душа» (с. 15).

Далее в первом «имманентном» разделе монографии рассмотрены другие важнейшие варианты топологии души: пространство и время (время связано с категорией души как минимум со временем Канта, хотя Шульц критикует «субъективную» кантовскую модель) и вставная «Повесть о капитане Копейкине», «внутреннее» в самой структуре текста. Борьба за цензурное разрешение на «Повесть» предстаёт в рассмотрении Шульца почти как борьба Гоголя за душу своего произведения.

Второй интертекстуальный раздел начинается с вопроса о связи «Мёртвых душ» с карнавальной традицией и фольклорным смехом. В карнавальном мире нет места для однозначно мёртвого, не готового с лёгкостью обернуться живым. Правда, здесь нет места и для такой субстанции, как вечная душа (это моё мнение, которое может не совпадать с видением автора монографии). Карнавальное измерение гоголевского мира в этой главе рассмотрено на фоне фольклорных жанровых моделей дразнилок, загадок и прочее.

В главе «Чичиков: Одиссей или Эней?» изучены возможные эпические античные контексты гоголевского шедевра. Представляется ценным, что здесь привлекаются не только канонические образы этих героев у Гомера и Вергилия, но и современные Гоголю пародирующие адаптации, в частности образ Энея в комическом эпосе Котляревского.

Карнавальное и античное соединяются в следующих главах в анализе мениппейских традиций, а также жанровой модели «диалога мёртвых» в творчестве Гоголя (гл. 3–4). Здесь хочется обратить внимание на разбор источников, по которым Гоголь мог бы быть знаком с традицией мениппеи.

Переходя к литературным контекстам эпохи Ренессанса, Шульц предлагает неожиданный поворот темы «Гоголь и Данте». Вместо общеизвестной программной параллели «Мёртвые души» – «Божественная комедия», учёный предлагает осмыслить переклички между поэмой Гоголя и лирической книгой Данте *Новая жизнь*. Это произведение Данте представляет ещё один вариант ренессансного решения проблемы смерти-возрождения, угасания-обновления, отдалённо связанный с карнавальным контекстом.

Такого рода достаточно неожиданная параллель тем продуктивнее, что, по имеющимся сведениям, в ненаписанных томах гоголевского шедевра должна была появиться своя Беатриче, именно идеальная женщина и любовь должны были стать одним из оснований для воскресения.

Правда, Шульц от такого развития темы отказывается: «У Гоголя дантовский любовно-возвышенный сюжет заменен сюжетом движения от низкого к высокому вне эротической составляющей. Имеет место предельно уточняющее Дан-

те расширение сюжета до ситуации отношений человека и Бога в их взаимной любви (чему соответствует новозаветное понятие «агапе»)» (с. 110). И женская тема в *Мёртвых душах* интерпретируется исследователем на примере образцов первого тома в основном как пародийно-сатирическая (скажем, в истории «любви» к губернаторской дочке), хотя, возможно, все аспекты этой темы, как её понимает Шульц, не были раскрыты в этой главе.

Так или иначе, нет настоящих причин для спора о статусе женского начала в сюжете смерти-воскресения у Гоголя, с учётом того, что положительный вариант у него всё равно не удался.

Разного рода аспекты взаимодействия *Мёртвых душ* и вариаций карнавализованной литературы анализируются в разделах «Гоголь и ренессансная литература о «дураках» (С. Брант, Эразм Роттердамский, немецкие народные книги и др.)», «Проблема преображения героев Гоголя и жанровые модификации плутовского романа», «Гоголь и жанр карнавализованных видений потустороннего мира (Кеведо, Филдинг)» и «Гоголь и просветительская мениппея (Дж. Свифт)».

Интересно, что если творчество Достоевского породило много исследований авантюрной стороны его художественного мира (от Л.П. Гроссмана и М.М. Достоевского до наших дней), то изучение этого аспекта «Мёртвых душ», герой которых прямо выставлен плутом, явно остаётся недостаточным. С.А. Шульц существенно восполняет эту лакуну, впрочем, концентрируя внимание на религиозном переосмыслинии авантюрной темы (герой плутовского романа как «хороший» разбойник из истории распятия Христа).

В связи с авантюрным контекстом предлагаю немного завиральную идею, которая не претендует на научность, но возникает из соединения контекстов, предложенных Шульцем: любовь к губернаторской дочке – обязательный элемент канонической пиратской истории, наряду с сокровищами мертвцевов, «мёртвых душ» («Мёртвые души» – «Пираты российского моря»).

Далее поэма Гоголя рассматривается на широчайшем фоне жанровых традиций травелога, фаустовской темы, романа воспитания, ирои-комической поэмы, «кладбищенской элегии». Здесь «вечными спутниками» Гоголя оказываются Гёте, Новалис, Т. Манн, Радищев, Жуковский, Пушкин и многие другие.

Третий раздел монографии дополняет богатый материал второго раздела философскими контекстами. Здесь идёт речь как о собственно философах (Гераклит, Шеллинг, Хайдеггер, С. Булгаков), так и о «философствующих» писателях (Гончаров, Л. Толстой).

Историко-литературный и философский фон *Мёртвых душ*, как он показан в рецензируемой монографии, оказывается настолько плотным и многолюдным, что мы вынуждены воскликнуть «Вергилию» Шульцу, как Данте на пороге Ада (пер. М.Л. Лозинского):

А вслед за ним столь длинная спешила
Чреда людей, что, верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих истребила.

И это огромное поле многомерных перекличек в монографии даётся не обзорно, а достаточно подробно, с вниманием к важным нюансам и примечатель-

ным деталям. Так или иначе, всё это проявляет искреннее и трепетное отношение автора монографии к «живой» душе *Мёртвых душ*. Можно сказать, что этот принцип пронизывает в равной степени и «синхронистический» и «диахронические» разделы книги.

Всё сказанное позволяет утверждать, что монография Шульца состоялась и может быть интересна гоголеведам и всем интересующимся русской литературой в её связях с мировой словесностью.

АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ

Томский государственный университет

Филологический факультет

Кафедра русской и зарубежной литературы

634050, г. Томск, пр. Ленина, 34, корпус № 3 ТГУ, Россия

e-mail: akaz75@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9074-231X>

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ *РАССКАЖИ МНЕ ОБО ВСЕМ:*
ПОСОБИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ДРУЖЕСКОЙ
ПЕРЕПИСКЕ АВТОРОВ МАМПЕ ИОАННЫ,
ОВЧИННИКОВОЙ ЛАДЫ (ГДАНЬСК: ИЗДАТЕЛЬСВО
ГДАНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2017)

(получено 23.07.2018; принято 24.07.2018)

Вышедшее в 2017 году пособие по русскому языку как иностранному для польских учащихся *Расскажи мне обо всем: пособие по русскому языку в дружеской переписке* Иоанны Мампе и Лады Овчинниковой является одним из немногих за последние десятилетия, национально ориентированных учебных изданий. Как пишут в аннотации сами авторы:

Эта книга не имеет привычного для учебных пособий деления на грамматические или лексические темы. Новые и полезные для вас слова, выражения, грамматические конструкции вы будете находить по ходу развития действия, появления в общении девушек новых ситуаций, которые они хотят, конечно же, оценить и обсудить со всех сторон. Кроме того, благодаря приведённым в конце учебника ключам, у вас будет возможность проверить, правильно ли вы поняли и используете новые слова и выражения.

Такое объяснение устраниет некоторые вопросы методического, дидактического характера, потенциально возникающие у преподавателей, собирающихся использовать данное пособие в работе со студентами.

Само пособие построено как переписка двух подруг, русской девушки и польской студентки, приехавшей изучать русский язык в Калининград. Выбор города определяет и лингвокультурологическую, страноведческую информацию, содержащуюся в переписке девушек. С одной стороны, такое сужение географии может показаться моментом, ограничивающим области применения учебного пособия, но с другой стороны, это, на наш взгляд, наоборот показывает направленность на аудиторию определенного места проживания / обучения. Так как учебник предлагается польским студентам, то логичнее предположить тесную связь с теми российскими городами и университетами, находящимися в них, которые расположены недалеко от Польши, и имеют длительные культурные

отношения с польскими учебными заведениями. Информация страноведческого характера, такая как описание работы фонда «Русский мир», РЦНК (Российские центры науки и культуры при Россотрудничестве), МИД (Министерство иностранных дел) показывает нацеленность авторов на создание «живых» текстов с объективно существующими реалиями и работающими структурами на территории России. Это может оказаться стимулом для учащихся и педагогов к активному поиску возможностей повысить свой уровень владения русским языком и педагогическую квалификацию в учебных заведениях РФ (о чем можно прочитать на сайте Россотрудничества и МИДа). Информация о польских реалиях, данная на русском языке, позволит студентам расширить, в том числе, и свои собственные знания о традициях, истории, культурных особенностях Польши.

К несомненным плюсам данного пособия можно отнести использование актуальной лексики и фразеологии, пусть и несколько отличающейся от лексического минимума уровня 1 ТРКИ (а нам кажется, что именно с этого уровня можно рекомендовать пособие для работы с иностранной аудиторией), но представляющей собой живой, общеупотребительный, условно адаптированный (для учебных целей) русский язык на современном этапе его развития. Тем самым авторы готовят студентов к тому, что все материалы, изученные с помощью пособия, как грамматические, так и лексические, обязательно пригодятся учащимся в активной внеурочной коммуникации с носителями языка. Выбор тем, которые затрагиваются в переписке двух подруг, также способствует развитию коммуникативных навыков учащихся, дает набор устоявшихся конструкций и речевых штампов, относящихся к культурному коду изучаемого языка. Отработке нового материала, почертнутого из электронных писем подруг (здесь надо заметить, что выбранная форма письма – электронная – как нельзя лучше способствует передаче необходимой информации во вневербальном виде, не вызывая при этом отторжения у учащихся, которые, по большей части, при отсутствии навыков написания бумажных писем ежедневно пользуются email'ами) помогают послетекстовые задания, которые в то же время являются и объяснением грамматического, фразеологического, синтаксического материала. Даются примеры на сочетаемость из актуальных конструкций, варианты предложно-падежного управления у глаголов, совершенный и несовершенный его виды, устойчивые выражения и фразеологизмы – обширный языковой материал отрабатывается с помощью достаточно разнообразного методического репертуара упражнений, что способствует активизации деятельности студентов на уроке, поддерживает учебную мотивацию и нацеленность на результат. Отдельное спасибо можно сказать авторам за простановку ударений в текстах – несмотря на то, что пособие рассчитано на уровень не ниже В1 (по классификации европейского языкового портфеля), – проблема с правильным произношением и интонированием встречается достаточно часто, особенно у студентов, чей родной язык принадлежит к группе славянских языков, что указывает на наличие определенной интерференции, достаточно трудно преодолимой на таких высоких уровнях.

В целом, учебное пособие *Расскажи мне обо всем: пособие по русскому языку в дружеской переписке* можно рекомендовать как для аудиторных занятий с преподавателем, так и для индивидуальной работы самих учащихся с небольшими оговорками:

- перед работой преподаватель должен четко понимать уровень предполагаемой учебной аудитории (от В1 и выше);
- степень лингвострановедческой и культурологической информированности студентов как о России, так и своей стране (некоторые тексты априори подразумевают наличие у слушателей достаточно хорошей подготовки в области истории, географии России, ее культурных особенностей, знаний обычаяев и традиций – то же можно сказать и о Польше);
- существующие вкрапления молодежного сленга в текстах, оправданные предполагаемыми коммуникативными ситуациями и намерениями говорящих, никак не должны мешать общему восприятию информации данных текстов;
- послетекстовая работа с предлагаемыми упражнениями может носить характер самостоятельной работы только после детального разбора всех новых слов / конструкций / вариантов употребления уже знакомых глаголов на занятии под непосредственным контролем преподавателя.

Учет странового компонента делает данное пособие актуальным для его использования в высших учебных заведениях Польши и вузах России, где предполагается набор групп польских студентов для продолжения изучения русского языка как иностранного (от уровня не ниже I ТРКИ), слушателей Летних курсов, групп краткосрочного обучения.

ЕКАТЕРИНА РУБЛЕВА

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Кафедра современных методов обучения русскому языку
ул. Академика Волгина д. 6, 117485, г. Москва, Россия
e-mail: ekaterina.rubleva@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6569-2736>

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
ПОДХОД (ГДАНЬСК 2018)

(получено 15.10.2018; принято 17.11.2018)

Современное языкоzнание, далеко вышедшее за пределы собственного методологического аппарата и синхронического описания строго лингвистических фактов и факторов, активно простирает свои интересы на проблемы, носящие комплексный характер и имеющие отношение к другим наукам гуманитарного блока. И это неслучайно: происходящие в социально-экономическом и общественно-культурном поле перемены и связанные с ними процессы перераспределения актуальных межгосударственных и межнациональных точек соприкосновения со всей очевидностью говорят о необходимости изучения и описания многообразных социокультурных трансформаций лингвистического и коммуникационного уровней, приводящих к появлению новых тенденций в пространстве текста / дискурса и (как результат) – к обновлению языковой картины мира.

Будучи амбивалентной по своей природе – самым устойчивым и одновременно самым диффузным субстратом универсума, – иерархически организованная система любого естественного (этнического) языка сегодня оказывается областью синергии как общетеоретических, так и практико-ориентированных научных направлений, раскрывающих различные стороны речевой деятельности и верbalного поведения в целом. Особое место в данном исследовательском процессе, безусловно, принадлежит социолингвистике – области интеграции антропоцентрического, когнитивно-семиотического и коммуникативно-прагматического подходов к анализу фактов функционирования языка, позволяющей наиболее достоверно фиксировать многоплановые преобразования в системе человеческого мировосприятия и взаимодействия.

В этой связи актуальность рецензируемого сборника научных статей несомненна: лингвоцентристическое осмысление ценностно-идеологических доминант разнокодовых и разножанровых текстов требует высокой метаязыковой воору-

женности, невозможной без характеристики онтологической сущности и специфических признаков конституентов современных социальных интеракций. Системный анализ базисных компонентов коммуникативных практик обеспечивается наличием в сборнике трех пересекающихся разделов: лингвострановедение и диалектология, актуальные дискурсы, лингвистические исследования в образовательном аспекте, тем самым задается научное поле, предполагающее синтез социологии, семасиологии, лингвокультурологии, коммуникологии и собственно языкоznания.

Несомненным достоинством рецензируемого сборника является разнообразность тематического поля статей. Так, значительный интерес представляют работы, освещающие когнитологические параметры текстовых единиц – дихотомию репрезентации языкового и психологического, механизмы концептуализации знака, аксиологические маркеры (М. Ящевска, И. Ольшевска, М. Ноиньска, К. Велондек). Не менее интересными являются научные воззрения авторов на современные речевые реалии – семантико-функциональную адаптацию заимствований в условиях транслингвального пространства, компаративный анализ способов трансляции вербальных знаков, особенности лексико-стилистической экспликации языковых единиц, эколингвистические проблемы (И. Антоненко, Е. Воячек, Ж. Сладкевич, Т. Копац, Д. Станулевич). Лингвометодический блок рецензируемого сборника демонстрирует не только pragматико-дидактическую ориентированность работ, но и их существенную теоретическую составляющую: от анализа психомыслительной деятельности индивида как основы применения знаний в новой коммуникативной среде, описания новаций в методике преподавания иностранного языка до выявления особенностей межкультурной коммуникации – как в самом широком, полиэтническом, так и в конкретном, межличностном смысле (Е. Петрась, М. Марцишевска, Л. Овчинникова и И. Мампе, А. Хай и К. Вондовская-Леснер). Скрепой же всего представленного корпуса статей следует считать их направленность на решение актуальнейшей для мирового образовательного пространства задачи – повышение общей и профессиональной компетентности обучающихся и их дальнейшую самореализацию.

Рецензируемый сборник, несомненно, имеет практическую ценность: методологические основания междисциплинарного исследования современного информационного общества могут быть корректно экстраполированы на другие языковые явления (парадигматически или синтагматически соотносимые), а результаты представленных исследований, бесспорно, найдут применение в преподавании курсов и спецкурсов по социолингвистике, лингвокультурологии, компаративистике, типологическому языкоznанию и в лексикографической и ортографической практике.

В целом предлагаемое научное издание демонстрирует современную парадигму лингвистического знания, интегрирующую разносторонние и разновидовые вопросы теории и практики языка и смежных с ними отраслей, определяет вектор дальнейшего творческого поиска ученых в гуманитарной области и несомненно будет интересно и полезно научным работникам, преподавате-

лям, обучающимся языковых вузов, практикующим переводчикам, широкой педагогической общественности.

НАТАЛЬЯ БОЖЕНКОВА

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Кафедра общего и русского языкознания
ул. Академика Волгина 6, Москва, 117485, Россия
e-mail: nabozhenkova@pushkin.institute
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

KRONIKA
ХРОНИКА
CHRONICLE

SPRAWOZDANIA NAUKOWE
НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ
SCIENTIFIC REPORTS

GDAŃSKIE ŻAKIEWICZIANA. PRZYWRACANIE PAMIĘCI¹

...Czytajcie Żakiewicza.
Tak mało go znamy.
Tadeusz Skutnik²

Spotkania z Żakiewiczem

„Z ludźmi takimi jak Zbigniew Żakiewicz odchodzą całę epoki” – nostalgicznie skonstatował Tadeusz Skutnik w swym wspomnieniu *Zbigniew Żakiewicz: Chłopiec o Lisiej twarzy* napisanym tuż po nieoczekiwanyem odejściu pisarza. Istotnie, Żakiewicz był osobowością znaczącą, nietuzinkową – był nie tylko wybitnym pisarzem i publicystą, ale też znakomitym rusycystą i rosjoznawcą, doskonałym interpretatorem dzieł literackich, a także utalentowanym tłumaczem naukowym i przekładowcą literatury rosyjskiej³, choć w rzeczy samej działalność traduktologiczna zajmuje relatywnie niewielką częstkę jego dorobku intelektualnego. Pamięć o nim winna być należycie pielęgnowana, to wręcz powinność środowiska gdańskiego, a przede wszystkim akademickiego. Doktor Zbigniew Żakiewicz z Uniwersytetem Gdańskim związany był aż 31 lat (początkowo z gdańską WSP), dlatego twórcy „Rossiców” podejmują cyklicznie inicjatywy naukowe i popularnonaukowe mające na celu komemorację dzieła gdańskiego wykładowcy i literata.

Przed trzema laty w piątą rocznicę śmierci Zbigniewa Żakiewicza w tomie drugim niniejszych „Studiów...” (2015) zamieszczono kilka tekstów wspomnieniowych o tym wybitnym pisarzu oraz bibliografię jego dorobku naukowego i literackiego. W kwiet-

¹ Tekst jest zmodyfikowaną wersją relacji: K. Wojan, *Spotkanie literackie: promocja książek „W czasie zatrzymane” Żakiewicza i o Żakiewiczu* oraz tejże: *Kilka słów o „W czasie zatrzymane”*, które zostały zamieszczone w tegorocznym wydaniu specjalnym „Gazety Uniwersyteckiej: Piśmie Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego”, zredagowanym naukowo przez Katarzynę Wojan oraz Zbigniewa Kaźmierczyka i opatrzonym tytułem: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*.

² Skutnik, T. (2010). *Zbigniew Żakiewicz: Chłopiec o Lisiej twarzy*. *Gazeta Krakowska* 6.07.2010.

³ O tym: Wojan, K. (2018). Przekłady Żakiewicza i z Żakiewicza. *Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego*. Wojan, K. i Kaźmierczyk, Z. (red.). Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*, s. 16–17.

niu 2016 roku zaś po raz pierwszy w historii Uniwersytetu Gdańskiego na Wydziale Filologicznym odbyło się seminarium naukowo-literackie „Kiedy Żakiewicz był wśród nas...”, zorganizowane przez zespół Redakcji „Rossiców” wspólnie ze Stowarzyszeniem Pisarzy Polskich – Oddziałem Gdańskim, które poprowadziły: Katarzyna Wojan oraz Bożena Ptak – prezes oddziału, znana poetka, zaprzyjaźniona z pisarzem. Wówczas w roli prelegentów wystąpili: dr Maciej Żakiewicz, prof. Bogusław Żyłko, prof. Irena Fijałkowska-Janiak i Aleksander Jurewicz. Wydarzenie uświetnił Jerzy Kiszkis, który po mistrzowskiu recytował wybrane fragmenty znanych dzieł pisarza.

Ważnym ubiegłorocznym przedsięwzięciem naukowym była edycja książek: *W czasie zatrzymane Zbigniewa Żakiewicza i o Zbigniewie Żakiewiczu – tom 1: Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008* zebranych przez Macieja Żakiewicza oraz tom 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem – na Kresach i w bezkresie*. Obie księgi w opracowaniu naukowym Katarzyny Wojan ukazały się nakładem Wydawnictwa Uniwersytetu Gdańskiego w serii „Biblioteka Studia Rossica Gedanensia” (Gdańsk 2017). Niezwyczajny trafny podtytuł dla tomu drugiego zaproponował prof. Franciszek Apanowicz. Ta oryginalna dylogia ożywia istotnie pamięć o Zbigniewie Żakiewiczu. Wypełnia tym samym niezrozumiałą lukę w świecie nauki, w szczególności gdańskiej. Tom drugi jest bowiem pierwszą w tym środowisku monografią wieloautorską traktującą o fascynującej osobowości i niezwykłych dziełach gdańskiego rusycysty. Spotkanie naukowe połączone z promocją wydawniczą obu pozycji odbyło się 22 marca 2018 roku w starym budynku Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego.

Sesja promująca niezmiernie cenny poznawczo i kulturowo dorobek naukowy i literacki Zbigniewa Żakiewicza została zorganizowana przez prof. nadzw. dr hab. Katarzynę Wojan, redaktor naczelną rocznika „Studia Rossica Gedanensia”, prof. nadzw. dra hab. Zbigniewa Kaźmierczyka, prezesa Oddziału Gdańskiego Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza i współtwórcę „Rossiców”, oraz prof. zw. dra hab. Kazimierza Nowosielskiego, poetę, a w latach 1989–1990 – prezesa Gdańskiego Oddziału Stowarzyszenia Pisarzy Polskich. W promociji udział wzięli m.in. dr Maciej Żakiewicz, autorzy znakomitych tekstów do książki o Żakiewiczu, dawni koleżanie i przyjaciele pisarza: byli wykładowcy uniwersyteccy, dziekan senior prof. Andrzej Ceynowa, członkowie Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza – Oddziału Gdańskiego, przedstawiciele Nadbałtyckiego Centrum Kultury w Gdańsku, poeci i pisarze. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego reprezentowali: dyrektor Joanna Kamień, redaktor Małgorzata Kaczmarek, specjalista ds. organizacji i marketingu Łukasz Gwizdała. Debatę uświetnili znani gdańscy pisarze: Paweł Huelle oraz Aleksander Jurewicz, którzy podzielili się swymi barwnymi wspomnieniowymi opowieściami o Żakiewiczu.

W mowie powitalnej prof. Katarzyna Wojan podkreśliła, że pamięć o pisarzu została nieco przykurzona. Słowa głębszej wdzięczności skierowała do osób wspierających inicjatywę pielęgnowania pamięci o Żakiewiczu oraz podejmowania prób nowych odczytań jego twórczości. W pierwszej kolejności podziękowała prof. Bogusławowi Żyłce, który był głównym inspiratorem działań publikatorskich, a ponadto „wielką opoką w pokonywaniu trudności różnego typu (...), dobrym i życzliwym doradcą,

recenzentem obu prac⁴. Podkreśliła, że pierwszym życzliwym krytykiem na etapie prowadzenia żmudnej redakcji tomu zatytułowanego *W czasie zatrzymane* był prof. Kazimierz Nowosielski, który już wcześniej dostrzegał potrzebę przypomnienia Żakiewicza i spojrzenia na jego twórczość z nowej perspektywy. Wyraziła też wdzięczność prof. Zbigniewowi Kaźmierczykowi za motywowanie do działań, cenne wskaźówki i prowadzone dyskusje. Gorące podziękowania złożyła również prof. Marcellinie Grabskiej, która przed kilkoma laty zechciała podzielić się wiedzą na temat zamiaru wydania antologii małych utworów Żakiewicza przez jego syna – Macieja. Doceniając zaś wkład autorów tekstów tomu drugiego, zwróciła się do nich słowami: „Współpraca naukowa z Państwem była dla mnie zaszczytnym doświadczeniem i wspólnym, pięknym przeżywaniem twórczości Żakiewicza. Wasze teksty to wspaniałe wykłady, które będą trwale służyć innym!”⁵. Zaakcentowała realne wsparcie i zrozumienie dla podjętej inicjatywy naukowej ze strony ówczesnego dziekana Wydziału prof. Andrzeja Ceynowy.

Spotkanie promocyjne przekształciło się w ciekawą dyskusję naukowo-literacką. Wybrane wątki z biografii ojca przedstawił – okiem wytrawnego historyka – dr Maciej Żakiewicz. Własne spojrzenie na całokształt twórczości literackiej Zbigniewa Żakiewicza zaprezentował prof. Kazimierz Nowosielski, który dokonał również oryginalnych interpretacji Żakiewiczowskich dedykacji. Aspekt Rosji w dorobku pisarza znamionicie zobrazował w swym wystąpieniu prof. Zbigniew Kaźmierczyk, podkreślając, że książka *Rosja, Rosja...* jest jedną z najcenniejszych pozycji w polskiej rusycystyce. Głos zabrali również: prof. Bogusław Żyłko oraz prof. Irena Fijałkowka-Janiak.

Księgi pamięci

Tom pierwszy dylogii *W czasie zatrzymane...* opatrzony tytułem: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008* to antologia 161 intelektualnych tekstów, doskonale dobranych przez syna pisarza, które dotychczas istniały w rozproszeniu. Szkice te ukażywały się wcześniej na łamach znanych polskich periodyków, takich jak „Gwiazda Morza” i „Kwartalnik Artystyczny”. Pojedyncze teksty pojawiały się w miesięcznikach katolicko-społecznych: w „Naszej Rodzinie” i „Recogito”, w literackich „Tekstach Drugich”, a także w poczytnych dziennikach regionalnych: „Dzienniku Bałtyckim” i „Gazecie Morskiej”. Cykle szkiców Żakiewicza dotykają złożonej problematyki filozoficzno-teologicznej, moralno-społecznej, kulturalno-artystycznej oraz tożsamościowo-autobiograficznej. Jak stwierdza prof. Franciszek Apanowicz: „Eseje i szkice nie tylko na temat literatury rosyjskiej, ale także o literaturze i kulturze polskiej i europejskiej, w tym o religii i chrześcijaństwie, stanowią bardzo ważną i nader obszerną część całego jego dorobku” (Apanowicz, 2015, s. 522). Żakiewicz poruszał w nich chętnie problematykę ogólnospołeczną, komentował bieżące wydarzenia polityczne i prezentował własny światopogląd – jako polski patriota z Kresów. Szkice Żakiewicza to również barwna kronika życia kulturalnego Wybrzeża, którą tworzą reminiscencje, dywagacje, wspomnienia, diatriby, recenzje teatralne i literackie, a tak-

⁴ Cytat pochodzi z autorskiego przemówienia wygłoszonego podczas promocji książek 22.03.2018.

⁵ Ibidem.

że przejmujące nekrologi. Pisarz ukazał bogaty wachlarz zjawisk świadczących o duchowym bogactwie życia mieszkańców naszego regionu. W swoich małych formach Żakiewicz opowiadał niezwykle fascynując o spotkaniach przedstawicieli kultury polskiej, rosyjskiej, białoruskiej, litewskiej, a nawet fińskiej. Kreślił niezwykłe sylwetki najważniejszych twórców kultury rodzimej, i szerzej – słowiańskiej, z którymi zawiązł bliskie przyjaźnie. Ze szkiców tych wyłania się plejada znakomitych aktorów i aktorek, reżyserów, pisarzy i poetów, publicystów, artystów. Do panteonu czołowych gdańskich inicjatorów życia kulturalnego, którym Żakiewicz poświęcił w swych szkicach wiele miejsca, należą literaci i poeci, tacy jak: Selim Chazbijewicz, Stefan Chwin, Mieczysław Czychowski, Aleksander Jurewicz, Piotr Kotow, Kazimierz Nowosielski, Paweł Huelle i in., tłumacze: Piotr Pankiewicz, Andrzej Zgorzelski i in., a także znani uczeni, pracownicy Uniwersytetu Gdańskiego: prof. Franciszek Apanowicz, prof. Małgorzata Czerwińska, prof. Maria Janion, śp. prof. Jerzy Godwod, prof. Grzegorz Ojcewicz, prof. Bogusław Żyłko i in. Antologię tekstów poprzedza refleksyjna wypowiedź prof. Niny Taylor-Terleckiej z Uniwersytetu w Oxfordzie.

Tom drugi serii zatytułowany *Ze Zbigniewem Żakiewiczem – na Kresach i w bezkresie* zawiera czternaście tekstów dotyczących wybranych wątków biograficznych oraz refleksji na temat twórczości literackiej i naukowej Żakiewicza, tworzących jego unikalny portret pisarski. Ich autorami są osoby reprezentujące różne środowiska akademickie (gdańskie, białostockie, olsztyńsko-szczycieńskie oraz szczecińskie), związane z pisarzem relacjami o różnym stopniu bliskości i zażyłości: przyjaciele, współpracownicy, uczniowie, a także młodsi uczeni zafascynowani jego bogatym i niezwykłym dorobkiem intelektualnym. Teksty do książki przygotowali: Tatiana Czerska (*O Zbigniewie Żakiewiczu* oraz *Fotografie Zbigniewa Żakiewicza – uobecnianie Nieobecnego*), Bogusław Żyłko (*Wyobraźnia przestrzenna Zbigniewa Żakiewicza*), Grzegorz Czerwiński (*Żakiewicz i Tatarzy: biografia – literatura – etniczność*), Zbigniew Kaźmierczyk (*Miłosza i Żakiewicza maniejski klucz do Rosji*), Piotr Koprowski (*Pamięć i lektura. Kilka refleksji na kanwie szkiców literackich Zbigniewa Żakiewicza*), Kazimierz Nowosielski (*Zbigniew Żakiewicz i jego N.N.*), Franciszek Apanowicz (*Moje spotkania ze Zbigniewem Żakiewiczem – Pisarzem, Nauczycielem, Człowiekiem*), Irena Fijałkowska-Janiak (*Zbyszek Żakiewicz – mój Nauczyciel*), Grzegorz Ojcewicz (*Szczęśliwi, którzy pochodzą Wzgórz Wiekuistych*), Hieronim Chojnacki (*Wątki religijno-duchowe w szkicach literackich z lat 1977–2008 Zbigniewa Żakiewicza*), ks. Wiesław Lauer (*Zbigniew Żakiewicz – piewca Bożego Miłosierdzia*) i Maciej Żakiewicz (*O związkach rodzinnych Zbigniewa Żakiewicza z pogórzańską wsią Kobylanka koło Gorlic oraz Powrócić do Wilna. O malarstwie Eugeniusza Kazimirowskiego*). Zamieszczone w książce teksty przybierają heterogeniczne formy wypowiedzi, nierzadko zawierają silny pierwiastek emocjonalny i ewokacyjny. Są wśród nich artykuły naukowe, eseje, retrospekcje, a także dokumenty osobiste w postaci listów – żywiołowej korespondencji Grzegorza Ojcewicza ze Zbigniewem Wołk-Wołczackim. Tom drugi jest bardzo ekspresywny, pełen emocji o różnym natążeniu, którymi podszyte są teksty napisane przez osoby bliskie Żakiewiczowi. Autorzy artykułów, którzy z kolei kontakt z samym Żakiewiczem mieli znikomy, czerpią dziś z jego twórczości, odkrywając nowe szlaki interpretacyjne i wiedzenia różnych światów przedstawionych w jego dziełach.

Bibliografia

- Apanowicz, F. (2015). Zbigniew Żakiewicz – rusycysta. Uwagi i wspomnienia w piątą rocznicę śmierci. *Studia Rossica Gedanensia*, t. 2, s. 513–523.
- Skutnik, T. (2010). Zbigniew Żakiewicz: Chłopiec o Lisiej twarzy. *Gazeta Krakowska* 6.07.2010. Online: <http://www.gazetakrakowska.pl/artykul/278359,zbigniew-zakiewicz-chlopiec-o-lisiej-twarzы,3,id,t,sa.html> (11.08.2018).
- Wojan, K. (2017). *W czasie zatrzymane*. T. 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem – na Kresach i w bezkresie*. (Biblioteka Studia Rossica Gedanensis). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Wojan, K. (2018). Przekłady Żakiewicza i z Żakiewicza. *Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego*. Wojan, K. i Kaźmierczyk, Z. (red.). Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*, s. 16–17.
- Wojan, K. (2018). Spotkanie literackie: promocja książek „W czasie zatrzymane” Żakiewicza i o Żakiewiczu. *Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego*. Wojan, K. i Kaźmierczyk, Z. (red.). Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*, s. 18–20.
- Wojan, K. (2018). Kilka słów o „W czasie zatrzymane”. *Gazeta Uniwersytecka. Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego*. Wojan, K. i Kaźmierczyk, Z. (red.). Wydanie specjalne: *Zbigniew Żakiewicz. In memoriam*, s. 20–20.
- Żakiewicz, Z. (2017). *W czasie zatrzymane*. T. 1: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008*. Zebrał M. Żakiewicz. Opracowała naukowo oraz wstępem opatrzyla K. Wojan. (Biblioteka Studia Rossica Gedanensis). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdańskim
Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki
Pracownia Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0368-727X>
(nadesłano: 10.09.2018; zaakceptowano 15.10.2018)

autor fotografii Łukasz Bień

ZE WSPÓŁPRACY ZAGRANICZNEJ WARSZAWSKICH RUSYCYSTÓW W OSTATNICH TRZECH LATACH (OBSZAR LITERATUROZNAWSTWA)

(nadesłano 5.09.2018; zaakceptowano 17.12.2018)

Bez współpracy z zagranicą, zarówno instytucjonalnej, jak i indywidualnej, nie sposób wyobrazić sobie funkcjonowania współczesnego świata, w szczególności kształcenia na poziomie wyższym oraz nauki. Mobilność akademicka kojarzy się zwykle z działaniami w ramach Erasmusa, umownie rzecz ujmując, programów takich jest bowiem więcej i na przestrzeni czasu ich zasady podlegały zmianom. Studenci i pracownicy Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego mają możliwość wyjazdu do pięciu uniwersytetów, z którymi jednostka ma podpisane umowy: w Jyväskylä (Finlandia), Tallinie (Estonia), Daugavpils (Łotwa), Uniwersytetu Komeńskiego w Bratysławie (Słowacja) i Katolickiego Uniwersytetu w Leuven (Belgia). Wśród nich są ośrodki w państwach (Estonia, Łotwa), w których język rosyjski jest drugim powszechnie używanym, co dla studentów oznacza pobyt w środowisku zbliżonym do naturalnego rosyjskojęzycznego i codzienny kontakt z użytkownikami tego języka. Współpraca naukowa kojarzona jest zwykle z umowami dwustronnymi. W 2016 roku Instytut Rusycystyki UW wyszedł z inicjatywą podpisania umowy między Uniwersytetem Warszawskim a Narodowym Badawczym Tomskim Uniwersytetem Państwowym (Rosja), przewidującej współpracę o szerokim zakresie i z udziałem naukowców różnych specjalności. Pierwszym przedsięwzięciem w jej ramach stała się międzynarodowa konferencja naukowa pt. *Syberia. Wizje literackie – wizje dokumentalne* w dniu 19 października 2016 roku w Warszawie, a w roku następnym wydanie pod redakcją Piotra Głuszkowskiego książki pod takim tytułem. Tematyka syberyjska jest obecna w pracach kierowanego przez Piotra Głuszkowskiego Koła Naukowego Dialogu i Współpracy ze Wschodem oraz w wielu wykładach gości zagranicznych.

Podane wyżej przykłady współpracy zagranicznej warszawskich rusycystów pochodzą z ostatnich trzech lat. Dlaczego warto dokonać ich przeglądu właśnie z tego okresu? Nie tylko dlatego, że przybrała ona wtedy na intensywności i „wciągnęła” na większą niż dotąd skalę najmłodsze pokolenie badaczy. W 2016 roku ukazał się specjalny numer wysokonakładowego i dostępnego w wersji elektronicznej czasopisma

„Russkij jazyk za rubieżom” („Русский язык за рубежом. Учебно-методический иллюстрированный журнал. Специальный выпуск”), wprawdzie noszący podtytuł „Polska rusycystyka”, ale poświęcony Instytutowi Rusycystyki i przygotowany w związku z 200-leciem Uniwersytetu Warszawskiego. Na jego zawartość złożyły się artykuły – w większości pracowników instytutu – z zakresu literaturoznawstwa i językoznawstwa rusycystycznego oraz artykuły na temat historii i współczesności jednostki od strony naukowej i dydaktycznej, w tym materiały rzucające światło na metody nauczania języka i literatury oraz wykorzystania zbiorów Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie. Od wydania tego numeru współpraca zagraniczna warszawskich rusycystów zaowocowała wieloma przedsięwzięciami, przede wszystkim literaturoznawczymi, którym warto przyjrzeć się bliżej.

Głównymi partnerami naukowymi i organizacyjnymi stały się w ostatnich trzech latach Państwowe Muzeum-Posiadłość „Ostafiewo” – „Rosyjski Parnas” (Государственный музей-усадьба „Остафьево” – „Русский Парнас”) i Dom Rosyjskiej Emigracji imienia Aleksandra Sołżenicyna (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына) w Moskwie oraz Instytut Polski i Stacja Naukowa Polskiej Akademii Nauk w Moskwie.

Muzeum w Ostafiewie, dawnej posiadłości rodów Szeremetiewów i Wiaziemskich oraz miejscu pracy historyka i poety Nikołaja Karamzina, gościło uczestników dwóch międzynarodowych konferencji naukowej poświęconych Adamowi Mickiewiczowi. Pierwsza – zatytułowana *Adam Mickiewicz. Polska – Rosja – Wschód* – została zorganizowana 28 października 2017 roku przez IR UW wraz z Instytutem Polskim i Ambasadą Rzeczypospolitej Polskiej w Moskwie, reprezentowanymi przez Pana Włodzimierza Marciniaka, Ambasadora Nadzwyczajnego i Pełnomocnego RP w Moskwie oraz Dariusza Klechowskiego, Dyrektora Instytutu Polskiego. Spotkanie zakończyła prezentacja wydanej w 2017 roku monografii pod redakcją Magdaleny Dąbrowskiej i Piotra Głuszkowskiego *Mikołaj Karamzin i jego czasy* (Dąbrowska, Głuskowski, 2017), będącej pokłosiem wydarzenia sprzed ponad roku – międzynarodowej konferencji naukowej pod takim tytułem, zorganizowanej w dniach 19–20 maja 2016 roku Warszawie. Druga konferencja – pod tytułem *Mickiewicz 2018* – odbyła się 19 grudnia 2018 roku. Inną „odsłoną” zainicjowanych przez IR, tym razem z Gdańskim Oddziałem Towarzystwa Literackiego Adama Mickiewicza kierowanym przez Zbigniewa Kaźmierczyka, rusycystyczno-polonistycznych spotkań mickiewiczologicznych stała się międzynarodowa konferencja naukowa pt. *Adam Mickiewicz i Rosjanie* w dniach 24–25 maja 2018 roku w Warszawie. Obowiązki jej sekretarza pełnił Michał Kozdra. Ostatnim wydarzeniem związanym z Adamem Mickiewiczem był zorganizowany przez Gdańskie Oddział Towarzystwa Literackiego Adama Mickiewicza wykład Piotra Głuszkowskiego pt. *Mickiewicz – Bułharyn – Puszkin. Literackie powiązania*, wygłoszony w dniu 5 grudnia 2018 roku na Uniwersytecie Gdańskim.

Dom Rosyjskiej Emigracji imienia Aleksandra Sołżenicyna zaistniał jako darczyńca ponad trzystu książek z zakresu rosyjskiej literatury pięknej oraz opracowań rosjaznawczych. Uroczystość przekazania tej kolekcji Bibliotece Uniwersyteckiej w Warszawie, z udziałem Pana Siergieja Andriejewa, Ambasadora Rosji w RP i z wykładem gościnnym rektora Instytutu Literackiego imienia Maksima Gorkiego, otworzyła międzynarodową konferencję naukową pt. *Literatura i władza – związki na gruncie*

rosyjskim (*XIX–XX wiek*), zorganizowaną w dniach 17–18 maja 2017 roku z myślą o wspólnej dyskusji doświadczonych i młodych rusycystów z Polski oraz Rosji. Dom Rosyjskiej Emigracji reprezentowała na niej Swietłana Romanowa. W tym samym roku pod redakcją Magdaleny Dąbrowskiej, Piotra Głuszkowskiego i Katarzyny Roman-Rawskiej, została wydana monografia *Literatura i władza. Związki na gruncie rosyjskim w XVIII–XXI wieku* (Dąbrowska, Głuskowski, Roman-Rawska, 2017), którą otwiera naukowe omówienie kolekcji przekazanej przez stronę rosyjską.

Osoba i dzieło Aleksandra Sołżenicyna stały się tematem międzynarodowej konferencji naukowej pt. *Aleksander Sołżenicyn i rosyjska emigracja* w dniach 19–20 października 2017 roku w Warszawie oraz książki tak zatytułowanej (Dąbrowska, Głuskowski, 2018), wydanej pod redakcją Magdaleny Dąbrowskiej i Piotra Głuszkowskiego w toruńskiej Pracowni Wydawniczej EIKON w 2018 roku. Ten sam wydawca zainteresował się także książką *Staroprawosławie wczoraj i dziś* pod redakcją Adama Jaskólskiego (Jaskólski, 2018), będącą owocem międzynarodowej konferencji naukowej pod takim samym tytułem w dniu 21 listopada 2017 roku. Wyszła ona jesienią 2018 roku, a jej pierwszymi czytelnikami mieli szansę stać się uczestnicy drugiej warszawskiej konferencji o staroprawosławiu, zorganizowanej w dniach 29–30 listopada 2018 roku. Na grudzień 2019 roku została zaplanowana trzecia konferencja o staroprawosławiu, której przygotowanie zasugerowali zresztą sami badacze tej tematyki. Co ciekawe, na konferencji w listopadzie 2018 roku spotkali się przedstawiciele trzech pokoleń polskich badaczy staroprawosławia, mistrzowie wytyczający szlaki, ich uczniowie oraz generacja najmłodsza.

Jak widać, zainteresowania naukowe literaturoznawców z Instytutu Rusycystyki kierowały się w ostatnich latach w różnych kierunkach, poczynając od wielkich indywidualności życia kulturalnego Rosji (Karamzin, Sołżenicyn), a kończąc na polsko-rosyjskich związkach literackich (Mickiewicz). W tym ostatnim kontekście warto wspomnieć o Stacji Naukowej PAN w Moskwie, kierowanej przez Marka Pakcińskiego, która wraz z IR oraz Rosyjskim Państwowym Uniwersytetem Humanistycznym w Moskwie była współorganizatorem międzynarodowej konferencji naukowej pt. *Polsko-rosyjskie kontakty literackie w XIX wieku – nowe perspektywy badawcze* w dniu 22 listopada 2016 roku w Moskwie.

Przeglądy aktywności konferencyjno-publikacyjnej kończą się zwykle statystykami: ilu referentów czy autorów wzięło udział w poszczególnych przedsięwzięciach oraz z ilu i jakich krajów pochodzili. Pomińmy te dane, ograniczając się do stwierdzenia, że pozwalają one mówić o warszawskiej rusycystyce uniwersyteckiej jako miejscu przyciągającym uczonych zagranicznych. Ludzie nauki chętnie wracają do Warszawy, wracają przy bardzo różnych okazjach. Ciekawsze wydaje się zwrócenie uwagi na inną kwestię, mianowicie: na okładki wymienionych wyżej książek – one także są bowiem rezultatem współpracy międzynarodowej. Widnieją na nich przetworzone artystycznie zdjęcia przekazane przez zagraniczne instytucje kultury: gabinetu Karamzina w pałacu w Ostafiewie, podarowane przez „Rosyjski Parnas” na okładkę książki *Mikołaj Karamzin i jego czasy*, czy też stołu zecerskiego z egzemplarzem *Archipelagu GUŁAG* z paryskiego wydawnictwa YMCA-Press, przesłanego przez Tatianę Victoroff ze Strasburga jako ilustracja do książki *Aleksander Sołżenicyn i rosyjska emigracja*. Na okładce książki *Staroprawosławie wczoraj i dziś* znalazło się zaś przetworzone arty-

stycznie zdjēcie molenny staroobržedowców p.w. Zaśnięcia Bogurodzicy w miejscowości Kolkja w Estonii.

Danymi statystycznymi warto posłużyć się przy charakteryzowaniu jeszcze jednego aspektu współpracy zagranicznej Instytutu Rusycystyki – organizacji wykładów gościnnych dla całej społeczności akademickiej. Tylko w roku 2017 odbyło się ich 26, w tym 18 z zakresu historii literatury rosyjskiej, folklorystyki, historii, medioznawstwa i filmoznawstwa. Niektóre wykłady odbywały się w cyklach kilku- lub kilkunastogodzinnych, jak wybitnego rosyjskiego polonisty Aleksandra Lipatowa o Rosji i Rosji w kontekście cywilizacji europejskiej. Wykłady są wybierane często w kluczu „okolicznościowym” czy „rocznicowym”, chodzi bowiem o przedstawienie aktualnego stanu wiedzy naukowej o przełomowych wydarzeniach z „okrągłej” przeszłości i skonfrontowanie z nią komentarzy medialnych (jak wybuch rewolucji czy wojen światowych). Według tego samego „rocznicowego” klucza wybierane są tematy corocznych otwartych debat o Rosji współczesnej, w 2016 i 2017 roku odbywających się pod hasłem *Echa upadku. 25 lat po rozpadzie Związku Radzieckiego oraz Ciągłość i zmiana. Rosja sto lat po rewolucji*. W 2018 roku wykłady gościnne w dużym stopniu przybrały postać systemową w postaci Programu Indywidualizacji Kształcenia (PIK), mającego na celu wzbogacenie wiedzy i umiejętności badawczych studentów przez udział w wykładach czy wykładach z warsztatami prowadzonych przez czołowych znawców tematyki rosyjskiej. W ramach programu odbyły się już cykle wykładów historyka z Rosyjskiej Akademii Nauk Borisa Nosowa, badaczki dziejów literackiej Nagrody Nobla Tatiany Marczenko ze wspomnianego Domu Rosyjskiej Emigracji w Moskwie oraz językoznawców Tilmanna Reuthera z Uniwersytetu w Klagenfurcie w Austrii oraz Ludmiły Ryczkowej z Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały w Grodnie na Białorusi. Na styczeń 2019 roku zostały zaplanowane wykłady historyka Leona Gorizontowa z Moskwy. Każdy cykl objął dziesięć godzin zajęć dydaktycznych, na których znalazło się miejsce także na warsztatową formę pracy i na ożywioną dyskusję. Wizyty gości zagranicznych pociągają za sobą często rewizyty warszawskich rusycystów w ośrodkach zagranicznych, by wymienić wykłady Magdaleny Dąbrowskiej, Piotra Głuszkowskiego i Adama Jaskólskiego w Instytucie Kształcenia Artystycznego i Kulturologii Rosyjskiej Akademii Edukacji w Moskwie. W Instytucie Polskim w Moskwie organizowane były prezentacje publikacji naukowych Instytutu Rusycystyki skierowane do społeczeństwa rosyjskiego i z jego licznym udziałem.

Przykłady współpracy międzynarodowej literaturoznawców z Instytutu Rusycystyki UW można mnożyć. Zamiast jednak wydłużać ich listę, warto zaprosić do niej kolejne osoby, także badaczy krajowych i także reprezentujących inne dziedziny niż historia literatury rosyjskiej. Dobrym przykładem jest współpraca z polonistami z Uniwersytetu Gdańskiego, o czym można przekonać się przez lekturę programów konferencji, zapowiedzi wykładów gościnnych i publikacji naukowych z ostatnich lat.

Bibliografia

- Dąbrowska, M., Głuszkowski, P. (red.) (2017). *Mikołaj Karamzin i jego czasy*. (Seria Studia Rossica, t. 24). Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Dąbrowska, M., Głuszkowski, P., Roman-Rawska, K. (red.) (2017). *Literatura i władza. Związki na gruncie rosyjskim w XVIII–XXI wieku.* (Seria Studia Rossica, t. 25). Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Dąbrowska, M., Głuszkowski, P. (red.) (2018). *Aleksander Sołzenicyn i rosyjska emigracja..* Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego; Toruń: Pracownia Wydawniczej EIKON.

Jaskólski, A. (red.) (2018). *Staroprawosławie wczoraj i dziś.* Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego; Toruń: Pracownia Wydawniczej EIKON.

MAGDALENA DĄBROWSKA

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Rusycystyki
Zakład Historii Literatury Rosyjskiej
ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa, Polska
e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>

ОБ АДАМЕ МИЦКЕВИЧЕ
В ИНСТИТУТЕ РУСИСТИКИ ВАРШАВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международная научная конференция *Adam Miętka i russkie.*
Варшавский университет. Институт русистики – Гданьский отдел
Литературного общества имени Адама Мицкевича.

Варшава, 24–25 мая 2018 г.

(получено 19.07.2018; принято 20.07.2018)

С 2017 г. Кафедрой истории русской литературы Института русистики Варшавского университета реализуется междисциплинарный научный проект о роли и месте Адама Мицкевича в культурном пространстве России XIX века. Первым этапом его реализации была научная конференция *Adam Miętka. Polska – Rossja – Wschód*, состоявшаяся 28 октября 2017 г. в Государственном музее-усадьбе „Остафьево” – „Русский Парнас” и организованная по инициативе замдиректора Института русистики Петра Глушковского совместно с Польским культурным центром в Москве. Местом проведения мероприятия было Остафьево, научный партнер варшавских исследователей наследия Николая Карамзина, в настоящее время музей Вяземских и Карамзина, а в XIX веке важный культурный центр, в котором собирались представители литературной среды (И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов и др.). Среди них, о чём знают лишь немногие историки польско-русских литературных отношений, был и автор *Крымских сонетов*. Хорошо помнят об этом сотрудники „Русского Парнаса”, напоминающие об Адаме Мицкевиче на официальном сайте музея¹. Более подробно описал остафьевскую конференцию профессор полонистики Збигнев Казмерчик в отчете опубликованном в ежегоднике „*Studia Rossica Gedanensis*” (2017, № 4) (см.: Kaźmierczyk, 2017).

¹ См.: <http://www.ostafyevomuseum.ru/museum/pages-history/detail.php?ID=8839>.

Второй этап – это Международная научная конференция *Adam Mięczkowski i russkie*, организованная 24–25 мая 2018 г. в Варшаве Институтом русистики и Гданьским отделом Литературного общества имени Адама Мицкевича. Инициаторами были Магдалена Домбровска и Петр Глущковски (Институт русистики), а также Збигнев Казмерчик (Гданьский университет, Литературное общество имени Адама Мицкевича – Гданьский отдел). Цель проекта – рассмотрение биографии и творчества польского романика в контексте российской действительности XIX столетия, с особым учетом вопросов отношений Мицкевича с „русскими друзьями” и его русских путей, а также русской тематики в произведениях поэта и их восприятия.

Варшавская конференция состояла из двух пленарных заседаний и шести секционных. Рабочие языки – польский и русский. В рамках конференции со своими докладами выступили полонисты и русисты из Польши, России, Беларуси, Израиля, Франции и Грузии.

На пленарных заседаниях были представлены темы, связанные с образом России в творчестве Адама Мицкевича и антропологией русской культуры в его произведениях. В них приняли участие литературоведы Александр Липатов, Богуслав Допарт, Хенрик Градковски и языковед Наталья Ананьева (первая часть), а также историк Борис Носов и литературоведы Анджей Фабиановски и Анджей Дудек (вторая часть).

Первая секция была посвящена Мицкевичу и его окружению. На ней докладчики представили связи и творческие пересечения автора с Франтишемом Малевским, Александром Пушкиным, Зинаидой Волконской и Петром Вяземским. Во втором тематическом блоке были представлены темы посвященные местам, в которых автору приходилось побывать или которые напрямую связаны с его творчеством: рассматривались темы одесских импровизаций, лейтмотивы из *Крымских сонетов*, а также встреча писателя с Ригой. Докладчики доказали важность присутствия в творчестве Мицкевича не только знаковых для истории личностей, но также и мест. В третьей секции были рассмотрены популяризация польского поэта и исследования, посвященные его творчеству. В рамках секции обсуждалось творческое наследие Фаддея (Тадеуша) Булгарина, Петра Дубровского и Дмитрия Чижевского. Представил свой доклад и Государственный музей усадьба „Остафьево” – „Русский Парнас” в лице Оксаны Боровик, которая преподнесла Институту русистики подарок в виде медали с изображением Адама Мицкевича и Петра Вяземского. Во время дискуссии аудитория проявила большой интерес к докладу Петра Глущковского, посвященному популяризатору творчества Мицкевича, Булгарину. Данный интерес был вызван тем, что на днях с большим успехом прошла презентация новой книги Петра Глущковского о Булгарине (Głuszkowski, 2018, с. 445)². Четвертая секция включила в себя темы связанные с переводами работ автора *Пана Тадеуша*, его связями с русской эмиграцией первой волны и „французскими” эпизодами жизни и творчества поэта. В пятой секции были представлены

² P. Głuszkowski. *Barwy polskości, czyli Życie burzliwe Tadeusza Bułharyna* (Kraków 2018, 445 с.). Презентация состоялась 23 мая 2018 г. в Библиотеке Варшавского университета.

темы посвященные особенностям творчества Мицкевича и отражению его личности в произведениях других писателей. Затрагивались вопросы влияния русской комической поэмы на позднее творчество писателя, а также мотивы и образы Мицкевича в стихах польских узников ГУЛАГа. Гости из Института художественного образования и культурологии Российской академии образования продемонстрировали результаты опроса, в рамках которого было выявлено, что в России представители разных поколений слышали и знают о классике польской литературы, а многие даже знакомы с его произведениями. Шестой и последний тематический блок отразил в себе вопросы русской проблематики в поэтической и мировоззренческой системах польского романтика.

Главным выводом, который был озвучен как организаторами, так и гостями, по итогу конференции *Adam Mięczkiewicz i russkie* стало то, что такого рода международные научные проекты поддерживают русско-польские культурные связи и помогают найти общие точки соприкосновения.

Библиография

- Głuszkowski, P. (2018). *Barwy polskości, czyli Życie burzliwe Tadeusza Bułharyna*. Kraków: Universitas.
- Kaźmierczyk, Z. (2017). O Adamie Mickiewiczu w Ostafiewie. Międzynarodowa Konferencja Naukowa „Adam Mickiewicz. Polska – Rosja – Wschód”. Ostafiewo, 28 października 2017 r. *Studia Rossica Gedanensis*. T. 4, c. 625–627.

MAGDALENA DĄBROWSKA

Uniwersytet Warszawski
 Wydział Lingwistyki Stosowanej
 Instytut Rusycystyki
 Zakład Historii Literatury Rosyjskiej
 ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa, Polska
 e-mail: m.dabrowska@uw.edu.pl
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4014-4725>

ĒRIKA KUZMINA

(doktorantka)
 Uniwersytet Warszawski
 Wydział Lingwistyki Stosowanej
 ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa, Polska
 e-mail: e.kuzmina@student.uw.edu.pl
 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8024-0287>

Медаль «Усадьба Остафьево. А. Мицкевич, П. Вяземский».

Фот. Магдалена Домбровска

II MIĘDZYNARODOWA KONFERENCJA NAUKOWA *MOWA – CZŁOWIEK – ŚWIAT: PERSWAZJA JĘZYKOWA* *W RÓŻNYCH DYSKURSACH, GDAŃSK, 10–11 MAJA 2018*

(nadesłano 21.07.2018; zaakceptowano 22.07.2018)

W dniach 10–11 maja 2018 roku na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego odbyła się II Międzynarodowa Konferencja Naukowa z cyklu: *Mowa – człowiek – świat: perswazja językowa w różnych dyskursach* zorganizowana przez pracowników Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich. Inauguracji dokonała prorektor ds. kształcenia prof. nadzw. dr hab. Anna Machnikowska, która podkreśliła aktualność tematyki naukowej konferencji oraz wielowymiarowość zjawisk manipulacji i perswazji w życiu społecznym. W mowie powitalnej zwróciła uwagę na fakt, że wraz z dynamicznym rozwojem technologii medialnych oraz kształtowaniem nowych modeli komunikacyjnych i semantycznych powstają nowe pytania na temat specyfiki mechanizmów oddziaływania. Prodziekan ds. nauki prof. nadzw. dr hab. Tomasz Swoboda dostrzegł szeroki wymiar badań prowadzonych nad językiem jako narzędziem manipulacji i perswazji, tym samym postulując potrzebę popularyzowania wiedzy na temat istoty manipulacji językowej w przestrzeni społecznej i kulturowej. Uczestników konferencji powitały również przedstawicielki władz Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich: prof. nadzw. dr hab. Żanna Śladkiewicz – kierownik Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka, oraz dr Aleksandra Klimkiewicz – zastępca dyrektora ds. studenckich. Konferencja wpisała się w serię ważnych wydarzeń naukowych, mających na celu stworzenie międzynarodowej platformy wymiany myśli i doświadczeń przez specjalistów różnych dyscyplin naukowych, zgłębiających wiedzę na temat zjawisk oddziaływania w genologicznie zróżnicowanych dyskursach, tj. medialnym, politycznym, reklamowym, dydaktycznym, religijnym i in. Duże zainteresowanie tematyką obrad wynika niewątpliwie z faktu, że badania we współczesnej humanistyce poświęcone komunikacji perswazyjnej przybierają charakter niedookreślony i perspektywiczny.

Wielowymiarowość podejścia do pragmatykonu mechanizmów oddziaływania językowego, opierającego się na idei rozumienia mowy jako narzędzia inicjującego działalność kognitywną i behawioralną człowieka, skłoniło do refleksji nad komunikacją perswazyjną przedstawicieli różnych środowisk naukowych i szkół badawczych: lin-

gwistów, medioznawców, literaturoznawców, psychologów, politologów, socjologów, historyków sztuki i pedagogów, przybyłych z odległych stron: z Rosji (z Czelabińska, Kaliningradu, Kazania, Moskwy, Niżnego Nowogrodu, Petersburga, Rostowa nad Donem), z Białorusi (z Grodna, Witebska), z Ukrainy (z Charkowa, Kijowa, Odessy), z Litwy (z Wilna), ze Stanów Zjednoczonych (z Syracuse w stanie Nowy Jork). Polscy badacze zaś reprezentowali najważniejsze ośrodki naukowe, takie jak Uniwersytet Warszawski, Uniwersytet Łódzki, Uniwersytet Wrocławski, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, SWPS Uniwersytet Humanistyczno-Społeczny. W gronie referentów nie zabrakło też gdańskich specjalistów. Interdyscyplinarne podejście w badaniach zjawiska oddziaływania językowego implikowało różnorodność linii dyskusji naukowych prowadzonych w siedmiu sekcjach tematycznych. Największą popularnością cieszył się dyskurs medialny, który stał się motywem przewodnim znakomitych wystąpień plenarnych.

Obrady plenarne otworzyła prof. Grażyna Habrajska z Uniwersytetu Łódzkiego referatem *Zmiana pola interpretacji w różnych dyskursach*. Prelegentka, uzając dyskurs za zbiór wartości determinowanych interpretacją tekstów przechowywanych w pamięci i aktywowanych w zależności od potrzeb komunikacyjnych, wysunęła tezę, że dyskursy rozwijają się w obrębie własnych pól interpretacyjnych, a także szczegółowo omówiła analizę tychże pól dla czterech rodzajów dyskursu: naukowego, prawnego, medialnego i artystycznego. W referacie *Więcej niż tysiąc słów. Fotografia w prasie jako środek oddziaływania* prof. Jolanta Maćkiewicz z Uniwersytetu Gdańskiego przedstawiła techniki perswazyjne i manipulacyjne w prasie codziennej posługującej się utrwalonym obrazem. Zdaniem badaczki fotografia stanowi część wiadomości polikodowej, której efekt perswazyjny nie ma wymiaru sumarycznego, lecz jedynie multiplikacyjny.

Dr hab. Katarzyna Kłosińska z Uniwersytetu Warszawskiego w wystąpieniu *Potencjał perswazyjny tzw. pasków telewizyjnych* przedstawiła analizę multimodalnego charakteru polskich programów telewizyjnych, w których komunikatowi słownemu towarzyszy pasek informacyjny (*ticker*). Prof. nadzw. dr hab. Zoja Nowożenowa oraz dr Aleksandra Klimkiewicz, reprezentujące ośrodek gdański, mówią nt. *Oddziałującego potencjału obcojęzycznego słowa w różnych typach dyskursów*, wyjaśniając specyfikę funkcjonowania słowa obcego na przykładzie dyskursu: politycznego, reklamowego i ezoterycznego. Referentki dostrzegły zgodność w badanych dyskursach czynników: pragmatycznej siły i realizacji funkcji oddziałującej w elementach obcojęzycznych z parametrami instytucjonalizacji tekstu. Szczególne zainteresowanie wzbudziła analiza porównawcza mechanizmu manipulacyjnego wykorzystującego rusyczym *новичок* w przestrzeni medialnej zachodnioeuropejskiej i rosyjskiej. Dr hab. Olga Frołowa z Państwowego Uniwersytetu im. Łomonosowa w Moskwie rozpatrzyła trzy aspekty manipulacji językowej w mediach rosyjskich: referencyjny, modalny i gatunkowy, ilustrując wybrane techniki manipulacyjne spektakularnymi przykładami komunikatów radiowych *Echa Moskwy* i fragmentami wypowiedzi moskiewskich politologów i ekonomistów. Obrady plenarne zakończyły wykład prof. Jeleny Borysowej z Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Moskwie oraz prof. Lidii Matwiejowej z Państwowego Uniwersytetu im. Łomonosowa, w którym przedstawiona została próba stworzenia teorii oddziaływania językowego oparta na przesłankach psychologicznych, lingwi-

stycznych i psycholingwistycznych, wykorzystująca analizę oddziaływanego w mediach i reklamie oraz komunikacji społecznej. Podsumowaniem wystąpień była inspirująca dyskusja wyznaczająca nowe kierunki i obszary badawcze. Głosy w dyskusji były tłumaczone jednocześnie na język rosyjski przez młodych translatorów, których przygotowaniem zajęła się dr Tatiana Kananowicz z Katedry Językoznawstwa i Translatoryki Uniwersytetu Gdańskiego.

Problematyce oddziaływania perswazyjnego w publicznej przestrzeni medialnej poświęcona była sekcja tematyczna *Dyskurs medialny*. Prezentowane referaty dotyczyły zróżnicowanych aspektów perswazji w środkach masowego przekazu. O cechach walki ideologicznej na łamach polskiej prasy mówiła dr Tatiana Kananowicz, a przejawy wrogości w języku prasy rosyjskiej omówiła dr Tatiana Kuzniecowa z Uniwersytetu Narodowego „Odeska Akademia Prawa”. Zagadnienie wpływu potencjału lingwokulturologicznych pojęć estetycznych w dyskursie publicystycznym zreferowała dr Wiera Antropowa z Uniwersytetu Państwowego w Czelabińsku. Sposoby i cele kształtowania pozytywnego obrazu rzeczywistości w tekstuach informacyjnych zostały przybliżone we wspólnym referacie przygotowanym przez dr Ładę Owczinnikową z Akademii Marynarki Wojennej w Kaliningradzie oraz dr Joannę Mampe z Uniwersytetu Gdańskiego. Prof. Michał Fiedosiuk z Państwowego Uniwersytetu im. Łomonosowa w Moskwie scharakteryzował manipulacyjny potencjał replik dziennikarzy radiowych i telewizyjnych oraz jego wpływ na słuchaczy i osoby udzielające wywiadów. Wypowiedzi niezdyscyplinowane normatywnie w internecie omówił dr Andriej Seliutin z Uniwersytetu Państwowego w Czelabińsku. Dr Anastazja Biełowodska z Uniwersytetu Wileńskiego analizowała mechanizmy tworzenia i dystrybucji fake newsów z uwzględnieniem procesu zmian wektorów interakcji uczestników w mediach masowych w procesie ich cyfryzacji. Dr hab. Żanna Śladkiewicz wyeksplikowała mechanizmy ukierunkowane na zmniejszanie wartości obrazu medialnego oponenta i eliminację jego dekodonalności jako aktora politycznego poprzez wskazanie na „odchylenia”. Przedstawiona analiza treści aberracyjnych pozwalała na stwierdzenie, że metafora morbialna, której jedną z implementacji jest użycie metaforyczne modelu patologii psychicznej, może być zdefiniowana jako dominująca dla współczesnej komunikacji politycznej. Dr Monika Karwacka z Uniwersytetu Śląskiego zreferowała tematykę wykorzystania taktyki manipulacji w nieprofesjonalnej krytyce online na przykładzie sieci społecznościowej przeznaczonej dla miłośników czytelnictwa LiveLib.ru. Prof. Ludmiła Zubanova z Państwowego Instytutu Kultury w Czelabińsku rozpatrywała strategie związane z manifestacją indywidualną w publicznej komunikacji medialnej i przedstawiła współczesne trendy w wymiarze socjokulturowym. Dr Jelena Kołosowa z Kazańskiego Uniwersytetu Federalnego rozważała humor jako efektywny środek oddziaływania językowego w mediach. Ośrodek gdański reprezentowany był również przez młodszych badaczy oraz studentów. Dr Elżbieta Pietrasz przybliżyła modele perswazyjne i techniki lingwistyczne w dyskursie profesjonalnym, wystąpienie mgr Marty Noińskiej było zaś poświęcone historii powstania mediolingwistyki w Rosji i Polsce. Z kolei lic. Monika Babiś skupiła się na taktykach manipulacyjnych w wybranych czasopismach kobiecych i ich wpływie na współczesny wizerunek czytelniczek.

W sekcji tematycznej *Dyskurs polityczny* dominowały zagadnienia analizy wypowiedzi liderów politycznych, składające się na segment dyskursu medialnego. Prof.

nadzw. dr hab. Joanna Jereczek-Lipińska ciekawie zaprezentowała strategie perswazyjne we francuskim dyskursie parlamentarnym. Specyfikę oddziaływanego językowego w dyskursie politycznym przybliżyła dr Tatiana Gimranowa z Uniwersytetu Kazanńskiego. Dr Olesia Szarafutdinowa z Uniwersytetu Państwowego w Czelabińsku zaproponowała analizę słów kluczowych w wystąpieniach liderów politycznych z wykorzystaniem narzędzi lingwistyki korpusowej, dr Maria Szub z Państwowego Instytutu Kultury w Czelabińsku dokonała analizy porównawczej przemówień inauguracyjnych i codziennych wypowiedzi amerykańskich, rosyjskich i polskich liderów politycznych, a dr Urszula Patocka-Sigłowy z Uniwersytetu Gdańskiego podjęła się rekonstrukcji obrazu medialnego Polski w wystąpieniach Siergieja Ławrowa. Dr Adam Jaskólski z Uniwersytetu Warszawskiego przedstawił wyniki badań analizy protestów antyrządowych w ocenie kremlowskich mediów. Dr Piotr Zemszał z Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu omówił pojęcie wolności w optyce dychotomii swoi–obcy w tekstuach sowieckiego ideologicznego subdyskursu o kulturze lat 1953–1957. Mgr Kaja Kiełpińska z Uniwersytetu Warszawskiego przedstawiła referat poświęcony językowi life coachingu w dyskursie neoliberalnym. Mgr Kinga Adamczewska z Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu scharakteryzowała mechanizmy perswazji językowej w komunikowaniu politycznym w nowych mediach. Na przykładzie wyborów prezydenckich w 2015 roku w Polsce mgr Katarzyna Skała z Uniwersytetu Gdańskiego wystąpiła z referatem *Nikt nie ma prawa was bić! Manipulacja językowa w kosowskich przemówieniach Slobodana Miloševicia*.

Referaty wygłoszone w sekcji *Dyskurs lingwistyczny i psychologiczny* ujawniły różnorodność i powiązania odmiennych dyskursów i wielokierunkowość podejść do analizy oddziaływań werbalnych. Prof. Jelena Marinowa z Państwowego Uniwersytetu im. Mikołaja Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie dokonała analizy zapożyczeń łacińskich obecnych w wizerunku miasta i przedstawiła ocenę socjalną zjawiska. Dr Siergiej Potiomkin z Uniwersytetu Państwowego im. Michaiła Łomonosowa w Moskwie omówił emocjonalne znaczenie przysłówków w języku rosyjskim. Licznie reprezentowana przez referentów był Uniwersytet Gdańskie. Prof. Beata Pastwa-Wojciechowska z Wydziału Nauk Społecznych podzieliła się swymi rozważaniami na temat skuteczności perswazji i manipulacji mimo naruszania prawa w dyskursie penitencjarnym. Prof. nadzw. dr hab. Danuta Stanulewicz z Instytutu Anglistyki i Amerykanistyki omówiła słownictwo barw w języku producentów i handlowców, prof. nadzw. dr hab. Dušan-Vladislav Pažderski z Katedry Śląsistyki przybliżył specyfikę oddziaływania językowego w słownikach dyferencyjnych serbsko-chorwackich, mgr Adriana Olkowska z Instytutu Filologii Polskiej zaś zgłębiała tematykę hipnotyzującą mocą słów w języku NLP i coachingu. Dr Ludmiła Fiodorowa z Instytutu Lingwistyki w Moskwie udzieliła odpowiedzi na pytanie: Czy można ilościowo zmierzyć siłę oddziaływania językowego? Z kolei dr Katarzyna Nobis-Włazło z Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach dokonała próby uściślenia kategorii ilościowości w perswazji językowej.

Prelegenci sekcji *Dyskursy kultury* przedstawiali wyniki badań oddziaływania werbalnego w ujęciu kulturologiczno-socjologicznym. Modele komunikacyjne elitarystycznych i społecznych maszyn inteligentnych jako potencjał dziedzictwa kulturowego oraz sposób projekcji obrazów przeszłości przedstawił prof. Siergiej Siniiecki z Państwowego Instytutu Kultury w Czelabińsku. Dr Świętlana Rewucka i dr Łarysa

Mirosznik z Narodowej Akademii Gwardii Narodowej w Charkowie zaprezentował wyniki badań asocjacyjnych z zakresu konotacji wartościowo-oceniających przeprowadzonych wśród przedstawicieli różnych kultur komunikacyjnych. Interesujący portret współczesnego męskiego bohatera literackiego w dyskursie literatury pięknej i kultury nakreśliła prof. Natalia Zychowska z Południowo-Uralskiego Uniwersytetu Państwowego. Dr Olga Sacharowa z Narodowej Akademii Muzycznej Ukrainy im. Piotra Czajkowskiego wyeksponowała tematykę związaną z odzwierciedleniem komunikacji manipulacyjnej w dyskursie dramatycznym na podstawie materiału sztuk Ludmiły Pietruszewskiej i Ludmiły Razumowskiej. Dr Olga Gudzenko z Kijowskiego Uniwersytetu Narodowego im. Tarasa Szewczenki analizowała konflikt narodowych obrazów świata w sztuce Mykoły Kulisa *Myna Mazajło*. Dr Marina Flagina z Południowego Uniwersytetu Federalnego w Rostowie nad Donem zinterpretowała formuły grzecznościowe w rosyjskich dońskich dialektach. Gdańską badaczką mgr Karolina Wieladek omówiła percepcję polskich i rosyjskich logotypów reklamowych, natomiast mgr Beata Jędrzejczak przybliżyła słuchaczom (ortho)graficzne zabiegi perswazyjne w sloganach reklamujących polskie marki terytorialne.

Obrady w sekcji *Dyskursu religijnego* połączyły badaczy zajmujących się możliwością oddziaływania manipulacyjnego przez wykorzystanie modlitwy w dyskursie religijnym i sektanckim. Prof. Walentyna Masłowa z Witebskiego Uniwersytetu Państwowego im. Piotra Maszerowa przedstawiła wyniki analizy oddziaływania słów modlitwy z uwzględnieniem różnic w modlitwie kanonicznej i poetyckiej. Prof. nadzw. dr hab. Małgorzata Rybka oraz dr Marta Wrześniowska-Pietrzak z Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu skupiły się na perswazyjności i atrakcyjności „Spotkań w blasku wiary” – nowego nabożeństwa Kościoła katolickiego, bogato ilustrując wystąpienie przykładami i materiałami filmowymi. Prof. Jelena Klimentowa z Kijowskiego Uniwersytetu Narodowego im. Tarasa Szewczenki zademonstrowała strategie i taktyki autoprezentacji liderńskiej we wspólnocie sektanckiej. Prof. nadzw. dr hab. Halina Wątróbska wraz z mgr Oksaną Kadocznikową z Państwowego Uniwersytetu w Petersburgu zaprezentowała analizę XIX-wiecznego wydawnictwa dla duszpasterzy prawosławnych, zakładającego konieczność kształcania u duchownych umiejętności właściwego przekazu, argumentacji i perswazji w działalności misyjnej. Sposoby konstruowania tożsamości w tekstach wydań periodycznych Polskiej Cerkwi Prawosławnej omówił mgr Jan Morawicki z Uniwersytetu Łódzkiego, z kolei mgr Adam Konopka z Uniwersytetu Gdańskiego wniknął w problematykę perswazji przeciwko aborcji prezentowanej na łamach „Rycerza Niepokalanej” z lat 80.

Sekcję *Dyskurs psychologiczno-pedagogiczny* rozpoczęła prof. Emma Jakowlewa z Instytutu Informacji Naukowej Nauk Społecznych Rosyjskiej Akademii Nauk, która przedstawiła wyniki wieloletnich badań nad sugestywnym potencjałem relacji w spontanicznym polilogu, wyznaczając i omawiając pola komunikacyjne uczestników wielostronnego dyskursu. Moskiewski Miejski Uniwersytet Pedagogiczny reprezentowały prof. Jelena Grigoriewa, rozpatrująca dyskurs pedagogiczny jako kategorię lingwokulturologii, oraz prof. Jelena Czarkaszyna, która zapoznała słuchaczy z wynikami badań dyskursu pedagogicznego w nauczaniu medyków jako środka kształcania kompetencji lingwoprofesjonalnej przyszłych specjalistów. Prof. Natalia Uszakowa i mgr Tatiana Aleksiejenko z Charkowskiego Uniwersytetu Narodowego im. Władimira Karamzina

skierowały uwagę słuchaczy na problem nauczania strategii oddziaływania językowego przyszłych nauczycieli języka rosyjskiego jako jednego z komponentów kompetencji zawodowej. Dr Natalia Muzychenko z Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały omówiła strategie i taktyki manipulacji językowej w rosyjskiej komunikacji biznesowej. Sekcję zamknęły wystąpienia przedstawicielek Uniwersytetu Gdańskiego: dr Anna Hau ukazała obraz badań perswazji językowej rozumianej jako narzędzie kształtowania tożsamości jednostki, mgr Irina Antonienko zaś przypomniała o genderowym wymiarze manipulacji.

W konferencji wzięli udział również studenci Wydziału Filologicznego, pracownicy Uniwersytetu Gdańskiego i aktywni słuchacze: PhD Zofia J. Sztechmiler (Syracuse University), dr Jelena Siemionowa (Uniwersytet Zarządzania i Ekonomii, Petersburg). Z możliwości zaocznego udziału w konferencji skorzystali: prof. Olga Abakumowa z Uniwersytetu Państwowego w Orle, dr Nikita Probst oraz dr Irina Kuksa z Bałtyckiego Federalnego Uniwersytetu im. E. Kanta, dr Ludmiła Korniejewa z Nieżyńskiego Uniwersytetu Państwowego im. M. Gogola, prof. nadzw. dr hab. Andrzej Narloch, dr Łukasz Małecki i mgr Magdalena Szulc z Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, dr Kamila Miłkowska-Samul z Uniwersytetu SWPS w Warszawie, mgr Izabela Dłużyk i mgr Tomasz Kaczorowski z Uniwersytetu Gdańskiego.

Trzecia edycja konferencji *Mowa – człowiek – świat: perswazja językowa w różnych dyskursach* planowana jest na 2020 rok.

*ALEKSANDRA KLIMKIEWICZ

**ŻANNA SŁADKIEWICZ

Uniwersytet Gdańskim, Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich

Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

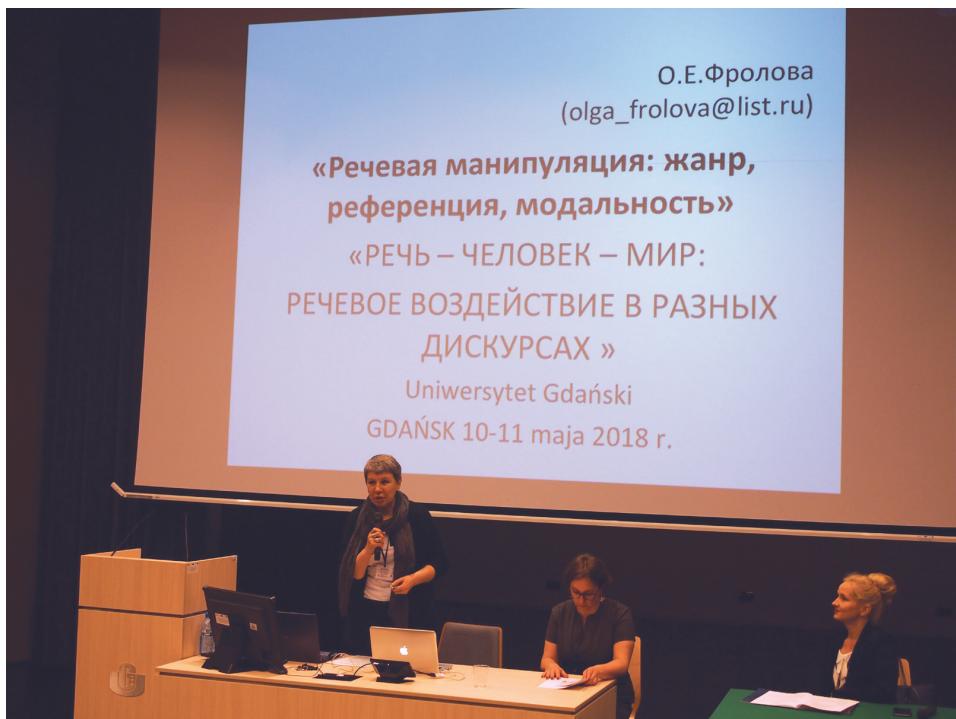
*e-mail: a.klimkiewicz@ug.edu.pl

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8606-4475>

**e-mail: filzs@ug.edu.pl

**ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7237-5328>

O AUTORACH

NATALYA LEONIDOVNA BAKHANOVICH /
НАТАЛЬЯ ЛЕОНІДОВНА БАХАНОВИЧ

Literaturoznawca; młodszy pracownik Zakładu Związków Literatur w Instytucie Literaturoznawstwa im. Janki Kupały Centrum Badań Kultury Białoruskiej, Języka i Literatury Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zainteresowania naukowe obejmują komparatystyczne badania literatury białoruskiej i polskiej – analizę porównawczo-typologiczną prozy małych gatunków końca XIX – początku XX wieku, wielojęzyczną literaturę Białorusi XIX wieku w kontekście europejskim, dyskurs białoruski w literaturze polskiej, związki literackie białorusko-polskie w aspekcie imagologii i inne. Autorka ponad 60 prac naukowych, w tym monografii zbiorowych *Літаратурная карта Еўропы: кантыкты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць* (Mińsk 2012), *Паэтыка літаратурных сувязей* (Mińsk 2017).

Inessa Morozova (tłum. KW)

NATALYA ALEKSANDROVNA BOZHENKOVA /
НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА БОЖЕНКОВА

Doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; profesor Katedry Językoznawstwa Ogólnego i Rosyjskiego Państwowego Instytutu Języka Rosyjskiego im. A. S. Puszkina w Moskwie. Zainteresowania naukowe obejmują lingwistykę tekstu, ogólną teorię dyskursu, psycholingwistykę, lingwokulturologię, lingwistykę polityczną, socjolingwistykę i komunikację międzykulturową, stylistykę, retorykę, kulturę mówionego języka rosyjskiego, lingwistyczne i metodyczne aspekty języka rosyjskiego jako obcego. Autorka i współautorka ponad 360 publikacji, w tym 6 monografii, 39 podręczników do nauki języka, 38 materiałów metodycznych oraz licznych artykułów naukowych. Członek Federalnego Związku Edukacyjno-Metodycznego (specjalność: językoznawstwo i literaturoznawstwo), Asocjacji Wykładowców i Badaczy w Zakresie Lingwistyki Fundamentalnej i Stosowanej; kierownik naukowy kolegiów pedagogicznych ds. innowacji. Laureatka licznych nagród za osiągnięcia naukowo-dydaktyczne.

KW

MAGDALENA DĄBROWSKA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, rusy-cystka. Długoletni dyrektor Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego i kierownik Zakładu Historii Literatury Rosyjskiej. Członek Pracowni Mediów w Dawnej i Współczesnej Rosji w Instytucie Rusycystyki UW. Specjalista w zakresie edytorstwa i zarządzania w oświacie. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę okresu oświecenia i romantyzmu, rosyjsko-zachodnioeuropejskie (w tym rosyjsko-polskie) związki literackie, kulturowe i naukowe oraz dzieje czasopiśmiennictwa literackiego XVIII–XIX wieku. Badaczka twórczości Nikołaja Karamzina i jego epoki. Autorka monografii na temat sentymentalizmu rosyjskiego (*Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku*, Warszawa 2003; *Dla pozytku i przyjemności. Rosyjska podróż sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku*, Warszawa 2009) oraz redaktor i współredaktor licznych monografii wieloautorskich (m.in. *Mikołaj Karamzin i jego czasy*, red. M. Dąbrowska i P. Głuszkowski, Warszawa 2017). Autorka łącznie ponad 130 publikacji naukowych w języku polskim i rosyjskim, w tym w uznanych czasopismach, poświęconych w większości zapomnianym i słabo rozpoznanym zjawiskom, wydarzeniom, twórcom oraz dziełom. Redaktor naczelna serii wydawniczej „*Studia Rossica*”.

KW

MAKSIM LVOVICH FIODOROV / МАКСИМ ЛЬВОВИЧ ФЕДОРОВ

Doktor nauk filologicznych w zakresie literaturoznawstwa, absolwent Uniwersytetu Prawosławnego; adiunkt, naukowy sekretarz i starszy archiwista w Oddziale Rękopisów Instytutu Literatury Światowej im. Maksima Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk w Moskwie; kierował też Muzeum Fiodora Dostojewskiego w Moskwie (2002–2011). Zainteresowania naukowo-badawcze koncentrują się wokół historii teatru rosyjskiego i europejskiego oraz życia literackiego i kultury duchowej XX wieku, a także twórczości Demiana Biednego. Autor licznych artykułów (m.in. *Фонд Демьяна Бедного в ОР ИМЛИ РАН* oraz *Страсты по «Богатырям». Демьян Бедный в Камерном театре* [w:] *Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации*, Москва 2018). Od 2008 roku jest członkiem Laboratorium Niedogmatycznej Duchowości w Uniwersytecie Gdańskim, a od 2016 roku – członkiem zespołu badawczego realizującego interdyscyplinarny projekt w ramach Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890–1939* (wdrażanego w Uniwersytecie Gdańskim pod kierownictwem prof. nadzw. dr hab. Moniki Rzeczyckiej).

KW

DAIKI HORIZUCHI / ДАИКИ ХОРИГУТИ

Doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; docent na Wydziale Nauk Humanistycznych i Społecznych Uniwersytetu Daiwate w Morioka (Japonia). Zainteresowania naukowe obejmują słowotwórstwo, aspektologię, język łotewski oraz język rosyjski. Autor artykułów poświęconych kwestiom prefiksacji i imperfektywacji czasowników (m.in. *Vārda darināšanas brīvība* un internacionālo verbu prefiksācija [w:] *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 2014, nr 9; *Latvian attenuative pa-verbs in*

comparison with diminutives [w:] Contemporary Approaches to Baltic Linguistics 2015; Метаязыковая рефлексия в зеркале префиксации заимствованных глаголов [w:] Мова, маўленне, тэкст 2017; Дефисация синонимических глаголов в русском языке [w:] Русистика 2018; Имперфективация заимствованных глаголов в русском языке [w:] „Russian Linguistics” 2018, nr 42 (3)).

KW

TATYANA VLADIMIROVNA CHERKES /
ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРКЕС /
ТАЦЦЯНА УЛАДЗІМІРАЎНА ЧАРКЕС

Starszy wykładowca w Katedrze Językowego Przygotowania Białorusinów i Cudzoziemców w Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym im. Janki Kuły w Grodnie (Białoruś). Autorka licznych prac z zakresu glottodydaktyki, m.in. *Работа с произведениями живописи на уроках РКИ (на материале картины В.В. Пукирева „Неравный брак”)* (2014), *Возможности Летней школы как интенсивного курса обучения РКИ: из опыта работы* (2016); *Интеграция средств мультимедиа и возможностей интернета в процесс обучения русскому языку как иностранному* (2017); współautorka podręcznika akademickiego *Русский язык как иностранный. Шаг первый* (Grodno 2016) oraz zeszytu ćwiczeń pod tym samym tytułem; współautorka artykułów podejmujących problematykę tekstu artystycznego, m.in. *Автобиография в художественном тексте. В. Высоцкий „Я не люблю”* (2015), oraz na temat paremiologii, m.in. *Отражение в пословицах и поговорках традиций русского гостеприимства* (2015). Współorganizatorka Letniej Szkoły Języka Rosyjskiego w Grodnie (2015–2018) dla młodzieży z Europy i Ameryki Północnej (USA).

KW

ALEKSEI ASHIROVICH KAZAKOV / АЛЕКСЕЙ АШИРОВИЧ КАЗАКОВ

Doktor nauk filologicznych w zakresie literaturoznawstwa; profesor Katedry Literatury Rosyjskiej i Zagranicznej na Wydziale Filologicznym Narodowego Państwowego Uniwersytetu Badawczego w Tomsku (Rosja). Zajmuje się prozą rosyjską drugiej połowy XIX wieku, rosyjsko-europejskimi związkami literackimi, hermeneutyką fenomenologiczną, teorią powieści, aksjologiczną architektoniką dzieła literackiego. Autor licznych publikacji, m.in. podręcznika *Русская литература последней трети XIX в. (курс лекций)* (Tomsk 2011), monografii *Ценностная архитектоника произведений Ф. М. Достоевского* (Tomsk 2012), a także artykułów poświęconych interpretacji utworów Dostojewskiego oraz Tołstoja.

KW

ZBIGNIEW KAŽMIERCZYK

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, profesor nadzwyczajny w Katedrze Historii Literatury w Instytucie Filologii Polskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Ukazał gnostyczko-manichejski wymiar egzystencji w twórczości Miłosza (*Dzieło demiurga*, Gdańsk 2011) stosując język dostępu do apokryfów

religii gnozy. Zgromadził argument językoznawcze, historyczne, religioznawcze, etnograficzne i archeologiczne na rzecz irańskiej etnogenezy Słowian i ukazał jej implikacje literaturoznawcze w pracy *Słowiańska psychomachia Mickiewicza* (Gdańsk 2012). Wystąpienie irańskiego dualizmu u Miłosza i Mickiewicza (jego stwierdzenie i uzyskanie języka dostępu opisu i analizy) traktuje jako punkt wyjścia do badań wschodniego "cienia" Słowiańszczyzny. Posługując się metodologią wypracowaną do ujęcia specyfiki kultur słowiańskich rozwija hermeneutykę kultur Wschodu i Zachodu oraz komparatystykę mitologiczną.

Założyciel i kierownik naukowo-badawczej Pracowni Literatury Etnogenetycznej. Redaktor i współredaktor monografii zbiorowych: *Religijność Czesława Miłosza* (Gdańsk 2019, w druku) oraz *Adam Mickiewicz i Rosjanie* (Warszawa 2019, w druku), a także ponad stu rozdziałów książek i artykułów publikowanych w Polsce i za granicą (w przekładzie angielskim, litewskim, rosyjskim i ukraińskim). Współredaktor rocznika „*Studia Rossica Gedanensia*”; członek rad naukowych periodyków: „*Київські полоністичні студії*”, „*Progress: Journal of Young Researchers*”, a także serii wydawniczej „*Colloquia Orientalia Białostoccia*”. Prezes Oddziału Gdańskiego Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza, wiceprezes Pomorskiego Towarzystwa Filozoficzo-Teologicznego. Współpracuje ze Stacją Naukową PAN w Moskwie oraz z Narodową Akademią Nauk Białorusi w Mińsku (z Instytutem Filozofii).

KW

PIOTR KŁAFKOWSKI

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa, anglista, orientalista (obszary badań: subkontynent indyjski i Tybet), celtysta, etnolog i antropolog kultury, tłumacz. Absolwent Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Studiował na University of Delhi, Jawaharlal Nehru University w New Delhi, w Instytucie Celtyckim Uniwersytetu w Oslo oraz w Instytucie Eskimologii Uniwersytetu w Kopenhadze. Stypendysta Fundacji Alexandra von Humboldta na Uniwersytecie w Bonn (1981–1983). Główne zainteresowania badawcze: historia i historiografia Tybetu, język tybetański, życie i nauki historycznego Buddy, dżajnizm, mniejszości etniczne i językowe świata, dzieje i współczesność różnych systemów pisma, nowe ruchy filozoficzno-religijne i ich literatura, współczesne języki i kultury celtyckie, etnojęzykowe obrzeża Skandynawii (społeczność i kultura języka nynorsk, Sameland, Farery, Grenlandia), etnomuzykologia. Autor licznych prac, m.in. monografii *Człowiek i kultury w obliczu zagrożeń. Studia orientalne i celtyckie* (Szczecin 2013), studium przekładów *Modlitwy Państkiej* na tybetański (Wiedeń 1983); znaczącym jego dziełem jest komentowany przekład jednej z największej kronik tybetańsko-mongolskich *Rosary of White Lotuses. Being the Clear Account of How the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country* (Wiesbaden 1987). Udostępnił po raz pierwszy w Polsce wiele literackich tekstów celtyckich oraz z literatury buddyjsko-konfucjańskiej. Tłumacz książek, poezji, m.in. *Nie zaznałem tu szczęścia. Wybór wierszy Tshangjanga Gjatsho (1683–1746)*, VI *Dalaj Lamy Tybetu* (Poznań 1995). Były członek Komisji do Badań Wschodu przy Komitecie Nauk Etnologicznych PAN i był członek Rady Programowej Działu Stu-

diów Buddyjskich i Kultur Dalekiego Wschodu Książnicy Pomorskiej w Szczecinie, członek-założyciel Stowarzyszenia „Pax Cultura” w Szczecinie.

KW

ALEKSANDRA KLIMKIEWICZ

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; adiunkt w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego, zastępca dyrektora ds. studenckich. Zainteresowania naukowe dotyczą obszaru lingwistyki edukacyjnej, kształcenia językowego osób dorosłych, uwarunkowań językowych i kulturowych w komunikacji w kontekście edukacyjnym oraz nowych zjawisk językowych w rosyjskiej przestrzeni internetowej. Autorka ponad 30 artykułów naukowych. Współredaktorka monografii *Perswazja językowa w różnych dyskursach*, t. 1–2 (wspólnie z Ż. Śladkiewicz, Gdańsk 2017). Członek Polskiego Towarzystwa Rusycystycznego.

KW

ELENA GENNADЬEVNA KOSHKINA / ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА КОШКИНА

Doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa, germanistka; starszy wykładowca w Katedrze Języka Niemieckiego Departamentu Języków Obcych w Państwowym Uniwersytecie Badawczym „Wyższa Szkoła Ekonomiki” w Moskwie. Zainteresowania naukowe obejmują semantykę historyczną, językoznawstwo kognitywne, lingwokulturologię oraz metodykę nauczania języka niemieckiego. Autorka około 50 artykułów naukowych i rozdziałów książek, a także współautorka podręczników akademickich: *Durch Üben lernen wir: Übungsgrammatik: практикум по грамматике немецкого языка* (wspólnie z Julią Romanchenko; Moskwa 2017), *Landeskunde von Deutschland und Russland: учебное пособие по страноведению для студентов старших курсов факультетов иностранных языков* (wspólnie z Julią Romanchenko; Moskwa 2013), *Fünfzehn Kurzgeschichten von Wolfgang Borchert: пособие по домашнему чтению на немецком языке на основе коротких рассказов немецкого писателя В. Борхерта* (Moskwa 2012).

KW

ĒRIKA KUZMINA

Magister filologii rosyjskiej, literaturoznawca; absolwentka Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze oraz Uniwersytetu Warszawskiego; doktorantka na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW. Badaczka twórczości Iwana Łażecznika i jego epoki. Zainteresowania naukowe obejmują zakres literaturoznawstwa letonistycznego, polonistycznego i rusycystycznego oraz rosyjsko-łotewskich i polsko-łotewskich kontaktów literackich i kulturalnych (ze szczególnym uwzględnieniem literackiego obrazu Kurlandii i Łatgalii). Badaczka kultury staroobrzędowej na terenie Łotwy. Autorka artykułów na temat obrazu Wielkiej Wojny Północnej w literaturze rosyjskiej (m.in. *Geopoetical Analysis of Livonia During The Great Northern War Based on The Last Novik – A Historical Novel by Ivan Lazhechnikov* [w:] „Journal of Literature and Art Studies” 2018), jak również po-

święconych twórczości i poglądom Iwana Łażecznikowa. Członek Klubu Literackiego w Centrum Kultury Polskiej „Promień” w Dyneburgu oraz członek Koła Naukowego Współpracy i Dialogu ze Wschodem w Instytucie Rusycystyki UW.

KW

AGNIESZKA LANGOWSKA

Absolwentka Uniwersytetu Gdańskiego, licencjat I stopnia filologii rosyjskiej ze specjalnością język biznesu i translatoryka (2017); obroniła pracę dyplomową *Польские переводы русской художественной литературы для взрослых (2007–2017 гг.)* napisaną pod kierunkiem dr Ewy Konefał. Interesuje się przekładoznawstwem, leksykografią przekładową i bibliografistyką. Uczyła się też języka fińskiego. W latach 2016–2018 była przewodniczącą Studenckiego Koła Naukowego „Łomonosow” afiliowanego na Wydziale Filologicznym UG.

KW

DARIA ŁAWRYNOW

Absolwentka Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu (filologia rosyjska, specjalność: rosjoznawstwo, licencjat) oraz Uniwersytetu Warszawskiego (studia nad słowiańszczyzną wschodnią, specjalność filologia rosyjska); doktorantka na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW, przygotowuje rozprawę z zakresu literaturoznawstwa. Od 2018 roku pracownik naukowy Instytutu Języka Polskiego PAN (Pracowni Polszczyzny Kresowej). Zainteresowania naukowego obejmują kozaczyznę ukraińską, rosyjską i kazachską, języki słowiańskie, gwarę warszawską, kurpiowską i bałak lwowski, varsaviana, masoviana, a także historię idei XX–XXI wieku i oblicza buntu na przestrzeni dziejów. Autorka kilku artykułów naukowych (m.in. *Kozacka percepcja wolności (na podstawie powieści „Rada Perejasławska” Natana Rybaka i „Przyszedłem dać wam wolność” Wasilija Szukszyna [w:] Oblicza niewolnika w kulturze słowiańskiej*, red. M. Dąbrowska, Warszawa 2016; *Wyzwolice ludu czy tłumiciele swobody? Historyczna rola Kozaczyzny w świetle literatury socrealistycznej [w:] Literatura i władza – związki na gruncie rosyjskim w XIX–XX wieku*, red. M. Dąbrowska, Warszawa 2017; *Mentalność „człowieka wojennego” na przykładzie społeczności kozackiej – korzenie, tradycja i współczesność*, [w:] *Vade Nobiscum. A więc wojna!* Działania militarne i ich kontekst polityczno-prawny, gospodarczy i społecznokulturowy na przestrzeni dziejów, vol. 18, Łódź 2017). Członek Stowarzyszenia Gwara Warszawska.

KW

LUDMIŁA LUCEWICZ / ЛЮДМИЛА ЛЮЦЕВИЧ

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa; kierownik Zakładu Kulturologii Wschodnioeuropejskiej w Instytucie Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Specjalizuje się w badaniach historii literatury rosyjskiej XVIII–XXI wieku; obiekt zainteresowań stanowią relacje między literaturą i filozofią rosyjską, sacram w literaturze, psałterz jako źródło inspiracji poetyckiej, proza autobiograficzna, antropologia kultury. Autorka ponad 200 publikacji naukowych,

w tym siedmiu monografii, dwóch podręczników, współredaktor wielu tomów zbiorowych, m.in. „Серебряный век” русской поэзии (Kiszyniów 1994), Стихотворные переложения псалмов последней трети XVIII в. (Kiszyniów 2002), Псалтырь в русской поэзии (Petersburg 2002), Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии (Warszawa 2009), Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Псалтырь, переложенная на оду (oprac., słowo wstępne, komentarz; Petersburg 2006).

KW

ANNA MAJMIESKUŁOW

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, rysyściaka; emerytowany profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy. Zainteresowania naukowo-badawcze obejmują strukturalno-semiotyczną teorię i metodologię badań literackich, poetologię praktyczną rosyjskiej literatury XIX i XX wieku (Fiodor Dostojewski, Iwan Bunin, Antoni Czechow, Marina Cwietajewa, Borys Pasternak, Sergiusz Jesienin, Josip Brodski, Vladimir Nabokov), autokomunikację artystyczno-literacką, neoretrykę, narratologię oraz badania interdyscyplinarne / intersemiotyczne. Autorka trzech monografii: *Chronotop drogi w prozie Iwana Bunina* (Bydgoszcz 1982), *Провода под лирическим током* (Цикл Марини Цветаевой «Провода») (Bydgoszcz 1992), *«Переделкино» Бориса Пастернака (Разбор цикла)* (Bydgoszcz 1994) oraz około 60 artykułów – studiów poetologicznych. Redaktor serii poetologicznej Instytutu Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej UKW. Członek kolegium redakcyjnego czasopism: „Новый филологический вестник” (Rosja) i „*Studia Litteraria Polono-Slavica*” Instytutu Sławistyki Polskiej Akademii Nauk (w latach 2000–2002).

KW

OLGA MAKAROWSKA

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; adiunkt w Zakładzie Pragmatyki Komunikacyjnej Języków Obcych Instytutu Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Tematyka badawcza obejmuje lingwokonceptologię, teorię komunikacji międzykulturowej, lingwodydaktykę, komunikację językową w Internecie, memetykę lingwistyczną. Autorka dwóch monografii naukowych: *Концепты русской народной и национальной песни* (Poznań 2004) i *Культурные, культурно-личностные и коммуникативно-стилевые детерминанты интерперсональной коммуникации междупольской и русской молодежью* (Poznań 2014), a także licznych artykułów naukowych. Prace z zakresu lingwodydaktyki dotyczą kształtowania i doskonalenia kompetencji językowej i komunikacyjnej w procesie nauczania języka rosyjskiego jako obcego. Autorka koncepcji modyfikacji metodyki nauczania języka rosyjskiego studentów generacji *homo clipus*; dokonała naukowego opisu specyfiki myślenia klipowego. Nowsze prace nt. komunikacji językowej w Internecie zawierają analityczny opis specyfiki gatunkowo-kulturowej współczesnych przekazów medialnych na przykładzie memów z kota-mi. Członek zespołu redakcyjnego rocznika „*Studia Rossica Gedanensis*”.

WS

**VALERY ALEKSANDROVICH MAKSIMOVICH /
ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАКСИМОВИЧ**

Profesor, doktor habilitowany nauk filologicznych; znany literaturoznawca, filozof i krytyk; zastępca dyrektora ds. nauki Instytutu Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zainteresowania naukowe obejmują szeroki krąg zagadnień filozoficznych, kulturologicznych, literaturoznawczych dotyczących specyfiki funkcjonowania kultury duchowej i jej elementów strukturalnych (teorię i historię literatury i kultury, tradycji i innowacji, problematykę moralności kultury współczesnego społeczeństwa w warunkach globalizacji, kultury estetycznej i artystycznej oraz komunikacji międzykulturowej, a w szczególności rozważania interakcji „jądrowych” (substratowych) i „peryferyjnych” (superstratowych) artefaktów w kulturach pogranicza). Autor ponad 200 publikacji, w tym kilku monografii, m.in.: *Беларускі мадэрнізм: эстэтычна самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку XX стагоддзя* (Mińsk 2001), *Нацыянальны космас класікі: дыялог традыцый і навамарства ў творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа* (Mińsk 2008), *Шляхам спазнання існасці: літаратурны працэс другой паловы XIX – пачатку XX ст. у постсцях* (Mińsk 2011). Członek komitetów redakcyjnych czasopism naukowych „Наука. Мысль” (Wołżski), „Образование личности” (Moskwa), „Философские исследования” (Mińsk).

Inessa Morozova (tłum. KW)

MAŁGORZATA MARCISZEWSKA

Magister filologii rosyjskiej, glottodydaktyk; wykładowca w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich. Interesuje się współczesną metodyką nauczania języka rosyjskiego, fonodydaktyką języka rosyjskiego jako obcego oraz akwizycją języków migowych (rosyjskiego na tle porównawczym z polskim). Autorka kilku artykułów naukowych, współautorka dwóch podręczników akademickich: *Ćwiczenia z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących* (Gdańsk 2014) oraz *Русский язык в университете 1* (Gdańsk 2019, w druku). Współorganizatorka pięciu edycji *Dyktanda z języka rosyjskiego* dla licealistów i studentów województwa pomorskiego (w.l. 2012–2017).

KW

**VALENTINA AVRAAMOVNA MASLOVA /
ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА МАСЛОВА**

Profesor, doktor habilitowany nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; pracownik Katedry Językoznawstwa Ogólnego i Rosyjskiego Witebskiego Uniwersytetu Państwowego im. P. Maszeraua w Witebsku (Białoruś). Wybitna badaczka o szerokich zainteresowaniach obejmujących takie sfery, jak: teoria języka, lingwistyka kognitywna, lingwistyka tekstu, psycholingwistyka. Stworzyła nowy kierunek badawczy – lingwistykę kulturową oraz opracowała koncepcję poetyki lingwistycznej. Autorka ponad 300 publikacji, w tym kilku cenionych monografii naukowych, a także wielu popularnych i wielokrotnie wznowianych podręczników akademickich, jak m.in. *Лингвокультурология* (Moskwa 2001/2004/2007 i nast.), *Homolingualis в культуре*

(Moskwa 2004/2007), *Современные направления в лингвистике* (Moskwa 2008), *Когнитивная лингвистика* (Mińsk 2004/2006/2008), *Введение в когнитивную лингвистику* (Moskwa 2004/2005/2008/2011). Ostatnio wydane prace jej autorstwa to: *Поэтический текст. Новые подходы и решения* (Moskwa 2016), *Коды культуры в пространстве языка* z serii: *Концептуальные и лингвальные миры* (Petersburg 2015). Laureatka państwowych nagród i odznaczeń Republiki Białoruś.

WS

INESSA IVANOVNA MOROZOVA / ИНЕССА ИВАНОВНА МОРОЗОВА

Docent, doktor nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa; starszy pracownik naukowy Instytutu Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę rosyjską drugiej połowy XIX wieku, spuściznę twórczości Konstantina Leontjewa, rosyjską myśl religijno-filozoficzną XIX–XX wieku oraz współczesną literaturę białoruską, a także transformację rodziny w świecie współczesnym. Autorka ponad 70 prac naukowych, w tym podręczników naukowo-metodycznych, rozdziałów książek i artykułów (m.in. *Культурное и национальное самосознание в творчестве К. Н. Леонтьева [w:] Философские исследования: сборник научных трудов Института философии НАН Беларусь*, Mińsk 2014; *Леонтьев и Ф. Ницше: pro et contra [w:] Studia Slobozhanica*, Charków 2014; *Семья в религиозных построениях К. Н. Леонтьева [w:] Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы*, Mińsk 2014; *С верой в человечность [w:] «Неман» 2015, nr 2; Поэты Первой мировой [w:] «Неман» 2015, nr 2*, redaktor trzech monografii zbiorowych, m.in. *Достоевский в XXI веке* (Homel 2002), *Триада бытия. Слово-время-личность: вторые научные чтения, посвященные памяти В. Н. Соболенко* (Homel 2006), *Актуальные проблемы филологии* (Homel 2008). Współpracuje z Pracownią Literatury Etnogenetycznej afiliowaną przy Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego.

KW

IYA VENYAMINOVNA NECHAEVA / ИЯ ВЕНИАМИНОВНА НЕЧАЕВА

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; absolwentka Wydziału Filologicznego Uniwersytetu im. M. W. Łomonosowa w Moskwie; wieloletni redaktor w wydawnictwie „Русский язык”; od 2000 roku starszy pracownik naukowy w Instytucie Języka Rosyjskiego im. W. W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk; sekretarz naukowy Komisji Ortograficznej Rosyjskiej Akademii Nauk. Zainteresowania naukowe związane są z leksykologią, leksykografią, kulturą języka, ortografią, neologią oraz zapożyczeniami obcymi. Autorka dwóch monografii: *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований* (Moskwa 2011) i *Иноязычные неологизмы в русском языке и проблема орфографической нормы* (Saarbrücken 2014) oraz kilkudziesięciu artykułów naukowych, współautorka słowników ortograficznych i wyrazów obcych.

EK

GRZEGORZ OJCEWICZ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, rosyjszczyzny, filolog śledczy, teoretyk i praktyk przekładu artystycznego oraz specjalistycznego (policyjno-prawniczego i administracyjnego); profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie; emerytowany profesor Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie. Znawca życia i twórczości Iwana Bunina, Sergiusza Jesienina, św. Matki Marii z Paryża; badacz XX-wiecznej emigracji rosyjskiej; interesuje się historią średniowiecza (Zakon Krzyżacki, św. Dorota z Mątów). Kierownik zespołu badawczego UW-M realizującego projekt *Specyfika tłumaczeń sądowo-prawniczych w świetle współczesnej translatologii* (2010–2013). Autor i współautor ponad 410 publikacji, w tym ponad 30 książek. W dorobku naukowym znajduje się m.in. nowatorska monografia o Jarosławie Mogutinie *Skazani na trwanie. Odmieńcy XX wieku w esejach Jarosława Mogutina* (Olsztyn 2007) oraz przekład tomu poetyckiego Borysa Popławskiego *Automatyczne wiersze* (Olsztyn 2009). Pomysłodawca i współautor nagrodzonej przez Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji książki z obszaru filologii śledczej *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie* (Szczytno 2009), a także monografii z dziejów Zakonu Krzyżackiego *Zabójstwo wielkiego mistrza Werner von Orseln* (Kwidzyn 2015; współaut. H. Bobińska). Autor dwóch monumentalnych monografii: *Śmiertelna pobożność. Święta Dorota z Mątów. Mity i rzeczywistość* (Szczytno 2016) oraz *Stara Dusza. Fenomen Matki Marii (Skobcowej). Badania i materiały* (Szczytno 2016; współaut. D. A. Myślak). Ostatnio wydał studium literaturoznawcze *Proste prawdy. Misteria św. Matki Marii (Skobcowej) i inne utwory* (Szczytno 2017), jak również tom zawierający teksty religijne, filozoficzne i publicystyczne św. Matki Marii (Skobcowej) we własnym tłumaczeniu na język polski *Jak lód jest Jego duch, jak kamień – serce* (Szczytno 2017). Autor i współautor licznych opracowań, takich m.in. jak *Podstawy translatoryki* (Gdańsk 1991), *Kryminalistyka w Rosji i Polsce. Wybór tekstów specjalistycznych do tłumaczenia z języka rosyjskiego i na język rosyjski* (Szczytno 2013); redaktor naukowy i współautor wielu wielojęzycznych słowników specjalistycznych. Posiada w dorobku prace poświęcone pracy policji, m.in. *Wywiad hipnotyczny w pracy policji* (Szczytno 2011). Współredaktor i współautor olsztyńskiej serii naukowej „Luminarze Rosyjskiej Emigracji”. Członek Międzynarodowego Komitetu Slawistów Polskiej Akademii Nauk. Był redaktorem naczelnym czasopisma naukowego „Acta Neophilologica” (2005–2013).

KW

SIARHEI PADSASONNY / СЯРГЕЙ АЛЯКСАНДРАВІЧ ПАДСАСОННЫ

Doktor nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa; adiunkt w Instytucie Lingwistyki Stosowanej w Uniwersytecie Warszawskim. Absolwent Homelskiego Uniwersytetu Państwowego im. Franciszka Skaryny (Wydział Filologii); studia na Wydziale Psychologii. Filolog, historyk literatury rosyjskiej, kontekstów kulturowych literatury rosyjskiej XIX wieku, zagadnień mentalności rosyjskiej, rosyjskiej myśli filozoficzno-religijnej, przekładu literackiego. Znawca twórczości Fiodora Dostojewskiego. Autor ponad 40 publikacji naukowych w Polsce, na Białorusi, w Rosji. W dorobku naukowym znajduje się monografia *Irex po Достоевскому* (Mińsk 2007). Wykładał

gościnnie w Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku (w Instytucie Filozofii). Redaktor naczelnego Działu Informacji Telewizji Biełsat (TVP S.A.); dziennikarz; twórca ponad tysiąca reportaży o tematyce politycznej, społecznej, kulturowej.

KW

YULIA VALENTIVOVNA ROMANCHENKO /

ЮЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА РОМАНЧЕНКО

Doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa, germanistka; starszy wykładowca w Katedrze Języka Niemieckiego Departamentu Języków Obcych w Państwowym Uniwersytecie Badawczym „Wyższa Szkoła Ekonomiki” («Высшая школа экономики») w Moskwie. Zainteresowania naukowe obejmują także dyskurs teologiczny, historię języka niemieckiego, metodykę nauczania języka niemieckiego, kulturę i historię regionu Briańska. Autorka i współautorka około 20 prac, w tym podręczników akademickich: *Durch Üben lernen wir: Übungsgrammatik: практикум по грамматике немецкого языка* (wspólnie z E. Koszkiną; Moskwa 2017), *Landeskunde von Deutschland und Russland: учебное пособие по страноведению для студентов старших курсов факультетов иностранных языков* (wspólnie z E. Koszkiną; Moskwa 2013).

KW

IRINA VALERYEVNA PRIOROVA / ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ПРИОРОВА

Doktor habilitowany nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; profesor Katedry Języka Rosyjskiego Instytutu Języków Obcych w Uniwersytecie w Suzhou w prowincji Jiangsu w Chinach oraz profesor Katedry Języka Rosyjskiego i Edytorstwa Nowego Uniwersytetu Rosyjskiego w Moskwie (Rosja). Interesuje się teorią języka i tekstu, stylistyką praktyczną i funkcjonalną, lingwokulturologią, gramatyką funkcjonalną, lingwistyką kreacyjną. Autorka licznych prac, m.in. monografii *Нейтрализация констелляции в русском языке* (Erywań 2015), *Констелляция в русском языке* (Erywań 2013), *Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке* (Astrachań 2010), podręczników, m.in. *Креативная грамматика* («Поговорим о странностях игры...») (Astrachań 2014), *Несклоняемые имена в языке и речи* (Moskwa 2008).

KW

LARISA VIKTOROVNA RATSIBURSKAYA /

ЛАРИСА ВИКТОРОВНА РАЦЫБУРСКАЯ

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; kierownik Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa Ogólnego w Instytucie Filologii i Dziennikarstwa na Państwowym Uniwersytecie Badawczym im. Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie. W kręgu zainteresowań badawczych znajdują się morfemika, ortoepia i fonetyka, słownictwo, neologia, a także socjolingwistyka, język mediów, leksykografia dydaktyczna. Autorka i współautorka ponad 240 prac naukowych. Ważniejsze prace: *Уникальные части слова в историческом и современном освещении* (Niżny Nowogród 1996), *Уникальные морфемы в совре-*

менном русском языке (Moskwa 1998), *Словообразовательное гнездо и принципы его описания* (Niżny Nowogród 2002), *Основные понятия фонетики* (Niżny Nowogród 2004), *Основные понятия орфоэпии* (Niżny Nowogród 2005), *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* (współaut., Moskwa 2014), *Проблемы словотворчества в современных российских СМИ. Учебное пособие* (współaut., Moskwa 2015) i in. Członek Komisji Słowotwórstwa Słowiańskiego przy Miedzynarodowym Komitecie Sławistów (od 2015).

KW

EKATERINA VLADIMIROVNA RUBLEVA /
ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА РУБЛЕВА

Docent, doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; kierownik Katedry Współczesnych Metod Nauczania Języka Rosyjskiego w Państwowym Instytucie Języka Rosyjskiego im. A. S. Puszkina w Moskwie. Zainteresowania naukowe skoncentrowana są na metodyce nauczania języka rosyjskiego jako obcego oraz na metodyce nauczania technologii informacyjno-komunikacyjnych. Autorka około 70 publikacji, w tym pracy leksykograficznej: *Краткий словарь IT-терминов для специалистов по языковому образованию* (współaut. N. V. Belova; Petersburg 2017).

KW

SERGEI IVANOVICH SANKO / СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ САНЬКО

Doktor nauk filozoficznych; starszy pracownik naukowy Centrum Badań Historyczno-Filozoficznych i Komparatywnych w Instytucie Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku. Zainteresowania naukowe obejmują kulturę tradycyjną i etnogenezę Białorusinów, mitologię indoeuropejską i białoruską, filozofię mitu, kulturologię kognitywną i kontrastywną, komparatywną historię światopoglądów, etnofilozofię białoruską. Autor ponad 50 publikacji, w tym monografii *Штуды і з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралогіі* (Mińsk 1998), redaktor naukowy i współautor słowników encyklopedycznych *Беларуская міфалогія* (Mińsk 2004/2006) oraz *Міфалогія беларусаў* (Mińsk 2011); członek kolegiów redakcyjnych periodyków: „Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні”, „Философские исследования”; członek rady naukowej sześciotomowego wydania *Гісторыя філософскай і грамадска-нагітывчай думкі Беларусі*.

Inessa Morozova (tłum. KW)

TATYANA PETROVNA SIDOROVA / ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА СИДОРОВА

Doktor nauk filologicznych w zakresie literaturoznawstwa; docent Katedry Pedagogiki i Metodyk Szczegółowych w Homelskim Regionalnym Instytucie Rozwoju Kształcenia (Białoruś). Obroniła rozprawę doktorską *Особенности функционирования библейских образов в творчестве Н. Гоголя и Я. Барыевского* na Białoruskim Uniwersytecie Państwowym w Mińsku (2007). Zainteresowania naukowe obejmują rosyjską filozofię religijną, inteligencję twórczą przełomu XIX–XX wieków, kulturę emigracji rosyjskiej; autorka ponad 90 publikacji, m.in. dwóch podręczników naukowo-metodycznych *Культурология* (Homel 2011), *Права человека* (Homel 2013),

serii artykułów naukowych z zakresu literaturoznawstwa, szkiców z obszaru filozofii i kultury. Zajmuje się badaniem spuścizny literackiej i teologicznej N. D. Gorodeckiej. Uprawia też publicystykę cerkiewną; twórczyni teologicznego czasopisma „Альфа и Омега” (Moskwa).

KW

**INNA VLADIMIROVNA SOLOVYEVA /
ИННА ВЛАДИМИРОВНА СОЛОВЬЕВА**

Doktor nauk filologicznych w zakresie językoznawstwa; docent Katedry Języka Angielskiego dla Dyscyplin Humanistycznych w Departamencie Języków Obcych w Państwowym Uniwersytecie Badawczym „Wyższa Szkoła Ekonomiki” («Высшая школа экономики») w Moskwie. Zainteresowania naukowe obejmują historię i filozofię nauki, teorię i metodykę nauczania języków obcych, nauczania na odległość, psychologię pedagogiczną. Autorka licznych publikacji, m.in. *История лингвистических учений: программа курса* (współaut. M. Ju. Sidorova, Moskwa 2005).

KW

ŻANNA SŁADKIEWICZ / ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Gdańskiego; absolwentka Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały; kierownik Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej UG (od 2014). Kierownik Pracowni Badań nad Rosyjskim Językiem Potocznym (2013–2016), kierownik Pracowni Badań nad Perswazją Językową, zastępca redaktora naczelnego „*Studia Rossica Gedanensis*”. Autorka ponad 90 prac naukowych (w tym ośmiu pozycji książkowych) z zakresu językoznawstwa rosyjskiego, słowiańskiego, fonetyki, frazeologii, glottodydaktyki, komunikologii, komunikologii porównawczej, komunikologii niewerbalnej, pragmalingwistyki, lingwokulturologii, socjolingwistyki, psycholingwistyki. Badania skoncentrowane na zagadnieniach typologii osobowości językowych, dyskursologii, ściślej: dyskursu politycznego, medialnego, satyrycznego, służbowego; metaforyki politycznej, komunikacji masowej, perswazyjnej i wizualnej; część prac poświęcona frazeologicznym studiom porównawczym polsko-rosyjskim. Wydała rozprawę *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия* (Gdańsk 2013). Członek Polskiego Towarzystwa Językoznawczego oraz Polskiego Towarzystwa Rusycystycznego.

KW

**VLADIMIR NIKOLAEVITCH SHAPOSHNIKOV /
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ШАПОШНИКОВ**

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; profesor Katedry Lingwodydaktyki i Komunikacji Międzykulturowej na Wydziale Języków Obcych Państwowego Uniwersytetu Psychologiczno-Pedagogicznego w Moskwie (Rosja). Obszar zainteresowań obejmuje badania zagadnień aktywnych procesów we współczesnym języku rosyjskim, historię języka, teorię języka, komparatystykę międzyjęzy-

kową, lingwistykę stosowaną. Stworzył oryginalną szkołę badawczą. Autor ponad 100 prac naukowych, w tym monografii: *Историческая этнонимика* (Petersburg 1992), *Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века* (Moskwa 2000), popularnej i wielokrotnie wznawianej *Русская речь 1990-х гг. Современная Россия в языковом отражении* (Moskwa 1998, 2006, 2010), *Семантические преобразования в современном русском языке* (Moskwa 2012), *Просторечие в системе русского языка на современном этапе* (Moskwa 2012). Członek kolegium redakcyjnego czasopisma „Проблемы филологии: язык и литература”. W latach 2000–2003 laureat stypendium Rządu Federacji Rosyjskiej dla wybitnych uczonych.

WS

SERGEI ANATOLYEVICH SHULTS / СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШУЛЬЦ

Doktor habilitowany nauk filologicznych w zakresie literaturoznawstwa; badacz niezależny (Rosja). Autor wielu książek, m.in. *Гоголь. Личность и художественный мир* (Moskwa 1994), *Историческая поэтика драматургии Л. Н. Толстого (герменевтический аспект)* (Rostów n. Donem 2002), *Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты* (Petersburg 2017), a także około 150 prac nt. literatury rosyjskiej i zachodnioeuropejskiej, historii kultury i filozofii.

KW

JAN WAWRZYŃCZYK

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych; językoznawca, rusycysta, polonista; profesor senior Uniwersytetu Warszawskiego (Instytut Lingwistyki Stosowanej). Zainteresowania naukowe: gramatyka i leksyka rosyjska, leksykografia języka polskiego, leksykografia dwujęzyczna, rosyjsko-polskie językoznawstwo konfrontatywne, chronologizacja słownictwa polskiego schyłku XVII – pocz. XXI wieku, bibliografia słowiańska, bibliometria. Dorobek naukowy obejmuje ponad 200 publikacji, w tym 50 pozycji książkowych; ważniejsze książki: *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa* (współaut. A. Bogusławski, Warszawa 1993), *Słownik bibliograficzny języka polskiego*. T. 1–10 (Warszawa 2000–2012), *Inny „Doroszewski”* (Łask 2010), *Słownictwo nowopolskie. Redatacje* (Warszawa 2011), *O stronie ruscorporainpoland.pl* (Warszawa 2014), *Fotocytatografia polska. Koniec XVIII – początek XXI w.* T. 1–4. (Warszawa 2014–2015). Autor i redaktor wielu znaczących opracowań leksykograficznych z zakresu słownictwa polsko-rosyjskiego, twórca nowych nurtów w leksykografii.

KW

KAROLINA WIELĄDEK

Magister filologii rosyjskiej (2017), absolwentka Uniwersytetu Gdańskiego oraz Uniwersytetu w Białymostku, jak również Uniwersytetu Medycznego w Gdańsku (kierunek: elektrokardiologia, licencjat). Glottodydaktyk, metodyk nauczania języka rosyjskiego, psycholingwistka. Asystentka w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu

Gdańskiego. W badaniach naukowych koncentruje się na najnowszych zagadnieniach językoznawstwa, związanych z różnymi aspektami techniki czytania w języku obcym (m.in. korzystając z ustaleń oftalmologii), aplikacjami technologii informacyjno-komunikacyjnych, gamifikacją w edukacji (implementowaniem technik znanych z gier), pragmatyką komunikacji, a w szczególności percepcją wizualną testów reklamowych, językowymi środkami perswazji i multimodalnością tekstu. Przygotowuje rozprawę doktorską dotyczącą osadzenia różnogatunkowych inskrypcji w przestrzeni miejskiej Gdańska i Kaliningradu (analiza polikodowości napisów, ich opis pod kątem wielopłaszczyznowej, złożonej percepcji, próba wyłonienia cech gatunkowych, próba klasyfikacji). Współredaktorka tomu piątego serii *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce: ujęcie interdyscyplinarne* (Gdańsk 2018), autorka kilku artykułów (m.in. *Функционирование механизма чтения на иностранном языке – восприятие букв и слов русского языка польскими учащимися* [w:] *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce: ujęcie interdyscyplinarne*, t. 5, Gdańsk 2018, *Percepcja polskich i rosyjskich logotypów reklamowych: aspekt wizualno-graficzny* [w:] „*Przegląd Rusyjstyczny*” 2018, nr 4). Członek komitetu redakcyjnego „*Studia Rossica Gedanensia*”; członek Polskiego Towarzystwa Językoznawczego.

KW

KATARZYNA WOJAN

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; rusycystka i fennistka; profesor nadzwyczajny, kierownik Pracowni Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii w Instytucie Skandynawistyki Uniwersytetu Gdańskiego; założycielka i kierownik Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej oraz Pracowni Języka Fińskiego na Wydziale Filologicznym UG. Autorka i współautorka ok. 200 prac z zakresu językoznawstwa ogólnego, słowiańskiego, ugrofińskiego, komparatystyki lingwistycznej, nostratyki, leksykologii porównawczej, słowiańskiej, ugrofińskiej, interlingwistyki, paleolingwistyki, leksykografii przekładowej, historii leksykografii, biobibliografistyki i bibliografistyki, przekładoznawstwa, akustyki mowy, w tym 19 książek, m.in. monografii: *Wstęp do badań wieloznacznosci leksemów w ujęciu kontrastywnym* (Gdańsk 2010), *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* (Gdańsk 2010), *Język angielski w polskiej leksykografii. Tom 1: Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2013), *Język angielski w polskiej leksykografii. Tom 2: Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2014), *Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. Tom 1: Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015)* (Gdańsk 2016), *Język fiński w teorii i praktyce* (Gdańsk 2016), słowników: *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* (Gdańsk 2011), *Polsko-fiński tezaurus tematyczny. Część I: Ziemia i Kosmos* (Gdańsk 2012). Opracowała edycję tekstów źródłowych Zbigniewa Żakiewicza *W czasie zatrzymane. Tom 1: Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008* (Gdańsk 2017). Twórczyni szkoły metodologiczno-badawczej w zakresie homonemiki międzynarodowej. Członek towarzystw naukowych, m.in. European Acoustics Association, Polskiego Towarzystwa Akustycznego, Polskiego Towarzystwa Językoznawczego,

Krakowskiego Towarzystwa Popularyzowania Wiedzy o Komunikacji Językowej „Terium”. Redaktor naczelna „*Studia Rossica Gedanensia*”; członek komitetów redakcyjnych umiędzynarodowionych czasopism: „Болгарская русистика” (Sofia, Bułgaria), „Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика межкультурная коммуникация” (Woroneż, Rosja), „*Studia Scandinavica*” (Gdańsk) oraz członek rad naukowych: „*Acta Polono-Ruthenica*” (Olsztyn), „*Progress: Journal of Young Researchers*” (Gdańsk). Współpracuje z Narodową Akademią Nauk Białorusi w Mińsku oraz w zakresie edukacji z Opetushallitus (wcześniej z Centre for International Mobility) w Helsinkach (Finlandia). Jest konsultantem Państwowej Komisji Egzaminacyjnej do udziału w przeprowadzaniu egzaminu na tłumacza przysięgłego języka fińskiego na Wydziale Tłumaczy Przysięgłych Ministerstwa Sprawiedliwości (drugą kadencję). Tłumaczka języka fińskiego, również w zakresie przekładu literackiego.

KW

VLADISLAV EVGENYEVICH ZAMALDINOV /

ВЛАДИСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЗАМАЛЬДИНОВ

Doktorant w Katedrze Współczesnego Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa Ogólnego w Narodowym Badawczym Uniwersytecie Państwowym im. N. I. Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie (Rosja). Zainteresowania naukowe obejmują mediolingwistykę, morfemikę, słowotwórstwo i neologię. Autor licznych publikacji w czasopismach rosyjskich (m.in. *Новообразования-гибриды как проявление языковой игры в текстах СМИ* [w:] *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2016, nr 1; *Структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве* [w:] *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика* 2016, nr 4; *Ключевые элементы в современном медийном словотворчестве* [w:] *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2017, nr 1).

KW

WYTYCZNE DLA AUTORÓW

Studia Rossica Gedanensis jest założonym w 2014 roku rocznikiem Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Publikuje oryginalne teksty naukowe z obszaru rusycystyki. Nadesłane prace nie powinny przekroczyć objętości 40 000 znaków (łącznie ze spacjami), czyli około 22 stron.

Rocznik prowadzi cztery działy: I. Studia i artykuły, II. Recenzje i omówienia, III. Bibliografie, oraz IV. Kronika.

Autorzy prac winni przestrzegać następujących wskazówek:

1. Tytuł pracy nie powinien być zbyt długi.
2. Artykuł winien być opatrzony dwoma abstraktami (do 200 słów każdy): jednym w języku angielskim wraz z angielskim tłumaczeniem tytułu i słowami kluczowymi (5–10 słów) oraz drugim w języku polskim lub rosyjskim wraz ze słowami kluczowymi (5–10 słów) i ewentualnym tłumaczeniem tytułu.
3. W bibliografii należy podać iniciały imienia i nazwisko autora, pełny tytuł pracy (w języku oryginału pracy). Przy pozycjach książkowych należy podać nazwę wydawcy oraz miejsce i rok wydania. W przypadku czasopism należy wymieścić tytuł czasopisma, rok wydania, numer oraz strony.

Nadesłane prace Redakcja rocznika przekazuje do recenzji. Komitet Redakcyjny czasopisma podejmuje decyzję o przyjęciu do publikacji na podstawie opinii wydanych przez recenzentów numeru.

Prace przesłane do publikacji w czasopiśmie winny być napisane w języku angielskim, polskim lub rosyjskim.

Teksty należy przesyłać w formie elektronicznej do końca lipca każdego roku.

Redakcja prosi wszystkich Autorów o przygotowanie notki o sobie w języku polskim, rosyjskim lub angielskim.

Komitet Redakcyjny
Studia Rossica Gedanensis

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Studia Rossica Gedanensis – это ежегодник Института восточнославянской филологии на филологическом факультете Гданьского университета, основанный в 2014 году. В журнале публикуются оригинальные научные тексты по русистике. Присланные работы не должны превысить объем 40 000 символов (включая пробелы), или примерно 22 страниц.

Ежегодник состоит из четырех разделов: I. Исследования и статьи, II. Рецензии и обзоры, III. Библиографии и IV. Хроника.

Присланные работы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Заглавие текста не может быть слишком длинным.
2. Статья должна иметь два резюме (до 200 слов каждое): одно на английском языке с переводом на английский язык заглавия и ключевыми словами (5–10 слов) и второе на польском или русском языке с ключевыми словами (5–10 слов) и, желательно, переводом заглавия.
3. В библиографии следует указать инициалы имени и полную фамилию автора, полное оригинальное заглавие работы (на языке, на котором она написана). При оформлении книжных изданий следует указать издательство, место и год издания. При оформлении журналов следует указать его полное заглавие, год издания, номер и страницы.

Присланные работы редакторы ежегодника пересыпают рецензентам. Редакционная коллегия журнала принимает решение о публикации на основании заключения, составленного рецензентами данного номера.

Работы, присланные для публикации в журнале, должны быть написаны на английском, польском или русском языке.

Тексты должны быть отправлены в электронном виде до конца июля каждого года.

Редакторы просят всех авторов подготовить сведения о себе на польском, русском или английском языке.

Редакционная коллегия
Studia Rossica Gedanensis

GUIDELINES FOR AUTHORS

Studia Rossica Gedanensia, the annual journal of the Institute of East Slavic Philology, Faculty of Languages of the University of Gdańsk, was founded in 2014, with the aim of publishing original scientific papers in all fields of Russian studies. Submitted papers should not exceed a total of 40,000 keystrokes (characters and spaces), i.e. approximately 22 pages.

The journal consists of four major sections: I. Studies and Articles, II. Reviews and Polemics, III. Bibliographies, and IV. Chronicle.

The following guidelines are of particular importance:

1. The title of the paper should be as short as possible.
2. The paper should be preceded by two abstracts, each less than 200 words. One abstract should be in English (including an English translation of the title and 5–10 key words). The other abstract should be in either Polish or Russian (including 5–10 key words).
3. The reference list should include the initials of the first name and the full surname of the author, as well as the full title of the paper (in the language of the original paper). In the case of books, the publisher's name, as well as the place and year of publication, should be stated. In the case of periodicals, the full title of the periodical, year of publication, consecutive volume number, current issue number, and pages should all be stated.

Upon receipt of the paper, the Editorial Office forwards it to the reviewers. The Editorial Committee's decision as to whether the paper should be accepted for publication or not is based on the opinions of the reviewers.

The papers submitted for publication in the journal should be written in English, Polish or Russian.

Please kindly submit your papers in electronic format by the end of July.

The Editorial Board kindly requests all authors to submit short notes about themselves in Polish, Russian or English.

Editorial Board
Studia Rossica Gedanensia

KSIĄŻKI Z SERII BIBLIOTEKA
„STUDIA ROSSICA GEDANENSIA”

Zbigniew Żakiewicz, *W czasie zatrzymane*. Tom 1: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008*. Zebrał Maciej Żakiewicz. Opracowała naukowo oraz wstępem opatrzyla Katarzyna Wojan, seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2017, ss. 522, ISBN 978-83-7865-548-0.

W czasie zatrzymane. Tom 2: *Ze Zbigniewem Żakiewiczem – na Kresach i w bezkresie*, ed. by Katarzyna Wojan, seria Biblioteka „*Studia Rossica Gedanensia*”, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2017, ss. 205, ISBN 978-83-7865-584-8.